

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

15723
О. ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

№ 100,840

5

КНИГА V.

МОСКВА.

—
1894.

... ..
... ..

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

AP30
X275
v. 15:5
MA IV

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ). <i>Продолженіе</i> .—А. П. Чехова.	1
II. ВЫДАЮЩАЯСЯ ЖЕНЩИНА. (Повѣсть). <i>Окончаніе</i> .—Е. Ардова.	31
III. МУЧЕНІЯ СОВѢСТИ. Разсказъ А. Стриндберга. Перевсъ М. Н. Р.	65
IV. МЕЖДУ ДВУХЪ СМУТНЫХЪ ИДЕАЛОВЪ. (Повѣсть). <i>Продолженіе</i> .—А. Лугового.	81
V. НЕДОРАЗУМѢНІЕ. Романъ В. Д. Гоуэлса. Переводъ съ англійскаго В. М. С. <i>Продолженіе</i>	122
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—И. Д. Бальмонта.	155
VII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	156
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Д. С. Меремковскаго	204
IX. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛОЖЕНІЯ РАБОЧИХЪ НА ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.—В. И. Семейскаго	1
X. А. П. ЧЕХОВЪ. (Опытъ литературной характеристики).—В. А. Гольцева	39
XI. АНТУАНЪ-ЛОРАНЪ ЛАВУАЗЬЕ.—И. А. Наблюкова.	53
XII. РЕФОРМА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДРАМѢ XVIII ВѢКА. <i>Окончаніе</i> .—И. И. Иванова	69
XIII. ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII И XIX СТОЛѢТІЙ. <i>Продолженіе</i> .—П. Н. Милюкова.	105

852235

	<i>Стр.</i>
XIV. МОРАЛЬ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ. <i>Продолженіе.</i> — И. Н. Н—ной	137
XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Помолвка Наслѣдника Цесаревича.—Учрежденіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.—Новыя вѣдомства, входящія въ составъ министерства.—Его отличительныя особенности и условія для его вліянія на народное хозяйство.—Центральный кустарный комитетъ и его задачи.—Государственная 4 ⁰ / ₁₀₀ -ная рента.—Комиссія для пересмотра судебныхъ уставовъ.—Открытіе въ Гельсингфорсѣ памятника Императору Александру II	164
XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванонова	184
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ	204
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театр: <i>Первая муха</i> , ком. В. Л. Величво.—III выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ.—II выставка картинъ московскихъ художниковъ.—XXII передвижная выставка картинъ.—Съѣздъ художниковъ и любителей художествъ.—Ан.	211
XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Исторія литературы и біографія.—Путешествія.—Искусство.—Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники.—Книги для народнаго чтенія. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>апрѣль</i> .—«Русское Богатство», <i>мартъ</i> .—«Землевѣдѣніе», <i>кн. I</i> .—«Книговѣдѣніе», <i>кн. I—IV</i> . III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1894 г.	235

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ).

(Изъ путевыхъ записокъ).

XIV.

Тарайка.—Вольные поселенцы.—Ихъ неудачи.—Айне, границы ихъ распространения, численный составъ, наружность, пища, одежда, жилища, ихъ нравы.—Японцы.—Кусуль-Котаяъ.—Японское консульство.

Въ мѣстности, которая называется Тарайкою, на одномъ изъ самыхъ южныхъ притоковъ Поронная, впадающаго въ заливъ Терпѣнія, находится селеніе *Сиска*. Вся Тарайка причисляется къ южному округу, разумѣется, съ большою натяжкой, такъ какъ отъ нея до Корсаковска будетъ версть 400 и климатъ здѣсь отвратительный, хуже, чѣмъ въ Дуэ. Тотъ проектированный округъ, о которомъ я говорилъ въ X главѣ, будетъ называться Тарайкинскимъ и въ него войдутъ всѣ селенія по Пороннаю, въ томъ числѣ и Сиска, пока же здѣсь селятъ южанъ. Въ казенной вѣдомости показано жителей только 7: 6 м. и 1 ж. Въ Сискѣ я не былъ; но вотъ выдержка изъ чужого дневника: «Какъ селеніе, такъ и мѣстность самая безотрадная; прежде всего, отсутствіе хорошей воды, дровъ; жители пользуются изъ колодезѣвъ, въ которыхъ во время дождей вода красная, тундровая. Берегъ, гдѣ расположено селеніе, песчаный, вокругъ вездѣ тундра... Въ общемъ вся мѣстность производитъ тяжелое, удручающее впечатлѣніе» **).

*) *Русская Мысль*, кн. III.

**) Селеніе стоитъ на перепутьи; ѣздишіе зимою изъ Александровска въ Корсаковскъ или наоборотъ, непременно останавливаются здѣсь. Въ 1869 г. около теперешняго, тогда японскаго селенія былъ построенъ станокъ. Жили здѣсь солдаты съ женами, а поддѣе и сосѣдныя. Въ теченіе зимы, весны и конца лѣта тутъ кипѣла бойкая армарочная жизнь. Зимою навѣзали сюда тунгусы, якуты, амурскіе гиланы, которые вели торговлю съ южанами-инородцами, а весною и въ концѣ лѣта на джонкахъ приходили японцы для рыбныхъ промысловъ. Названіе станка—*Тыямо-месскій яостъ*—сохранилось и до настоящаго времени.

Теперь, чтобы покончить съ Южнымъ Сахалиномъ, остается мнѣ сказать нѣсколько словъ еще о тѣхъ людяхъ, которые жили когда - либо здѣсь и теперь живутъ независимо отъ ссыльной колоніи. Начну съ попытокъ къ вольной колонизаціи. Въ 1868 г. одною изъ канцелярій Восточной Сибири было рѣшено поселить на югѣ Сахалина до 25 семействъ; при этомъ имѣлись въ виду крестьяне свободнаго состоянія, переселенцы, уже селившіеся по Амуру, но такъ неудачно, что устройство ихъ поселеній одинъ изъ авторовъ называетъ плачевнымъ, а ихъ самихъ горемыками. Это были хохлы, уроженцы Черниговской губ., которые раньше, до прихода на Амуръ, уже селились въ Тобольской губ., но тоже неудачно. Администрація, предлагавшая имъ переселиться на Сахалинъ, давала обѣщанія въ высшей степени заманчивыя. Обѣщали безвозмездно въ теченіе двухъ лѣтъ довольствовать ихъ мукой и крупой, снабдить каждую семью разнообразно земледѣльческими орудіями, скотомъ, сѣменами и деньгами, съ уплатою долга черезъ пять лѣтъ, и освободить ихъ на 20 лѣтъ отъ податей и рекрутской повинности. Переселиться изъявили желаніе 10 амурскихъ семействъ и, кромѣ того, 11 семействъ изъ Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ., всего 101 душа. Въ 1869 г., въ августѣ, ихъ отправили на транспортъ *Манджуръ* въ Муравьевскій постъ, чтобы отсюда перевезти вокругъ Анивскаго мыса Охотскимъ моремъ въ постъ Найбучи, отъ котораго до Такойской долины, гдѣ предполагалось положить начало вольной колоніи, было только 30 верстъ. Но наступила уже осень, свободнаго судна не было, и тотъ же *Манджуръ* доставилъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ скарбомъ въ Борсаковскій постъ, откуда они рассчитывали пробраться въ Такойскую долину сухимъ путемъ. Дороги тогда не было вовсе. Прапорщикъ Дьяконовъ, по выраженію Мицуля, «двинулся» съ 15 рядовыми дѣлать неширокую просѣку. Но двигался онъ, вѣроятно, очень медленно, потому что 16 семействъ не стали дожидаться окончанія просѣки и отправились въ Такойскую долину прямо черезъ тайгу на вьючныхъ волахъ и телѣгахъ; на пути выпалъ глубокій снѣгъ, и они должны были часть телѣгъ бросить, а часть положить на полозья. Прибывши въ долину 20 ноября, они немедленно стали строить себѣ бараки и землянки, чтобы укрыться отъ холода. За недѣлю до Рождества пришли остальные 6 семействъ, но помѣститься имъ было негдѣ, строиться поздно, и они отправились искать пристанища въ Найбучи, откуда въ Буеуннайскій постъ, гдѣ и перезимовали въ солдатскихъ казармахъ; весною же вернулись въ Такойскую долину.

«Но тутъ-то и начала сказываться вся неряшливость и неумѣлость чиновничества», — пишетъ одинъ изъ авторовъ. Общались разныхъ хозяйственныхъ предметовъ на 1,000 рублей и по 4 головы разнаго скота на каждую семью, но когда отправляли переселенцевъ на *Манджуръ* изъ Николаевска, то не было ни жернововъ, ни рабочихъ воловъ, лошадямъ не нашлось мѣста на суднѣ, и сохи оказались безъ сошниковъ. Зимой сошники были привезены на собакахъ, но только 9 штукъ, и когда впоследствии переселенцы обратились къ начальству за сошниками, то просьба ихъ «не обратила на себя должнаго вниманія». Быковъ прислали осенью 1869 г. въ Кусуннай, но изнуренныхъ, полуживыхъ, и въ Кусуннай вовсе не было заготовлено сѣна, и изъ 41 околѣло за зиму 25 быковъ. Лошади остались зимовать въ Николаевскѣ, но такъ какъ кормы были дороги, то ихъ продали съ аукціона, а на вырученные деньги купили новыхъ въ Забайкальи, но эти лошади оказались хуже прежнихъ и крестьяне забраковали нѣсколькихъ. Сѣмена отличались дурною всхожестью, яровая рожь была перемѣшана въ мѣшкахъ съ озимюю, такъ что хозяева потеряли скоро къ сѣменамъ всякое довѣрiе и хотя и брали ихъ изъ казны, но скармливали скоту или сѣдали сами. Такъ какъ жернововъ не было, то зеренъ не мололи, а только запаривали ихъ и ѣли, какъ кашу.

Послѣ ряда неурожаевъ, въ 1875 г. случилось наводненiе, которое окончательно отняло у переселенцевъ охоту заниматься на Сахалинѣ сельскимъ хозяйствомъ. Стали опять переселяться. На берегу Анивы, почти на полдорогѣ отъ Корсаковского поста къ Муравьевскому, въ такъ называемый Чибисани образовался выселокъ въ 20 дворовъ. Потомъ стали просить позволенiя переселиться въ Южно-Уссурiйскiй край; ожидали они разрѣшенiя, какъ особой милости, съ нетерпѣнiемъ, десять лѣтъ, а пока кормились охотой на соболя и рыбною ловлей. Только лишь въ 1886 г. они отбыли въ Уссурiйскiй край. «Дома свои бросаютъ, — пишетъ корреспондентъ, — ѣдутъ съ весьма тощими карманами; берутъ кое-какой скарбъ, да по одной лошади» (*Владивостокъ* 1886 г., № 22). Въ настоящее время между селенiями Большое и Малое Такоэ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, находится пожарище; тутъ стояло когда-то вольное селенiе Воскресенское; избы, оставленные хозяевами, были сожжены бродягами. Въ Чибисани же, говорятъ, до сихъ поръ еще сохранились въ цѣлости избы, часовни и даже домъ, въ которомъ помѣщалась школа. Я тамъ не былъ.

Изъ вольныхъ поселенцевъ осталось на островѣ только трое: Хомутовъ, о которомъ я уже упоминалъ, и двѣ женщины, родившия-

ся въ Чибисани. Про Хомутова говорить, что онъ «шатается гдѣ-то» и живетъ, кажется, въ Муравьевскомъ посту. Его рѣдко видятъ. Онъ охотится на соболей и ловитъ въ бухтѣ Буссе осетровъ. Что касается женщинъ, то одна изъ нихъ, Софья, замужемъ за крестьяниномъ изъ ссыльных Барановскихъ и живетъ въ Италулькѣ, другая, Анисья, за поселенцемъ Леоновымъ, живетъ въ Третьей Падѣ. Хомутовъ скоро умретъ, Софья и Анисья уйдутъ съ мужьями на материкъ, и такимъ образомъ о вольныхъ поселенцахъ скоро останется одно только воспоминаніе.

И такъ, вольную колонизацію на югѣ Сахалина слѣдуетъ признать неудавшеюся. Впловаты ли въ этою естественныя условія, которыя на первыхъ же порахъ встрѣтили крестьянъ такъ сурово и недружелюбно, или же все дѣло испортили неумѣлость и неряшливость чиновниковъ, рѣшить трудно, такъ какъ опытъ былъ непродолжителенъ, и, къ тому же, еще приходилось производить экспериментъ надъ людьми, повидному, неусидчивыми, приобрѣвшими въ своихъ долгихъ скитаніяхъ по Сибири вкусъ къ кочевой жизни. Трудно сказать, къ чему бы привелъ опытъ, еслибъ онъ былъ повторенъ^{*)}. Собственно для ссыльной колоніи неудавшійся опытъ пока можетъ быть поучителенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вольные поселенцы сельскимъ хозяйствомъ занимались не долго и въ послѣднія десять лѣтъ до переѣзда на материкъ промышляли только рыбною ловлей и охотой; и въ настоящее время Хомутовъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, находитъ для себя болѣе подходящимъ и выгоднымъ ловить осетровъ и стрѣлять соболей, чѣмъ сѣять пшеницу и сажать капусту; во-вторыхъ, удержать на югѣ Сахалина свободнаго человѣка, когда ему изо дня въ день толкуютъ, что только въ двухъ дняхъ пути отъ Борсаковска находится теплый и богатый Южно-Уссурійскій край, — удержать свободнаго человѣка, если, къ тому же, онъ здоровъ и полонъ жизни, невозможно.

^{*)} Этотъ опытъ касается одного только Сахалина, между тѣмъ, Д. Г. Тальбергъ, въ своемъ очеркѣ *Ссылка на Сахалинъ* (*Восточникъ* 1879 г., V), придаетъ ему общее значеніе и, говоря по поводу его вообще о нашей неспособности къ колонизаціи, приходитъ даже къ такому выводу: „не пора ли намъ отказаться отъ всякихъ колонизаціонныхъ попытокъ на Востокъ?“ Въ своемъ призываніи къ статѣ проф. Тальберга редакція *Восточника* 1879 г. говоритъ, что „мы едва ли найдемъ другой примеръ колонизаторскихъ способностей, какія представилъ русскій народъ въ своемъ прошломъ, когда онъ овлаживалъ всѣмъ европейскимъ Востокомъ и Сибирью“, и при этомъ почтенная редакція ссылается на трудъ покойнаго проф. Ешевскаго, который представлялъ „замышленную картину русскою колонизаціи“.

Въ 1869 г. нѣкій промышленникъ привезъ на югъ Сахалина съ острова Кадыка 20 азеватовъ обоюго пола для охоты на звѣря. Ихъ поселили около Муравьевскаго поста и выдавали имъ провизію. Но они ровно ничего не дѣлали, а только ѣли

Боренное населеніе Южнаго Сахалина, здѣшніе инородцы, на вопросъ, кто они, не называютъ ни племени, ни націи, а отвѣчаютъ просто: айно. Это значить—человѣкъ. Въ этнографической картѣ Шренка площадь распространенія айно, или айну, обозначена желтою краскою, и эта краска сплошь покрываетъ японскій островъ Матсмай и южную часть Сахалина до залива Терпѣнія. Живутъ они также еще на Курильскихъ островахъ и называются поэтому у русскихъ курлами. Численный составъ айно, живущихъ на Сахалинѣ, не опредѣленъ точно, но не подлежитъ сомнѣнію, все-таки, что племя это исчезаетъ, и, притомъ, съ необыкновенною быстротою. Врачъ Добротворскій, 25 лѣтъ назадъ служившій на Южн. Сахалинѣ *), говоритъ, что было время, когда около одной лишь бухты Буссе было 8 большихъ айнскихъ селеній и число жителей въ одномъ изъ нихъ доходило до 200; около Найбы онъ видѣлъ слѣды многихъ селеній. Для своего времени онъ гадательно приводитъ три цифры, взятія изъ разныхъ источниковъ: 2,885, 2,418 и 2,050, и послѣднюю считаетъ наиболѣе достовѣрною; по свидѣтельству одного автора, его современника, отъ Корсаковского поста въ обѣ стороны по берегу шли айнскія селенія. Я же около поста не засталъ уже ни одного селенія и видѣлъ нѣсколько айнскихъ юртъ только около Большого Такоа и Сіанцы. Въ *Вѣдомости о числѣ проживающихъ инородцевъ за 1889 г. по Корсаковскому округу* численный составъ айно опредѣляется такъ: 581 мужчинъ и 569 женщинъ.

Причинами исчезанія айно Добротворскій считаетъ опустошительныя войны, будто бы происходившія когда-то на Сахалинѣ, незначительную рождаемость вслѣдствіе неплодовитости айногъ, а главное болѣзни. У нихъ всегда наблюдались сифилисъ, цынга, бубала, вѣроятно, и оспа **).

и или, и черезъ годъ промышленникъ увезъ ихъ на одинъ изъ Курильскихъ острововъ. Приблизительно въ то же самое время въ Корсаковскомъ посту поселили двухъ китайцевъ, политическихъ изгнанниковъ. Такъ какъ они выразили желаніе заниматься сельскимъ хозяйствомъ, то генералъ-губернаторъ Восточной Сибири приказалъ выдать каждому изъ нихъ шесть быковъ, лошадь, корову, сѣмена для посѣва и продовольствіе на два года. Но ничего этого они не получили, по неимѣнію будто бы свободныхъ запасовъ, и, въ концѣ-концовъ, ихъ отправили на материкъ. Къ волимымъ колонизаторамъ, тоже неудачнымъ, пожалуй, можно отнести также и николаевского мѣщанина Семенова, маленькаго, тощенькаго человѣка, лѣтъ 40, который бродитъ въ настоящее время по всему югу и старается отыскать золото.

*) Послѣ него остались двѣ серьезныя работы: *Южная часть острова Сахалина* (извлеченіе изъ военно-медицинскаго отчета). Изв. сиб. отд. Имп. рус. геогр. общества 1870 г., т. I, №№ 2 и 3, и *Динско-русскій словарь*.

**) Трудно предположить, чтобы эта болѣзнь, производившая опустошенія на Сѣв. Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ, шадла бы Южн. Сахалинѣ. А. Поло-

Но всё эти причины, обуславливающія обыкновенно хроническое вымирание инородцевъ, не даютъ объясненія, почему айно исчезаютъ такъ быстро, почти на нашихъ глазахъ; вѣдь, въ послѣднія 25—30 лѣтъ не было ни войнъ, ни значительныхъ эпидемій, а между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени племя уменьшилось больше, чѣмъ на половину. Мнѣ кажется, вѣрнѣе будетъ предположить, что это быстрое исчезаніе, похожее на таяніе, происходитъ не отъ одного вымирания, но также и отъ переселенія айно на сосѣдніе острова.

До занятія Южнаго Сахалина русскими, айно находились у японцевъ почти въ брѣвостной зависимости, и поработить ихъ было тѣмъ легче, что они кротки, безотвѣтны, а, главное, были голодны и не могли обходиться безъ риса *).

Занявши Южный Сахалинъ, русскіе освободили ихъ и до послѣдняго времени охраняли ихъ свободу, защищая отъ обидъ и всякой вмѣшиваясь въ ихъ внутреннюю жизнь. Бѣглецы-каторжанки въ 1884 году перерѣзали нѣсколько айнскихъ семействъ; рассказываютъ также, будто былъ высѣченъ розгами какой-то айнецъ-камуръ, который отказывался везти почту, и бывали побужденія на цѣломудріе айноковъ, но о подобнаго рода притѣсненіяхъ и обидахъ говорятъ какъ объ отдѣльныхъ и въ высшей степени рѣдкихъ случаяхъ. Въ сожалѣнію, русскіе вмѣстѣ со свободой не принесли риса; съ уходомъ японцевъ никто уже не ловилъ рыбы, заработки прекратились и айно стали испытывать голодъ. Борются, подобно гилякамъ, одною рыбой и мясомъ они уже не могли, — нуженъ былъ рисъ, и вотъ, несмотря на свое нерасположеніе къ японцамъ, побуждаемые голодомъ, начали они, какъ говорятъ, выселяться на Матсмай. Въ одной корреспонденціи (*Голосъ* 1876 г., № 16) я прочелъ, будто бы депутація отъ айно приходила въ Корсаковскій постъ и просила дать работы, или, по крайней мѣрѣ, сѣмянъ для разводки картофеля и научить ихъ воздѣлывать подъ картофель землю; въ работѣ будто бы было отказано и сѣмена картофеля обѣщали прислать, но обѣщанія не исполнили, и айно, бѣдствуя, продолжали переселяться на Матсмай. Въ другой корреспонденціи, относящейся къ 1885 г. (*Владивостокъ*, № 28), гово-

---

скій пишетъ, что юрту, въ которой случился покойникъ, айно оставляютъ и, вмѣсто нея, строятъ другую на новомъ мѣстѣ. Такой обычай, очевидно, произошелъ въ тѣ времена, когда айно въ страхѣ передъ эпидеміями покидали свои зараженные жилища и селились на новыхъ мѣстахъ.

*) Римскому-Корсакову айно говорили: „Сизамъ спитъ, а айно работаетъ для него: рубить дѣсь, ловить рыбу; айно не хочетъ работать—сизамъ его колотить“.

рится тоже, что айно дѣлали кабія-то заявленія, которыя, повидимому, не были уважены, и что они сильно желаютъ выбраться съ Сахалина на Матсмай.

Айно смуглы, какъ цыгане; у нихъ большія оладистыя бороды, усы и черные волосы, густые и жесткіе; глаза у нихъ темные, выразительные, кроткіе. Роста они средняго и сложенія крѣпкаго, коренастаго, черты лица крупны, грубоваты, но въ нихъ, по выраженію моряка В. Римскаго-Корсакова, нѣтъ ни монгольской приплюсцины, ни китайскаго узкоглазія. Находятъ, что бородатые айно очень похожи на русскихъ мужиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда айно надѣваетъ свой халатъ, вродѣ нашей чуйки, и подпоясывается, то становится похожимъ на купческаго бучера *).

Тѣло айно покрыто темными волосами, которые на груди иногда растутъ густо, пучками, но до мохнатости еще далеко, между тѣмъ, борода и волосатость, составляющая такую рѣдкость у дикарей, поражали путешественниковъ, которые по возвращеніи домой описывали айно, какъ мохнатыхъ. И наши козаки, въ прошломъ столѣтіи бравшіе съ нихъ ясакъ на Бурильскихъ островахъ, тоже называли ихъ мохнатыми.

Айно живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ народами, у которыхъ растительность на лицѣ отличается скудостью, и немудрено поэтому, что ихъ широкія бороды ставятъ этнографовъ въ не малое затрудненіе; наука до сихъ поръ еще не отыскала для айно настоящаго мѣста въ расовой системѣ. Айно относятъ то къ монгольскому, то къ кавказскому племени; одинъ англичанинъ нашелъ даже, что это потомки евреевъ, заброшенныхъ во времена оны на японскіе острова. Въ настоящее время наиболѣе вѣроятными представляются два мнѣнія: одно, что айно принадлежатъ къ особой расѣ, населявшей нѣкогда всѣ восточно-азиатскіе острова, другое же, принадлежащее нашему Шренку, что это народъ палеазиатскій, издавна вытѣсненный монгольскими племенами съ материка Азии на его островную окраину, и что путь этого народа изъ Азии на острова лежалъ черезъ Корею. Во всякомъ случаѣ, айно двигались съ юга на сѣверъ, изъ тепла въ холодъ, мнѣнія постоянно лучшія условія на худшія. Они не воинственны, не терпятъ насилія; покорять, побороть или вытѣснить ихъ было не трудно. Изъ Азии ихъ вытѣснили монголы, изъ Ниппона и Матсмая—японцы, на Сахалинѣ янки не пустили ихъ выше Тарайки, на Бурильскихъ остро-

*) Въ книгѣ Шренка, о которой я уже говорилъ, есть таблица съ изображеніемъ о. См. также книгу Фр. Гельмгольда: „Естественная исторія племенъ и народовъ“, гдѣ айно изображенъ во весь ростъ, въ халатѣ.

босыми и, такимъ образомъ, въ концѣ положеніи безвыходномъ. Въ настоящее время безъ шапки, босой и въ портахъ, подвстрѣчаясь съ вами по дорогѣ, дѣлаетъ этотъ взглядываетъ ласково, но грустно и неудачникъ, и какъ будто хочетъ извиниться, какъ будто выросла большая, а онъ все еще не

си. у Шренка, Добротворскаго и А. Поляко сказано о пищѣ и одеждѣ у гиляковъ, съ тою лишь прибавкой, что недостатокъ рыбы айно унаслѣдовали отъ прадѣдовъ, жившихъ на островахъ, составляетъ для нихъ серьезную хлѣба они не любятъ. Пища у нихъ отличается разнообразіемъ, чѣмъ у гиляковъ; кромѣ мяса и разныхъ растеній, молюсковъ и то, что итальянцы называютъ вообще *frutti di mare*. Ѣдятъ они понемногу и часто, почти каждый часъ; прозорливости, свойственной севернымъ дикарямъ, у нихъ не замѣчается. Такъ гильякамъ приходится съ молока переходить прямо на жиръ, а айно отнимаютъ отъ груди поздно. Римскій-Корсаковъ видѣлъ, какъ айну сосалъ ребенокъ лѣтъ трехъ, который уже двигался самъ и даже имѣлъ на ремennomъ поясѣ ножъ, какъ большой. На одеждѣ и жилищахъ чувствуется сильное влияние юга, — не сахалинскаго, а настоящаго юга. Лѣтомъ айно ходятъ въ рубахахъ, сотканныхъ изъ травы или луба, а раньше, когда были не такъ бѣдны, носили шелковые халаты. Шапокъ они не носятъ, лѣто и всю осень до снѣга ходятъ босикомъ. Въ юртахъ у нихъ чисто и свѣтло, но, все-таки, гораздо свѣтлѣе, опрятнѣе и, такъ сказать, культурнѣе, чѣмъ у гиляковъ. Около юртъ обыкновенно стоитъ сушилня съ рыбой, распространяющей далеко вокругъ прожорливый, удушливый запахъ; воютъ и грызутся собаки; тутъ же можно увидѣть небольшой срубъ-кѣтку, въ которомъ сидитъ молодой медвѣдь: его убьютъ и съѣдятъ зимой на такъ называемомъ медвѣжьемъ праздникѣ; я видѣлъ однажды утромъ, какъ маленькая дѣвочка-подростокъ кормила медвѣдя, просовывая ему на ладонь сушеную рыбу, смоченную въ водѣ. Сами юрты сложены изъ накатника и тесу; крыша, изъ тонкихъ жердей, покрыта сухой травой. Внутри у стѣнъ тянутся нары, выше ихъ полки съ

*) Исслѣдованіе А. Полонскаго *Курилъ* напечатано въ *Запискахъ Имп. Русск. Общества* 1871 г., томъ IV.

разной утварью; тутъ, кромѣ шкуръ, пузырей съ жиромъ, сѣтей, посуды и проч., вы найдете корзины, циновки и даже музыкальный инструментъ. На нарѣ обыкновенно сидитъ хозяинъ и, не переставая, курить трубочку, и если вы задаете ему вопросы, то отвѣчаетъ неохотно и коротко, хотя и вѣжливо. Посреди юрты стоитъ очагъ, на которомъ горятъ дрова; дымъ уходитъ черезъ отверстіе въ крышѣ. Надъ огнемъ виситъ на крюкѣ большой черный котелъ; въ немъ кипитъ уха, сѣрая, пѣнистая, которую, я думаю, европеецъ не сталъ бы ѣсть ни за какія деньги. Около котла сидятъ чудовища. Насколько солидны и благообразны айно-мужчины, настолько непривлекательны ихъ жены и матери. Наружность айнскихъ женщинъ авторы называютъ безобразной и даже отвратительной. Цвѣтъ смутло-желтый, пергаментный, глаза узкіе, черты крупныя, невьющіеся жесткіе волосы висятъ черезъ лицо пѣтлами, точно солома на старомъ сараѣ, платье неопрятное, безобразное, и при всемъ томъ—необыкновенная худощавость и старческое выраженіе. Замужнія красятъ себѣ губы во что-то синее и отъ этого лица ихъ совершенно утрачиваютъ образъ и подобіе человѣческіе, и когда мнѣ приходилось видѣть ихъ и наблюдать ту серьезность, почти суровость, съ какою онѣ мѣшаютъ ложками въ котлахъ и снимаютъ грязную пѣну, то мнѣ казалось, что я вижу настоящихъ вѣдьмъ. Но дѣвочки и дѣвушки не производятъ такого отталкивающаго впечатлѣнія *).

Аино никогда не умываются, ложатся спать не раздѣваясь.

Почти всѣ, писавшіе объ айно, отзывались объ ихъ нравахъ съ самой хорошей стороны. Общій голосъ таковъ, что это народъ кроткій, скромный, добродушный, довѣрчивый, общительный,

*) Н. В. Буссе, рѣдко отзывавшійся о комъ-нибудь милостиво, между прочимъ, такъ аттестуетъ айнокъ: „Вечеромъ пришелъ ко мнѣ пьяный аинъ, извѣстный мнѣ, какъ большой пьяница. Онъ привелъ съ собою свою жену, и, сколько я могъ помнить, съ дѣлюю пожертвовать вѣрностью ея супружескому ложу и тѣмъ выманить у меня хорошіе подарки. Аинка, довольно красивая собою, казалось, готова была помочь своему мужу, но я подавалъ видъ, что не понимаю ихъ объясненій... Выйдя изъ дому моего, мужъ и жена безъ церемоніи передъ моимъ окошкомъ и въ виду часоваго отдала долгъ природѣ. Вообще аинка эта не показывала большого женскаго стыда. Груды ея почти не были закрыты ничѣмъ. Аинки носятъ такое же платье, какъ и мужчины, т. е. нѣсколько распашныхъ короткихъ халатовъ, низко перепоясанныхъ кушакомъ. Рубашекъ и нижняго платья онѣ не имѣютъ и потому малѣйшій беспорядокъ въ ихъ платьѣ выказываетъ всѣ скрытыя прелести“. Но даже и этотъ суровый авторъ признается, что „между молодыми дѣвушками были нѣкоторыя довольно хорошенкія, съ пріятными и мягкими чертами лица и съ пылкими черными глазами“. Какъ бы то ни было, аинка сильно отстала въ физическомъ развитіи; она старится и блекнетъ раньше мужчинъ. Быть можетъ, это слѣдуетъ приписать тому, что во время вѣковыхъ скитаній народа львиная доля лишений, тажлага труда и слезъ выпала женщинамъ.

вѣжливый, уважающій собственность, на охотѣ смѣлый и, по выраженію д-ра Rollet'a, спутника Лаперуза, даже интеллигентный. Безкорыстіе, откровенность, вѣра въ дружбу и щедрость составляютъ ихъ обычные качества. Они правдивы и не терпятъ обмановъ. Крузенштернъ пришелъ отъ нихъ въ совершенный восторгъ; перечисливъ ихъ прекрасныя душевныя качества, онъ заключаетъ: «Такія подлинно рѣдкія качества, коими обязаны они не возвышенному образованію, но одной только природѣ, возбудили во мнѣ то чувство, что я народъ сей почитаю лучшимъ изъ всѣхъ прочихъ, которые донинѣ мнѣ извѣстны» *). А Рудановскій пишетъ: «Болѣе мирнаго и скромнаго населенія, какое мы встрѣтили въ южной части Сахалина, быть не можетъ». Всякое насиліе возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе и ужасъ. А. Полонскій рассказываетъ слѣдующій печальный эпизодъ, почерпнутый имъ изъ архивовъ. Дѣло происходило давно, въ прошломъ столѣтіи. Бозацкому сотнику Черному, приводившему курильскихъ айно въ русское подданство, вздумалось наказать нѣкоторыхъ розгами: «При одномъ видѣ приготовленій къ наказанію айно пришли въ ужасъ, а когда двумъ женщинамъ стали вязать руки назадъ, чтобы удобнѣе справиться съ ними, нѣкоторые изъ айно убѣжали на неприступный утесъ, а одинъ айно съ 20 женщинами и дѣтьми ушелъ на байдарѣ въ море... Не успѣвшихъ убѣжать женщинъ высѣкли, а мужчинъ шесть человекъ взяли съ собою на байдары, а чтобы воспрепятствовать побѣгу, имъ связали руки назадъ, но такъ не милостиво, что одинъ изъ нихъ умеръ. Когда его распухшаго и какъ будто съ обваренными руками бросили съ камнемъ въ море, Черный въ назиданіе прочимъ его товарищамъ проговорилъ: «У насъ по-русски такъ водится».

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ японцахъ, играющихъ такую видную роль въ исторіи Южнаго Сахалина. Извѣстно, что южная треть Сахалина принадлежитъ безусловно Россіи лишь съ 1875 года, раньше же ее относили къ японскимъ владѣніямъ. Въ *Руководствѣ къ практической навигаціи и мореходной астрономіи* вн. Е. Голицына 1854 г.,—въ книгѣ, которую

---

*) Вотъ эти качества: „При посѣщеніи нашемъ одного айнскаго жилища на берегу вал. Румянцева, примѣтилъ я въ семействѣ онаго, состоявшемъ изъ 10 человекъ, счастливѣйшее согласіе, или, почти можно сказать, совершенное между сочленами его равенство. Находявшись нѣсколько часовъ въ ономъ, не могли мы никакъ узнать главы семейства. Старѣйшіе не изъявляли противъ молодыхъ никакихъ знаковъ повелительства. При одѣленіи ихъ подарками не показалъ никто ни малѣйшаго вида неудовольствія, что ему досталось меньше, нежели другому. Наперерывъ оазывали намъ всякаго рода услуги“.

моряки пользуются до сегодня, — къ Японіи отнесень даже Сѣверный Сахалинъ съ мысами Маріи и Елизаветы. Многие, въ томъ числѣ Невельской, сомнѣвались, что Южный Сахалинъ принадлежалъ Японіи, да и сами японцы, повидимому, не были увѣрены въ этомъ до тѣхъ поръ, пока русскіе страннымъ поведеніемъ не внушили имъ, что Южный Сахалинъ въ самомъ дѣлѣ японская земля. Впервые японцы появились на югѣ Сахалина лишь въ началѣ этого столѣтія, но не раньше. Въ 1853 г. Н. В. Буссе записалъ свой разговоръ со стариками айно, которые помнили время независимости своей и говорили: «Сахалинъ — земля айновъ, японской земли на Сахалинѣ нѣтъ». Въ 1806 г., въ годъ подвиговъ Хвостова, на берегу Анивы было только одно японское селеніе и постройки въ немъ всё были изъ новыхъ досокъ, такъ что было очевидно, что японцы поселились тутъ очень недавно. Крузенштернъ былъ въ Анивѣ въ апрѣлѣ, когда шла сельдь и отъ необычнаго множества рыбы, китовъ и тюленей вода, казалось, кипѣла, между тѣмъ, сѣтей и неводовъ у японцевъ не было и они черпали рыбу ведрами, и, значить, о богатыхъ рыбныхъ ловляхъ, которыя были поставлены на такую широкую ногу впоследствии, тогда и помину не было. По всей вѣроятности, эти первые японскіе колонисты были бѣглецы преступники, или же побывавшіе на чужой землѣ и за это изгнанные изъ отечества.

Въ началѣ же этого столѣтія впервые обратила вниманіе на Сахалинъ и наша дипломатія. Посоль Резановъ, уполномоченный заключить торговый союзъ съ Японіей, долженъ былъ также еще «пріобрѣсти островъ Сахалинъ, независимый ни отъ китайцевъ, ни отъ японцевъ». Велъ онъ себя крайне безтактно. «Въ разсужденіи нетерпимости японцами христіанской вѣры», онъ запретилъ экипажу креститься и приказалъ отобрать у всѣхъ безъ изъятія кресты, образа, молитвенники и «все, что только изображаетъ христіанство и имѣетъ на себѣ крестное знаменіе». Если вѣрить Крузенштерну, то Резанову на аудіенціи было отказано даже въ стулѣ, не позволили ему имѣть при себѣ шпагу и «въ разсужденіи нетерпимости» онъ былъ даже безъ обуви. И это — посоль, русскій вельможа! Кажется, трудно меньше проявить достоинства. Потерпѣвши полное фіаско, Резановъ захотѣлъ мстить японцамъ. Онъ приказалъ морскому офицеру Хвостову поугагать сахалинскихъ японцевъ, и приказъ этотъ былъ отданъ не совсѣмъ въ обычномъ рядкѣ, какъ-то криво: въ запечатанномъ конвертѣ, съ непремѣннымъ условіемъ вскрыть и прочитатъ лишь по прибытіи на мѣсто*).

* Хвостовъ разгромилъ на берегу Анивы японскіе дома и сарай и наградилъ того айнаго старшину серебряною медалью на владимірской лентѣ. Этотъ раз-

И такъ, Резановъ и Хвостовъ первые признали, что Южный Сахалинъ принадлежитъ японцамъ. Но японцы не заняли своихъ новыхъ владѣній, а лишь послали землемѣра Маміа-Ринзо изслѣдовать, что это за островъ. Вообще, во всей этой сахалинской исторіи японцы, люди ловкіе, подчужные и хитрые, вели себя какъ-то нерѣшительно и вяло, что можно объяснить только тѣмъ, что у нихъ было такъ же мало увѣренности въ своемъ правѣ, какъ и у русскихъ.

Повидимому, у японцевъ послѣ того, какъ они познакомились съ островомъ, возникла мысль о колоніи, быть можетъ, даже сельскохозяйственной, но попытки въ этомъ направленіи, если онѣ были, могли повести только къ разочарованію, такъ какъ работники изъ японцевъ, по словамъ инж. Лопатина, переносили съ трудомъ или вовсе не могли выносить зimy. На Сахалинъ пріѣзжали только японскіе промышленники, рѣдко съ женами, жили здѣсь, какъ на бивуакахъ, и зимовать оставалась только небольшая часть, нѣсколько десятковъ, остальные же возвращались на джонкахъ домой; они ничего не сѣяли, не держали огородовъ и рогатаго скота, а все необходимое для жизни привозили съ собой изъ Японіи. Единственное, что привлекало ихъ на Южн. Сахалинъ, была рыба; она приносила имъ большой доходъ, такъ какъ ловилась въ изобиліи, и айно, на которыхъ лежала вся тяжесть труда, обходились имъ почти даромъ. Доходъ съ промысловъ простирался сначала до 50, а потомъ до 300 тыс. рублей ежегодно, и немудрено поэтому, что хозяева-японцы носили по семи шелковыхъ халатовъ. Въ первое время японцы имѣли свои факторіи только на берегу Анивы и въ Маукъ, и главный ихъ пунктъ находился въ пади Кусунъ-Ютанъ, гдѣ теперь живетъ японскій консулъ *). Позднѣе они прорубили просѣку отъ Анивы до Такойской долины; тутъ около нынѣшняго Галкина-Враскаго находились у нихъ магазины; просѣка не заросла до настоящаго времени и называется японской. Доходили японцы и до Тарайки, гдѣ ловили періодическую рыбу въ Пороннаѣ и осно-

---

бой сильно встревожилъ японское правительство и заставилъ его быть на-сторожѣ. Нѣсколько позднѣе на Курильскихъ островахъ былъ взятъ въ плѣнъ капитанъ Головинъ и его спутники, точно въ военное время. Когда потомъ матсмайскій губернаторъ отпустилъ плѣнныхъ, то торжественно объявилъ имъ: „Всѣ вы по причинѣ грабительства Хвостова были взяты, а теперь отъ охотскаго начальства прислано объясненіе, что грабительства Хвостова были только разбойничьи поступки. Это ясно и потому о возвращеніи вашемъ объявляю“.

*) Подробности у Венякова: *Общій обзоръ постепеннаго расширенія русскихъ предѣловъ Азіи и способовъ обороты ихъ. Первый участокъ: островъ Сахалинъ. Восемь Сборникъ 1872 г., № 3.*

вали семеніе Сиску. Суда ихъ доходили даже до Ныйскаго залива; то судно съ красивою оснасткой, которое Поляковъ засталъ въ 1881 году въ Тро, было японское.

Сахалинъ интересовалъ японцевъ исключительно только съ экономической стороны, какъ американцевъ Тюлений островъ. Послѣ же того, какъ въ 1853 году русскіе основали Муравьевскій постъ, японцы стали проявлять и политическую дѣятельность. Соображеніе, что они могутъ потерять хорошіе доходы и даровыхъ рабочихъ, заставило ихъ внимательно слѣдить за русскими, и они уже старались усилить свое вліяніе на островъ въ противовѣсъ русскому вліянію. Но опять-таки, вѣроятно, за отсутствіемъ увѣренности въ своемъ правѣ, эта борьба съ русскими была нерѣшительна до смѣшного и японцы держали себя, какъ дѣти. Они ограничивались только тѣмъ, что распускали среди айно сплетни про русскихъ и хвастали, что они перерѣжутъ всѣхъ русскихъ, и стоило русскимъ въ какой-нибудь мѣстности основать постъ, какъ въ скорости въ той же мѣстности, но только на другомъ берегу рѣчки, появлялся японскій пикетъ, и, при всемъ своемъ желаніи казаться страшными, японцы, все-таки, оставались мирными и милыми людьми: посылали русскимъ солдатамъ осетровъ и когда тѣ обращались къ нимъ за неведомъ, то они охотно исполняли просьбу.

Въ 1867 г. заключенъ былъ договоръ, по которому Сахалинъ сталъ принадлежать обоимъ государствамъ на правѣ общаго владѣнія; русскіе и японцы признали другъ за другомъ одинаковое право распоряжаться на островѣ, — значить, ни тѣ, ни другіе не считали островъ своимъ *). По трактату же 1875 г. Сахалинъ окончательно вошелъ въ составъ Россійской имперіи, а Японія получила въ вознагражденіе всѣ наши Курильскіе острова **).

*) Вѣроятно, по желанію японцевъ, чтобы порабощеніе айно происходило на законномъ основаніи, въ договоръ былъ включенъ, между прочимъ, рискованный пунктъ, по которому инородцы, буде они войдутъ въ долги, могутъ производить уплату ихъ работою или какою другою услугою. А, между тѣмъ, на Сахалинѣ не было ни одного айно, котораго японцы не считали бы своимъ должникомъ.

**) Невельской настойчиво признавалъ Сахалинъ русскимъ владѣніемъ по праву занятія его нашими тунгусами въ XVII столѣтіи, первоначальнаго его описанія въ 1742 г. и занятія южной части его въ 1806 г. русскими. Русскими тунгусами считалъ онъ орочей, съ чѣмъ этнографы не согласны, первоначальное описаніе Сахалина сдѣлано не русскими, а голландцами, что же касается занятія его въ 1806 г., то первоначальность тутъ опровергается фактами. Несомнѣнно, что право перваго слѣдованія принадлежитъ японцамъ, и японцы первые заняли Южный Сахалинъ. Но, все-таки, въ своей щедрости мы, кажется, хватили черезъ край; можно было бы „изъ уваженія“, какъ говорятъ мужики, отдать японцамъ пять-шесть Курильскихъ острововъ, ближайшихъ къ Японіи, а мы отдали 22 острова, которые, если вѣрять японцамъ, приносятъ имъ теперь милліонъ ежегоднаго дохода.

Рядомъ съ падыю, въ которой находится Корсаковскій постъ, есть еще падь, сохранившая свое названіе съ того времени, когда здѣсь было японское селеніе, Кусунъ-Котанъ. Отъ японскихъ построекъ не уцѣлѣло здѣсь ни одной; есть, впрочемъ, лавочка, въ которой торгуетъ японская семья бакалейными и мелочными товарами, — я покупалъ тутъ жесткія японскія груши, — но эта лавочка уже позднѣйшаго происхожденія. Въ пади на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ бѣлый домъ, на которомъ иногда развѣвается флагъ — красный кругъ на бѣломъ фонѣ. Это японское консульство.

Какъ-то утромъ, когда дулъ нордъ-остъ, а въ квартирѣ моей было такъ холодно, что я кутался въ одѣяло, ко мнѣ пришли съ визитомъ японскій консулъ г. Кузе и его секретарь г. Сугіама. Первымъ долгомъ я сталъ извиняться, что у меня очень холодно.

— О, нѣтъ, — отвѣчали мои гости, — у васъ чрезвычайно тепло!

И они на лицахъ и въ тонѣ голоса старались показать, что у меня не только очень тепло, но даже жарко, и что моя квартира — во всѣхъ отношеніяхъ рай земной. Оба они кровные японцы съ монгольскимъ типомъ лица, средняго роста. Консулу около сорока лѣтъ, бороды у него нѣтъ, усы едва замѣтны, сложенія онъ плотнаго; секретарь же лѣтъ на десять моложе, носить синія очки, по всѣмъ видимостямъ, фтизикъ — жертва сахалинскаго климата. Есть еще другой секретарь, г. Сузуки; онъ ниже средняго роста, у него большіе усы, концы которыхъ опущены книзу, на китайскій манеръ, глаза узкіе, косые, — съ японской точки зрѣнія неотразимый красавецъ. Какъ-то, рассказывая про одного японскаго министра, г. Кузе выразился такъ: «Онъ красивый и мужественный, какъ Сузуки». Въ дома они ходятъ въ европейскомъ платьѣ, говорятъ по-русски очень хорошо; бывая въ консульствѣ, я нерѣдко заставлялъ ихъ за русскими или французскими книжками; книгъ у нихъ полонъ шкафъ. Люди они европейски-образованные, изысканновѣжливые, деликатные и радушные. Для здѣшнихъ чиновниковъ японское консульство — хорошій, теплый уголъ, гдѣ можно забыться отъ тюрьмы, каторги и служебныхъ дразгъ и, стало быть, отдохнуть.

Консулъ служить посредникомъ между японцами, пріѣзжающими на промыслы, и мѣстной администраціей. Въ высокаторжественные дни онъ и его секретари, въ полной парадной формѣ, изъ пади Кусунъ-Котанъ идутъ въ постъ къ начальнику округа и поздравляютъ его съ праздникомъ; г. Бѣлый платитъ имъ тѣмъ же: еже-

годно перваго декабря онъ со своими сослуживцами отправляется въ Кусунъ-Ботанъ и поздравляетъ тамъ консула съ днемъ рожденія японскаго императора. При этомъ пьютъ шампанское. Когда консулъ бываетъ на военныхъ судахъ, то ему салютуютъ семь разъ. Случилось, что при мнѣ были получены ордена, Анна и Станиславъ третьей степени, пожалованные гг. Кузе и Сузуки. Г. Бѣлый, майоръ Ш. и секретарь полицейскаго управленія г. Ф., въ мундирахъ, торжественные, отправились въ Кусунъ-Ботанъ вручать ордена; и я поѣхалъ съ ними. Японцы были очень тронуты и орденами, и торжественностью, до которой они такіе охотники; подали шампанское. Г. Сузуки не скрывалъ своего восторга и оглядывалъ орденъ со всѣхъ сторонъ блестящими глазами, какъ ребенокъ игрушку; на его «красивомъ и мужественномъ» лицѣ я читалъ борьбу: ему хотѣлось поскорѣе побѣждать еъ себѣ и показать орденъ своей молодой жень (онъ недавно женился) и, въ то же время, вѣжливость требовала, чтобы онъ оставался съ гостями *).

Кончивши обзоръ населенныхъ мѣстъ Сахалина, перехожу теперь къ частностямъ, важнымъ и неважнымъ, изъ которыхъ въ настоящее время слагается жизнь колоніи.

XV.

Хозяева-каторжные.—Перечисленіе въ поселенцы.—Выборъ мѣстъ подъ новыя селенія.—Домооблагодѣтельство.—Половинщики.—Перечисленіе въ крестьяне.—Переселеніе крестьянъ изъ ссыльных на материкъ.—Жизнь въ селеніяхъ.—Близость тюрьмы.—Составъ населенія по мѣсту рожденія и по сословіямъ.—Сельскія власти.

Когда наказаніе помимо своихъ прямыхъ цѣлей — мщенія, устрашенія или исправленія задается еще другими, напримѣръ, колонизаціонными цѣлями, то оно по необходимости должно постоянно приспособляться къ потребностямъ колоніи и идти на уступки. Тюрьма — антагонистъ колоніи, и интересы обѣихъ находятся въ

* Отношенія у мѣстной администраціи и японцевъ великодушныя, какія и быть должны. Помимо взаимнаго угоженія шампанскимъ въ торжественныхъ случаяхъ, обѣ стороны находятъ и другія средства для поддержанія этихъ отношеній. Привожу ословно одну изъ бумагъ, полученныхъ отъ консула: „Господину Начальнику Корюковскаго округа. На отношеніе отъ 16 августа сего года за № 741 мною сдѣлано распоряженіе о раздачѣ присланныхъ вами для довольствія потерпѣвшихъ крушеніе а бригъ и джонкѣ четырехъ бочекъ соленой рыбы и пять кульковъ соли. При томъ, по имени оныхъ бѣдныхъ, имѣю честь выразить вамъ, милостивый государь, весьма искреннюю признательность о вашихъ сочувствіи и пожертвованіи дружественной шей сосѣдней націи вещами, которыя здѣсь для нихъ столь важны, объ этомъ я олъ увѣренъ, что всегда остаются въ нихъ доброй памяти. Консулъ Японской періи Кузе“. Кстати, это письмо можетъ дать понятіе о тѣхъ успѣхахъ, какіе

обратномъ отношеніи. Жизнь въ общихъ камерахъ порабощаетъ и съ теченіемъ времени перерождаетъ арестанта; инстинкты осѣдлаго человѣка, домовитаго хозяина, семьянина заглушаются въ немъ привычками стадной жизни, онъ теряетъ здоровье, старится, слабѣетъ морально, и чѣмъ позже онъ покидаетъ тюрьму, тѣмъ больше причинъ опасаться, что изъ него выйдетъ не дѣятельный, полезный членъ колоніи, а лишь бремя для нея. И потому-то колонизаціонная практика потребовала, прежде всего, сокращенія сроковъ тюремнаго заключенія и принудительныхъ работъ, и въ этомъ смыслѣ нашъ *Уставъ о ссыльныхъ* дѣлаетъ значительныя уступки. Такъ, для каторжныхъ отряда исправляющихся десять мѣсяцевъ считаются за годъ, и если каторжные второго и третьяго разряда, т.-е. осужденные на сроки отъ 4 до 12 лѣтъ, назначаются на рудничныя работы, то каждый годъ, проведенный ими на этихъ работахъ, засчитывается за полтора года*). Каторжнымъ по переходѣ въ разрядъ исправляющихся законъ разрѣшаетъ жить внѣ тюрьмы, строить себѣ дома, вступать въ бракъ и имѣть деньги. Но дѣйствительная жизнь въ этомъ направленіи пошла еще дальше *Устава*. Чтобы облегчить переходъ изъ каторжнаго состоянія въ болѣе самостоятельное, приамурскій генералъ-губернаторъ въ 1888 г. разрѣшилъ освобождать трудолюбивыхъ и добраго поведенія каторжныхъ до срока; объявляя объ этомъ въ своемъ приказѣ (№ 302), ген. Кононовичъ обѣщаетъ увольнять отъ работъ за два и даже за три года до окончанія полного срока работъ. И безъ всякихъ статей и приказовъ, а по необходимости, потому что это полезно для колоніи, внѣ тюрьмы, въ собственныхъ домахъ и на вольныхъ квартирахъ, живутъ всѣ безъ исключенія ссыльно-каторжныя жен-

---

дѣлаютъ въ короткое время молодые японскіе секретари при изученіи русскаго языка. Германскіе офицеры, изучающіе русскій языкъ, и иностранцы, занимающіеся переводомъ русскихъ литературныхъ произведеній, пишутъ несравненно хуже.

Японская вѣжливость не приторна и потому симпатична, и какъ бы много ея ни было перепущено, она не вредитъ, по пословицѣ—масло каше не портитъ. Одинъ токарь японецъ въ Нагасаки, у котораго наши моряки офицеры покупали разныя бездѣлушки, изъ вѣжливости всегда хвалилъ все русское. Увидитъ у офицера брелокъ или кошелекъ и ну восхищаться: „Какая замѣчательная вещь! какая изящная вещь!“ Одинъ изъ офицеровъ какъ-то привезъ изъ Сахалина деревянный портсигаръ грубой топорной работы. „Ну, теперь,—думаетъ,—подведу я токаря. Увидимъ, что онъ теперь скажетъ“. Но когда японцу показали портсигаръ, то онъ не потерялся. Онъ потрясъ имъ въ воздухъ и свазалъ съ восторгомъ: „Какая прочная вещь!“

*) На Сахалинѣ въ каждой канцеляріи имѣется *Таблица исчисленія сроковъ*. Изъ нея видно, что осужденный, положимъ, на 17½ лѣтъ проводитъ на каторгѣ въ дѣйствительности 15 лѣтъ и 3 мѣсяца, если же онъ попалъ подъ манифестъ, то только 10 лѣтъ 4 мѣсяца; осужденный на 6 лѣтъ освобождается черезъ 5 лѣтъ и 2 мѣс., а въ случаѣ манифеста, черезъ 3 года и 6 мѣс.

щины, многіе испытываемыя и даже безсрочныя, если у нихъ есть семьи, или если они хорошіе мастера, землемѣры, капоры и т. п. Многимъ позволяется жить внѣ тюрьмы просто «по-человѣчности» или изъ разсужденія, что если такой-то будетъ жить не въ тюрьмѣ, а въ избѣ, то отъ этого не произойдетъ ничего худого, или если безсрочному Z. разрѣшается жить на вольной квартирѣ только потому, что онъ пріѣхалъ съ женой и дѣтьми, то не разрѣшить этого краткосрочному N. было бы уже несправедливо.

Еъ 1 января 1890 г. во всѣхъ трехъ сахалинскихъ округахъ состояло каторжныхъ обоюго пола 5,905. Изъ нихъ осужденныхъ на сроки до 8 лѣтъ было 2,124 (36%), отъ 8 до 12 — 1,567 (26,5%), отъ 12 до 15 — 747 (12,7%), отъ 15 до 20 — 731 (12,3%), безсрочныхъ 386 (6,5%) и рецидивистовъ, осужденныхъ на сроки отъ 20 до 50 лѣтъ—175 (3%). Краткосрочные, осужденные на сроки до 12 лѣтъ, составляютъ 62,5%, т.-е. немного больше половины всего числа. Средній возрастъ только что осужденнаго каторжнаго мнѣ не извѣстенъ, но, судя по возрастному составу ссыльнаго населенія въ настоящее время, онъ долженъ быть не меньше 35 лѣтъ; если къ этому прибавить среднюю продолжительность каторги 8—10 лѣтъ и если принять еще во вниманіе, что на каторгѣ человѣкъ старится гораздо раньше, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ, то станетъ очевиднымъ, что при буквальной исполненіи судебного приговора и при соблюденіи *Устава*, со строгимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, съ работами подъ военнымъ конвоемъ и проч., не только долгосрочные, но и добрая половина краткосрочныхъ поступала бы въ колонію съ уже утраченными колонизаторскими способностями.

При мнѣ каторжныхъ - хозяевъ обоюго пола, сидѣвшихъ на участкахъ, было 424; каторжныхъ обоюго пола, проживавшихъ въ колоніи въ качествѣ женъ, сожителей, сожительницъ, работниковъ, жильцовъ и проч., записано мною 908. Всего жило внѣ тюрьмы въ собственныхъ избахъ и на вольныхъ квартирахъ 1,332, что составляло 23% всего числа каторжныхъ *). Какъ хозяева, каторжные въ колоніи почти ничѣмъ не отличаются отъ хозяевъ-помещцевъ. Каторжные, состоящіе при хозяйствахъ въ качествѣ

*) Я не считаю здѣсь каторжныхъ, живущихъ у чиновниковъ въ качествѣ приуговъ. Въ общемъ, я думаю, живущіе внѣ тюрьмы составляютъ 25%, т.-е. нѣтъ четырехъ каторжныхъ одного тюрьма уступаетъ колоніи. Процентъ этотъ значительно повысится, когда 305 статья *Устава*, разрѣшающая исправляющимся въ внѣ тюрьмы, распространится также и на Корсаковский округъ, въ которомъ, желанію г. Бѣлаго, всѣ безъ исключенія каторжные живутъ въ тюрьмѣ.

работниковъ, дѣлають то же, что наши деревенскіе работники. Отдача арестанта въ работники къ хорошему хозяину мужику, тоже ссыльному, составляетъ пока единственный видъ каторги, выработанный, русскою практикой и, несомнѣнно, болѣе симпатичный, чѣмъ австраійское батрачество. Жильцы-каторжные лишь ночуютъ на квартирахъ, но на раскомандировки и работы должны являться такъ же акуратно, какъ и ихъ товарищи, живущіе въ тюрьмѣ. Мастеровые, напримѣръ, сапожники и столяры, часто отбываютъ свой каторжный урокъ у себя на квартирѣ *).

Оттого, что четверть всего состава ссыльно-каторжныхъ живетъ внѣ тюрьмы, особенныхъ безпорядковъ не замѣчается, и я охотно призналъ бы, что упорядочить нашу каторгу не легко именно потому, что остальные три четверти живутъ въ тюрьмахъ. Говорить о преимуществѣ избъ передъ общими камерами мы можемъ, конечно, только съ вѣроятностью, такъ какъ точныхъ наблюденій по этой части у насъ пока нѣтъ вовсе. Никто еще не доказалъ, что среди каторжниковъ, живущихъ въ избахъ, случаи преступленій и побѣговъ наблюдаются рѣже, чѣмъ у живущихъ въ тюрьмѣ, и что трудъ первыхъ производительнѣе, чѣмъ вторыхъ, но весьма вѣроятно, что тюремная статистика, которая рано или поздно должна будетъ заняться этимъ вопросомъ, сдѣлаетъ свой окончательный выводъ въ пользу избъ. Пока несомнѣнно одно, что колонія была бы въ выигрышѣ, если бы каждый каторжный, безъ различія сроковъ, по прибытіи на Сахалинъ тотчасъ же приступалъ бы къ постройкѣ избы для себя и для своей семьи, и начиналъ бы свою колонизаторскую дѣятельность возможно раньше, пока онъ еще относительно молодъ и здоровъ; да и справедливость ничего бы не проиграла отъ этого, такъ какъ, поступая съ перваго же дня въ колонію, преступникъ самое тяжелое переживалъ бы до перехода въ поселенческое состояніе, а не послѣ.

Когда кончается срокъ, каторжнаго освобождаютъ отъ работъ и переводятъ въ поселенцы. Задержекъ при этомъ не бываетъ. Новый поселенецъ, если у него есть деньги и протекція у начальства, остается въ Александровскѣ или въ томъ селеніи, которое ему нравится, и покупаетъ, или строитъ тутъ домъ, если еще не обзавелся имъ, когда былъ на каторгѣ; для такого сельское хозяйство и трудъ не обязательны. Если же онъ принадлежитъ къ сѣрой массѣ, составляющей большинство, то обыкновенно садится на

*) Въ Александровскѣ почти всѣ хозяева держатъ жильцовъ и это придаетъ ему городскую физиономію. Въ одной избѣ я записалъ 17 человекъ. Но такіа многлюдныя квартиры мало чѣмъ отличаются отъ общихъ камеръ.

участокъ въ томъ селеніи, гдѣ прикажетъ начальство, и если въ этомъ селеніи тѣсно и нѣтъ уже земли, годной подь участки, то его сажаютъ уже на готовое хозяйство, въ совладѣльцы или половинчики, или же его посылаютъ селиться на новое мѣсто *). Выборъ мѣстъ подь новыя селенія, требующій опыта и нѣкоторыхъ спеціальныхъ знаній, возложенъ на мѣстную администрацію, т.-е. на окружныхъ начальниковъ, смотрителей тюремъ и смотрителей поселеній. Бакнхъ-нибудь опредѣленныхъ законовъ и инструкцій на этотъ счетъ нѣтъ и все дѣло поставлено въ зависимость отъ такого случайнаго обстоятельства, какъ тотъ или другой составъ служащихъ: находятся ли они на службѣ уже давно и знакомы съ ссыльнымъ населеніемъ и съ мѣстностью, какъ, напримѣръ, г. Бутаковъ на сѣверѣ и гг. Бѣлый и Ярцевъ на югѣ, или же это недавно поступившіе, въ лучшемъ случаѣ филологи, юристы и пѣхотные поручики и въ худшемъ — совершенно необразованные люди, раньше нигдѣ не служившіе, въ большинствѣ молодые, не знающіе жизни горожане. Я уже писалъ о чиновникѣ, который не повѣрилъ инородцамъ и поселенцамъ, когда тѣ предупреждали его, что весной и во время сильныхъ дождей мѣсто, которое онъ выбралъ для селенія, заливается водой. При мнѣ одинъ чиновникъ со свитой поѣхалъ за 15—20 верстъ осматривать новое мѣсто и вернулся домой въ тотъ же день, успѣвши въ два-три часа подробно осмотрѣть мѣсто и одобрить его; онъ говорилъ, что прогулка вышла очень милая.

Старшіе и болѣе опытные чиновники уходятъ на поиски новыхъ мѣстъ рѣдко и не охотно, такъ какъ всегда бываютъ заняты другими дѣлами, а младшіе неопытны и равнодушны; администрація проявляетъ медленность, дѣло затягивается и въ результатѣ получается переполненіе уже существующихъ селеній. И поневолѣ, въ концѣ-концовъ, приходится обращаться за помощью къ каторжнымъ и солдатамъ-надзирателямъ, которые, по слухамъ, иногда удачно выбирали мѣста. Въ 1888 г. въ одномъ изъ своихъ приказовъ (№ 280) генералъ Кононовичъ, въ виду того, что ни въ Ты-

*) Сахалинъ относится къ отдаленнѣйшимъ мѣстамъ Сибири. Вѣроятно, въ виду исключительно суроваго климата, въ началѣ водворяли здѣсь только тѣхъ поселенцевъ, которые отбывали каторгу на Сахалинѣ же и успѣвали, такимъ образомъ, предельно если не привыкнуть, то хоть приглядѣться къ мѣсту. Теперь же, повидному, хотятъ измѣнить этотъ порядокъ. При мнѣ, по приказанію барона А. Н. Орфа, былъ присланъ на Сахалинъ и водворенъ въ Дербинскомъ кѣнѣй Іуда Гамбургъ, приговоренный къ ссылке въ Сибирь на поселеніе; въ Дубахъ проживаетъ селенецъ Симонъ Саудатъ, отбывавшій каторгу не на Сахалинѣ, а въ Сибирь. ть уже здѣсь и административные смыльные.

мовскомъ, ни въ Александровскомъ округахъ нѣтъ уже мѣстъ для отвода участковъ, между тѣмъ какъ число нуждающихся въ нихъ быстро возрастаетъ, предложили «немедленно организовать партіи изъ благонадежныхъ ссыльно-каторжныхъ подъ надзоромъ вполне расторопныхъ, болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ и грамотныхъ надзирателей, или даже чиновниковъ, и таковыя отправлять къ отысканію мѣстъ, годныхъ подъ поселенія». Эти партіи бродятъ по совершенно не изслѣдованной мѣстности, на которую никогда еще не ступала нога топографа; мѣста отыскиваютъ, но неизвѣстно, какъ высоко лежатъ они надъ уровнемъ моря, какая тутъ почва, какая вода и проч.; о пригодности ихъ къ заселенію и сельскохозяйственной культурѣ администрація можетъ судить только гадательно, и потому обыкновенно ставится окончательное рѣшеніе въ пользу того или другого мѣста прямо на удачу, на авось, и при этомъ не спрашиваютъ мнѣнія ни у врача, ни у топографа, котораго на Сахалинѣ нѣтъ, а землемѣръ является на новое мѣсто, когда уже земля раскорчована и на ней живутъ *).

Генераль-губернаторъ послѣ объѣзда селеній, передавая мнѣ свои впечатлѣнія, выразился такъ: «Каторга начинается не на каторгѣ, а на поселеніи». Если тяжесть наказанія измѣрять количествомъ труда и физическихъ лишеній, то на Сахалинѣ часто поселенцы несутъ болѣе суровое наказаніе, чѣмъ каторжные. На новое мѣсто, обыкновенно болотистое и покрытое лѣсомъ, поселенецъ яв-

---

* Современнѣе выборъ новыхъ мѣстъ будетъ возложенъ въ каждомъ округѣ на комиссію изъ чиновъ тюремнаго вѣдомства, топографа, агронома и врача, и тогда по протоколамъ этой комиссіи можно будетъ судить, почему выбрана та или другая мѣстность. Въ настоящее время нѣкоторая правильность замѣчается только въ томъ, что людей охотнѣе всего селятъ по долинамъ рѣкъ и около дорогъ, существующихъ или проектированныхъ. Но и тутъ видна скорѣе рутинна, чѣмъ какая-нибудь опредѣленная система. Если выбираютъ какую-нибудь прірычную долину, то не потому, что она лучше другихъ изслѣдована и наиболѣе пригодна для культуры, а потому только, что она находится не далеко отъ центра. Юго-западное побережье отличается сравнительно мягкимъ климатомъ, но оно отстоитъ отъ Дуэ или Александровска дальше, чѣмъ Арзовская долина и долина рѣки Армудана, и потому послѣднія предпочитаютъ. Когда же селятъ на линіи проектированной дороги, то при этомъ имѣются въ виду не жители новаго селенія, а тѣ чиновники и казны, которые современнѣе будутъ ѣздить по этой дорогѣ. Если бы не эта скромная перспектива — оживлять и охранять трактъ и давать приютъ проѣзжающимъ, то было бы трудно понять, для чего нужны, напримѣръ, селенія, проектируемыя по тракту вдоль Тымн, отъ верховьевъ этой рѣки до Нийскаго залива. За охраненіе и оживленіе тракта жители, вѣроятно, будутъ получать отъ казны денежное и пищевое довольствіе. Если же эти селенія будутъ продолженіемъ теперешней сельско-хозяйственной колоніи, и администрація рассчитываетъ на рожь и пшеницу, то Сахалинъ приобрететъ еще нѣсколько тысячъ голодныхъ, потерянныхъ бѣдняковъ, питающихся неизвѣстно чѣмъ.

ляется, имѣя съ собой только плотничій топоръ, пилу и лопату. Онъ рубить лѣсъ, корчуетъ, роетъ канавы, чтобы осушить мѣсто, и все время, пока идутъ эти подготовительныя работы, живетъ подъ открытымъ небомъ, на сырой землѣ. Прелести сахалинскаго климата съ его пасмурностью, почти ежедневными дождями и низкою температурой нигдѣ не чувствуются такъ рѣзко, какъ на этнхъ работахъ, когда человекъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль ни на одну минуту не можетъ отдѣлаться отъ чувства пронизывающей сырости и озноба. Это настоящая febris sachaliensis, съ головою болью и ломотою во всемъ тѣлѣ, зависящая не отъ инфекціи, а отъ климатическихъ вліяній. Сначала строятъ селеніе и потомъ уже дорогу къ нему, а не наоборотъ, и, благодаря этому, совершенно непроизводительно расходуется масса силъ и здоровья на переноску тяжестей изъ поста, отъ котораго къ новому мѣсту не бываетъ даже тропинокъ; поселенецъ, навьюченный инструментомъ, продовольствіемъ и проч., идетъ дремучею тайгой, то по колѣна въ водѣ, то карабкаясь на горы валежника, то путаясь въ жесткихъ кустахъ богульнига. 307 статья *Устава о ссыльныхъ* говоритъ, что поселяющимся внѣ острога отпускается лѣсъ для постройки домовъ; здѣсь эта статья понимается такъ, что поселенецъ самъ долженъ нарубить себѣ лѣсу и заготовить его. Въ прежнее время на помощь поселенцамъ отпускались каторжные и выдавались деньги на наемъ плотниковъ и покупку матеріаловъ, но этотъ порядокъ былъ оставленъ на томъ основаніи, что «въ результатъ, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ чиновникъ, получались лодари; каторжные работаютъ, а поселенцы въ это время въ орлянку играютъ». Теперь поселенцы устраиваются общими силами, помогая другъ другу. Плотникъ ставитъ срубъ, печникъ мажетъ печь, пильщики готовятъ доски. У кого нѣтъ силъ и умѣнья работать, но есть деньги, тотъ нанимаетъ своихъ же товарищей. Брѣвкіе и выносливые люди, какъ Егоръ, о которомъ я говорилъ въ VI главѣ, несутъ самую тяжелую работу, слабосильные же или отвыкшіе въ тюрьмѣ отъ крестьянства, если не играютъ въ орлянку или въ карты, или если не прячутся отъ холода, то занимаютъ какою-нибудь сравнительно легкою работой. Многие изнемогаютъ, падаютъ духомъ и покидаютъ свои недостроенные дома. Манзы и кавказцы, не умѣющіе строить русскихъ избъ, обыкновенно ѣдутъ въ первый же годъ. Почти половина хозяевъ на Сахалинѣ не имѣетъ домовъ и это слѣдуетъ объяснить, какъ мнѣ кажется, прежде всего, трудностями, съ которыми поселенецъ встрѣчается при первоначальномъ обзаведеніи. Бездомовые хозяева, по даннымъ, которыя я беру изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства, въ

1889 г. въ Тымовскомъ округѣ составляли 50% всего числа, въ Корсаковскомъ — 42%, въ Александровскомъ же округѣ, гдѣ устройство хозяйствъ обставлено меньшими трудностями и поселенцы чаще покидаютъ дома, чѣмъ строятъ, только 20%. Когда конченъ срубъ, хозяину выдаются въ ссуду стекла и желѣзо. Объ этой ссудѣ начальникъ острова говоритъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ: «Къ величайшему сожалѣнію, эта ссуда, какъ и многое другое, долго заставляеть себя ждать, парализуя охоту къ домообзаводству... Въ прошедшемъ году осенью, во время объѣзда поселеній Корсаковскаго округа, мнѣ приходилось видѣть дома, ожидающіе стеколъ, гвоздей и желѣза къ задвижкамъ въ печахъ, нынѣ я тоже засталъ эти дома въ подобномъ ожиданіи» (приказъ № 318, 1889 г.) *).

Не находятъ нужнымъ изслѣдовать новое мѣсто, даже когда уже заселяютъ его. Посылаютъ на новое мѣсто 50—100 хозяевъ, затѣмъ ежегодно прибавляютъ десятки новыхъ, а между тѣмъ, ни-

---

*) Вотъ тутъ-то поселенцу какъ нельзя кстати могли бы пригодиться тѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ бы получать въ теченіе каторжнаго срока въ вознагражденіе за трудъ. По закону, арестанту, осужденному къ ссылке въ каторжныя работы, за всякій трудъ назначается изъ вырученнаго дохода одна десятая часть. Если, положимъ, на дорожныхъ работахъ поденщина оцѣнивается въ 50 к., то каторжный долженъ получать ежедневно по 5 к. Во время содержанія подъ стражей арестанту позволяется расходовать на свои надобности не болѣе половины заработанныхъ денегъ, а остающіяся затѣмъ суммы выдаются ему при освобожденіи. На заработанныя деньги не могутъ быть обращены никакія гражданскія взысканія или судебныя издержки, и, въ случаѣ смерти арестанта, онъ выдается его наследникамъ. Въ *Днѣхъ объ устройствѣ о. Сахалина* за 1878 г. кн. Шаховской, завѣдывавшій въ семидесятихъ годахъ дуйскою каторгой, высказываетъ мнѣніе, которое слѣдовало бы теперешнимъ администраторамъ принять и къ свѣдѣнію, и къ руководству: „Вознагражденіе каторжныхъ за работы даетъ хотя какую-нибудь собственность арестанту, а всякая собственность прикрѣпляетъ его къ мѣсту; вознагражденіе позволяетъ арестантамъ по взаимномъ соглашеніи улучшать свою пищу, держать въ большей чистотѣ одежду и помѣщеніе, а всякая привычка къ удобствамъ производитъ тѣмъ большее страданіе въ лишеніи ихъ, чѣмъ удобства этихъ болѣе; совершенное же отсутствіе послѣднихъ и всегда угрюмая, непривѣтливая обстановка вырабатываетъ въ арестантахъ такое равнодушіе къ жизни, а тѣмъ болѣе къ наказаніямъ, что часто, когда число наказываемыхъ доходило до 8% наличнаго состава, приходилось отчаиваться въ побѣдѣ розогъ надъ тѣми пустыми природными потребностями человѣка, ради выполненія которыхъ онъ дожится подъ розги; вознагражденіе каторжныхъ, образуя между ними нѣкоторую самостоятельность, устраняетъ растрату одежды, помогаетъ домообзаводству и значительно уменьшаетъ затраты казны въ отношеніи прикрѣпленія ихъ къ землѣ по выходѣ на поселеніе“.

Инструментъ выдается въ ссуду на пять лѣтъ съ условіемъ, что поселенецъ ежегодно будетъ уплачивать пятую часть. Въ Корсаковскомъ округѣ плотничій топоръ стоитъ 4 руб., продольная пила 18 руб., лопата 1 р. 80 к., подшилокъ 44 коп., гвозди 10 коп. за фунтъ. Дроворубный топоръ даютъ за 3 р. 50 к. въ ссуду лишь въ томъ случаѣ, если поселенецъ не беретъ плотничьяго.

кому неизвѣстно, на какое количество людей хватить тамъ удобной земли, и вотъ причина, почему обыкновенно въ скорости послѣ заселенія начинаютъ уже обнаруживаться тѣснота, излишекъ людей. Этого не замѣчается только въ Корсаковскомъ округѣ, посты же и селенія обоихъ сѣверныхъ округовъ всѣ до одного переполнены людьми. Даже такой, несомнѣнно, заботливый человекъ, какъ А. М. Бутаковъ, начальникъ Тымовскаго округа, сажаетъ людей на участки какъ-нибудь, не соображаясь насчетъ будущаго, и ни въ одномъ округѣ нѣтъ такого множества совладѣльцевъ или сверхкомплектныхъ хозяевъ, какъ именно у него. Похоже, какъ будто сама администрація не вѣритъ въ сельско-хозяйственную колонію и мало-по-малу успокоилась на мысли, что земля нужна поселенцу не надолго, всего на шесть лѣтъ, такъ какъ, получивъ крестьянскія права, онъ непременно покинетъ островъ, и что при такихъ условіяхъ вопросъ объ участкахъ можетъ имѣть одно лишь формальное значеніе.

Изъ записанныхъ мною 3,522 хозяевъ 638 или 18% составляютъ совладѣльцевъ, а если исключить Корсаковскій округъ, гдѣ на участки сажаютъ только по одному хозяину, то процентъ этотъ будетъ значительно выше. Въ Тымовскомъ округѣ чѣмъ моложе селеніе, тѣмъ выше въ немъ процентъ половинщиковъ; въ Воскресенскомъ, напримѣръ, хозяевъ 97, а половинщиковъ 77; это значитъ, что находить новыя мѣста и отводить участки поселенцамъ съ каждымъ годомъ становится все труднѣе *).

Устройство хозяйства и правильное веденіе его ставится поселенцу въ непремѣнную обязанность. За лѣность, нерадѣніе и нежеланіе устраиваться хозяйствомъ его обращаютъ въ общественныя, т. е. каторжныя, работы на одинъ годъ и переводятъ изъ избы въ тюрьму. Статья 402 *Устава* разрѣшаетъ приамурскому генералъ-губернатору «содержать на казенномъ довольствіи тѣхъ изъ сахалинскихъ поселенцевъ, кои, по признанію мѣстныхъ властей, не имѣютъ къ тому собственныхъ средствъ». Въ настоящее время большинство сахалинскихъ поселенцевъ въ продолженіе первыхъ двухъ и рѣдко трехъ лѣтъ по освобожденіи изъ каторжныхъ работъ получаютъ отъ казны одежное и пищевое довольствіе въ размѣрѣ бычнаго арестантскаго пайка. Оказывать такую помощь поселенцамъ побуждаютъ администрацію соображенія гуманнаго и практи-

*) Хозяинъ и совладѣлецъ живутъ въ одной избѣ и спятъ на одной печи. Власть совмѣстно участкомъ не мѣшаетъ различіе вѣроисповѣданій и даже половъ. Поциты, въ Рыковскомъ у поселенца Голубева половинщикъ еврей Любарскій. Тамъ же у поселенца Ивана Хавріевича совладѣльца Марья Бродяга.

ческаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, трудно, вѣдь, допустить, чтобы поселенецъ могъ, въ одно и то же время, строить себѣ избу, готовить землю подъ пашню и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ежедневно добывать себѣ кусокъ хлѣба. Но не рѣдкость встрѣтить въ приказахъ, что такой-то поселенецъ смѣщается съ довольствія за нерадѣніе, за лѣность, за то, что «онъ не приступилъ къ постройкѣ дома», и т. п. *).

По истеченіи десяти лѣтъ пребыванія въ поселенческомъ состояніи поселенцамъ предоставляется перечисляться въ крестьяне. Это новое званіе сопряжено съ большими правами. Крестьянинъ изъ ссыльныхъ можетъ оставить Сахалинъ и водвориться, гдѣ пожелаетъ, по всей Сибири, кромѣ областей Семирѣчинской, Акмолинской и Семипалатинской, приписываться къ крестьянскимъ обществамъ, съ ихъ согласія, и жить въ городахъ для занятія ремеслами и промышленностью; онъ судится и подвергается наказаніямъ уже на основаніи законовъ общихъ, а не *Устава о ссыльныхъ*; онъ получаетъ и отправляетъ корреспонденцію тоже на общихъ основаніяхъ, безъ предварительной цензуры, установленной для каторжныхъ и поселенцевъ. Но въ этомъ его новомъ состояніи, все-таки, еще остается главный элементъ ссылки: онъ не имѣетъ права вернуться на родину **).

*) Въ какой бѣдности, несмотря на пособія и постоянныя соуды изъ казны, вѣдшіе сельскіе жители отбываютъ свои сроки, мнѣ уже приходилось говорить. Вотъ картинное изображеніе этой почти нищенской жизни, принадлежащее перу официального лица: „Въ деревнѣ Лютогѣ я вошелъ въ самую бѣдную лачугу, принадлежащую поселенцу Зерину, по ремеслу плохому портному, уже четыре года устранивающемуся. Бѣдность и недостатокъ во всемъ поразительны: кромѣ ветхаго стола и обрубка дерева, вмѣсто стула, никакихъ слѣдовъ мебели; кромѣ жестяного чайника изъ керосиновой банки, никакихъ признаковъ посуды и домашней утвари; вмѣсто постели, кучка соломы, на которой лежитъ полушубокъ и вторая рубаха; по мастерству тоже ничего, кромѣ нѣсколькихъ иголъ, нѣсколькихъ сырыхъ нитокъ, нѣсколькихъ пуговицъ и мѣднаго наперстка, служащаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, и трубкой, такъ какъ портной, просверливъ въ немъ отверстіе, по мѣрѣ надобности, вставляетъ туда тоненькій мундштучокъ изъ мѣстнаго камыша; табаку оказалось не больше, какъ на полнаперстка“ (приказъ № 318, 1889 г.).

**) До 1888 г. лицамъ, получившимъ крестьянскія права, былъ запрещенъ выѣздъ изъ Сахалина. Это запрещеніе, отнимавшее у сахалинца всякую надежду на лучшую жизнь, внушало людямъ ненависть къ Сахалину и, какъ репрессивная мѣра, могла только увеличить число побѣговъ, преступленій и самоубійствъ; ея приврачной практичности приносились въ жертву сама справедливость, такъ какъ сахалинскимъ ссыльнымъ было запрещалось то, что позволялось сибирскимъ. Эта мѣра вызвана была соображеніемъ, что если крестьяне будутъ покидать островъ, то, въ концѣ-концовъ, Сахалинъ будетъ лишь мѣстомъ для срочной ссылки, а не колоніей. Но развѣ пожизненность одѣлала бы изъ Сахалина вторую Австралію? Жизненность и процвѣтаніе колоніи зависятъ не отъ запрещеній или приказовъ, а отъ наличности условій, которыя гарантируютъ покойную и обеспеченную жизнь если не самимъ ссыльнымъ, то хотя ихъ дѣтямъ и внукамъ.

Полученіе крестьянскихъ правъ черезъ десять лѣтъ въ *Уставѣ* не обставлено никакими особенными условіями. Кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ примѣчаніи къ 375 ст., единственное условіе тутъ—десятилѣтній срокъ, независимо отъ того, былъ ли поселенецъ хозяиномъ-хлѣбопашцемъ, или подмастерьемъ. Инспекторъ тюремъ Приамурскаго края г. Каморскій, когда у насъ зашла рѣчь объ этомъ, подтвердилъ мнѣ, что держать ссыльнаго въ поселенческомъ состояніи дольше десяти лѣтъ или обставлять какими-либо условіями полученіе крестьянскихъ правъ по истеченіи этого срока администрація не имѣетъ права. Между тѣмъ, на Сахалинѣ мнѣ приходилось встрѣчать стариковъ, которые пробыли въ поселенцахъ дольше десяти лѣтъ, но крестьянскаго званія еще не получили. Показаній ихъ, впрочемъ, я не успѣлъ провѣрить по статейнымъ спискамъ и потому не могу судить, насколько они справедливы. Старики могутъ ошибаться въ счетѣ или просто лгать, хотя, при распушенности и безтолковости писарей и неумѣлости младшихъ чиновниковъ, отъ сахалинскихъ канцелярій можно ожидать всякихъ капризовъ. Для тѣхъ поселенцевъ, которые «вели себя совершенно одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и приобрѣли осѣдлость», десятилѣтній срокъ можетъ быть сокращенъ до шести лѣтъ. 377 статьей, разрѣшающей эту льготу, начальникъ острова и окружные начальники пользуются въ широкихъ размѣрахъ; по крайней мѣрѣ, почти всѣ крестьяне, которыхъ я знаю, получили это званіе черезъ шесть лѣтъ. Но, къ сожалѣнію, «полезный трудъ» и «осѣдлость», которыми въ *Уставѣ* обусловлено полученіе льготы, во всѣхъ трехъ округахъ понимаются различно. Въ Тымовскомъ округѣ, на примѣръ, поселенецъ не произведутъ въ крестьяне, пока онъ долженъ въ казну и пока у него изба не покрыта тесомъ. Въ Александровскѣ поселенецъ сельскимъ хозяйствомъ не занимается, инструменты и сѣмена ему не нужны и поэтому долговъ онъ дѣлаетъ меньше; ему и права получить легче. Ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы поселенецъ былъ хозяиномъ, между ссыльными же чаще, чѣмъ въ какой-либо другой средѣ, встрѣчаются люди, которые по натурѣ не способны быть хозяевами и чувствуютъ себя на своемъ мѣстѣ, когда служатъ въ ратникахъ. На вопросъ, можетъ ли воспользоваться льготой и вообще получить крестьянскія права поселенецъ, который не вѣтъ своего хозяйства, потому что служить поваромъ у чиновника или подмастерьемъ у сапожника, въ Борсаковскомъ округѣ вѣтили мнѣ утвердительно, а въ обоихъ сѣверныхъ — неопределенно. При такихъ условіяхъ, конечно, о какихъ-либо нор-

махъ не можетъ быть и рѣчи, и если новый окружной начальникъ потребуеъ отъ поселенцевъ желѣзныхъ крышъ и умѣнья пѣтъ на клиросѣ, то доказать ему, что это произволь, будетъ трудно.

Когда я былъ въ Сіянцахъ, смотритель поселеній приказалъ 25 поселенцамъ собраться около надзирательской и объявилъ имъ, что постановленіемъ начальника острова они перечислены въ крестьянское сословіе. Постановленіе было подписано генераломъ 27 января, а объявлено поселенцамъ 26 сентября. Радостное извѣстіе было принято всѣми 25 поселенцами молча; ни одинъ не перекрестился, не поблагодарилъ, а всѣ стояли съ серьезными лицами и молчали, какъ будто всѣмъ имъ взгрустнулось отъ мысли, что на этомъ свѣтѣ все, даже страданія, имѣеть конецъ. Когда я и г. Ярцевъ заговорили съ ними о томъ, кто изъ нихъ останется на Сахалинѣ, а кто уѣдетъ, то ни одинъ изъ 25 не выразилъ желанія остаться. Всѣ говорили, что ихъ тянетъ на материкъ и уѣхали бы съ удовольствіемъ тотчасъ же, но средствъ нѣтъ, надо обдумать. И пошли разговоры о томъ, что мало однѣхъ денегъ на дорогу, — небось, материкъ тоже деньги любить: придется хлопотать о принятіи въ общество и угощать, покупать землишку и строиться, то да се — гляди, рублей полтора ста понадобится. А гдѣ ихъ взять? Въ Рыковскомъ, несмотря на его сравнительно большіе размѣры, я засталъ только 39 крестьянъ, и всѣ они были далеки отъ намѣренія пускать здѣсь корни; всѣ собирались на материкъ. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Безпаловъ, строить на своемъ участкѣ большой двухъ-этажный домъ съ балкономъ, похожій на дачу, и всѣ смотрять на постройку съ недоумѣніемъ и не понимаютъ, зачѣмъ это; то, что богатый человѣкъ, имѣющій взрослыхъ сыновей, быть можетъ, останется навсегда въ Рыковскомъ въ то время, какъ отлично могъ бы устроиться гдѣ-нибудь на Зеѣ, производить впечатлѣніе страннаго каприза, чудачества. Въ Дубкахъ одинъ крестьянинъ-картежникъ на вопросъ, поѣдетъ ли онъ на материкъ, отвѣтилъ мнѣ, глядя надменно въ потолокъ: «Постараюсь уѣхать» *).

Гонять крестьянъ изъ Сахалина сознание необезпеченности, скука, постоянный страхъ за дѣтей... Главная же причина, это — страстное желаніе хотя передъ смертью подышать на свободѣ и по

---

*) Только одного я встрѣтилъ, который выразилъ желаніе остаться на Сахалинѣ навсегда: это — несчастный человѣкъ, черниговскій хуторянинъ, пришедшій вънасилованіе родной дочери; онъ не любитъ родины, потому что оставилъ тамъ дурную память о себѣ, и не пишетъ писемъ своимъ, теперь уже взрослымъ, дѣтямъ, чтобы не напоминать имъ о себѣ; не ѣдетъ же на материкъ потому, что дѣтя и позволяютъ.

жить настоящею, не арестантскою жизнью. А Уссурійскій край и Амуръ, о которомъ говорятъ всё, какъ о землѣ обѣтованной, такъ близки: проплыть на пароходѣ три-четыре дня, а тамъ—свобода, тепло, урожай... Тѣ, которые уже переселились на материкъ и устроились тамъ, пишутъ своимъ сахалинскимъ знакомымъ, что на материкѣ подаютъ имъ руку и водка за бутылку стѣитъ только 50 коп. Какъ-то гуляя въ Александровскѣ на пристани, я зашелъ въ катерный сарай и увидѣлъ тамъ старика 60—70 лѣтъ и старуху съ узлами и съ мѣшками, очевидно, собравшихся въ дорогу. Разговорились. Старикъ недавно получилъ крестьянскія права и теперь уѣзжалъ съ женою на материкъ, сначала во Владивостокъ, а потомъ «куда Богъ дастъ». Денегъ, по ихъ словамъ, у нихъ не было. Пароходъ долженъ былъ отойти черезъ сутки, но они уже прибрели на пристань и теперь со своимъ скарбомъ прятались въ катерномъ сараѣ въ ожиданіи парохода, будто боялись, чтобъ ихъ не вернули назадъ. О материкѣ они говорили съ любовью, съ благоговѣніемъ и съ увѣренностью, что тамъ-то и есть настоящая счастливая жизнь. На Александровскомъ кладбищѣ я видѣлъ чернѣй крестъ съ изображеніемъ Божіей Матери и съ такою надписью: «Здѣсь покоится прахъ Дѣвицы Афимьи Бурниковой. скончалася въ 1888 Году: мая 21 дня. Лѣтъ ей Отроду 18-ть. Крестъ сей поставленъ въ Знакъ памяти и Отъѣзда родителей на материкъ 1889 года іюня дня».

Крестьянина не отпускаютъ на материкъ, если онъ неблагонадежнаго поведенія и долженъ въ казну. Если онъ состоитъ въ сожителствѣ съ ссыльною женщиной и имѣетъ отъ нея дѣтей, то билетъ на отлучку выдается ему только въ томъ случаѣ, если онъ обезпечить своимъ имуществомъ дальнѣйшее существованіе своей сожительницы и незаконно прижитыхъ съ нею дѣтей (приказъ № 92, 1889 г.). На материкѣ крестьянинъ приписывается къ облюбованной имъ волости; губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находится волость, даетъ знать начальнику острова, и послѣдній въ приказѣ предлагаетъ полицейскому управленію исключить крестьянина такого-то и членовъ его семьи изъ списковъ—и формально имъ «несчастливымъ» становится меньше. Баронъ А. Н. Корфъ ориль мнѣ, что если крестьянинъ дурно ведетъ себя на материкѣ, то онъ административнымъ порядкомъ высылается на Сахалинъ в навсегда.

По слухамъ, сахалинцы живутъ на материкѣ хорошо. Письма, я читалъ, но видѣть, какъ они живутъ на новыхъ мѣстахъ, не приходилось. Впрочемъ, я видѣлъ одного, но не въ деревнѣ,

а въ городѣ. Какъ-то во Владивостокѣ я и іеромонахъ Ираклій, сахалинскій миссіонеръ и священникъ, выходили вмѣстѣ изъ магазина и какой-то человекъ въ бѣломъ фартукѣ и высокихъ блестящихъ сапогахъ, должно быть, дворникъ или артельщикъ, увидѣвъ о. Ираклія, очень обрадовался и подошелъ подъ благословеніе; оказалось, что это духовное чадо о. Ираклія, крестьянинъ изъ ссыльных. О. Ираклій узналъ его, вспомнилъ имя его и фамилію. «Ну, какъ живешь тутъ?» — спросилъ онъ. — «Слава Богу, хорошо!» — отвѣтилъ тотъ съ оживленіемъ.

Крестьяне, пока еще не отбыли на материкъ, живутъ въ постахъ или селеніяхъ и ведутъ хозяйства при тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ поселенцы и каторжные. Они все еще продолжаютъ зависѣть отъ тюремнаго начальства и снимать шапки за 50 шаговъ, если живутъ на югѣ; съ ними обходятся лучше и не сбьютъ ихъ, но все же это не крестьяне въ настоящемъ смыслѣ, а арестанты. Они живутъ возлѣ тюрьмы и видятъ ее каждый день, а ссыльно-каторжная тюрьма и мирное земледѣльческое существованіе немыслимы рядомъ. Нѣкоторые авторы видѣли въ Рыковскомъ хороводы и слышали здѣсь гармонику и разудалыя пѣсни; я же ничего подобнаго не видѣлъ и не слышалъ и не могу себѣ представить дѣвушекъ, ведущихъ хороводы около тюрьмы. Даже если бы мнѣ случилось услышать, кромѣ звона цѣпей и крика надзирателей, еще разудалую пѣсню, то я почелъ бы это за дурной знакъ, такъ какъ добрый и милосердный человекъ около тюрьмы не запоетъ. Крестьянъ и поселенцевъ и ихъ свободныхъ женъ и дѣтей гнететъ тюремный режимъ; тюремное положеніе, подобно военному, съ его исключительными строгостями и неизбѣжною начальственной опекой, держитъ ихъ въ постоянномъ напряженіи и страхѣ; тюремная администрація отбираетъ у нихъ для тюрьмы луга, лучшія мѣста для рыбныхъ ловель, лучшія лѣсы; бѣглые, тюремные ростовщики и воры обижаютъ ихъ; тюремный палачъ, гуляющій по улицѣ, пугаетъ ихъ; надзиратели развращаютъ ихъ женъ и дочерей, а, главное, тюрьма каждую минуту напоминаетъ имъ объ ихъ прошломъ и о томъ, кто они и гдѣ они.

Здѣшніе сельскіе жители еще не составляютъ обществъ. Взрѣлыхъ уроженцевъ Сахалина, для которыхъ островъ былъ бы родной, еще нѣтъ, старожилловъ очень мало, большинство составляютъ новички; населеніе мѣняется каждый годъ: одни прибываютъ, другіе выбываютъ; и во многихъ селеніяхъ, какъ я говорилъ уже, жители производятъ впечатлѣніе не сельскаго общества, а случайнаго сброда. Они называютъ себя братьями, потому что страдали вмѣ

стѣ, но общаго у нихъ, все-таки, мало и они чужды другъ другу. Они вѣруютъ не одинаково и говорятъ на разныхъ языкахъ. Старики презираютъ эту пестроту и со смѣхомъ говорятъ, что какое можетъ быть общество, если въ одномъ и томъ же селеніи живутъ русскіе, хохлы, татары, поляки, евреи, чухонцы, киргизы, грузины, цыгане?.. О томъ, какъ неравномѣрно распредѣленъ по селеніямъ нерусскій элементъ, мнѣ уже приходилось упоминать *).

Неблагопріятно отзывается на ростѣ каждаго селенія также еще пестрота иного рода: въ колоніи поступаетъ много старыхъ, слабыхъ, больныхъ физически и психически, преступныхъ, не способныхъ къ труду, практически не подготовленныхъ, которые на родинѣ жили въ городѣ и не занимались сельскимъ хозяйствомъ. 1 января 1890 г., по даннымъ, взятымъ мною изъ казенныхъ вѣдомостей, на всемъ Сахалинѣ, въ тюрьмахъ и колоніи, дворянъ было 91 и городскихъ сословій, т. е. почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и иностранныхъ подданныхъ, 924, что вмѣстѣ составляло 10% всего числа ссыльныхъ **).

*) На вопросъ: „какой губернія?“—мнѣ отвѣтили 5,791 человекъ: Тамбовская дала 260, Самарская—230, Черниговская—201, Кіевская—201, Полтавская—199, Воронежская—198, Донская область—168, Саратовская—153, Курская—151, Пермская—148, Нижегородская—146, Пензенская—142, Московская—133, Тверская—133, Херсонская—131, Екатеринославская—125, Новгородская—122, Харьковская—117, Орловская—115; на каждую изъ остальныхъ губерній приходится меньше ста. Кавказскія губерніи всѣ вмѣстѣ дали 213 или 3,6%. Въ тюрьмахъ кавказцы даютъ большій процентъ, чѣмъ въ колоніи, а это значитъ, что они неблагополучно отбываютъ каторгу и далеко не всѣ выходятъ на поселеніе; причины тутъ—частые побѣги и, вѣроятно, высокая смертность. Губерніи Царства Польскаго всѣ вмѣстѣ дали 455 или 8%, Финляндія и остзейскія губерніи—167 или 2,8%. Эти цифры могутъ дать лишь приблизительное понятіе о составѣ населенія по мѣсту рожденія, но едва ли кто рѣшится выводить изъ нихъ заключеніе, что Тамбовская губернія самая преступная и малороссы, которыхъ, кстати сказать, очень много на Сахалинѣ, преступнѣе русскихъ.

**) Дворяне и вообще привилегированные не ужьютъ пахать и рубить нѣтъ; надо работать, надо нести наказаніе, какое всѣ несутъ, но сѣтъ нѣтъ. Поневогѣ они ищутъ легкаго труда и даже часто ничего не дѣлаютъ. Но за то они находятся въ постоянномъ страхѣ, что судьба измѣнится и ихъ пошлютъ въ рудникъ, тѣсно накажутъ, закуютъ въ кандалы и проч. Въ большинствѣ это люди уже утомленные жизнью, скромные, грустные, и когда глядишь на нихъ, то никакъ не можешь представить себѣ ихъ въ роли уголовныхъ преступниковъ. Но попадаются также пройдохи и нахалы, въ конецъ испорченные, одержимые moral insanity, производящіе чутлѣннѣе какихъ-то острожныхъ выскочекъ; ихъ манера говорить, улыбки, походка, лакейская услужливость,—все это нехорошаго, пошловатаго тона. Какъ бы то было, страшно быть на ихъ мѣстѣ. Одинъ каторжникъ, бывшій офицеръ, когда его ли въ арестантскомъ вагонѣ въ Одессу, видѣлъ въ окно „живоиспуну и постичею рыбную ловлю съ помощью зажженныхъ омуляныхъ вѣтокъ и факеловъ... поля чероссиа уже зеленѣли. Въ дубовыхъ и липовыхъ ея лѣсахъ близъ подотна дороги то замѣтить фиданки и ландыши; такъ и слышится аромать цвѣтовъ и потерянной

Въ каждомъ селеніи есть староста, который избирается изъ домохозяевъ, непременно изъ поселенцевъ и крестьянъ, и утверждается смотрителемъ поселеній. Въ старосты попадаютъ обыкновенно люди степенные, смышленные и грамотные; должность ихъ еще не опредѣлилась вполне, но они стараются походить на русскихъ старостъ: рѣшаютъ разныя мелкія дѣла, назначаютъ подводы по наряду, вступаются за своихъ, когда нужно, и проч., а у рыковского старосты есть даже своя печать. Нѣкоторые получаютъ жалованье.

Въ каждомъ селеніи живетъ также надзиратель, чаще всего нижній чинъ мѣстной команды, безграмотный, который докладываетъ проѣзжимъ чиновникамъ, что все обстоитъ благополучно, и наблюдаетъ за поведеніемъ поселенцевъ и за тѣмъ, чтобъ они безъ спросу не отлучались и занимались сельскимъ хозяйствомъ. Онъ ближайшій начальникъ селенія, часто единственный судья, и его донесенія по начальству—это документы, имѣющіе немаловажное значеніе при оцѣнкѣ, насколько поселенецъ преуспѣлъ въ одобрительномъ поведеніи, домообзадовствѣ и осѣдлости. Вотъ обращикъ надзирательскаго донесенія:

СПИСОКЪ

жителей селенія Верхняго Армудана, кои дурнова поведенія:

	Фамиліи и имена.	Отмѣтка, почему именно.
1	Издугинъ Аваній.	Воръ.
2	Киселевъ Петръ Васильевъ.	Тоже.
3	Глябинъ Иванъ.	Тоже.
1	Галинскій Семень.	Домопрачитель и самовольный.
2	Казанкинъ Иванъ.	Тоже.

Антонъ Чеховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

воли вмѣстѣ" (*Владивостокъ* 1888 г., № 14). Бывшій дворянинъ, убійца, рассказывавъ мнѣ о томъ, какъ пріятели провожали его изъ Россіи, говорилъ: "У меня проснулось сознание, я хотѣлъ только одного—стусеяться, провалиться, но знакомые не понимали этого и непрерывно старались утѣшать меня и оказывать мнѣ всякое вниманіе". На привилегированныхъ арестантовъ, когда ихъ ведутъ по улицѣ или везутъ, ничто такъ непріятно не дѣйствуетъ, какъ любопытство свободныхъ, особенно знакомыхъ. Если въ толпѣ арестантовъ хотятъ узнать известнаго преступника и спрашиваютъ про него громко, называя по фамиліи, то это причиняетъ ему сильную боль. Къ сожалѣнію, нерѣдко глумятся надъ уже осужденными привилегированными преступниками и въ тюрьмѣ, и на улицѣ, и даже въ печати. Въ одной ежедневной газетѣ я читалъ про бывшаго коммерціи-совѣтника, что будто бы гдѣ то въ Сибири, идучи этапомъ, онъ былъ приглашенъ завтракать, и когда послѣ завтрака его повели дальше, то козлева не досчитались одной ложки: украли коммерціи-совѣтникъ! Про бывшаго камеръ-юнкера писали, будто въ ссылкѣ ему не скучно, такъ какъ шампанскаго-де у него разливанное море и цыганокъ сколько хочешь.

ВЫДАЮЩАЯСЯ ЖЕНЩИНА *).

(Повѣсть).

У.

Зоя Никитишна находилась въ большомъ раздумьи, что выразалось усиленною ходьбой взадъ и впередъ по ея маленькому, собственными трудами вырощенному садику. Заложивъ руки за спину, она энергично, большими шагами двигалась по дорожкамъ межъ благоухающихъ розъ, левкоевъ и нарцисовъ, противъ обыкновенія, не обращая на нихъ ровно никакого вниманія. Порой она на мгновение останавливалась, разжимала руки за спиной, проводила одною рукою по коротко остриженнымъ, назадъ зачесаннымъ волосамъ, глубокомысленно выпячивала верхнюю губу, украшенную крупною бородавкой, и останавливала серьезный, вдумчивый взглядъ на ползущей по травѣ божьей коровкѣ или на бабочкѣ, повиснувшей на лепесткѣ цвѣтка, очевидно, не замѣчая ни той, ни другой. Постоявъ съ минуту, она нетерпѣливо подергивала широкими плечами, которыя, вмѣстѣ съ круглою сутуловатою спиной, широкою таліей и короткою шеей, придавали ей довольно близкое сходство съ шаромъ, и снова принималась шагать. Проходя мимо стоявшей на дорожкѣ лейки съ водою, она подхватила ее толстенькими, маленькими и, тѣмъ не менѣе, сильными руками и начала усердно поливать цвѣты. Нѣкоторое время поливка цвѣтовъ, повидимому, поглотила все ея вниманіе, но когда въ лейкѣ не осталось ни капли воды, то, вмѣсто того, чтобы позвать Махмудку, исполнявшаго при ней особъ службу садовника, повара и грума, и приказать ему принести воды, Зоя Никитишна поставила пустую лейку на песокъ и возобновила свою тревожную ходьбу по садику.

Причиной раздумья Зои Никитишны было рѣшеніе нравственнаго вопроса.

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

Одна ли нравственность существует для людей выдающихся, какъ и для обыденныхъ людей, лишенныхъ красокъ, блеска, дарованія и безслѣдно проживающихъ свой вѣкъ на землѣ, или существуютъ двѣ нравственности?

Зоя Никитишна считала себя философой. Она читала Бентама, Гартмана, почитывала Шопенгауера, оставляя за собою право имѣть свое особое мнѣніе... Ходячую мораль находила вздоромъ, а свободный образъ мыслей—вышимъ признакомъ прогресса; но, признавая себя, не безъ гордости, женщиной безъ предрасудковъ, она, однако, приходила въ смущеніе передъ вопросомъ: «что нравственно» и «что безнравственно», и никогда этотъ вопросъ такъ сильно не смущалъ ее, какъ съ того дня, когда въ домъ ея вѣхала Клавдія Павловна. Поклоненіе ея передъ красотой послѣдней не только не ослаблялось, но, напротивъ, какъ бы достигло своего апогея. Когда, наглядѣвшись на «Клеопатру», какъ она упорно продолжала называть и вслухъ, и про себя свою жличку, она входила въ свою комнату и останавливалась передъ туалетнымъ зеркаломъ, и зеркало отражало широкое смуглое лицо съ крупными мужественными чертами, которому, казалось, только недоставало растительности, сатирическая усмѣшка искривила ея губы и она думала:

«То, что для меня и мнѣ подобныхъ было бы чудовищно и верхомя безобразія, для нея—въ порядкѣ вещей. Она не можетъ не обольщать, а мужчины—такіе пакостники, что ради этого обольщенія готовы все попать... Она ни въ чемъ не виновата, какъ не виновата роза, что ароматомъ и красотой ея упеваются».

И Зоя Никитишна горой стояла за Клавдію Павловну и выходила изъ себя, когда въ ея присутствіи красавицу порицали. Она злилась даже на Раю, отдалявшуюся все больше и больше отъ матери, и, однако, именно Рая и заставляла ее въ настоящую минуту переворачивать въ своей головѣ надѣвшіей ей до тошноты, какъ она выражалась, вопросъ о томъ, что нравственно и что безнравственно.

Она хмурила брови, кусала губы и начинала уже выходить изъ себя при сознаніи, что она не только не приблизилась къ какому бы то ни было уясненію этого злосчастнаго вопроса, а, напротивъ, вопросъ этотъ еще болѣе затемнился и запутался, когда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея послышался скрипъ шаговъ.

Зоя Никитишна остановилась и обернулась. Въ концѣ дорожки показался Шаховъ, какъ всегда, франтоватый, изящный, съ тросточкой въ рукѣ, облеченный въ безукоризненно сшитый лѣтній сюртъ. Онъ приближался къ Зоѣ Никитишнѣ неторопливою, слегка

вздрагивающею походкой и еще издали приподнявъ въ знакъ пріѣтствія шляпу. Зоя Никитишна, съ заложенными за спину руками, угрюмо, не двигаясь съ мѣста, ожидала его.

— Наконецъ - то встрѣчаю живую душу въ этомъ нигѣмъ не обитаемомъ помѣщеніи, — сказалъ онъ, протягивая ей съ вялою, усталюю улыбкой тонкую, выхоленную руку.

Зоя Никитишна, не спѣша, высвободила изъ-за спины одну руку и крѣпко, по-мужски, сжала его длинные пальцы.

— Давно пріѣхали? — отрывисто спросила она, круто поворачиваясь и направляясь къ ближайшему садовому диванчику.

— Часа два назадъ. Выкупался, пообѣдалъ и явился сюда.

Зоя Никитишна сѣла и жестомъ пригласила Шахова послѣдовать ея примѣру. Шаховъ предварительно осмотрѣлъ диванчикъ и, убѣдившись въ его достодожной чистотѣ, опустился на указанное ему мѣсто, поставивъ трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости между ногъ.

— Гдѣ же Клавдія Павловна? — спросилъ онъ.

— Уѣхала съ утра въ Х—скій монастырь.

— Съ Раисой Васильевной, конечно?

— Нѣтъ, съ Мавраки, — сердито выпалила Зоя Никитишна.

Шаховъ быстро взглянулъ на нее, но тотчасъ же опустилъ глаза на трость.

— Надолго они уѣхали? — небрежно спросилъ онъ.

— Бъ вечеру вернутся. Клавдія Павловна захватила съ собой браски. Хотѣла, кажется, развалины списать, — нехотя пояснила Зоя Никитишна.

Шаховъ не отвѣчалъ. Подавшись впередъ, онъ чертилъ тростью на пескѣ вензеля.

— Хорошія здѣсь есть мѣста, — послѣ довольно продолжительнаго молчанія заговорилъ онъ, не подымая головы и тщательно выдѣлывая фигурную завитушку вензеля.

— Вы далеко ѣздили? — спросила Зоя Никитишна, машинально слѣдя за движеніями трости по песку.

— Верстъ за сорокъ. Располагалъ ѣхать дальше, да застрялъ у Козьмы-Демьяна.

— Тамъ хорошо?

— Изумительно хорошо, — подтвердилъ Шаховъ.

Зоя Никитишна, склонивъ голову на бокъ, съ любопытствомъ хотрѣла на него.

— Горы, лѣсъ, тишина... Очень хорошо! — повторилъ Шаховъ.

— Вы всѣ шесть дней тамъ жили?

— Всѣ шесть дней.

— И въ церковь ходили?

— Ходилъ. Ночную службу даже выстоялъ.

— Quand le diable se fait vieux...—иронически начала Зоя Никитишна.

— Il se fait hermite,— закончилъ Шаховъ.— Нѣтъ, я и въ молодости любилъ монастырскую службу. Помню, мальчикомъ я часто съ матерью ѣздилъ по монастырямъ.

— Этой черты я въ васъ не предполагала,—замѣтила Зоя Никитишна.

— А вы хотите въ какія-нибудь двѣ недѣли все нутро чело-вѣка познать?—спросилъ Шаховъ.

Онъ поднялъ голову и съ усмѣшкой взглянулъ на Зою Никитишну.

— Можно составить себѣ приблизительное понятіе... Впрочемъ, я неправа... Я должна была, напротивъ, предполагать... Вы чело-вѣкъ чувства...

— Это комплиментъ или порицаніе?—насмѣшливо прервалъ онъ ее.

— Комплиментъ,—не смущаясь насмѣшкой, возразила Зоя Никитишна.—И, какъ чело-вѣкъ чувства, вы должны быть религіозны.

— Ошибаетесь, я вовсе не религіозенъ.

— Что же васъ заставляетъ простаивать монастырскую службу, которой и конца нѣтъ?—рѣзко спросила она.

— Картиность обстановки,—возразилъ Шаховъ, снова принимаясь за венецеля.

— Эстетика?

— Именно. Вы понимаете эстетическія наслажденія, Зоя Никитишна?—спросилъ онъ мягко.

— Я понимаю красоту, но мистицизмъ...

— Да, я уже замѣтилъ,—прервалъ онъ ее также мягко,—вы большая поклонница красоты.

— Вѣрно. Я люблю красоту во всемъ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, даже когда эти проявленія ведутъ ко злу.

— Даже тогда? Это смѣло,—вполголоса произнесъ Шаховъ.

— Красота сама по себѣ есть оправданіе всего, какъ великаго, такъ и низменнаго.

— Не многія женщины такъ рассуждаютъ...

— Вы иронизируете?

— Нѣтъ, я слушаю и изумляюсь.

Зоя Никитишна неожиданно смутилась.

«Этотъ баринъ просто надо мной насмѣхается», — подумала она.

— Чему вы изумляетесь? — отрывисто спросила она вслухъ.

— Такому исключительному поклоненію женской красотѣ со стороны женщины... Вѣдь, мы говоримъ преимущественно о женской красотѣ?

— Да, въ настоящую минуту я говорю, главнымъ образомъ, о женской красотѣ.

— Я такъ и понялъ.

— А я, все-таки, не понимаю, чему вы изумляетесь.

— Женщина, восхищаясь красотой другой женщины, — что, между нами, встрѣчается не часто, — требуетъ, однако, отъ красавицы, кромѣ красоты, еще и добродѣтели... А вы, если я васъ вѣрно понялъ, готовы ей простить даже зло?

— Готова. Мѣрка для нея должна быть другая... Нельзя мѣрить и обаятельную женщину, и непривлекательную однимъ аршиномъ.

Вы думаете? — спросилъ Шаховъ и, надѣвъ *pince-nez*, посмотрѣлъ на Зою Никитишну.

Взглядъ маленькихъ зоркихъ глазъ еще болѣе смутилъ и, въ то же время, разсердилъ Зою Никитишну.

— Думаю, — почти грубо сказала она, возмущенная насмѣшливымъ тономъ его тихаго, мягкаго голоса.

— И красота все оправдываетъ? — допытывался онъ.

— Все.

— *Vous êtes plus royaliste que le roi!* Даже мы, мужчины, не смѣемъ этого утверждать.

— Однако, ради красивой женщины *вы*, мужчины, дѣлаете всякія подлости.

Шаховъ чуть-чуть поморщился. Грубое выраженіе, произнесенное грубымъ голосомъ, неприятно задѣло его слухъ.

— Дѣлаемъ, — согласился онъ. — Но подлость, какъ вы изволили выразиться, остается подлостью, и женщину, приведшую насъ къ ней, мы въ душѣ не одобряемъ.

Зоя Никитишна сомнительно посмотрѣла на него. Усталая, прощеская усмѣшка застыла на его нервныхъ губахъ; онъ отвелъ глаза отъ ея лица и опять занялся везелями.

— Значить, по-вашему, нравственность одна для всѣхъ? — нешительно промолвила она.

— Несомнѣнно. Чтѣ бы дѣлала несчастная мужская половина повѣческаго рода, — я изъ вѣжливости предполагаю, что мы, мужчины, являемся носителями всѣхъ пороковъ, — чтѣ бы дѣлала муж-

ская половина, если бы было принято признавать нѣсколько видовъ нравственности?... И при сознаніи обязательности одной единой для всѣхъ нравственности мы куда не крѣпко стоимъ на ногахъ, а тогда... Боже мой, какое бы было шатанье изъ стороны въ сторону!... Обществу грозило бы полное одичаніе.

Зоя Никитишна не знала, смѣется онъ или говоритъ серьезно.

— Я не дѣлаю разницы между мужчинами и женщинами, — быстро заговорила она. — Я неясно выразилась... Не одну красоту подразумѣвала я, а вообще... людей выдающихся... Должны ли они быть подведены подъ ту же мѣрку, какъ и обыкновенные люди? Вѣдь, они, въ силу своихъ дарованій, являются пионерами, не топчутся по торной дорожкѣ.

— Почему же пионерство должно служить оправданіемъ безнравственныхъ поступковъ? — совершенно просто спросилъ Шаховъ, стирая однимъ движеніемъ трости всѣ вензеля и принимаясь чертить новые.

Зоя Никитишна не отвѣчала. Она задумалась, но не надъ разрѣшеніемъ мучившаго ее вопроса. Вопросъ этотъ заслонился тою невольною антипатіей, которую Зоя Никитишна съ самаго перваго дня знакомства почувствовала къ Шахову.

— Умный, правда, и начитанный, — говорила она. — Но это барство!... Эта противная, вѣжливая мягкость и эта мефистофельская улыбка!... Онъ точно надъ всѣмъ смѣется.

Впрочемъ, Зоя Никитишна готова была, пожалуй, простить эту улыбку. Порой она даже, помимо своей воли, восхищалась ею, находила въ этой улыбкѣ тайный глубокий смыслъ, но барство Шахова, его благовоспитанность, выражавшаяся въ неизмѣнной вѣжливости и въ умѣннѣ держать на почтительномъ разстояніи слишкомъ откровенныхъ людей, выводили ее изъ себя. Съ нескрываемою враждебностью взглянула она на его маленькія ноги, обутыя въ черные шелковые носки и лакированные ботинки, и на его узкую, опирающуюся на трость руку, выступавшую изъ-подъ бѣлоснѣжной манжеты, застегнутой огромною, плоскою, слоновой кости запонкой съ золотою монограммой.

«Баричъ съ головы до ногъ! Самоувѣренный, какъ баричъ! Брезгливый, какъ баричъ!... Умна я, нечего сказать, заводитъ подобнаго рода разговоры съ этимъ жизнью пресытившимся господиномъ, который, кромѣ эстетики, ничего, вѣроятно, не признаетъ!» — съ озлобленіемъ думала Зоя Никитишна.

Шаховъ, между тѣмъ, поставилъ трость рядомъ съ собою, взглянулъ на часы и закурилъ папиросу. О продолженіи разговора онъ

не заботился и, пользуясь молчаніемъ собесѣдницы, спокойно предавался своимъ мыслямъ. А мысли эти были не веселыя. Лицо его приняло усталое, старческое выраженіе, глаза сквозь стекла ринсе-пез угрюмо смотрѣли въ пространство.

«Огорошу-ка я его однимъ вопросомъ», — внезапно рѣшила про себя Зоя Никитишна.

— Вы полагаете, значить, что нравственность для всѣхъ одна?—спросила она.

Шаховъ, неожиданно выведенный изъ задумчивости, не сразу понялъ, о чемъ его спрашиваютъ. Зоя Никитишна повторила вопросъ, но, не дожидаясь отвѣта, предложила другой:

— Напримѣръ, Блудія Павловна? Развѣ она не должна быть изъята изъ общаго правила, и развѣ *вы* для нея не дѣлаете исключенія?

Шаховъ нетерпѣливо передернулъ плечами и сухо промолвилъ:

— Удивительная способность русскихъ людей сводить всякій споръ на личную почву. Ни о чемъ они не умѣютъ говорить объективно.

Зоя Никитишна разсердилась, больше, можетъ быть, потому, что сознавала свою безтактность.

— Всякая теорія подтверждается примѣрами, а гдѣ же ихъ брать, какъ не изъ личнаго опыта?—сказала она.

— Главнымъ образомъ, для того, чтобы залѣзть съ сапогами въ душу ближняго и произвести тамъ пылъ и беспорядокъ,—съ досадою возразилъ Шаховъ, но тотчасъ же опомнился и съ обычною усмѣшкой обернулся къ ней.

— Вотъ видите, мы чуть было не поссорились!... Когда же русскіе за споромъ не ссорятся?

Онъ протянулъ ей руку въ знакъ примиренія. Зоя Никитишна неохотно подала свою. Никогда въ жизни она не испытывала такого замѣшательства. Смуглыя щеки ея, рѣдко краснѣющія, покрылись багровыми пятнами. Круглые глаза тревожно забѣгали.

«Подѣломъ мнѣ! Съ моею откровенностью пускаться въ пренія съ баричемъ!» — гнѣвно подумала она и хотѣла было встать, но рѣшила, что, пожалуй, и это покажется грубымъ или, еще хуже, господинъ Шаховъ вообразить, что она обидѣлась.

Наступило снова молчаніе. Шаховъ, заключивъ примиреніе, опять предавался своимъ мыслямъ и снова угрюмо смотрѣлъ передъ собой, забывъ, повидимому, даже самое присутствіе Зои Никитишны, а Зоя Никитишна въ глубокомъ раскаяніи сидѣла на мѣстѣ,

готовая, какъ она мысленно говорила себѣ, отколотить себя за безтактность.

— Здравствуйте!—нерѣшительно произнесъ юный голосъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ.

Рая, въ свѣтломъ кисейномъ платьѣ, безъ шляпы, тоненькая, поблѣднѣвшая и похудѣвшая, стояла передъ ними и съ недоумѣніемъ смотрѣла на сумрачныя лица Шахова и Зои Никитишны.

— Раичка!—вскринула Зоя Никитишна, обрадованная появленіемъ дѣвушки, естественно и просто выводившимъ ее изъ тягостнаго замѣшательства.—Какъ это мы васъ не слышали?

Рая, не отвѣчая, протянула руку Шахову. Онъ всталъ, лишь только Зоя Никитишна окликнула дѣвушку. Вся его виѣшность точно преобразилась. Морщины исчезли, какъ исчезла старческа я угрюмость въ глазахъ. Бережно пожавъ протянутую руку, онъ съ видомъ виноватости нѣжно смотрѣлъ на Раю.

— Садитесь здѣсь,—предложила Зоя Никитишна, торопливо подымаясь съ диванчика.—Махмудкѣ давно пора поливать, а онъ и не думаетъ.

— Я не надолго,—заговорила Рая, робѣя, по обыкновенію, въ присутствіи Шахова,—я думала, мама уже дома.

— Нѣтъ еще, нѣтъ... Посидите. Буда вамъ торопиться? Они, навѣрное, скоро пріѣдутъ.

И, не дождавшись отвѣта, Зоя Никитишна удалилась.

Рая и Шаховъ остались одни. Нѣкоторое время молчаніе не прерывалось. Краска замѣшательства отхлынула отъ щекъ Раи. Сложивъ руки на колѣняхъ, она сидѣла прямо, не подымая глазъ и стараясь придать лицу выраженіе спокойнаго равнодушія, но юныя черты, отражавшія, какъ въ зеркалѣ, волновавшія ее чувства, волѣ не поддавались. Губы ея вздрагивали отъ сдержанныхъ слезъ.

— Бѣдный ребенокъ!—сказалъ вдругъ Шаховъ.

Рая съ испугомъ, почти съ ужасомъ, взглянула на него и встрѣтила его соболѣзную, нѣжный взглядъ. Она поспѣшила отвести глаза въ сторону и, досадуя на себя, раздраженная его замѣчаніемъ, прикусила губы.

— Да, бѣдный ребенокъ!—вкрадчиво продолжалъ Шаховъ, понижая голосъ, точно онъ говорилъ въ присутствіи опасно-больной.—Не знаю, простятся ли намъ когда-либо наши грѣхи передъ вами.

Рая снова быстро взглянула на него и снова кровь прихлынула къ ея щекамъ.

— Я васъ не понимаю,—сказала она сдержанно.

— Какъ вамъ, невинной дѣвушкѣ, понять насъ?—промолвилъ Шаховъ.—Боль вы можете чувствовать, но понять... Довольно трудно вамъ постичь наши безобразія,—прибавилъ онъ съ горечью.

Рая тревожно зашевелилась; брови ея, въ болѣзненномъ недоумѣніи, приподнялись, но она не подняла глазъ и, стиснувъ руки на колѣняхъ, сидѣла прямо, неподвижно. Шаховъ на мгновеніе замолкъ.

— Того вамъ не понять, но... поймете ли вы,—сказалъ онъ, понижая голосъ почти до шепота,—что когда я васъ вижу... вижу, вотъ какъ теперь, страданіе на вашемъ лицѣ, я бы хотѣлъ встать на колѣни и молить о прощеніи?..

Рая, широко раскрывъ глаза, взглянула на него.

— Почему? Я васъ ни въ чемъ не виню,—сказала она, пораженная выраженіемъ скорби и глубокаго самоуниженія въ его глазахъ.

— И никогда не винили?—порывисто спросилъ онъ.

— Никогда.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ такимъ голосомъ, будто съ груди его сняли тяжесть.—Было бы ужасно сознавать ваше отвращеніе.

Сдвинувъ брови, какъ бы сляясь понять смыслъ его словъ, Рая смотрѣла на него.

— Ребенкомъ я васъ очень любила,—неувѣренно промолвила она.

— Да, не правда ли? Вы это помните?—живо вскрикнулъ онъ и глаза его загорѣлись радостью.—А я какъ васъ любилъ!... Любилъ тѣмъ болѣе, что сознавалъ, глубоко сознавалъ свою вину передъ вами,—тихимъ голосомъ добавилъ онъ.

Рая вспыхнула.

— Вины не было,—сказала она застѣнчиво.

— И вы не отказываетесь считать меня человѣкомъ не совсемъ для васъ чужимъ?—спросилъ онъ, протягивая ей руку.

Рая подала ему свою.

— Нѣтъ. Уже по одному тому...—запинаясь, начала было она.

— Не почему другому,—поспѣшно перебилъ онъ,—какъ по тому, что ребенкомъ вы не чуждались меня. Дѣти чутки... Вы по-ляли и не осудили... А понять—значитъ простить.

Онъ бережно пожалъ ея руку.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я вамъ благодаренъ,—тъ чувствомъ сказалъ онъ.

Рая недоумѣвала. Но, не умѣя и не зная, что отвѣчать, она

молчала. Шаховъ не прерывалъ молчанія. Онъ сидѣлъ согнувшись, подпирая подбородокъ гладкимъ набалдашникомъ трости, которую обхватилъ обѣими руками, и смотрѣлъ прямо передъ собой. Мягкое, растроганное выраженіе не сходило съ его помолодѣвшаго лица. Тишина въ саду нарушалась только отрывистыми приказаніями Зои Никитишны, переходившей, въ сопровожденіи Махмудки, отъ одной клумбы цвѣтовъ къ другой.

— Фефела ты, Махмудка, право, фефела! — недовольнымъ голосомъ говорила она. — Спалъ ты, что ли?... Смотри, резеда почти засохла... Зачѣмъ не шелъ поливать?... Тише, тише! Зальешь, вѣдь...

Махмудъ, въ ярко-розовой рубахѣ и сѣрыхъ шароварахъ, перетянутыхъ кожанымъ поясомъ съ серебряными бляхами, въ отвѣтъ только тряхнулъ бритую голову, покрытой смушковой шапкой, и, сверкнувъ зубами, прищурилъ плутовскіе глаза.

— Чего скалишь зубы? — сердито замѣтила Зоя Никитишна, бережно расправляя листики резеды, пригнутые къ землѣ струею воды. — Солнце сѣло, а тебя съ собаками не сыщешь!

— Зачѣмъ не сыщешь? — весело проговорилъ Махмудъ. — Барышня знаетъ, что чужой барыня платье чистилъ.

— Чужой барыня, чужой барыня! — ворчала Зоя Никитишна. — Чужой барыня, вѣрно, и тебѣ, дураку, голову одурманила, — прибавила она какъ бы съ сердцемъ, но глаза ея добродушно-насмѣшливо скользнули по развеселому лицу Махмудки. — Что, нравится тебѣ чужой барыня?

Плутовскіе глаза Махмудки блеснули, но онъ только дурачливо отвѣтилъ:

— Ццъ, яхши!

— То-то, яхши! У тебя губа не дура!... Принеси еще воды.

Махмудъ подхватилъ пустую лейку и, раскачивая на ходу гибкимъ стройнымъ станомъ, отправился за водою. Зоя Никитишна заботливымъ взоромъ оглядѣла свое маленькое цвѣточное царство, причемъ взгляды ея съ любопытствомъ остановился на Раѣ и Шаховѣ, молчаливо сидѣвшихъ бокъ-о-бокъ на диванчикѣ.

«О чемъ они думаютъ?... Бѣдная дѣвочка! Какъ она измѣнилась за нѣсколько дней, какъ похудѣла!... Эхъ, жизнь!»

Зоя Никитишна взъерошила рукой короткіе густые волосы и на лицѣ ея появилось то недоумѣвающее выраженіе, которое застыло на немъ, когда она рѣшала про себя вопросъ, что нравственно и что безнравственно.

Махмудъ не далъ ей предаться размышленіямъ. Онъ появился

съ лейкой, полною воды, съ сверкающими на желтомъ татарскомъ лицѣ зубами, съ плутовскими глазами и лѣнивыми самодовольными ухватками парня à bonne fortune, и Зоя Никитишна всецѣло отда-лась дѣлу поливки цвѣтовъ.

Солнце сѣло. Послѣднее растеньице было полито и Махмудка удалился. Зоя Никитишна, нерѣшительно поглядывая на погруженную въ задумчивость пару, постояла на мѣстѣ, наконецъ, двинулась къ Раѣ и Шахову, но не остановилась передъ ними, а, проходя мимо, вскользь замѣтила:

— Все еще ихъ нѣтъ. Пойти, развѣ, похлопотать объ ужинѣ.

Большими размашистыми шагами она направилась къ дому. Рая тоже встала.

— Миѣ пора. Дома, вѣрно, ждуть,—сказала она звенящимъ отъ подавленной тревоги голосомъ.

— Постойте одну минутку... Зачѣмъ уходить? — съ мольбою сказалъ Шаховъ, протягивая руку, какъ бы для того, чтобы остановить ее.—Зачѣмъ убѣгать отъ того, что неизбежно?... Не лучше ли прямо взглянуть судьбѣ въ глаза?

На лицѣ Раи выразилось страданіе.

— Вы все говорите какъ-то загадочно,—со слабою улыбкой промолвила она.—Я плохо понимаю.

Она протянула ему руку на прощанье, но Шаховъ не взявъ протянутой руки и продолжалъ сидѣть на диванѣ.

— Трудно вамъ понять, повторяю я... а мнѣ какъ трудно говорить яснѣе!—заговорилъ онъ.—Помогите мнѣ.

Рая вопросительно глядѣла на него.

— Еслибъ я былъ вашимъ отцомъ, я бы сѣумѣлъ... Представьте себѣ на минуту, что я вашъ отецъ, любящій отецъ...

— У меня есть отецъ, очень любящій отецъ, — сухо прервала Рая и вдругъ густо покраснѣла.

Шаховъ смутился.

— Вы правы,—проговорилъ онъ, запинаясь.—Это было глупо съ моей стороны... Съ какой стати мнѣ заявлять относительно васъ родительскія чувства?

Рая еще больше смѣшалась.

— Я не хотѣла васъ оскорбить,—пробормотала она.

— Полноте, какое тутъ оскорбленіе!... Понимаете, Раиса Вавевна... Я не знаю почему, но я чувствую, что долженъ гово-рить во что бы то ни стало... Будь тутъ вашъ отецъ, тогда, ко-нечно... Я его знаю... знаю, что это за человѣкъ... Но онъ... онъ беретъ теперь страдательную роль.

Боль, обида за отца ясно выразились на лицѣ Рай: слезы закипали у нея въ глазахъ. Она отвернулась и повнимку отошла отъ Шахова. Онъ такъ же повнимку вслѣдилъ и всталъ передъ нею.

— Ради Бога, не думайте, — сказалъ онъ, скрывъ се за руку. — Вы не знаете, вы не можете понять... Вашу степь!... Я всегда его высоко цѣнилъ, а теперь, теперь, еще выше... Дети все, вѣрьте, я говорю, какъ чуждымъ, который васъ любить... Не забывайте вашей матери... Не уходите... Не уловитесь отъ утра... Ждите его, напротивъ... И смотрите прямо... Не извращенное еще жизнью чувство васъ не обманетъ... Вы еще такъ молоды... Передъ вами еще все впереди... и любовь, и счастье... Да, да, все впереди, повѣрьте!

Онъ до боли жалъ се руку и съ любовною искренностью и жалостью смотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— Только не уловитесь... Что должно быть, то пусть будетъ... И лучше разонъ, повнимаете, лучше разонъ... Все иллюзия, дитя, все иллюзия... Сине иллюзия кажется больше, другая — пороче... Пройдетъ годъ, другой, и вы съ улыбкой вспомните, что всю молодую жизнь свою тутъ не поставили на одну единую карту... А карту еще много изъ вашей жизни.

Рай, не отнимая руки, смотрѣла на него, и сердце ее сжималось, и голова кружилась отъ неповторимаго страха, но голоса, внезапно раздавшагося на вѣвекъ, не дали ей опомниться.

— Приехали, — быстро въ широкую дверь вошелъ Шаховъ. — Хотите туда или здѣсь оставаться?

— Здѣсь, — она съ живымъ восторгомъ къ нему.

— Прекрасно, поспите. Ехать поспите, вы же мало спите.

Онъ выпустилъ руку къ нему и съѣлъ на поспити убит.

— Отъ белой явни почти пьнешень, — разговоръ онъ такъ спокойна, какъ будто только и рѣчи было, что о постороннихъ предметахъ. — Особенно въ вечеру вы привыкли востануть востануть. Но я люблю ее запахъ, больше всего запахъ любви, да вотъ еще этотъ внимательный запахъ женской мысли...

Онъ продолжалъ говорить спокойно, повнимку пологое. Рай сидѣла молча и пыталась вълить себя въ странную эту овладѣть своимъ волнениемъ.

VI

Кавказъ Павловна рѣшила не уходить. Спиритъ большому ересъ закончилъ отъ нея съѣтъ земли, стоящая на чинахъ степи. Онъ

лежала блѣдная, съ закрытыми глазами, и не принимала участія въ бесѣдѣ Мавраки съ Зоей Никитишной. Она не подняла головы, не пошевелинулась и тогда, когда Рая и Шаховъ взошли на веранду, и на вопросъ Раи: что съ нею? — едва слышно проговорила:

— Мигрень. Съ утра началась. Не разговаривай съ мной, душечка... Каждое слово молотомъ отдается въ головѣ.

Рая отошла отъ матери и взялась за оставленную ею на верандѣ шляпу.

— Раичка, куда? а чай?—спросила Зоя Никитишна.

Рая отрицательно покачала головой.

— Домой пора, — отвѣтила она.

— Я васъ провожу, — сказалъ вдругъ Мавраки.

Шаховъ отвелъ глаза отъ развернутой передъ нимъ на столѣ газеты и серьезно посмотрѣлъ на него. Клавдія Павловна тоже пошевелинулась, приподняла голову и обдала его быстрымъ, жгучимъ, сумрачнымъ взглядомъ, но когда онъ съ фуражкой въ рукѣ приблизился къ ней, она снова лежала съ закрытыми глазами и слабо прошептала:

— Это хорошо! Проводите мою дѣвочку... Такъ скучно!... Цѣлый день ее не видала...

Рая, не дожидаясь жениха, ушла. Онъ нагналъ ее уже на улицѣ. Она шла быстро и не замедлила шаговъ, когда онъ съ нею поравнялся.

— Хотите руку?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Благодарю.

Ночь была темная, звѣздная, душная. Несмотря на духоту и учащенное бѣненіе сердца, Рая все ускоряла шаги, точно хотѣла уйти, подальше уйти отъ того, кто за нею слѣдовалъ.

— Зачѣмъ вы такъ бѣжите? — съ досадой проговорилъ, наконецъ, Мавраки.—Это вамъ вредно, а я все равно пойду съ вами.

Не столько его слова, сколько голосъ, твердый и властный, привелъ въ себя Раю, обезумѣвшую было отъ непонятнаго ей самой отчаянія. Она устыдилась своихъ порывистыхъ движеній и замедлила шаги.

Спокойно и неторопливо, молча, достигли они дома Марѣы Андѣевны и прошли на веранду. Здѣсь горѣла лампа на столѣ, но рева Андреевна, хотя еще было не поздно, уже удалилась къ ѣ.

Рая въ нерѣшимости остановилась посрединѣ веранды и вопрошительно взглянула на жениха. Онъ, не глядя на нее, положилъ тажку на перила и придвинулъ къ столу кресло и стулъ.

— Если хозяйка не приглашаетъ гостей садиться, то они сами должны о себѣ позаботиться. Садитесь и вы, гостья будете, — сказалъ онъ, указывая на кресло.

Онъ говорилъ шутливо, но не шуткой звучалъ его голосъ и черты молодого поблѣднѣвшаго и осунувшагося лица выражали сдержанное раздраженіе и досаду.

Рая, взволнованная, стояла неподвижно, беспомощно опустивъ руки вдоль стана, какъ тогда, когда ей пришлось сообщать о письмѣ матери.

Но теперь не отецъ стоялъ передъ нею и не жалость закипала въ ея сердцѣ, а глубокая обида, и она строптиво отвѣтила:

— Садитесь, если хотите. Я не хочу.

Мавраки топнулъ ногою.

«Нашла время ломаться!» — гнѣвно подумалъ онъ.

— Раиса Васильевна, — произнесъ онъ сдержанно, — прошу васъ сѣсть.

Что-то въ его голосѣ заставило ее повиноваться, но когда, вызываяще откинувъ юную головку, она прошла мимо жениха и опустилась въ кресло, волненіе пересилило и волю, и самолюбіе и она неудержимо залилась слезами.

Мавраки на мгновеніе растерялся. Бусая губы и стискивая рукою спинку стула, на который собирался сѣсть, онъ стоялъ передъ рыдающею дѣвушкой, не зная, что дѣлать, что предпринять.

— Рая! голубушка! перестаньте! зачѣмъ это? — растерянно бормоталъ онъ.

Но Рая не слушала, да и не слыхала его. Накопившіяся за дѣлный долгій день рыданія потрясали теперь ея узенькія плечики. Закрывъ лицо руками, она горько плакала и слезы струились съвозъ пальцы и капали на платье.

Мавраки вспомнилъ, что въ этихъ случаяхъ помогаетъ холодная вода. Онъ исчезъ и вернулся съ графиномъ воды и стаканомъ.

— Выпейте, — сказалъ онъ, наливъ въ стаканъ воду.

Не безъ труда удалось ему разжать руки Раи. Но едва успѣлъ онъ взглянуть въ ея слезами обезображенное, съ опухшими вѣками и губами лицо, какъ она отвернулась отъ него и скрыла лицо въ мягкой спинкѣ кресла. Въ памяти Мавраки встало другое лицо, прекрасное и тоже въ слезахъ, но слезы, какъ жемчужины, катились по щекамъ, не вызывая ни судороги, ни безобразной красноты или опухоли въ чертахъ.

Слова проклятія чуть не сорвались съ устъ Мавраки. Стиснувъ

булаки, онъ отошелъ отъ плачущей дѣвушки и почти сбѣжалъ въ палисадникъ.

Страсть и бѣшенство боролись въ немъ, и, какъ разъяренный звѣрь, зашагалъ онъ по палисаднику, до боли сжимая руки, когда отъ времени до времени до него доносился жалобный плачь Раи.

— Будьте великодушны, — слышался ему низкій, все его существо переворачивающій голосъ. — Я не робкая, но... какъ мнѣ взглянуть потомъ на дочь?

И она цѣловала его руки, и глаза ея, полные крупныхъ слезъ, искали его взгляда.

Она не робкая, онъ это зналъ, и зналъ также, что не жалость, не уваженіе къ дочери заставили ее отвергнуть требованія, бѣшенныя, отчаянныя, съ насиліемъ почти граничащія... Она боялась Шахова, боялась разрыва... Ей тридцать семь лѣтъ. Не много годовъ осталось ей царить и не онъ, юноша на двѣнадцать лѣтъ моложе ея, упрочить за нею царство... Да, этотъ страхъ и заставилъ ее склоняться къ его ногамъ, на болѣняхъ молить его... Онъ это понималъ, когда они снова очутились на людяхъ, и тогда же рѣшеніе, быстрое, безповоротное, возникло въ немъ, и это рѣшеніе онъ долженъ, во что бы то ни стало, привести въ исполненіе.

Рыданія Раи стихли. Мавраки обошелъ разъ - другой палисадникъ и медленно вернулся на веранду. Изсиня-блѣдное лицо его явственно выдавало пережитую бурю. Черные глаза ввалились и неестественно горѣли; жесткое выраженіе засѣло въ углахъ губъ.

Дѣвушка сидѣла въ креслѣ, прислонивъ голову къ спинкѣ и закрывъ лицо платкомъ. Въ стаканѣ, налитомъ женихомъ, воды уже не было. Все это Мавраки охватилъ однимъ взглядомъ. Какъ бы давая ей время оправиться, онъ закурилъ папиросу и облокотился о перила веранды спиною къ Раѣ.

Рая отняла платокъ отъ заплаканныхъ глазъ, налила изъ графина воды въ стаканъ и, намочивъ въ немъ кончикъ платка, приложила его къ горячимъ, краснымъ вѣкамъ. Карманнымъ гребешкомъ пригладила она растрепанныя кудряшки, оправила платье и встала, чтобы выплеснуть изъ стакана остатокъ воды.

— Позвольте, — сказалъ Мавраки.

Онъ взялъ стаканъ изъ ея рукъ. Рая опустила въ кресло.

— Желаете еще воды? — спросилъ онъ, возвращаясь съ пухлымъ стаканомъ и, не дожидаясь отвѣта, наполнилъ его.

Принимая стаканъ, Рая впервые взглянула на жениха. Неисклонно-рѣшительное выраженіе измѣнившагося и постарѣвшаго нѣсколько лѣтъ лица помогло ей лучше холодной воды овладѣть

собою. Вдрагивавшія отъ пролитыхъ слезъ губы сжались и въ сдвинутыхъ бровяхъ проявилось упорство. Она отпила нѣсколько глотковъ воды, молча поставила стаканъ на столъ и заслонила одною рукой глаза отъ лампы. Мавраки, кусая губы, также молча наблюдали за нею. Когда онъ убѣдился, что она до нѣкоторой степени успокоилась и въ состояніи его слушать, онъ придвинулъ стулъ къ столу и сѣлъ напротивъ нея.

— Вы такъ упорно меня избѣгаете, — заговорилъ онъ сухимъ, жесткимъ голосомъ, — что я вынужденъ настоять на сегодняшнемъ разговорѣ. Надо же положить конецъ недоразумѣніямъ.

Рая быстро, съ испугомъ, взглянула на него. Блѣдное лицо ея еще болѣе поблѣднѣло.

— Да-съ; я бы покорнѣйше просилъ васъ назначить день свадьбы и по возможности скорѣй.

— Что? — пробормотала Рая, широко раскрывъ испуганные глаза.

— Я полагалъ сначала сыграть нашу свадьбу осенью, руководствуясь нѣкоторыми матеріальными соображеніями, — продолжалъ онъ такъ же жестко, сухо, не сводя сумрачныхъ, горящихъ глазъ съ юнаго, испуганнаго личика невѣсты, — но полагаю, что это лишнее... Вы и такъ, смѣю думать, ни въ чемъ не будете нуждаться... А длинныя помолвки, я убѣдился, ни къ чему не ведутъ... И такъ, прошу васъ назначить день свадьбы въ началѣ будущей недѣли... Моего отъѣзда требуютъ по службѣ... Пароходъ отходитъ во вторникъ... Вѣнчаться можно наканунѣ...

— Сегодня понедѣльникъ, — съ ужасомъ пролепетала Рая.

— Почти восемь дней... Слишкомъ даже длинный періодъ... Если бы можно было обвѣнчаться завтра, было бы еще лучше.

— Но папа... Какъ же безъ него?

— Я его увижу... Въ виду такого обстоятельства, Марѳа Андреевна скажетъ, гдѣ онъ.

Рая провела дрожащею рукой по лицу, какъ бы желая собраться съ мыслями.

— Все это такъ странно... неожиданно... Ничего не готово, — несвязно бормотала она.

— И ничего не надо, — рѣзко прервалъ онъ. — Передъ самымъ важнымъ дѣйствіемъ въ жизни женщины вѣчно думаютъ о тринакахъ! — злобно прибавилъ онъ, сдерживая желаніе стукнуть кулакомъ по столу.

Рая, наконецъ, возмутилась.

— Есть еще и другія соображенія, Леонидъ Константиновичъ, — заговорила было она съ достоинствомъ.

— Извините, Раиса Васильевна, — прервалъ онъ ее вдругъ съ бѣшенствомъ, — иныхъ соображеній не можетъ быть. Вы связаны со мной словомъ, я — съ вами. Это одно единственное соображеніе, которое должно нами руководить. И я это твердо знаю и ничего другого знать не хочу. Обстоятельства принуждаютъ ускорить свадьбу. Я ускоряю и откладываю ее до будущаго понедѣльника только потому, что не увѣренъ, успѣемъ ли повѣнчаться раньше, но если успѣемъ, мы обвѣнчаемся до понедѣльника и съ первымъ же пароходомъ уѣдемъ, — властно, отстраняя всякія возраженія, добавилъ онъ.

Рая, широко раскрывъ глаза и полуоткрывъ ротъ, смотрѣла въ гнѣвное и, какъ ей казалось, ненавистно пылающее лицо жениха. Она молчала только потому, что мысли мѣшались у нея въ головѣ, и отъ страха и горя она была близка къ потерѣ сознанія. Мавраки, въ ожиданіи отвѣта, въ упоръ смотрѣлъ на нее, но вдругъ точно судорога пробѣжала по его блѣдному лицу. Онъ отвелъ отъ нея глаза и закрылъ ихъ рукою. Когда онъ отнялъ руку, взглядъ его смягчился.

— Простите, — сказалъ онъ тише. — Я не воленъ поступать иначе и вынужденъ настоять на своемъ.

Онъ нагнулся, взялъ ее холодную, какъ ледъ, руку и поднесъ къ губамъ.

— Надѣюсь, — прошепталъ онъ еще тише, — что современемъ заглажу свою вину.

Онъ слегка прижался сухими, горячими губами къ ее рукѣ и, не проговоривъ болѣе ни слова, ушелъ.

VII.

Блавлдія Павловна, ссылаясь на невыносимую головную боль, отказалась отъ чаю и удалилась въ свою комнату. Она, однако, не раздѣлась, не легла, не перемѣнила чернаго кружевного платья, въ которомъ ходила въ монастырь, на бѣлое, домашнее, а заходила безшумно, но быстро по комнатѣ. Какъ маковъ цвѣтъ, рдѣли воспаленныя, разжатыя ускореннымъ дыханіемъ губы; рѣзко выступили на блѣдномъ, почти до призрачности блѣдномъ лицѣ жгучіе глаза и тонкія ноздри трепетали. Волненіе сквозило въ каждой чертѣ страстью дышащаго лица, въ походкѣ, неровной, порывистой, нервномъ сжиманіи и разжиманіи бѣлизною на черномъ фонѣ ужева сверкающихъ рукъ.

Неслышно шагая взадъ и впередъ, Клавдія Павловна остановилась передъ туалетнымъ зеркаломъ. Лампа, стоявшая на столѣ за спиной, отчетливо освѣтила всю фигуру и зеркало отразило роскошный станъ и маленькую, совершенной формы, голову съ блѣднымъ лицомъ и большими, темными, полными огня глазами. Долго смотрѣла на себя Клавдія Павловна, смотрѣла критически, пристально всматриваясь въ нѣжную, атласистую кожу лица. Ни одной морщинки. Она была и молода, и неотразимо прекрасна.

Клавдія Павловна на шагъ отступила отъ зеркала. Черное кружево выгодно обрисовывало ея полный станъ, придавъ ему и большую стройность, и большую гибкость. Мысленно невольно поставила она рядомъ съ собою Рая. Горделивая улыбка выступила было на ея губахъ, но она подавила эту улыбку. Что-то вроде укола совѣсти заставило ее поспѣшно отогнать образъ тоненькой дѣвушки, но образъ этотъ не отходилъ. Она видѣла передъ собою печальный, недоумѣвающий взглядъ дочери, видѣла вздрагивающія отъ сдерживаемыхъ слезъ губы.

Взоръ Клавдіи Павловны омрачился. Она отвернулась отъ зеркала и снова безшумно зашагала по комнатѣ.

«Какъ все нелѣпо устривается въ жизни! — думала она. — Бѣдняжка! Не на шутку влюблена... Будь это не Рая, а другая дѣвчонка...»

Клавдія Павловна съ досадой пожала плечами и на мгновеніе остановилась.

«Да, но это Рая, — продолжала она размышлять, снова принимаясь шагать, — и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Дурочка... плачетъ, дуется... Точно *этимъ* можно вернуть къ себѣ...»

Она снова нетерпѣливо повела плечами и еще быстрее заходила по комнатѣ.

«Безъ сомнѣнія, они не пара... Рано или поздно она, все равно, была бы несчастна... Онъ бы ее бросилъ...»

Многое въ этомъ родѣ говорила себѣ Клавдія Павловна, но всё размышленія разбивались объ одно слово: «Дочь!» Никто иной-прочій, а дочь, дочь...

Досадливый голосъ совѣсти, непривычный голосъ, къ которому Клавдія Павловна никогда не прислушивалась. Она смѣялась надъ принципами, презирала принципы, называя ихъ измышленіями общественаго ханжества, и смѣло утверждала, что «умная женщина никогда не завязнетъ въ тинѣ»... И вдругъ колебанія, сомнѣнія и... страхъ... И передъ кѣмъ? Передъ Шаховымъ!... Это ее злило, выводило изъ себя... Но разрыва она страшилась... Слабохарак-

терпые люди, если задѣтъ ихъ самолюбіе, способны на непреодолимое упорство... А, между тѣмъ, никогда никто не внушалъ ей такого влеченія, такого восхищенія, какъ этотъ юноша. «Самовѣренный до нахальства!» — сказала себѣ Клавдія Павловна. Томная, нѣжная усмѣшка смягчила сумрачный блескъ ея глазъ. Она остановилась посреди комнаты и закрыла глаза.

Съ какимъ бѣшенствомъ схватилъ онъ ея руки! Какъ сжалъ ихъ, точно въ тискахъ!

Грудь Клавдіи Павловны высоко поднялась и опустилась. Улыбка нѣги разжала сочныя, пунцовыя губы. Клавдія Павловна отвернула кружево рукава и взглянула на бѣлую, безукоризненной формы кисть руки. Едва замѣтное темное пятнышко выступало на гладкой поверхности кожи. Клавдія Павловна поднесла руку къ лицу и съ нѣжною улыбкой прикоснулась губами къ этому темному, похожему на синякъ пятнышку.

«Глупый, необузданный мальчижъ! — прошептала она. — Такой еще глупый и такой прелестный! Еслибъ онъ зналъ...»

Да онъ и зналъ, и все понималъ. Голова его всегда трезва, страстные порывы, желанія не обезцвѣчены умозрѣніями. Впервые она встрѣчаетъ такую цѣльную натуру, и гдѣ же?... въ Россіи, въ странѣ умственного искаженія... И надо же, чтобъ этотъ единственный человѣкъ... Иронія, злая иронія!

Клавдія Павловна бросилась въ кресло, стоявшее у окна. Искрились звѣзды въ вышинѣ. Ночь, торжественно-тихая, благоуханная, разстилалась надъ спящимъ городомъ. Съ моря слабо донесся звонъ стелянокъ.

«Который-то часъ?» — подумала Клавдія Павловна.

И, словно въ отвѣтъ ей, за стѣною, на половинѣ Зои Никитиши, раздался медленный бой старинныхъ часовъ.

«Двѣнадцать! — прошептала Клавдія Павловна. — Что-то дѣлаетъ теперь мой бѣшенный мальчижъ?»

Желаніе, страстное, безумное, непреодолимое, охватило все существо ея. Она заломила назадъ бѣлыя руки и стиснула себѣ пылающую голову.

«Борьба нелѣпа! къ чему? для чего? Кто отъ этого выиграетъ?»

Какъ пружина, поднялась она съ кресла и снова безшумно загалась по комнатѣ. Немного погодя она остановилась передъ ступенью, на которомъ висѣлъ длинный кружевной черный шарфъ. Она схватила его и накинула на голову.

«Это выше силъ! — безсвязно шептала она. — Все вздоръ... Предсудки... Деньщикъ увидить... Ахъ, какая чепуха!... Ну, и пусть!»

И въ сознаниі своей правоты, гордо откинувъ красивую голову, окутанную чернымъ кружевомъ, она быстро направилась къ двери и вошла въ сосѣднюю комнату, ея приѣмную. Свѣтъ горѣвшей на верандѣ лампы проникалъ сюда съвозъ стеклянную дверь.

Блавлдія Павловна невольно замедлила шаги.

«Забыли погасить», — мелькнуло у нея въ головѣ.

Она рѣшительно двинулась впередъ и распахнула стеклянную дверь.

На верандѣ, у стола, на которомъ горѣла лампа, сидѣлъ или, скорѣе, лежалъ въ креслѣ-качалкѣ Шаховъ и, мирно расположившись въ покойной позѣ, читалъ французскій романъ. При появленіи Блавлдіи Павловны онъ опустилъ книгу на колѣни, надѣлъ рiпсе-пез и съ любопытствомъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы. Блавлдія Павловна въ оцѣпенѣніи застыла на порогѣ.

— Вы здѣсь? — сдавленнымъ голосомъ промолвила она.

— Какъ видите, — спокойно возразилъ онъ. — Очень интересный романъ... А вы, должно быть, справились съ мигренью и потому собрались на прогулку?

Глаза Блавлдіи Павловны загорѣлись.

— Вамъ какое дѣло? — грубо свазала она.

— До цѣли вашей прогулки? Ни малѣйшаго... Но если позволите, я васъ провожу.

Рѣзкій, отрывистый смѣхъ вырвался у Блавлдіи Павловны. Судорожно дернувъ конецъ шарфа, она въ влочья изорвала драгоцѣнное кружево.

— Въ приморскихъ городахъ, да еще въ такихъ, гдѣ улицы теряются въ развалинахъ, ходить одной на свиданіе не безопасно, — безстрастно продолжалъ Шаховъ.

Она винула на него быстрый, молніеносный взглядъ, въ которомъ ярость боролась со страхомъ, и, отвернувъ отъ него искаженное разнородными чувствами лицо, стремительно прошла къ лѣстницѣ.

Шаховъ съ любопытствомъ слѣдилъ за нею. Ни одно движеніе не ускользнуло отъ его вниманія. Онъ видѣлъ, какъ она намѣревалась было сбѣжать со ступенекъ, но раздумала, выпрямилась и неподвижно остановилась, скрестивъ руки на груди и всматриваясь въ темную глубь сада.

Злорадная усмѣшка искривила тонкія, нервныя губы Шахова. Онъ уронилъ рiпсе-пез и снова поднесъ книгу къ глазамъ.

Сколько времени длилось молчаніе, Блавлдія Павловна не знала. Но Шаховъ зналъ, что оно длилось долго. Интересный романъ уж

не поглощала его вниманія и, утомленный напрасною попыткой вникнуть въ читаемое, онъ положилъ на столъ книгу и закурилъ папиросу.

Брезгливое, угрюмое выраженіе разлилось по его лицу, избородивъ щеки, углы носа и губъ безчисленными морщинками. Усталость и скуку выражали теперь потускнѣвшіе глаза.

Клавдія Павловна повернулась и, не глядя на него, прошла въ свою комнату.

Шаховъ поднялъ голову. Стеклянная дверь осталась открытой. Шелестъ платья, скрипъ закрываемаго шкафа, стукъ отодвинутаго стула явственно доносились до него. Надѣвъ рince-pez, онъ прислушивался къ этимъ звукамъ, не мѣняя небрежнаго положенія въ креслѣ и не отрывая глазъ отъ двери. Не перемѣнилъ онъ положенія и тогда, когда Клавдія Павловна, въ своей обычной широкой бѣлой одеждѣ, появилась въ дверяхъ и плавно приблизилась къ нему. Ничто не выдавало пережитой душевной бури. Только окруженные темною синевой глаза не утратили еще лихорадочнаго блеска и губы рдѣли ярче обыкновеннаго на блѣдно-матовомъ лицѣ. Но голосъ звучалъ кротко и взглядъ былъ мягокъ, когда она остановилась передъ Шаховымъ и, опираясь на столъ рукой, проговорила:

— Жоржъ, ты помѣшалъ мнѣ сдѣлать глупость.

— Непоправимую, — сухо замѣтилъ онъ.

— Непоправимую, — согласилась она.

Шаховъ угрюмо, не безъ любопытства смотрѣлъ на нее; она съ выраженіемъ покорнаго самоуниженія во взорѣ выдержала его взглядъ.

— Благодарностью, однако, вы обязаны не мнѣ, а вашей дочери, — такъ же сухо продолжалъ Шаховъ.

Едва замѣтная тѣнь досады отуманила было мягкое, покорное выраженіе, сквозившее въ каждой чертѣ обаятельнаго въ своей кротости лица, но тѣнь эта исчезла и кротостью сіяли глаза, покорность выражали мягко сжатые алыя губы. Склонивъ голову, отошла она отъ Шахова и опустилась на кушетку. Пережитая борьба какъ бы сломила въ ней сознаніе своего надъ всѣми превосходства.

— Вы не хотите знать, почему вы обязаны вашей дочери? — тихо спросилъ Шаховъ.

— Ахъ, я такъ устала, Жоржъ! — томно возразила она. — Я не въ силахъ выразить тебѣ мою благодарность... Дай мнѣ отдохнуть въ себя.

Она въ изнеможеніи прислонилась головой къ спинкѣ кушетки и закрыла глаза.

Шаховъ обернулся лицомъ къ ней.

— Какая изъ васъ совершенная вышла бы актриса!—сказалъ онъ.

Ни одна черта лица Клавдіи Павловны не дрогнула.

— Десять лѣтъ я знаю васъ, знаю, кажется, довольно основательно, и до сихъ поръ не огражденъ отъ сюрпризовъ!

Клавдія Павловна не шевельнулась.

«Подъломъ мнѣ!—думала она, между тѣмъ.—Теперь я должна молчать, и буду молчать... до поры до времени. Увидимъ, кто изъ насъ выйдетъ побѣдителемъ!»

— Прошу меня выслушать,—рѣзко заговорилъ Шаховъ.

Онъ пересѣлъ съ качалки на стулъ, положилъ локоть на столъ, а свободною рукой подчеркивалъ соотвѣствующими жестами свои слова.

— За недѣлю моего отсутствія,—началъ онъ,—вы довольно далеко зашли... Дальше, чѣмъ я даже могъ предположить... Для васъ это шаль, чадъ—не больше... Хотя, признаюсь, этого сюрприза я не ожидалъ... Вы, такая разсудительная, и чуть было не поставили всего на карту... Или годы начинаютъ сказываться?—растягивая слова, ехидно спросилъ онъ.

Клавдія Павловна съ трудомъ подавила невольное движеніе. Лицо—зеркало души—хранило кроткое, покорное выраженіе; длинныя шелковистыя рѣсницы не выдавали блеска полузакрытыхъ глазъ.

Не дождавшись отвѣта, Шаховъ продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Ожидавшій меня здѣсь сюрпризъ былъ бы для меня, безъ сомнѣнія, прекраснымъ поводомъ для разрыва, окончательнаго разрыва... Вы не заснули, Клавдія Павловна?

— Я васъ слушаю. Продолжайте казнить, если есть охота.

Красныя пятна выступили на лбу Шахова; губы и вѣки глазъ нервно задвигались. Онъ всталъ и, заложивъ руки за спину, слегка сторбившись, молча и быстро прошелъ нѣсколько разъ по верандѣ. Холодно-презрительно слѣдила за нимъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ Клавдія Павловна.

— Я не буду пользоваться обстоятельствами,—заговорилъ онъ, останавливаясь передъ нею,—и скажу коротко и ясно... Равашей дочери я готовъ отказаться отъ единственнаго, можетъ, случая вернуть себѣ свободу...

«Что бы ты сталъ дѣлать съ этою свободой, глупецъ?»—подумала Клавдія Павловна, но ни единый мускулъ на ея покорностъ выражающемъ лицѣ не выдалъ этой мысли.

— Вы не находите, что мы съ вами причинили достаточно зла бѣдной дѣвочкѣ?

— Ты знаешь, Жоржъ, что я не раздѣляю твоихъ перемежающихся возвратовъ къ сентиментальности, — пѣвучимъ голосомъ, кротко возразила Клавдія Павловна. — Я была на краю совершенія великой глупости... Ты правъ... Должно быть, я старѣюсь... Ты правъ, кругомъ правъ... Но говори скорѣй свои условія, скорѣй!... Довольно предисловія!

Она выпрямилась. Отъ кротости, покорности, изнеможенія не осталось и слѣда. Глаза ея злобно глядѣли на Шахова.

— Условія, — нетерпѣливо повторила она, — и скорѣй!

Теперь она повелѣвала. Шаховъ потерялъ на время нить своихъ разсужденій. Онъ посмотрѣлъ на нее съвозъ *ripse-pez*, передернулъ плечами и, заложивъ опять руки за спину, молча зашагалъ по верандѣ. Клавдія Павловна не спускала съ него мрачнымъ огнемъ свергающихъ глазъ.

«Этотъ и тотъ... Какая разница! О, какъ я ненавижу его, ненавижу!»

Шаховъ обернулся къ ней и жесткимъ, враждебнымъ взглядомъ отвѣтилъ на ея полный ярости взоръ.

— Такъ вы мнѣ больше нравитесь, — медленно проговорилъ онъ. — По крайней мѣрѣ, все ясно, все понятно.

Клавдія Павловна встала и, видя себя, сдѣлала шагъ впередъ, но тотчасъ же остановилась.

— Егоръ Ивановичъ, вы знаете, я не очень терпѣлива по натурѣ! — хриплымъ голосомъ промолвила она.

— Мнѣ ли этого не знать? — насмѣшливо замѣтилъ онъ. — Я могъ бы, еслибъ хотѣлъ, составить музей изъ вещей, поломанныхъ и разбитыхъ въ подобныя этой минуты... Но до такого взрыва я васъ сегодня не доведу... Мы не у себя...

— Условія, условія! — прервала она, наступая на него.

Шаховъ отступилъ шагъ назадъ. Въ состояніи такой ярости что бы онъ ни говорилъ, онъ еще никогда не видалъ ее. Грація, авность движеній исчезли. Неровными красными пятнами покрытъ всегда блѣдно-матовое лицо; взглядъ большихъ черныхъ глазъ былъ поистинѣ ужасенъ. Еслибъ ей дано было испепелить ярившаго передъ нею ненавистнаго человѣка, то, конечно, отъ него не осталось бы и слѣда.

И эту фурію онъ любилъ!... Ей отдалъ онъ лучшіе годы!... Иди неа измотался, истрепался въ концѣ!

Шаховъ схватилъ себя за голову, шатаясь отошелъ къ столу и повалился въ кресло.

Смутное чувство, что она слишкомъ натянула струну, проникло въ сознание Клавдіи Павловны, но она не въ силахъ была овладѣть охватившимъ ее бѣшенствомъ, не въ силахъ отогнать тотъ молодой, полный непосредственной пылкости образъ, отъ котораго она должна отказаться, *должна*, если не желаетъ порвать съ этимъ трипичнымъ, изнервничавшимся метафизикомъ.

Путаясь въ длинномъ шлейфѣ платья, порывистою, неровною походкой пронеслась она мимо Шахова и сбѣжала со ступенекъ лѣстницы съ садъ.

Долго просидѣлъ Шаховъ въ креслѣ, разбитый, уничтоженный, ни о чемъ не думая и какъ бы ничего не чувствуя. Наконецъ, несмотря на усталость, на совершенную разбитость, онъ сталъ припоминать, что ему слѣдовало что-то предпринять, что-то рѣшить ради... бѣдной дѣвочки.

«Да, да, ради этой несчастной дѣвочки, — повторилъ онъ нѣсколько разъ и, не раздумывая дольше, вынулъ изъ бокового кармана записную книжку, вырвалъ изъ нея листокъ и карандашомъ начерталъ:

«Мое условіе: завтра къ десяти часамъ утра будетъ заказана коляска. Вы отправитесь съ парходомъ въ Ялту и тамъ ожидайте дальнѣйшихъ распоряженій. *Conditio sine qua non*».

Положивъ листокъ на столъ у лампы на видномъ мѣстѣ и поставивъ на него, въ видѣ прессъ-папье, пепельницу, онъ взялъ шляпу, трость и тоже сошелъ въ садъ, чтобы оттуда черезъ калитку выйти на улицу.

На одной изъ тропинокъ, среди жасминовъ и розъ, бѣлѣлась высокая фигура Клавдіи Павловны. Шаховъ обогнулъ клумбу цвѣтовъ и пошелъ по другой тропинкѣ. Бѣлыя руки съ мольбой простерлись къ нему и нѣжный, какъ Эолова арфа, голосъ коснулся его слуха въ ночной тишинѣ: «Жоржъ!» — и потомъ еще тише, еще нѣжнѣе: «Жоржъ!» Но Шаховъ не замедлилъ шаговъ, не повернулъ головы и, дойдя до калитки, отдернулъ засовъ и вышелъ на улицу, захлопнувъ за собою калитку.

VIII.

Коляска, увозившая Клавдію Павловну на парходъ, давно уже скрылась изъ вида, а Зоя Никитишна все еще не могла придти въ себя отъ изумленія. О внезапномъ отъѣздѣ «Клеопатры» она узна-

ла только тогда, когда заказанная коляска была у подъезда и Клавдія Павловна, въ изящномъ дорожномъ костюмѣ, съ небольшимъ саконъ въ рукахъ, вышла изъ своихъ комнатъ. Махмудга слѣдовалъ за нею съ сундукомъ на спинѣ.

— Голубушка, Зоя Никитишна, — заговорила она своимъ низкимъ, приятнымъ голосомъ, — вы не откажетесь уложить оставшіяся кое-какія вещи? Егоръ Иванычъ распорядится отправкою чемодановъ.

— Вы уѣзжаете? Куда? Зачѣмъ? На долго ли? — вскрикнула Зоя Никитишна, не вѣря ни ушамъ, ни глазамъ своимъ.

Клавдія Павловна загадочно усмѣхнулась.

— Куда? — въ Ялту. Зачѣмъ? — не знаю. На долго ли? — не вѣдаю. Спасибо вамъ, душечка, за радушіе. Вздумаете кругосвѣтное плаваніе совершить — ко мнѣ милости просимъ.

Она со смѣхомъ трижды облобызала въ столбъ удивленія превратившуюся старую дѣвицу и вышла на подъездъ, вся сіяя улыбкой, красотой и здоровьемъ. Привѣтливо кивнувъ головой въ нѣмомъ изумленіи слѣдовавшей за нею Зоѣ Никитишнѣ, она сѣла въ коляску, оправила платье, раскрыла зонтикъ, и все это такъ просто, непринужденно, будто ей предстояло катанье по городу.

Коляска быстро доставила ее на пристань, усѣянную, какъ всегда передъ отходомъ парохода, публикой.

Клавдія Павловна позвала носильщика и плавно, граціозно направилась было къ кассѣ, когда передъ нею точно изъ земли выросъ Шаховъ.

— Я уже взялъ билетъ, — сказалъ онъ. — Совѣтую вамъ пройти прямо въ дамскую каюту и до отхода парохода не выходить наверхъ.

Клавдія Павловна безпрекословно, съ полуласковою, полунасмѣшливою улыбкой оперлась на его руку. Они поднялись на палубу и спустились по лѣстницѣ въ каютъ-компанію.

— И это все? — мягко спросила Клавдія, когда, открывъ для нея дверь въ дамскую каюту, онъ хотѣлъ удалиться.

— Я сейчасъ пришлю съ носильщикомъ багажную квитанцію, — сухо сказалъ онъ и, не глядя на нее, отступилъ отъ двери.

Клавдія Павловна снисходительно усмѣхнулась и вошла въ каюту.

До отхода парохода Шаховъ не спускалъ глазъ съ палубы 1-го класса. Наконецъ, раздался третій звонокъ, за нимъ пронзительный свистокъ; зашумѣлъ внезапно пущенный паръ; грохнулись ранняя сходня и пароходъ отошелъ отъ пристани. Клавдія Павловна на палубѣ не показывалась. Шаховъ со вздохомъ облегченія

отвелъ глаза отъ быстро удалявшагося парохода, повернулся, собираясь уйти, и чуть не столкнулся лицомъ къ лицу съ Мавраки. Онъ машинально приподнялъ шляпу.

«Напрасно не отправилъ я ее сухимъ путемъ», — мелькнуло у него въ головѣ.

Мавраки коснулся рукой козырька фуражки.

— Я думалъ, вы въ этотъ часъ обыкновенно на эллингѣ, — небрежно замѣтилъ Шаховъ.

— Я зашелъ сюда случайно, — холодно отвѣтилъ Мавраки. — Надолго уѣхала Блудія Павловна? — отрывисто спросилъ онъ, не рѣшаясь спросить, куда она уѣхала.

— Надолго ли? — переспросилъ Шаховъ. — Вѣроятно, надолго. По всей вѣроятности, навсегда. Имѣю честь кланяться.

Онъ снова приподнялъ шляпу и началъ подыматься по лѣстницѣ. Мавраки недружелюбно посмотрѣлъ ему вслѣдъ, сдвинулъ свойственнымъ ему быстрымъ движеніемъ фуражку на затылокъ и, заложивъ руки въ карманы брюкъ, обернулся лицомъ къ морю. Корпусъ парохода уже заволакивался голубою дымкой знойнаго дня; вотъ ужъ только струйка дыма стелется вдали, но и эта струйка скоро расползлась, растаяла, и небо и море слились на горизонтѣ въ одну непрерывную синеву.

Мавраки круто повернулся, прошелъ нѣсколько шаговъ и спустился въ ожидавшую его четырехвесельную гичку.

Онъ сѣлъ на руль, гребцы-матросы дружно взмахнули веслами и гичка, какъ птица, понеслась по синей поверхности моря.

«Остался бы онъ въ дуракахъ, еслибъ я только захотѣлъ!» — думалъ онъ, зорко глядя впередъ.

И команда его звучала рѣзко, жестко, и жестко смотрѣли ввалившіеся, подведенные глаза.

На эллингѣ онъ вернулся къ своему дѣлу съ энергіей и полнымъ самообладаніемъ. Ему предстояло, между прочимъ, въ этотъ день сдѣлать сложныя вычисленія. Онъ просидѣлъ надъ ними часа два и ни одной ошибки не вкралось въ вычисленія. Все не относящееся къ дѣлу, какъ всегда, было изгнано изъ головы. Энергія, распорядительность, быстрое схватываніе подробностей не покидали его. Не слышали только сослуживцы заразительнаго смѣха, не развлекалъ ихъ болтовней и анекдотами веселый товарищъ, а нерадивые рабочіе чувствовали себя болѣе чѣмъ когда-либо не по себѣ подъ надзоромъ всевидящаго и ни одного промаха не пропускающаго мичмана.

По окончаніи работъ Мавраки съѣхалъ на берегъ и тотчасъ же

не заходя домой, отправился къ священнику. Переговоры его съ батюшкой окончились благополучно. Вѣнчаться можно было и раньше, если нетерпѣливые нареченные того пожелаютъ.

— А послѣ вѣнчанія сейчасъ на пароходъ,—невольнo вслухъ высказывалъ свою мысль Мавраки.

— Что же, можно и на пароходъ,—добродушно согласился батюшка.— Теперь все пошло на спѣшку... Все спѣшать, все спѣшать... А жизнь идетъ своимъ чередомъ, какъ прежде, такъ и теперь... Кому счастье, кому горе... Ну, дай вамъ Богъ счастья! — успокоительно прибавилъ онъ, провожая юнаго, пылкаго посѣтителя до двери.

Мавраки отправился домой. За весь длинный день онъ ничего не ѣлъ. Онъ послалъ деньщика въ гостиницу за обѣдомъ. Но когда деньщикъ подаль подогрѣтый, перестоявшійся обѣдъ и поставилъ на столъ передъ бариномъ бутылку краснаго вина, то баринъ залпомъ выпилъ два стаканана, а къ супу и жаркому едва прикоснулся. Необходимость свиданія съ невѣстой послѣ бесѣды со священникомъ казалась ему худшимъ испытаніемъ.

Онъ еще сидѣлъ передъ порожнею бутылкой и раздумывалъ, не лучше ли, вмѣсто словеснаго объясненія, ограничиться письменнымъ, когда въ сѣняхъ его маленькой офицерской квартиры раздались грузные шаги и знакомый голосъ Бунчука произнесъ: «Не ври, знаю, что дома!» Вслѣдъ за этимъ самъ Бунчукъ безцеремонно вошелъ въ комнату.

— Это вы что же, голубчикъ, запираетесь?—весело заговорилъ онъ еще въ дверяхъ.—Я утромъ пріѣхалъ и тотчасъ послалъ къ вамъ. Говорятъ, на работѣ. Доброе дѣло! На работѣ, такъ на работѣ. Подождемъ до вечера. Насталъ вечеръ, стемнѣло, васъ нѣтъ... Ну, думаю, самъ пойду... И тутъ преграда въ лицѣ вашего тѣлохранителя!... Для чего же такъ?... Ну, будьте здоровы!

Онъ дружески потрясъ руку Мавраки, бросилъ на столъ фуражку и опустился на ближайшій стулъ.

— А меня, по пріѣздѣ, огорошили всякими новостями,—благодарушно продолжалъ онъ.—Во-первыхъ, утромъ мадамъ Шахова вдругъ нежданно-негаданно погинула нашъ градъ и даже не проглась съ дочкой, къ которой такъ нѣжно стремилась всего какъ-нибудь двѣ недѣли назадъ... Я прямо касаюсь щекотливаго обстоятельства, такъ какъ же намъ комедію ломать?... Я уже почти членъ семьи... Да-съ... А вторая новость, не менѣе чувствительная, это ваше настоятельное желаніе скоропалительно вѣнчаться. Это меня, можно сказать, чуть съ ногъ не спибло.

Мавраки, кусая губы, пытливо смотрѣлъ на Бунчука и мучительный вопросъ вертѣлся у него въ головѣ: «Знаеть ли онъ что-нибудь? Чтò знаетъ? Какія сплетни дошли до него?»

— Вамъ Раиса Васильевна сообщила? — осторожно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не Раиса Васильевна... О Раисѣ Васильевнѣ рѣчь впереди. Краснушки своей я не узнаю... Похудѣла она до неузнаваемости... Вы еще передо мной отвѣтъ будете держать, милостивый государь,—шутливо произнесъ онъ.—Нѣтъ, не Раиса Васильевна,—повторилъ Бунчукъ,—а Марѳа Андреевна.

— И вы, Василій Андреичъ, вернулись вслѣдствіе письма?—допытывался Мавраки, какъ бы желая выгадать время.

— Не совсѣмъ. Дѣло въ томъ, что, между нами будь сказано, я просто бѣжалъ на хуторъ и жилъ себѣ тамъ, притаившись... На что мнѣ переговоры? Для чего переговоры? Какіе переговоры? Никакихъ переговоровъ знать не хочу и ни въ какую стачку не войду... Вины тоже на себя не возьму... Можетъ, я жениться хочу!

Василій Андреевичъ громко расхохотался. Мавраки все сомнительнѣе казалось возбужденіе Бунчука, его словоохотливость и оживленіе. Но Василій Андреевичъ не замѣчалъ, повидимому, испытующаго взгляда и отчаянной рѣшимости на изсиня-блѣдномъ лицѣ мичмана.

— Никакой бѣсъ,—продолжалъ онъ въ томъ же духѣ, — съ хутора меня бы не вытянулъ. Не даромъ я хохолъ! Семь чертей меня не переупрямятъ... Но Марѳа Андреевна начала меня осаждать записками, да все какими-то туманными... О краснушкѣ, значить, что и худѣеть-то она, и тоскуетъ, и плачетъ... а женихъ и глазъ не кажетъ... И свадьбѣ-де этой не бывать... Да, пожалуй, и лучше... Сердце ея не лежитъ къ этой свадьбѣ, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Что за чортъ, думаю! Ругнулъ-таки я васъ порядкомъ... Дѣвочка, что воскъ. Какъ не справиться?... А паренъ еще на диво смысленный... Неохота была мнѣ, однако, вмѣшиваться... Жду отъ краснушки словечка—молчить. Собрался и поѣхалъ... А утромъ, говорятъ, ко мнѣ человѣка съ письмомъ погнали... Да мы, вѣрно, разѣхались... Вотъ какимъ образомъ я тутъ, какъ тутъ—точно по заказу прибылъ!—закончилъ Василій Андреевичъ.—Ну а теперь скажите, мое сердце, что васъ заставляетъ на паракъ вѣнчаться?

— Обстоятельства,—развязно заговорилъ Мавраки.—На-дняхъ мнѣ предстоитъ командировка въ Англію. Можетъ, мѣсяца двѣ придется тамъ пробывать. А затѣмъ уйду въ дальнее плаваніе...

Когда же вѣнчаться? Три года слишком помолвку тянуть? Мы не нѣмцы. Такъ, по крайней мѣрѣ, будетъ дѣло сдѣлано.

— А куда же вы жену послѣ вѣнчанія дѣнете?—допрашивалъ Бунчукъ.

— Какъ куда? На пароходъ и въ Одессу, а тамъ въ Англію. Пробудемъ вмѣстѣ мѣсяца два-три, а тамъ, тамъ... Вы сами знаете, какъ живутъ жены моряковъ... Большею частью въ разлукѣ съ мужьями,—совершенно спокойно и впадая въ обычный безпечный тонъ, проговорилъ мичманъ.

Блѣдная усмѣшка появилась на его губахъ, не смягчивъ, однако, жесткаго выраженія глазъ.

— Да, да, конечно,—какъ бы обрадовавшись этой улыбкѣ, подхватилъ Бунчукъ.—Самая невеселая жизнь женъ моряковъ... Я это и краснушкѣ говорилъ. Но что дѣлать? За то моряки—славный народъ!

Онъ пытливо посмотрѣлъ на Мавраки и озабоченно почесалъ себѣ затылокъ.

— А вотъ, скажите, почему она все плачетъ?—нерѣшительно спросилъ онъ.—Понимаете, она слова не можетъ выговорить безъ слезъ и ни одной минуты не хочетъ остаться со мной наединѣ.

— Предстоящая разлука съ вами,—неопредѣленно возразилъ Мавраки.

— И послѣднее время передъ долгою разлукой бѣгаетъ отъ меня!

Мавраки нагнулся и поднялъ съ полу какую-то бумажку.

— Я радъ, что вы зашли ко мнѣ, Василій Андреичъ,—заговорилъ онъ, тщательно расправляя и складывая бумажку.—Я только что вернулся отъ отца Іоанна... Онъ говоритъ, что можетъ повѣнчать насъ въ среду.

Бунчукъ подскочилъ на стулъ.

— Какъ въ среду? На этой недѣлѣ?

— На этой недѣлѣ,—торопливо отвѣтилъ Мавраки.—Я васъ очень буду просить сообщить это Раисѣ Вас... Раѣ... Я только что собирался написать ей... Самъ не могу придти... Ужасно нездоровя... Голова трещить... Всего разломило.

Онъ уронилъ на полъ тщательно сложенную бумажку и всталъ.

— Вы меня извините, Василій Андреичъ... Должно быть, мнѣ лечь въ постель.

Самообладаніе начало покидать его. Онъ нервно теребилъ цѣвку часовъ; глаза его тревожно забѣгали. Бунчукъ неохотно чался со стула.

— Я давно вижу, что вамъ не по себѣ, — добродушно промолвилъ онъ. — Жаль, очень жаль. Намъ бы надо еще потолковать... Ну, да что дѣлать?... Отложимъ разговоръ... Ложитесь да согрѣйтесь хорошенько. Переутомились, видно... И волнение, къ тому же.

Онъ взялъ со стола фуражку и протянулъ руку. Участливо взглянулъ онъ на видимо-разстроенное, болѣзненное лицо молодого человѣка. Мавраки отвелъ горящій, тревожный взоръ отъ протодушно-вопросительнаго взгляда довѣрчиваго добряка, едва прикоснулся ледяною рукой къ его рукѣ и поспѣшилъ отворить дверь своему гостю.

«Выпроваживаетъ, — подумалъ Бунчукъ, выходя въ сѣни, а оттуда на улицу, — совсѣмъ на себя не похожъ паренъ».

Въ глубокомъ раздумьѣ шелъ онъ по улицѣ. На бульварѣ играла музыка. Бунчукъ направился на бульваръ. До возвращенія домой ему хотѣлось хоть кое-какъ собраться съ мыслями. Что-то случилось въ его отсутствіе, но что — онъ не могъ понять, какъ не могъ понять внезапнаго отъѣзда Елвдіи Павловны. Всѣ молчатъ, всѣ страдаютъ и что-то отъ него скрываютъ.

Онъ сѣлъ за одинъ изъ столиковъ, разставленныхъ близъ ротонды, и велѣлъ подать себѣ стаканъ чаю. Свѣтъ горѣвшихъ вокругъ ротонды фонарей мало достигалъ этого отдаленнаго столика. Бунчукъ долго просидѣлъ одинокъ, весь погруженный въ невеселыя думы и не обращая вниманія ни на гуляющую публику, ни на грѣмѣвшій оркестръ. Оркестръ замолкъ, говоръ гуляющихъ сталъ доноситься до него явственнѣе. Бунчукъ машинально выпилъ остывшій чай и хотѣлъ было потребовать другой стаканъ, когда ему послышалось, будто кто-то произнесъ его фамилію. Онъ оглянулся. Въ недалекомъ отъ него разстояніи болтали вокругъ столика, за бутылками вина, нѣсколько моряковъ.

— Красавица! знойная красавица! — съ восторгомъ говорилъ одинъ изъ нихъ. — Дочкѣ куда до нея!

— Куда! — согласился другой.

— Одни глаза чего стоятъ... Хотя я много слышалъ о мадамъ Бунчукъ...

— Мадамъ Шахова! — поправилъ другой.

— Бунчукъ-Шахова-Мавраки! — ввернулъ третій.

Всѣ громко расхохотались. Василій Андреевичъ замеръ на мѣстѣ; сердце его перестало биться. Онъ весь превратился въ слухъ.

— Кто бы это могъ ожидать отъ нашего хладнокровнаго, твердаго, разсудительнаго Мавраки?

— И, вѣдь, какъ влюбился-то... Словно тѣнь за ней ходилъ.

— И это въ будущую-то тещу!

Всѣ снова дружно расхохотались.

— Ну, и дѣла же, господа! Чего только въ наше время не творится!

Оркестръ грянулъ увертюру Фрейшютца и заглушилъ говоръ и смѣхъ веселыхъ моряковъ, невинно боротающихся время за виномъ и не подозрѣвающихъ, какой ударъ нанесла шутливая бесѣда сидѣвшему подъ сѣнью акаціи въ двухъ шагахъ отъ нихъ человѣку.

Ошеломленный, какъ старый дубъ, подъ корень подсѣченный, сидѣлъ Бунчукъ, понигнувъ головою, и бессмысленно смотрѣлъ себѣ подъ ноги. Наконецъ, онъ всталъ и поплелся по бульвару. Колѣни его дрожали; въ головѣ вихремъ проносились какія-то несвязныя мысли; кровь приливала къ лицу; въ вискахъ стучало. Онъ вышелъ на улицу. Рѣдкіе фонари слѣпили ему глаза. Онъ шелъ, спотыкаясь, шатаясь, какъ пьяный, все дальше отъ музыки, отъ говора толпы, все дальше отъ тѣхъ шутниковъ, которые такъ весело вышучивали то, что подкосило молодую жизнь его дѣвочки, его маленькой невинной дѣвочки.

«Такъ вотъ что! — повторилъ онъ мысленно, какъ автоматъ двигаясь впередъ. — Такъ вотъ что!»

Но тотчасъ же другая мысль вытѣснила первую:

«Можетъ быть, сплетня. Надо узнать... Убѣдиться».

И онъ шелъ, не останавливаясь, пока не дошелъ до домика Зои Никитишны. У подъѣзда этого домика онъ почти овладѣлъ собою. Болѣе твердою походкой поднялся онъ на крыльцо и потянулъ за ручку дверь. Не запертая на ключъ дверь открылась. Бунчукъ вошелъ въ сѣни, слабо освѣщенные тусклою лампочкой. Онъ кашлянулъ. Никто не отозвался на кашель. Онъ заглянулъ въ рабочую комнату хозяйки — темно. Тогда черезъ сѣни онъ вышелъ въ садъ и, завидѣвъ свѣтъ лампы на верандѣ, пошелъ на этотъ свѣтъ.

— Кто-то идетъ, — проговорила Зоя Никитишна, когда шаги Бунчука послышались на ступенькахъ веранды.

«Она не одна; какъ не кстати!» — сказалъ себѣ Бунчукъ.

Но было уже поздно раздумывать. Онъ переступалъ послѣднюю ступеньку.

За чайнымъ столомъ Зоя Никитишна разливала чай, а напротивъ нее помѣщался Шаховъ. Ситечко выпало изъ рукъ Зои Никитишны; она едва не уронила чайника и, поспѣшно поставивъ его на поднось, растерянно вскочила со стула. Шаховъ тоже всталъ; цо его поблѣднѣло; рука, опиравшаяся на спинку стула, слегка дрожала. Круглыми, расширенными отъ испуга глазами смотрѣла

Зоя Никитишна на Василия Андреевича, какъ будто передъ нею стояло привидѣніе.

— Вотъ неожиданно!—невнятно заговорила она.—Совершенно неожиданно!... Садитесь, Василий Андреечъ... Какъ же это я ничего не знала о вашемъ прїѣздѣ?... А Егоръ Иванычъ зашелъ проститься... Завтра уѣзжаетъ.

Вся багровая, растерянная, взволнованная, Зоя Никитишна обернулась лицомъ къ самовару и, расплескивая чай, начала поспѣшно разливать его по стаканамъ.

Шаховъ молча смотрѣлъ на Бунчука, а Бунчукъ точно приросъ къ мѣсту. Пока Зоя Никитишна бормотала что-то для него несвязное, онъ тупо смотрѣлъ на нее. Когда она повернулась къ самовару, онъ медленно перевелъ глаза на Шахова. Взгляды ихъ встрѣтились. Десять лѣтъ они не видались; десять лѣтъ онъ не могъ безъ злобы и ненависти вспомнить имя того, кто разбилъ его семейное счастье, и вотъ судьба столкнула ихъ лицомъ къ лицу и въ такую минуту! Когда молодое счастье его дѣвочки тоже безжалостно разбито... и главный виновникъ этого непоправимаго несчастья—онъ самъ, его малодушіе, трусость, себялюбіе. Возможно ли тутъ думать о личной обидѣ?

Онъ глядѣлъ какъ сквозь туманъ на когда-то столь дорогое ему лицо и видѣлъ страданіе, стыдъ, самоуничженіе на этомъ лицѣ, и вотъ что-то сильнѣе его воли широкою волной внезапно поднялось въ его душѣ и заглушило горечь прошлаго. Онъ стремительно подался впередъ и протянулъ руку. Шаховъ обѣими руками схватилъ протянутую руку.

Слезы облегченія вдругъ закапали изъ глазъ Зои Никитишны. Она швырнула ситечко на поднось и, бормоча что-то о Махмудѣ и хозяйствѣ, убѣжала въ домъ.

Ни Бунчукъ, ни Шаховъ не обратили на нее вниманія. Не разжимая рукъ, стояли они другъ передъ другомъ, и прошлое, съ его злобой и ненавистью, словно таяло, уходило, уступая мѣсто свѣтлымъ, ничѣмъ не омраченнымъ воспоминаніямъ далекой юности.

— Я остался, — началъ Шаховъ звенящимъ отъ волненія голосомъ, — чтобы еще разъ повидать Раю.

— Раю, — мягко повторилъ Бунчукъ. — Да, ты ее любишь.

— Очень... Я не ожидалъ, что ты вернешься, и думалъ, что можетъ быть, буду ей полезенъ... Но мнѣ не удалось ее видѣть...

Просвѣтленное душевнымъ подъемомъ лицо Бунчука омрачилось.

— Сейчасъ я слышалъ обрывки одного разговора, — съ уси-

лиемъ заговорилъ онъ, выпуская руку Шахова.—Я потому сюда и пришелъ... Тутъ безъ меня странныя вещи совершились... Правда, что Мавраки...

Онъ не договорилъ. Шаховъ медлилъ отвѣтомъ.

— Правда, — подтвердилъ онъ, наконецъ.

Бунчукъ не спускалъ съ него пристального взгляда.

— И то, что ты, можетъ быть, слышалъ про... про другую сторону, тоже правда, — сказалъ Шаховъ.

Вѣки и рыжеватые усы Бунчука зашевелились.

— Хорошо, — промолвилъ онъ. — Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать.

Онъ помолчалъ.

— Прощай, Егоръ, — тихо произнесъ онъ.

Шаховъ стиснулъ ему руку и послѣдовалъ за нимъ до конца веранды.

— Слушай, — заговорилъ онъ, касаясь рукой плеча Бунчука, и голосъ его дрогнулъ. — Если ты когда-нибудь номышлялъ о мести, то знай, что ты давно отомщенъ, вполне отомщенъ.

Бунчукъ посмотрѣлъ на него мягкимъ, добрымъ, глубокимъ взглядомъ, хотѣлъ что-то сказать, но только изо всей силы сжалъ руку Шахова и они разстались, молча, безъ словъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, и въ памяти ихъ минута этого разставанья осталась навсегда свѣтлою минутой жизни.

IX.

Нѣсколько дней спустя Зоя Никитишна провожала на пароходъ Василя Андреевича и Раю. Они уѣзжали въ Малороссію къ родственникамъ.

— А тамъ еще куда-нибудь махнемъ, — весело говорилъ Бунчукъ. — Мы съ дочуркой засидѣлись... Пора и провѣтриться... И нѣтъ намъ преграды... Мы съ ней вольныя птицы; куда хотимъ, туда и полетимъ.

Онъ любовно заглядывалъ дочкѣ въ глаза, а Рая безучастно слушала и блѣдною улыбкой отвѣчала на шутки отца, вспыхивая прижимаясь къ нему, когда на нее обращались любопытные взгляды постороннихъ зрителей.

Марѳа Андреевна заливалась слезами и не хотѣла слушать никакихъ утѣшеній.

— Гадкая женщина! — почти вскрикнула она, когда пароходъ ушелъ и публика стала расходиться. — Всюду, куда ни появля-

лась, всегда несла несчастье... Мужу жизнь отравила, теперь свадьбу дочери разстроила... А сама добилась-таки своего. Даль, вѣдь, ей полную волю... На все, на все согласился... Да что уж!... Безнравственная, гадкая женщина!

— Тихе, Марѳа Андреевна, успокойтесь, мы не одни! — оставила было ее Зоя Никитишна.

— Съ крышъ готова кричать, что она гадкая, безнравственная! — съ сердцемъ возразила Марѳа Андреевна и, запахивая на ходу широчайшую тальму, которая какъ парусъ раздувалась вокругъ ея огромной фигуры, и мрачно озираясь на стоявшихъ на пристани мужчинъ, будто они всѣ были соучастниками той ненавистной ей женщины, она большими шагами направилась къ ожидавшему ее извозчику. Зоя Никитишна въ раздумьѣ вернулась домой.

Здѣсь ожидало ее письмо.

«Передъ отъѣздомъ въ страну Солнца, — писала Блудія Павловна, — гдѣ меня ждутъ иные нравы, иные обычаи, быть можетъ, менѣе рутинные, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ, а не могу удержаться отъ желанія написать вамъ, Зоя Никитишна. Вы одна понимали меня и, надѣюсь, сохранили обо мнѣ добрую память, несмотря на анаѳему, коей, несомнѣнно, всѣ меня предали. Я съумѣла оцѣнить ваше свободомысліе. Вы, какъ и я, отрицаете узкія правила, принципы мелкихъ людишекъ. Вы понимаете, что тотъ, у кого въ жилахъ течетъ не сыворотка, а живая, горячая кровь, не можетъ заключить свою страстную, воспримчивую натуру въ тѣсныя рамки разсудочнаго анализа. Что если онъ грѣшитъ противъ установленныхъ правилъ такъ называемой общественной нравственности, если другіе страдаютъ отъ его уклоненій отъ проторенной дорожки, то винить и громить его за то, что онъ слышитъ могучій голосъ природы и внемлетъ ему, несмотря на клики и проклятія зоиловъ, по меньшей мѣрѣ странно...

Прощайте и не поминайте лихомъ

вашу Клеопатру».

Зоя Никитишна, покачавъ головой, опустила письмо на колѣни, задумчиво устремила взоръ въ пространство, и съ новою силой всталъ въ ея умѣ неразрѣшенный вопросъ:

«Что нравственно и что безнравственно?»

Е. Ардовъ.

МУЧЕНІЯ СОВѢСТИ.

Разсказъ А. Стриндберга.

Было это въ половинѣ сентября 1870 г. Въ одной изъ комнатъ клубной кофейни, лучшаго трактира въ Марлотѣ, г. фонъ-Блейхрѣдеръ, состоящій при геологическомъ институтѣ Берлина, а теперь поручикъ резерва, сидѣлъ безъ сюртука у письменнаго стола. Его офицерскій мундиръ съ жесткимъ стоячимъ воротникомъ висѣлъ на спинкѣ стула, вытянутый и недвижимый, какъ трупъ; пустые рукава, казалось, цѣплялись за ножки стула, какъ бы для того, чтобы, въ случаѣ паденія, не растянуться по полу. Вокругъ талии видѣнь былъ на сукнѣ вытертый слѣдъ пояса, а ножны сабли обтрепали лѣвую полу сюртука, спина котораго была вся въ пыли. По обившемуся въ бахромѣ низу своихъ панталонъ поручикъ-геологъ могъ каждый вечеръ изучать третичный слой земной поверхности и по слѣдамъ солдата, входившаго въ комнату, съ точностью опредѣлять на іоценовой или пліоценовой формациі шагали его сапоги. Офицеръ чувствовалъ себя больше геологомъ, чѣмъ военнымъ, въ настоящую же минуту онъ просто писалъ письмо.

Сдвинувши очки на лобъ и отложивши въ сторону перо, онъ смотрѣлъ въ окно. Тамъ зеленѣлъ фруктовый садъ во всей своей осенней красотѣ. Яблони и груши низко клонили вѣтви подъ тяжестью плодовъ; оранжевыя тыквы огнемъ горѣли между зубчатою корою зеленью артишоковъ; ярко-красныя томаты вырѣзывались на бѣдой зелени цвѣтной капусты и вверхъ ползли по рѣшеткѣ; подсолнечники оборачивали свои золотыя диски къ западу, куда тускалось заходящее солнце; влумбы георгинъ, бѣлыхъ, какъ льно что вымытое бѣлье, пурпуровыхъ, какъ пятна свѣжей кро-, грязновато-красныхъ, какъ разрѣзанное мясо, желтыхъ, пес-хъ, полосатыхъ, сливались въ грандіозную симфонію красокъ и

тоновъ. А какъ разъ посерединѣ прямая дорожка, обсаженная по обѣ стороны пышно цвѣтущими левкоями, тянулась вдаль вплоть до темнолистаго виноградника съ небольшими краснѣющими кистями ягодъ. И еще дальше желтобурья полосы несжатыхъ полей уныло опустили перезрѣвшіе колосья, осыпавшіе землю спѣлымъ зерномъ, при каждомъ дуновеніи вѣтерка, отдававшіе матери-кормилицѣ все, что она готовила на пропитаніе своихъ дѣтей. И въ самой глубинѣ, на заднемъ планѣ темнѣли старыя дубы и гордые буки Фонтенебльскаго лѣса съ его тонкими и причудливыми очертаніями, нѣжными, какъ старинное кружево, залитыми яркимъ блескомъ вечерняго солнца, подернувшего все блестящими нитями золотыхъ лучей. Нѣсколько запоздавшихъ пчелъ хлопотливо добирали капли меда съ осеннихъ цвѣтовъ; снигирь выводилъ свою пѣсенку въ густыхъ вѣтвяхъ яблони; отъ времени до времени доносился аромат левкоевъ, напоминая раздражающій запахъ, вырывающійся изъ внезапно отворенной двери парфюмернаго магазина.

Поручикъ сидѣлъ передъ начатымъ письмомъ, очарованный прелестью картины: «Какой дивный край!» — думалъ онъ, и въ памяти его вставала унылая, песчаная гладь родины, кое-гдѣ испещренная низкими, корявыми соснами, простирающимися вверхъ свои кривыя вѣтви, какъ бы умоляя небо не дать имъ погибнуть на бесплодныхъ пескахъ.

Но по восхитительной картинѣ, обрамленной оконными наличниками, сновала взадъ и впередъ съ правильностью маятника сталь ружья ходившаго подъ окномъ часового въ тѣни большой груши, осыпанной сочными плодами «бѣре Наполеонъ». Блестящій штыкъ разрывалъ картину надвое.

Поручикъ хотѣлъ было попросить часового перейти на другое мѣсто, но не посмѣлъ. Чтобы не видать сверкающаго оружія, онъ перевелъ взглядъ на другую сторону дома. Тамъ желтѣла гладкая безъ оконъ стѣна кухни, на которой виднѣлась старая, жалкая виноградная лоза, засохшая, какъ растеніе гербарія. Лишенная листьевъ и гроздій, растянутая на покрытой плѣсенью шпалерѣ, она имѣла видъ пригвожденнаго къ стѣнѣ трупa, простирающаго свои длинныя, костлявыя руки съ тѣмъ, чтобы словить снующаго туда и сюда часового и задушить его въ своихъ мертвенныхъ объятіяхъ.

Поручикъ отвернулся, опустивъ глаза на письменный столъ, на свое неоконченное письмо къ молодой женѣ, съ которою онъ обвѣнчался четыре мѣсяца назадъ, за два мѣсяца до начала войны.

Тутъ же на столѣ, рядомъ съ биноклемъ и съ картой француз-

скаго генеральнаго штаба, лежали двѣ книги: *Философія безсознательнаго* Гартмана и *Царерга и Паралиптомена* Шопенгауэра.

Офицеръ порывисто поднялся съ мѣста и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Эта зала служила издавна мѣстомъ собраній и столовою обществу заѣзжихъ художниковъ, украсившихъ стѣны ея живописью въ память счастливыхъ дней, проведенныхъ въ этомъ прекрасномъ, гостепріимномъ уголкѣ: тутъ бокъ-о-бокъ виднѣлись танцующія испанки и суровые римскіе монахи, пейзажи Нормандіи и Бретани, голландскія вѣтряныя мельницы, селенія норвежскихъ рыбаковъ, виды Швейцаріи. Въ углу валялся сломанный орѣховый мольбертъ подъ десяткомъ ружей съ примкнутыми штыками, висѣла палитра, испещренная полузасохшими красками, выдѣлявшаяся темнымъ пятномъ, точно вырѣзанное легкое въ дверяхъ мясной лавчонки. Красныя фуражки, истертые и выцвѣтшія отъ солнца и дождей, группировались на вѣшалкѣ.

Поручику сдѣлалось вдругъ неловко, точно онъ силою ворвался въ чужое жилище и ждетъ, что вотъ - вотъ застанутъ его хозяева. Онъ опять сѣлъ къ столу и снова припаялся за письмо. На первыхъ страницахъ онъ высказывалъ радость, тревоги и опасенія, которыя онъ испытывалъ съ тѣхъ поръ, какъ получилъ извѣстіе, укрѣпившее въ немъ сладкую надежду сдѣлаться отцомъ. Теперь онъ взялся за перо съ тѣмъ, чтобы побесѣдовать съ женою, а не потому, что имѣлъ что-либо особенное передать ей или у нея спросить, и онъ писалъ:

«Былъ со мною, напримѣръ, такой случай: пришлось мнѣ съ пятьюстами человѣкъ, не ѣвши и не пивши, сдѣлать четырнадцатичасовой переходъ. На опушкѣ лѣса мы случайно наткнулись на брошенную провіантскую фуру. И представь себѣ, что вышло. Люди, наголодавшіеся до того, что глаза у нихъ изо лба лѣзли, смѣшались въ нестройную толпу и, какъ голодные волки, накиннулись на провіантъ. А было его человѣкъ на тридцать всего; произошла свалка. Моей команды никто уже не слушалъ; фельдфебель пригрозилъ было саблей, — они сшибли его съ ногъ прикладами. Шестнадцать человѣкъ раненыхъ осталось на мѣстѣ едва живыми. А тѣ, кто успѣли захватить провіанцію, наѣлись до такого безобразія, что тѣ же растянулись и уснули. И это дрались земляки съ земляками! Точно дикіе звѣри, грызущіеся изъ-за добычи!

«Или еще разъ: получили мы приказъ какъ можно скорѣе устроить палисады. Лѣсу по близости не было, оставалось только употребить въ дѣло виноградъ. Настоящій ужасъ! Въ какой-нибудь короткій времени истреблены богатые виноградники, лозы вырваны съ

листьями и кистями, перевязаны въ фашины, мокрыя отъ сока едва созрѣвавшихъ ягодъ. Въ полчаса мы уничтожаемъ результаты сорока лѣтъ тяжелаго труда! И это для того, чтобъ имѣть возможность изъ-за прикрытія удобнѣе стрѣлять въ тѣхъ, кто ростилъ намъ фашины.

«Или же еще: я вынужденъ былъ идти съ цѣпью развѣдчиковъ по несжатому хлѣбному полю; спѣлыя зерна градомъ сыпались подъ нашими ногами, поломанные стебли втаптывались въ землю, чтобы погибнуть при первомъ дождѣ. Подумай, милая, дорогая жена, возможно ли спать послѣ такихъ сценъ? А что же я дѣлалъ, въ сущности? Исполнялъ только мою обязанность. И смѣютъ еще увѣрять, что сознание исполненнаго долга даетъ самую лучшую подушку!

«Насъ ожидаетъ, впрочемъ, нѣчто еще болѣе важное. Тебѣ извѣстно, можетъ быть, что французы для усиленія своихъ армій организовали отряды волонтеровъ, которые, подъ названіемъ «вольныхъ стрѣлковъ», идутъ на защиту родины и своихъ очаговъ. Прусское правительство отказывается признавать ихъ солдатами, грозитъ всѣхъ, захваченныхъ гдѣ бы ни было, казнить смертью, какъ измѣнниковъ и шпіоновъ. Оно постоянно держится того принципа, что воюютъ между собою государства, а не личности... Да развѣ солдаты не личности? И развѣ вольные стрѣлки не тѣ же солдаты? Они одѣты въ сѣрые мундиры, сходные съ тѣми, которые имѣютъ стрѣлковые полки, а, вѣдь, мундиръ же и дѣлаетъ челоуѣка солдатомъ. Но они не состоятъ въ спискахъ арміи, — вотъ въ чемъ возраженіе! Совершенно вѣрно, они въ списки не занесены, такъ какъ правительство не только не успѣло сдѣлать это, но, въ виду затруднительности сообщеній, и физически не можетъ сдѣлать. Въ настоящую минуту трое такихъ несчастныхъ находятся въ билліардной, расположенной рядомъ съ моею комнатою, и я жду изъ штаба распоряженія относительно ихъ дальнѣйшей участи».

Онъ пересталъ писать и позвонилъ вѣстового.

— Что, какъ тамъ плѣнные?—спросилъ фонъ-Блейхрѣдеръ.

— Ничего, господинъ поручикъ, играютъ на билліардѣ, по-видимому, спокойны и веселы.

— Прикажете имъ дать нѣсколько бутылокъ бѣлаго вина, только самаго легкаго. Новаго ничего нѣтъ?

— Слушаю, господинъ поручикъ. Новаго ничего.

Фонъ-Блейхрѣдеръ принялся опять за письмо.

«Очень странные люди эти французы! Вольные стрѣлки, о которыхъ я только что говорилъ тебѣ и которые, вѣроятно, будутъ

черезъ нѣсколько дней приговорены къ смерти, преспокойно играютъ на билліардѣ... Я пишу «вѣроятно», такъ какъ все еще не теряю за нихъ надежды. Сидя здѣсь, я слышу удары ихъ кѣвъ объ шары. Удивительно весело-правное презрѣніе къ жизни! Сказать по правдѣ, есть что-то возвышенное въ такомъ способѣ разставаться съ нею. Или же это можетъ служить признакомъ того, что жизнь сама по себѣ очень недорого стоитъ, разъ съ нею настолько легко разстаться? Я говорю, разумѣется, о тѣхъ, кто не привязанъ къ ней такими прекрасными узами, какъ мои. Ты, вѣдь, понимаешь меня, милая? И ты знаешь, что этого я не называю *узами*... О, я самъ не сознаю уже того, что пишу; я столько ночей не спалъ, и голова моя...»

Въ дверь постучали.

— Войдите!—отозвался поручикъ.

Въ комнату вошелъ сельскій священникъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ привлекательнымъ лицомъ, грустнымъ и онергичнымъ.

— Господинъ поручикъ, я пришелъ просить вашего разрѣшенія повидать плѣнныхъ.

Офицеръ всталъ, надѣлъ мундиръ и предложилъ священнику сѣсть на диванъ.

И едва успѣлъ поручикъ застегнуть свой узкій мундиръ, сдавившій ему шею твердымъ стѣжимъ воротникомъ, точно тисками, какъ въ немъ будто замерли всѣ гуманнныя побужденія, будто преобразился на своемъ таинственномъ пути приливъ крови къ сердцу. Положивши руку на книжку Шопенгауэра на столѣ, онъ сказалъ:

— Готовъ исполнить ваше желаніе, господинъ кюре, но думаю, что плѣнные отнесутся къ вамъ не съ очень большимъ вниманіемъ. Они играютъ на билліардѣ.

— Позвольте мнѣ думать, господинъ поручикъ, — возразилъ священникъ, — что я лучше васъ знаю моихъ соотечественниковъ. И одинъ вопросъ: будутъ ли эти молодые люди приговорены къ смерти?

— Несомнѣнно, — отвѣтилъ фонъ-Блейхрѣдеръ, вполне вошедшій въ свою роль. — Войну ведутъ между собою государства, а не личности.

— Слѣдовательно, господинъ поручикъ, вы и ваши солдаты — личности?

— Въ данную минуту, господинъ Кюре, это такъ и есть — онъ сунулъ письмо къ женѣ подъ бюваръ. — Въ настоящее время только представитель союзныхъ государствъ Германіи.

— Ваша милостивѣйшая королева, — да вознаградить ее Господь за все сдѣланное ею добро! — не была развѣ также представительцей союзныхъ державъ Германіи, когда обратилась къ женщинамъ своего отечества съ призывомъ помочь раненымъ? И я знаю не мало личностей французской націи, которыя благословляютъ ее, несмотря на то, что Франція находится въ войнѣ съ Германіей. Господинъ поручикъ, именемъ Христа-Спасителя, — священникъ всталъ, крѣпко сжалъ руки офицера и съ рыданіемъ въ голосъ договорилъ: — не можете ли вы обратиться къ ней?

Поручикъ, готовый утратить самообладаніе, сдѣлалъ надъ собою усиліе и отвѣтилъ:

— У насъ женщины не вмѣшиваются въ политику.

— Тѣмъ хуже, — проговорилъ священникъ, выпрямляясь во весь ростъ.

Фонъ-Блейхрѣдеръ, отошедшій къ окну, не слышалъ этихъ словъ. Онъ становился нервнымъ, на его лицѣ проступала смертельная блѣдность. Тѣсный воротникъ уже не въ состояніи былъ, кажется, сдерживать кровь въ его головѣ.

— Сядьте, прошу васъ, господинъ кюре, — проговорилъ онъ полубезсознательно. — Вы можете идти повидать плѣнныхъ, но я буду вамъ очень признателенъ, если вы останетесь еще немного со мною.

Офицеръ прислушивался, и уже ясно можно было различить мѣрный стукъ подковъ идущей шибкою рысью лошади.

— Не покидайте меня, господинъ кюре! — прибавилъ поручикъ, усиленно вдыхая свѣжій воздухъ.

Священникъ остался.

Офицеръ высунулся изъ огня насколько могъ. Стукъ копытъ приблизился; вдругъ рысь замедлилась, лошадь пошла шагомъ, потомъ остановилась... Звякнули шпоры, громынула сабля, послышались шаги... и Блейхрѣдеръ держалъ въ рукахъ пакетъ, распечатывалъ его.

— Какой часъ? — проговорилъ поручикъ, задавая самъ себѣ вопросъ. — Шесть! Черезъ два часа, господинъ кюре, плѣнные должны умереть безъ суда и какой бы ни было процедуры.

— Да, вѣдь, это же невозможно, господинъ поручикъ, такъ людей не отправляютъ на тотъ свѣтъ!

— На тотъ ли свѣтъ, нѣтъ ли, а въ приказѣ ясно прописано, что все должно быть покончено до вечерней молитвы, въ противномъ случаѣ я самъ буду преданъ суду, какъ сообщникъ вольныхъ стрѣлковъ. Мнѣ и такъ уже сдѣланъ строгій выговоръ за то, что я

не исполнилъ приказа отъ 31 августа. Господинъ кюре, пройдите къ нимъ, переговорите, избавьте меня отъ этого мученія.

— Вы называете мученіемъ объявленіе приговора, который признаете справедливымъ?

— Да, вѣдь, человѣкъ же я, кюре! Что же, вы думаете, я не человѣкъ?

Онъ разстегнулъ сюртукъ, чтобы вздохнуть свободнѣе, и заходилъ по комнатѣ.

— Неужели нѣтъ возможности всегда оставаться тѣмъ, что мы на самомъ дѣлѣ? За что обречены мы на постоянное раздвоеніе? Господинъ кюре, пойдите и скажите имъ... Женаты они? Есть у нихъ жены и дѣти, родители, быть можетъ?

— Ни одинъ изъ троихъ не женатъ, — отвѣтилъ священникъ. — Не можете ли вы, по крайней мѣрѣ, дать отсрочку хотя до утра?

— Невозможно! Въ приказѣ опредѣленно сказано — до вечерней молитвы ангелу *), а на разсвѣтъ мы выступаемъ. Идите, господинъ кюре, идите!

— Иду, господинъ поручикъ. Но попомните и вы, изъ этой комнаты не выходите безъ сюртука... не то вы рискуете подвергнуться ихъ же участи, такъ какъ солдата мундиръ дѣлаетъ.

Священникъ вышелъ.

Фонъ-Блейхрѣдеръ докончилъ письмо въ крайнемъ волненіи, потомъ запечаталъ его и позвалъ вѣстового.

— Снесите это письмо на почту и позовите ко мнѣ фельдфебеля.

Явился фельдфебель.

— Трижды три — девять и двадцать... нѣтъ, не то... трижды семь... нѣтъ... Отберите трижды... ну, отберите двадцать семь человѣкъ и черезъ часъ распорядитесь разстрѣлять плѣнныхъ. Вотъ приказъ!

— Разстрѣлять? — нерѣшительно спросилъ унтеръ-офицеръ.

— Да, разстрѣлять! Отберите худшихъ людей, такихъ, которыми не въ первый разъ... вы меня понимаете? Ну, Безеля, на примѣръ, Гевера... и вотъ такихъ же. И распорядитесь приготовить трупъ, шестнадцать человѣкъ изъ лучшихъ. Мы идемъ на регносцировку въ сторону Фонтенебло... И къ нашему возвращенію... чтобы покончено было.

— Шестнадцать человѣкъ господину поручику и двадцать семь и плѣнныхъ... Счастливо оставаться, господинъ поручикъ!

*) Angelus.

Фонь-Блейхрёдеръ застегнулъ мундиръ, надѣлъ саблю и положилъ въ карманъ револьверъ, потомъ зажегъ сигару, но курить не могъ. Онъ тщательно обмелъ письменный столъ и носовымъ платкомъ обтеръ костяной ножъ для разрѣзыванія книгъ, сургучъ и спичечницу, симметрично разложилъ линейку, ручку съ перомъ подъ прямымъ угломъ къ бювару. Переставивши съ мѣста на мѣсто все до послѣдняго стула, онъ досталъ изъ кармана гребенку и маленькую щетку и пригладилъ волосы передъ зеркаломъ, снялъ съ крѣпка и долго разглядывалъ палитру, сосредоточивая особенное вниманія на разныхъ оттѣнкахъ красной краски, затѣмъ попытался поставить сломанный мольбертъ. Когда со двора донесся, наконецъ, стукъ ружей патруля, въ комнатѣ не осталось ни одного предмета, котораго онъ не потрогалъ бы руками. Офицеръ стремительно вышелъ къ своимъ солдатамъ, скомандовалъ:

— Польоборотъ налѣво, маршъ! — и торопливо направился вонъ изъ села.

Онъ точно бѣжалъ отъ непріятеля, его люди едва успѣвали слѣдовать за нимъ. При переходѣ черезъ луга, онъ приказывалъ солдатамъ идти гуськомъ другъ за другомъ, чтобы мять какъ можно меньше травы. Назадъ онъ не оглядывался. Солдатъ, шедшій за нимъ первымъ, видѣлъ, какъ онъ вздрагивалъ и судорожно передергивалъ плечами, точно отъ полученнаго удара. На опушкѣ лѣса онъ скомандовалъ: «Стой!» — и, приказавши солдатамъ соблюдать тишину и отдохнуть, вошелъ въ рощу.

Оставшись одинъ, увѣренный въ томъ, что никто не наблюдаетъ за нимъ, онъ глубоко вздохнулъ нѣсколько разъ и вошелъ въ темную чащу, по направленію къ «Волчьему ущелью». Мелочь и кустарники были уже охвачены сумракомъ, тогда какъ вершины дубовъ и буковъ сверкали въ золотистыхъ лучахъ заходящаго солнца. Впечатлѣніе получалось такое, будто онъ лежитъ на днѣ моря и сквозь зеленуватую воду видитъ блескъ дня, къ которому уже никогда не вернется. Великолѣпный лѣсъ, который столько разъ цѣлбно дѣйствовалъ на его страдавшую душу, представлялся ему въ этотъ вечеръ отчаянно унылымъ, холоднымъ и отвратительнымъ. Жизнь казалась ему убійственно-жестокою со всѣми ея противорѣчіями, съ ея вѣчною двойственностью, а сама природа — необыкновенно несчастною въ своей безсознательной и невольной дремотѣ. И здѣсь кипитъ та же борьба за существованіе, безъ убійствъ, но не менѣе лютая, чѣмъ въ сознательной жизни. Онъ видѣлъ молодую поросль дуба, слящущуюся вѣтвиться въ кусты, чтобы задушить нѣжные отпрыски бука, не дать имъ подняться

надъ землею, — видѣлъ, какъ изъ тысячи такихъ отпрысковъ едва одному удавалось дотянуться къ свѣту, въ свою очередь стать великаномъ и отнимать свѣтъ и жизнь у другихъ. И дубъ, безстыдно простирающій свои крѣпкія, узловатыя вѣтви, одинъ хочетъ захватить себѣ лучи солнца, ведетъ подземную борьбу, развиваетъ свои корни все дальше и дальше, подкапываетъ землю и забираетъ всѣ питательные соки. Но поднимается мститель и уничтожаетъ все окружающее своимъ убійственнымъ дыханіемъ, это — бугъ. Онъ несетъ отраву. Въ его тѣни не можетъ жить ни одинъ корень, земля кругомъ дѣлается черною, какъ могила, и вотъ почему будущее принадлежитъ ему.

Поручикъ шелъ впередъ и рубилъ саблей по кустарникамъ, забывая, сколько онъ въ свою очередь уничтожаетъ молодой поросли и сколько калѣчить. Онъ уже ни о чемъ не думалъ. Всѣ дѣятельныя силы его души были разбиты, точно въ ступѣ истолчены. Мысль дѣлала усилія сосредоточиться и расплывалась еще болѣе, путалась. Воспоминанія, надежды, сожалѣнія, печальныя и радостныя впечатлѣнія превращались въ его душѣ во что-то смутное; надъ всѣмъ господствовало только чувство ненависти къ фальши и искусственности, управляющимъ міромъ въ силу какого-то неопостижимаго ихъ могущества.

Онъ внезапно вздрогнулъ и остановился. Со стороны Марлота доносились перекатывающіеся звуки, повторяемые скалами... Билъ барабанъ, сначала долгій трескъ дроби, потомъ отдѣльно ударъ, за нимъ другой, тяжелые, глухіе, точно молоткомъ заколачиваютъ крышку гроба и боятся нарушить тишину въ домѣ покойника... Фонтъ-Блейхрѣдеръ взглянулъ на часы: безъ четверти семь. Черезъ пятнадцать минутъ будетъ покончено. Ему вдругъ захотѣлось вернуться, своими глазами видѣть. Нѣтъ, изъ-за чего же было убѣгать? Ни за что въ мірѣ онъ не могъ бы взглянуть на *это*... И онъ влѣзъ на дерево.

Видѣлось маленькое селеніе, такое бѣленькое и веселое, съ колокольней, возвышающейся надъ всѣми крышами, окруженное небольшими фруктовыми садами. Ничего больше онъ рассмотреть не могъ. Держа часы въ рукѣ, онъ слѣдилъ глазами за стрѣлкой, бывавшей секунды, прислушивался къ ихъ постукиванію... Стрѣлка перескакивала быстро-быстро, тогда какъ минутная передвигалась едва замѣтными толчками, а часовая казалась какъ бы со-
всѣмъ неподвижною; но и она тоже не стояла на мѣстѣ.

До семи часовъ оставалось всего пять минутъ. Поручикъ крѣпко вцѣпился въ черный гладкій стволъ бука, часы дрожали въ ру-

кѣ, кровь шумно била въ виски, и ему казалось, будто огнемъ горять всѣ корни волосъ на его головѣ.

Кракъ! Звукъ переломленной доски, и въ сторонѣ селенія, надъ черною шиферною крышей и надъ бѣлесо-зеленою яблоней поднялся голубой дымокъ, блѣдный, какъ весеннее облачко. Но надъ прозрачнымъ облачкомъ взвился маленькій черный кружокъ, за нимъ другой, третій, много маленькихъ кружковъ, какъ то бываетъ при стрѣльбѣ вверхъ на голубиной садкѣ, а не въ цѣль.

«Солдаты не такъ жестокосерды, однако, какъ я полагалъ! — думалъ поручикъ, слѣзая съ дерева, почти успокоенный сознаниемъ, что все покончено. Раздался перезвонъ маленькаго сельскаго колокола. — Миръ и покой умершимъ, исполнившимъ свой долгъ на землѣ! Почему же мертвымъ только, а не живымъ также, которые свой долгъ выполнили?»

Солнце сѣло, и луна, блѣдно-матовый серпъ которой плылъ по небу все послѣ-обѣда, становилась ярче и лучистѣе, когда поручикъ съ своею командой подходилъ къ Монтрегуру, все еще преслѣдуемый перезвономъ церковнаго колокола. Маленькій отрядъ вышелъ на широкую Немурскую дорогу, по обѣ стороны обсаженную тополями и показавшуюся Блейхрѣдеру настолько предназначенною для ходьбы, что онъ продолжалъ путь, несмотря на то, что наступила ночь и луна сіяла полнымъ блескомъ. Солдаты заднихъ рядовъ начинали роптать и переговариваться, не можетъ ли капральный унтеръ-офицеръ обратить вниманіе поручика на то, что мѣстность не безопасна и что, кромѣ того, надо вернуться на квартиры, если выступленіе назначено на завтра съ разсвѣтомъ. Фонъ-Блейхрѣдеръ командовалъ остановиться на пригоркѣ, съ котораго видно было селеніе Марлотъ. Поручикъ всматривался и прислушивался съ особеннымъ напряженіемъ. Опять пронесся въ воздухѣ бой барабана, и часы пробили девять въ Монтрегурѣ, въ Грецѣ, въ Бонру, въ Немурѣ, а за ними церковные колокола зазвонили къ «Angelus», на перебой одни передъ другими, и всѣхъ громче и пронзительнѣе въ Марлотѣ, какъ бы зывая: «Помогите, помогите, помогите!»... А помочь фонъ-Блейхрѣдеръ не имѣлъ никакой возможности. Что-то грохнуло, точно подземный ударъ, и потрясло окрестность. То былъ заревой выстрѣлъ изъ пушки въ главной квартирѣ близъ Шалона. Набѣжавшій на луну легкій ночной туманъ, заволакивавшій ее прозрачнымъ флеромъ, спустился ниже, и подъ открывшимися блѣдными лучами загорѣлись, заискрились струи рѣки, какъ бы превратившіяся въ широкій потокъ раскаленной лавы, бѣгущей изъ Фонтенебльскаго лѣса, темнаго, мрачнаго,

напоминающаго вулканъ. Ночной воздухъ былъ удушливъ и тяжелъ; лица солдатъ настолько поблѣднѣли, что вокругъ нихъ вились летучія мыши, которыхъ привлекаетъ ночью все бѣлое. Люди знали, чѣмъ заняты думы поручика, и, тѣмъ не менѣе, онъ казался имъ необыкновенно страннымъ. Наконецъ, унтеръ-офицеръ осмѣлился и, въ формѣ рапорта, напомнилъ командиру, что заря пробита. Фонъ-Блейхрѣдеръ выслушалъ его докладъ очень покорно, какъ приказаніе, и повелъ команду къ Марлоту.

Часть спустя, на большой улицѣ селенія, унтеръ-офицеръ замѣтилъ, что лѣвая нога поручика не сгибается въ колѣнѣ. Дойдя до площади, фонъ-Блейхрѣдеръ отпустилъ солдатъ, не распорядившись даже, чтобы прочтена была вечерняя молитва, и быстро скрылся.

Въ домъ онъ не пошелъ; какая-то невѣдомая сила тянула его куда-то. Съ широко раскрытыми глазами, съ судорожно вздрагивающимъ лицомъ, онъ почти бѣжалъ, останавливаясь у стѣнъ, оглядывая ихъ зоркимъ, привычнымъ взглядомъ и не находилъ ничего, никого не встрѣтилъ.

Утомленный, наконецъ, онъ направился къ дому, во дворѣ приостановился на секунду, обошелъ кухню кругомъ и лицомъ къ лицу столкнулся съ фельдфебелемъ. Поручикъ такъ задрожалъ, что вынужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ, чтобы устоять на ногахъ. Фельдфебель былъ тоже крайне смущенъ, сдѣлалъ надъ собою усилие и заговорилъ:

— Господинъ поручикъ, я вездѣ искалъ васъ, чтобы доложить...

— Хорошо, хорошо! Все въ порядкѣ... обстоитъ благополучно... Можете идти спать, — отвѣтилъ Блейхрѣдеръ, боясь услышать подробности.

— Все обстоитъ благополучно, господинъ поручикъ, но...

— Хорошо, хорошо! Идите! — и офицеръ продолжалъ говорить такъ быстро и безъ перерыва, что фельдфебелю не оставалось возможности вставить ни одного слова. Всякій разъ, какъ онъ покушался открыть ротъ, на него обрушивался такой потокъ фразъ, что, въ концѣ-концовъ, унтеръ-офицеръ отказался отъ всякихъ члвчйшихъ попытокъ и удалился.

Поручикъ вздохнулъ свободно, какъ школьникъ, отдѣлавшійся отъ ожидаемыхъ наставленій учителя, и прошелъ въ садъ. Луна упоръ освѣщала желтую стѣну кухни и гибнущую виноградную лозу, растянутую на ней безжизненнымъ скелетомъ. Что же это, какъ, такое? Два или три часа назадъ лоза казалась безлистою,

сѣрою и совершенно засохшею, теперь же на ней видны были кисти красныхъ ягодъ. Подойдя къ стѣнѣ, офицеръ ступилъ ногами во что-то сырое и вязкое, его обдалъ тяжелый, отвратительный запахъ бойни. И поручикъ увидалъ, что лоза осталась такою же погибшею, какою была, но стѣна испещрена пулями и забрызгана кровью. Такъ, стало быть, здѣсь, здѣсь!...

Онъ убѣждалъ. При входѣ въ комнату, что-то налипнувшее на подошву заставило его поскользнуться. Онъ снялъ сапоги и отшвырнулъ ихъ прочь. Потомъ онъ прошелъ въ свою комнату, гдѣ былъ уже накрытъ столъ и приготовленъ ужинъ. Несмотря на страшный голодъ, Блейхрѣдеръ не могъ ѣсть и стоялъ, внимательно оглядывая столъ. Все прекрасно подано, кусокъ масла съ красною рѣдской посверху казался такимъ свѣжимъ, вкуснымъ. Скатерть положена бѣлоснѣжная; на ней онъ замѣтилъ вышитые красные инициалы, но не его имени и не его жены. Сыръ красиво положенъ на виноградные листья. По всему можно было сказать, что не одинъ страхъ направлялъ руку хозяйки. Бѣлый хлѣбъ мягокъ, красное вино налито въ граненый графинъ, холодное мясо нарѣзано тонкими ломтиками, — все кажется приготовленнымъ дружескими руками. Ему стыдно стало прикоснуться къ этимъ кушаньямъ. Онъ судорожно схватилъ колокольчикъ и позвонилъ. Вошла жена трактирщика и, не говоря ни слова, остановилась въ дверяхъ, устремила пристальный взглядъ на ноги офицера, ждала его приказаній. Поручикъ, растерянно не зная, что сказать ей, онъ не могъ припомнить, зачѣмъ позвалъ ее. Но сказать что-нибудь было необходимо.

— Вы считаете меня виноватымъ? — проговорилъ онъ безсознательно.

— Нѣтъ, господинъ поручикъ, — почтительно отвѣтила хозяйка. — Вамъ что-нибудь угодно?

Она не сводила глазъ съ его ногъ.

Онъ нагнулся, желая узнать, что привлекаетъ ея вниманіе, и увидалъ, что стоитъ въ однихъ чулкахъ и что полъ испещренъ красными слѣдами... Сколько же часовъ долженъ былъ онъ пройти въ этотъ день!

— Дайте же мнѣ вашу руку, дорогая хозяйка! — сказалъ онъ, протягивая ей руку.

— Нѣтъ! — отвѣтила она, глядя ему прямо въ лицо, и вышла изъ комнаты.

Этотъ отказъ какъ бы сразу вернулъ ему хладнокровіе. Онъ взялъ стулъ и сѣлъ ужинать, но, едва взявшись за тарелку съ хо-

одною говядиной, почувствовал отвратительный запахъ, поразившій его въ саду. Блейхрѣдеръ открылъ окно и выкинулъ мясо. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, видимо, разнемогался; впечатлительность зрѣнія настолько обострилась, что онъ уже не могъ выносить свѣта, яркіе цвѣта невыносимо раздражали его. Онъ выкинулъ за окно графинъ съ краснымъ виномъ, за нимъ рѣдису, лежавшую на маслѣ, потомъ красныя фуражки съ вѣшалки, палитру, — словомъ, все красное полетѣло вонъ тою же дорогой. И самъ онъ упалъ на кровать. При всемъ своемъ утомленіи, онъ не могъ закрыть глазъ и вдругъ разслышалъ голоса въ сосѣдней, общей залѣ. Вслушиваться онъ не хотѣлъ, но рѣчи явственно доходили до его ушей, и онъ разобралъ, что бесѣдуютъ два его фельдфебеля, попивая пиво.

— Двое, что поменьше, настоящіе были молодцы, ну, а большой-то совсѣмъ тряпка.

— Потому, развѣ, что какъ тряпка свалился у стѣны? Онъ же, вѣдь, просилъ насъ привязать его къ шпалерѣ, чтобы на погахъ остаться, какъ онъ объяснялъ.

— Ну, да. А тѣ двое... чортъ возьми совсѣмъ... стали себѣ, сложили руки на груди, точно съ нихъ фотографію собрались снимать!

— Ге-ге! Однако, когда пришелъ къ нимъ въ биллиардную ихъ попикъ и объявилъ, что имъ капутъ, всѣмъ троемъ нехорошо было, — такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ унтеръ-офицеръ. Но кричать ни одинъ не кричалъ, ни одинъ не заикнулся о пощадѣ. Вѣрно это?

— Вѣрно. Молодцы, какъ быть должно. За твое здоровье!

Фонъ Блейхрѣдеръ зарылся головой въ подушку и уши закрылъ одѣяломъ. Но онъ тотчасъ же поднялся. Неодолимое любопытство влекло его къ двери, за которою разговаривали двое унтеръ-офицеровъ. Ему хотѣлось узнать еще больше подробностей, а такъ какъ они заговорили тише, то онъ подошелъ тихонько, на пальчикахъ, приложилъ ухо къ замочной скважинѣ и сталъ слушать.

— А скажи вотъ что. Смотрѣлъ ты на нашихъ солдатъ? Лица у нихъ стали сѣрыя, вотъ какъ пепелъ у меня въ трубкѣ, и сколько изъ нихъ выпалили вверхъ на воздухъ! Ты смотри, не болтай объ этомъ, благо съ тѣми тремя молодцами все покончено. А ихъ, е-таки, съ утра-то порядочно подвело, осунулись. Пришлось рѣлять какъ въ жерди.

— На ребятишекъ, на церковныхъ пѣвчихъ въ красныхъ ежадахъ ты обратилъ вниманіе? Какъ они сначала помахивали своими кофейными жаровнями и пѣли какія-то оперныя пѣсни! По-

томъ выстрѣлы, и тѣ молодцы покатались на грядки, горохъ перемяли... Пфу-ухъ! Что тутъ подѣлаешь? На то война! За твое здорье!

Довольно наслушался Блейхрёдеръ. Кровь шумно прилиwała къ мозгу, о снѣ нечего было и думать. Онъ вошелъ въ общую залу и попросилъ солдатъ уйти.

Потомъ онъ раздѣлся, освѣжилъ голову, обливши ее водою, взялъ своего Шопенгауэра и принялся читать. Кровь молотгами была въ виски, онъ читалъ.

Книга выпала изъ рукъ, — кто-то лежалъ на его кровати, метался и кричалъ. Кто это былъ? Блейхрёдеръ видѣлъ тѣло, видѣлъ его судорожныя движенія, высоко поднимающуюся грудь, слышалъ странный голосъ, сдавленный, кричащій подъ одѣяломъ. То было его собственное тѣло. Что это такое, раздвоился онъ, что ли, если видить себя самого и слышать свой голосъ со стороны, точно кричить кто-то другой? А крики продолжались. Отворилась дверь и вошла хозяйка, — вѣроятно, постучавшись предварительно.

— Что вамъ угодно, господинъ поручикъ? — спросила она, какъ-то странно улыбаясь.

— Мнѣ ничего, — отвѣтилъ больной. — А вотъ тотъ, другой, кажется очень болѣнъ и, разумѣется, ему нуженъ врачъ.

— У насъ въ селѣ нѣтъ врача, но священникъ приходитъ обыкновенно, когда кто-нибудь изъ насъ хвораетъ, — сказала трактирщица.

Она уже не улыбалась.

— Въ такомъ случаѣ, позовите вашего кюре, хотя тотъ, что тамъ корчится, былъ всегда очень невысокаго мнѣнія о чернохвостыхъ, — говорилъ поручикъ.

— Но когда онъ болѣнъ, то относится къ нимъ, можетъ быть, иначе, — отвѣтила хозяйка, выходя изъ комнаты.

Священникъ явился тотчасъ же, подошелъ къ постели, пощупалъ пульсъ больного.

— Что съ нимъ? — спросилъ больной. — Чѣмъ онъ болѣнъ?

— Угрызеніями совѣсти, — коротко отвѣтилъ патеръ.

Фонъ-Блейхрёдеръ такъ и привскочилъ.

— Угрызеніями совѣсти изъ-за того, что исполнилъ свои долгъ?

— Да, — продолжалъ кюре и обвернулъ голову больного мокрымъ полотенцемъ. — Слушайте, что я скажу вамъ, если вы еще въ состояніи понимать, что вамъ говорить. Васъ ожидаетъ страшная участь, болѣе ужасная, чѣмъ та, что постигла

тѣхъ трехъ человѣкъ. Берегитесь! Эти симптомы мнѣ знакомы. Вамъ грозитъ сумасшествіе! Постарайтесь уразумѣть эту мысль во всемъ ея ужасѣ, постарайтесь вполне ее понять, и умъ вашъ начнетъ работать попрежнему. Смотрите мнѣ прямо въ лицо. Вамъ представляется, будто вы стали двумя существами, и къ части себя самого вы относитесь какъ къ человѣку, вамъ постороннему. Какъ дошли вы до этого состоянія? Ложь, общественная ложь всѣхъ насъ раздвѣиваетъ внутренно. Однимъ вы были, когда писали письмо вашей женѣ, и были другимъ, когда говорили со мною. Какъ актеръ утрачиваетъ свою настоящую, подлинную личность и превращается въ смѣсь различныхъ игранныхъ имъ ролей, такъ человѣкъ, составляющій часть общества, раздвѣивается на двѣ личности, если только не распадается на большее ихъ число. И когда сильное волненіе, особенное нравственное потрясеніе разрываетъ его душу, его два «я», находясь рядомъ, лицомъ къ лицу, зорко слѣдятъ другъ за другомъ. Я вижу около васъ на полу книгу, мнѣ не безызвѣстную. Авторъ ея былъ глубокой мыслитель, былъ однимъ изъ самыхъ глубокихъ, пожалуй. Онъ позналъ всю тщету и всю суетность земной жизни... Но и онъ, все-таки, не могъ избавиться отъ такой двойственности, вопреки своему ученію, ибо жизнь со дня рожденія, привычки, слабости человѣческія заставляли его забывать собственное ученіе. Какъ видите, мнѣ извѣстны нѣкоторыя книги, кромѣ моего молитвенника. И говорю я съ вами какъ врачъ, а не какъ священникъ. Мы понимаемъ другъ друга. Повѣрьте мнѣ, я тоже страдалъ отъ такого душевнаго раздвоенія. Въ дѣлахъ вѣры я не знаю ни сомнѣній, ни колебаній, но къ вамъ обращаюсь совѣмъ не во имя религіи. Мы воспринимаемъ ложь въ утробѣ матери, всасываемъ въ себя ложь съ молокомъ матери, и тотъ, кто, при современныхъ условіяхъ жизни, сталъ бы говорить правду, всю правду... Вы въ состоянія еще понимать меня?

Больной жадно слушалъ, ни одного раза не сморгнувши во время длинной рѣчи патера.

— Теперь къ вамъ вернемся, — продолжалъ кюре. — Геній есть яркимъ факеломъ въ одной рукѣ, съ корзиной розъ въ другой; онъ осыпаетъ ими грязь жизни. Это геній лжи, и ему имя асота! Язычники преклонялись передъ нимъ въ Греціи, и князи во всѣхъ временахъ нѣжно прижимали его къ своей груди, потому что онъ всѣ вещи измѣняетъ до полной неузнаваемости и ни кто не можетъ уже ихъ видѣть такими, каковы онѣ на самомъ

дѣлѣ. Онъ захватилъ всю нашу жизнь и своею фальшью во всемъ насъ обманываетъ, морочитъ, сбиваетъ. Ради чего вы, воины, дѣлаете свое дѣло подъ звуки музыки, съ развѣвающимися знаменами, какъ не ради того, чтобы скрыть весь ужасъ того, что вы дѣлаете?

Больной судорожно заметался, сложилъ руки умоляющимъ о пощаду движеніемъ и до крови закусилъ себѣ руку.

Но лицо патера приняло ужасное выраженіе. Жестокій, безжалостный, полный ненависти, онъ продолжалъ:

— Ты добръ отъ природы, и я не этого добраго человѣка хочу покарать въ тебѣ, а того представителя, какимъ ты самъ называлъ себя, говоря со мною. Пусть же эта кара заставить опомниться другихъ! Хочешь ты видѣть три трупа? Хочешь ихъ видѣть?

— Нѣтъ, именемъ Христа!—крикнулъ больной, хватаясь похолодѣвшею рукой за плечо патера.

— Твоя подлая трусость доказываетъ, что ты человѣкъ, а по существу ты человѣкъ подло-трусливый.

Точно отъ удара бичомъ, больной привскочилъ. Его лицо стало спокойнымъ, дыханіе сдѣлалось свободнымъ и онъ холоднымъ тономъ проговорилъ:

— Уйди вонъ, злой слуга сатаны, я оправлюсь безъ тебя!

— Я уйду, но не вернусь, если ты будешь звать меня,—возразилъ тотъ. — И если ты не въ состояніи будешь уснуть, то помни, что не отъ меня это, а, можетъ быть, отъ тѣхъ троихъ, что лежатъ тутъ рядомъ въ билліардной, лежатъ на билліардѣ. Вотъ, смотри!

Онъ настезь раскрылъ дверь сосѣдней залы. Рѣзкій запахъ карболовой кислоты хлынулъ въ комнату больного.

Фонъ-Блейхрѣдеръ отчаянно вскрикнулъ, соскочилъ съ постели и, прежде чѣмъ патерь успѣлъ удержать его, выпрыгнулъ изъ окна. Солдаты поймали его во дворѣ. Онъ сталъ кусаться... Крѣпко связаннымъ увезли его въ лазаретъ при главномъ штабѣ, а оттуда отправили въ домъ умалишенныхъ.

М.

МЕЖДУ ДВУХЪ СМУТНЫХЪ ИДЕАЛОВЪ *).

(Повѣсть).

IX.

Черезъ недѣлю Свѣгинъ предложилъ Басаткину поѣхать съ нимъ въ его имѣніе Хрящево. Александръ Федоровичъ былъ радъ «освѣжиться отъ меланхоли», въ которую повергали его ежедневныя встрѣчи и разговоры съ Анной Николаевной, и хотя Леонидъ Васильевичъ и предупреждалъ его, что въ Хрящевѣ онъ не найдетъ тѣхъ удобствъ, какъ въ Свѣгинѣ, Александръ Федоровичъ, не колеблясь, согласился на эту поѣздку.

Изъ рассказовъ онъ уже зналъ, что Хрящево служило Леониду Васильевичу убѣжищемъ, когда и ему не въ моготу становилось въ Свѣгинѣ, зналъ и краткую исторію этого имѣнія.

Хрящево принадлежало когда-то богатому роду Щепанскихъ. Но послѣдній владѣлецъ Хрящева обнищалъ и жилъ въ своей усадьбѣ одиноко. Онъ мало-по-малу распродалъ все, когда-то дорогое, движимое имущество, ходилъ въ гучерской поддевкѣ и сапогахъ бутылками, занимался охотой, выѣздой лошадей, — остатковъ прежняго конскаго завода, — а иногда по цѣлымъ недѣлямъ кутилъ въ обществѣ мѣстнаго волостнаго писаря. На одной изъ крестьянскихъ вечеринокъ его изъ-за ревности такъ поглотили парни, что онъ вскорѣ умеръ, а черезъ два мѣсяца послѣ его смерти Хрящево было куплено Анной Николаевной съ торговъ.

Когда утромъ въ назначенный для поѣздки день Басаткинъ, злѣвшій собраться раньше Леонида Васильевича, вошелъ къ нему въ кабинетъ, онъ увидѣлъ Свѣгина одѣтымъ, противъ обыкновенія, почти щегольски. На немъ была новенькая свѣтло-сѣрая пид-

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

жачная пара, считая немножко неуклюже, должно быть, уѣзднымъ портнымъ, но изъ хорошаго, тонкаго трико; подъ воротникомъ цвѣтной рубашки былъ повязанъ шелковый трехцвѣтный шнурокъ; сапоги тщательно вычищены, волосы и борода причесаны; на столѣ, рядомъ съ открытою картонкой, лежала новая, широкополая, темно-коричневая соломенная шляпа.

— Что съ тобой? — невольно воскликнулъ Касаткинъ, пораженный непривычною франтоватостью пріятеля.

— А что, а? Недурень? — разсмѣялся Леонидъ Васильевичъ.

— Да что же у васъ тамъ, въ Хрящевъ, другіе порядки, что ли? Или тамъ молодыя дамы есть? Такъ ты скажи, я тоже пріодѣнусь.

— Тебѣ не надо, ты и такъ хорошъ, — разсмѣялся Леонидъ Васильевичъ. — А я всегда, какъ ѣду туда, навожу на себя нѣкоторое благообразіе.

— Что же за причина?

— Причина особенная, — подмигнулъ Свіягинъ.

Однако, Александръ Федоровичъ заставилъ-таки его объяснить, въ чемъ дѣло, и когда узналъ, что по дорогѣ они заѣдутъ на минутку на хуторъ къ знакомымъ, то онъ не захотѣлъ отстать отъ Леонида Васильевича, вернулся въ свою комнату и надѣлъ болѣе чистый китель и свѣжій чехоль на фуражку.

А за чаемъ и Анна Николаевна спросила сына:

— Заѣхать хочешь по пути къ Мальковымъ?

— Да, — отвѣтилъ Леонидъ Васильевичъ.

— Ну, кланяйся. Скажи, что и я собираюсь къ Марѣ Петровнѣ, да все не могу время выбрать. Соничкѣ кланяйся.

Касаткинъ догадался, что ему придется увидеть «невѣсту» Леонида Васильевича.

Тройка хотя и не молодыхъ, но сытыхъ «сѣрыхъ въ яблокахъ» отмахивалась хвостами отъ назойливыхъ мухъ, когда Свіягинъ и Касаткинъ, напившись чаю, вышли на крыльцо. На этотъ разъ, вмѣсто обыденной «чортовой таратайки» или стараго кабріолета, въ которомъ Леонидъ Васильевичъ разѣзжалъ по полямъ, былъ запряженъ хорошенькій небольшой тарантасъ, обитый внутри синимъ сукномъ, съ откинутымъ кожанымъ верхомъ, съ рессорами на задней оси.

— Ну, вотъ теперь ты заправскій помѣщикъ, — разсмѣялся Касаткинъ.

— Съ Богомъ, — сказала съ крыльца провожавшая ихъ Анна Николаевна, когда молодые люди, усѣвшись на своихъ мѣстахъ, кланялись ей на прощанье.

Лошади тронули.

Анна Николаевна трижды перекрестила вслѣдъ отъѣзжавшихъ и еще долго стояла на крыльцѣ, слѣдя за удалявшимся экипажемъ, пока онъ не повернулъ за уголъ и не скрылся за деревьями сада. Вѣдь, все ея счастье въ ея Ленѣ, всѣ мечты о немъ, всѣ заботы для него, вся жизнь ему. И въ умиленіи пошла Анна Николаевна въ свою комнату записать въ журналъ взволновавшія ея въ эту минуту мысли.

А тарантасъ быстро покатился по гладкой полевой дорогѣ. Легкій встрѣчный вѣтерокъ отдувалъ назадъ поднимающуюся изъ-подъ бопытъ и колесъ пыль. Дышалось легко. День былъ ясный, бѣлые перистыя облачка только еще ярче отгѣняли лазурь неба.

Проѣхали нѣсколько верстъ. Отъ дороги въ сторону сворачивала еще дорожка, поменьше. Тарантасъ миновалъ ее. Тогда Касаткинъ спросилъ:

— А когда же мы заѣдемъ-то?

— А это еще дальше будетъ, — отвѣтилъ Свіягинъ. — Верстъ десять не доѣзжая Хрящова. Я всегда на перепутьи заѣзжаю, лошадямъ вздохнуть дать.

— Кто это Мальковы? — спросилъ Касаткинъ, желая вызвать Свіягина на разговоръ.

Леонидъ Васильевичъ сообщилъ ему то же самое, что Касаткинъ уже слышалъ отъ Анны Николаевны, но о томъ, что барышня его невѣста, Свіягинъ и теперь умолчалъ.

Однако, вопросъ за вопросомъ, слово за словомъ, Свіягинъ разговаривался. Рассказывая о хозяйственныхъ способностяхъ Сонички Мальковой, — онъ такъ и называлъ ее просто Соничкой, — Леонидъ Васильевичъ увлекся и не щадилъ красокъ, описывая, какъ она и за пашней, и за посѣвомъ, и за уборкой смотритъ, и какъ она во всемъ этомъ свѣдуша.

Но на Касаткина эти похвалы производили обратное дѣйствіе. Всѣ достоинства барышни, которыя такъ ярко подчеркивалъ Свіягинъ и которыя готовъ былъ и онъ признать несомнѣнными достоинствами, не привлекали Александра Федоровича, вѣроятно, потому, что исходили отъ Свіягина. Хотя Леонидъ Васильевичъ рассказывалъ ему, въ то же время, что Соничка и на рояли играетъ, и французскія книжки читаетъ, но и это не могло изгнать изъ его головы образа «опростившейся» дѣвicy, почему-то въ самой грубой, уродливой формѣ промелькнувшей передъ нимъ въ воображеніи, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о «простотѣ» жизни самого Свіягина.

И даже хорошенько не слушая, что говорилъ ему Леонидъ Ва-

силевичъ, онъ и теперь не могъ удержаться, чтобы про себя не выругаться.

«Развѣ это простота, чортъ ихъ побори?—думалъ онъ.—Я и самъ меньше всего могу похвастаться изысканностью въ своемъ образѣ жизни и привычкахъ, но съ такою простотой провались они совсѣмъ!»

Не нравилось ему, когда, по его любимому выраженію, «изъ выѣденнаго яйца дѣлали какое-то знамя».

— Ну, вотъ и мальковскій хуторъ,—сказалъ Леонидъ Васильевичъ, указывая Касаткину на виднѣвшійся вдали изъ-за зелени деревьевъ одноэтажный деревянный домикъ, хотя и старый, но еще сохранившій бодрый и здоровый видъ.—А вотъ, кажется, и сама Соничка!—воскликнулъ онъ, замѣтивъ подъѣзжавшихъ къ хутору же съ правой стороны трехъ всадниковъ.

Касаткинъ, по мѣрѣ приближенія, могъ разглядѣть, что двое изъ всадниковъ были простые мужики, а третій—молодая дѣвушка.

У самыхъ воротъ они съѣхались. Барышня узнала Свіягина и, улыбаясь, остановила свою лошадь; Леонидъ Васильевичъ въ свою очередь приказалъ гучеру приостановиться и выскочилъ изъ тарантаса. Касаткинъ послѣдовалъ за нимъ.

— Храброй амазонкѣ рыцарскій поклонъ,—съ нѣкоторою аффектаціей произнесъ Свіягинъ, опуская до земли шляпу.

— Вотъ это мило съ вашей стороны, что вы насъ вспомнили,—съ привѣтливою улыбкой сказала молодая дѣвушка, съ лошади протягивая руку и бросивъ бѣглый взглядъ на Касаткина.—Вы больше мѣсяца у насъ не были.

— Позвольте представить виновника моего долгаго домосѣдства,—сказалъ Леонидъ Васильевичъ, рекомендуя ей Касаткина.

— Очень рада,—также любезно протягивая Касаткину руку, произнесла Соня.—Ну-съ, поѣдемте. Мама уже вспоминала, что васъ давно не видно,—обратилась она опять къ Свіягину и потянула поводья лошади.

Маленькая, смиренная лошадка, все время добродушно косившаяся на стоявшаго сбоку Свіягина, теперь, послушная своей хозяйкѣ, тронулась тихимъ шагомъ впередъ. Леонидъ Васильевичъ и Касаткинъ пошли рядомъ.

На Касаткина Соня произвела очень пріятное впечатлѣніе. Предубѣжденіе, составившееся было у него, теперь разсѣялось при первомъ же взглядѣ на молодую дѣвушку. Все въ ней сразу показалось ему привлекательнымъ, начиная съ ея мягкихъ чертъ лица. Съ густыми бровями и довольно полными губами, Соня въ общемъ

немного напоминала благородный мавританскій типъ, но, въ то же время, въ ея темно-голубыхъ глазахъ отражалось такое ясное и безмятежное настроеніе души, какое встрѣчается чаще всего у чисторусской женщины. Ей было лѣтъ восемнадцать, но, смуглая, она казалась нѣсколько старше. Здоровый румянецъ, отъбренный почти черными, волнистыми волосами, красиво разливался по ея загорѣлому лицу: она не боялась ласкъ солнца, она и теперь вѣхала съ непокрытою головою. Касаткинъ обратилъ вниманіе, что она очень ловко сидитъ на дамскомъ сѣдлѣ въ костюмѣ, не имѣющимъ ничего общаго съ амазонкой: видно было, что она, въ чемъ была дома, такъ и сѣла на лошадь. Ея сѣрая бежевая юбка была едва ли длиннѣе обыкновенной домашней; батистовая, бѣлая, съ косыми голубыми полосками блузочка, падая на талію свободными складками, почти закрывала серебряный кавказскій поясъ.

— Куда вы ѣздили?—спросилъ, между тѣмъ, Соню Свіягинъ, на ходу поглаживая рукой шею ея савраски.

— Сучья продавать, — отвѣтила она съ простодушною улыбкой и сейчасъ же, оживившись, сказала:—Знаете, что мы въ нашѣмъ лѣсѣ сдѣлали? Въ прошлый разъ я забыла рассказать вамъ.

— Ну?—приготовился слушать Свіягинъ.

— Чтобъ онъ не засаривался сухими сучьями, мы, вѣдь, позволяли ихъ мужикамъ брать даромъ, — стала она рассказывать. — Они брали, но очень мало, почти ничего, а потихоньку стали деревья рубить. Тогда мы совсѣмъ запретили сторожу пускать ихъ. Но сучьевъ, валежнику, было всегда такъ много, и мнѣ это не нравилось, хотѣлось убрать ихъ. А тутъ какъ разъ бабы въ свободное время все приходили работы просить, и мы съ мамой придумали дать имъ уборку сучьевъ въ сажени. Ну, мы поговорили съ ними и порядили ихъ по сорока копѣекъ съ кубической сажени съ тѣмъ, чтобъ крупные отъ мелкихъ отдѣльно складывались.

— Отлично! — одобрилъ Леонидъ Васильевичъ.

— И знаете, — продолжала, воодушевляясь, Соня, — нѣкоторыя цѣлыми семьями пришли, съ ребятами и стариками. Пятилѣтнія дѣвочки, и тѣ работали. Смотрѣть было любо. Я цѣлыми днями сама за ними наблюдала. И больше всего эта мелюзга работала. Премилая картинка! Всѣ съ разныхъ сторонъ ползутъ съ сучьями въ рукахъ. Какъ есть муравейникъ.

Весело глядя на Касаткина, она продолжала рассказывать, уже къ бы обращаясь къ нему:

— Теперь у меня лѣсъ такой хорошій. И знаете, я не рассчитывала на выгоду, — серьезнымъ тономъ добавила она, — хотѣлось

просто сорь очистить да заработокъ имъ дать, а теперь я самые плохія и мелкіе сучья продаю тѣмъ же деревенскимъ по полтинѣ за сажень, а которые получше—по полтора рубля. Вотъ сейчасъ остатки продала,—кивнула она головой по направленію къ сопровождавшимъ ее мужикамъ.

— Однако, вы и въ самомъ дѣлѣ хозяйка! Недаромъ Леонидъ Васильевичъ васъ расхваливалъ! — воскликнулъ Касаткинъ, все время, пока она рассказывала, наблюдавшій за ея красиво оживленнымъ лицомъ. Увлеченный простотой ея рассказа, ея милымъ голосомъ, онъ мирился и съ хозяйственной выгодой въ этомъ дѣлѣ, которую едва ли бы простилъ Аннѣ Николаевнѣ или Леониду Васильевичу.

— Я... я что-жь? Это мама... я подѣ ея руководствомъ,—слегка краснѣя, просто сказала Соня.

— А мамой руководить дочка,—улыбаясь, подмигнулъ Касаткину Свѣягинъ.—Мама и съ кресла не встаетъ.

— Такъ что-жь?—прервала его Соня.—Мы маму и въ креслѣ вездѣ катаемъ.

— Скажите: я катаю,—поправилъ ее Свѣягинъ и, обратившись къ Касаткину, сказалъ: — Софья Сергѣевна, какъ нянька, сама возитъ Марью Петровну въ колясочкѣ.

— Это только во время прогулокъ, когда близко, когда мы хотимъ остаться вдвоемъ, — отозвалась на это съ милою улыбкой Соня, обращаясь тоже къ Касаткину.—Да и что-жь, мама такая легонькая.

Касаткинъ, несмотря на свое участіе въ ихъ разговорѣ, успѣлъ замѣтить и безукоризненную чистоту узгаго и длиннаго, какъ корридоръ, двора, гдѣ они шли, и большой, въ цѣлую десятину, огородъ за заборомъ, и привѣтливый видъ домика, къ которому они приближались: въ открытыхъ окнахъ, на фонѣ бѣлыхъ тюлевыхъ занавѣсей, видѣлись пышно распустившіяся розы; простѣнки между окнами скрывались темною зеленью сиреневыхъ кустовъ.

Савраска остановился у высокой скамеечки съ приступкомъ, устроенной на столбикахъ у самаго входа въ палисадникъ. Соня безъ посторонней помощи садилась и слѣзала здѣсь съ сѣдла. Теперь, когда она встала на землю, Касаткинъ замѣтилъ, что она не высока ростомъ, но вся фигура ея была пропорціональна, граціозна.

Рабочій, минутой раньше вышедшій изъ своей избы на стукъ свѣягинскаго тарантаса, подошелъ и взялъ за поводья савраску.

— Ну, идите на заднее крыльцо, — сказала Соня подѣхав

шимъ вмѣстѣ съ ними мужикамъ, — я сейчасъ выйду и сдѣлаю съ вами расчетъ.

И, обратившись къ Свѣягину и Касаткину, она любезно, жестомъ руки, пригласила ихъ войти въ домъ.

На встрѣчу имъ, едва не опрокинувъ стоявшія на крыльцѣ двѣ гадки съ цвѣтущими олеандрами, бросился громадный, лохматый песъ и, радостно взвизгивая и какъ бы для улыбки скаля бѣлые зубы, сталъ вертѣться около нихъ, порываясь прыгнуть то Сонѣ, то Свѣягину на грудь и дружелюбно обнюхивая Касаткина.

— Поди на мѣсто, Гридень, — мимоходомъ сказала Соня, и песъ успокоился и, помахивая хвостомъ, пошелъ позади ея.

Х.

Первое, что бросилось въ глаза Касаткину, когда они вошли черезъ переднюю въ довольно просторную гостиную, была масса цвѣтовъ и зелени, рѣзко выступавшихъ на яркой бѣлизнѣ штукатуренныхъ, не оглеенныхъ обоями стѣнъ. Въ углу — маленькій кабинетный рояль, рядомъ съ нимъ — двѣ этажерки съ нотами. Тутъ же хорошенькій шкафчикъ съ книгами. У противоположной стѣны старинный краснаго дерева диванъ, передъ нимъ круглый, тоже краснаго дерева, столъ съ рѣзною ножкой и кресла. Книги и ноты на крышкѣ рояля и на столѣ; букетъ садовыхъ и букетъ полевыхъ цвѣтовъ, развернутая иллюстрація, брошенная на кресло, на ней начатое шитье, а на табуреткѣ корзиночка съ швейными принадлежностями: эта большая комната въ маленькомъ домикѣ была, очевидно, и парадной, и рабочей. Рядомъ, въ отворенныя двери, виднѣлась небольшая столовая и изъ нея выходъ на террасу, куда Соня прямо и провела гостей.

Длинная терраса захватывала не только всю сторону дома, обращенную въ садъ, но огибала и уголъ, и тамъ, за угломъ, спускалась, вмѣсто лѣстницы, отлогимъ скатомъ на дорожку. Въ большомъ садикѣ, прибранномъ и цвѣтущемъ, у столика, подъ тѣнью раскидистой липы, сидѣла, читая, старушка.

Замѣтивъ идущую къ ней дочь съ гостями, она спустила на юлѣ книжку и легкимъ поклономъ встрѣчала подходившихъ.

— Вотъ позвольте, Марья Петровна, познакомить васъ съ моимъ другомъ, — сказалъ Свѣягинъ, здороваясь со старушкой и представляя ей Касаткина.

— Очень рада, — любезно сказала Марья Петровна, протягивая Александру Федоровичу руку. — Ужь прошу извинить, что при-

нимаю васъ въ такомъ видѣ, прикована вотъ къ этому креслу шестой годъ.

Послѣ обмѣна первыхъ привѣтствій и разспросовъ о здоровьи самого Леонида Васильевича и мамыши, Марья Петровна сейчасъ же предложила гостямъ пойти въ комнаты.

— Солнце повернуло въ эту сторону, — сказала она, — и теперь здѣсь жарко будетъ. Ну-ка, Соня! — обратилась она къ дочери.

Соня взялась за придѣланныя къ креслу ручки и покатила его къ въѣзду на террасу. Свѣягинъ хотѣлъ было замѣстить ее, но Соня не уступила ему своего мѣста, и Леониду Васильевичу пришлось только помочь ей, сбоку подталкивая одною рукой легко катившееся на высокихъ тонкихъ колесикахъ небольшое кресло.

— Вы въ Хрящово или оттуда? — спросила Марья Петровна, когда они были уже въ гостинной.

— Туда, — отвѣтилъ Леонидъ Васильевичъ.

— Ну, такъ вы у насъ, конечно, пообѣдаете, — сказала Марья Петровна.

— Съ удовольствіемъ.

Соня подкатила Марью Петровну къ столу у дивана и повернула кресло такъ, чтобы мать была лицомъ къ свѣту.

— Извольте вотъ тутъ посидѣть съ мамой, — обратилась она къ Свѣягину, — я пойду только получу съ моихъ мужичковъ деньги за хворость, отпущу ихъ и сейчасъ вернусь.

И, спросивъ мать, ловко ли ей, не нужно ли ей чего-нибудь, она еще разъ привѣтливо кивнула гостямъ и вышла.

Свѣягинъ сейчасъ обратился къ Марьѣ Петровнѣ съ горячею похвалою той очисткѣ лѣса и продажи сучьевъ, про которую рассказала Соня.

— И, вѣдь, вотъ подите съ нашимъ мужикомъ, — авторитетно произнесъ въ заключеніе Леонидъ Васильевичъ, — предложите ему даромъ на себя поработать, онъ собственной выгоды не пойметъ, онъ какъ будто хочетъ, чтобъ ему же за это заплатили. А когда вы ему заплатите за работу, онъ вамъ за результатъ этой самой работы уже готовъ заплатить много дороже: тутъ онъ пойметъ!

— А, можетъ быть, они и правы, — благодушно сказала Марья Петровна, — вѣдь, все даровое плохо и не прочно, лучше какъ самъ-то заработаешь. Можетъ быть, мужикъ и не понимаетъ этого, а ужъ такъ, по привычкѣ, не вѣрять въ пользу барскихъ подарковъ, — и, немного помолчавъ, она добавила: — Я, впрочемъ, держусь правила: по возможности, не давать ничего даромъ, но за то не притѣснять на заработной платѣ, не дешевить...

— А какъ у васъ сѣнокосъ?—прервалъ ее Свѣягинъ, заинтересованный вопросомъ о цѣнѣ на рабочія руки.

И разговоръ принялъ на нѣкоторое время чисто-дѣловой характеръ.

Касаткинъ молчалъ и слушалъ ихъ, присматриваясь къ Марьѣ Петровнѣ. Худая и блѣдная, съ гладко-причесанными сѣдыми волосами, прикрытыми черною кружевною наколкой, съ лицомъ, покрытымъ хотя и многочисленными, но не глубокими морщинами, Марья Петровна сохранила слѣды былой красоты. Ея черты были нѣжныѣ, правильныѣ, чѣмъ у Сони, —вѣроятно, дочь была въ отца. Въ особенности красивы были у старушки черные глаза, свѣтвишіеся молодостью. Во всей ея маленькой фигуркѣ было что-то изящное. Голосъ Марьи Петровны звучалъ пріятно: было въ немъ что-то мягкое, спокойное, ободряющее и совсѣмъ не похожее на приторную слащавость, всегда раздражавшую Касаткина въ разговорахъ съ Анной Николаевной.

Какъ любезная хозяйка, Марья Петровна урывками, между разговоромъ съ Леонидомъ Васильевичемъ, успѣла уже перекинуться двумя-тремя фразами и съ Касаткинымъ о его пребываніи въ деревнѣ; но Свѣягинъ, не считавшій нужнымъ занимать молчаливаго пріятеля, опять сворачивалъ разговоръ на разные хозяйственные темы, предоставляя Касаткина самому себѣ.

Соня, наконецъ, вернулась. Касаткинъ замѣтилъ, какъ съ ея появленіемъ, всѣ трое, онъ и Свѣягинъ, и даже Марья Петровна, какъ будто ожили, какъ будто проснулись.

— Я велѣла вашихъ лошадей отложить, Леонидъ Васильевичъ, — сказала Соня. — Вы можете пробыть у насъ и до вечера. Намъ тутъ не часто приходится видѣть петербургскихъ гостей.

— Повинуюсь, — отвѣтилъ Свѣягинъ, наклоня голову.

До обѣда Соня предложила немного пройтись. Леонидъ Васильевичъ пожелалъ посмотрѣть на недавно очищенный лѣсокъ, и рѣшено было отправиться до его опушки, отстоявшей отъ хутора около полуверсты.

Марья Петровна отъ участія въ прогулкѣ отказалась: ей не глѣлось стѣснять гостей присутствіемъ рабочаго, который бы катилъ ея кресло-колясочку, не хотѣла она и имъ или дочери позволить катить себя, и осталась дома.

По дорогѣ къ лѣсу разговоръ завязался не сразу. Свѣягинъ любилъ Соней и не считалъ нужнымъ заговаривать, а Касаткинъ всегда чувствовалъ себя нѣсколько стѣсненнымъ при первомъ зна-

комствѣ. Соня рѣшилась, въ качествѣ хозяйки, первая прервать молчаніе.

— Вы любите деревню?—обратилась она къ Касаткину съ вопросомъ, чтобы только сказать что-нибудь.

— Люблю,—нехотя отвѣтилъ Касаткинъ: полчаса тому назадъ ему пришлось уже отвѣтить на этотъ же вопросъ и Марья Петровнѣ.

— Отчего же вы живете въ Петербургѣ?—опять спросила Соня и вдругъ почувствовала, какъ краска разлилась по ея лицу. «Господи, какой глупый вопросъ!»—съ ужасомъ подумала она и, сейчасъ же поймавъ себя на мысли, что ей какъ будто хочется сказать что-нибудь особенно умное петербургскому гостю, покраснѣла еще больше отъ досады на себя.

Касаткинъ тоже былъ слегка озадаченъ ея вопросомъ.

— Оттого, что...—началъ было онъ и запнулся, но, замѣтивъ смущеніе Сони, онъ поспѣшно произнесъ:—Во-первыхъ, я связанъ службой,—это мои единственные средства къ существованію; во-вторыхъ, я люблю Петербургъ еще больше деревни.

— Да?—машинально спросила Соня, стараясь оправиться.

— А вы любите офицеровъ?—школьничая, обратился къ Сонѣ Святинъ, какъ бы подсмѣиваясь надъ ея неловкостью.

— Нѣтъ, не люблю,—серьезно отвѣтила она, немножко недовольная его вопросомъ.

— За что такая немилость?—шутливо вступился Касаткинъ.—Значить, и мое присутствіе вамъ непріятно?

— Напротивъ.

— Но если вы не любите офицеровъ...

— А ужъ будто бы вы офицеръ?—прервала его снова повеселѣвшая Соня.

— Вы развѣ подозрѣваете, что я переряженный самозванецъ?

— Форма не человѣкъ,—отвѣтила она на это.—Можно и въ мундирѣ не быть «офицеромъ».

— Какихъ же офицеровъ вы не любите?—спросилъ Касаткинъ.

— Тѣхъ, которыхъ обожаютъ институтки,—смѣясь, отвѣтила Соня.

— Ну, значить, офицерство тутъ не причемъ, вы хотите сказать, что просто не любите пустыхъ людей,—замѣтилъ Касаткинъ.

— Да, пожалуй... Но я вообще не люблю войну... Зачѣмъ война?—мило улыбаясь, сказала Соня.

— О, я думаю съ этимъ всѣ согласны!—съ улыбкой же произнесъ Касаткинъ.—Зачѣмъ война? Немного найдется любителей

войны. Но безъ войны нельзя, а на войнѣ нельзя и безъ офицеровъ.

— Отчего нельзя безъ войны? Я думаю, что когда-нибудь перестанутъ же воевать,—убѣжденно сказала Соня.

— Во всякомъ случаѣ, не скоро,—покачалъ головой Касаткинъ.

— Я думаю, что воевать перестанутъ тогда, когда институтки перестанутъ обожать офицеровъ,—пошутилъ Свѣягинъ.—Вѣдь, войну дѣлають для офицеровъ, а офицеровъ для институтокъ.

— Милый другъ,—сказалъ на это Касаткинъ,—ты шутишь, а въ твоихъ словахъ большая доля правды, и даже всѣми признанной. Чтобы нравиться женщинамъ, нужно побѣждать другихъ.

— Да,—подхватила Соня, прежде чѣмъ успѣлъ сказать что-нибудь Леонидъ Васильевичъ,—пускай это будутъ герои и побѣдители,—увлекаясь, произнесла она,—но развѣ нѣтъ побѣдъ, кромѣ войны, развѣ нельзя безъ крови, безъ убійствъ?

— Конечно, есть разнаго рода борьба,—отвѣтилъ Касаткинъ,—но это, все-таки, будетъ война, хотя бы и на другомъ поприщѣ, хотя бы и безгровая. И еще вопросъ, какая изъ нихъ тяжелѣе и безпощаднѣе,—въ раздумьи произнесъ онъ.

— Неужели вы могли бы убить человѣка, хотя бы и на войнѣ?—спросила Соня, посмотрѣвъ на Касаткина испытующимъ взглядомъ.

— Не знаю, не приходилось,—улыбнулся Александръ Федоровичъ.—Но, вѣдь, я плохой военный. Я не строевой.

— Онъ только сидитъ у себя въ лабораторіи, да думаетъ, какъ бы изобрѣсти такой снарядъ, чтобы не одного человѣка, а сразу цѣлый полкъ въ котлеты превратить,—опять пошутилъ Свѣягинъ.

— Къ стыду моему, я и этого не придумываю, а просто небо копчу,—сказалъ Касаткинъ.

— Цѣль военной службы, а, слѣдовательно, и твоей жизни—защита отечества,—прервалъ его нѣсколько поддразнивающимъ тономъ Леонидъ Васильевичъ.

Касаткинъ, слегка прищурившись, посмотрѣлъ на него и медленно, съ подчеркнутымъ спокойствіемъ, произнесъ:

— А я желалъ бы, чтобы мнѣ не зачѣмъ было и защищать его, чтобы никто и ни откуда не грозилъ ему нападеніемъ.

— Ну, этого никогда не будетъ!—рѣшительно произнесъ Свѣягинъ.—По крайней мѣрѣ, ни намъ, ни даже нашимъ внукамъ этого не дожидаться.

— Знаю,—опять такъ же спокойно сказалъ Касаткинъ.—Ну,

и что-жь? Надо будетъ, такъ и умереть съ честью съумѣемъ. Я вотъ за то отчасти и мирюсь съ своимъ военнымъ положеніемъ, — вдругъ оживившись, болѣе горячо заговорилъ онъ, — за то готовъ даже, пожалуй, полюбить военную службу, что она приучаетъ человѣка всегда смѣло ожидать смерти. Она развиваетъ мужество, и мужество не только предъ смертью, но и предъ жизнью.

— Это вѣрно! — восликинула Соня.

Касаткинъ взглянулъ на нее; ея глазки, устремленные на него, уже загорѣлись неподдѣльнымъ восторгомъ, во всемъ лицѣ ея какъ будто свѣтилось напряженное и радостное ожиданіе еще какихъ-то волнующихъ сердце словъ отъ петербургскаго гостя.

— А чѣмъ вы занимаетесь, кромѣ службы? — спросила Соня.

Касаткинъ помолчалъ и потомъ сообразилъ, что они съ Свѣягинимъ слишкомъ увлеклись своимъ споромъ, размѣялся и сказалъ:

— Словоизверженіями. Тоже отечество спасаемъ.

— Какъ это? Отъ чего? — не поняла его Соня.

— Отъ всякихъ бѣдъ. Все разсуждаемъ, какъ чтобы къ лучшему.

— Съ кѣмъ разсуждаете?

— Съ кѣмъ случится.

— То-есть съ кѣмъ же, напримѣръ? — наивно продолжала допытываться Соня.

— Да вообще, съ знакомыми.

— Ахъ, да, съ знакомыми! Понимаю!

— То-есть, по-просту, они болтовней на возвышенныя темы занимаются, — пошутилъ Свѣягинъ съ нескрываемою ироніей.

— Что же дѣлать, если у насъ нѣтъ плодоносныхъ занятій о насущномъ хлѣбѣ, какъ у васъ, землевладѣльцевъ? Дѣлаемъ, что можемъ, — въ томъ же тонѣ отвѣтилъ ему Касаткинъ.

— Что вы хотите этимъ сказать: отечество спасаемъ? — спросила Соня, серьезно доискивавшаяся смысла въ его словахъ.

— Это моя шутка, — улыбнулся Касаткинъ. — Я въ шутку называю такъ всякіе проекты и разсужденія о томъ, что полезно и что вредно для народа... и для всѣхъ насъ вообще... И Леонидъ Васильевичъ, въ сущности, правъ...

— Да почему же надъ этимъ смѣяться надо? — спросила нѣсколько недовольная ихъ тономъ Соня. — Развѣ худо, если вы хотите всѣмъ добра, если вы и говорите объ этомъ, и думаете, какъ бы это сдѣлать?

— Это-то совсѣмъ не худо, — отвѣтилъ Касаткинъ, — да не

можно худо то, что всё объ этомъ говорить, а мало кто что-нибудь дѣлаетъ.

— Да научите, научите, что можно дѣлать? — оживленно произнесла Соня. — Мы вотъ съ мамой тоже часто разговариваемъ между собой... Мы читаемъ, что пишутъ, потомъ обсуждаемъ, даже споримъ... даже горячо споримъ... А иногда договоримся, додумаемся да чего-нибудь и сдѣлаемъ.

— Ну, и слава Богу, — одобрительно произнесъ Касаткинъ.

— Такъ почему же вотъ и вы сейчасъ съ насмѣшкой сказали о разговорахъ и проектахъ? Иногда и желала бы что-нибудь сдѣлать, да счастлива хоть тѣмъ, что помечтаешь. А можетъ быть, думаешь, когда-нибудь и удастся.

Соня говорила все это просто, но въ ея голосѣ звучали, казалось, мольба и надежда.

— Вы правы, — въ раздумьи сказалъ Касаткинъ, — я, строго говоря, и не думаю смѣяться надъ мечтами или утопіями. Я просто пошутилъ. Отчего же иногда и не поиронизировать надъ самимъ собою?

Соня взглянула на него кроткимъ, нѣсколько растеряннымъ взглядомъ и потомъ, опустивъ свои длинныя черныя рѣсницы, задумчиво и какъ-то несмѣло произнесла:

— Я не люблю ироніи.

Касаткинъ въ свою очередь взглянулъ на нее.

«Это оттого, что вы молоды», — хотѣлъ было онъ сказать ей, но не сказалъ, боясь задѣть ея самолюбіе.

Наступила минута общаго молчанія.

У Касаткина мысли опережали одна другую, и онъ уже думалъ не для того, чтобъ отвѣчать Сонѣ, а самъ для себя. Наивная вѣра въ добро и въ пользу разговоровъ и проектовъ, олицетворенная для него въ эту минуту въ красивомъ образѣ Сони, влекла его къ себѣ. И скептицизмъ, съ которымъ онъ самъ сію минуту отнесся къ собственнымъ «словоизверженіямъ», таялъ отъ теплоты, проникшей въ его душу въ словахъ Сони.

«Да, да... пусть въ самомъ дѣлѣ мы научимся хоть говорить и думать, пока не научимся дѣлать, — мысленно говорилъ онъ самъ себѣ. — Развѣ это худо? Развѣ это хуже, чѣмъ и не говорить, и не думать?»

Они дошли до конца ярового поля. На недавно прокошенной лужайкѣ по опушкѣ лѣса красиво раскинулись, какъ авангардъ, нѣсколько молодыхъ дубовъ и липъ, а въ нѣсколькихъ саженяхъ за

ними сплошная тѣнь подъ переплетавшимися вѣтвями смѣшаннаго чернолѣся манила прохладой.

— Какой чудный лѣсокъ! — воскликнулъ Касаткинъ. — Хорошо у васъ тутъ!

— Я люблю это мѣсто, — съ благодарнымъ взглядомъ отвѣтила ему Соня. — Правда, здѣсь хорошо?

— Чудесно!

— А вотъ, посмотрите, тамъ, дальше, вонъ тамъ, какая красивая полянка! — съ дѣтскою радостью, уже забывъ всю серьезность, съ которой она сейчасъ говорила, показывала теперь Соня Касаткину рукой въ глубь лѣса. — А вотъ изъ-за тѣхъ деревьевъ, съ горки, село видно... прелесть! Вотъ пойдѣмте!

И, свернувъ съ дорожки, они пошли прямо по расчищенному мѣсту между деревьями.

Что-то нѣжашее было въ этомъ молодомъ, но уже пышномъ лѣсоцкѣ. У Касаткина какъ-то само собой явилось сравненіе его съ его хозяйкой, съ самой Соней, такой же молодой и уже много общающейся. Она шла впередъ, то съ улыбкой оглядываясь на своихъ спутниковъ, едва успѣвавшихъ за ней по мелкимъ полянкамъ, на которыхъ еще пахло только что недавно убраннѣмъ свѣжимъ сѣномъ, то мелькая между кустарниками и низко свѣсившимися вѣтвями, и, казалось, манила за собой. И съ каждымъ шагомъ, который Касаткинъ дѣлалъ за этою красивою дѣвушкой, полною силъ и нетронутаго здоровья, онъ чувствовалъ себя все болѣе и болѣе влюбленнымъ.

Да, влюбленнымъ! Хотя эта мысль и вызвала у него глупо-блаженную улыбку, но какое другое слово могъ бы онъ придумать для своего настроенія въ эту минуту? Вѣдь, любовь — вѣковая беззаконница. Развѣ ей нужно много времени, чтобы вспыхнуть? Говорятъ, полюбить — это значить найти какое-то *дополненіе* къ своей натурѣ. Эта любовь приходитъ мгновенно.

Ему не хотѣлось теперь говорить ни о чемъ. Въ душѣ поднималось что-то свѣтлое, теплое, радостное, какъ будто счастье надвинулось на него откуда-то издалека, рисуясь въ туманѣ неясными очертаніями. Все, что въ жизни было дорого и мило, все, чего смутно жаждала душа въ дни молодости и пору надеждъ и ожиданій, въ недостижимое, желанное всплыло наружу и охватило его.

Но это настроеніе длилось недолго... Она — невѣста Свіягина невѣста его друга, и ему непростительно даже хотъ на секунду растравлять свою больную душу нелѣпыми мечтами.

«Да стодить ли еще Свіягинъ такого счастья, такой дѣвушки?» —

думалъ Александръ Ѳедоровичъ чрезъ минуту, и тотчасъ же этотъ вопросъ показался ему и празднымъ, и подсказаннымъ завистью. Да каковъ бы ни былъ Свiягинъ, самъ-то онъ тутъ при чемъ? Вѣдь, не онъ же въ самомъ дѣлѣ можетъ замѣнить Свiягина, вѣдь, не онъ же можетъ дать ей что-нибудь лучшее?

И Касаткинъ, уже печальный и поблѣднѣвшій, гналъ отъ себя прочь тѣ переливавшіяся тысячами радужныхъ огней грезы, которыя сейчасъ было охватили его.

А видъ изъ лѣсу съ пригорка черезъ вершины деревьевъ и раскинувшіяся подъ горой поля на далекое село съ его бѣлою церковью былъ дѣйствительно красивъ.

— Каковъ видъ-то, а?—подразнилъ Касаткина Леонидъ Васильевичъ, когда Соня привела ихъ на мѣсто.—Недурень?

«Ну, зачѣмъ онъ поглости говорить?—подумалъ Касаткинъ.—Странно, что онъ не чувствуетъ того настроенiя, какъ я, въ эту минуту».

Между тѣмъ, время приближалось къ обѣду, и Соня предложила вернуться.

XI.

Столъ уже былъ накрытъ. Дѣвочка-подростокъ, въ чистомъ розовомъ платицѣ, въ красивомъ, обшитомъ кружевами фартукѣ съ нагрудникомъ, ставила стулья къ столу, когда Свiягинъ и Касаткинъ вошли въ домъ.

— Вотъ-съ, Марья Петровна, нашъ сборъ,—сказалъ Леонидъ Васильевичъ, подавая Марьѣ Петровнѣ на листѣ лопушника нѣсколько десятковъ ягодъ набранной имъ по дорогѣ земляники.

— Немного,—улыбнулась она.

— Господа, прошу за столъ,—сказала, показываясь изъ дверей столовой, успѣвшая уже заглянуть въ кухню, Соня.—Ботвинью несутъ.

Почтеннаго вида старушка, въ темномъ ситцевомъ платьѣ и въ черномъ шелковомъ повойникѣ, внесла миску и поставила на столъ.

Обѣдъ былъ вкусно приготовленъ и красиво поданъ. Лимонный асъ и клюквенный морсъ замѣняли вино. Касаткинъ ѣлъ съ особеннымъ удовольствiемъ и аппетитомъ. Онъ становился положительно веселъ и не заставлялъ хозяевъ упрашивать себя взять лишій кусокъ. «Душой отдыхаешь за этимъ обѣдомъ!»—шутливо говорилъ онъ самъ себѣ, вспоминая Анну Николаевну. Но минутами, глянувъ на Соню, онъ готовъ былъ покраснѣть. Странное чув-

ство изъ смѣси легкой досады, насмѣшки надъ самимъ собой и юмористически-благодушной терпимости къ слабостямъ человѣка поднялось въ немъ. Какъ! Уже забыто сладкое волненіе, которое возбудила въ немъ прогулка въ лѣсу? Уже то возвышающее чувство любви, которое, казалось, готово было унести его въ царство нектара и амброзіи, уступило мѣсто малодушному чревоугодію? «И слюнки распустилъ! Экое животное!» — внутренно усмѣхаясь, журилъ онъ самъ себя. Ужь сколько разъ твердилъ онъ себѣ и прежде, что, вѣдь, ѣда — это, въ сущности, печальная необходимость тратить извѣстную часть нашей и безъ того короткой жизни на поддержаніе брэннаго тѣла. «И какъ не стыдно человѣку мыслящему приходиться въ отрадное настроеніе изъ-за хорошаго обѣда? — думалъ Александръ Федоровичъ, совсѣмъ съ хрящиками сокрушая вкусную грудинку молоденькаго цыпленка. — Но, вѣдь, нельзя же не согласиться и съ тѣмъ, что если чувство голода очень серьезное чувство, то, вѣдь, и чувство удовлетворенія его тоже, вѣроятно, чувство не пустяшное!»

За обѣдомъ говорили преимущественно о мелочахъ сельско-хозяйственной жизни, о сосѣдяхъ, о цѣнахъ на хлѣбъ, и Касаткину приходилось больше молчать. Марья Петровна нѣсколько разъ пробовала свести разговоръ на темы, гдѣ бы и Касаткинъ могъ сказать свое слово, но Свіягинъ неумышленно сворачивалъ опять на то, что близко интересовало только мѣстнаго жителя. Съ этимъ встали изъ-за стола.

Въ гостиной разговоръ мало-по-малу сдѣлался общимъ.

Касаткинъ, просматривая заглавія лежавшихъ въ гостиной книжекъ, русскихъ и иностранныхъ, и перелистывая разрѣзанныя и не разрѣзанныя страницы журналовъ, убѣждался, что Мальковы читаютъ не одни романы, а и вещи болѣе серьезнаго характера.

Прицѣпившись къ одной изъ попавшихся ему въ книжкѣ журнала статей о благотворительности, Касаткинъ обратился къ Марьѣ Петровнѣ съ вопросомъ:

— Вотъ, вы давеча сказали, что стараетесь, по возможности, ничего не давать даромъ... Ну, а нищимъ?

— Нищаго я голоднымъ не отпущу, — отвѣтила Марья Петровна, дѣлаясь нѣсколько болѣе серьезной. — Да у насъ и нищихъ здѣсь на-перечетъ: старикъ, бобыль, нищій съ отмороженными пальцами, нищяя дурочка — вотъ и всѣ. Ужь я-то, сама калѣка, конечно, имъ всегда подамъ. Я совсѣмъ не о нищихъ давеча съездила. У насъ тутъ много самой горькой бѣдности между настоящими мужиками. Вотъ я про нихъ говорила. Помочь имъ только и можно

тѣмъ, что работу дать и платить, насколько возможно, дороже за эту работу.

На это Марья Петровна началъ горячо возражать Леонидъ Васильевичъ. Видя, что слова Марьи Петровны попадають въ тонъ тому, что говорилъ ему раньше и Касаткинъ, онъ сталъ доказывать, что нельзя выдумывать искусственной работы, если она не вызывается насущными потребностями, что нельзя искусственно увеличивать цѣны на работы, потому что можно дойти Богъ знаетъ до чего, и что, напротивъ, всѣмъ нужно стремиться къ удешевленію всего и, наконецъ, къ упрощенію самой жизни.

— Я, по крайней мѣрѣ, стараюсь такъ дѣлать, — стояла на своемъ Марья Петровна, — и до сихъ поръ я находила это и возможнымъ, и выгоднымъ. По моему мнѣнію, стараться за все платить дешевле можно только при хищническомъ хозяйствѣ. Сорвалъ, да и ушелъ. А мы тутъ сидимъ, на этой землѣ, да и впередъ на ней сидѣть думаемъ. При большомъ хозяйствѣ, можетъ быть, это и заманчиво — выгодать на рабочей платѣ, а я считаю, что наше маленькое имѣніе только тѣмъ и кормить насъ, что мы другихъ не забываемъ. Вѣдь, мужику или бабѣ если что подаришь, такъ они васъ отдарить не позабудутъ. Такъ и въ работѣ: дороже платишь — больше даютъ, лучше дѣлають.

— Позвольте, Марья Петровна, — поймалъ ее Леонидъ Васильевичъ, — не будемъ смѣшивать двухъ вещей: вы говорили о помощи бѣднымъ, а теперь говорите о вашихъ выгодахъ.

— А вы меня, голубчикъ, не сбивайте, — добродушно разсмѣявшись, отвѣтила Марья Петровна, — я и сама собьюсь. Говорю я вамъ то, что мнѣ, по моей старушечьей совѣсти да болтливости, хорошимъ кажется, а тамъ понимайте, какъ хотите. Какъ проживешь полвѣка, одною ногой въ могилѣ стоишь, такъ тоже, вѣдь, и намъ иногда хочется умными быть, — съ улыбкой обратилась она теперь къ Касаткину.

Касаткинъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и потомъ посмотрѣлъ на Соню. Онъ уже замѣтилъ, что Соня вообще, когда говорила Марья Петровна, слушала ее съ любовью и вниманіемъ. Ея спокойно-ласковый взглядъ и теперь былъ устремленъ на мать.

— Вы-то, вѣдь, тоже своего имѣнія нищимъ не раздадите? — спросила Свѣгина Марья Петровна. — Такъ что же вы ко мнѣ придаться вздумали?

— Боже меня избави! — смѣясь, возразилъ Леонидъ Васильевичъ. — Я такъ только, больше насчетъ несовмѣстимости благотвори-

ренія и выгоды. У меня это противорѣчіе всякую охоту и къ тому, и къ другому отбило.

— А я вотъ, — что станете дѣлать? — добродушно замѣтила на это Марья Петровна, — и чужую нужду къ сердцу принимаю, да и о себѣ помню. И грѣшу, — каюсь въ томъ, чистосердечно каюсь, — грѣшу: чѣмъ могу, отъ жизни пользуюсь. Всѣхъ, вѣдь, вареньемъ не накормишь, а мы съ Соней и чайку съ вареньищемъ выпить любимъ.

— Забота о собственномъ благополучіи развиваетъ въ людяхъ эгоизмъ, — не то шутя, не то серьезно сказалъ Леонидъ Васильевичъ тономъ заученной фразы.

— Вотъ ужъ съ этимъ я совсѣмъ, совсѣмъ не согласна! — вспыхнувъ, воскликнула Соня. — Это, по-моему, такой предрасудокъ, такой предрасудокъ... Я не съумѣю сразу доказать вамъ это, но это невѣрно, невѣрно, что вы говорите!

И сейчасъ же, какъ будто стыдясь своей вспышки, она, краснѣя и улыбаясь, замолчала и, все еще въ волненіи, посматривала то на мать, то на Свѣгина и Касаткина.

— Да и гдѣ ужъ тутъ, въ самомъ дѣлѣ, думать о чужомъ благополучіи, если самъ не будешь сытъ? — задумчиво произнесла Марья Петровна.

На минуту наступило общее молчаніе.

Касаткинъ замѣтилъ, что Сонѣ, повидимому, хотѣлось что-то сказать, но она какъ будто не могла найти подходящихъ выраженій.

— Позвольте мнѣ поддержать васъ насчетъ того, что личное счастье и эгоизмъ не одно и то же, — сказалъ онъ ей, встрѣчая ея нѣсколько удивленный взглядъ. — Я немножко уклонюсь въ сторону, — обратился онъ теперь къ Марьѣ Петровнѣ, — и поставлю вопросъ: что собственно должно составлять дѣль нашей жизни, наслажденіе или страданіе?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ:

— Конечно, наслажденіе. Всякое страданіе только мѣшаетъ наслажденію. Мы заботимся объ *устраненіи* страданій, а, напротивъ, наслажденія мы стремимся *создавать* себѣ. Ясно, что наша дѣятельность по отношенію къ страданію — разрушающая, а по отношенію къ наслажденію — творческая. Повидимому, стремленіе къ наслажденію, дѣйствительно, какъ будто развиваетъ эгоизмъ и составляетъ насъ, въ поискахъ собственнаго счастья, забывать другихъ. Но это такъ кажется только съ перваго взгляда. Эгоизмъ это — извѣстная реакція послѣ освобожденія отъ страданія. Причина эгоизма — страхъ предъ возможностью возобновленія страданія.

Если взять все человѣчество въ цѣломъ, то этотъ страхъ предъ страданіями можно считать еще наслѣдіемъ той варварской эпохи, когда дикій человѣкъ велъ первобытную борьбу съ природой и дикими звѣрями.

— Но развѣ будетъ когда-нибудь такая эпоха, когда не будетъ этой, какъ ты сейчасъ самъ же назвалъ, *причины* эгоизма, когда не будетъ страха предъ возможностью страданій? — прервалъ его Свіягинь. — Нѣтъ, я скорѣе согласенъ съ пессимистами, что только уничтоженіемъ въ корнѣ жажды наслажденія и можно уничтожить причину страданій... а, слѣдовательно, и эгоизмъ.

— Никоимъ образомъ! — оживленно возразилъ Касаткинъ. — Пессимизмъ — малодушіе. Въмѣсто того, чтобъ уничтожать то, что мѣшаетъ жизни, ты хочешь уничтожить самую жизнь. Страхъ можно уничтожить только развитіемъ мужества. Страхъ — болѣзнь, страхъ — страданіе. Нормальное состояніе — мужество. Мужество — наслажденіе.

Касаткинъ взглянулъ на Сою. Она внимательно слушала его, немножко изподлобья глядя на него своими горѣвшими, какъ угольки, глазами.

— Культура должна развить въ человѣкѣ стремленіе къ истинному наслажденію и отсутствіе страха предъ страданіемъ и смертью. Вы, конечно, изволите знать философа Шопенгауэра, проповѣдника пессимизма? — съ усмѣшкой обратился Касаткинъ къ Марьѣ Петровнѣ.

— Сочиненій его не читала, а о немъ кое-что читала, — отвѣтила она.

— И не читайте. А если случится, что прочтете, такъ вы ему не вѣрьте, — еще болѣе оживляясь, говорилъ Касаткинъ. — Такъ вотъ Леонидъ Васильевичъ въ его дудеу дудить. Шопенгауэръ, изволите ли видѣть, вообразилъ, что чѣмъ лучше люди будутъ жить, чѣмъ болѣе они умственно будутъ развиты, чѣмъ человѣчество будетъ интеллигентнѣе, тѣмъ больше будетъ эгоизма, зла, и міръ съ развитіемъ цивилизаціи превратится въ адъ. И все онъ вретъ! И понятно почему: потому что онъ ничего не видитъ въ жизни, кромѣ страданія. А я вамъ скажу, что, напротивъ, только наслажденіе и счастье могли родить такое понятіе, какъ альтруизмъ.

— Ого! — воскликнулъ Свіягинь.

— Тебѣ кажется это страннымъ, — бросивъ на него вызывающій взглядъ, продолжалъ Касаткинъ, — а я повторяю, что альтруизмъ, любовь къ другому, жажда создать чужое счастье, можетъ возникнуть только у человѣка счастливаго и мужественнаго.

— Позвольте,— прервала его Марья Петровна.— А развѣ не бываетъ, что люди несчастные душу свою полагаютъ за счастье другихъ?

— Нѣтъ, не бываетъ,— съ снисходительною улыбкой отвѣтилъ Касаткинъ.— Тутъ одно изъ двухъ: или эти несчастные хлопчатъ о чужомъ счастьи, а, въ сущности, имѣютъ въ виду и свое участіе въ общей долѣ, или къ этому еще примѣшиваются зависть и месть счастливымъ. Или, наконецъ, если они совершенно не думаютъ о собственныхъ страданіяхъ, а дѣлаютъ дѣлю своей жизни заботу о счастьи другихъ, то они уже не несчастные, а счастливые. «Пологать душу свою за другихъ» для нихъ уже наслажденіе. Вѣдь, виды счастья и наслажденія безконечно разнообразны.

— Да что такое вообще счастье? — задалъ вопросъ Свѣгинъ.

— Счастье... счастье, собственно, заключается въ полномъ удовлетвореніи своихъ потребностей, — отвѣтилъ, немного подумавъ, Касаткинъ.

— Потребности могутъ быть всякія, — замѣтилъ на это Свѣгинъ.

— А вотъ это-то и есть дѣло благодѣтельной культуры, — сказалъ Касаткинъ, — уничтожить потребности дикія, развить потребности разумныя и найти источники удовлетворенія ихъ—вотъ задача общаго счастья.

Онъ на минуту замолчалъ, обдумывая.

— Такъ вотъ-съ,— обратился онъ опять къ Марьѣ Петровнѣ,— я разумѣю такой альтруизмъ, такую любовь къ другимъ и жажду ихъ счастья, которые чисты, какъ «хорошая хрустальная душа». Я люблю такой альтруизмъ. Но, признаюсь, не люблю людей несчастныхъ. И ужъ изъ-за одного этого моего нерасположенія къ нимъ желалъ бы сдѣлать ихъ счастливыми.

— А твои потребности удовлетворены? ты счастливъ? — не утерпѣлъ Леонидъ Васильевичъ, чтобы не подразнить пріятеля.

— Нѣтъ,— съ подчеркнутымъ равнодушіемъ отвѣтилъ Касаткинъ.— Но ты думаешь, что я люблю себя? Ошибаешься. Иногда такъ просто терпѣть не могу,— разсмѣялся онъ.— Я и несчастныхъ-то не влюбилъ потому, что, по наблюденіямъ надъ своею особою, изучилъ, чтѣ это за прелесть такая — несчастный! Теперь вотъ стремлюсь сдѣлаться счастливымъ. Для этого — личнаго богатства не ищю... хотя богатство вообще люблю; чиновъ и знатности тоже не ищю,— отъ этого я счастливымъ себя не почувствую. А мнѣ вотъ хотѣлось бы не видѣть около себя несчастныхъ всякаго рода, да знать, что ихъ и нигдѣ нѣтъ,— вотъ это

меня, пожалуй, осчастливило бы. И если я на безобразной кучѣ страданій вижу какой-нибудь хоть маленькій побѣгъ счастья, я всячески стараюсь помочь росту этого побѣга. Я готовъ за нимъ ухаживать до самозабвенія. Дайте-ка дереву счастья разростись, оно своими корнями превратитъ всю грязь страданій въ дѣвѣты и плоды: и вы же будете этимъ наслаждаться.

Произнося эту тираду, Касаткинъ подь конецъ такъ одушевился, что, самъ не отдавая себѣ отчета зачѣмъ, всталъ и посмотрѣлъ на присутствующихъ.

— А то что такое всё униженные и обиженные, какъ не постоянный источникъ эгоизма и зла? — опять заговорилъ онъ, сдѣлавъ два шага впередъ и назадъ къ своему мѣсту и также безотчетно опускаясь снова на стулъ. — Несчастные, — продолжалъ онъ съ отѣнкомъ пренебреженія и досады въ голосѣ, — всегда больше плачутъ о своемъ несчастіи, чѣмъ радуются тому, что другимъ хорошо, что другіе наслаждаются. Несчастный не можетъ быть альтруистомъ, даже еслибъ и хотѣлъ. Самъ несчастный, чѣмъ можетъ онъ осчастливить другихъ? Счастливымъ онъ не нуженъ, несчастнымъ онъ можетъ принести только свое *состраданіе*, а не истинное наслажденіе. А сострадавъ другимъ, несчастный, въ сущности, только утѣшаетъ самого себя сознаниемъ, что онъ не одинокъ, въ другихъ страдающихъ онъ сожалеетъ только самого себя. Тогда какъ если состраданіе является у человѣка счастливаго, оно вполне безкорыстно. Это уже будетъ не состраданіе, а желаніе *со-наслажденія*.

Касаткинъ сильно закашлялся. Марья Петровна и Леонидъ Васильевичъ сидѣли молча, въ раздумьи опутивъ глаза. Соня, съ разгорѣвшимися щеками, продолжала смотрѣть прямо въ лицо Александру Федоровичу.

— Вотъ тотъ же Шопенгауэръ, — болѣе тихимъ голосомъ обратился теперь Касаткинъ къ Сонѣ, — говоритъ, что видъ чужихъ страданій можетъ доставлять наслажденіе тѣмъ, что ярче выдвигаетъ наше собственное превосходство надъ несчастными. Не вѣрете ему, — улыбнулся онъ, смотря на сдвинутыя отъ напряженнаго вниманія Сонины бровки.

Соня тоже улыбнулась въ отвѣтъ.

— Не вѣрете! — весело продолжалъ Касаткинъ. — И какъ дача вы воскликнули: «предрасудокъ!» — такъ теперь можете ринуть на это: «клевета!»

— Клевета! — съ счастливою улыбкой воскликнула Соня.

Марья Петровна и Свѣягинъ переглянулись и въ свою очередь улыбнулись.

— Клевета, что счастливый человѣкъ можетъ наслаждаться несчастіемъ другого!—увлекаясь, опять возвышалъ голосъ Касаткинъ.— Это можетъ думать только злой человѣкъ. О такомъ надо говорить, какъ объ исключительномъ, временномъ явленіи, а не обобщать, не подводить подъ эту мѣрку все человѣчество, какъ это дѣлаетъ Шопенгауэръ...

— Постой,—прервалъ его Свѣягинъ.— Кто тебя знаетъ, можетъ быть, еще и ты на Шопенгауэра-то клеветишь? Можетъ быть, онъ и не говорилъ этого вовсе? Я этого не знаю.

— Нѣтъ, говорилъ!—съ рѣзкою увѣренностью отвѣтилъ Касаткинъ.— Не этими словами, но, во всякомъ случаѣ, эта мысль у него высказана... хотя, конечно, онъ приводилъ ее въ доказательство людской злобы и своего пессимизма.

— Ну, ладно, вѣрнмъ тебѣ на слово. Продолжай, разноси,—разсмѣялся Леонидъ Васильевичъ.

— Да ну его къ чорту!—извините за выраженіе,—добродушно проговорилъ Касаткинъ.— Я вовсе не намѣренъ его разносить. А такъ онъ къ слову подвернулся...

Положивъ локти на широко разставленные колѣни, Александръ Федоровичъ сталъ вертѣть между пальцами взятую со стола книжку. Помолчавъ немного и безцѣльно продолжая разсматривать корешокъ переплета, онъ какъ бы снова воодушевился.

— Такіе злодѣи, которые наслаждаются чужими муками, только и могли воспитаться на варварской почвѣ, гдѣ жизнь была страданіемъ,—обратился онъ къ Свѣягину.— Они тоже несчастные. А человѣкъ современный, такой, какой можетъ вырасти только на культурной почвѣ, человѣкъ счастливый непременно будетъ альтруистомъ. Культура немислима безъ сонаслажденія. Альтруизмъ—лучшій, совершеннѣйшій цвѣтокъ культуры. Долой состраданіе, мѣсто сонаслажденію!—вотъ девизъ будущаго.

— То-есть какъ? Вы совсѣмъ не признаете состраданія?—спросила Марья Петровна.

— Я говорю о будущемъ,— отвѣтилъ Касаткинъ.— Надо не «сострадать», а создавать счастливыхъ, и тогда самое понятіе о состраданіи отойдетъ въ область исторіи. Слово состраданіе останется историческимъ словомъ, какъ, на примѣръ, пытка, инквизиція...

— Ну, это будетъ не скоро,— покачавъ головой, сказала Марья Петровна.

— Надо, впрочемъ, вамъ замѣтить, — продолжалъ Касаткинъ, — что въ самоновѣйшей философіи появился уже протестъ противъ безцѣльнаго, такъ сказать, голаго состраданія. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя же не согласиться, что *безсильное* состраданіе, не принося пользы несчастному, только бесполезно увеличиваетъ общую сумму страданія на землѣ. Этимъ добавочнымъ, чужимъ вамъ страданіемъ вы только еще болѣе ослабляете свою душу, уменьшаете свои силы, умаляете число людей счастливыхъ.

— Да, но состраданіе такъ естественно, такъ благородно... — сказала Соня, опять вспыхнувшая и опять не находившая словъ, чтобы возразить болѣе опредѣленно.

— И прибавьте: пріятно, — улыбнувшись, сказалъ Касаткинъ. — Да и я, — продолжалъ онъ, — не соглашаюсь съ этою теоріей. Но, пожалуй, и дѣйствительно, состраданіе есть роскошь, позволительная только людямъ вполне счастливымъ... хотя бы минутнымъ счастьемъ.

Александръ Федоровичъ еще долго продолжалъ развивать свои мысли, подкрѣпляя ихъ всякими примѣрами и соображеніями. Марья Петровна слушала его съ нѣкоторымъ благодушнымъ недоумѣніемъ и была убѣждена, что если трудно облегчать несчастныхъ, то сдѣлать ихъ счастливыми еще труднѣе.

Въ этихъ разговорахъ прошло незамѣтнымъ образомъ часа два. Леонидъ Васильевичъ, давно тяготившійся тѣмъ, что Соня слишкомъ внимательно слушаетъ Касаткина и что эти разговоры вызываютъ у нея не то настроеніе, въ какомъ ему хотѣлось бы ее видѣть, выбралъ удобный моментъ, когда всѣ опять на минуту замолчали, и попросилъ Соню сыграть что-нибудь на роялѣ. Касаткинъ тотчасъ же присоединился къ этой просьбѣ.

Соня, мысли которой, подъ вліяніемъ всего слышаннаго, витали далеко отъ музыки, сначала была немножко озадачена. Ей какъ будто казалось страннымъ, что всѣ эти вопросы и споры не оставляли болѣе глубокаго слѣда у собесѣдниковъ и что Касаткинъ, сейчасъ такъ увлекательно говорившій, теперь такъ легко и охотно готовъ былъ перейти къ простому развлеченію. Ей вспомнились его собственныя, сказанныя по дорогѣ въ лѣсъ слова: «словоизверженіемъ занимаемся, отечество спасаемъ». И она была не совсѣмъ вольна имъ; ей пріятнѣе было бы видѣть его болѣе серьезнымъ. Не хотѣлось играть теперь и «забавлять гостей».

Но просить себя дважды она не заставила и сѣла за рояль.

Музыка всегда была для Касаткина любимымъ наслажденіемъ. Еперъ съ первыхъ же аккордовъ, взятыхъ Соней, онъ насто-

жился. Быть можетъ, въ игрѣ Сони были недостатки,—онъ ихъ не замѣчалъ,—но бѣглость и увѣренность пальцевъ указывали на постоянное упражненіе; то, что называется «душой» въ игрѣ, проявлялось въ такой граціозной, привлекательной формѣ, что Касаткинъ былъ въ восторгѣ. Соня играла пьесу за пьесой, и выборъ ихъ обличалъ и хорошій музыкальный вкусъ, и знакомство съ новинками въ области музыки.

Солнце, уже опускаясь къ западу, повернуло теперь изъ-за угла дома, и лучи его проникли сквозь вѣтви березы въ открытое окно и вдругъ какъ будто золото разсыпали вокругъ Сони. Она какъ разъ въ эту минуту брала послѣдніе заключительные аккорды, а Касаткинъ, до сихъ поръ сидѣвшій съ опущенною головой, только что поднялъ на нее глаза.

Свіягинъ зааплодировалъ. Касаткинъ сконфуженно всталъ и подошелъ къ Сонѣ.

— Вы меня просто растрогали вашей игрой, — смущенно заговорилъ онъ, смотря ей въ глаза.

— Очень рада, — просто и весело отвѣтила Соня.

— Я смотрю вотъ на васъ, — сказалъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ Касаткинъ, — и думаю: откуда у васъ все это въ такой глуши? И эти книжки, и эти ноты...

— Мы живемъ для себя... времени свободнаго у насъ много, — растерявшись отъ непривычныхъ похвалъ, не знала что отвѣтить ему Соня, — мы ищемъ удовольствія, въ чемъ намъ нравится... что можно достать.

— Но вотъ это-то мнѣ и удивительно, что у васъ тутъ талантъ не закопанъ въ землю, — продолжалъ Касаткинъ, — душа жива и отзывается на все, что волнуетъ и насъ въ Петербургѣ.

Соня, довольная и улыбающаяся, но покраснѣвшая и смущенная, обратила къ матери умоляющій взглядъ, и Марья Петровна выручила ее.

— У меня въ Петербургѣ есть племянница, — сказала она. — Такъ, спасибо ей, она насъ держитъ немножко au courant того, что вы называете прогрессомъ въ искусствѣ и наукахъ.

Нервное настроеніе, съ которымъ Свіягинъ еще выѣхалъ изъ дому, теперь у него постепенно возростало. Восторгъ, сейчасъ проявленный Касаткинымъ по отношенію къ Сонѣ, вызывалъ у Леонида Васильевича опять чувство ревности и, ни къ кому собственно не обращаясь, онъ сказалъ:

— Однако, намъ пора бы и собираться. Засвѣтло бы доѣхать.

— Успѣете, — начала уговаривать его Марья Петровна. — Далеко ли тутъ?

— А вотъ сейчасъ будемъ чай пить, — сказала Соня и вышла, чтобы распорядиться.

Скоро подали самоваръ. Марью Петровну подкатили въ ея креслъ къ столу. Разливаніе чая было ея дѣломъ, ея долей участія въ хозяйственныхъ работахъ.

Касаткинъ, разговаривая съ Марьей Петровной, сидѣлъ за столомъ. Соня, немножко разгоряченная игрой на роялѣ, нашла, что въ комнатѣ, за самоваромъ, несмотря на открытыя окна и двери, стало душно, и вышла съ чашкой чаю на террасу. Леонидъ Васильевичъ тоже взялъ свой стаканъ и вышелъ за ней.

Тамъ, гдѣ терраса огибала уголъ дома, стояли три стула. Соня хотѣла было переставить ихъ ближе къ двери въ столовую, чтобы имѣть возможность разговаривать и съ матерью, и съ Касаткинымъ.

— Зачѣмъ? — остановилъ ее Леонидъ Васильевичъ. — Тутъ на углу больше воздуха.

Они сѣли. Свѣгинъ нѣсколько разъ нервно погладилъ свою бородку и принялся вдругъ восторженно хвалить послѣднюю, сейчасъ сыгранную пьесу. Соня немного смутилась и опустила глаза. Не надолго хватило восторженныхъ словъ и у Леонида Васильевича. Онъ сначала раза два повторилъ одно и то же, потомъ зашнулся, замолчалъ и опять нервно погладилъ бородку.

— Надолго вы въ Хрящево? — спросила его, чтобы прервать молчаніе, Соня, смотря въ чашку и прихлебывая ложечкой горячей чай.

— На недѣлю, — отвѣтилъ онъ и вдругъ густо покраснѣлъ. На вискѣ у него вздулась жила. Онъ раза два взглянулъ на Соню, отхлебнулъ раза два чаю и поставилъ стаканъ на свободный стулъ.

— Вы на обратномъ пути, пожалуйста, опять заѣзжайте, — снова прервала томительное молчаніе Соня.

Она произнесла эти слова совершенно машинально, просто, не найдя ничего другого. Помѣшивая ложечкой чай, она, казалось, не рѣшалась оторвать глазъ отъ чашки. Это подбодрило Леонида Васильевича.

— Софья Сергѣевна, — обратился онъ къ ней и опять зашнулся. Онъ чувствовалъ, какъ голосъ у него дрогнулъ. Но вдругъ точно что толкнуло его, и онъ съ нѣсколько странною поспѣшностью, удто торопясь, чтобы его не застали врасплохъ, почти шепотомъ произнесъ: — Софья Сергѣевна, я хотѣлъ... я хотѣлъ предложить... хотѣлъ просить вашей руки. Вы согласны?

Онъ уже не смотрѣлъ ей въ лицо, а смотрѣлъ на ея руку, державшую чашку, и онъ видѣлъ, какъ чашка задрожала.

А Соня, широко раскрывъ глаза, посмотрѣла на него испуганнымъ взглядомъ. Она замѣтила у Леонида Васильевича и вздвинутую на вискѣ жилу, и взглядъ, уставленный на ея руку, и странное, неприятно-смѣшное выраженіе его красиваго лица, и сейчасъ же отвела глаза: ей было неловко и больно смотрѣть на него въ эту минуту.

Но черезъ нѣсколько секундъ молчанія Леонидъ Васильевичъ опять поднялъ на нее глаза и повторилъ вопросъ:

— Софья Сергѣевна... скажите...

Теперь Соня сразу поблѣднѣла и почему-то такъ же торопливо, какъ говорилъ сейчасъ Леонидъ Васильевичъ, произнесла:

— Потомъ... послѣ... я вамъ послѣ скажу.

— Когда же? Гдѣ же? Вѣдь, я сейчасъ уѣду, — сказалъ уже смѣлѣе Леонидъ Васильевичъ.

— Потомъ... когда вернетесь, — отвѣтила Соня, быстрыми глотками допивая свою чашку.

— Значить, ждать? — блѣднѣя, спросилъ пріунывшій Леонидъ Васильевичъ.

— Дайте подумать, — сказала болѣе спокойнымъ тономъ Соня, вставая съ пустою чашкой въ рукахъ.

И вдругъ, какъ бы почувствовавъ себя въ чемъ-то виновной, она, съ улыбкой протянувъ ему руку, повторила:

— Дайте подумать, — и ушла въ столовую.

Леонидъ Васильевичъ, оставшись одинъ, сжалъ обѣими руками голову и долго смотрѣлъ на дверь, въ которую вышла Соня. Его лицо быстро измѣнилось, будто стало старше, выраженіе жестче, подъ лѣвымъ, нѣсколько ввалившимся глазомъ рѣзче обозначилась легкая синева. Леонидъ Васильевичъ чувствовалъ, какъ что-то стукнуло у него въ сердцѣ.

«Подумать... подумать... Но не отказъ... Нѣтъ еще, нѣтъ!... Неужели я ошибался?»

Тяжело ему было и онъ все крѣпче и крѣпче сдавливалъ руками голову, какъ бы стараясь выжать оттуда что-нибудь разъясняющее ему его положеніе.

— Чаю еще хотите, Леонидъ Васильевичъ? — съ этимъ вопросомъ появилась опять въ дверяхъ на террасу Соня.

Измученная тою позой, въ которой она застала Леонида Васильевича, она немного шатнулась назадъ, но онъ уже отнял отъ висковъ руки и поспѣшно всталъ ей на встрѣчу.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ,—сказалъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ и веселымъ.—Я вотъ только выпью этотъ, и потомъ ѣхать бы надо. Прикажите сказать моему кучеру, чтобъ запрягалъ.

— Хорошо,—какъ-то робко произнесла Соня.

Прежде чѣмъ уйти, она посмотрѣла въ глаза Леониду Васильевичу такимъ ласковымъ взглядомъ, какъ будто говорила: «Да неужели же я вамъ сдѣлала больно? Ну, зачѣмъ на меня сердиться?»

Леонидъ Васильевичъ, взявъ свой стаканъ и наскоро допивъ его, тоже пошелъ въ столовую. Касаткинъ, продолжая начатый разговоръ съ Марьей Петровной, не обратилъ вниманія на странный видъ Свѣягина. Марья Петровна на минуту остановила на немъ свой взглядъ, «что-то такое» замѣтила въ его лицѣ, но сейчасъ же опять продолжала свою бесѣду съ Касаткинымъ.

Леонидъ Васильевичъ молча подсѣлъ къ столу.

Соня не возвращалась въ столовую до тѣхъ поръ, пока не пришла сказать, что лошади готовы.

Стали прощаться. Марья Петровна просила непременно захватить къ нимъ на обратномъ пути.

— Я такъ рада была познакомиться съ Александромъ Ѳедоровичемъ,—говорила она Свѣягину,—мнѣ было такъ пріятно вспомнить съ нимъ о Петербургѣ, обо всемъ, что когда-то и меня тамъ трогало за живое, что, надѣюсь,—обратилась она теперь къ Касаткину,—вы доставите мнѣ удовольствіе, побесѣдуете еще разъ со старухой, прежде чѣмъ уѣдете назадъ въ Питеръ.

— Черезъ недѣлю,—отвѣтилъ за него Леонидъ Васильевичъ.

Произнося эти слова и прощаясь въ эту минуту съ Соней, онъ крѣпко пожалъ ей руку и посмотрѣлъ ей въ глаза долгимъ, вопрошающимъ взглядомъ.

— Пожалуйста,—отвѣчая на его рукопожатіе и на понятый ею нѣмой вопросъ, смущенно произнесла Соня.

ХІІ.

На западѣ багряныя облака уже давно закрыли солнце. Въ воздухѣ стало свѣжѣе. Отдохнувшая тройка бѣжала бойкою рысью. черъ Николай, хорошо накормленный на мальковскомъ хуторѣ, гъ никогда не кормили его дома, весело покрикивалъ на лошадей.

Свѣягинъ и Касаткинъ, разваливъ каждый въ своемъ углу татаса, оба усердно молчали. Оба думали о Сонѣ, каждый по-сму.

У Свягина все сосредоточилось въ одномъ ожиданіи отвѣта Со-ни, — отвѣта, который она дастъ ему черезъ недѣлю. Онъ чувствовалъ, что сердце у него немножко щемило при мысли о ея неопредѣленномъ: «дайте подумать»; но онъ сейчасъ же успокоивалъ себя тѣмъ, что она просто не рѣшилась сказать: «да», не перегово-ривъ съ матерью. Въ ея словахъ, въ ея выраженіи лица при про-щаніи, въ ея взглядѣ онъ искалъ подтвержденія этой мысли и заставлялъ себя находить его. Онъ не хотѣлъ допускать даже сомнѣнія въ томъ, что она согласится; онъ чувствовалъ, какъ за призракомъ этого сомнѣнія подползало что-то ужасное. И, отго-няя отъ себя даже невольнo возникавшія воспоминанія обо всемъ, что было сегодня, онъ перескакивалъ мыслью черезъ всю пред-стоящую недѣлю ожиданій. Ему казалось, что онъ уже получилъ согласіе Соны, и, не рисуя себѣ въ опредѣленныхъ формахъ свою дальнѣйшую жизнь, онъ только нервно твердилъ про себя: «Какъ это будетъ хорошо, какъ хорошо это будетъ!»

А предъ Басаткинымъ проносился въ воображеніи цѣлый рядъ пестрыхъ картинъ, гдѣ впечатлѣнія сегодняшняго дня беспоря-дочно перемеживались съ впечатлѣніями пребыванія въ Свяги-нѣ и съ воспоминаніями о собственной жизни въ Петербургѣ; цѣ-лый хороводъ мыслей, соображеній, порывовъ и сомнѣній кру-жился въ его головѣ.

Соня... Соня стояла въ срединѣ этого хоровода! Странное дѣло, онъ чувствовалъ себя несомнѣнно влюбленнымъ и, въ то же вре-мя, сознавалъ, что это какая-то благоговѣйная безнадежная лю-бовь, которая еще болѣе мила ему именно своею безнадежностью. Развѣ можетъ выйти что-нибудь для него изъ этой любви? А любить ее хочется, и хочется, чтобъ она была любима и счаст-лива...

Въ Сонѣ онъ видѣлъ одну изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ всегда чтить въ своемъ воображеніи. Онъ узнавалъ ихъ при первой встрѣ-чѣ, съ первыхъ словъ. Развѣ Соня уже не сказала ему, что она не любитъ ироніи? Да, въ ней нѣтъ ироніи. Здоровая, молодая душа. Просто и открыто идутъ эти женщины на встрѣчу жизни, просто и почти наивно встрѣчаютъ онѣ въ жизни и горе, и радости, трудъ, и наслажденіе.

И все, что около Мальковыхъ, представляется теперь Александ-ру Федоровичу привлекательнымъ, манящимъ. Мила деревня, миль деревенскія заботы, миль нѣсколько дикій, но родной сердцу пей-зажъ. А его жизнь въ Петербургѣ уже кажется далекой и туман-ной, она уже окутана легкою пеленой минутнаго разочарованія.

Мило Александру Федоровичу даже и то, что Марья Петровна— больная, разбитая, «калъга», какъ она сама себя называетъ. Невольно сравниваетъ онъ ее съ бодрою и крѣпкою Анной Николаевною. Пусть та хвастается тѣмъ, что никогда не была больна, да какая въ этомъ заслуга?

Въ своемъ воображеніи онъ создаетъ и внутренній душевный обликъ Марьи Петровны, самъ того не замѣчая, что приписываетъ ей качества, которыхъ у нея, быть можетъ, нѣтъ и мысль о которыхъ навѣяна ему условіями его собственнаго существованія. Ему кажется, что болѣзнь Марьи Петровны, подрѣзавъ ея физическія силы, подѣйствовала благотворно на ея отношенія ко всему окружающему, заставила ее уйти въ созерцательную жизнь, въ самоуглубленіе.

«Да, не всегда вѣрно, что здоровая душа живетъ только въ здоровомъ тѣлѣ», — думалъ онъ теперь. — И что значить: здоровая душа? Дорога душа просвѣтленная! Если у молодой, здоровой Соии уже горитъ въ душѣ искра просвѣтленія, такъ, вѣдь, она заронена туда много разъ переболѣвшею за нее матерью. Какъ и самъ человѣкъ, мысль и просвѣтленіе тоже не родятся на свѣтъ безъ болѣзней. Быть можетъ, будущія поколѣнія получаютъ отъ насъ въ наслѣдство готовое счастье и ясное міросозерцаніе именно за то, что мы теперь больны».

Съ мыслью о Соиѣ Касаткинѣ опять покосился на Леонида Васильевича, попрежнему, молча сидѣвшаго въ другомъ углу тарантаса, и на минуту ему показалось страннымъ соединеніе Соии съ Свѣягинымъ и всѣмъ свѣягинскимъ обиходомъ. Но воображеніе влекло его впередъ, и, представляя себѣ Соию женой Леонида Васильевича, онъ уже не только мирился съ этимъ, но видѣлъ Соию торжествующей надъ Анной Николаевною и всѣми ея порядками. «Внуки» должны были достаться не Аниѣ Николаевнѣ, а Марьѣ Петровнѣ.

И Александръ Федоровичъ какъ-то неожиданно для самого себя взялъ вдругъ руку Свѣягина, крѣпко пожалъ ее и сказалъ тихимъ, нѣсколько торжественнымъ голосомъ:

— Женись, Леонидъ Васильевичъ, на ней, женись!

Леонидъ Васильевичъ очнулся отъ своей задумчивости. Соия шла въ его мысляхъ, и слова Касаткина даже не показались ему ранними. Онъ посмотрѣлъ на него и такъ же тихо-торжественно вѣтилъ односложнымъ:

— Да.

Бучеръ Николай, должно быть, что-то смѣтилъ, взмахнулъ въ духъ вnutомъ и крикнулъ:

— Эй, вы, сѣренькія!

Присяжныя подхватили вскачь. Вдали чернѣлъ хрящовскій лѣсъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда тарантасъ остановился у подъѣзда.

Огромный деревянный домъ, двухъ-этажный, съ колоннами и еще съ какимъ-то бельведеромъ надъ крышей, выдѣлялся на темномъ фонѣ ночного неба мрачнымъ пятномъ. Огонь свѣтился только въ одномъ окнѣ.

Сторожъ, подбѣжавшій къ крыльцу вслѣдъ за экипажемъ, постучалъ въ это окно, у рамы показалась чья-то тѣнь, потомъ огонь исчезъ, и когда Свіягинъ и Касаткинъ поднялись на черное крыльцо, на встрѣчу имъ отперла двери простоволосая сѣдая старуха.

— Ну, Мирониха, самоваръ!—сказалъ ей Свіягинъ, входя въ кухню.—Живо, старая!

Старуха, ничего не отвѣтивъ, какъ нѣмая, какъ тѣнь, пошла впередъ и продолжала свѣтить, пока Свіягинъ и Касаткинъ пробирались черезъ кухню въ сѣни, черезъ сѣни въ комнаты. На кухнѣ пахло лукомъ, въ комнатахъ чѣмъ-то затхлымъ, какъ въ нежиломъ домѣ.

Одна изъ комнатъ, куда пришла впередъ старуха, была нѣсколько прибрана. У окна стоялъ письменный столъ, по стѣнамъ нѣсколько стульевъ, коммодъ и кровать.

Старуха зажгла стоявшую на коммодѣ лампу и, попрежнему, не произнося ни слова, ушла.

Леонидъ Васильевичъ зажегъ еще одну изъ двухъ свѣчей на письменномъ столѣ.

— Ну, вотъ, мы и въ моемъ «Монрепо», если позволено такъ выразиться,—сказалъ Свіягинъ.

— Плохо же твое «Монрепо», — поморщился Касаткинъ.

— Чѣмъ плохо? Вкусу ты, братецъ, не знаешь, — пробовалъ шутить Леонидъ Васильевичъ.—Здѣсь, братъ, никакихъ стѣсненій, никакихъ условностей. Въ этомъ-то весь смакъ и есть. Вотъ завтра ты увидишь, какъ тутъ распрекрасно. Ну, а теперь пойдѣмъ ка, выберемъ, гдѣ тебѣ помѣститься,—сказалъ онъ, беря свѣчу и направляясь въ сосѣднюю темную комнату.—Хочешь вотъ въ этой комнатѣ, рядомъ со мной,—если не боишься, что я тебя своимъ раннимъ вставаньемъ беспокоить буду,—хочешь—во второмъ этажѣ, въ любой изъ комнатъ одалисогъ.

— Какіхъ одалисокъ?—спросилъ нѣсколько изумленный Касаткинъ.

— Это, братецъ, я тебѣ расскажу потомъ. Такія исторіи, что «на совѣсть», — прищелкнувъ языкомъ, отвѣтилъ Леонидъ Васильевичъ. — Тутъ у прежняго владѣльца цѣлый гаремъ былъ. У каждой своя пріемная была. А теперь у меня тамъ въ одной изъ комнатъ двѣ ветхости живутъ: слѣпая экономка наша прежняя да «седьмая вода на киселѣ», какая-то наша родственница.

— Это ужъ, значить, твой гаремъ?—пошутилъ Касаткинъ.

— Нѣтъ, это мамашина богадѣльня. Мы ихъ держимъ здѣсь, чтобъ онѣ въ Свіягинѣ воздухъ своимъ присутствіемъ не портили, — смѣялся Леонидъ Васильевичъ.

Онъ повелъ Касаткина въ верхній этажъ по массивной дубовой лѣстницѣ съ точеною балюстрадой, съ рѣзными столбиками и поручнями, говорившими о былой роскоши.

Поднявшись, они вступили въ длинный узкій корридоръ. При полусвѣтѣ, разливавшемся отъ колеблющагося пламени свѣчи въ рукахъ Леонида Васильевича, Касаткинъ замѣтилъ въ стѣнахъ направо и налево чернѣвшія отверстія нѣсколькихъ открытыхъ дверей.

— Тутъ вотъ были «домашніе безстыжные» балы, а здѣсь «монастырскія» кельи, — сказалъ Свіягинъ, указывая Касаткину сначала на большой залъ, а потомъ на отдѣльныя комнатки. — Вотъ, выбирай себѣ любую.

И онъ повелъ его изъ комнаты въ комнату. Всѣ онѣ были почти одного размѣра и вида, и всѣ были совершенно пусты. Въ нѣкоторыхъ сохранились старыя, загрязненные обои, въ одной стѣны были обтянуты ситцемъ, мѣстами прорваннымъ и частію заштопаннымъ, частію висѣвшимъ клочьями. Двѣ комнаты были почище, съ простыми, выбѣленными известью, штукатуренными стѣнами.

— Это вотъ я приспособилъ для гостей, — сказалъ Леонидъ Васильевичъ, указывая на стоявшую въ каждой изъ этихъ двухъ комнатъ мебель: кушетку, коммодъ и стулъ.

Касаткинъ выбралъ ту, гдѣ воздухъ показался ему менѣе спертымъ.

— Ну, вотъ мы и велимъ тебѣ здѣсь все приготовить, — сказалъ Свіягинъ, — а теперь пойдемъ внизъ, закусимъ, да и на боковую.

Впечатлѣніе, произведенное на Касаткина всею неприглядностью свіягинскаго «Монрепо», было таково, что, ходя за Леонидомъ Васильевичемъ, онъ даже не хотѣлъ браниться, а просто молча хмурился.

Свѣягинъ, между тѣмъ, распоряжался приведеніемъ въ порядокъ постелей. Появилась откуда-то горбатая, некрасивая дѣвка съ ухарскимъ выраженіемъ лица, босоногая, простоволосая, одѣтая въ бѣлую холщовую рубаху и синій посконный сарафанъ. Доставая изъ коммоды простыни, наволочки и одѣяла и стеля постель въ комнатѣ Свѣягина, она на ходу поминутно бросала то на Свѣягина, то на Касаткина странные взгляды, приправленные глупо-соблазняющею улыбкой.

«Неужели это одна изъ его одалисокъ?» — брезгливо подумалъ Касаткинъ.

Но Свѣягинъ какъ-то сухо и равнодушно относился и къ взглядамъ дѣвки, и къ фамильярному тону, которымъ она сдѣлала ему нѣсколько вопросовъ.

Ужинать подали въ сѣняхъ. Тамъ, «поближе къ кухнѣ», чтобъ не таскаться далеко съ посудой и кушаньями, въ углу, у окна, стояла простая деревянная лавка и простой столъ. Это была столовая Леонида Васильевича.

Плохо пропеченный, мокрый пирогъ съ яземъ, молоко въ крингѣ и черный хлѣбъ стояли около кипѣвшаго самовара. Тутъ же были положены полотняные дорожные мѣшечки съ чаемъ и сахаромъ, привезенные изъ Свѣягина.

Леонидъ Васильевичъ самъ заварилъ чай въ старомъ чайникѣ съ подбитымъ носомъ, самъ перемылъ стаканы и вытеръ ихъ сомнительной чистоты полотенцемъ.

У Касаткина отъ ѣзды и чистаго воздуха аппетитъ разыгрался еще въ дорогѣ. Но онъ не рѣшился попробовать непривлекательнаго пирога, не любилъ пить на ночь чаю и ограничился молокомъ съ чернымъ хлѣбомъ.

Разговоръ не клеился. Свѣягинъ, въ первый моментъ пріѣзда оживившійся было и балагурившій, теперь опять впалъ въ задумчивость. Стаканъ чаю стоялъ передъ нимъ не тронутый.

Касаткинъ смутно чувствовалъ, что и у Леонида Васильевича мысли вернулись опять туда, гдѣ имъ обнимъ было сейчасъ такъ пріятно, такъ уютно, — на мальковскій хуторъ.

— Но пойдетъ ли она за тебя? — задумчиво, медленно произнесъ онъ, не то обращаясь къ Леониду Васильевичу, не то размышляя вслухъ. Эти слова вырвались у него какъ-то невольно, какъ продолженіе мелькнувшаго у него въ памяти начатаго было разговора въ тарантасѣ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? — встрепенулся Леонидъ Ва-

сплывичъ и лицо его приняло желчное выраженіе. — Развѣ ты знаешь?

Басаткинъ посмотрѣлъ на него.

— Нѣтъ, я ничего не знаю. Я только думаю, что тебѣ хорошо бы жениться... вообще... а на Софьѣ Сергѣевнѣ въ особенности... Но только какъ она? Каковы ея отношенія къ тебѣ?

— Ты видѣлъ.

— Ну, по тому, что я видѣлъ, судить мудрено. Тебѣ лучше знать.

— У насъ всегда такъ, какъ ты видѣлъ. Я бываю у нихъ разъ, два раза въ мѣсяцъ. Мы хороши.

Басаткинъ не сказалъ ничего и опять задумался.

Свѣягинъ тоже молчалъ. Раза два онъ взглядывалъ на Басаткина и опять уставлялся на стаканъ. Наконецъ, онъ нерѣшительно произнесъ:

— Я сдѣлалъ ей сегодня предложеніе.

Теперь Александръ Ѳедоровичъ поднялъ на него немного изумленный, вопрошающій взглядъ.

— Когда?

— Когда вы съ Марьей Петровной сидѣли за чаемъ.

Басаткинъ почувствовалъ, какъ нервы у него напряглись.

— И?...—спросилъ онъ.

— Отвѣтъ черезъ недѣлю. Поѣдемъ обратно, заѣдемъ, узнаю. У Басаткина будто что отлегло отъ сердца.

— А ты этого не замѣтилъ?—спросилъ Свѣягинъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Александръ Ѳедоровичъ.

Наступило опять молчаніе.

«Какая гадость—человѣкъ! — думалъ теперь Басаткинъ.— Отчего это я сейчасъ какъ будто испугался, что онъ сдѣлалъ предложеніе, отчего мнѣ какъ будто стало пріятно, что она еще не дала ему окончательнаго отвѣта? Что это? Зависть, что ли? Вѣдь, самъ говорю ему: женись на ней. Вѣдь, не себѣ я ее прочу. Вѣдь, не буду же я ей предложеніе дѣлать, не собираюсь. Что же это за глупое чувство?»

«Или это, быть можетъ, чувство страха за нее? — думалъ онъ спустя нѣсколько минутъ.— Боязнь за то, будетъ ли ей хорошо въ немъ?... И странно, что я какъ будто уже давно, давно люблю ее».

И часъ спустя, наверху, въ своей комнатѣ, лежа уже въ постели, онъ думалъ:

«Конечно, только близкое знакомство, частыя встрѣчи, при-

вычки могутъ дать серьезную любовь... скрѣпляютъ ее... Безъ духовной связи нѣтъ настоящей любви, и я-то ужъ всего меньше могу полюбить за одну красоту... Но зачѣмъ мнѣ долго изучать эту душу знакомствомъ, разговорами, вопросами и отвѣтами, когда я всю ее въ одно мгновеніе уже прочиталъ въ одномъ взглядѣ, когда по одной улыбкѣ я почувствовалъ, что она мнѣ близкая, родная?»

ХІІІ.

Жизнь въ Хрящовѣ оказалась, какъ и предупреждалъ Леонидъ Васильевичъ Касаткина, еще менѣе привлекательной, чѣмъ въ Свіягинѣ.

Анна Николаевна, конечно, меньше всего была расположена заглядывать въ старомъ хрящовскомъ домѣ слѣды опустошенія, оставленные прежнимъ владѣльцемъ. Мебели въ большинствѣ комнатъ почти совсѣмъ не было; если гдѣ и сохранилась, то лишь кое-какая дрянь. Парадные комнаты, постоянно закрытыя, пустыя, почти никогда не мелись и не убирались. Окна въ нихъ были не выставлены изъ опасенія, чтобъ ночью не забрались воры. Одну изъ большихъ гостиныхъ превратили въ домашнюю кладовую. Парадное крыльцо было наглухо заколочено.

Та самая горбатая Аниська, которую Касаткинъ принялъ за «одалиску», служила за «старшую горничную», завѣдующую всѣми порядками въ домѣ. Все время она оставалась неизмѣнно грязной и босоногой, и если иногда наскоро повязывала голову желтымъ бумажнымъ платкомъ, то онъ сейчасъ же оказывался сбитымъ на боугъ или свалившимся на затылокъ.

Уже на другой же день по приѣздѣ Касаткина узналъ, что Аниська была не одалиской, а дѣятельнымъ факторомъ Свіягина, и теперь Александру Федоровичу стало понятнымъ, почему Анна Николаевна не любила, когда сынъ слишкомъ долго оставался въ Хрящовѣ, почему съ ея точки зрѣнія были не желательны никакія улучшения въ хрящовскомъ домѣ.

Въ этотъ приѣздъ, однако, Аниська была, очевидно, недовольна Леонидомъ Васильевичемъ. Задумчивый, сосредоточенный, онъ мало обращалъ вниманія на ея забѣганія или прямо посылалъ ее къ чорту. Пробовала было она подмигнуть Касаткину, но онъ только брови хмурилъ при видѣ ея.

Бостюмъ, въ который Леонидъ Васильевичъ облекся при отъѣздѣ изъ Свіягина въ виду посѣщенія Мальковыхъ, былъ по приѣздѣ въ Хрящово тотчасъ же замѣненъ хранившимися здѣсь въ коммодѣ

парусинною блузой и такими же панталонами, старыми, смывшимися и, вслѣдствіе этого, узкими, короткими и перекошенными. Несходившійся вѣроть блузы оставался всегда разстегнутымъ. Соломенную шляпу смѣнила засаленная дорожная фуражка изъ сѣраго бумажнаго репсу. Вмѣсто кожаныхъ лаптей, въ которыхъ Леонидъ Васильевичъ ходилъ въ Свіягинѣ, онъ надѣлъ здѣсь старые, порыжѣвшія и заплатачныя ботинки, бережно поставивъ подъ кровать бывшія на немъ въ дорогѣ новыя.

Занятія Свіягина со старостой казались Касаткину какими-то странными, отрывочными. Леонидъ Васильевичъ провѣрялъ выданные мужикамъ задатки въ счетъ работъ, записывалъ число рабочихъ дней, отдавалъ распоряженія о сѣнокося, но частенько какое-нибудь замѣчаніе его парализовалось словами старосты: «Анна Николаевна не такъ наказывала». И Леонидъ Васильевичъ оставлялъ свое распоряженіе безъ дальнѣйшаго развитія.

Гулять въ Хрящовѣ было совсѣмъ негдѣ: погода испортилась, на нѣсколько дней зарядилъ дождь, глинистая дорога въ поляхъ сдѣлалась непроходимо грязной, въ саду густая брапива не позволяла гулять даже и въ сухую погоду, а теперь тамъ стояла отчаянная сырость; ямы отъ старыхъ парниковъ были полны воды.

Черезъ три дня Касаткина стало тянуть хоть назадъ въ Свіягино, только бы вырваться изъ этого мрачнаго «убѣжища». Самъ Леонидъ Васильевичъ никогда не скучалъ въ Хрящовѣ, но теперь желаніе скорѣе увидать опять Соню дѣлало и ему пребываніе здѣсь тягостнымъ. Однако, раньше назначеннаго времени вѣхать къ Мальковымъ казалось неудобнымъ.

Недѣля въ Хрящовѣ тянулась, такимъ образомъ, для обоихъ пріятелей невыносимо долго.

Свіягинъ и Касаткинъ обыкновенно проводили большую часть дня молча. Пока Леонидъ Васильевичъ все что-то считалъ и составлялъ какіе-то счета и вѣдомости, имѣвшіе видъ черновыхъ замѣтокъ, которымъ никогда не суждено быть оконченными, Касаткинъ перечитывалъ старые экземпляры сельско-хозяйственнаго журнала. Новыхъ Леонидъ Васильевичъ не выписывалъ уже года два.

— Когда тутъ читать, некогда, — сказалъ онъ какъ-то Касаткину. — Да и все равно въ этихъ журналахъ ничего нѣтъ.

«Мамашинъ староста все лучше знаетъ», — мысленно добавилъ а него Александръ Федоровичъ, но произнести этихъ словъ почему-то не рѣшился.

Соскучившись за этимъ чтеніемъ, Александръ Федоровичъ началъ безцѣльно бродить по пустымъ комнатамъ, останавливаясь

передь окнами и смотря сввозь потускнѣвшія отъ копоти и времени стекла въ садъ или во дворъ и прокляная не перестававшій дождь. А когда и Леонидъ Васильевичъ бросалъ свои счета и вѣдомости и присоединялся къ Александру Федоровичу, они оба ходили цѣлыми часами изъ угла въ уголь по залѣ, изъ залы въ гостиную, изъ гостиной опять въ залу, пока, наконецъ, не сажались рядо́мъ на деревянный садовый диванъ, сколоченный когда-то, должно быть, очень давно, еще, вѣроятно, крѣпостнымъ плотникомъ, изъ неотесанныхъ отъ бересты полѣньевъ и палокъ, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшій и попавшій изъ сада въ гостиную.

Касаткинъ иногда угрюмо и упорно молчалъ, внимая рассказамъ Свiягина о его хозяйственныхъ дѣлахъ или о любви его къ Сонѣ, иногда же вдругъ выходилъ изъ себя и напускался на прiятеля.

— Это чортъ знаетъ, что такое! — возмущался онъ въ одно скверное послѣ-обѣда, совершая вмѣстѣ съ Свiягинымъ обычное утаптыванiе грязнаго пола въ парадныхъ комнатахъ. — Какъ тебѣ не стыдно такъ по-свински жить?

— Что-жь тебѣ еще нужно? — полушутя, полусерьезно возражалъ Свiягинъ. — Крыша не течетъ, въ стѣны вѣтеръ не дуетъ, сидимъ не на полу. Ёда есть. Къ чему же еще излишняя роскошь? Вѣдь, ты и самъ не разъ мнѣ высказывалъ, что надо и о мужикѣ подумать, что мужикъ фундаментъ, на которомъ весь домъ стоитъ. А, вѣдь, у мужика и этого нѣтъ. У мужика, вѣдь, вездѣ во всемъ все одинъ и тотъ же «сѣвооборотъ».

И Леонидъ Васильевичъ, школьнически подергивая плечами, скороговоркой запѣлъ:

Рѣдка съ квасомъ,
Рѣдка съ масломъ,
Рѣдка просто,
Рѣдка такъ...

— А мы-то еще на его счетъ живемъ! — бончивъ пѣть, разсмѣялся Свiягинъ, словно радовался, что можетъ безцѣльно подразнить прiятеля.

Касаткинъ посмотрѣлъ на него съ серьезнымъ и спокойнымъ выраженiемъ лица. Съ минуту Александръ Федоровичъ, казалось, самъ еще обдумывалъ, что онъ скажетъ. Потомъ безъ малѣйшаго задора на этотъ разъ, а съ увѣренностью убѣжденнаго человѣка произнесъ:

— Знаешь, въ отношенiи того, насколько мы обязаны мужику, насколько онъ намъ, всѣ счеты, и его, и наши, давно спутаны, —

п, помолчавъ немного, онъ продолжалъ:— Много тутъ накопилось разныхъ предрассудковъ. Ихъ пора бы разсѣять, а не зетемнять еще больше пустопорожными фразами вродѣ вотъ этой, что ты сейчасъ выпустилъ. Такія фразы, можетъ быть, къ лицу тѣмъ, кто ровно ничего не дѣлаеть, а потомъ, стыдась своего бездѣльничества, цинически щеголяетъ покаяніемъ въ своей слабости. Но если ты работаешь, то, что бы ты ни дѣлалъ, ты живешь на свой собственный счетъ, — неторопливо, спокойнымъ тономъ продолжалъ онъ развивать свою мысль.— Это мы привыкли только думать, что одинъ мужикъ вырабатываетъ всѣ средства для нашей жизни, что мужикъ насъ кормить. Возьми-ка тѣ государства, гдѣ, при скученности населенія, земля не можетъ дать достаточнаго количества хлѣба для людей и корма для скота. Тамъ всѣ, въ концѣ-концовъ, должны бы перемереть съ голоду. Кто же спасаетъ? Конечно, интеллигентныя силы тѣхъ людей, которые умѣютъ создать производство такихъ предметовъ, за которые мы расплачиваемся нашимъ хлѣбомъ. Спрашивается, кто же кого тамъ кормить?

Леонидъ Васильевичъ подумалъ и серьезно отвѣтилъ:

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что и тамъ рабочій кормить интеллигента, потому что безъ рабочаго ничего бы не было сдѣлано.

— Вздоръ! — возразилъ, также послѣ минутнаго размышленія, Касаткинъ.— Представь себѣ только, что весь контингентъ интеллигенціи, вся жизненная энергія страны, уйдетъ, на примѣръ, изъ Бельгіи, оставивъ одинъ рабочій классъ. Интеллигенція эта найдетъ себѣ работу и средства въ любой странѣ, хотя бы, на примѣръ, у насъ, въ Россіи. А рабочимъ тамъ безъ интеллигенціи нельзя будетъ существовать. Число-то этихъ ушедшихъ будетъ вовсе не велико, ихъ куски, раздѣленные на всѣхъ оставшихся, не спасутъ никого отъ голода, а сила вмѣстѣ съ ними уйдетъ громадная. Рабочихъ можно замѣнить машинами, интеллигенцію же не замѣнишь ничѣмъ.

Онъ взглянулъ на Свѣгина, какъ бы ожидая подтвержденія своей мысли. Но Леонидъ Васильевичъ сосредоточенно молчалъ.

— Въ сущности, конечно, всего правильнѣе будетъ сказать, что мы никто никому ничѣмъ не обязаны, — продолжалъ, не дождавсь отвѣта, Касаткинъ.— Тамъ благосостояніе однихъ тѣсно связано съ благосостояніемъ другихъ. А у насъ—ты, вотъ, на примѣръ, пожалуй, дѣйствительно, растеніе чужеядное, — разсмѣялся, смягчая дружескою улыбкой рѣзкость выраженія.

— За то я и не позволяю себѣ брать ничего лишняго, сокра-

паю свои потребности до послѣдняго предѣла, — съ сознаниемъ своей правоты возразилъ Свіягинъ.

— И глупо, — спокойно отвѣтилъ ему Касаткинъ. — По твоимъ дѣламъ, ты и этого предѣла не стоишь.

— Что же по-твоему, — опять-таки спрошу тебя, — лучше жить такъ, какъ жили тѣ, кто проѣли вотъ эти имѣнія?

— Охъ, лучше! — покачавъ головой, со вздохомъ, но утвердительно отвѣтилъ Касаткинъ. — Только ты не смѣшивай вотъ чего. Ты все ссылаешься, что «они» *проѣли*. Милый другъ, не то бѣда, что они хорошо ѣли и хорошо жили, а то бѣда, что они *только это* и дѣлали и ничего другого не дѣлали. Скверно то, что ты гадко ѣшь и гадко живешь, а еще хуже, что ты только это и дѣлаешь и ничего другого не дѣлаешь. Ты только напрасно бременишь землю.

— Мегсі, — защищался смѣшками Леонидъ Васильевичъ.

— А ты не мерсидай, а вникай, — всѣмъ сердцемъ и помышлениемъ вникай въ то, что я говорю, — въ увлеченіи началъ размахивать руками Касаткинъ. — Не береги ты, ради Бога, ни своихъ средствъ, ни своихъ силъ. Не жалѣй ничего, ни здоровья, ни труда, ни денегъ. Живи! Умрешь, что-то, все-таки, останется отъ тебя. Останется твое, собственное... живое... а не этотъ не принадлежащій тебѣ скарбъ, который ты называешь своимъ и которому ты, въ сущности, только мѣшаешь двигаться... мѣшаешь другимъ пользоваться имъ.

— Значить, по-твоему, что же: расточай? Такъ? — спросилъ Свіягинъ.

— Ну, да, ра-сто-чай! — подчеркнул Касаткинъ.

— А помнишь, какъ-то тоже въ спорѣ, въ Свіягинѣ, ты допускалъ, что можно и *копить*? — послѣ небольшой паузы сказалъ Леонидъ Васильевичъ.

— Да, помню, — слегка морща брови, припомнилъ Касаткинъ. — Ну, и что-жь? Во-первыхъ, я и тогда говорилъ тебѣ: копи, да знай же мѣру! А, во-вторыхъ, съ тѣхъ поръ я могъ и уйти впередъ. Я, вѣдь, не чью-нибудь законченную теорію тебѣ докладывалъ, я живой человекъ, и на лбу у меня не написано: «я достигъ» Напротивъ, *я иду!* И вотъ тамъ, гдѣ я остановился теперь, мнѣ кажется, что было бы гораздо лучше, еслибъ накопленіе совершалось само собой, естественнымъ путемъ, отъ плодовъ труда, расточаемаго каждымъ для всѣхъ, а не искусственнымъ стягиваніемъ въ однѣхъ рукахъ плодовъ чужого труда. Словомъ, еслибъ оно шло отъ центра къ периферіи, а не отъ периферіи къ центру, еслибѣ

оно было результатомъ центробѣжной, а не центростремительной силы. Представь себѣ шаръ какой-нибудь хрупкой массы и при этомъ малую сердцевину этого шара гораздо болѣе плотной, чѣмъ его большую наружную поверхность. Такой шаръ очень непроченъ, а именно таково экономическое положеніе большинства современныхъ обществъ.

— Но, вѣдь, если всё будутъ расточать, никто ничего не накопить. Мнѣ кажется, прежде чѣмъ расточать, нужно накопить,—сказалъ Свіягинъ.

— Ты иногда бываешь удивительно непонятливъ,—съ досадою возразилъ Касаткинъ.—Чтобъ расточать, нужно не накопить, а что бы то ни было создавать. Накопить—значитъ отнять или, по крайней мѣрѣ, не дать. А создавать и расточать, это значитъ—увеличить общее богатство, а въ томъ числѣ и свое собственное. Взаимнъ того, что ты дашь своего, къ тебѣ придетъ данное другими. И чѣмъ скорѣе ты и каждый другой будете расточать создаваемое вашимъ трудомъ, тѣмъ лучше, тѣмъ правильнѣе будетъ ростъ культуры, тѣмъ быстрѣе пойдетъ накопленіе богатствъ на землѣ. Поидеть, такъ сказать, непрерывное начисленіе процентовъ на проценты.

Они подошли въ это время къ березовому дивану и Леонидъ Васильевичъ, уставшій ходить, сѣлъ. Сѣлъ рядомъ съ нимъ и Касаткинъ.

— А то представь себѣ,—послѣ минутнаго молчанія заговорилъ опять Александръ Федоровичъ, положивъ руку на колѣно Свіягина,—съ одной стороны будутъ накоплены миллиарды, съ другой—будутъ миллионы нищихъ. Миллиардеры будутъ ежедневно дрожать за то, чтобъ нищіе ихъ не ограбили, а нищіе будутъ бездѣльничать и облизываться, глядя на чужіе миллиарды. Развѣ тутъ и тѣ, и другіе счастливы? Въ концѣ-концовъ, надо непременно ожидать нарушенія этого неустойчиваго равновѣсія.

Немного подумавъ, Касаткинъ продолжалъ:

— Теперь представь еще слѣдующее. Сами ли миллиардеры раздадутъ свои миллиарды, нищіе ли отнимутъ ихъ у ихъ владѣльцевъ—все равно, это будетъ культурная катастрофа. Нищіе ничего лучшаго не сумѣютъ сдѣлать съ культурными богатствами, какъ прожить ихъ или изломать, какъ ломаютъ дѣти игрушку. Путемъ такой катастрофы могутъ уничтожиться накопленные богатства и культура, но не уничтожатся нищіе и нищета. А я уже высказывался при тебѣ, что нельзя быть счастливымъ, когда около тебя кишатъ несчастные. Нищета можетъ уничтожиться только

постепеннымъ наслоеніемъ общаго благосостоянія, ростъ культуры можетъ быть только органическимъ ростомъ. А для этого единствен- ный вѣрный путь, какой я знаю, это—работай, создавай и рас- точай.

Александрѣ Федоровичѣ надоѣло сидѣть на жесткихъ палкахъ дивани, онъ поднялся и опять заходилъ по комнатѣ.

— Скажи мнѣ, что осталось міру отъ скупыхъ людей?—про- изнесъ онъ, черезъ нѣсколько минутъ остановившаяся передъ сидѣв- шимъ на своемъ мѣстѣ Свіягинимъ.—Щедрые и расточители дѣ- лали исторію, скупцы ее только тормазили. Возьми всю красоту, завѣщанную намъ вѣками: развѣ скупцамъ обязаны мы ею?—про- должалъ онъ, повышая голосъ и подступая еще больше къ Леониду Васильевичу.—Припомни жизнь цѣлыхъ государствъ... Тѣ мину- ты, когда человѣчество возвышалось до божества,—скупцы ихъ создавали?

Пройдясь опять по комнатѣ и снова остановившись передъ молчавшимъ Свіягинимъ, онъ не безъ ѣдкости произнесъ:

— Помнишь, ты какъ-то говорилъ, что ты русскій... какой-то *особенный русский*... а я выходилъ, по-твоему, чуть не ренегатъ? Ну, а позволь тебя спросить, какой девизъ напишешь ты—вотъ этакій-то русскій!—на своемъ знамени, какіе идеалы пойдешь ты благовѣствовать, какую культуру понесешь ты куда бы то ни было?

И, прежде чѣмъ Леонидъ Васильевичъ успѣлъ что-либо сказать ему на это, Александръ Федоровичъ бросилъ ему новый, болѣе же- стокій, болѣе бьющій по сердцу упрекъ:

— Вотъ ты думаешь жениться на Софьѣ Сергѣевнѣ,—отеча- нивалъ онъ слово за словомъ,—что-жь, ты и ее сюда введешь жить, въ эти хоромы? Мы видѣли, какъ онѣ живутъ въ своемъ ху- торѣ, тебѣ же и самому у нихъ нравится, ты, отправляясь къ нимъ, прихорашиваешься. Что же, все это должно будетъ уступить вотъ этому режиму?

И Александръ Федоровичъ обвелъ вокругъ рукой по пустой и пыльной залѣ.

Свіягинъ нахмурился и не отвѣчалъ.

— Позволь тебя спросить: ты, болѣе богатый человѣкъ, низве- дешь болѣе бѣднаго изъ хорошей культурной обстановки въ худ- шую за что собственно? За то, что ли, что она отдастъ тебѣ свою жизнь, а ты лишишь ее ея маленькихъ удобствъ и радостей? Такъ ли?

— Зачѣмъ же? У насъ въ Свіягинѣ...—началъ было Леонидъ Васильевичъ.

— У васъ въ Свіягинѣ режимъ все тотъ же, что и здѣсь, — рѣзко прервалъ его закусившій удила Касаткинъ. — Неужели ты думаешь, что твоей женѣ, — будетъ ли это Софья Сергѣевна, или другая, — легко будетъ жить тамъ?

— Женюсь, такъ можно будетъ и здѣсь устроить все, что нужно... Если неудобно будетъ въ Свіягинѣ, если... она тамъ не пожелаетъ, — словно оправдывался Свіягинъ.

— Отчего же можно будетъ *тогда*, отчего нельзя *теперь*?

— Да зачѣмъ? — по привычкѣ отнѣживался Леонидъ Васильевичъ.

— Да для тебя самого, братецъ ты мой, для тебя самого! — съ досадою воскликнулъ Касаткинъ. — Ну, а скажи, пожалуйста: женившись, ты все такимъ же вотъ шуткомъ гороховымъ будешь ходить? Неужели ты думаешь, что ты женѣ въ этомъ видѣ будешь нравиться?

И Касаткинъ съ азартомъ тыкалъ въ воздухъ пальцемъ по направленію сидѣвшаго передъ нимъ въ своемъ неприглядномъ костюмѣ Свіягина.

— Отчего же бы и нѣтъ, если она меня любитъ будетъ? — сказалъ Леонидъ Васильевичъ, снова, несмотря на страстность, съ которой говорилъ Касаткинъ, обратившій его слова въ шутку. И, окинувъ взглядомъ свою узкую блузу и короткія брюки, онъ съ улыбкой произнесъ: — Выросъ немножко. Это, вѣдь, еще студенческія.

— То-то, выросъ! — бросилъ на него сердитый взглядъ Касаткинъ и опять заходилъ по комнатѣ. Потомъ, подойдя къ Свіягину и ударивъ его по плечу, онъ дружескимъ тономъ произнесъ:

— Встрепенись. Живи. Не опускайся.

Леонидъ Васильевичъ, грустно улыбувшись, молчалъ.

А. А. Луговой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕДОРАЗУМѢНІЕ *).

Романъ В. Д. Гоуэльса.

IX.

Флорида стала готовить матери постель.

— Для чего ты это дѣлаешь, душа моя?—спросила миссисъ Вербанъ.—Я не могу сейчасъ же ложиться.

— Но, мама...

— Нѣтъ, Флорида! И я опять повторяю: ты черезъ-чуръ строптива. Мнѣ кажется, ты сама должна бы видѣть, какъ тебѣ, въ концѣ-концовъ, приходится страдать всякій разъ, какъ ты даешь волю своему бурному нраву. Ты весь этотъ день намъ испортила.

— Я очень виновата,—смирненно пролепетала гордая дѣвушка.

— И потомъ это извиненіе! Очень надо было тебѣ такъ унижать себя!

— Я не чувствовала никакого униженія; мнѣ это было все равно.

— Да я, право, думаю, что, въ своемъ высокомеріи, ты не допускаешь даже возможности унижить себя чѣмъ-нибудь. А донъ-Ипполито былъ все время такъ милъ съ нами! Я начинаю думать, что мистеръ Феррисъ уловилъ твой истинный характеръ въ этомъ эскизѣ. Но, рано или поздно, твоя гордость будетъ сломлена, Флорида.

— Дай я помогу тебѣ раздѣться, мама. Ты можешь говорить со мной и раздѣваясь. Тебѣ надо постараться заснуть.

— Да, я чувствую себя совсѣмъ разбитой. Отчего ты не позволила ему войти и поболтать немного? Это всего бы лучше успокоило меня. Но нѣтъ, ты всегда поставишь на своемъ. Не тереби

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

меня, душа моя, я предпочитаю раздѣться сама. Но, вѣдь, ты очень заботлива ко мнѣ. Желала бы я только знать, любишь ли ты меня на самомъ дѣлѣ?

— О мама, ты одна у меня въ цѣломъ мірѣ!

Миссисъ Вербанъ начала всхлипывать.

— Ты говоришь такъ, точно я счастливѣе тебя въ этомъ отношеніи. Вѣдь, у меня только ты и осталась. А сколько я потеряла!

— Не вспоминай теперь объ этомъ, мама.

Миссисъ Вербанъ поцѣловала молодую дѣвушку.

— Бъ своей матери ты дѣйствительно добра. Донъ-Ипполито былъ правъ, никто не видалъ, чтобъ ты была ко мнѣ непочтительна или неласкова. Ну, полно, полно! Не плачь, моя голубка! Я думаю, мнѣ въ самомъ дѣлѣ лучше будетъ лечь, а ты поможешь мнѣ раздѣться.

Дочь уложила ее въ постель и стала тихонько ходить по комнатѣ, привела ее въ порядокъ и сдвинула плотнѣе занавѣси, чтобы не пропустить въ окно свѣтъ уже близкой зари. Мать поговорила немного, и вскорѣ безсвязныя ея рѣчи смѣнились молчаніемъ, а затѣмъ сномъ.

Флорида съ безпокойствомъ поглядѣла на нее, потомъ поставила свѣчку на полъ и устало опустилась въ кресло возлѣ постели. Ея руки упали на колѣни; голова какъ-то печально поникла на грудь; то причудливо удлиненная, то укороченная, на потолокъ замелькала отраженная свѣтомъ тѣнь ея лица.

Вскорѣ какая-то птичка засвистала въ саду; издалека донеслось щебетаніе ласточки; вешній день начиналъ стряхивать съ себя легкую, короткую дремоту вешней ночи. Багровый вѣничикъ образовался на свѣтильнѣ свѣчки, опрокинувшейся въ трубки под-свѣчника и оплывавшей съ рѣзкимъ шипѣніемъ.

Флорида вздрогнула и вскочила со стула. Полоска солнечнаго свѣта пробивалась сквозь ставни и шторы. Миссисъ Вербанъ встала на постели, опираясь однимъ локтемъ о подушки, и смотрѣла на дочь, какъ будто только что окликнула ее.

— Мама, ты звала меня?—спросила дѣвушка.

Миссисъ Вербанъ повернулась къ стѣнѣ; она глубоко вздохнула, протянула свои исхудалыя руки вдоль подушки и стала точно лубляться, — медленно углубляться въ постель. Она перестала дышать и лежала въ обморокѣ.

Флорида скорѣ почувствовала это, чѣмъ увидала. Она не крикнула и не позвала на помощь. Она принесла воды и одеко-ну, вспрыснула матери лицо, а затѣмъ начала растирать ей ру-

ки. Миссисъ Вербвнъ стала медленно возвращаться къ жизни; она открыла глаза, потомъ закрыла ихъ; она не говорила, но вскорѣ стала дышать ровно и протяжно, какъ дышуть во снѣ.

Флорида безшумно отворила дверь и столкнулась со служанкой, несшей кофе на подносѣ. Она приложила палецъ къ губамъ, сдѣлала ей знакъ не входить и шепотомъ спросила:

— Сколько теперь времени, Нина? Я забыла завести часы.

— Девять часовъ, синьорина. Я думала, что вы устали со вчерашняго дня и пожелаете кушать кофе въ постели. О, *misericordia!*— произнесла дѣвушка, все еще шепотомъ, бросивъ взглядъ въ полуотворенную дверь, — вы такъ совсѣмъ и не ложились!

— Мамъ что-то нехорошо. Я сидѣла возлѣ нея и сама не знаю, какъ уснула въ креслѣ.

— Ахъ, вы бѣдняжка! Такъ напейтесь сейчасъ же кофе. Это подкрѣпитъ васъ.

— Да, да,— сказала Флорида, затворяя дверь и указывая на столъ въ сосѣдней комнатѣ, — поставьте его сюда. Я сама налью его, Нина. А вы, пожалуйста, пойдите и влякнете гондолу. Я сейчасъ поѣду и вы должны ѣхать со мной. Скажите Чекъ, чтобъ она пришла сюда и оставалась возлѣ мамы, пока я не возвращусь.

Она дрожащею рукой налила себѣ чашку кофе и выпила ее, потомъ, промывъ глаза, подошла къ зеркалу, слегка оправила на себѣ свой вчерашній туалетъ, остановилась на минуту, какъ бы изучая производимый имъ эффектъ, и отошла; затѣмъ еще разъ подбѣжала и черезъ минуту уже шла къ воротамъ, выходящимъ на каналъ, гдѣ Нина дожидалась ея въ гондолѣ.

Вскорѣ онѣ очутились у подъезда Ферриса.

— Позвоните,— сказала она гондольеру, — и скажите, что одна изъ американскихъ дамъ желаетъ видѣть консула.

Феррисъ стоялъ какъ разъ надъ ней, на балконѣ, и съ нѣмымъ удивленіемъ слѣдилъ за приближеніемъ ея гондолы.

— Что это значить, миссъ Вербвнъ?— крикнулъ онъ сверху. — Скажите, ради Бога, что такое случилось?

— Не знаю. Мнѣ надо поговорить съ вами,— сказала Флорида, поднявъ къ нему задумчивое личико.

— Я сойду внизъ.

— Да, пожалуйста. Или нѣтъ, лучше я сама взойду наверхъ. Да, я взойду наверхъ съ Ниной.

Феррисъ встрѣтилъ ихъ у нижней двери и проводилъ въ свою квартиру. Нина сѣла въ первой комнатѣ, а Флорида послѣдовала за живописцемъ въ его мастерскую. Несмотря на блѣдность ея ли-

да, ему казалось, что никогда онъ не видалъ его такимъ прелестнымъ, и онъ испытывалъ странную гордость, принимая ее у себя, хотя безпорядокъ, въ которомъ находилась комната, долженъ былъ бы пристыдить его. Она оглядѣла все съ какимъ-то дѣтскимъ, робкимъ любопытствомъ и съ нѣкоторою долей того гордаго состраданія, съ какимъ молодыя дѣвицы смотрятъ на обиталища мужчинъ, когда случайно попадаютъ въ нихъ, и величественный, медленный поворотъ ея головы при этомъ осмотрѣ очаровалъ Ферриса.

— Я надѣюсь, — сказалъ онъ, — что этотъ запахъ не беспокоитъ васъ? — То былъ смѣшанный запахъ масляныхъ красокъ и табаку. — Моя служанка убираетъ приемную, и тамъ пыль стоитъ столбомъ. Вотъ почему мнѣ пришлось просить васъ сюда.

Флорида сѣла на стулъ передъ мольбертомъ, и на нее взглянули печальные глаза донъ-Ипполито. Феррисъ рѣзкимъ движеніемъ повернулъ полотно другою стороною.

— Я вовсе не хотѣлъ, чтобы вы это видѣли; въ картинѣ осталось еще столько работы, что я не могу ее показывать, — сказалъ онъ и остановился передъ дѣвушкой въ выжидательной позѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы она заговорила первая, такъ какъ никогда не зналъ, какъ ему обращаться съ миссъ Вербанъ; онъ не прочь былъ отнестись свысока къ ея важнымъ минамъ, но въ настоящую минуту она, очевидно, была слишкомъ несчастна, чтобы быть для него предметомъ насмѣшекъ; между тѣмъ, ему нивакъ не хотѣлось заслужить щелчокъ преждевременнымъ выраженіемъ сочувствія. Онъ пробѣжалъ въ умѣ событія вчерашняго дня и подумалъ, что, вѣроятно, этотъ визитъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ донъ-Ипполито. Но его посѣтительница хранила молчаніе и, наконецъ, онъ сказалъ ей:

— Надѣюсь, что у васъ дома все благополучно, миссъ Вербанъ. Вчерашній день и ночь, и нынѣшнее утро, — все это какъ-то странно смѣшалось въ моей головѣ. Надѣюсь, что миссисъ Вербанъ предала все случившееся полному забвенію.

— Вотъ о ней - то... о ней - то я и пріѣхала поговорить съ вами, — чуть слышно сказала Флорида. — То-есть, мнѣ надо спросить у васъ, кто здѣсь лучшей докторъ? — поторопилась она объяснить. Значить, дѣло шло не о донъ-Ипполито.

— Ваша матушка больна? — поспѣшно спросилъ Феррисъ. — Она, должно быть, страшно утомилась послѣ нашей неудачной экспедиціи. Надѣюсь, что нѣтъ ничего серьезнаго?

— Нѣтъ, нѣтъ! Но она чувствуетъ себя нехорошо. Она очень слаба, вы сами это знаете. Вы должны были замѣтить, какъ она слаба, — трепещущимъ голосомъ сказала Флорида.

Феррисъ замѣтилъ, что его соотечественницы, по минованіи дѣвическаго возраста, казались больными, Богъ знаетъ почему и отчего; онъ полагалъ, что это въ порядкѣ вещей, это было такое обычное явленіе. Что касается миссисъ Вербанъ, то въ ней, хотя она очень много распространялась о своемъ плохомъ здоровьѣ, онъ замѣчалъ это менѣе, чѣмъ въ другихъ: она такъ бодрa была духомъ. Теперь онъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, по временамъ она казалась ему похожей на призракъ, и что иногда его забавляла мысль, какимъ образомъ такой хрупкій организмъ выдерживаетъ борьбу съ жизнью не только вполне успѣшно, но даже побѣдоносно.

— Да, — сказалъ онъ, — я знаю, что миссисъ Вербанъ далеко не сильна.

— Мнѣ надо только получить совѣтъ для нея, — продолжала Флорида, — но, мнѣ кажется, намъ, все-таки, лучше повидаться съ врачомъ или знать, къ кому обратиться въ случаѣ нужды. Мы такъ далеки отъ всякихъ знакомствъ и отъ всякой помощи. — Она какъ будто пыталась отдать отчетъ скорѣе самой себѣ, чѣмъ Феррису, въ томъ, что она дѣлаетъ. — Мы ничего не должны пропустить безъ вниманія.

Она взглянула на него съ мольбою, но тѣнь какъ бы мучительнаго воспоминанія пробѣжала по ея лицу, и она ничего больше не сказала.

— Я поѣду съ вами къ доктору, — мягко сказалъ Феррисъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, зачѣмъ вамъ беспокоиться?

— Да это вовсе не безпокойство.

— Нѣтъ, пожалуйста, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы ѣхали со мною; я предпочитаю отправиться одна.

Феррисъ смущенно взглянулъ на нее, когда она поднялась.

— Только дайте мнѣ адресъ, и я все отлично устрою сама, я къ этому привыкла.

— Какъ вамъ будетъ угодно. Подождите минутку. — Феррисъ написалъ адресъ. — Вотъ, — сказалъ онъ, подавая его, — но развѣ же я ничего не могу сдѣлать для васъ?

— Да, можете, — съ неловкою нерѣшительностью отвѣтила Флорида, устремивъ на него полувызывающій, полуумоляющій взоръ. — Къ вамъ, какъ къ консулу, обращаются, конечно, всякіе люди, и вы помогаете имъ въ ихъ дѣлахъ и потомъ... стараетесь ихъ забыть?

— Ну? — сказалъ Феррисъ.

— Я желала бы, чтобы вы не вспоминали о томъ, что я просила у васъ этой услуги, чтобы вы посмотрѣли на это, какъ на...

— Какъ на консульскую обязанность? Отъ всего сердца обѣщаю вамъ это, — отвѣтилъ Феррисъ, и въ пятый или шестой разъ онъ подумалъ, до какой степени юна миссъ Вервѣнъ.

— Вы очень добры, добръе, чѣмъ я имѣла право ожидать отъ васъ, — сказала Флорида съ жалобною улыбкой. — Я, собственно, хотѣла только просить васъ не говорить объ этомъ съ моею матерью. Не то чтобъ я желала скрыть отъ нея какой-нибудь изъ своихъ поступковъ, — прибавила она, — но она стала бы мучиться, еслибъ знала, что я тревожусь за нее. Ахъ, если бы только я могла не тревожиться!

Она стала торопливо доставать носовой платокъ; Феррисъ увидѣлъ, какъ задрожали ея губы, и душа его затрепетала вмѣстѣ съ ними.

Прошелъ еще одинъ мигъ.

— Прощайте, — быстро сказала она съ какимъ-то воздушнымъ рыданіемъ. — Пожалуйста, не провожайте меня.

Она выбѣжала изъ комнаты и спустилась съ лѣстницы; служанка послѣдовала за ней.

Феррисъ набилъ трубку, вышелъ снова на балконъ и сталъ задумчиво курить, слѣдя за тѣмъ, какъ направлялась гондола по данному имъ адресу. Вѣдь, это та самая дѣвушка, которая вчера дала такую жестокую пощечину бѣдному донъ-Ипполито. Но это казалось ему не менѣе логичнымъ, чѣмъ ея внезапное, благородное и преувеличенное раскаяніе; все это совершенно соотвѣтствовало тому, какъ сейчасъ она явилась къ нему за помощью, держа его на разстояніи, взывая къ его сочувствію, и какъ затѣмъ, сдѣлавъ попытку оборвать его, изнемогла въ своихъ усиліяхъ. Все это составляло нѣчто цѣльное и все вмѣстѣ оно было несимпатично; да, у миссъ Вервѣнъ дурной характеръ, но у нея есть и великодушныя черты. Стоя на балконѣ, гдѣ его обливали струи утренняго воздуха и солнечнаго свѣта, въ бодромъ и здоровомъ невѣдѣніи всей тайны женскихъ нервовъ, онъ улыбался этимъ противорѣчіямъ, которыя скорѣе чувствовалъ, чѣмъ формулировалъ. Эти капризы даже плѣняли его. Онъ вспоминалъ, что, несмотря на дѣтское своенравіе Флориды, онъ продолжалъ оказывать дамамъ Вервѣнъ одну услугу за другою, и рѣшилъ не останавливаться и теперь; ея причуды ни-его не будутъ значить для него, какъ ничего не значили до сей поры. Мужчинѣ всегда лестно быть необходимымъ для женщины, пока ничто его къ этому не обязываетъ; зависимое отношеніе къ ему миссъ Вервѣнъ во время ея визита придало ей въ глазахъ Ферриса прелесть, какой ей раньше недоставало.

Между тѣмъ, онъ увидалъ, что ея гондола остановилась, повернула и снова вошла въ каналъ, окаймлявшій садъ миссисъ Вервэнъ.

«Опять передумала,—съ ласковою снисходительностью сказалъ про себя Феррисъ, и, въ гордомъ сознаниі своего превосходства надъ всѣмъ непостояннымъ поломъ, онъ постарался отдѣлаться отъ тревоги насчетъ здоровья миссисъ Вервэнъ. Но вечеромъ онъ, все-таки, пошелъ ее провѣдать. Сначала онъ послалъ Флоридъ свою карточку, написавъ на ней: «Надѣюсь, что миссисъ Вервэнъ чувствуетъ себя лучше. Не принимайте меня, если это обезпокоитъ ее». Онъ перечелъ то, что написалъ, смутно ощущая, что тонъ у него вышелъ покровительственный, и, войдя въ гостиную, понялъ, что миссъ Вервэнъ приняла оборонительную позицію и по какому-то капризу хочетъ дать ему почувствовать, что онъ поступилъ само-надѣянно, позволивъ себѣ придти; на этотъ разъ его не утѣшила мысль, что Флорида такъ еще юна.

— Мама сейчасъ придетъ,— сказала дѣвушка тономъ, возводившимъ ихъ утреннее свиданіе къ міеологическимъ временамъ.

Миссисъ Вервэнъ вошла, улыбающаяся и радушная, повидимому, чувствуя себя лучше, а не хуже послѣ вчерашнихъ злоключеній.

— О, я живо встряхиваюсь,— объяснила она,— вы знаете, я старый служака. Пожалуй, даже *слишкомъ* старый въ настоящее время. Годы, все-таки, много значать; вы убѣдитесь въ этомъ, мистеръ Феррисъ, когда поживете побольше на свѣтѣ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь,— сказалъ Феррисъ, не особенно довольный тѣмъ, что миссисъ Вервэнъ обращается съ нимъ со всѣмъ какъ съ мальчикомъ.— Даже и въ двадцать шесть лѣтъ мнѣ было очень пріятно немножко вздремнуть среди дня. А какъ отражается усталость въ семнадцать лѣтъ, миссъ Вервэнъ?— спросилъ онъ.

— Мнѣ вовсе не хотѣлось спать,— равнодушно отвѣтила Флорида, и онъ почувствовалъ себя передъ ней старикомъ.

Ему казалось, что онъ сдѣлалъ пустой, совсѣмъ ненужный визитъ. Миссисъ Вервэнъ спросила его, видѣлъ ли онъ донъ-Ипполито, и выразила удивленіе, что священникъ не показывался въ теченіе всего дня. Она рассказала какую-то длинную исторію и подъ конецъ ударила себя по губамъ вѣромъ въ наказаніе за то, что зѣвнула.

Феррисъ всталъ, чтобъ откланяться. Миссисъ Вервэнъ снова и въ тѣхъ же выраженіяхъ стала удивляться, почему донъ-Ипполито цѣлый день не былъ у нихъ.

— Потому что онъ умный человѣкъ, — съ горечью сказала Феррисъ, — и умѣеть выбирать время для своихъ посѣщеній.

Миссисъ Вербанъ не замѣтила горечи, звучавшей въ его словахъ, но что-то побудило Флориду проводить его до наружной двери.

— Ахъ, лунная ночь! — воскликнула она, взглянувъ на Ферриса, какъ будто въ душѣ у нея было желаніе что-то испукнуть передъ нимъ.

Но онъ не хотѣлъ ея испушенія.

— Да, правда, луна свѣтитъ, — утрово промолвилъ онъ. — Покойной ночи!

— Покойной ночи! — отвѣчала Флорида и порывисто протянула ему руку. Ему показалось, что она дрожить въ его рукѣ, но, вѣроятно, то было волненіе его собственныхъ нервовъ.

Боль, затихшая было въ его сердцѣ, возвратилась къ нему съ прежнею силой; онъ шелъ домой разочарованный и разстроенный, самъ едва ли сознавая, въ чемъ и почему. Онъ не смѣялся теперь, вспоминая, какъ миссъ Вербанъ просила его утромъ забыть, что она обращалась къ нему за услугой, онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ при мысли, что ему оплатили такимъ образомъ, и отпоръ, встрѣченный его симпатіей, былъ вульгаренъ; кромѣ вульгарности, для этого не было иного названія. Однако, онъ не могъ привести въ связь это свойство съ лицомъ молодой дѣвушки, которое постоянно видѣлъ передъ собой на обратномъ пути. Оно не выражало презрѣнія и не отталкивало его, оно смотрѣло на него задумчивымъ взглядомъ, какъ въ это утро изъ гондолы. Тѣмъ не менѣе, онъ закалилъ свое сердце. Онъ рѣшилъ отправиться къ дамамъ Вербанъ не раньше того, какъ онѣ сами пошлютъ за нимъ. Въ концѣ-концовъ, нельзя считать себя особенно старымъ въ двадцать шесть лѣтъ.

Х.

— Донъ-Ипполито пришелъ, синьорина, — сказала Нина на слѣдующее утро, приблизясь къ Флоридѣ, сидѣвшей въ саду въ изъ лѣниваго ожиданія.

— Донъ-Ипполито! — усталымъ тономъ повторила дѣвушка. За встала и вошла въ домъ, и они встрѣтились съ принужденностью, совершенно естественною послѣ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ послѣднее разставаніе. Трудно сказать, кому придется болѣе преодолевать въ такомъ случаѣ — лицу простившему или прощенному. Прощеніе отравляетъ даже великодушное

сердце, а воспоминаніе о дарованномъ прощеніи приводитъ въ замѣшательство чувствительную душу передъ объектомъ ея милосердія, принижая и пристыжая ее. Хорошо было бы, думается мнѣ, если бы не было надобности ни въ чемъ подобномъ между человѣческими существами, неспособными выдерживать такихъ отношеній безъ обоюднаго недовѣрія. Когда они врозь, имъ еще не такъ плохо, но при встрѣчѣ они неминуемо должны быть первое время холодны и подозрительны.

— Вижу, о чемъ вы оба думаете, — сказала миссисъ Вербанъ, и слабый румянецъ окрасилъ щеки священника, когда она, такимъ образомъ, соединила его въ этихъ словахъ со своею дочерью. — Вы думаете о томъ, что произошло на-дняхъ; забудьте-ка это лучше, совсѣмъ не къ чему ломать себѣ голову надъ этими вещами. Господи Боже! еслибъ я стала раздумывать о всякомъ непріятномъ эпизодѣ, какой только случался со мной, такъ я совсѣмъ бы пропала. Да, кстати, гдѣ пропадали *вы* весь вчерашній день, донъ-Ипполито?

— Я не хотѣлъ беспокоить васъ, такъ какъ полагалъ, что вы должны быть очень утомлены. Притомъ же, у меня было много хлопотъ.

— Ахъ, да, все ваши изобрѣтенія! Какой вы талантливый человѣкъ! Но вы не должны заниматься слишкомъ усердно. Вотъ, напримѣръ, вчера, послѣ всей усталости, знаете, это былъ уже совсѣмъ невыносимый трудъ для мозга, — и она стукнула себя въ лобъ вѣеромъ.

— Я былъ занятъ не машинами своими, *madama*, — отвѣтилъ донъ-Ипполито, сидѣвшій въ женской позѣ, которую священники усваиваютъ себѣ отъ широкой одежды, и перебиравшій пальцами шнурокъ вокругъ своей треугольной шляпы. — Я едва притрогивался къ нимъ послѣднее время. Но нашъ приходъ принимаетъ участіе въ процессіи Тѣла Господня на Пиаццѣ, и мнѣ тоже выпала доля въ приготовленіяхъ.

— Ахъ, какъ это я забыла! Когда это будетъ? Мы всѣ должны отправиться. Наша Нина рассказывала Флоридѣ объ этомъ великолѣпномъ зрѣлищѣ и о маленькихъ дѣтяхъ, одѣтыхъ Іоанномъ Крестителемъ, которыя ведутъ за собою ягнятъ. Это, конечно, большое событіе для васъ?

Священникъ развелъ руками, такъ что шляпа его соскользнула на полъ и, перевернувшись, откатилась на довольно далекое разстояніе. Онъ поднялъ ее и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Это церковный обрядъ, — холодно сказалъ онъ.

— А вы будете въ процессіи?

— Я буду тамъ вмѣстѣ съ другими священниками моего прихода.

— Восхитительно! — воскликнула миссисъ Вервѣнъ. — Мы будемъ искать васъ глазами. Мнѣ будетъ очень лестно подумать, что я дѣйствительно знаю одного изъ участниковъ процессіи. Я вамъ кивну головой. Вы не сочтете это черезъ-чуръ неприличнымъ?

Она вывела его изъ затрудненія, которое ему, можетъ быть, доставила бы необходимость ей отвѣтить, внезапно потерявъ всякій видимый интересъ къ этой темѣ. Она обратилась къ дочери и сказала плаксивымъ тономъ:

— Пожалуйста, Флорида, накинь мнѣ на ноги пледъ и устрой меня поудобнѣе, прежде чѣмъ начать читать съ донъ-Ипполито.

При этомъ она, какъ бы совсѣмъ ослабѣвъ, расположилась на подушкахъ дивана, на которыя опиралась передъ тѣмъ, и стала ждать, чтобы дочь укрыла ей ноги.

— Я только немножко закрою глаза, — сказала она потомъ дочери, — но буду слышать каждое слово. У тебя вырабатывается прекрасное произношеніе, душа моя, я знаю, что прекрасное. Я думаю, что у Гольдони долженъ быть очень легкій, пріятный стиль, не правда ли, если читать его по-итальянски?

Они начали читать комедію Гольдони; черезъ пятнадцать или двадцать минутъ миссисъ Вервѣнъ открыла глаза и сказала:

— Но прежде чѣмъ ты примешься за чтеніе, Флорида, сыиграй мнѣ, пожалуйста, что-нибудь, чтобы меня успокоить. Я чувствую, что нервы у меня сильно раздражены. Это, вѣроятно, дѣйствіе сирокко. И я думаю, что мнѣ лучше будетъ лечь въ той комнатѣ.

Флорида пошла за нею, чтобы, повторивши ту же процедуру, уложить мать поудобнѣе. Потомъ она возвратилась и, сѣвъ за фортепіано, съ какою-то нѣжною твердостью извлекла изъ него нѣсколько низкихъ ласкающихъ звуковъ, изъ которыхъ выросла убаюкивающая мелодія. Оставивъ пальцы на клавишахъ, она повернула свою царственную головку и взглянула въ отворенную дверь на мать.

— Донъ-Ипполито, — тихо сказала она, — можетъ быть, что-нибудь въ воздухѣ Венеціи наводитъ на людей такую спячку?

— Я никогда не слыхалъ объ этомъ, *madamigella*.

— Удивляюсь, — разсѣянно продолжала дѣвушка, — почему мою мать такъ часто клонить ко сну.

— Можетъ быть, она еще не оправилась отъ безпокойствъ той ночи, — подсказалъ священникъ.

— Можетъ быть,—проговорила Флорида, бросивъ печальный взглядъ на дверь въ комнату матери.

Она опять обернулась къ инструменту и, понизивъ головкой, стала перебирать пальцами клавиши. Вдругъ она подняла лицо и откинула съ висковъ нѣсколько непокорныхъ прядей волосъ. Не глядя на священника, она спросила его съ дѣтскою прямою, составлявшею ея характеристическую черту:

— Почему вамъ непріятно участвовать въ процессіи Тѣла Господня?

Лицо донъ-Ипполито вспыхнуло и опять поблѣднѣло, и онъ уклончиво отвѣтилъ:

— Я не говорилъ, что мнѣ это непріятно.

— Да, это правда,—сказала Флорида, снова опустивъ пальцы на клавиши.

Донъ-Ипполито всталъ съ дивана, на которомъ сидѣлъ возлѣ нея, пока они читали, и прошелся по комнатѣ. Потомъ онъ приблизился къ Флоридѣ и мягко сказалъ ей:

— *Madamigella*, я не хотѣлъ отталкивать участіе, которое вы принимаете во мнѣ. Но странно было предлагать такой вопросъ священнику, а я вспомнилъ, что я священникъ, когда вы мнѣ предложили его.

— Развѣ вы не всегда это помните?—спросила дѣвушка, не повертывая головы.

— Нѣтъ, иногда мнѣ дозволяется забывать это, — сказалъ онъ пытливымъ тономъ.

Она ничего не отвѣтила, и онъ тяжело перевелъ духъ и молча отошелъ отъ нея. Она уронила руки на колѣни и сидѣла въ позѣ ожиданія. Подойдя къ ней, онъ вторично остановился.

— Въ *этомъ* домѣ забываю я, что я священникъ, — началъ донъ-Ипполито, — и одна изъ первыхъ вашихъ милостей заключается въ томъ, что вы и ваша добрая матушка позволяете мнѣ забывать объ этомъ. Чѣмъ могу я отблагодарить васъ? У меня сердце разрывалось на части, когда вы сочли себя вынужденной просить у меня прощенія, хотя вашъ упрекъ очень больно кольнулъ меня. О, развѣ вы не имѣли права дѣлать мнѣ упреки, разъ я злоупотребилъ деликатною простотою, съ какою вы всегда относились ко мнѣ? Но вѣрьте мнѣ, я не хотѣлъ обидѣть васъ тогда.

Его голосъ задрожалъ и Флорида прервала его:

— Вы ничего дурного не сдѣлали. Это я была жестока безъ всякаго повода.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не говорите этого,—возразилъ священникъ. —

И зачѣмъ мнѣ было обращать вниманіе на нѣсколько словъ, когда всѣ ваши дѣйствія выражали довѣріе ко мнѣ, которое точно небо для моей души?

Она теперь обернулась и посмотрѣла на него, и онъ продолжалъ:

— Ахъ, я вижу, вы не понимаете меня! Какъ могли вы знать, что такое быть священникомъ въ этомъ злосчастномъ городѣ? Чувствовать, что тебя преслѣдуетъ шпионство всего твоего класса, что тебя, какъ шпиона, избѣгаютъ всѣ тѣ, кто не принадлежитъ къ нему! Но ваша матушка и вы не воздвигнули между собой и мною той преграды, которая всюду исключаетъ меня отъ общенія съ моими ближними. Вы сообразовали видѣть во мнѣ человека и дали мнѣ забыть священника.

— Я не знаю, что сказать вамъ на это, донъ-Ипполито. Я, вѣдь, только иностранка и молодая дѣвушка, и я очень несвѣдуша во всѣхъ этихъ вещахъ,—сказала Флорида съ легкою тревогой.— Я боюсь, что вы можете сказать что-нибудь, о чемъ послѣ пожалѣете.

— О, никогда! Не бойтесь меня, если я буду откровенъ съ вами. Это—мое убѣжище отъ отчаянія.

Страстная вибрація его голоса все возростала; казалось, слезы душили его. Дѣвушка обратила взоръ на сосѣдную комнату и слегка шевельнулась.

— Ахъ, не бойтесь выслушать меня!—съ горечью воскликнулъ священникъ.

— Я не стану будить ея,—спокойно сказала черезъ минуту Флорида.

— Видите, какъ вы говорите то, что у васъ на умѣ, и всегда такъ, всегда, всегда! Вы не могли бы отрицать, что вы хотѣли сначала разбудить ея, потому что истина—привычка всей вашей жизни. Знаете ли вы, что такое имѣть привычкой всей своей жизни ложь? Это—быть священникомъ. Знаете ли вы, что такое казаться не тѣмъ, что вы есть, говорить то, чего вы не думаете, дѣлать то, чего вы не хотите? То, во что вы вѣрите, оставлять неисказаннымъ, то, чего вы хотите—невъполненнымъ, то, что вы есть, никому невѣдомымъ? Это—быть священникомъ!

Донъ-Ипполито говорилъ по-итальянски, и онъ произнесъ эти слова, осторожно понизивъ голосъ, чтобы никто не могъ ихъ слышать, кромѣ дѣвушки, сидѣвшей передъ нимъ.

— Знаете ли вы, что такое, когда наступаетъ моментъ, подобный настоящему, и у васъ является потребность испровергнуть

все зданіе неправды, облакавшей вашу жизнь? Знаете ли вы, что такое удерживать ее въ себѣ настолько, насколько это нужно для того, чтобы безмолвно и сокровенно сбросить съ себя маску? Это — быть священникомъ!

Его голосъ утратилъ свою горячность и вся его осанка сдѣлалась странно-сдержанной и холодной. Тихая апатія, разлившаяся по его физиономіи, вмѣстѣ съ какимъ-то печальнымъ, безличнымъ удивленіемъ при видѣ разницы между его собственною долей и другою, болѣе счастливою, которой онъ противопоставлялъ свою, были трогательнѣе всякой трагической демонстраціи.

Словно чувствуя обаяніе папоса, котораго она не могла анализировать вполнѣ, дѣвушка сидѣла въ молчаніи. Черезъ нѣсколько времени, въ теченіе котораго она, повидимому, старалась все это продумать, она спросила тихимъ, глубокимъ шепотомъ:

— Почему же, въ такомъ случаѣ, вы сдѣлались священникомъ?

— Это длинная исторія, — сказалъ донъ-Ипполито. — Я не стану докучать вамъ ею теперь. Когда-нибудь въ другой разъ.

— Нѣтъ, расскажите ее теперь же, — отвѣтила по-англійски Флорида. — Если вы такъ ненавидите призваніе священника, то я не понимаю, почему вы допустили себя сдѣлаться священникомъ. Мы были бы очень несчастны, если бы не могли уважать васъ, — не могли вамъ вѣрить, какъ уважали васъ и вѣрили вамъ до этого дня; а какъ же было бы это возможно, еслибъ мы знали, что вы не вѣрите самому себѣ въ вашемъ служеніи?

— *Madamigella*, — сказалъ священникъ, — я никогда не держалъ и помыслить, что я хоть сколько-нибудь необходимъ для вашего счастья. Такъ неужели это правда, что для васъ не безразлично, каковъ я на самомъ дѣлѣ, что васъ можетъ хоть сколько-нибудь огорчить что-либо дурное во мнѣ?

— Я едва понимаю, что вы хотите сказать. Какъ можемъ мы не огорчаться тѣмъ, что вы мнѣ сказали?

— Благодарю васъ; но почему же вамъ, протестанткѣ, не все равно, любить ли священникъ моей вѣры свое призваніе, или нѣтъ? Не потому ли, что вы жалѣете меня, какъ несчастнаго человѣка, не такъ ли?

— Да, но не только поэтому. Я не католичка, но христіанка, какъ и вы...

Донъ-Ипполито незамѣтно повелъ плечами.

— И я не могу вынести мысли, что вы исполняете обязанности священника и, въ то же время, ненавидите свое служеніе... Это ужасно!

— Развѣ всѣ священники вашего исповѣданія истинно н**а**-
божны?

— Конечно, не всѣ. Но развѣ у васъ такихъ вовсе нѣтъ?

— О, Боже сохрани меня сказать что-нибудь подобное! Я знаю между ними настоящихъ подвижниковъ. Мой другъ въ Падуѣ, о которомъ я вамъ какъ-то рассказывалъ, былъ однимъ изъ такихъ святыхъ и умеръ, какъ ангель, готовый войти во врата рая. И я думаю, что мой бѣдный дядя тоже святой въ своемъ родѣ.

— Вашъ дядя? Священникъ? Вы никогда не упоминали о немъ.

— Да, не упоминалъ, — сказалъ донъ-Ипполито. Послѣ небольшой паузы онъ вдругъ заговорилъ: — И въ каждомъ поколѣніи мы старались облагородить нашу кровь, посвятивъ церкви одного изъ членовъ нашего рода. Когда я былъ ребенкомъ, я обыкновенно забавлялся вырѣзываніемъ маленькихъ фигурокъ изъ дерева и изъ картона и снятіемъ грубыхъ копій съ картинъ, которыя видѣлъ въ церкви. Мы жили въ томъ же домѣ, гдѣ я живу теперь и гдѣ я родился, и моя мать позволяла мнѣ играть въ маленькой комнатѣ, гдѣ теперь помѣщается моя кузница; встарину это была ораторія знатной семьи, занимавшей весь дворецъ. Я устроилъ на одномъ концѣ ея алтарь, повѣсилъ на стѣны свои картины, разставилъ своихъ маріонетокъ на полу рядами, на подобіе молящихся, и съ утра до вечера служилъ обѣдню и проповѣдовалъ имъ. Моя мать была вдова. Она со слезами на глазахъ смотрѣла на мои игры. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день она привела моего дядю, чтобъ онъ взглянулъ на меня; я помню все это гораздо отчетливѣе, чѣмъ то, что было вчера. «Развѣ это не Господня воля?» — спросила она. Дядя позвалъ меня къ себѣ и спросилъ меня, хочу ли я быть настоящимъ священникомъ, когда вырасту. «А можно мнѣ будетъ тогда дѣлать столько куколокъ, сколько мнѣ захочется, писать картины, вырѣзать изъ дерева такой же алтарь, какой я видѣлъ въ вашей церкви?» — спросилъ я. Дядя отвѣтилъ, что тогда передо мной будутъ живые мужчины и женщины, которымъ я буду говорить проповѣди, какъ онъ теперь ихъ произносить; вѣдь, это же будетъ гораздо лучше? Въ глубинѣ сердца я думалъ иначе, потому что эта сторона священническаго служенія не интересовала меня; я любилъ говорить проповѣди моимъ маріонеткамъ только потому, что эти слушатели были произведеніемъ моихъ рукъ. Но я сказалъ: «Ахъ, конечно!» — какъ всегда говорятъ дѣти. Я продолжалъ дѣлать самъ игрушки, которыми игралъ, и привыкъ мало-по-малу къ толкамъ моихъ товарищей и нашихъ сосѣдей о томъ, что я буду священникомъ; я не могу припомнить

никакого другого разговора съ моею матерью, и не знаю, какъ и когда рѣшился этотъ вопросъ. Всякій разъ, какъ я думалъ объ этомъ, я говорилъ себѣ: «Что-жь, это будетъ прекрасно! Священники трудятся очень мало, а своими обѣднями зарабатываютъ гучу денегъ, и мнѣ можно будетъ заниматься, чѣмъ мнѣ угодно». Въ то время я смотрѣлъ на званіе священника единственно какъ на средство удовлетворить страсть къ изобрѣтеніямъ и ко всякимъ остроумнымъ и замысловатымъ машинамъ, страсть, съ самыхъ малыхъ лѣтъ наполнявшую мою душу. Мои склонности были чисто-мірскія, но я такъ же неизбежно становился священникомъ, какъ еслибъ родился съ тѣмъ, чтобы имъ быть.

— Но, вѣдь, васъ не принуждали? На васъ не оказывали гнета?

— Нѣтъ, но, поскольку это касалось моихъ близкихъ, у нихъ просто было отсутствіе всякаго иного представленія. Я думаю, что они относились ко мнѣ справедливо и ужъ безъ всякаго сомнѣнія были добры ко мнѣ. Я подросталъ, и наступало время, когда я долженъ былъ начать учиться. Благодаря вліянію моего дяди, меня приняли въ семинарію *della Salute*, и тамъ я постарался вознаградить его заботы обо мнѣ крайнимъ прилежаніемъ. Но я любилъ не богословскія занятія, а математику и ея практическія примѣненія, а изъ классиковъ я предпочиталъ поэтовъ и историковъ. Да, я вижу теперь, что мой умъ былъ всегда направленъ на мірское, и нѣкоторые изъ тѣхъ лицъ, на попеченіи которыхъ я находился, сразу угадали это. Насъ водили иногда гулять, — вамъ, вѣроятно, случалось видѣть маленькихъ человѣчковъ въ рясахъ, которые они надѣваютъ при поступленіи въ школу, и во главѣ ихъ шеренги нѣскольکو молодыхъ священниковъ, — и однажды, чтобы сдѣлать намъ особенное удовольствіе, насъ повели въ арсеналъ и показали намъ верфи и музей. Вы знаете, сколько тамъ интересныхъ предметовъ: знамена и ружья, захваченныя въ плѣнъ у турокъ; странное оружіе всякихъ образцовъ, знаменитыя доспѣхи. Я возвратился оттуда, точно обезумѣвшій. Я плакалъ, покидая это мѣсто. Но я приложилъ всѣ свои старанія, къ тому, чтобы вырѣзать изъ дерева снарядъ, мысль о которомъ навѣяла на меня модель одной изъ древнихъ галеръ. На слѣдъ моего изобрѣтенія напали, — въ подобной школѣ нельзя ничего утаить, что не замкнуто въ вашей груди, — и вмѣстѣ съ моимъ снарядомъ меня повели къ нашему начальнику. Онъ участливо, но серьезно взглянулъ на меня. «Сынъ мой, — сказалъ онъ, — желаешь ты быть священникомъ?» — «Конечно, желаю, ваше преподобіе, — отвѣтилъ я въ тревогѣ, — почему же нѣтъ?» — «Потому, что эти вещи не

для священниковъ. Поразмысли самъ объ этомъ, сынъ мой, пока еще есть время»,—сказалъ онъ и обратился ко мнѣ съ длинною и строгою рѣчью о жизни, въ которую мнѣ предстояло вступить. Онъ былъ человѣкъ справедливый, добросовѣстный и сердитый, но каждое его слово жгло, какъ огонь, мое сердце. Когда онъ кончилъ, то взялъ мою бѣдную игрушку и бросилъ ее въ горячіе уголья своего *scaldino* *). *Scaldino* отъ этого задымилось и онъ велѣлъ мнѣ вынести его и опять углубился въ свою книгу.

Моей матери въ это время уже не было на свѣтѣ, но еслибъ она и была жива, я едва ли могъ бы пойти къ ней. «Эти вещи не для священниковъ»,—раздавалось днемъ и ночью въ моемъ мозгу. Я былъ въ отчаяніи, неистовое желаніе повидаться съ дядей охватило меня. Я излилъ передъ нимъ свое сердце и попытался сдѣлать понятными ему иллюзіи и тщетныя надежды, составлявшія атмосферу моей жизни. Онъ холодно отнесся къ моей скорби и къ упрекамъ, которыхъ я для него не щадилъ; онъ совѣтовалъ мнѣ смотрѣть на мои склонности какъ на искушенія, которыя я долженъ преодолѣть для блага моей души и во славу имени Божія. Онъ предостерегалъ меня отъ соблазна—сойти теперь съ намѣченной для меня стези. Я сказалъ ему, что никогда не буду священникомъ. «Куда же ты дѣнешься?»—спросилъ онъ. Увы! Куда мнѣ было дѣваться? Я возвратился въ свою темницу и въ надлежащій срокъ сдѣлался священникомъ.

Не было недостатка въ предостереженіяхъ, прежде чѣмъ я былъ посвященъ въ одинъ духовный чинъ за другимъ, но слова дяди: «Куда же ты дѣнешься?»—дѣлали меня глухимъ къ этимъ увѣщаніямъ. Все это теперь миновало. Я не чувствую больше ни злобы, ни ненависти; я какъ будто утратилъ способность ощущать ихъ; но то были дни, когда душа моя была преисполнена горечи. Нѣкоторые признаки чувствъ, таившихся во мнѣ, должны были быть замѣчены лицами, подъ вѣдѣніемъ которыхъ я находился. Я слышалъ, что одно время они питали серьезные сомнѣнія насчетъ того, слѣдуетъ ли допустить меня къ посвященію въ духовный санъ. Меня подвергнули очень строгому экзамену, среди котораго мнѣ представили съ величайшею наглядностью всѣ трудности священнической жизни; я самъ не знаю, какъ выдержалъ его; вѣроятно, мнѣ оказали снисхожденіе изъ вниманія къ моему дядѣ. Слѣдующіе десять дней я провелъ въ монастырѣ, предаваясь размышленіямъ о шагѣ, который долженъ былъ пред-

*) Scaldino—грѣлка.

принять. Бѣдный, безпомощный, сиротливый несчастливецъ! *Madamigella*, даже теперь я не думаю, чтобъ былъ достоинъ порицанія за то, что выступилъ передъ алтаремъ и принялъ сначала первый, а современемъ второй и третій духовный чинъ. Я сдѣлался священникомъ, но въ глубинѣ сердца былъ имъ столько же, сколько венеціанскіе рекруты, которыхъ, помните, увезли на прошлой недѣлѣ, считаютъ себя въ душѣ австрійскими солдатами. Я былъ связанъ, какъ и они, неумолимымъ и неизбѣжнымъ закономъ. Вы спрашивали меня, почему я сдѣлался священникомъ. Быть можетъ, я не сказалъ вамъ *почему*, но сказалъ вамъ *какъ*, — очертилъ передъ вами незначительныя внѣшнія событія, а не процессы моего ума — и это все, что я могу сдѣлать. Если вина была моя, то я и пострадалъ за нее. Если-жъ она была не моя, то я, все-таки, пострадалъ за нее. Точно какое-то проклятіе тяготѣло надъ всѣмъ, за что я ни принимался. Моя работа, — о, я отлично это знаю! — она заклеяна ничтожностью, мои труды — все это жалкія неудачи или презрѣнные успѣхи. Я лелѣялъ безкорыстные мечты осчастливить человѣчество какимъ-нибудь великимъ открытіемъ или изобрѣтеніемъ, но моя жизнь была бесплодна, бесплодна, бесплодна, и еслибъ не доброе участіе, которое я встрѣтилъ въ этомъ домѣ и которое не допускаетъ меня до отчаянія, она была бы теперь лишена всякой надежды.

Онъ умолкъ, и дѣвушка, внимавшая ему съ видомъ скорбнаго состраданія, преобразившимъ ее горделивый взоръ, испустила протяжный вздохъ, когда прервалась его рѣчь.

— О, мнѣ жаль васъ, — сказала она, — такъ жаль, что я не умѣю даже выразить. Но вы не должны терять мужества, не должны отрекаться отъ своихъ стремленій.

Донъ-Ипполито продолжалъ съ меланхолическою улыбкой:

— Безъ сомнѣнія, существуетъ достаточно соблазновъ, могущихъ сдѣлать человѣка лживымъ даже въ самыхъ лучшихъ условіяхъ въ этомъ мірѣ. Но что-то, — я самъ не знаю, что или кто, — быть можетъ, мой дядя и моя мать, столь же неповинны въ этомъ, какъ я, такъ какъ они были лишь таковы, какими ихъ создало прошлое, — что-то заставило меня начать жизнь съ неправды; развѣ вы этого не видите?

— Да, да, — какъ бы противъ воли отвѣтила дѣвушка.

— Быть можетъ... кто знаетъ?... быть можетъ, поэтому ничего хорошаго и не вышло изъ меня и никогда не выйдетъ. Набожность и извѣстность моего дяди всегда оказывали мнѣ суще-

ственную помощь. Онъ главный священникъ той церкви, при которой я состою, и безконечно терпѣливъ со мною. Мое честолюбіе и неудачныя мои попытки въ смыслѣ изобрѣтеній приводятъ его въ негодованіе, ибо онъ изъ числа священниковъ, подобныхъ святому отцу, которые вѣрятъ, что все несчастіе современнаго міра произошло отъ затѣй науки; мое равнодушіе ко всему, что касается религіи, ужасаетъ и огорчаетъ его, и онъ старается его побѣдить молитвами и эпитиміями. Онъ умерщвляетъ свою плоть голодомъ и холодомъ, доводитъ себя до полного изнеможенія ради того, чтобы Богъ смиловался надо мною и обратилъ мое сердце къ тому, на что устремлено его. Онъ любитъ мою душу, а не меня, и мы едва ли можемъ назваться друзьями.

Флорида не спускала съ него сострадательнаго взора.

— Это такъ странно,—пролепетала она,—это такъ похоже на сонъ, что вы *мнѣ* это говорите, донъ-Ипполито, и я не знаю, зачѣмъ только я вздумала спрашивать васъ.

Жалость, наполнявшая это дѣвственное сердце, была, очевидно, очень сладка человѣку, на котораго она изливалась. Его глаза выражали поклоненіе Флоридѣ, когда онъ благоговѣйно отвѣтилъ ей:

— Предъ лицомъ истины, обитающей въ васъ, я обязанъ былъ явиться въ вашихъ глазахъ тѣмъ, что я есть на самомъ дѣлѣ.

— Ахъ, мнѣ, право, совѣстно слушать васъ!—воскликнула она, съ румянцемъ на щекахъ. — Я поступила эгоистично, заставивъ васъ говорить. А теперь, послѣ того, что вы мнѣ сказали, я не знаю, какъ утѣшить, какъ ободрить васъ, потому что такъ беспомощна и окутана такимъ мракомъ невѣдѣнія. Но, навѣрное, вы можете такъ или иначе помочь себѣ. Неужели мужчины, на видъ такіе сильные и умные, оказываются, въ концѣ-концовъ, точь-въ-точь такими же безсильными, какъ женщины, разъ дѣло доходитъ до истиннаго горя? Неужели мужчина...

— Я не могу на это отвѣтить. Я только священникъ,—холодно сказалъ донъ-Ипполито, опуская глаза на рясу, складки которой лежали на немъ, точно полы женскаго платья.

— Да, но священникъ долженъ бы быть мужчиною,—онъ болѣе, чѣмъ кто другой: священникъ...

Донъ-Ипполито пожалъ плечами.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула дѣвушка.—Всѣ ваши собственные планы потерпѣли крушеніе, говорите вы; такъ почему же вы не подумаете сдѣлаться священникомъ въ истинномъ смыслѣ

слова и воспользоваться всё́мъ, что есть цѣннаго для человѣка въ подобномъ призваніи? Странно, конечно, что я рѣшаюсь сказать вамъ такую вещь, — я, протестантка, — и не только странно, но, вѣроятно, самонадѣянно и смѣшно, но наши пути такъ различны...

Она остановилась, сильно покраснѣла, затѣмъ овладѣла собой и прибавила съ серьезнымъ спокойствіемъ:

— Еслибъ вы помолились...

— Чему, *madamigella*? — печально спросилъ священникъ.

— Чему? — отозвалась Флорида, устремивъ на него широко-раскрытые глаза. — Конечно, Богу!

Донъ-Ипполито не далъ ей отвѣта. Онъ такъ низко склонилъ голову на грудь, что дѣвушка могла видѣть его священническую тонзуру.

— Извините меня, — сказала она и опять покраснѣла. — Я не хотѣла оскорбить ваши чувства католика. Я была очень смѣла и назойлива. Я должна была бы вспомнить, что члены вашей церкви имѣютъ иные вѣрованія... что святые...

Донъ-Ипполито взглянулъ на нее съ задумчивою ироніей.

— О, бѣдные святые!

— Я не понимаю васъ, — сказала Флорида чрезвычайно серьезнымъ тономъ.

— Я хочу сказать, что столько же вѣрю въ святыхъ, какъ и вы.

— Но вы вѣрите въ свою церковь?

— У меня нѣтъ церкви.

Наступило молчаніе, во время котораго донъ-Ипполито снова опустилъ голову на грудь. Флорида въ своемъ воодушевленіи наклонилась впередъ и пролепетала:

— Вы вѣрите въ Бога?

Священникъ поднялъ глаза и съ мольбою взглянулъ на нее.

— Не знаю, — прошепталъ онъ.

Она встрѣтила его взглядъ выраженіемъ нѣмого испуга. Наконецъ, она заговорила:

— Вѣдь, вамъ случается совершать крещеніе надъ младенцами и принимать ихъ въ лоно церкви во имя Господа Бога?

— Да.

— Жалкія созданія являются къ вамъ исповѣдать свои грѣхи, и вы имъ ихъ отпускаете или назначаете имъ эпитиміи?

— Да.

— А когда люди находятся на краю гроба, вамъ приходится

стами и движеніями, выразившими желаніе его удержать, однако, дала ему уйти и, вернувшись къ фортепіано, безшумно опустила руки на клавиши.

XI.

На другое утро донъ-Ипполито не явился, но послѣ полудня почталонъ принесъ его письмо на имя миссисъ Вербанъ, написанное англійскимъ языкомъ и просившее освободить его отъ уроковъ до дня, слѣдующаго за праздникомъ Тѣла Господня, такъ какъ до этого времени онъ будетъ слишкомъ занятъ, чтобъ имѣть возможность продолжать свои обычные занятія съ миссъ Вербанъ.

Это письмо напомнило миссисъ Вербанъ, что онъ уже три дня не видали мистера Ферриса, и она послала просить его къ обѣду. Но онъ отвѣтилъ на это извиненіемъ и, несмотря на просьбы миссисъ Вербанъ, не пришелъ и завтракать на слѣдующее утро. Онъ находился въ открытомъ возстаніи. Миссисъ Вербанъ сѣла въ гондолу, велѣла подвезти себя къ консульскому подъѣзду и послала наверхъ гондольера со вторичнымъ приглашеніемъ къ обѣду.

Художникъ появился на балконѣ въ полотняной блузѣ, которую носилъ за работой, и съ минуту хмуро и не говоря ни слова поглядѣлъ на улыбающееся лицо миссисъ Вербанъ.

- Я приду, — угрюмо сказалъ онъ потомъ.
- Такъ поѣдемте со мной, — отвѣтила миссисъ Вербанъ.
- Мнѣ придется заставить васъ ждать.
- Мнѣ это все равно. Вы будете готовы въ какихъ-нибудь пять минутъ.

Флорида встрѣтила живописца такъ привѣтливо, что онъ вдругъ почувствовалъ, какимъ глупымъ, не имѣвшимъ ровно никакого основанія капризомъ было его неудовольствіе противъ нея. Онъ постарался снова вызвать въ себѣ поблѣднѣвшее чувство обиды, но, кромѣ раскаянія, ничего не могъ найти въ своей душѣ. Смущенное смиреніе, съ которымъ держала себя дѣвушка, придало ей новое обаяніе въ его глазахъ.

Обѣдъ былъ превосходный, какъ всѣ обѣды миссисъ Вербанъ, и въ честь художника было подано одно изъ его любимыхъ блюдъ.

— Что это значить, миссисъ Вербанъ? — спросилъ онъ при видѣ его. — Вамъ нечего притворяться, будто вы даромъ такъ угощаете меня. Вамъ что-нибудь нужно?

— Намъ нужно только одно, чтобъ вы не забывали вашихъ друзей. Мы были совершенно одиноки въ продолженіе трехъ или

четырёх дней. Донъ-Ипполито тоже не былъ у насъ, но у него есть на это оправданіе: онъ долженъ готовиться къ празднику Тѣла Господня. Онъ будетъ участвовать въ процессіи.

— Съ чѣмъ же онъ выступитъ въ ней, съ своею метательною машиной или складнымъ обѣденнымъ столомъ, или автоматическою камерой?

— Какъ вамъ не стыдно!—вскричала миссисъ Вербанъ съ тысячу упрековъ въ своемъ взглядѣ. Лицо Флориды омрачилось, и Феррисъ послѣшилъ сказать, что онъ не зналъ, что эти изобрѣтенія священны, и вовсе не хотѣлъ богохульствовать по ихъ поводу.

— Вы отлично знаете, что у меня было на умѣ, — отвѣтила миссисъ Вербанъ, — Ну, а теперь мы хотимъ васъ просить достать намъ окно, откуда мы могли бы видѣть процессію.

— О, такъ вы *этого* хотите, да? Я думалъ, вы хотите только, чтобъ я не забывалъ своихъ друзей.

— А развѣ-жь вы называете это забывать ихъ?

— Миссисъ Вербанъ, миссисъ Вербанъ, какой вы тонкій политикъ! Вы, можетъ быть, еще чего-нибудь желаете? Чтобъ я отправился съ вами смотрѣть процессію, напримѣръ?

— Мы не настаиваемъ. Вы можете проводить насъ до окна и тамъ насъ оставить, если вамъ угодно.

— Такого милосердія я ужъ никакъ не ожидалъ, — отвѣчалъ Феррисъ. — Я, право, недостойнъ его.

Онъ продолжалъ говорить въ шутовомъ тонѣ, вошедшемъ въ привычку между нимъ и миссисъ Вербанъ, какъ вдругъ Флорида заявила протестъ:

— Мама, мнѣ кажется, мы злоупотребляемъ добротою мистера Ферриса.

— Я знаю это, душа моя, я знаю это, — весело согласилась съ ней миссисъ Вербанъ. — Это прямо-таки возмутительно. Но что же намъ дѣлать? Мы должны злоупотреблять чьею-нибудь добротой.

— Останемся лучше дома. Мнѣ бы не хотѣлось идти, — съ трепетомъ въ голосѣ сказала дѣвушка.

— Что это, что это, миссъ Вербанъ?— серьезно вмѣшался Феррисъ. — Мнѣ очень жаль, если вы не поняли моей шутки. Я никогда еще не видалъ этой процессіи во всѣхъ ея деталяхъ, и мнѣ было бы очень пріятно посмотрѣть ее вмѣстѣ съ вами.

Онъ не могъ сказать, благодарна ли она ему за его слова, или раздосадована ими. Она какъ бы намѣренно ничего больше не сказала, но ея мать принялась разговаривать на эту тему и долго обсуждала ее, развивая всѣ подробности того, какъ они сойдутся и

отправится вместе. Феррисъ былъ слегка обиженъ и началъ удивляться, почему миссъ Вербанъ не остается дома, если не желаетъ идти. Справа, она всюду сопровождала мать, но при свойственной ей пылкой добротѣ странно было, что она рѣшилась сказать что-нибудь изъзакрыть желанію или плану своей матери.

Послѣ обѣда миссисъ Вербанъ, не стѣсняясь присутствіемъ Ферриса, удалилась, чтобъ немножко вздремнуть, а Флорида какъ будто поспѣшила взять въ руки работу и сѣла съ видомъ женщины, желающей удержать своего гостя. Не такой былъ стонъ Феррисъ, чтобъ не почувствовать себя смутно польщеннымъ, но онъ въ слишкомъ сильной степени былъ мужчиною, чтобы понять вполне, каковыя большіе шагъ на встрѣчу ему это должно было казаться.

— Я думаю, мы увидимъ большинство венеціанскихъ священниковъ въ завтрашней процессіи, — сказала она. — Помните, какъ вы недавно разговаривали со мной о католическихъ патерахъ, миссъ Феррисъ?

— Да, отлично помню. Мнѣ кажется, я хватилъ черезъ край, и послѣ того я не могъ найти иного мотива къ моему поведенію, кромѣ желанія досадить донъ-Ипполито.

— Я никогда не думала этого, — серьезно отвѣчала Флорида. — То, что вы сказали, было, вѣдь, только правда, да?

— Да, это была и правда, и неправда, какъ почти все, что говорится людьми. Правда, что среди итальянцевъ господствуетъ великое недовѣріе къ патерамъ. Молодежь ихъ ненавидитъ или думаетъ, что ихъ ненавидитъ, или, наконецъ, говорить, что ихъ ненавидитъ. Большая часть образованныхъ людей средняго возраста — матеріалисты, и, разумѣется, они непріязненно настроены противъ священниковъ. Есть даже женщины, относящіяся скептически къ религіи. Но я подозреваю, что большинство тѣхъ, кто всего громче говоритъ противъ священниковъ, на самомъ дѣлѣ подчинено имъ. Примите въ расчетъ, какъ тѣсно связаны они со всякою семьей въ самыхъ торжественныхъ житейскихъ отношеніяхъ.

— Вы думаете, священники вообще дурные люди? — робко спросила молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, право, я не думаю этого. Я не понимаю, какъ могъ бы идти міръ своимъ порядкомъ, еслибъ это такъ было. Въ нихъ долженъ быть большой запасъ искренности и доброты, если ужъ говорить всю правду. Мнѣ кажется, что въ худшемъ случаѣ они — люди профессіи, бѣдняки, посвятившіе себя служенію церкви ради насущнаго хлѣба. Вы знаете, что сыновья благородныхъ семей не

слишкомъ часто принимаютъ посвященіе въ духовный санъ, священники по большей части бываютъ скромнаго происхожденія; это не значитъ, что вслѣдствіе того они непременно должны быть хуже другихъ; патриціи бывали обыкновенно такіе же дурные люди, какъ они, въ другомъ только смыслѣ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, — сказала Флорида, склонивъ голову на бокъ и разсматривая шовъ, — почему для насъ въ представленіи о католическомъ священникѣ всегда кроется нѣчто ужасное?

— Они, дѣйствительно, кажутся намъ, протестантамъ, какими-то чуждыми созданіями. Не знаю, такое же ли впечатлѣніе, или нѣтъ производятъ они на католиковъ. Но мы чувствуемъ отвращеніе ко всѣмъ обреченнымъ людямъ, не правда ли? А католическій священникъ — это, вѣдь, человѣкъ, которому вынесенъ смертный приговоръ относительно естественныхъ узъ между нимъ и человѣческимъ родомъ. Онъ умеръ для насъ. Это и дѣлаетъ его ужаснымъ. Призракъ нашего самаго дорогого друга, нашего отца или матери, былъ бы страшенъ для насъ. А, между тѣмъ, — задумчиво прибавилъ Феррисъ, — въ монахи нѣтъ ничего страшнаго.

— Вы правы, — отвѣтила дѣвушка, — но это потому, что жизнь женщины даже въ мірѣ является постояннымъ отреченіемъ. Да, въ монахи нѣтъ ничего неестественнаго, а въ католическомъ священникѣ есть.

Нѣкоторое время она оставалась безмолвной, и иголка быстро сверкала въ ея пальцахъ. Потомъ она внезапно уронила работу на колѣни и, сжавъ ее обѣими руками, спросила Ферриса:

— Какъ вы думаете, случается иногда священникамъ питать сомнѣнія въ вопросахъ религіи?

— Я полагаю, что случается. Вы знаете, что въ лучшіе дни церкви скептицизмъ былъ даже въ модѣ. У меня часто являлось желаніе позондировать на этотъ счетъ нашего друга, донъ-Ипполито, но я не зналъ, какъ къ этому приступить. — Феррисъ не замѣтилъ быстрой перемены, мелькнувшей въ лицѣ Флориды, и продолжалъ: — Наше знакомство не сдѣлалось такъ интимно, какъ я на то надѣялся вначалѣ. Но съ итальянцами можно дойти только до извѣстнаго пункта. Они любятъ встрѣчать васъ на улицѣ; можетъ быть, они не знаютъ бесѣды у комельга.

— Да, это должно случаться порой, какъ вы говорите, — съ торывистымъ вздохомъ сказала Флорида, возвращаясь къ первой половинѣ отвѣта Ферриса. — Но развѣ лживый патеръ хуже лицебрнаго протестантскаго пастора?

— И тотъ, и другой, конечно, достоинъ осужденія. Но пастерь, все-таки, въ большей мѣрѣ заслуживаетъ его. Вы понимаете, миссъ Вервѣнь, что пасторъ протестантской церкви не присвоиваетъ себѣ такихъ правъ. Онъ не беретъ на себя власть отпустить намъ наши грѣхи и не требуетъ, чтобъ мы ихъ исповѣдали ему; онъ не присягаетъ на вѣрность видимому и осязаемому намѣстнику Христа на землѣ. Протестантскій пасторъ-лицемѣръ можетъ быть нелѣпымъ, но пастерь-скептикъ трагиченъ.

— Да, да, я понимаю, — прошептала дѣвушка съ огорченнымъ лицомъ. — Но всегда ли заслуживаютъ они за это порицанія? Вѣдь, иногда ихъ убѣждаютъ посвятить себя служенію церкви, прежде чѣмъ они успѣли серьезно обдумать этотъ шагъ, а потомъ они не знаютъ, какъ сойти имъ со стези, съ дѣтства намѣченной для нихъ. Неужели вы думаете, что такой священникъ заслуживаетъ порицанія за то, что онъ скептикъ? — спросила она необыкновенно серьезно.

— Нѣтъ, — сказала Феррисъ, улыбаясь ея серьезности, — я подумалъ бы скорѣе, что такой скептикъ заслуживаетъ порицанія за то, что онъ священникъ.

— Развѣ вамъ не было бы очень жаль его? — продолжала Флорида еще болѣе торжественнымъ тономъ.

— Было бы жаль, еслибъ онъ былъ мнѣ симпатиченъ. Въ противномъ случаѣ боюсь, что мнѣ не было бы жаль его, — сказала Феррисъ, но тотчасъ же увидѣлъ, что его легкомысленный отвѣтъ покоробилъ Флориду. — Послушайте, миссъ Вервѣнь, вѣдь, не станете же вы смотрѣть на жирныхъ монаховъ и сытыхъ патеровъ въ завтрашней процессіи, какъ на рядъ олицетворенныхъ трагедій. Вы испортите мнѣ тогда все удовольствіе. Я заранѣе увѣренъ, что, сколько ихъ ни есть, всѣ они — набожные вѣрующіе, признающіе все рѣшительно.

— Еслибъ *вы* были такого рода священникомъ, — настаивала дѣвушка, не обращая вниманія на его шутки, — что сдѣлали бы вы тогда?

— Честное слово, самъ не знаю. Я не могу себѣ этого даже представить. Подумайте только, — продолжалъ онъ, — какимъ безпомощнымъ созданіемъ является католическій священникъ во всемъ, лежащемъ внѣ его священнической сферы, болѣе безпомощнымъ, чѣмъ даже женщина! Единственное, что онъ могъ бы сдѣлать, это отрѣшиться отъ церкви, а какъ могъ бы онъ это сдѣлать? Онъ *изъ* міръ, но не *отъ* міра, и я не въ силахъ понять, какъ могъ бы онъ поладить съ міромъ или міръ съ нимъ. Еслибъ итальянскій

священникъ счелъ своимъ долгомъ оставить церковь, даже люди, теперь питающіе къ нему недовѣріе, стали бы еще сильнѣе его презирать. Знаете ли, что у нихъ существуетъ милая мода называть обратившихся въ протестантство вѣроотступниками? Первымъ результатомъ отрѣшенія священника отъ церкви было бы изгнаніе. Но во *мнѣ* никакъ нельзя предположить такого священника, какового вы подразумеваете, и я не думаю, чтобы какъ разъ такой священникъ былъ возможенъ въ дѣйствительности. Мнѣ кажется, еслибъ католическій священникъ увидѣлъ себя быстро идущимъ по пути къ сомнѣнію, онъ постарался бы обходить эту неприятную тему, а еслибъ ему это не удалось, то ухитрился бы какъ-нибудь побѣдить ее философскими умствованіями и не далъ бы своему скептицизму мучить его.

— Вы думаете, слѣдовательно, что у нихъ нѣтъ совѣсти, какъ у насъ?

— Нѣтъ, совѣсть у нихъ есть, но только не такая, какъ у насъ. Въ итальянцахъ больше доброты, чѣмъ въ американцахъ, но они не такъ справедливы, и я сказалъ бы, что они не считаютъ истину высшимъ благомъ жизни. Они думаютъ, что есть болѣе пріятныя и болѣе цѣнныя вещи. Быть можетъ, они правы.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы этому не вѣрите, вы сами знаете, что не вѣрите,—тревожно произнесла Флорида.—И, потомъ, вы не отвѣтили на мой вопросъ.

— Какъ не отвѣтилъ? Я сказалъ вамъ, что это случай, котораго нельзя вообразить.

— Но предположите, что онъ возможенъ въ дѣйствительности. Феррисъ усмѣхнулся.

— Ну-съ, разъ вы заставляете меня непременно отвѣтить вамъ, то, при моемъ несчастномъ воспитаніи, я не могъ бы сказать на это ничего другаго, какъ то, что подобный человѣкъ долженъ былъ бы, несмотря ни на что, совлечь съ себя священнической санъ. Онъ долженъ былъ бы перестать быть священникомъ, рискуя потерять вслѣдствіе этого родныхъ, друзей, доброе имя, родину, все на свѣтѣ. Я не могу постигнуть, какъ можно жить въ такой лжи, хотя и знаю, что есть люди, живущіе въ ней. Даже здравый разумъ говорить, что это должно развѣдать душу человѣка и мало-по-малу сдѣлать его совершенно неспособнымъ къ добру. Но, повидимому, есть нѣчто, я не знаю собственно что, стоящее выше нашего разсудка, нѣчто спасающее каждаго изъ насъ для блага, вопреки злу, обрѣтающемуся въ насъ. Для человѣка, желающаго быть скромнымъ, хоро-

шая практика—поселиться въ латинской странѣ. Онъ пріучается смотрѣть недовѣрчиво на свои высшія добродѣтели и быть снисходительнымъ къ новымъ комбинаціямъ добра и зла, которыя видитъ кругомъ. Но что касается нашего не существующаго въ дѣйствительности патера,—да, я сказалъ бы рѣшительно, что онъ во что бы то ни стало долженъ былъ бы покинуть церковь.

Флорида откинулась на спинку кресла съ видомъ такого облегченія, какое мы чувствуемъ, когда намъ подтвердили какой-нибудь важный для насъ пунктъ. Она провела рукою по работѣ, лежавшей у нея на колѣняхъ, но ничего не сказала.

Феррисъ сталъ говорить дальше, бросивъ предварительно на нее нерѣшительный взглядъ, такъ какъ съ того дня на Brentъ онъ остерегался произносить имя донъ-Ипполито и не зналъ, какое дѣйствіе на миссъ Вербанъ окажетъ упоминаніе о немъ въ этой бесѣдѣ.

— Я часто задумывался надъ тѣмъ, не шатокъ ли немножко въ своей вѣрѣ нашъ пріятель, донъ-Ипполито? Я не думаю, чтобы природа предназначила ему быть священникомъ. Онъ всегда производитъ на меня впечатлѣніе чрезвычайно мірской натуры. Я сомнѣваюсь, чтобы онъ когда-либо честно и прямо поставилъ себѣ вопросъ, дѣйствительно ли онъ то, за что онъ выдаетъ себя,—онъ такой наивный фантазеръ!

Флорида слегка измѣнила позу и опустила глаза на шитье.

— Но развѣ вы не возненавидѣли бы его, еслибъ онъ былъ священникомъ-септикомъ?—спросила она.

Феррисъ пожалъ плечами.

— О, я нахожу, что ненавидѣть людей вовсе не такая легкая штука! А, вѣдь, интересно было бы посмотрѣть,—задумчиво продолжалъ онъ,—какъ подобный мечтатель, проснувшись въ одинъ прекрасный день, очутился бы внезапно лицомъ къ лицу съ тѣмъ, чтѣ было для него воплощеною правдивостью, и неволью сопоставилъ бы себя со своимъ идеаломъ. Но это было бы немножко жестоко.

— Вы предпочли бы оставить его такимъ, какъ онъ есть?—спросила Флорида, поднявъ на него глаза.

— Какъ моралистъ, нѣтъ; но какъ гуманистъ, да, миссъ Вербанъ. Онъ былъ бы гораздо счастливѣе, еслибъ остался такимъ, какъ онъ есть.

— Въ которомъ часу придете вы завтра за нами?—спросила дѣвушка тономъ принятаго рѣшенія.

— Намъ надо быть въ Пиаццѣ къ девяти часамъ, — отвѣтилъ Феррисъ, безъ затрудненія переходя къ новой темѣ, и затѣмъ раз-

сказалъ о своемъ планѣ смотрѣть процессію изъ огня Старой Прокураціи.

Когда онъ собрался уходить, то сказалъ вскользь Флоридѣ:

— Какъ знать, можетъ быть, въ концѣ-концовъ, мы и увидимъ типъ трагическаго священника, о которомъ говорили съ вами. Я только въ одномъ увѣренъ, что носъ у него будетъ красный.

— Можетъ быть, — серьезно отвѣтила Флорида, оставляя безъ вниманія его шуточный тонъ.

ХП.

Быль одинъ изъ тѣхъ дней, какими природа даритъ Венецію только въ началѣ іюня. Въ небесахъ не было видно ни облачка, но голубая дымка скрывала подъ своимъ таинственнымъ покровомъ горизонтъ, гдѣ незримо встрѣчались небо и лагуна. Дыханіе моря обвѣвало своею свѣжестью городъ, у ногъ котораго ярко искрились, погруженные въ дрему, волны.

Большая площадь св. Марка изъ рынка, изъ салона превратилась въ храмъ. Магазины подъ колоннадами, замыкающими ее съ трехъ сторонъ, были закрыты, кафе, передъ которыми обыкновенно снуютъ праздные потребители кофе и шербета, разсыпаясь потомъ по всей Піаццѣ, были отодвинуты до предѣловъ своихъ дверей; стойки продавщицъ воды, корзины разнощиковъ, торгующихъ палермскими апельсинами и черными падуанскими вишнями, исчезли съ фундамента церкви св. Марка, и эта церковь, въ матовомъ блескѣ своихъ мозаикъ и великолѣпнн рѣзныхъ колоннъ, сводовъ и куполовъ, высилась, неизъяснимо богатая и прекрасная, какъ и главный алтарь болѣе обширнаго храма, ограду котораго она довершала. Передъ нею стояли три высокнхъ красныхъ флагштока, точно крашенныя свѣчи предъ алтаремъ, а съ нихъ свѣшивались австрійскіе флаги — красные съ бѣлымъ и желтые съ чернымъ.

Посреди площади неподвижно стоялъ австрійскій военный оркестръ, окружая своего дирижера съ поднятою вверхъ палкой, позолоченною на концѣ. Въ теченіе ночи вокругъ внутренней части Піаццы была возведена легкая деревянная колоннада, съ навѣсомъ изъ синяго сукна, и подъ нею остановилась въ данную минуту длинная и пышная церковная процессія: священники всѣхъ венеціанскихъ церквей въ самыхъ богатыхъ своихъ облаченіяхъ, за ними по порядку *facchini* *), въ бѣлыхъ сандаляхъ и яркихъ одеж-

*) *Facchini* — носильщики, участвующіе въ процессіи, какъ отдѣльная корпорація.

дахъ, въ шапочкахъ алаго, бѣлаго, зеленого и синяго цвѣта, съ громадными расписными восковыми свѣчами въ рукахъ и шелковыми хоругвями, носившими на себѣ эмблему или изображеніе патроновъ различныхъ церквей, поддерживали балдахины, подъ которыми находились Святые Дары изъ каждой церкви. Передъ духовенствомъ шла рота австрійскихъ солдатъ, за *facchini* — длинная вереница религиозныхъ обществъ, мальчижи изъ приютскихъ школъ въ своихъ мундирахъ, старые богадѣленные пенсіонеры въ праздничномъ платьѣ, крошечные мальчижи, совсѣмъ нагіе, съ пастушескими посохами въ рукѣ и полосками овечьей шерсти вокругъ чреслъ, подобно Иоанну Крестителю въ пустынѣ, дѣвочки съ ангельскими крылышками и вѣничками, монахи разнообразныхъ орденовъ и кающіеся міряне во всевозможныхъ плащахъ или фракахъ, въ капюшонахъ или съ непокрытою головою, и каждый съ зажженою свѣчей въ рукѣ. Корридоры подъ дворцомъ и Новою и Старою Прогураціей были загромождены зрителями, изъ всѣхъ оконъ, и верхнихъ, и нижнихъ, вдоль по фасадамъ дворцовъ были выброшены яркія матеріи; спугнутые голуби св. Марка садились на карнизы или же безпокойно порхали взадъ и впередъ надъ толпой.

Дирижерская палочка опустилась и раздался громъ военной музыки; священники запѣли молитвы, приютскіе мальчижи стали имъ вторить пискливыми голосами, всюду поднялся шорохъ ногъ, смѣшанный съ напоминающимъ шумъ листы шелестомъ фольги, привязанной къ хоругвямъ и свѣчамъ; вся эта странная, пышная картина исполнилась жизни.

Послѣ всѣхъ своихъ плановъ и приготовленій миссъ Вервэнъ въ это утро почувствовала себя недостаточно хорошо, чтобъ отправиться взглянуть на зрѣлище, которое она такъ рассчитывала видѣть, но поѣтому она еще настойчивѣе стала посылать туда свою дочь, и Феррисъ стоялъ теперь вдвоємъ съ Флоридой у одного изъ оконъ Старой Прогураціи.

— Ну, что вы думаете объ этомъ, миссъ Вервэнъ?—спросилъ онъ, когда ихъ виѣшнія чувства нѣсколько освоились съ шумомъ процессіи. — Будете вы и теперь говорить, что Венеція слишкомъ мрачный городъ, чтобы можно было когда-либо представить его себѣ полнымъ весельемъ?

— Я никогда не говорила этого, — отвѣтила Флорида, смотря на него удивленными глазами.

— Я тоже не говорилъ, — возразилъ Феррисъ, — но я часто это думалъ, и теперь я почти увѣренъ въ томъ, что былъ правъ. Все это проникнуто, по - моему, какою - то глубокою меланхоліей.

Одного блеска обстановки и этой музыки уже достаточно для того, чтобы исторгнуть слезы изъ глазъ. Я не знаю ничего болѣе умилительнаго, кромѣ процессіи освѣщенныхъ фонарями гондолъ и катеро въ на Большомъ Каналѣ. Это что-то фантастическое. Это—призрачное воскресеніе старинныхъ вымершихъ формъ въ современной эпохѣ. Это даже не призракъ, а трупъ былыхъ вѣговъ, витающій надъ Венеціей. Напрасно Наполеонъ не уничтожилъ самаго города, когда уничтожилъ республику и выкинулъ за бортъ Крылатога Льва *), Буцентавра **) и все остальное. Ни одна страна не сравнится съ Америкой въ умѣнъ неподдѣльно радоваться и веселиться. Вспомните о нашемъ 4 іюля ***) и о нашихъ государственныхъ ярмаркахъ.

Феррисъ съ шутовымъ блескомъ въ глазахъ заглянулъ въ серьезное лицо дѣвушки. Онъ любилъ ставить ее въ тупикъ своими юмористическими рѣчами и съ наслажденіемъ наблюдалъ ея старанія найти въ нихъ серьезный смыслъ и ея явное смущеніе, когда она не находила его.

— Любопытно было бы мнѣ посмотрѣть, какой видъ будетъ у нашего пріятели, — снова началъ онъ, поправляя подушку на подоконникѣ, для того, чтобы Флорида могла удобнѣ слѣдить за церемоніей. — Но не такъ-то легко будетъ разглядѣть его въ этомъ маскарадѣ. Идти въ процессіи съ зажженною свѣчей, равно какъ исполнять всякіе другіе акты набожности не особенно вяжется, думается мнѣ, съ личностью донъ-Ипполито, и я не могу представить себѣ, чтобъ онъ владывалъ въ это много воодушевленія. Какъ бы то ни было, лишь очень немногіе священники, повидимому, способны на это. Взгляните на этихъ праведниковъ, съ глазами, обращенными вверхъ! Они задаютъ себѣ вопросъ, кто *la bella bionda* въ этомъ окнѣ?

Флорида съ выраженіемъ грустнаго замѣшательства слушала его шутки. Она напряженно слѣдила за процессіей по мѣрѣ того, какъ та приближалась съ другой стороны Піаццы, и наобумъ отвѣчала на замѣчанія Ферриса о различныхъ корпораціяхъ, входившихъ въ ея составъ.

— Очень трудно рѣшить, кто мои любимцы, — продолжалъ онъ, смотря въ бинокль на длинную колонну. — Вслѣдствіе погрѣшностей

*) *Крылатый Левъ*— гербъ Венеціи.

**) *Буцентавръ*— великолѣпный корабль, на которомъ во времена Венеціанской республики дождь обручался съ Адриатическимъ моремъ, причемъ бросалъ въ волны золотое кольцо.

***) День провозглашенія американской независимости.

моего религиознаго воспитанія я больше люблю маленькихъ пріютскихъ мальчиковъ съ тоненькими, какъ булавки и иголки, голосенками и съ волосами, торчащими бобрикомъ. Еслибъ это было совмѣстимо съ консульскимъ достоинствомъ, я охотно сошелъ бы внизъ и погладилъ бы ихъ головки. Да и *старые* пріютскіе призрѣваемые тоже, признаться, мнѣ по-сердцу. Эти убогіе нищѣ заставляютъ влюбиться въ обездоленный и зависимый возрастъ однимъ своимъ видомъ безотвѣтнаго наслажденія. Посмотрите, какъ проворно каждый изъ нихъ ковыляетъ на той ногѣ, которая не сошла еще у него въ могилу. А какъ привлекательны, въ свою очередь, чиновники-святоши въ своихъ нетлѣнныхъ фракахъ! Обратите вниманіе на ихъ высокіе воротники эры Священнаго Союза: ихъ отцы и дѣды носили эти фраки; спустя сто лѣтъ, ихъ потомки въ нихъ же будутъ являться на религиозныя церемоніи. Желалъ бы я знать, силой какого элексира получаютъ безсмертіе фраки гражданскихъ чиновниковъ. Эти кающіеся въ плащахъ и капюшонахъ тоже недурны; не правда ли, миссъ Вербанъ? Согласитесь, что они придаютъ зрѣлищу очень милый отбѣнокъ таинственности. Они представляютъ собою тотъ сюжетъ, воспроизведенія котораго ожидаютъ отъ живописцевъ, живущихъ въ Венеціи, — сюжетъ, по которомъ люди вздыхаютъ, считая его столь характерно-венеціанскимъ. Если въ васъ есть хоть какое-нибудь чувство, миссъ Вербанъ, теперь самое время обнаружить его.

— Но у меня его нѣтъ. Я боюсь, что у меня вовсе нѣтъ чувства, — сокрушенно отвѣтила дѣвушка. — Одно только я знаю, что эта картина навѣваетъ на меня ужасную грусть.

— Вѣдь, и я только сейчасъ сказалъ это. Извините меня, миссъ Вербанъ, но вашей грусти недостаетъ новизны; это нѣчто вродѣ плагиата.

— Перестаньте, прошу васъ, — еще серьезнѣе взмолилась она. — Я только что думала... не знаю, какъ такая страшная мысль могла придти мнѣ въ голову... что, въ концѣ-концовъ, все это, пожалуй, одно заблужденіе.

— Я не удивляюсь тому, что это зрѣлище побуждаетъ васъ сомнѣваться. Боже великій! Какъ это далеко отъ Христа! Взгляните на эти войска, предшествующія послѣдователямъ Агнца; ихъ ремесло — убійство. Если бы дюжина зрителей вздумала воскликнуть: «Да здравствуетъ король Италіи!» — то долгомъ этихъ солдатъ было бы стрѣлять сію же минуту въ безпомощную толпу. Взгляните на шелковую и золоченую роскошь служителей сына плотника! Взгляните на этихъ жалкихъ монаховъ, добровольныхъ

плѣнниковъ, нищихъ, отчужденныхъ отъ своихъ ближнихъ! Взгляните на этихъ кающихся, которые думаютъ, что могутъ получить отпущеніе грѣховъ, если обойдутъ площадь со свѣчею въ рукѣ! А, между тѣмъ, прошло почти два тысячелѣтія съ тѣхъ поръ, какъ міръ обратился въ христіанство! Процессъ идетъ довольно-таки медленно. Но я полагаю, что Богъ заставляетъ людей познавать Его ихъ собственнымъ грѣховнымъ опытомъ, и мнѣ думается, что Богъ привлекаетъ къ Себѣ людей лишь чрезъ посредство ихъ полной свободы.

— Да, да, это должно быть такъ, — отвѣчала Флорида, устремивъ внизъ, на толпу, ничего не видѣвшій взоръ, — но я не могу остановить на этомъ своихъ мыслей. Я все время думаю о томъ, о чемъ мы говорили вчера. Никогда не могла бы я себѣ представить невѣрующаго священника, теперь же я не могу думать ни о чемъ другомъ. Мнѣ кажется, что ни одинъ изъ этихъ священниковъ или монаховъ не способенъ во что-либо вѣрить. У всѣхъ у нихъ лживыя, коварныя и гадкія лица, у всѣхъ, у всѣхъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, миссъ Вербанъ, — сказала Феррисъ, улыбаясь ея отчаянію, — вы немножко преувеличиваете, по праву женщины, конечно. Я нигабъ не думаю, чтобъ у всѣхъ у нихъ были гадкія лица. Нѣкоторые тупы и скучны, инныя легкомысленны, точь-въ-точь какъ лица людей другихъ классовъ общества. Но я примѣтилъ множество славныхъ, добрыхъ, ласковыхъ лицъ, и они составляютъ большинство, равно какъ и у другого сорта людей, потому что совершенно не принимать въ расчетъ можно, по моему мнѣнію, лишь очень немногихъ человѣческихъ существъ. Я даже уловилъ взглядомъ нѣсколько лицъ, въ которыхъ можно прочесть истинный религіозный экстазъ, а по временамъ мнѣ попадались и очень невинныя фізіономіи. Вотъ, напримѣръ, человѣкъ, за котораго я побился бы о закладъ, еслибъ только онъ взглянулъ вверхъ.

Священникъ, на котораго указывала Феррисъ, медленно приближался къ пространству, находившемуся непосредственно подъ ихъ окномъ. Онъ былъ въ парадномъ облаченіи и держалъ въ рукѣ зажженную свѣчу. Онъ двигался тихою поступью, и его согнутая, тонкая фигура какъ будто свидѣтельствовала о безнадежномъ уныніи. Тогда какъ большинство его товарищей съ беззаботностью и любопытствомъ озиралось вокругъ, онъ шелъ съ поникшимъ лицомъ, потушивъ взоры въ землю.

Внезапно процессія остановилась и глубокая тишина охватила громадное собраніе. Затѣмъ безмолвіе было нарушено шелестомъ и шумомъ всей этой многотысячной толпы, преглонившей колѣна въ

тотъ моментъ, какъ кардиналь-патріархъ воздѣлъ руки къ небу, благословляя ее.

Священникъ, на котораго было обращено вниманіе Ферриса и Флориды, поколебался съ минуту и, прежде чѣмъ онъ опустился на колѣни, его ближайшій сосѣдь долженъ былъ дернуть его за край облаченія. Тогда онъ тоже послѣшно преклонилъ колѣна, машинально поднявъ голову и скользя взглядомъ по фасаду Старой Прокураціи. Лицо его носило печать унынія, на которое намекала его фигура и его движенія, и оно было очень блѣдно, но еще болѣе своеобразно, вслѣдствіе смущенной невинности, которую выражали его черты.

— Посмотрите, — шепнулъ Феррисъ, — вотъ, что я называю удивительно-славнымъ лицомъ.

Флорида подняла руку, чтобы прервать его рѣчь, и мрачный взглядъ священника сначала холодно остановился на нихъ. Потомъ въ глазахъ его засвѣтился лучъ: онъ, видимо, узналъ ихъ, и румянецъ залилъ его блѣдное лицо, сдѣлавшееся какъ будто еще угрюмѣе и безнадежнѣе. Его голова снова поникла и онъ выронилъ изъ рукъ свѣчу. Одинъ изъ нищихъ, которые сопровождаютъ процессію, подбирая капли воска, поднялъ ее и возвратилъ ему.

— Да, вѣдь это донъ-Ипполито! — громко произнесъ Феррисъ. — Вы сразу узнали его?

В. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*
.

Я не слышалъ пастушеской свирѣли,
Я не мечталъ на утрѣ юныхъ дней;
Мнѣ снился стонъ бунтующей метели
И пламя мстительныхъ огней.

Ни ландышей, ни пестрыхъ маргаритокъ
Я не собиралъ, привѣтствуя разсвѣтъ;
Отъ дѣтскихъ дней читалъ я жизни свитокъ,
Я былъ рожденъ для думъ и бѣдъ.

Во всѣхъ путяхъ, какъ прежде, такъ и нынѣ,
Меня, какъ тѣнь, преслѣдуетъ печаль;
Я ключъ живой хочу найти въ пустынѣ,
И не себя, — другихъ мнѣ жаль.

Роняя свѣтъ въ холодный мракъ ненастья,
Я сиротамъ несу любовь отца;
И знаю я, что нѣтъ завиднѣй счастья,
Какъ быть несчастнымъ безъ конца.

К. Бальмонтъ.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ *).

Романъ Генрика Сенкевича.

Х.

«Катастрофа», какъ говорилъ Букацкий, наконецъ, наступила. Поланецкій убѣдился, что если въ жизни много дней, когда чело-вѣкъ не можетъ уловить нити собственныхъ мыслей, то къ числу такихъ дней, прежде всего, принадлежитъ день свадьбы. У него въ мозгу по временамъ зарождалось по нѣскольку заразъ какихъ-то, не ясно составляемыхъ, мыслей не мыслей, скорѣе—впечатлѣній. Онъ чувствовалъ, что въ его жизни начинается новая эпоха, что онъ принимаетъ на себя великія обязанности, которыя нужно исполнять добросовѣстно и серьезно, и, въ одно и то же время,—совсѣмъ въ одно и то же время,—удивлялся, что карета до сихъ поръ не пріѣзжаетъ, и удивленіе это выражалось въ формѣ угрозы: «Пусть только опоздають, шельмы,—голова имъ сверну!» По временамъ имъ овладѣвало торжественное настроеніе, словно боязнь передъ будущимъ, за которое онъ бралъ на себя отвѣтственность; онъ чувствовалъ себя приподнятымъ, и съ этимъ чувствомъ приподнятости начиналъ намыливать бороду и думать, что въ этотъ день, въ видѣ исключенія, не мѣшало бы пригласить парижмахера для приведенія въ порядокъ его упрямыхъ волосъ. Мариня постоянно примѣшивалась ко всѣмъ его думамъ. Онъ видѣлъ ее, какъ будто она была передъ нимъ. Онъ думалъ, что въ эту минуту она тоже одѣвается, что стоитъ въ своей комнатѣ передъ зеркаломъ, что разговариваетъ съ горничной, а душа ея летитъ къ нему и сердце бьется неспокойно. Тогда онъ растрогивался и произносилъ цѣлые монологи: «Ты не бойся, добрая душа, клянусь, я тебѣ не сдѣлаю зла!» Онъ видѣлъ себя въ будущемъ такимъ добрымъ, такимъ снис-

---

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

ходительнымъ, что не безъ нѣкотораго волненія началъ поглядывать на лакированныя ботинки, стоящія возлѣ кресла, на которомъ лежала его свадебная одежда. Также отъ времени до времени онъ повторялъ себѣ: «Боли жениться, такъ жениться!» Онъ говорилъ себѣ, что былъ дуракъ, когда колебался, потому что другой такой Марини нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, чувствовалъ, что любить ее, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, думалъ, что погода не дурна, но, можетъ быть, и дождь пойдетъ, что въ костелѣ, можетъ быть, холодно, что черезъ часъ онъ будетъ стоять на колѣняхъ около Марини, что безопаснѣе самому повязать бѣлый галстукъ, чѣмъ надѣть съ готовымъ бантомъ, что свадьба, какъ бы то ни было, самый важный обрядъ въ жизни, что въ немъ кроется что-то святое, и не нужно, чортъ возьми, ломать голову надъ разными подробностями, потому что черезъ часъ все это кончится, завтра они уѣдутъ, а потомъ начнется нормальная и спокойная жизнь мужа и жены.

Но эти мысли, однако, разлетались иногда, какъ стая воробьевъ, когда въ нихъ выстрѣлишь изъ-за угла, и въ головѣ Поланецкаго образовалась пустота. Тогда на его уста механически наворачивались фразы, вродѣ слѣдующихъ: «Восьмое апрѣля; завтра среда, завтра среда; карманные часы»... Потомъ онъ пробуждался, повторялъ себѣ: «Нужно быть идиотомъ!»—и разлетѣвшіяся птицы вновь цѣлою стаей возвращались въ его голову и начинали бунтовать въ ней.

Въ это время пріѣхалъ Абдульскій, комиссіонеръ торговаго дома Бигель, Поланецкій и К°, который, вмѣстѣ съ Букацкимъ, долженъ былъ играть роль шафера. По происхожденію онъ былъ татаринъ, лицо у него было смуглое, но во фракѣ и бѣломъ галстукѣ онъ казался такимъ красивымъ, что Поланецкій выразилъ надежду, что и онъ скоро женится. Абдульскій отвѣтилъ: «Радъ бы въ рай» и показалъ знаками, какъ считаютъ деньги, а потомъ заговорилъ о Бигеляхъ.

Дѣти всѣ хотѣли быть на свадьбѣ, но Бигели рѣшили взять только двоихъ старшихъ, вслѣдствіе чего возникли непріятности и различіе во мнѣніяхъ, которыя пани Бигель должна была примирять при помощи шлепковъ. Поланецкій очень любилъ дѣтей, и теперь ужасно возмущился.

— Я устрою штуку съ Бигелями, — сказалъ онъ. — Уѣхали они изъ дому?

— Должны были сейчасъ выѣхать.

— Хорошо. Я заверну къ нимъ по дорогѣ, заберу всѣхъ дѣтей и высыплю ихъ передъ пани Бигель у моей невѣсты.

Абдульскій высказалъ убѣжденіе, что Поланецкій этого не сдѣлаетъ, но тотъ еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи и, дѣйствительно, прямо отправился въ домъ Бигеля. Губернантка знала отношенія Половецкаго ко всей семьѣ и потому не смѣла противиться ему, такъ что черезъ полчаса Поланецкій, къ великому ужасу пани Бигель, вошелъ во главѣ цѣлаго стада Бигелятъ, одѣтыхъ въ будничныя платья, съ растрепанными волосами, съ минами на половину счастливыми, на половину испуганными.

Онъ подбѣжалъ къ Марини, поцѣловалъ ея руку, уже затянутую въ бѣлую перчатку, и сказалъ:

— Хотѣли дѣтишекъ обидѣть. Вы должны сказать, что я сдѣлалъ хорошо.

Онъ угодилъ Маринѣ. Ей было пріятно видѣть это доказательство доброты его сердца, и она, дѣйствительно, обрадовалась дѣтямъ, обрадовалась даже тому, что собравшіеся гости сочли ея будущаго мужа оригинальнымъ, а пани Бигель, поправляя съѣхавшіе на сторону воротнички своихъ птенцовъ, повторяла сконфуженно:

— Что съ такимъ сумасшедшимъ дѣлать!

Отчасти того же мнѣнія былъ и панъ Плавницкій, но Поланецкій и Мариня такъ занялись другъ другомъ, что все остальное совершенно исчезло изъ ихъ глазъ. У обоихъ сердца бились неспокойно. Онъ смотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Вся въ бѣломъ, начиная отъ башмаковъ до перчатокъ, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ и съ длиннымъ вуалемъ, она казалась ему совсѣмъ не такою, какъ обыкновенно. Въ ней было что-то необыкновенно торжественное, какъ въ покойной Литкѣ. Поланецкій, правда, не сдѣлалъ этого сравненія, но чувствовалъ, что въ настоящую минуту эта бѣлая Мариня если не представляется ему болѣе далекой, то, по крайней мѣрѣ, вселяетъ въ него большую робость, чѣмъ та, вчерашняя, въ своей обычной одеждѣ. Притомъ, она казалась ему некрасивой, потому что брачный вѣнокъ рѣдкой женщиной идетъ къ лицу; кромѣ того, безпокойство и волненіе окрасили густымъ румянцемъ ея лицо, которое при бѣломъ цвѣтѣ платья казалось еще болѣе краснымъ, чѣмъ было въ дѣйствительности. Но, странное дѣло, эта подробность собственно и взволновала Поланецкаго. Въ его, по натурѣ добромъ, сердцѣ заговорило какое-то чувство, похожее на сожалѣніе. Онъ понялъ, что у Марини сердце бьется, какъ у пойманной птицы, и онъ началъ успокаивать ее такими добрыми и хорошими словами, что даже самъ удивлялся, откуда онъ беретъ ихъ и какимъ образомъ они такъ легко приходятъ ему въ голову. Но эти слова являлись собственно по милости Марини. По всей ея фи-

гурѣ было видно, что она отдается ему съ волненіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ довѣріемъ, отдаетъ ему сердце, душу, все существо свое, всю жизнь, и не какъ-нибудь, а на всякую минуту, до конца жизни. Съ этой точки зрѣнія въ умѣ Поланецкаго не могло зародиться ни малѣйшаго сомнѣнія, и эта увѣренность дѣлала его въ настоящую минуту лучшимъ, болѣе нѣжнымъ и краснорѣчивымъ, чѣмъ онъ бывалъ обыкновенно. Еще нѣсколько часовъ — и передъ ними откроется новая жизнь. Но теперь мысли ихъ начинали проясняться и то внутреннее безпокойство, отъ котораго они не были свободны, отходило въ сторону и смѣнялось, по мѣрѣ приближенія къ религиозному обряду, торжественнымъ сосредоточеніемъ. Мысли Поланецкаго уже не разлетались, какъ воробьи, у него осталось только одно удивленіе, что онъ, при всемъ своемъ скептицизмѣ, такъ чувствуетъ высокое значеніе предстоящаго акта. Собственно говоря, скептикомъ онъ не былъ. Въ душѣ у него даже гнѣздилась тоска по религиознымъ чувствамъ, и если онъ не обращался къ нимъ, то единственно потому, что отвыкъ отъ нихъ, единственно по милости своей духовной неподвижности. Скептицизмъ, самое большее, всколебалъ поверхность его ума, какъ вѣтеръ морщитъ поверхность воды, глубина которой остается спокойною. Онъ также отвыкъ и отъ формъ, но то было дѣломъ будущаго и Марини, а тѣмъ временемъ, однако, уже одинъ обрядъ, которому онъ долженъ былъ подчиниться, казался ему такимъ возвышеннымъ, такъ полнымъ важности и святости, что онъ готовъ былъ приступить къ нему съ поникшею головой.

А передъ тѣмъ нужно было подчиниться другому обряду, который, несмотря на свою одинаковую торжественность, былъ очень противенъ Поланецкому: именно, нужно было преклонять колѣни передъ паномъ Плавицкимъ, котораго Поланецкій считалъ за дурака, принять его благословеніе и выслушать рѣчь, отъ которой, какъ было извѣстно, панъ Плавицкій ни за что не откажется. Поланецкій, впрочемъ, раньше уже сказалъ себѣ: «Если я хочу жениться, то долженъ пройти черезъ все, что предшествуетъ женитьбѣ, и не подавать никакого вида, а ужъ какую мину скорчить въ ту минуту — а обезьяна Букацкій, меня мало интересуеетъ». Вслѣдствіе этого, онъ со всею готовностью опустился, вмѣстѣ съ Маринею, на колѣни передъ паномъ Плавицкимъ и выслушалъ его рѣчь, которая, одна-ко, длилась не особенно долго. Панъ Плавицкій самъ былъ неподвижно взволнованъ, голосъ его дрожалъ, руки дрожали и онъ едва смѣлъ въ состояніи выразить что-то вродѣ просьбы, чтобы Поланец-

кій не препятствовалъ Маринѣ ходить и молиться на его могилѣ, пока она совсѣмъ не заростеть травю.

Торжественность этой минуты испортилъ Юзя Бигель. Съ одной стороны, онъ видѣлъ слезы пана Плавичкаго, съ другой—Мариню и Поланецкаго на колѣняхъ, что въ домѣ Бигелей бывало не только гарой, но часто и вступленіемъ въ область болѣе гибкихъ педагогическихъ средствъ. Сочувствіе и опасеніе Юзи выразилось закрытыми глазами, открытымъ ртомъ и плачемъ, настолько громкимъ, насколько хватало его силъ. Когда, притомъ, и остальные братья по большей части послѣдовали его примѣру, поросшая травю могила пана Плавичкаго уже не могла произвести надлежащаго элегическаго впечатлѣнія.

Сидя въ каретѣ между Абдульскимъ и Букацкимъ, Поланецкій едва-едва, полусловами, отвѣчалъ на ихъ вопросы, не вмѣшивался въ ихъ разговоръ, но за то бесѣдовалъ съ собою. Онъ думалъ, что черезъ нѣсколько минутъ свершится то, о чемъ онъ размышлялъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чего, вплоть до смерти Литги, жаждалъ такъ горячо, какъ ничего въ своей жизни. Здѣсь его въ послѣдній разъ взволновало сознаніе разницы между этимъ недавно прошедшимъ временемъ и теперешнею минутой. Замѣчалась большая разница. Прежде онъ стремился и жаждалъ, теперь только хотѣлъ и соглашался. Мысль эта охватила его холодомъ, у него въ головѣ промелькнуло, что, можетъ быть, въ немъ не хватаетъ основъ, на которыхъ можно строить зданіе. Но Поланецкій былъ человѣкъ, который умѣлъ держать въ уздѣ свои тревоги, а при случаѣ разгонять ихъ на всѣ четыре стороны. И онъ сказалъ себѣ: «Впередъ,—теперь не время думать; а, во-вторыхъ, что дѣйствительность не всегда соотвѣтствуетъ мечтаніямъ—это вещь очень простая». Потомъ ему вспомнилось то, что говорилъ Букацкій: «Мало взять, нужно и дать что -нибудь», но онъ подумалъ, что это то же самое, что прясть какую-то тонкую, почти совсѣмъ невидимую нитку, что жизнь нужно брать проще,—она вовсе не обязана согласоваться съ заранѣе взятыми теоріями. Тогда онъ повторилъ, что часто повторялъ себѣ: «Женюсь, и конецъ!» И его охватила дѣйствительность настоящей минуты, и въ головѣ у него ничего не оставалось, кромѣ Марини, церкви и брака.

А Мариня по дорогѣ безмолвно молила Бога, чтобъ Онъ помогъ и дозволилъ ей осчастливить мужа, а для себя просила немного счастья, потому что была увѣрена, что покойная мать вымолитъ ей его.

Поланецкій и Мариня подъ руку прошли вдоль шпалеры сво-

ихъ гостей и любопытной толпы. Передъ ними, какъ во мглѣ, виднѣлись свѣчи, мигающія у алтаря, знакомыя и незнакомыя лица. А вотъ и лицо пани Эмилии, выглядывающее изъ-за вуаля сестры милосердія, ея глаза, улыбающіеся, но полные слезъ. Имъ припомнилась Литка, припомнилось, что это она, собственно, ведетъ ихъ къ алтарю. Черезъ минуту они стояли на колѣняхъ передъ ксендзомъ, а надъ ними горѣли огоньки свѣчей, блистали позолотой лики иконы. Церемонія началась. Они повторили за ксендзомъ обычные слова брачнаго обѣта, и Поланецкаго вдругъ охватило такое волненіе, какого онъ не ожидалъ и какое не испытывалъ съ того времени, когда мать подводила его къ первому причастію. Онъ почувствовалъ, что это не только обычный, требуемый закономъ, обрядъ, въ силу котораго мужчина получаетъ право на женщину, но въ этомъ связываніи рукъ, въ этомъ обѣтѣ, кроется какая-то таинственная, неземная мощь, присутствіе Бога, передъ которымъ преклоняется душа и дрожитъ сердце. Среди тишины раздались торжественныя слова: «*Quod Deus junxit, homo non disjungat*»,—и Поланецкій чувствовалъ, что та Мариня, которую онъ бралъ, становится его тѣломъ и кровью, частью его души, и что для нея онъ долженъ быть тѣмъ же самымъ. Тѣмъ временемъ на хорахъ грянуло «*Veni Creator*», и черезъ нѣсколько минутъ Поланецкіе вышли изъ костела. По дорогѣ Мариню обняла пани Эмилиа и шепнула ей: «Да благословить васъ Богъ». Они поѣхали домой на брачный пиръ, а пани Эмилиа пошла на кладбище сообщить Литкѣ извѣстіе, что «панъ Стахъ» сегодня женился на Маринѣ.

XI.

Двѣ недѣли спустя въ Венеціи швейцаръ отеля Бауэръ подаль Поланецкому письмо съ варшавскимъ штемпелемъ. Въ эту минуту они вмѣстѣ съ женой садились въ гондолу, чтобы ѣхать въ Santa Maria della Salute, и тамъ отслужить обѣдню въ годовщину дня смерти матери Марини. Поланецкій, который не ожидалъ изъ Варшавы ничего важнаго, спряталъ письмо въ карманъ и спросилъ жену:

— А что, теперь не рано ѣхать къ обѣднѣ?

— Рано; остается еще полчаса.

— Тогда, можетъ быть, хочешь поѣхать въ сторону Ріальто?

Мариня всегда была готова на это. Раньше она никогда не была за границей и теперь положительно жила въ непрестанномъ упоеніи. Ей казалось, что все, что ее окружаетъ,—сонъ. Не разъ, отъ избытка восторга, она бросалась мужу на шею, точно будто

онъ построилъ Венецію и какъ будто его исключительно слѣдуетъ благодарить за ея красоту. Не разъ она повторяла:

— Я смотрю, вижу и не вѣрю, что это правда.

Они поѣхали къ Ріальто. Благодаря раннему часу, движеніе было небольшое, вода точно заснула, день стоялъ тихій, прозрачный, но не совсѣмъ солнечный, одинъ изъ такихъ, когда Canale Grande, несмотря на свою красоту, напоминаетъ кладбище, когда палатки кажутся пустыми и заброшенными, а въ неподвижныхъ ихъ отраженіяхъ въ зеркалѣ водъ чувствуется глубокая грусть чего-то умершаго. Въ эти минуты смотришь на нихъ въ молчаніи, какъ бы съ опасеніемъ, чтобы своими словами не нарушить царящую повсюду тишину.

Такъ и Мариня смотрѣла вокругъ. Но Поланецкій, человѣкъ мнѣе впечатлительный, вспомнилъ, что у него въ карманѣ письмо, досталъ его и началъ читать. Спустя минуту онъ сказалъ:

— А! И Машко также женился. Ихъ свадьба была черезъ три дня послѣ нашей.

Мариня точно пробудилась отъ сна, моргнула нѣсколько разъ и спросила:

— Что ты сказалъ?

— Я сказалъ, мечтательная головка, что Машко женился.

Она прильнула головой къ его плечу и, глядя ему въ глаза, отвѣтила:

— Что мнѣ за дѣло до Машко? У меня свой Стахъ.

Поланецкій улыбнулся, какъ человѣкъ, который снисходительно позволяетъ любить себя, но не удивляется этому, потомъ разсѣянно поцѣловалъ жену въ лобъ. Письмо, видимо, было интересно. Наконецъ, онъ бросилъ его и крикнулъ:

— О, это настоящая катастрофа!

— Что случилось?

— У панны Краславской десять тысячъ рублей въ годъ пожизненно, которые завѣщалъ ей дядя. Больше приданого ни гроша.

— Но, вѣдь, и это много.

— Много? Послушай, что пишетъ Машко: «Въ такомъ случаѣ, банкротство мое несомнѣнно, а объявленіе несостоятельности—вопросъ времени». Они ошиблись оба, понимаешь? Онъ рассчитывалъ на ея состояніе, а она на его.

— По крайней мѣрѣ, имъ есть чѣмъ жить.

— Жить есть чѣмъ, но Машко нечѣмъ уплатить долговъ, а это немного и насъ касается,—меня, тебя и твоего отца... Все можетъ пропасть.

Теперь Мариня обезпokoилась не на шутку.

— Милый Стахъ, можетъ быть, твое присутствіе тамъ необходимо, тогда возвратимся... Какой это ударъ для папа!

— Я сейчасъ же напишу Бигелю, чтобъ онъ замѣнилъ меня и спасъ, что можно... Не принимай этого близко къ сердцу. У меня хватить на кусокъ хлѣба для обоихъ насъ и для твоего отца.

Мариня охватила руками его шею.

— Добрый ты мой!... Съ такимъ человѣкомъ, какъ ты, можно быть спокойной.

— Притомъ, что-нибудь можно будетъ спасти... Если Машко пойдетъ кредитъ, то заплатитъ намъ. Можетъ быть, онъ отыщетъ покупателя на Кшемь. Да, вотъ онъ пишетъ мнѣ, чтобъ я спросилъ Букацкаго, не купить ли онъ Кшемь, и чтобъ я подбилъ его на покупку. Я спрошу. У Букацкаго большое состояніе, и, бромъ того, ему было бы что дѣлать. Интересно знать, какъ потомъ сложится жизнь Машко. Онъ пишетъ мнѣ въ концѣ письма: «Женѣ я открылъ истинное состояніе своихъ дѣлъ, она приняла это равнодушно, за то ея мать не можетъ сдержать себя отъ негодованія». Потомъ онъ добавляетъ, что въ послѣднее время окончательно влюбился въ жену, и еслибъ они разстались, то это было бы величайшимъ для него несчастіемъ. Эта лирика мало меня интересуетъ, но любопытно знать, чѣмъ все это кончится.

— Она его не покинетъ,—сказала Мариня.

— Не знаю. Одно время я и самъ думалъ, что нѣтъ, но теперь мнѣ хочется поспорить. Хочешь держать пари?

— Нѣтъ, потому что не хочу выиграть. Ты гадкій человѣкъ, ты не знаешь женщинъ.

— Напротивъ, знаю, и поэтому убѣжденъ, что не всѣ похожи на такую крошку, которая теперь плыветъ со мной въ гондолѣ.

А Мариня отвѣтила:

— Въ Венеціи, въ гондолѣ и рядомъ со своимъ Стахомъ!

Возвратившись отъ обѣдни, они застали у себя въ отелѣ Букацкаго, одѣтаго въ дорожное клѣтчатое платье, которое казалось черезъ-чуръ широкимъ для его худенькой фигурки, съ фантастическимъ галстукомъ, завязаннымъ небрежно.

— Сегодня я ѣду,—сказалъ онъ, поздоровавшись съ Мариной.— Прикажете приготовить вамъ помѣщеніе во Флоренціи? Я могу нанять вамъ какое-нибудь палаццо.

— Вы остановитесь тамъ по дорогѣ въ Римъ?

— Да. Прежде всего, чтобы сообщить въ галлерей, что вы пріѣдете, чтобы поэтому постлали на лѣстницѣ новый коверъ; во-вто-

рыхъ, ради чернаго кофе. Вообще онъ въ Италиі плохъ, но во Флоренціи, у Джозоза, превосходный... *via Tornabuoni*... Это единственная вещь, которая чего-нибудь стоитъ во Флоренціи.

— У васъ удивительная охота говорить всегда не то, что вы думаете.

— Напротивъ, я думаю о томъ, чтобы нанять вамъ хорошенькое помѣщеніе на Lung-Arno.

— Мы остановимся въ Веронѣ.

— Ради Ромео и Джуліи? Конечно, конечно! Пока вы еще не пожинаете плечами, когда думаете о нихъ, — поѣзжайте. Черезъ какой-нибудь мѣсяць, можетъ быть, было бы поздно.

Мариня расфыркалась на него, какъ кошка, потомъ обратилась къ мужу и сказала:

— Стахъ, прикажи этому господину не надоѣдать мнѣ.

— Хотите, — отвѣтилъ Поланецкій, — я ему отрублю голову, но только послѣ завтрака?

А Букацкій началъ декламировать:

«... нѣтъ, это не разсвѣтъ, —

Не жаворонокъ, — соловей проснулся».

И потомъ, обратившись къ Маринѣ, спросилъ:

— Написалъ вамъ Поланецкій какой-нибудь сонетъ?

— Нѣтъ.

— О, это плохой знакъ!... Вотъ у васъ балконъ выходитъ на улицу. Не пришло ему въ голову ни разу стать у вашего балкона съ мандолиной?

— Нѣтъ.

— О, это очень нехорошо!

— Да, вѣдь, тутъ негдѣ стоять, — тутъ вода.

— Онъ могъ бы подѣхать на гондолѣ. Видите ли, у насъ дѣло совсѣмъ другою рода, но здѣсь, въ Италиі, такой ужъ воздухъ, что если кто-нибудь дѣйствительно любитъ кого-нибудь, то пишетъ сонетъ или стоитъ съ мандолиной подъ балкономъ. Совершенно вѣрно, это результатъ географическаго положенія, морскихъ теченій, химическаго состава воздуха и воды, и если кто-нибудь не пишетъ сонетовъ или не стоитъ съ мандолиной подъ окномъ, тотъ положительно не пылаетъ любовью. Я могу привести въ доказательство весьма авторитетныя сочиненія, которыя трактуютъ отъ этомъ предметѣ.

— Кажется, я буду принужденъ отрубить тебѣ голову передъ завтракомъ, — сказалъ Поланецкій.

До экзекуціи, однако, дѣло не дошло, потому что пора было садиться завтракать. Они сѣли за отдѣльнымъ столикомъ, но въ той самой залѣ, гдѣ былъ и общій столъ, что для Марини (ее рѣшительно все занимало) представлялось также источникомъ наслажденія, потому что она видѣла *настоящихъ* англичанъ. Это на нее производило впечатлѣніе, будто она заѣхала въ такое тридцатое царство, что со времени существованія Ешеменя ни одинъ изъ его жителей не отваживался на такое путешествіе. Букацкому, какъ и Поланецкому этотъ восторгъ давалъ поводъ для постоянныхъ шутокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доставлялъ имъ много удовольствія. Букацкій говорилъ, что Мариня напоминаетъ ему его молодость, Поланецкій называлъ жену полевою маргариткой и утверждалъ, что такой стоить показывать свѣтъ.

Самъ Букацкій, однако, замѣтилъ, что у «полевой маргаритки» было много художественнаго чутья и много искренности. Ей многое было извѣстно по книжкамъ или по рисункамъ; чего она не умѣла понять, въ томъ сознавалась искренно, но въ ея впечатлѣніяхъ не было ничего искусственнаго или воспринятаго съ чужихъ словъ. Когда ей что-нибудь приходилось по-сердцу, восторгу ея не было границъ, такъ что даже на ея глазахъ наворачивались слезы. Букацкій по временамъ подтрунивалъ надъ нею безъ милосердія, по временамъ внашала ей, что у всѣхъ такъ называемыхъ знатоковъ какой-нибудь гвоздь въ головѣ и что она, какъ натура впечатлительная и до сихъ поръ не сбитая съ толку, является для него величайшимъ авторитетомъ въ дѣлахъ искусства и была бы еще большимъ, еслибы ей было лѣтъ десять.

За завтракомъ, однако, разговора объ искусствѣ не было, потому что Поланецкій вспомнилъ о полученномъ имъ письмѣ и сказалъ:

— Я получилъ письмо отъ Машко.

— И я, — отвѣтилъ Букацкій.

— И ты? Значить, дѣло-то спѣшное. Должно быть, Машко прижали не на шутку. Значить, тебѣ извѣстно, въ чемъ дѣло?

— Онъ уговариваетъ, вѣрнѣе, умоляетъ меня купить... ты знаешь что?

Букацкій нарочно не назвалъ Ешеменя. Онъ помнилъ, какую печальную роль игралъ Ешемень въ отношеніяхъ Поланецкаго къ Маринѣ.

Но Поланецкій понялъ его деликатность и отозвался:

— Ахъ, Боже мой! Когда-то мы избѣгали этого слова, какъ

прикосновенія къ больному мѣсту, но теперь дѣло совсѣмъ другое... Трудно сдерживаться всю жизнь.

Букацкій многозначительно посмотрѣлъ на него. Мариня слегка покраснѣла и сказала:

— Стась совершенно правъ. Кромѣ того, я знаю, что дѣло идетъ о Кшеменѣ.

— Да, дѣло идетъ о Кшеменѣ.

— Ну, и что-жь?—спросилъ Поланецкій.

— Я не купилъ бы его хотя бы потому, чтобъ пани Поланецкая не испытала впечатлѣнія, что имъ играютъ какъ какимъ-нибудь мячикомъ.

Мариня покраснѣла еще болѣе и сказала:

— Но я ужъ совсѣмъ не думаю о Кшеменѣ.

И она посмотрѣла на мужа. Тотъ кивнулъ головой въ знакъ удовольствія и похвалы.

— Это доказываетъ, что ты умница, — отвѣтилъ онъ.

— Притомъ, — продолжала Мариня, — если панъ Машко не выдержитъ, то Кшемень или распадется, или попадетъ въ ростовщицьи руки, а это было бы для меня прискорбно.

— Ага! — сказалъ Букацкій, — прискорбно, коль скоро вы *совсѣмъ* не думаете о Кшеменѣ?

Мариня снова посмотрѣла на мужа, теперь уже съ опасеніемъ. Поланецкій размѣялся.

— Попалась, Мариня! — сказалъ онъ и обратился къ Букацкому: — Очевидно, Машко хватается за тебя, какъ утопающій за соломенку.

— Ну, кто захочетъ хвататься за такую соломенку (посмотри на меня, каковъ я), тотъ непременно погибнетъ, утонетъ... Кромѣ того, Машко не разъ говорилъ мнѣ: «у тебя притупленные нервы». Можетъ быть, и такъ. Но поэтому-то я и нуждаюсь въ сильныхъ впечатлѣніяхъ. Еслибъ я помогъ Машко, онъ выкарабкался бы, сталъ бы на ноги, опять корчилъ бы лорда, а жена его большую барыню, они были бы невыносимо комильфотны... и у меня была бы скучная комедія, которую я видѣлъ уже и на представленіи которой чуть не разодралъ себѣ рта. Наоборотъ, если я не помогу ему, то онъ разорится, погибнетъ, — произойдутъ какія-нибудь занимательныя и неожиданныя случайности, можетъ быть, что-нибудь трагическое, чтó меня больше займетъ. Теперь вы сами сообразите: за плохую комедію я долженъ заплатить, — къ тому же, еще и дорого, — а трагедію могу имѣть даромъ. Какъ тутъ колебаться?

— Фу, какъ вы можете говорить такія вещи? — вскригнула Мариня.

— Не только могу говорить, но и напишу ихъ Машко. При томъ, онъ меня обманулъ самымъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ.

— Въ чемъ?

— Въ чемъ? Въ томъ, что я думалъ: вотъ истинный снобсъ! вотъ матеріалъ для чернаго характера! вотъ человѣкъ, поистинѣ, безъ зазрѣнія совѣсти и сердца! А тѣмъ временемъ оказывается, что на дѣѣ души у него какая-то порядочность, что онъ хочетъ расплатиться съ кредиторами, что ему жаль эту куклу съ красными глазами, что разлука съ ней была бы для него страшнымъ ударомъ... Онъ наибезстыднѣйшимъ образомъ самъ пишетъ мнѣ объ этомъ... Честное слово, въ этомъ обществѣ ни на что разсчитывать невозможно!... Я и за границей живу потому, что не могу сносить этого.

На этотъ разъ пани Поланецкая разсердилась уже серьезно:

— Если вы будете говорить такія вещи, то я попрошу Стася, чтобъ онъ порвалъ съ вами всякія отношенія.

Поланецкій пожалъ плечами и сказалъ:

— А, вѣдь, дѣйствительно, ради остроты ты можешь до полусмерти заговорить и себя, и другихъ, а никогда не думаешь разсудительно и по-людски. Ты понимаешь, что я не подбиваю тебя покупать Кшемень, хотя это было бы выгодно для меня. Все-таки, у тебя было бы какое-нибудь занятіе.

Букацкій расхохотался и спустя немного отвѣтилъ:

— Я тебѣ уже сказалъ когда-то, что, прежде всего, люблю дѣлать то, что мнѣ нравится, а такъ какъ мнѣ больше всего нравится ничего не дѣлать, то, ничего не дѣлая, я дѣлаю то, что мнѣ больше всего нравится. Если ты уменъ, то докажи мнѣ, что я сказалъ глупость. Во-вторыхъ, я пахарь... Да, вѣдь, это превосходить человѣческое воображеніе! Я, для котораго дождь интересенъ постольку, поскольку нужно взять съ собою трость или зонтикъ, долженъ, подъ старость, простаивать, какъ журавль, цѣлые часы на одной ногѣ и смотрѣть, угодно ли будетъ солнцу свѣтить или тучамъ сѣять дождикомъ? Мнѣ разсчитывать, не проростетъ ли у меня пшеница, не нападетъ ли болѣзнь на картофель, управлюсь ли я съ горохомъ, успѣю ли доставить Ицѣ изъ Песей Воли столько четвертей, сколько обязался по договору, не захворають ли у меня лошади сапомъ, не начнутъ ли овцы чихать? Мнѣ подѣлать дойти до того, чтобы, благодаря умственному отупленію, чезъ каждыя три слова говорить: «почтеннѣйшій» или «что, бишь

я хотѣлъ сказать?» *Voilà, pas si bête!* Мнѣ, человѣку свободному, сдѣлаться «почтеннѣйшимъ», «сосѣдушкой», братомъ Лота, паномъ Мацѣемъ, Лехитой!...

И, возбужденный виномъ, онъ началъ въ полголоса цитировать слова Слязя изъ Лилли Венеды:

— «Развѣ я Лехитъ? Что это такое? Развѣ изъ моихъ глазъ смотритъ грубость, пьянство, обжорство, семь смертныхъ грѣховъ, пристрастіе къ шуму, къ квашенымъ огурцамъ, къ гербамъ?»

— Толкуй тутъ съ нимъ, — сказала Полавецкій, — тѣмъ болѣе, что, въ сущности, онъ до нѣкоторой степени правъ.

Но Мариня, которая съ минуты, когда Букацкій началъ говорить о деревенскихъ затрудненіяхъ, задумалась было, теперь стряхнула съ себя задумчивость и сказала:

— Когда папа бывалъ нездоровъ (а въ Кшеменѣ онъ никогда не бывалъ такъ здоровъ, какъ въ послѣднее время), я всегда немного замѣняла его въ хозяйствѣ, а гогомъ это вошло у меня въ привычку. Хотя, видить Богъ, въ неприятностяхъ у меня недостатка не было, работа приносила мнѣ такое удовольствіе, что я не съумѣю и объяснить этого. Я не понимала, почему это такъ, и поняла только тогда, когда мнѣ объяснилъ это панъ Ямишъ. Онъ говорилъ мнѣ, что это единственный истинный трудъ, на которомъ стоитъ весь свѣтъ, а всякій другой — или результатъ этого труда, или что-то искусственное. Позже я поняла даже такія вещи, о которыхъ онъ не упоминалъ. Иногда, весною, выйдешь въ поле, увидишь, что все растетъ, и чувствуешь, что и у тебя сердце растетъ тоже. Теперь я знаю, почему это: потому что во всякихъ другихъ отношеніяхъ человѣческихъ можетъ быть ложь, а земля — это правда... Земли нельзя обмануть, но и она, — дать, или не дать, — не обманетъ... Поэтому землю любятъ, какъ правду, — я ее люблю, и она меня учитъ любить... И роса падаетъ не только на нивы, не только на луга, но и на душу человѣческую, и человѣкъ становится лучшимъ, когда ему приходится вести дѣло съ правдой и любить, то-есть быть ближе къ Богу... Поэтому я такъ и любила мой Кшемень.

Тутъ Мариня испугалась и своего краснорѣчія, и того, что подумаетъ «Стась». Въстѣ съ тѣмъ, ее взволновали и воспоминанія прошлаго и все это, какъ утрення заря, отразилось въ ея глазахъ, на ея молодомъ лицѣ, да и сама она напоминала утреннюю зарю.

Букацкій смотрѣлъ на нее, какъ на неизвѣстное, только что открытое произведеніе венеціанской школы, потомъ закрылъ гла-

за, погрузилъ до половины свое маленькое личико въ огромный, фантастическій галстукъ и прошепталъ:

— *Delicieuse!*

Потомъ онъ высвободилъ подбородокъ изъ галстука и произнесъ вслухъ:

— Вы совершенно правы...

Но логическая Мариня не преминула отвѣтить:

— Если я права, то вы неправы.

— Это дѣло другое. Вы правы потому, что это вамъ къ лицу, а женщина въ это время всегда права.

— Стась! — сказала Мариня и обратилась къ мужу.

Въ эту минуту въ ней было столько прелести, что и онъ смотрѣлъ на нее также съ восторгомъ. Глаза у него смѣялись, ноздри широко раздувались; онъ прикрылъ своею ладонью ея руку и сказалъ:

— Охъ ты, дитя, дитя!

А потомъ, наклонившись къ ней, шепнулъ:

— Еслибъ мы были не въ общей залѣ, то я раздѣловалъ бы тебя въ твои милые глазки и губки.

Поланецкій допустилъ большую ошибку. Въ эту минуту не достаточно было почувствовать только физическую прелесть Марини, возгорѣться страстью при видѣ краски на ея лицѣ, ея глазъ или губъ,—нужно было понять и признать въ ней душу. А какъ далеко онъ не понималъ это, доказывали его снисходительныя слова. Въ эту минуту она была для него прелестнымъ ребенкомъ-женщиной,—больше онъ ни о чемъ и не думалъ.

Подали кофе. Въ концѣ разговора Поланецкій сказалъ:

— Такъ Машко сдѣлался лирикомъ,—это послѣ свадьбы-то!

Буцацкій проглотилъ чашку кипятку и отвѣтилъ:

— Глупость въ томъ, что это Машко, а не то, что послѣ свадьбы... Не много лиризма, въ особенности послѣ свадьбы... Но позвольте! Я чуть-чуть не сказалъ что-то умное... Искренно прошу у васъ извиненія и обѣщаю, что впередъ не буду. Очевидно, я обжогъ себѣ языкъ горячимъ кофе, но я пью его такимъ горячимъ потому, что мнѣ сказали, что это помогаетъ противъ головной боли, а у меня она такъ болитъ, такъ болитъ...

Буцацкій приложилъ руку къ затылку, закрылъ глаза и нѣсколько секундъ оставался безъ движенія. Потомъ онъ сказалъ:

— Болтаешь, болтаешь, а голова болитъ. Я отправился бы мой, но сюда долженъ придти ко мнѣ художникъ Свирскій. Мы нимъ вмѣстѣ ѣдемъ во Флоренцію... Знаменитый акварелистъ,

дѣйствительно знаменитый... Никто не извлекалъ изъ акварели большей силы. Да вотъ и онъ.

Дѣйствительно, Свирскій, точно вызванный заклинаніемъ, появился въ эту минуту въ залѣ ресторана и началъ оглядываться по сторонамъ, разыскивая Букацкаго, наконецъ, онъ нашелъ его и приблизился къ столу.

Это былъ вѣрпкій, приземистый человѣкъ, съ толстымъ затылкомъ, могучею шеей, необыкновенно смуглымъ цвѣтомъ лица и волосами настолько черными, какъ будто былъ итальянцемъ. Лицо у него было самое обыкновенное, но глаза умные, глубокіе, и, притомъ, ласковые. Идя, онъ немного раскачивался изъ стороны въ сторону.

Букацкій слѣдующимъ образомъ представилъ его пани Пола-нецкой:

— Рекомендую вамъ пана Свирскаго, художника, изъ породы геніевъ, который обладаетъ не только талантомъ, но и несчастною идеей не закапывать его въ землю, что онъ могъ бы сдѣлать такъ же хорошо и съ такою же пользою для людей, какъ и всякій другой... Но онъ предпочитаетъ наводнять свѣтъ акварелями и своею славой.

Свирскій, улыбаясь, показалъ два ряда мелкихъ, но здоровыхъ и бѣлыхъ, какъ слоновою костью, зубовъ и сказалъ:

— Хотѣлъ бы я, чтобъ это была правда.

— И я вамъ скажу, почему онъ не закопалъ своего таланта, — продолжалъ Букацкій, — по соображеніямъ такимъ узкимъ, что порядочному артисту стыдно было бы признаться въ чемъ-нибудь подобномъ: онъ любитъ Погненбинъ, гдѣ-то около Познани, — кажется такъ? — а любитъ потому, что родился тамъ. Еслибъ онъ родился въ Гваделупѣ, то любилъ бы Гваделупу и любовь къ Гваделупѣ такъ же спасала бы его въ жизни. Этотъ человѣкъ возмущаетъ меня, и вы должны сказать, не правъ ли я?

Мариня подняла на Свирскаго свои голубые глаза и отвѣтила:

— Панъ Букацкій вовсе не такой дурной человѣкъ, какимъ представляется, потому что сказалъ о васъ самое лучшее, что можно только сказать.

— Я умру забытый всѣми, — шепнулъ Букацкій.

Свирскій смотрѣлъ на Мариню такъ, какъ можетъ позволять себѣ смотрѣть на женщину только одинъ живописецъ, безъ риска оскорбить ее. Видимо, онъ былъ заинтересованъ, и въ концѣ про-бормоталъ:

— Только въ Венеціи можно неожиданно увидать такую голову,—это нѣчто баснословное!

— Что такое?—спросилъ Букацкій.

— Я говорю, что у пани Поланецкой удивительно оригинальный типъ,—вотъ здѣсь, напримѣръ (онъ провелъ себя указательнымъ пальцемъ по носу, губамъ и головѣ). И, притомъ, какая чистота линий!

— А что, не правда? — съ восторгомъ подхватилъ Поланецкій.—Я всегда думалъ то же самое!

— Готовъ побожиться, что ты никогда этого не думалъ,—отвѣтилъ Букацкій.

Но Поланецкій гордился и былъ необыкновенно доволенъ тѣмъ интересомъ, который возбуждала Мариня въ знаменитомъ художникѣ, и сказалъ:

— Если вамъ доставить какое-нибудь удовольствіе написать съ нея портретъ, то мнѣ доставило бы еще большее удовольствіе обладаніе этимъ портретомъ.

— Радъ всею душой,—просто отвѣтилъ Свирскій, — но я сегодня ѣду въ Римъ. Тамъ у меня начать портретъ пани Основской.

— И мы тоже, не дальше какъ черезъ десять дней, будемъ въ Римѣ.

— Тогда я согласенъ.

Мариня выразила свою благодарность и покраснѣла до ушей. Букацкій началъ прощаться и утѣшилъ съ собою Свирскаго. Выйдя изъ гостиницы, онъ сказалъ:

— У насъ еще есть время. Зайдемъ къ Флоріани и выпьемъ по рюмкѣ коньяку.

Букацкій не умѣлъ и не любилъ пить, но съ той поры, какъ началъ прибѣгать къ морфію, пилъ больше, чѣмъ дозволяли ему его силы, потому что кто-то сказалъ ему, что одно нейтрализуется другимъ.

— Что за милая пара эти Поланецкіе! — сказалъ Свирскій.

— Они недавно обвѣнчались.

— Видно, что онъ ее сильно любитъ. Когда я похвалилъ ее, у него даже глаза вспыхнули, онъ весь такъ и поднялся, словно тѣсто на дрожжахъ.

— Она его любитъ во сто разъ больше.

— Откуда ты знаешь толкъ въ такихъ вещахъ?

Букацкій не отвѣтилъ прямо, а только поднялъ кверху свой острый носикъ и заговорилъ, какъ бы съ самимъ собою:

— Мнѣ были противны супружество и любовь потому, что

всегда, съ одной стороны, эта эксплуатація, съ другой—жертва. Напримѣръ, Поланецкій, — онъ добрый человекъ, — и что жь? у нея столько же ума, столько же характера, но потому, что она больше любитъ, жизнь ихъ сложится такъ: онъ будетъ солнцемъ, будетъ снисходительно свѣтить, снисходительно согрѣвать, считать ее своею собственностью, своею маленькою планеткой, которая обязана обращаться вокругъ него. Все это обозначается уже теперь... Она уже вошла въ его сферу. Въ немъ какая-то самоуверенность, которая злитъ меня. Онъ будетъ обладать ею — и рентой, она только имъ, безъ ренты. Онъ будетъ позволять любить себя, считая любовь съ своей стороны своею добродѣтелью, снисходительностью и милостью, она будетъ любить и считать свою любовь счастьемъ и обязанностью... Посмотрите на него, божка лучезарнаго!... Меня разбираетъ охота возвратиться и сказать имъ это, — авось они будутъ менѣ счастливы.

Но они уже были у Флоріани и черезъ минуту имъ подали коньякъ.

Свирскій все думалъ о Поланецкихъ и потому спросилъ:

— Ну, а если ей, все-таки, будетъ хорошо?

— Я знаю, что она близорука, можетъ быть, ей было бы такъ же хорошо носить очки.

— Поди ты къ чорту! Съ такимъ лицомъ — очки...

— Тебя это возмущаетъ, а меня-то...

— Потому что у тебя въ головѣ какая-то кофейная мельница, которая все мелеть и мелеть, пока не превратитъ въ мельчайшую пыль. Чего ты вообще хочешь отъ любви?

— Я? отъ любви? Ничего я не хочу отъ любви! Пускай дьяволъ возьметъ того, кто чего-нибудь хочетъ отъ любви! У меня отъ нея стрѣляетъ въ лопаткахъ. Но еслибъ я былъ не тѣмъ, чѣмъ есть, если бы мнѣ нужно было опредѣлить, чѣмъ должна быть любовь, еслибъ я отъ нея требовалъ чего-нибудь, то хотѣлъ бы...

— Чего?... Гошъ, перепрыгивай!

— Чтوبъ она складывалась въ равной части изъ страсти и уваженія.

Онъ выпилъ рюмку коньяку и черезъ минуту добавилъ:

— Кажется, я сказалъ что-то, что можетъ быть умнымъ, если оно не глупо... Но мнѣ это все равно.

— Нѣтъ, это не глупо.

— Ей-Богу, все равно.

XII.

Послѣ недѣльнаго пребыванія во Флоренціи Поланецкій получилъ отъ Бигеля первое дѣловое письмо съ извѣстіями настолько благопріятными, что они почти превосходили всякія ожиданія. Законъ, воспреещающій вывозъ хлѣба за границу, былъ обнародованъ. Но у торговаго дома Бигель, Поланецкій и Б^о огромные запасы хлѣба были закуплены и вывезены предварительно, а такъ какъ цѣны, въ особенности въ первое время, необычайно поднялись за границей, то торговый домъ получалъ огромную выгоду. Спекуляція, удачная и веденная на большую ногу, оказалась настолько выгодной, что изъ людей зажиточныхъ, какими они были до сихъ поръ, они обращались чуть не въ богатыхъ. Хотя Поланецкій давно былъ увѣренъ въ себѣ и не питалъ никакихъ опасеній, но это извѣстіе обрадовало его какъ съ финансовой стороны, такъ и съ точки зрѣнія самолюбія. Успѣхъ уполяетъ человѣка и усиливаетъ его вѣру въ самого себя. Въ разговорѣ съ женой Поланецкій не совсѣмъ съумѣлъ воздержаться отъ того, чтобы не дать ей понять, какая у него необыкновенная голова,—не то, что у окружающихъ его,—что онъ человѣкъ, который всегда приходитъ туда, куда намѣтилъ,—однимъ словомъ, что-то вродѣ феникса среди общества, избоблюющаго людьми, которые не могутъ устроиться на свѣтѣ, какъ слѣдуетъ. И на всемъ свѣтѣ онъ не могъ найти слушателя лучшаго, болѣе готоваго принять всѣ его слова съ величайшею вѣрой.

— Ты женщина,—говорилъ онъ ей не безъ нѣкотораго отгѣна покровительности,—чтобы мнѣ рассказывать тебѣ все дѣло съ самаго начала и вдаваться въ подробности. Какъ женщицѣ, я лучше всего выясню тебѣ, если скажу такъ: тотъ медальонъ съ черною жемчужиной, который я тебѣ показывалъ у Годони, вчера я не былъ въ состояніи купить, а сегодня могу — и куплю.

Мариня начала благодарить его и просить не дѣлать этого, но онъ обнялъ ее и заявилъ, что его ничто не удержитъ, что это дѣло рѣшенное и что «Марись» должна считать себя обладательницей черной жемчужины, которая будетъ такъ красива на ея бѣлой шейкѣ. И онъ сталъ цѣловать ее въ шейку, а когда насытился, то, чувствуя потребность въ какомъ-нибудь слушателѣ, началъ расхаживать по комнатѣ, улыбаться женѣ, самому себѣ и говорить:

— Я не говорю уже о такихъ, которые ничего не дѣлаютъ: жукацкій, напимѣръ, ни къ чему не пригоденъ... не говорю о разнахъ ослахъ, вродѣ Коповскаго. Возьмемъ людей, которые что-то

дѣлають, у которыхъ какъ будто и умъ есть: ну, Бигель, — вѣдь, онъ никогда бы такого случая на-лету не поймалъ, началъ бы раздумывать, оттягивать, сегодня бы разсчитывалъ, завтра бы опасался, а время-то и прошло бы. Въ чемъ же дѣло-то? Прежде всего, въ томъ, чтобъ имѣть голову, а, во-вторыхъ, чтобы съестъ и сообразить. А коли дѣлать, такъ ужъ дѣлать!... Кромѣ того, нужно обладать трезвымъ умомъ и не позировать. Машко, какъ будто, не дуракъ, а смотри, что натворилъ!... Ужъ я-то не ходилъ и не пойду по его слѣду.

Онъ шагаль изъ угла въ уголъ и потряхивалъ своими черными волосами, а Мариня, которая и такъ бы съ довѣріемъ слушала его слова, теперь принимала ихъ за неоспоримыя аксіомы, тѣмъ болѣе, что они были основаны на неопровержимыхъ фактахъ.

Поланецкій остановился передъ нею.

— Знаешь, что я думаю? Что трезвость мыслей — это умъ. Можно обладать интеллигентною головой, то-есть такою, которая впитываетъ знаніе, какъ губка, и впечатлительною, но при этомъ не имѣть собственнаго трезваго ума. Доказательство—Букацкій. Не считай меня чрезмѣрно самонадѣяннѣмъ, но еслибъ я обладалъ, на примѣръ, такими знаніями въ искусствѣ, то, конечно, судилъ бы о немъ лучше. Онъ столько начитался, столько нахваталъ разныхъ миѣній, что себѣ не составилъ никакого. Право, изъ того матеріала, который онъ нагромоздилъ у себя, что-нибудь я сдумѣлъ бы выжать и своего собственнаго.

— Еще бы!—отвѣтила Мариня.—Непремѣнно сдумѣлъ бы!

Поланецкій до нѣкоторой степени былъ справедливъ. Онъ вовсе не былъ глупымъ человѣкомъ, а, можетъ быть, его умъ былъ болѣе сплоченнымъ и солиднымъ, чѣмъ умъ Букацкаго, но за то и менѣе гибкимъ и менѣе обширнымъ, — вотъ это-то и не пришло ему въ голову. Онъ также не подумалъ и о томъ, что въ эту минуту, подъ вліяніемъ хвастливости, онъ говоритъ Маринѣ то, отъ чего въ присутствіи другихъ, болѣе скептическихъ людей его удержало бы опасеніе показаться смѣшнымъ и подвергнуться критикѣ. Но онъ съ Мариней уже не стѣснялся. Онъ думалъ, что если и можно позволить себѣ немного похвастаться, то, конечно, въ присутствіи жены. Вѣдь, — какъ онъ самъ выражался: «взялъ ее и дѣло кончено», — вѣдь, Мариня принадлежала ему.

Вообще, онъ никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ и такимъ довольнымъ жизнью, какъ теперь. Матеріальный успѣхъ былъ на его сторонѣ и будущность свою онъ считалъ обезпеченной. Онъ взялъ женщину молодую, красивую и умную, для кото-

рой онъ сталъ догматомъ, да иначе и быть не могло, коль скоро ея уста по цѣлымъ днямъ не обсыхали отъ его поцѣлуевъ, а здоровое и чистое сердце было преисполнено признательности за любовь. Чего ему не доставало теперь, чего еще могъ пожелать онъ? Кромѣ того, онъ былъ доволенъ и собою, потому что приписывалъ въ значительной части своему уму и своей тактикѣ то, что съумѣлъ устроить свою жизнь такъ, что она гарантировала ему и дальнѣйшій успѣхъ, и спокойствіе въ будущемъ. Онъ видѣлъ, что другимъ плохо, а ему хорошо, и объяснялъ эту разницу въ свою пользу. Когда-то онъ думалъ, что человѣкъ, желающій быть спокойнымъ, долженъ урегулировать свои отношенія къ самому себѣ, къ людямъ и къ Богу. Первое и второе онъ считалъ урегулированнымъ. У него была жена, работа и будущее; онъ далъ себѣ и укрѣпилъ за собою то, что могъ дать и укрѣпить. Что касается людей, общества, то хотя онъ позволялъ себѣ критиковать его, иногда осмѣивать, но чувствовалъ, что въ глубинѣ души любить его, что даже еслибъ и захотѣлъ не любить, то не можетъ, что если бы ради него нужно было пойти въ огонь или въ воду, то онъ пошелъ бы, — значить, и съ этой стороны все было уяснено. Оставалось отношеніе къ Богу. Поланецкій чувствовалъ, что еслибъ и это отношеніе было яснымъ и опредѣленнымъ, то тогда всѣ задачи жизни были бы разрѣшены, тогда можно было бы сказать себѣ: я знаю, для чего жилъ, чего хотѣлъ и для чего долженъ умереть. Ученымъ онъ не былъ, но настолько сталкивался съ наукой, что зналъ, что объясненій и отвѣта искать нужно не въ такъ называемой философій, а скорѣе въ собственномъ пониманіи вещей и, прежде всего, въ чувствѣ, — это проще и прямѣе, а иначе дойдешь до странностей. Такъ какъ онъ не былъ совершенно лишенъ воображенія, то видѣлъ передъ собою образъ хорошаго и уравновѣшеннаго человѣка, добраго мужа, добраго отца, который работаетъ и молится, въ праздники водить дѣтей въ церковь и живетъ жизнью необыкновенно здоровою съ моральной точки зрѣнія. Картина эта такъ улыбалась ему, а въ жизни столько дѣлается для картинъ! Онъ также думалъ, что общество, которое насчитывало бы побольше такихъ членовъ, было бы болѣе сплоченнымъ и здоровымъ, чѣмъ то, которое складывается изъ темныхъ головъ внизу, изъ софистовъ, диллетантовъ, декадентовъ и всякихъ тому подобныхъ непозволительныхъ фигуръ со свихнувшимся мозгомъ наверху. Когда-то, вскорѣ послѣ знакомства съ Мариней, онъ обѣщался себѣ и Бигелю, что, когда покончить со своею особой и съ людьми, то приступить къ уясненію и этого третьяго отношенія. Теперь время подошло, — по крайней мѣ-

рѣ, подходило. Поланецкій понималъ, что для этого требуется большее спокойствіе, чѣмъ то, какое даетъ свадебная поѣздка, впечатлѣніе новой страны и то шатаніе изъ отеля въ галлерей, а изъ галлерей въ отель, которое отнимало у него все время. Но, несмотря на эти условія, въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ оставался съ своими мыслями, онъ тотчасъ же обращался къ этой, въ настоящее время самой важной для него, задачѣ. Кромѣ того, онъ подчинялся различнымъ влияніямъ, которыя, несмотря на свою незначительность, все-таки, дѣйствовали на него, хотя бы потому, что онъ самъ нарочно не сопротивлялся имъ. Таково было влияніе Марини. Поланецкій не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета и не призналъ бы его существованія, но постоянное общеніе съ этою ясною, чистосердечно и безхитрою вѣрующею душою, твердо сознающею свои обязанности къ Богу, невольно показывали ему, какое спокойствіе и умиротвореніе можно найти въ вѣрѣ. И сколько разъ онъ ни провожалъ жену въ церковь, столько же разъ вспоминалъ то, что она сказала въ Варшавѣ: «А какъ же? Служба Божія!» И онъ втянулся, сначала ходилъ въ церковь для того, чтобы не отпускать жену одну, а потомъ это стало доставлять ему нѣкоторое внутреннее удовлетвореніе, какое, напримѣръ, ученому доставляетъ наблюденіе явленій, которыя особенно интересуютъ его. Такимъ образомъ, несмотря на несоотвѣтственные условія, несмотря на путешествіе и обиліе впечатлѣній, развлекающихъ его умъ, Поланецкій неуклонно шелъ по новой дорогѣ. Въ этомъ направленіи его мысли иногда получали отбѣнокъ особой энергіи и рѣшительности. «Въ концѣ-концовъ, — думалъ онъ, — я чувствую Бога! Я чувствовалъ Его у могилы Литки, чувствовалъ, хотя и не признавалъ, въ словахъ Васковскаго о смерти, чувствовалъ во время вѣнчанія, чувствую Его и у насъ на равнинахъ, и здѣсь въ горахъ надъ снѣгами, и только спрашиваю еще: какъ я долженъ славить Его, чтить и любить? Такъ ли, какъ понравится мнѣ лично, или такъ, какъ это дѣлаетъ моя жена и какъ меня учила моя мать?»

Однако, въ Римѣ онъ сначала пересталъ думать объ этихъ вещахъ. Столько вѣншихъ впечатлѣній громоздилось теперь въ его умъ, что ни для какой рефлексіи не было мѣста. Кромѣ того, они съ Мариней возвращались вечеромъ такими измученными, что почти со страхомъ припоминали слова Букацкаго, который служилъ имъ добровольнымъ чичероне и постоянно повторялъ: «Вы не видали тысячной части того, что стоить видѣть, но это все равно, — вообще сюда не стоить пріѣзжать, точно также какъ не стоить сидѣть дома».

Букацкій теперь былъ въ такомъ настроеніи духа, что каждымъ своимъ новымъ словомъ противорѣчилъ тому, что высказалъ за минуту раньше.

Васковскій тоже пріѣхалъ повидаться съ ними изъ Перуджи. Мариню это такъ обрадовало, что она приняла его какъ близкаго родственника, и только успокоившись, замѣтила въ глазахъ профессора какъ будто отгѣнокъ грусти.

— Что съ вами?—спросила она,—вамъ не хорошо живется въ Италіи?

— Дитя мое,—отвѣтилъ профессоръ,—и въ Перуджѣ хорошо, и въ Римѣ хорошо... Ахъ, какъ хорошо! Знайте, что здѣсь, хотя по улицамъ, вы попираете пыль міра... Это, какъ я всегда повторяю, предверіе новой жизни, только...

— Только что?

— Только люди... видите, это не отъ злого сердца, потому что и здѣсь, какъ вездѣ, больше добрыхъ, чѣмъ злыхъ; но по временамъ мнѣ становится грустно, что и здѣсь, какъ и у насъ, меня считаютъ немного за сумасшедшаго.

Букацкій, который слышалъ этотъ разговоръ, сказалъ:

— Тогда вамъ нѣтъ повода здѣсь печалиться больше, чѣмъ у насъ.

— Да,—отвѣчалъ Васковскій,—только тамъ у меня близкіе, какъ вы, которые любятъ меня, а здѣсь нѣтъ ихъ... И я тоскую.

Потомъ онъ обратился къ Поланецкому:

— Здѣшнія газеты помѣщаютъ замѣтки по моему дѣлу. Нѣкоторыя совсѣмъ издѣваются,—Богъ съ ними! Нѣкоторыя соглашаются, что новая эпоха должна, дѣйствительно, начаться введеніемъ Христа и Его духа въ исторію. Одна газета согласилась, что отдѣльные люди живутъ между собою по-христіански, но народы—еще по-язычески,—назвала даже это замѣчаніе великимъ, но и она, и всѣ другія газеты, когда я перехожу къ тому, что эту миссію Богъ предназначилъ намъ и другимъ юнѣйшимъ арійцамъ, покатываются отъ смѣха... А мнѣ это больно... Онѣ даютъ понять, что у меня здѣсь немного не въ порядкѣ...

И бѣдный Васковскій постукалъ себя пальцемъ по лбу.

Но черезъ минуту онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Человѣкъ бросаетъ зерно со скорбью и иногда съ сомнѣніемъ, но зерно падаетъ на ниву и, дастъ Богъ, взойдетъ.

Потомъ онъ сталъ спрашивать о пани Эмилиіи, а потомъ посмотрѣлъ на новобрачныхъ своими, точно только что проснувшись глазами и задалъ наивный вопросъ:

— А вамъ хорошо другъ съ другомъ?

Мариня, вмѣсто отвѣта, подбѣжала къ мужу, прижалась къ его плечу и сказала:

— Вотъ видите, профессоры!... Вотъ какъ намъ съ нимъ, вотъ какъ!...

Поланецкій началъ гладить ея темноволосую головку.

XIII.

Черезъ недѣлю Поланецкій повезъ жену на Via Margutti къ Свирскому, съ которымъ видался чуть не каждый день, съ которымъ сжился, подружился и который долженъ былъ начать портретъ Марини. Поланецкіе застали тамъ пана и пани Основскихъ и познакомились съ ними, тѣмъ легче, что барыни нѣсколько лѣтъ тому назадъ были вмѣстѣ на какомъ-то вечерѣ, а Поланецкій даже былъ когда-то представленъ пани Основской въ Остенде. Правда, Поланецкій не помнилъ, — въ эпоху, когда, при видѣ каждой молодой и красивой женщины, онъ спрашивалъ себя: «не эта ли?» — задавалъ ли онъ себѣ такой вопросъ и по отношенію къ теперешней пани Основской? Во всякомъ случаѣ, это могло быть, потому что она повсюду пользовалась репутаціей красивой, хотя нѣсколько изломавшейся, дѣвушки. Теперь это была женщина двадцати шести или двадцати восьми лѣтъ, очень высокая, со свѣжимъ, хотя смуглымъ цвѣтомъ лица, съ вишневыми губами, съ причудливыми завитками волосъ на лбу и немного раскосыми, фіалковыми глазами, которые дѣлали ее похожею на китаянку, а вмѣстѣ придавали ея лицу выраженіе остроумія и злости. У нея была странная привычка закидывать руки назадъ и выставлять впередъ грудь, вслѣдствіе чего Букацкій говорилъ, что она носитъ бюстъ «en offrande». Почти въ одну минуту она сообщила Маринѣ, что такъ какъ они позируютъ въ одной мастерской, то должны считать себя за товарокъ; Поланецкому — что помнить его въ Остенде какъ хорошаго танцора и хорошаго «causeur'a» и что не преминетъ и теперь воспользоваться этимъ; обоимъ Поланецкимъ — что ей очень пріятно, что она упивается Римомъ, читаетъ *Космополисъ*, что влюблена въ виллу Доріа, въ видѣ съ Пинчіо, что надѣется увидеть катакомбы и что знаетъ сочиненія Росси въ переводѣ Аларда. Потомъ она пожала руку Свирскому, кокетливо улыбнулась Поланецкому и вышла съ заявленіемъ, что уступаетъ мѣсто болѣе достойной, оставивъ впечатлѣніе безпорядка, китаянки и цвѣтовъ. Панъ Основскій, человекъ очень молодой, свѣтлый блондинъ, съ безцвѣтнымъ, хотя и добрымъ лицомъ, вышелъ за женою, почти не вымолвивъ ни слова.

Свирскій глубоко вздохнулъ.

— Вотъ такъ буря! — сказалъ онъ. — Мнѣ необыкновенно трудно удержать ее хоть двѣ минуты въ покоѣ.

— А какое интересное лицо! — сказала Мариня. — Можно мнѣ посмотрѣть ея портретъ?

— Онъ почти готовъ, можно, — отвѣтилъ Свирскій.

Мариня съ Поланецкимъ приблизились къ бумагѣ и могли, безъ всякаго принужденія, выразить свое удивленіе Свирскому. Эта голова, рисованная акварелью, обладала силою и тепломъ масляныхъ красокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней отражалось все духовное существо пани Основской. Свирскій спокойно выслушивалъ похвалы и было видно, что онъ и самъ доволенъ своею работой. Онъ закрылъ портретъ, отнесъ его въ темный уголъ мастерской, затѣмъ усадилъ Мариню и началъ всматриваться въ нее.

Мариню до нѣкоторой степени смущалъ этотъ упорный взглядъ и щеки ея начали покрываться румянцемъ, но Свирскій довольно улыбнулся и пробормоталъ:

— Да, это другой типъ... земля и небо!

По временамъ онъ прищуривалъ одинъ глазъ, что смущало Мариню еще больше, по временамъ то приближался къ бумагѣ, то снова отступалъ отъ нея и снова говорилъ, какъ бы самъ съ собою:

— Тамъ нужно было уловить чорта, а здѣсь женственность.

На это Поланецкій отвѣтилъ:

— Если вы сразу замѣтили это, то я увѣренъ, что портретъ будетъ *chef-d'œuvre* искусства.

Свирскій вдругъ пересталъ смотрѣть на бумагу и на Мариню, обернулся къ Поланецкому и весело улыбнулся, показывая свои здоровые зубы.

— Именно, женственность, и типичную женственность, — это главный характеръ лица вашей жены.

— Вы и его уловите, какъ въ томъ портретѣ уловили чорта.

— Стась! — сказала Мариня.

— Это не я выдумалъ, — это панъ Свирскій.

— Если вы предпочитаете, то скажемъ чертенокъ, не чортъ... И хорошенькій чертенокъ, но опасный. Я, когда рисую, то наблюдаю разныя вещи. Любопытный это типъ — пани Основская.

— Почему именно?

— Вы замѣтили ея мужа?

— Я была такъ занята ею, что у меня не было времени.

— Вотъ, видите ли, она его такъ заслоняетъ, что его почти не видно, а хуже всего то, что и она его не видитъ, тогда какъ онъ

чудеснѣйшій малый, превосходно воспитанный, поразительно деликатный, очень богатый и вовсе не глухой, а въ добавокъ любить ее до безумія.

Свирскій началъ рисовать и разсѣянно повторилъ:

— Лю-бить ее безум-но... Пожалуйста, поправьте волосы около уха... Если вашъ мужъ любить говорить, то онъ будетъ въ отчаяніи,—Бугацкій утверждаетъ, что какъ я возьмусь за работу, то у меня ротъ не закрывается и я никому не дамъ сказать слова... Она, видите ли, можетъ быть, до сихъ поръ чиста, какъ слеза, но она кокетка... Холодное сердце и горячая голова... Опасный видъ! О, опасный! Цѣлыми дюжинами пожираетъ книжки,— конечно, французскія... Учится по нимъ психологию, черпаетъ свѣдѣнія о женскихъ темпераментахъ, о женской загадочности, ищетъ сама въ себѣ загадокъ, которыхъ въ ней нѣтъ, находитъ стремленія, о которыхъ еще вчера ничего не знала, умственно развращается и эту развращенность считаетъ за умъ, а мужа — за ничто.

— Какой вы страшный человѣкъ,— замѣтила Мариня.

— Панъ Свирскій, панъ Свирскій,— сказалъ Поланецкій,— завтра моя жена спрячется со страха, когда подойдетъ время сеанса.

— Пусть не прячется. Это иной типъ. Основскій вовсе не глупъ, но люди, а въ особенности,— прошу извиненія,— женщины, такъ не умны, что если чей-нибудь умъ не бьетъ никого по головѣ, если онъ страдаетъ неувѣренностью въ себѣ, если не царапается, какъ кошка, и не рѣжетъ, какъ ножъ, его обыкновенно не цѣнятъ. Ей-Богу, я это сто разъ въ жизни видѣлъ!...

Онъ снова прищурилъ одинъ глазъ, посмотрѣлъ на Мариню и продолжалъ:

— Вообще, какъ глупо человѣческое общество! Не разъ задавалъ я себѣ вопросъ, почему прямота характера, сердце и такая вещь, какъ доброта, оцѣниваются меньше, чѣмъ такъ называемый умъ? Почему въ общественной жизни существуютъ только двѣ этикетки: умный или глухой, а нѣтъ обычая говорить, напримѣръ: добродѣтельный и недобродѣтельный?—до такой степени нѣтъ обычая, что самыя эти выраженія показались бы смѣшными.

— Потому что,— замѣтилъ Поланецкій,— умъ, это фонарь, которымъ и добродѣтель, и доброта, и сердце должны освѣщать себѣ дорогу,— иначе они могутъ расквасить себѣ носы и, что еще хуже, расквасить носы другимъ.

Мариня не сказала ни слова, но на лицѣ ея можно было прочитать:

«Какой Стахъ умный, просто страхъ!»

А «умный Стахъ» добавилъ:

— Впрочемъ, я не говорю объ Основскомъ, — я его не знаю.

— Основскій, — отвѣтилъ Свирскій, — любить жену, какъ свою жену, какъ своего ребенка и какъ свое счастье, а у нея голова загромождена Богъ вѣсть чѣмъ и она не отвѣчаетъ ему взаимностью. Меня, какъ человѣка неженатаго, необыкновенно интересуютъ женщины, и вотъ мы говоримъ по цѣлымъ днямъ о нихъ, — или, вѣрнѣе, говорили, — съ Буцацкимъ, пока и его онѣ интересовали больше, чѣмъ теперь. Буцацкій дѣлитъ женщинъ на духовныхъ плебеекъ, подъ которыми подразумѣваетъ ничтожныя и плоскія души, и на духовныхъ патриціанокъ, то-есть натуры облагороженныя, полныя высшихъ стремленій и основывающіяся на извѣстныхъ принципахъ, а не на фраззахъ. Въ этомъ есть доля справедливости, но я предпочитаю мою классификацію, она проще: благодарныя сердца и неблагодарныя.

Онъ на минуту отошелъ отъ своего эскиза, взялъ маленькое зеркальце, навелъ его на эскизъ и сталъ смотрѣть на отраженіе.

— Вы спрашиваете меня, что я подразумѣваю подъ благодарнымъ и неблагодарнымъ сердцемъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ Маринѣ, хотя та ни о чемъ его не спрашивала. — Видите ли, благодарное сердце — это такое, которое чувствуетъ, когда его любятъ, растрогивается этою любовью и за любовь любить все больше, все больше отдается ей, и цѣнить ее, и чтить. Неблагодарное — только эксплуатируетъ любовь, и чѣмъ оно больше увѣрено, тѣмъ меньше обращаетъ на нее вниманія, начинаетъ относиться къ ней болѣе легкомысленно, топтать ее... Женщину съ неблагодарнымъ сердцемъ достаточно полюбить, чтобъ она перестала любить. Рыбакъ не заботится о рыбѣ въ неводѣ, вотъ и пани Основская не заботится о панѣ Основскомъ. Въ сущности, это самая грубѣйшая форма эгоизма, какая только существуетъ. Поэтому да сохранить Богъ пана Основскаго, а ей чтобъ провалиться съ ея китайскими глазами цвѣта фіалки и съ подвитою чолкой! Рисовать такую хорошо, но жениться на ней — покорнѣйше благодарю! Повѣрите ли вы мнѣ, я такъ боюсь неблагодарнаго сердца, что поэтому до сихъ поръ не женился, хотя мнѣ уже стукнуло сорокъ.

— Но, вѣдь, это такъ легко узнать, — сказала Мариня.

— Поди-ка, узнай тамъ, въ особенности, когда потеряешь смыслъ и разумъ! — сказалъ Свирскій.

И, перегнувъ свой атлетическій корпусъ, онъ еще разъ посмотрѣлъ на эскизъ.

— Ну, на сегодня довольно! Я наболталъ столько, что, должно

быть, всё мухи попадали со стѣнъ. Завтра, если вамъ это надоѣсть, хлопните только въ ладоши... Вотъ съ пани Основской я столько не болтаю, потому что и она любитъ болтать... А сколько названій книжекъ я узналъ! Ну, да не стѣить... Что-то я хотѣлъ сказать и забылъ... Ахъ, да,—что у васъ благодарное сердце.

Поланецкій разсмѣялся и пригласилъ Свирскаго обѣдать въ компаніи съ Букацкимъ и Васковскимъ.

— Съ великою радостью,— отвѣтилъ Свирскій,—я одинокъ, какъ кабанъ. А такъ какъ погода хорошая и полнолуніе, то послѣ обѣда мы пойдемъ осматривать Колизей при лунѣ.

Обѣдъ прошелъ безъ софизмовъ Букацкаго,—онъ былъ нездоровъ и написалъ, что не придетъ. За то Свирскій и Васковскій пришли другъ другу по душѣ и подружились сразу. Свирскій только во время своей работы никому не давалъ сказать слова, а вообще любилъ и умѣлъ слушать, и хотя профессоръ со своими воззрѣніями казался ему иногда комичнымъ, но отъ старичка вѣяло такою искренностью и добротой, что трудно было не поддаться ему. Художника поразили и его мистическое лицо, и выраженіе глазъ. Мысленно онъ составлялъ его эскизъ и, слушая объ арійцахъ, думалъ, какъ бы смотрѣла эта голова, еслибъ хорошенько схватить все, что въ ней заключалось.

Въ концѣ обѣда профессоръ сталъ разспрашивать Мариню, не хочетъ ли она видѣть папу, и сообщилъ, что черезъ три дня придутъ бельгійскіе пилигримы, къ которымъ можно присоединиться. Свирскій, который зналъ весь Римъ и всѣхъ монсиньоровъ, ручался, что устроить это безъ труда. Профессоръ услышалъ это, посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Такъ вы почти римлянинъ?

— Да, вотъ уже шестнадцать лѣтъ.

— Скажите, пожалуйста!...

Васковскій смѣшался немного, не будетъ ли это нескромностью, но ему хотѣлось знать, что думать о такомъ симпатичномъ человѣкѣ; онъ превозмогъ робость и спросилъ:

— А... изъ Квиринала или изъ Ватикана?

— Изъ Погненбина,— отвѣтилъ Свирскій и слегка наморщилъ брови.

Обѣдъ кончился, а вмѣстѣ съ нимъ кончились всѣ объясненія и разговоры. Мариня еле сидѣла на мѣстѣ отъ мысли, что увидитъ при лунномъ освѣщеніи Капитолій, Форумъ и Колизей. Спустя часъ все общество поѣхало по освѣщенному электричествомъ Корсо къ развалинамъ.

Ночь была тихая и теплая; около Форума и Колизея царилъ пустота, какая, впрочемъ, бываетъ и днемъ. Вблизи церкви Санта Марія Либератриче кто-то игралъ на флейтѣ, черезъ открытое окно можно было слышать каждую ноту. На переднюю часть Форума падала глубокая тѣнь отъ холма и зданій Капитолія, но дальнѣйшіе планы были залиты яркимъ зеленоватымъ свѣтомъ, точно такъ же, какъ и Капитолій, который издали казался точно серебрянымъ. Когда экипажъ остановился у аркады гигантскаго цирка, Поланецкіе, Свирскій и Васковскій вошли внутрь и направились къ средней аренѣ, минуя нагроможденные всюду обломки колоннъ, фризовъ, кучи кирпича, каменье въ и стоящіе тамъ и здѣсь низкіе цоколи. Подъ впечатлѣніемъ молчанія и пустоты слова не шли имъ на языкъ. Черезъ своды аркадъ внутрь врывались снопы луннаго свѣта и, казалось, тихо засыпали на поверхности арены, на противуположныхъ стѣнахъ, въ щеляхъ и трещинахъ, въ нишахъ, на посеребренномъ мху и плющѣ, тамъ и здѣсь покрывающихъ развалины. Иныя части зданія, погруженные въ непроницаемый мракъ, производили впечатлѣніе какихъ-то черныхъ и таинственныхъ пастей. Изъ низко лежащихъ фуникуль доходило влажное дыханіе запустѣнія. Дѣйствительность таяла среди этого лабиринта и этой путаницы стѣнъ, аркадъ, свѣтлыхъ пятенъ, свѣтлыхъ полосъ и глубокихъ тѣней. Гигантская руина, казалось, утрачивала свою реальность и становилась соннымъ видѣніемъ или, вѣрнѣе, какимъ-то страннымъ впечатлѣніемъ, складывающимся изъ тишины ночи, луннаго свѣта, изъ грусти и воспоминаній великаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнаго страданій и крови прошедшаго.

Свирскій первый заговорилъ пониженнымъ голосомъ:

— Сколько здѣсь скорби, сколько слезъ, какая неизмѣримая трагедія!... Пусть говорятъ себѣ, что угодно, въ христіанствѣ таилось что-то сверхчеловѣческое, — этого нельзя оспаривать.

Онъ обратился къ Маринѣ и продолжалъ шептать:

— Представьте себѣ то могущество: весь міръ, милліоны людей, желѣзный законъ, силу, равной которой ни до того, ни послѣ того никто не видалъ, организацію, какой не было нигдѣ, величіе, славу, сотни легионовъ, гигантскій городъ, владѣющій всѣмъ свѣтомъ, а вонъ тамъ Палатинъ, владѣющій городомъ. Казалось бы, никакая человѣческая мощь не разрушитъ этого, а приходятъ два еврея, Петръ и Павелъ, — не съ оружіемъ, а со словомъ, — и смотрите: здѣсь руина, на Палатинѣ руина, на Форумѣ руина, а надъ городомъ кресты, кресты, кресты и кресты...

Снова настала тишина, только со стороны Санта Марія Либратриче доносился звукъ флейты.

Черезъ минуту Васковскій указалъ на арену и сказалъ:

— И здѣсь былъ крестъ, да они его сняли...

Поланецкій раздумывалъ о словахъ Свирскаго. Они имѣли для него болѣе жизненное значеніе, чѣмъ могли бы имѣть для человѣка, который уже покончилъ съ собою духовную борьбу. Слѣдуя за теченіемъ своихъ мыслей, онъ сказалъ:

— Да, въ этомъ кроется что-то сверхчеловѣческое. Какая-то правда свѣтитъ здѣсь прямо въ глаза, какъ вонъ тотъ мѣсяцъ.

Они медленно направлялись уже къ выходу, когда на улицѣ загремѣли колеса экипажа, потомъ въ темной нишѣ, ведущей къ центру цирка, послышались чьи-то шаги и какія-то двѣ высокія фигуры появились изъ тѣни на свѣтъ.

Одна изъ нихъ, въ сѣромъ платьѣ, которое при лунномъ свѣтѣ отливало сталью, подошла къ Поланецкимъ и вдругъ проговорила:

— Добрый вечеръ! Ночь такая чудесная, что и мы собрались въ Колизей. Какая ночь!

Поланецкій узналъ голосъ пани Основской.

Она, подавая ему руку, заговорила такимъ мягкимъ голосомъ, какъ голосъ флейты, который все еще доходилъ сюда:

— Я начинаю вѣрить въ предчувствія. Мнѣ что-то говорило, что я найду здѣсь знакомыхъ. Какая чудесная ночь!...

XIV.

Возвратившись въ отель, Поланецкіе съ нѣкоторымъ удивленіемъ нашли визитныя карточки Основскихъ, тогда какъ молодымъ супругамъ первымъ надлежало сдѣлать визитъ. На любезность, да еще такую исключительную, нужно было отвѣтить равною любезностью, и Поланецкіе поспѣшили отдать визитъ на слѣдующій день. Букацкій, хотя страшно больной, еле волочацій ноги, все-таки, съострилъ и сказалъ Поланецкому, когда они остались наединѣ:

— Она будетъ кокетничать съ тобой, но если ты предполагаешь, что она влюбится въ тебя, то ошибаешься. До нѣкоторой степени въ ней есть сходство съ бритвой, — ей нуженъ ремень для нащипыванія, и въ самомъ лучшемъ случаѣ ты будешь для нея такимъ ремешкомъ.

— Во-первыхъ, я не хочу быть ея ремешкомъ, — отвѣтилъ Поланецкій, — во-вторыхъ, это еще черезъ чуръ рано.

— Рано? Это значить, что ты обезпечиваешь себѣ будущее?

— Нѣтъ, это значить, что я думаю совсѣмъ о другомъ, а, во-вторыхъ, все больше и больше люблю свою Мариню, такъ что когда кончится «рано», будетъ «поздно», и что пани Основская могла бы скорѣе защербиться на мнѣ, чѣмъ наостриться.

И Поланецкій, говоря это, былъ искренень: его мысли дѣйстви-тельно были заняты другимъ, онъ былъ черезъ-чуръ честень, что-бы когда-нибудь измѣнить женѣ, и, во всякомъ случаѣ, для этого еще было рано. Онъ былъ такъ увѣренъ въ себѣ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ нѣкоторое желаніе подвергнуться испытанію. Иначе говоря, онъ былъ бы доволенъ, если бы пани Основская за-щербилась на немъ.

Послѣ завтрака онъ отправился съ Мариной къ Свирскому на сеансъ, который, однако, длился не долго, потому что артистъ былъ судьей въ какомъ-то артистическомъ конкурсѣ и спѣшилъ на за-сѣданіе.

Они возвратились домой, а черезъ четверть часа къ нимъ при-шелъ панъ Основскій.

Поланецкій, послѣ разговора со Свирскимъ, питалъ къ пану Основскому нѣкоторое сожалѣніе, не лишенное, впрочемъ, отъѣнга пренебреженія, за то Мариня чувствовала къ нему живѣйшую сим-патію. Ее тронуло то, что она слышала о его добротѣ, деликатно-сти и привязанности къ женѣ. Теперь ей казалось, что всѣ эти осо-бенности точно выписаны на его лицѣ, вовсе не некрасивомъ, хотя и усѣянномъ прыщами.

Послѣ первыхъ привѣтствій панъ Основскій заговорилъ со сво-бодой человѣка, привыкшаго къ хорошему обществу:

— Я прихожу сюда по порученію жены съ однимъ предложе-ніемъ. Слава Богу, что визитныя церемоніи между нами окончены, хотя за границей съ ними можно и не такъ строго считаться. Дѣло вотъ какое: мы хотимъ сегодня ѣхать къ св. Павлу, а потомъ на Тре Fontane. Это уже за городомъ; очень интересный монастырь, чудесный видъ. Намъ было бы очень пріятно, еслибъ вы согласи-лись совершить вмѣстѣ съ нами эту прогулку.

Мариня всегда была готова на всѣ прогулки, въ особенности въ пріятномъ обществѣ, и теперь смотрѣла на мужа, ожидая, что онъ скажетъ. Поланецкій замѣтилъ, что Маринѣ хочется ѣхать, да, кромѣ того, онъ подумалъ: «Хочешь немного пощербиться, ну, что-жь, пощербись!»

И онъ отвѣтилъ:

— Я согласился бы съ большимъ удовольствіемъ, но это зави-ситъ отъ моей высшей власти.

Высшая власть еще не была увѣрена, говорить ли покорный подданный искренно, или нѣтъ, но, видя улыбку на его губахъ, наконецъ, изрекла приговоръ:

— Я очень благодарна, только боюсь, не надѣлаемъ ли мы вамъ хлопотъ.

— Ничего, кромѣ удовольствія, — отвѣтилъ Основскій. — Въ такомъ случаѣ, отлично. Черезъ четверть часа мы будемъ здѣсь.

И дѣйствительно, черезъ четверть часа они поѣхали. Китайскіе глазки пани Основской были ясны и выражали удовольствіе. Въ фуляровомъ платьѣ цвѣта ириса и въ шляпкѣ, которая могла бы считаться восьмымъ чудомъ свѣта, она казалась настоящею русалкой. И, прежде чѣмъ доѣхали до св. Павла, Поланецкій самъ не зналъ, какимъ способомъ пани Основская, которая ничего не говорила объ этомъ предметѣ, сумѣла ему какъ-то сказать или, по крайней мѣрѣ, дать понять болѣе или менѣе вотъ что:

«Твоя жена такъ себѣ, милая деревенская бабенка, а о моемъ мужѣ нечего и говорить. Понимать и дѣлиться впечатлѣніями можемъ только мы двое».

Онъ рѣшилъ подразнить ее.

Когда доѣхали до св. Павла, котораго, между прочимъ, пани Основская называла не иначе, какъ «San Paolo fuori le mura», ея мужъ хотѣлъ остановить экипажъ, но она сказала:

— Мы остановимся здѣсь на обратномъ пути, — тогда мы будемъ видѣть, сколько времени намъ останется, — а теперь поѣдемъ прямо къ тремъ фонтанамъ.

И она обратилась къ Поланецкому:

— Здѣсь, на этомъ славномъ дворѣ, много вещей, о которыхъ я хотѣла бы спросить васъ.

— Вы сдѣлали плохой выборъ, — сказалъ Поланецкій, — потому что въ этихъ вещахъ я рѣшительно ничего не понимаю.

Оказалось вскорѣ, при проѣздѣ мимо разныхъ достопамятныхъ мѣстъ, что изо всего общества панъ Основскій обладаетъ большими знаніями въ археологіи. Бѣдняга съ утра до вечера изучалъ различные путеводители для того, чтобы самому быть проводникомъ жены и, кромѣ того, привлечь ее къ себѣ своими знаніями. Но она пренебрежительно относилась къ объясненіямъ, какія онъ давалъ, собственно потому, что они исходили отъ него. Ей больше понравилась та дерзкая самоувѣренность, съ какою Поланецкій признался, что не имѣетъ никакого понятія объ археологіи.

За св. Павломъ открылся видъ на Кампанью, съ ея аквадуками, которые, казалось торопливо стремятся въ городъ и на Альбан-

скія горы, закутанныя синевагою мглой дали, спокойныя и свѣтлыя. Пани Основская смотрѣла на нихъ мечтательнымъ взоромъ.

— Вы были въ Альбано и въ Неми? — наконецъ, спросила она.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Поланецкій, — сеансы у Свирскаго перерѣзываютъ нашъ день такъ, что мы не можемъ дѣлать большихъ прогулокъ раньше окончанія портрета.

— Мы были уже, но когда вы соберетесь туда, возьмите меня еще разъ съ собою, — возьмите меня съ собою... Хорошо? Вы позволите? — она обратилась къ Маринѣ. — Я буду тихонько сидѣть въ уголку экипажа, ни слова не скажу, ни гу-гу. Хорошо?

— Ахъ, ты, дитя, дитя! — сказалъ панъ Основскій.

А она продолжала:

— Мужъ мой не хочетъ вѣрить, что я влюбилась въ Неми. А я влюбилась. Когда я была тамъ, мнѣ все казалось, что христіанство еще не дошло туда, что по ночамъ выходятъ какіе-то жрецы и совершаютъ надъ озеромъ языческіе обряды. Я скажу кратко: тишина и таинственность — вотъ что Неми. Повѣрите ли вы, что когда я была тамъ, то у меня явилось желаніе сдѣлаться отшельницей, — это желаніе и теперь не прошло. Построила бы я себѣ келью надъ берегомъ озера и ходила бы въ длинномъ сѣромъ платьѣ, похожемъ на одежду св. Франциска Ассизскаго, и босикомъ. Чего бы я ни дала, чтобы сдѣлаться отшельницей... Я вижу себя надъ озеромъ...

— Анета, а со мной что бы стало? — полушутя, полусерьезно спросилъ панъ Основскій.

— Ты бы утѣшился, — коротко отвѣтила она.

А Поланецкій подумалъ:

«Ты стала бы пустыницей подъ условіемъ, чтобы на другомъ берегу озера стояли двѣ дюжины франтовъ и смотрѣли бы въ бинокль, что дѣлаетъ отшельница и какова она изъ себя».

Онъ былъ настолько благосопитанъ, чтобы не сказать ей прямо то, что думалъ, но сказалъ что-то подобное. Пани Основская засмѣялась и отвѣтила:

— Конечно. Я жила бы милостыней, значить, должна была бы иногда видѣть людей. Если бы вы когда-нибудь пріѣхали въ Неми, я также пришла бы къ вамъ и повторяла потихоньку: «un soldo! un soldo!»

Она протянула къ нему свои маленькія руки и умоляющимъ голосомъ заговорила:

— Un soldo per la povera! un soldo!...

Панъ Основскій тѣмъ временемъ объяснялъ Маринѣ:

— Это называется Tre Fontane, потому что тамъ три источника. Тамъ былъ обезглавленъ св. Павелъ и существуетъ преданіе, что голова его три раза подпрыгнула, и на этихъ мѣстахъ появились источники. Теперь это принадлежитъ трапистамъ. Прежде тамъ нельзя было ночевать, — свирѣпствовали лихорадки, — но теперь лихорадки уменьшились, потому что на холмахъ разведенъ цѣлый лѣсъ эукалиптовъ. О, отсюда уже видно!

Пани Основская немного откинулась назадъ, закрыла глаза и говорила Поланецкому:

— Меня уполяетъ римскій воздухъ. Я сама не своя. Дома я не требую отъ жизни больше того, что она мнѣ даетъ, а здѣсь я деморализируюсь, — чувствую, что мнѣ чего-то недостаетъ. Почему я знаю, чего? Здѣсь что-то предчувствуется, что-то отгадывается, о чемъ-то грустится... Можетъ быть, это дурно, можетъ быть, объ этомъ нельзя говорить, но я всегда говорю то, что мнѣ придетъ въ голову. Въ нашей семьѣ, когда я была маленькой, меня называли прямодушной. Я попрошу мужа, чтобъ онъ увезъ меня отсюда. Можетъ быть, лучше жить въ своей тѣсной скорлупѣ, какъ черепаха или улитка.

Поланецкій важно отвѣтилъ на это:

— Въ скорлупѣ хорошо можетъ быть только улиткамъ или черепахамъ, но не птицамъ, да еще райскимъ, о которыхъ существуетъ преданіе, что у нихъ нѣтъ ногъ, и потому онѣ никогда не могутъ отдохнуть и должны все летать и летать.

— Какое прелестное преданіе! — отвѣтила пани Основская.

Она подняла руки, взмахнула ими, какъ птица крыльями, и повторила:

— Все летать въ воздухѣ, въ воздухѣ!

Сравненіе это льстило ей, и, кромѣ того, ее удивило то, что хотя Поланецкій говорилъ серьезно, выраженіе его лица было небрежное и какъ будто проницательное. Она начала ее интересоваться; онъ показался ей болѣе умнымъ и не такъ легко побѣдимымъ, чѣмъ она предполагала.

Тѣмъ временемъ они доѣхали до Трехъ Фонтановъ, осмотрѣли садъ, церковь и часовню, въ которой были три источника. Панъ Основскій своимъ добрымъ, однообразнымъ голосомъ рассказывалъ то, что вычиталъ для этого случая. Мариня внимательно слушала его, а Поланецкій подумалъ:

«Однако, жить съ нимъ триста шестьдесятъ пять дней въ году должно быть немного тяжело!

Это до нѣкоторой степени оправдывало въ его глазахъ пани Основскую, которая, принявши на себя новую роль райской птицы, ни на минуту не хотѣла отдохнуть не только на землѣ, но и ни на какомъ предметѣ. Прежде всего, она выпила эукалиптивого ликеру, который монастырь вырабатываетъ, какъ средство противъ лихорадки, потомъ рѣшительно заявила, что еслибъ была мужчиной, то сдѣлалась бы трапистомъ, потомъ вспомнила, что и жизнь моряка ей кажется привлекательной: «все время между небомъ и моремъ—безконечность при жизни»; наконецъ надо всѣми другими ея желаніями взяло верхъ желаніе быть великимъ, очень великимъ писателемъ, который изображаетъ наимагійшія движенія души, полусознательныя чувства, необъяснимыя стремленія, всѣ формы, всѣ цвѣта, всѣ тѣни.

Поланецкіе въ первый разъ узнали (подъ секретомъ), что она пишетъ дневникъ, который «этотъ добрый Юзя» считаетъ за *chef d'oeuvre*, но она знаетъ, что это пустяки, не питаетъ ни малѣйшихъ претензій и смѣется надъ Юзей и надъ дневникомъ.

«Юзя» смотрѣлъ на нее влюбленными глазами и протестовалъ:

— А что касается дневника, то извините, извините пожалуйста!

Назадъ они поѣхали уже вечеромъ. Отъ деревьевъ ложились длинныя тѣни, солнце обратилось въ огромный красный дискъ. Далекіе аквадуки и албанскія горы отсвѣчивали розовымъ свѣтомъ. Вдругъ съ колокольни св. Павла зазвонили къ *Angelus*; вслѣдъ за этимъ колоколомъ отозвался другой, третій, десятый. Одна церковь подавала голосъ другой; образовался хоръ такой огромный, воздухъ такъ наполнялся звуками, что какъ будто бы къ *Angelus* звонилъ не только городъ, но и вся окрестность, равнины и горы.

Поланецкій посмотрѣлъ на освѣщенное золотымъ блескомъ лицо Марини. Оно было необыкновенно спокойно и сосредоточенно. Было отлично видно, что она теперь читала *Angelus*, какъ читала его въ Кшеменѣ, когда туда доносился благовѣсть съ Вонторской колокольни. Всегда и всюду одинаково. Поланецкому снова припомнилось: «служба Божія»... Это ему показалось такъ просто и умиротворяюще, какъ никогда, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь, приближаясь къ городу, онъ понялъ твердость, жизненность и громадность этихъ вѣрованій. «Все это, — подумалъ онъ, — существуетъ тысячи лѣтъ, и самое бесспорное значеніе этого города кроется ни въ чемъ иномъ, какъ только въ этихъ колокольняхъ, колоколахъ, въ этой устойчивости креста, который существуетъ и существуетъ». Тутъ снова ему припомнились слова Свирсакаго: «Здѣсь руина, на Палатинѣ руина, на Форумѣ руина, а надъ городомъ кресты, кресты и крес-

ты!» — и ему показалось несомненнымъ, что въ этой непоколебимости кроется что-то сверхчеловѣческое... Колокола звонили, а небо надъ городомъ обливалось свѣтомъ зари. Подъ впечатлѣніемъ молящейся Марини, колоколовъ и этого молитвеннаго настроенія, которое, казалось, носилось надъ городомъ и надъ всею землей, въ Поланецкомъ, у котораго было много духовной простоты, начала зарождаться такая мысль: «Какою гордыней нужно обладать, какимъ глупцомъ долженъ быть я, чтобы, при видѣ этой жажды вѣры и этого пониманія Бога, искать какихъ-то своихъ формъ поклоненія и любви, вмѣсто того, чтобъ принять тѣ, которыя Мариня называетъ «службой Божіей» и которыя должны быть наилучшими, коль скоро міръ живетъ съ ними почти двѣ тысячи лѣтъ!» Потомъ, какъ человѣка практическаго, его поразила разсудочная сторона этой мысли и онъ продолжалъ говорить себѣ почти весело: «Съ одной стороны традиція тысячелѣтій, жизнь Богъ вѣсть сколькихъ поколѣній, Богъ вѣсть сколькихъ народностей, которымъ и въ этихъ формахъ хорошо жилось и живетъ, авторитетъ Богъ вѣсть сколькихъ головъ, которые эти формы считаютъ единственно возможными, съ другой стороны, кто? — я, членъ коммиссіонерскаго дома подъ фирмой Бигель и Поланецкій! — и мнѣ имѣть претензію, что я выдумую что-нибудь лучшее, во что Господь Богъ лучше помѣстится? Для этого нужно быть дуракомъ! Я искрененъ самъ съ собою и не вынесъ бы, еслибъ мнѣ отъ времени до времени приходило въ голову, что я дуракъ. Къ тому же, такъ вѣрила моя мать, такъ вѣритъ моя жена, а я ни въ комъ не видалъ такого спокойствія, какъ въ нихъ».

Онъ посмотрѣлъ разъ и другой на Мариню. Она, очевидно, окончила свой Angelus, потому что улыбнулась ему и сказала:

— Отчего ты такой молчаливый?

— Мы все молчимъ, — отвѣтилъ онъ.

Такъ оно и было, но по разнымъ причинамъ. Въ то время, когда Поланецкій былъ занятъ своими мыслями, пани Основская нѣсколько разъ допрашивала его и словами, и взглядами. Поланецкій на слова отвѣчалъ что-то черезъ пятое на десятое, а взглядовъ совсѣмъ не замѣчалъ и ужасно обидѣлъ пани Основскую. Она могла простить ему, даже болѣе — ей понравилось, когда на заявленіе, что она желала бы быть отшельницей онъ отвѣчалъ любезно замаскированной дерзостью, но ее смертельно уязвило, когда онъ просто-на-просто пересталъ обращать на нее вниманіе. Въ наказаніе ему, и она перестала обращать на него вниманіе.

За то, какъ женщина хорошо воспитанная, она тѣмъ болѣе сдѣ-

алась любезнѣй съ Мариной, начала спрашивать о ея завтрашнихъ планахъ и, узнавъ, что они собираются въ Ватиканъ, сообщила, что и у нея съ мужемъ есть входные билеты и они также воспользуются представляющеюся возможностью.

— Вы знаете, какъ нужно быть одѣтой? — спросила пани Основская. — Черное платье и на головѣ черное кружево. Это старить немного, но иначе нельзя.

— Я знаю, мнѣ говорилъ панъ Свирскій.

— Панъ Свирскій во время сеанса мнѣ все о васъ говоритъ. Онъ къ вамъ питаетъ большую симпатію.

— И я къ нему, — отвѣтила Мариня.

Экипажъ остановился у подъѣзда отеля. Поланецкій отъ прекрасной дамы получилъ такое легкое и холодное рукопожатіе, что, несмотря на свои думы, замѣтилъ это.

«Что это, новый приемъ, — подумалъ онъ, — или я сказалъ то-нибудь, что ей не понравилось?»

И вечеромъ онъ спросилъ у Марини:

— Что ты думаешь о пани Основской?

— Думаю, — отвѣтила она, — что панъ Свирскій, можетъ быть, немного правъ.

А Поланецкій сказалъ:

— Она въ эту минуту пишетъ дневникъ, который «Юзя» читаетъ за *chef d'oeuvre*.

XV.

На слѣдующій день, когда Мариня одѣлась и вышла къ мужу, онъ едва узналъ ее. Въ черномъ платьѣ и съ чернымъ кружевомъ на головѣ, она казалась болѣе высокою, худю, смуглою и болѣе старою. Но ему понравилась въ ней какая-то серьезность, которая напоминала ему минуту ихъ свадьбы. Спустя полчаса они поѣхали. По дорогѣ Мариня призналась мужу, что она боится, что у нея бьется сердце; онъ, шутя, успокаивалъ ее, хотя и самъ былъ взволнованъ до нѣкоторой степени, а когда они въѣхали въ огромную колоннаду передъ храмомъ св. Петра, Поланецкій чувствовалъ, то и у него пульсъ бьется не такъ, какъ всегда, и, кромѣ того, испытывалъ странное впечатлѣніе, что онъ какъ-то умалился. У фонтаницы, близъ которой они нашли нѣсколько швейцарцевъ, одѣтыхъ въ великолѣпные костюмы, сочиненные еще Микель-Анджело, они нашли Свирскаго, который провелъ ихъ наверхъ вмѣстѣ съ толпою народа, преимущественно бельгійцевъ. Мариня, слегка

оглушенная, сама не помнила, какъ очутилась въ огромной залѣ, въ которой толпа была еще больше и занимала всю комнату, за исключеніемъ середины, гдѣ швейцарцы, установившись шпалерою, охраняли свободнымъ широкій проходъ. Толпа, шепотомъ переговаривавшаяся по-французски и по-фламандски, поворачивала голову и глаза къ этому проходу, въ которомъ изъ сосѣдней залы отъ времени до времени появлялись фигуры въ странныхъ костюмахъ, которые напоминали Поланецкому антверпенскіе или бруссельскіе музеи. Ему казалось, что воскресли средніе вѣка: по временамъ появлялся точно средневѣковой рыцарь, правда, въ иномъ шлемѣ, чѣмъ на старинныхъ картинахъ, но со стальнымъ панциремъ на груди, или герольдъ въ короткой красной далматинкѣ, съ краснымъ беретомъ на головѣ. Свѣозъ полуоткрытыя двери мелькали пурпуровыя одежды кардиналовъ или фіолетовыя рясы епископовъ, страусовыя перья, кружева на черномъ бархатѣ, дряхлыя головы съ поблѣвшими волосами, лица, точно вотъ-вотъ вышедшія изъ саркофаговъ. Но видно было, что взгляды толпы падаютъ на эти странныя одежды, на эти краски и на эти лица какъ бы мимоходомъ, что глаза ожидаютъ чего-то другого, высшаго, что вниманіе скопляется въ умахъ, а чувство въ душахъ въ ожиданіи минуты, которая случается разъ въ жизни, а остается въ памяти навѣгъ. Поланецкій, — онъ держалъ Мариню за руку, чтобы не потерять ее въ толпѣ, — чувствовалъ, какъ эта рука дрожитъ отъ волненія, а самъ онъ, посреди этой тихой толпы, посреди этихъ бьющихся сердецъ, посреди этого историческаго величія и словно воскресающей древней эпохи, посреди этой сосредоточенности и ожиданія, снова испытывалъ странное ощущеніе, что становится все меньше и меньше, такимъ малымъ, какимъ не бывалъ никогда въ жизни. Какой-то тихій, задыхающійся голосъ шепнулъ ему:

— Я высматривалъ васъ и едва нашелъ. Кажется, сейчасъ...

Но оказалось, что выходъ будетъ не сейчасъ. Свирскаго увидалъ знакомый кардиналъ и, обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, ввелъ его и Поланецкихъ въ сосѣднюю залу, обитую красною камкой. Поланецкій съ удивленіемъ замѣтилъ, что и здѣсь было полно, за исключеніемъ одного конца залы, гдѣ находилась почетная стража, а на возвышеніи стояло кресло, окруженное дружески бесѣдующими прелатами и епископами. Здѣсь ожиданіе и сосредоточенность еще болѣе бросались въ глаза. Было видно, что люди удерживаютъ дыханіе, на лицахъ у всѣхъ — торжественное и таинственное выраженіе. Синеватый блескъ дня, смѣшивающійся съ пурпуровыми отраженіями обоевъ, наполнялъ эту залу какимъ-то

необыкновеннымъ свѣтомъ. Солнечные лучи, врывающіеся въ окна, казались тоже красноватыми.

Въ первой залѣ послышался шумъ, потомъ шопоть, потомъ крикъ, наконецъ, въ открытыхъ боковыхъ дверяхъ появилась бѣлая фигура, которую несли гвардейцы. Рука Марини нервно стиснула руку Поланецкаго, онъ отдалъ ей это пожатіе, и впечатлѣнія, быстрыя, сливающіяся въ одно общее сознаніе какой-то исключительной и необычайно-торжественной минуты, начали тѣсниться въ его голову, какъ въ минуту свадьбы.

Одинъ изъ кардиналовъ началъ говорить, но Поланецкій не слышалъ и не понималъ его рѣчи. Его глаза, мысль и вся душа были облодѣты въ блѣдомъ фигурѣ, и ни малѣйшая подробность не исчезала отъ его вниманія. Его поразила необыкновенная худоба этой фигурѣ, ея лицо, блѣдное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прозрачное, какъ бываетъ лицо умершихъ. Въ ней было что-то безсильное, — по крайней мѣрѣ, она только на половину казалась тѣломъ, а на половину видѣніемъ, свѣтомъ, просвѣчивающимъ сквозь алебастровую лампу, духомъ, вселеннымъ въ какую-то прозрачную матерію, посредствующимъ звеномъ между двумя мірами, — звеномъ, въ которомъ человѣческой элементъ смѣшивался со сверхчеловѣческимъ, земное съ неземнымъ. И, благодаря странной антитезѣ, матерія въ этой фигурѣ казалась чѣмъ-то призрачнымъ, духъ чѣмъ-то реальнымъ.

Когда люди начали приближаться къ ней за благословеніемъ, когда Поланецкій увидалъ у ея ногъ свою Марину, когда почувствовалъ, что къ этимъ колѣнамъ можно склониться, какъ къ отцовскимъ, — имъ овладѣло невыразимое волненіе, глаза его заволокла какая-то мгла. Никогда въ жизни онъ не чувствовалъ себя такою малою песчинкой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почувствовалъ, что въ этой песчинкѣ бьется благодарное сердце ребенка.

Молча вышли они изъ красной комнаты. У Марини глаза были такіе, что она какъ будто только что пробудилась отъ сна, руки профессора Васковскаго дрожали. Къ завтрагу притащился Букацкий, но, чувствуя себя нездоровымъ, не сумѣлъ развеселить общества, даже Свирскій говорилъ мало, и, только возвращаясь къ одному и тому же предмету, повторялъ отъ времени до времени:

— Да, да. Кто не видалъ этого, тотъ не можетъ имѣть о немъ никакого понятія. Это остается.

Вечеромъ Поланецкій съ Мариной пошли смотрѣть на закатъ солнца изъ Trinitá dei Monti. Вечеръ былъ ясный. Весь городъ былъ погруженъ въ золотистый блескъ; внизу, на Piazza d'Espagna, на-

чинали уже спускаться сумерки, но сумерки ясныя, въ мягкихъ тонахъ которыхъ видны были сирени, ирисы и бѣлыя лиліи въ цвѣточныхъ магазинахъ по обѣ стороны улицы Condotti. Вся картина была пронизана великимъ и ненарушимымъ спокойствіемъ, обѣщающимъ мирную ночь и грѣпкій сонъ. Потомъ Испанская площадь начала все болѣе и болѣе погружаться во мракъ, только Трипіта еще горѣла пурпуромъ. И Поланецкій, и Мариня чувствовали это спокойствіе въ себѣ. Они спускались съ гигантской лѣстницы съ какимъ-то страннымъ чувствомъ умиротворенія въ душѣ. Все впечатлѣнія дня укладывались въ нихъ въ тихія, спокойныя лініи, какъ полосы зари, которая еще свѣтилась надъ ними. Наконецъ, Поланецкій сказалъ:

— Знаешь, я помню еще съ дѣтскихъ лѣтъ, что у насъ въ домѣ вечернюю молитву всегда читали вмѣстѣ, — и онъ вопросительно посмотрѣлъ на Мариню.

— О, Стахъ! — отвѣтила она голосомъ, который дрогнулъ отъ волненія, — я только не смѣла тебѣ сказать объ этомъ, дорогой мой.

— А «служба Божія», — помнишь?

Но Мариня сказала это когда-то въ простотѣ сердечной, какъ вещь, которая сама собою разумѣется, и, конечно, теперь не помнила ничего.

XVI.

Поланецкій все былъ въ немилости у пани Основской. Встрѣчаясь съ нимъ у Свирсаго въ промежуткахъ между двумя сеансами, она разговаривала съ нимъ лишь настолько, насколько это требовали благовоспитанность и вѣжливость. Поланецкій видѣлъ это отлично, по временамъ спрашивалъ себя: «Чего эта баба отъ меня хочетъ?» — и не обращалъ на это особаго вниманія. Онъ еще меньше обращалъ бы вниманія, еслибъ этой «бабѣ», вмѣсто двадцати восьми лѣтъ, было пятьдесятъ восемь, еслибъ у нея не было такихъ фіалковыхъ глазъ и такихъ вишневыхъ губъ. Такова ужъ человѣческая натура, — онъ отъ нея ничего не требовалъ и не имѣлъ на нее никакихъ видовъ, но не могъ воздержаться отъ мысли, что могло бы быть, еслибъ онъ дѣйствительно добивался отъ нея расположенія и до какой степени она была бы способна довести свою уступчивость?

Они вчетверомъ совершили еще одну прогулку, — въ катакомбы св. Каликста. Поланецкій хотѣлъ заплатить любезностью за любезность, то-есть экипажемъ за экипажъ. Но прогулка эта не вод-

ворила между ними согласія. Разговаривали они настолько, чтобы лишь не обратить на себя вниманія, и это, наконецъ, разсердило его. Дѣйствительно, поведеніе пани Основской придавало какой-то особый оттѣнокъ ихъ отношеніямъ, какое-то недоброжелательство, какую-то таинственность, въ которую никого другого не допускали. Поланецкій думалъ, что все это прекратится съ тою минутой, когда ея портретъ будетъ оконченъ, но оказалось, что хотя лицо пани Основской совсѣмъ было готово, оставалось еще множество деталей, которыя требовали присутствія прелестной модели.

Дѣло складывалось такъ по той простой причинѣ, что Свирскій не хотѣлъ терять времени, и въ то время, когда Поланецкіе приходили, Основскіе еще были въ студіи. Иногда они оставались для того, чтобы поболтать о вчерашнихъ впечатлѣніяхъ, иногда пани Основская посылала мужа за какимъ-нибудь порученіемъ, тогда онъ уходилъ пѣшкомъ и оставлялъ экипажъ у подъезда Свирскаго.

Одинъ разъ случилось такъ, что Мариня сѣла уже позировать, а пани Основская, узнавъ, что Поланецкіе были вчера въ театрѣ, спрашивала о пѣвцахъ и объ оперѣ, застегивая перчатки и надѣвая передъ зеркаломъ шляпку. Наконецъ, она обратилась къ Поланецкому:

— Пожалуйста, проводите меня до экипажа.

Она накинула пальто и начала искать завязки, пришитыя къ подкладкѣ, но вдругъ остановилась въ прихожей.

— Въ перчаткахъ я не могу найти завязокъ, — сказала она. — Сжальтесь надо мной!

Поланецкій сталъ искать завязки и долженъ былъ чуть не обнять пани Основскую. На минуту его охватило страстное влеченіе къ ней, тѣмъ болѣе, что она наклонилась къ нему такъ, что до него доходила теплота ея тѣла.

А она спросила въ полголоса:

— За что вы сердитесь на меня? Это нехорошо. Я такъ нуждаюсь въ сочувственной душѣ. Что я сдѣлала вамъ?

Поланецкій нашелъ завязки, отступилъ назадъ, остылъ немного, и, съ видомъ грубаго человѣка, который хочетъ воспользоваться своимъ триумфомъ и отмѣтить, что онъ ничуть не пострадалъ, отвѣтилъ дерзостью:

— Вы мнѣ ничего не сдѣлали и ничего не можете сдѣлать.

Но она отразила его дерзость, какъ шаръ въ лаунъ-теннисѣ:

— Я иногда такъ мало обращаю вниманія на людей, что почти не вижу ихъ.

И они молча дошли до экипажа.

«Тагъ вотъ оно какъ! — думалъ Поланецкій, возвращаясь въ студию. — Здѣсь можно дойти до чего хочешь!»

И снова дрожь пробѣжала по немъ съ головы до ногъ.

«Дойти до чего хочешь!» — повторилъ онъ.

Онъ не отдавалъ себѣ отчета, что допускаетъ ошибку, какъ это дѣлаютъ каждый день дюжины мужчинъ, любителей охотиться на чужой землѣ. Пани Основская была кокетка съ сухимъ сердцемъ и развращеннымъ уже умомъ, но ее еще сотни верстъ отдѣляли отъ полнаго физическаго паденія.

Поланецкій возвратился въ студию съ чувствомъ, что онъ принесъ Маринѣ какую-то огромную жертву, и съ нѣкоторою жалостью къ самому себѣ. Во-первыхъ, Мариня никогда не узнаетъ объ этомъ, а, во-вторыхъ, еслибъ и узнала, то будетъ считать его геройскій поступокъ совершенно естественнымъ. Эта мысль сердила Поланецкаго, и когда онъ посмотрѣлъ на Мариню, на ея чистые глаза, на ея спокойное лицо, въ его умѣ невольно навернулось сравненіе этихъ двухъ женщинъ, и онъ сказалъ себѣ:

«О, Мариня!... она скорѣе съвозъ землю провалилась бы! Ей можно вѣрить!»

Странное дѣло! Въ этомъ было и признаніе достоинства Марини, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отгѣнокъ пренебрежительнаго состраданія и нѣкотораго недовольства. Душа Марини до такой степени принадлежала ему, что онъ не считалъ себя обязаннымъ сознавать ея достоинства.

Въ теченіе остальныхъ сеансовъ онъ все время обращался мыслью къ пани Основской. Раньше онъ думалъ, что она просто перестанетъ подавать ему руку, — оказалось, что онъ ошибся. Наоборотъ, желая показать ему, что она не придаетъ никакого значенія ни ему, ни его словамъ, она относилась къ нему любезнѣе, чѣмъ прежде. Только мина пана Основскаго становилась все болѣе и болѣе оскорбленною, — панъ Основскій становился все болѣе и болѣе холоднымъ къ Поланецкому, вѣроятно, вслѣдствіе разговоровъ съ «Анетою».

Но прошло нѣсколько дней и впечатлѣнія другого рода совершенно изгладили эти обстоятельства изъ памяти Поланецкаго. Букацкій давно уже чувствовалъ себя нехорошо, жаловался на боль въ затылкѣ, члены тѣла какъ-то странно отказывались ему служить. Юморъ его еще проявлялся отъ времени до времени, но загорался и гасъ сразу, какъ фейерверкъ. Все рѣже и рѣже онъ приходилъ на общій обѣдъ въ отель. Наконецъ, какъ-то утромъ Пола-

нецкій получилъ отъ него записку, написанную ужасно невѣрнымъ почеркомъ:

«Дорогой мой, кажется, со вчерашней ночи я сталъ собираться въ дальній путь. Если хочешь видѣть отъѣздъ, приходи ко мнѣ, въ особенности, если у тебя нѣтъ лучшаго занятія».

Поланецкій скрылъ записку отъ Марини и отправился немедленно. Букацкаго онъ засталъ въ постелѣ, въ присутствіи доктора, котораго, впрочемъ, Букацкій сейчасъ же отпустилъ.

— Ты меня ужасно напугалъ, — сказалъ Поланецкій, — что съ тобой?

— Ничего страшнаго: маленькій параличъ лѣвой части тѣла.

— Побойся ты Бога!

— Умно сказано! Если когда-нибудь и пора подумать объ этомъ, то именно теперь. Я не владѣю ни лѣвою рукой, ни лѣвою ногой и не могу встать. Въ такомъ положеніи я проснулся сегодня утромъ. Думалъ я, что утратилъ способность говорить, и началъ декламировать: «Per me si va...»^{*)}). Оно, какъ видишь, ничего. Языкъ остался, а теперь я усиливаюсь возратить себѣ ясность мысли.

— Ты увѣренъ, что это параличъ? Можетъ быть, это — временное онѣмѣніе.

— «Что есть жизнь?—мгновенье только!»—началъ декламировать Букацкій.—Я не могу двигаться—и дѣлу конецъ или, если ты предпочитаешь, начало.

— Это было бы ужасно, но я не вѣрю. Съ каждымъ чело-вѣкомъ можетъ случиться временное онѣмѣніе.

— Бываютъ въ жизни до нѣкоторой степени неприятныя минуты, сказалъ карась, съ котораго кухарка сдирала ножомъ чешую. Признаюсь тебѣ, въ первую минуту меня взялъ страхъ. Испытывалъ ты когда-нибудь, что у тебя волосы поднимаются на головѣ? Это чувство нельзя причислить къ категоріи пріятныхъ. Но теперь я уже пришелъ въ равновѣсіе и вотъ уже три часа мнѣ кажется, что я съ моимъ параличомъ жилъ десять лѣтъ. Я много болтаю потому, что у меня мало времени. Милый, ты знаешь, что я черезъ два дня умру?

— Вотъ именно, что болтаешь. Парализованные люди живутъ по тридцати лѣтъ.

Букацкій отвѣтилъ:

— Даже по сорока. Параличъ, это—роскошь, которую могутъ

*) Начало дантовской надписи надъ дверями ада. *Прим. перса.*

позволить себѣ иные, но не такіе, какъ я. Для крѣпкаго человѣка, у котораго здоровая спина, здоровыя плечи и здоровыя ноги, это, можетъ быть, даже родъ отдыха послѣ веселой молодости, — возможность предаться созерцанію, — но для меня... Помнишь, какъ ты смѣялся надъ моими ногами? Такъ вотъ я говорю тебѣ, что тогда у меня былъ элевантіазисъ въ сравненіи съ тѣмъ, что теперь. Не правда, что человѣкъ, это — тѣло; я — линія и, кромѣ того, линія, идущая, безъ всякихъ шутокъ, *въ безконечность*.

Поланецкій началъ спорить, ссылаться на знакомые ему примѣры, но Буцацкій отвѣтилъ:

— Оставь. Я чувствую и знаю, что черезъ два дня наступитъ параличъ мозга. Я не говорилъ никому, что въ теченіе года ожидаю этого и въ теченіе года читалъ медицинскія книжки... Придетъ другой припадокъ и — конецъ.

Онъ замолчалъ, но черезъ минуту заговорилъ опять:

— И ты думаешь, я не хочу этого? Подумай, я одинокъ, какъ палецъ, отрѣзанный отъ руки. Нѣтъ у меня никого... Здѣсь, даже и въ Варшавѣ, за мной могли бы ухаживать только наемные люди. Ужасно подлая жизнь: безъ движенія и безъ живого духа человѣческаго! Когда у меня отнимется языкъ, какъ отнялись рука и нога, первая сидѣлка или первый фельдшеръ будутъ имѣть возможность бить меня по лицу, сколько имъ заблагоразсудится. А надо тебѣ знать одну вещь. Я въ первую минуту испугался паралича, но въ моемъ утломъ тѣлѣ сидитъ гордая душа; припомни, я говорилъ тебѣ, что не боюсь смерти, — и не боюсь.

Въ глазахъ Буцацкаго мелькнулъ слабый огонекъ отваги и энергіи, укрытый гдѣ-то въ глубинѣ его свихнувшейся, размявшей души.

Сердце у Поланецкаго было доброе. Онъ положилъ руку на парализованную ладонь Буцацкаго и мягко заговорилъ:

— Адзя! не предполагай только, что ты такъ одинокъ, какъ думаешь, и не говори, что у тебя нѣтъ никого. А я, а, кромѣ того, моя жена, а Свирскій, Васковскій, Бигели? Ты для насъ не чужой. Я перевезу тебя въ Варшаву, помѣщу въ лечебницу и мы будемъ ухаживать за тобой, и не одинъ фельдшеръ пальцемъ тебя не тронетъ, во-первыхъ, потому, что я каждому всѣ кости переломую, а, во-вторыхъ, у насъ есть сестры милосердія, а въ числѣ ихъ пани Эмилиа.

Буцацкій слегка поблѣднѣлъ. Онъ былъ больше взволнованъ, чѣмъ хотѣлъ показать это. Глаза его затуманились на минуту. Послѣ долгаго молчанія онъ сказалъ:

— Ты добрый малый. Ты и самъ не знаешь, что совершилъ чудо: ты доказалъ мнѣ, что я еще хочу чего-то... Да, мнѣ ужасно хочется въ Варшаву, поближе ко всѣмъ къ вамъ. Ужасно меня привлекаетъ мысль о Варшавѣ.

— Нужно, чтобы ты и здѣсь переселился въ какую-нибудь лечебницу, подъ правильный надзоръ. Свирскій долженъ знать, гдѣ лучше. А теперь отдайся мнѣ въ лапы. Хорошо? Позволь мнѣ распоряжаться за тебя.

— Дѣлай, что хочешь, — отвѣтилъ Букацкій, въ котораго при видѣ новыхъ плановъ и энергии Поланецкаго вновь начала вступать надежда.

Поланецкій написалъ къ Свирскому и Васковскому и тотчасъ же отправилъ посыльныхъ. Черезъ полчаса они явились, — Свирскій съ знаменитымъ мѣстнымъ докторомъ, — и въ полдень Букацкій уже былъ въ лечебницѣ, въ свѣтлой и веселой комнатѣ.

— Какой мягкій и теплый тонъ! — сказалъ онъ, смотря на золотистую окраску стѣнъ и потолка. — Это хорошо.

Потомъ онъ обратился къ Поланецкому:

— Приходи ко мнѣ вечеромъ, а теперь ступай къ женѣ.

Поланецкій простился съ нимъ и ушелъ. Маринѣ онъ разсказалъ все случившееся со всѣми предосторожностями. Мариня начала просить его взять ее къ Букацкому, если не вечеромъ, то завтра утромъ, и Поланецкій обѣщалъ исполнить это. На другой день они отправились тотчасъ послѣ завтрака.

Профессоръ Васковскій не отступалъ отъ Букацкаго ни на минуту. Когда больной устроился на новой постелѣ, въ лечебницѣ, старичокъ началъ разсказывать, какъ онъ самъ одинъ разъ думалъ, что умираетъ, но послѣ исповѣди и причастія ему сразу сдѣлалось лучше.

— Извѣстная метода, дорогой профессоръ, — усмѣхнулся Букацкій, — я знаю, что вамъ нужно.

Профессоръ смутился, какъ пойманный на дурномъ дѣлѣ, и сложилъ руки.

— Я готовъ пари держать, что это помогло бы вамъ, — сказалъ онъ.

Букацкій отвѣтилъ съ отгѣнкомъ своего прежняго юмора:

— Хорошо. Черезъ два дня я удостовѣрюсь, насколько это мнѣ поможетъ, по ту сторону рѣки.

Посѣщеніе Марини утѣшило его тѣмъ болѣе, что онъ не ожидалъ его. Онъ обрадовался и заговорилъ, что по эту сторону рѣки онъ уже не ожидалъ видѣть женщину, да вдобавокъ еще соотече-

стенницу. При этомъ онъ немного ворчалъ, но съ видимымъ волненіемъ.

— Какіе вы всё романтики! Вѣдь, это просто недостатокъ ума заниматься такимъ калѣбкою, какъ я. Вы никогда не сѣмѣете быть разсудительными. Зачѣмъ это, на что? Вотъ и еще разъ, передъ смертью, я долженъ высказывать свою благодарность. А я очень вамъ благодаренъ, искренно благодаренъ.

Но Мариня не дала ему говорить о смерти, за то съ полнымъ спокойствіемъ заговорила сама о необходимости переѣхать въ Варшаву, къ своимъ, заговорила какъ о такой вещи, въ возможности которой нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и сѣмѣла мало-по-малу убѣдить въ этой возможности и самого Букацкаго. Она давала ему совѣты, какъ это устроить, а онъ кончилъ тѣмъ, что съ жадностью сталъ прислушиваться къ ея словамъ. Онъ чувствовалъ себя ребенкомъ, бѣднымъ, больнымъ ребенкомъ.

Въ этотъ же день его навѣстилъ панъ Основскій и выказалъ столько доброты и расположенія, сколько могъ выказать только родной братъ. Букацкій совершенно не ожидалъ этого и ни на что подобное не рассчитывалъ. И когда, позднимъ вечеромъ, къ нему пришелъ Поланецкій и они остались съ глазу на глазъ, Букацкій сказалъ:

— Теперь я тебѣ скажу откровенно: я никогда яснѣе не признавалъ, что обратилъ жизнь въ глупый фарсъ и растратилъ все, что у меня было.

Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Еслибъ я, по крайней мѣрѣ, находилъ дѣйствительно удовольствіе въ своемъ образѣ жизни, а то и этого нѣтъ. Какая глупая наша эпоха! Человѣкъ раздваивается: все, что въ немъ есть лучшаго, онъ засовываетъ въ какіе-то потайные углы, а самъ становится не то обезьяной, не то паяцемъ, да еще и паяцемъ-то сквернымъ, и, кромѣ того, часто неискреннимъ. Больше вбивать въ себя убѣжденіе въ тщетѣ жизни, чѣмъ самому чувствовать это, по меньшей мѣрѣ странно. Меня утѣшаетъ одно, что въ жизни есть одна несомнѣнная вещь, это—смерть, хотя, съ другой стороны, вовсе не резонъ, чтобы до того времени, когда она придетъ, говорить, какъ дуракъ, про вино, что это не вино, а укусъ.

— Милый мой, — отвѣтилъ Поланецкій, — ты всю жизнь терзался вѣчнымъ навиваніемъ мысли на любую катушку. Хоть теперь-то не дѣлай этого.

— Ты правъ. Но я не могу не думать о томъ, что пока я хо-

диль и былъ здоровъ, то насмѣхался надъ жизнью, а теперь,—я скажу тебѣ это по секрету,—теперь мнѣ хочется жить.

— И ты будешь жить.

— Эхъ, брось ты это! Твоя жена втолковала мнѣ это, но теперь я опять не вѣрю. И тяжело мнѣ. Растратилъ я самого себя. Слушай, почему я хочу говорить съ тобой объ этомъ. Не знаю, ждуть ли меня какіе-нибудь счеты, или нѣтъ. Чистосердечно говорю тебѣ: не знаю, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытываю какое-то странное безпокойство, какъ будто я боялся бы чего-нибудь... И я скажу тебѣ, чего: того, что я тамъ, для своихъ, ничего не сдѣлалъ... а могъ бы, могъ! Передъ этою-то мыслью меня и беретъ страхъ, даю тебѣ слово. Не хорошее это дѣло. Ничего я не сдѣлалъ: ѣлъ задаромъ хлѣбъ, а теперь... смерть. Если есть какое-нибудь наказаніе и оно ожидаетъ меня, то только за это. Охъ, Стась, тяжело мнѣ!

Несмотря на то, что онъ говорилъ своимъ обычнымъ небрежнымъ тономъ, на лицѣ его выражалась неподдѣльная тревога, губы поблѣднѣли, на лбу выступили крупныя капли пота.

— Оставь,—сказалъ Поланецкій, — что тебѣ въ голову приходитъ? Ты вредишь себѣ.

Но Бувацкій продолжалъ:

— Подожди... слушай. У меня хорошее состояніе, пусть хоть оно что-нибудь сдѣлаетъ за меня. Я тебѣ оставляю часть, но остальное ты употреби на что-нибудь полезное. Ты человѣкъ практичный, и Бигель тоже. Подумайте; я не знаю, будетъ ли у меня время. Ты сдѣлаешь это?

— И это, и все, что ты хочешь.

— Благодарю тебя. Какого страннаго рода это безпокойство и эти упреки! Но я не могу отдѣлаться отъ сознанія вины. Такия условія, что не примиришься съ самимъ собою. Нужно сдѣлать что-нибудь приличное хоть передъ смертью. Вѣдь, это не шутка—смерть. Еслибъ это было что-нибудь видное, а то, вѣдь, мракъ... И нужно разлагаться и гнить въ *потемкахъ*... Ты вѣрующій?

— Да.

— А я ни да, ни нѣтъ. Я забавлялся нирваной, какъ и другими вещами. Знаешь, еслибъ не сознаніе этой вины, я былъ бы спокойнѣй. У меня и понятія даже не было, чтобъ это могло такъ удручать. Я испытываю впечатлѣніе, что я—пчела, которая ограбила свой улей, и что это вещь подлая. Но, по крайней мѣрѣ, послѣ меня останется состояніе. Правда? Немного я истратилъ, очень немного, да и то на картины... а онъ тоже останутся, — правда?

Ахъ, какъ хотѣлось бы мнѣ прожить, хотя бы еще годъ, хотя бы для того, чтобъ не умереть здѣсь.

На минуту онъ задумался и потомъ сказалъ:

— Я теперь понимаю одно: человѣческая жизнь можетъ быть плохую, потому что человѣкъ можетъ ее скверно устроить, но существованіе, это — вещь хорошая.

Состояніе больного колебалось въ ту или другую сторону въ теченіе недѣли. Доктора не могли сказать ничего рѣшительнаго, но думали, что путешествіе, во всякомъ случаѣ, не можетъ грозить ему опасностью. Свирскій и Васковскій брались отвезти больного, который тосковалъ все больше и больше и чуть не каждый день вспоминалъ пани Эмилию, — сестру милосердія. Наканунѣ выѣзда у него вдругъ отнялся языкъ. У Поланецкаго сердце надрывалось, когда онъ смотрѣлъ на его глаза, въ которыхъ отражалась то страшная тревога, то, какъ будто, какая-то великая, нѣмая просьба. Онъ пробовалъ писать, но не могъ. Вечеромъ появились признаки пораженія мозга—и Букацкій умеръ.

Похоронили его на Campo Santo, — временно. Поланецкій догадывался, что его умоляющій взоръ выражалъ просьбу перевезти его въ Польшу, а Свирскій подтвердилъ эту догадку.

Такъ исчезъ этотъ мыльный пузырь, иногда отливавшій всѣми цвѣтами радуги, но пустой и бранный, какъ настоящій мыльный пузырь.

Поланецкій искренно былъ огорченъ его смертью и потомъ по цѣлымъ часамъ размышлялъ о его странной жизни. Мыслями этими онъ не дѣлился съ Мариней, — до сихъ поръ у него какъ-то не вошло въ обычай дѣлиться съ ней тѣмъ, что творилось въ немъ. Наконецъ, какъ это часто случается съ людьми, думающими объ умершихъ, онъ выводилъ изъ своихъ размышленій заключенія, клонящіяся къ его пользѣ.

«Букацкій, — говорилъ онъ себѣ, — никогда не могъ придти къ согласію съ своимъ умомъ; ему не хватало житейскаго смысла, онъ не умѣлъ ориентироваться въ этомъ лѣсу и шелъ всегда по волѣ минутной фантазіи. И еслибъ ему было хорошо при этомъ, еслибъ онъ выжалъ что-нибудь изъ жизни, я призналъ бы за нимъ умъ. Но ему было плохо. Поистинѣ глупая вещь внушать самому себѣ, до тѣхъ поръ, пока не придетъ смерть, что вино—не вино, а уксусъ. А вотъ я менѣе смотрю на вещи и, кромѣ того, былъ гораздо искреннѣе съ самимъ собою. Будь, что будетъ, но я уже почти привелъ въ порядокъ свои отношенія къ Богу и къ жизни.

Въ этомъ была и правда, и заблужденіе. Поланецкій не привелъ въ порядокъ свои отношенія къ женѣ.

Онъ думалъ, что попеченія, насущный хлѣбъ, хорошее обращеніе и поцѣлуи — это все, чѣмъ ограничиваются обязательства, принятыя имъ на себя по отношенію къ ней. А, между тѣмъ, отношенія ихъ все яснѣе и яснѣе складывались такъ, что онъ только благоволилъ любить и благоволилъ принимать любовь. Въ житейской практикѣ его не разъ поражало странное явленіе, что если человѣкъ, извѣстный своею честностью, совершилъ какой-нибудь благородный поступокъ, то другіе люди небрежно махали и говорили небрежно: «Охъ, это тотъ... панъ А! Это весьма естественно!» Но когда удавалось негодяю случайно сдѣлать что-нибудь порядочное, тѣ же самые люди говорили съ полнѣйшимъ почтеніемъ: «Однако, въ этомъ что-то кроется!» Сто разъ Поланецкій видѣлъ, что грошъ, данный скупцомъ, производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ червонецъ, данный щедрымъ человѣкомъ. Однако, онъ не отдавалъ себѣ отчета, что по отношенію къ Маринѣ онъ держится такой же мѣры. Она отдавала ему все свое существо, всю душу. «Ахъ, Мариня! Это естественно!» И онъ небрежно махалъ рукой. Если бы ея любовь не была такъ горяча, если бы она доставалась ему съ бѣльшимъ трудомъ, если бы, признавая себя сокровищемъ, она отдавалась бы ему, какъ сокровище, если бы, признавая себя божествомъ, она требовала бы, чтобы передъ ней склоняли голову и читли ее, Поланецкій принялъ бы ее со склоненною головой и читилъ бы ее. Таково вообще человѣческое сердце и только избранныя натуры, сотканныя изъ божественнаго огня, умѣютъ возноситься надъ общимъ уровнемъ. Мариня отдавала Поланецкому свою любовь, какъ его право, онъ и принималъ его, какъ свое право. Она его любовь считала счастьемъ, онъ и давалъ свою любовь, какъ счастье, а самъ считалъ себя божкомъ въ алтарѣ. Одинъ лучъ его свѣта падалъ на сердце женщины и согрѣвалъ его, остальные лучи божокъ берегалъ для себя. Онъ бралъ все и отдавалъ только часть. Въ его любви не было той боязни, которая вытекаетъ изъ почитанія, не было того, что каждою лаской говорить любимой женщинѣ: «Къ твоимъ ногамъ!»

Но ни Поланецкій, ни Мариня еще не понимали этого.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лѣсна во время грозы.

Птичка съ крыльевъ отряхаетъ
Капли теплаго дождя...
Слышишь?—туча громыхаетъ,
Бъ чуждымъ нивамъ уходя.
Вѣтеръ съ листьевъ отряхаетъ
Капли свѣтлаго дождя...

Сердцу нашему веселье—
Только въ голосѣ громовъ,—
Олимпійское похмѣлье
Вѣчно радостныхъ боговъ—
И свобода, и веселье—
Только въ голосѣ громовъ!...

Жизни! Жизни!... Я тоскую...
Нѣтъ ни счастья, ни скорбей...
О, пошли грозу святую,
Боже, родинѣ моей!...
Бури! Бури! Я тоскую...
Дайте слезъ душѣ моей!...

Д. Мережковскій.

Законодательное регулирование положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ.

Начало золотопромышленности въ Сибири относится къ концу двадцатыхъ и началу тридцатыхъ годовъ, а первый опытъ законодательнаго регулированія быта рабочихъ на тамошнихъ золотыхъ промыслахъ былъ сдѣланъ въ 1838 году. Каковы бы ни были недостатки этого закона, мы встрѣчаемъ въ немъ нѣкоторое стремленіе оградить интересы рабочихъ: такъ, воспрещены были обязательныя работы по воскресеньямъ и въ большіе праздники, въ виду суровости сибирскаго климата опредѣленъ срокъ осенней промывки золота (10 сентября) и дальнѣйшую промывку дозволялось производить только въ теплыхъ промывальняхъ, установленъ шахішм количества рабочихъ часовъ для урочныхъ работъ (къ сожалѣнію, слишкомъ большой—15 часовъ, со включеніемъ времени на обѣденный отдыхъ), сдѣлана была попытка (хотя и не достигшая цѣли) регулировать размѣръ задатковъ съ цѣлью помѣшать закабаленію рабочихъ, а также охранить хотя часть заработка ссыльно-поселенцевъ отъ растраты при возвращеніи съ присковъ, и, наконецъ, хотя и не былъ узаконенъ административный надзоръ за установленіемъ цѣнъ вещей и припасовъ, отпускаемыхъ рабочимъ изъ присковыхъ лавокъ, но одинъ параграфъ этого закона скоро вызвалъ утвержденіе присковыхъ таксъ администраціею, по крайней мѣрѣ, въ Западной Сибири (въ Восточной—гораздо позднѣе *).

Нынѣ дѣйствующій уставъ о частной золотопромышленности изданъ въ 1870 году. Въ томъ отдѣлѣ выработывавшей его комиссіи, которому поручено было составленіе правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, видную роль играли нѣкоторые золотопромышленники или лица, состоявшія на службѣ у золотопромышленныхъ компаній (С. Соловьевъ, В. Скарятинъ, Г. Эрнъ), и экономистъ Вернадскій, извѣстный защитникъ системы невмѣшательства государства во взаимныя отношенія труда и капитала. Это невыгодно отразилось на содержаніи правилъ, регулирующихъ бытъ приско-

*) См. нашу статью: *Очерки изъ исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ Русскомъ Богатствѣ 1893 г., № 1, стр. 174—183.*

выхъ рабочихъ въ Сибири, и въ нихъ мы не находимъ ни одного изъ указанныхъ постановленій закона 1838 года, имѣющихъ въ виду защиту интересовъ рабочихъ. Правила эти очень скоро послѣ своего обнародованія подверглись строгому, но совершенно справедливому осужденію даже въ официальномъ органѣ горнаго департамента *).

Прошло двѣнадцать лѣтъ со времени изданія устава о золотопромышленности 1870 г., прежде чѣмъ возбужденъ былъ вопросъ о пересмотрѣ до сихъ поръ дѣйствующихъ правилъ этого устава о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы Сибири. Поводъ къ этому пересмотру былъ поданъ запискою начальника главнаго тюремнаго управленія (1882 г.) по обзорѣнію тюремной части въ Сибири. Въ ней онъ обратилъ вниманіе на то, что причины побѣговъ съ промысловъ кроются въ условіяхъ найма, расчета съ рабочими и жизни на прискахъ; большая часть заработка забирается ими товаромъ на промыслѣ по дорогой цѣнѣ; людей семейныхъ обыкновенно стараются не нанимать; богадѣлень для рабочихъ почти не существуетъ. Въ числѣ настоятельныхъ мѣръ для улучшенія быта рабочихъ ссыльно-поселенцевъ (судьба которыхъ естественно озабочивала начальника главнаго тюремнаго управленія) онъ предлагалъ слѣдующее: золотопромышленники должны во время найма довольствоваться рабочаго изъ ссыльныхъ и его семью помѣщеніемъ, леченіемъ и, въ случаѣ увѣчья, содержаніемъ въ богадѣльнѣ и допускать расчетъ товаромъ только въ извѣстной долѣ заработка. Авторъ записки обращалъ также вниманіе на необходимость соблюденія на промыслахъ праздничныхъ дней, а также и на то, что мѣстная (горная) полиція, *«получая частное пособіе отъ золотопромышленниковъ, часто пренебрегаетъ своими обязанностями»*, а потому «было бы правильнѣе обратить это пособіе въ особый сборъ съ золотопромышленниковъ за каждаго рабочаго и изъ суммы этого сбора дѣлать выдачи на усиленіе окладовъ чиновъ полиціи».

Замѣчанія начальника главнаго тюремнаго управленія министерство государственныхъ имуществъ препроводило въ 1883 г. генераль-губернатору Восточной Сибири и предложило ему обратить «особенное вниманіе» на указываемую авторомъ записки недостаточность правилъ, опредѣляющихъ обязанности владѣльцевъ присковъ. Вслѣдствіе этого, по распоряженію главнаго управленія Восточной Сибири, бывшее горное его отдѣленіе выработало проектъ новыхъ правилъ для регулированія положенія присковъ рабочихъ. Они были напечатаны въ Иркутскѣ въ 1887 г. и разосланы золотопромышленникамъ съ предложеніемъ сообщить свои замѣчанія, а также подверглись обсужденію и въ печати **). Въ январѣ 1888 г. были, кромѣ того, собраны въ Иркутскѣ для обсужденія проекта правилъ золотопромышленники и представители золотопромышленныхъ компаній Восточной Сибири. Проектъ былъ переработанъ на основаніи всѣхъ полученныхъ

*) См. статью г. Лоранскаго въ *Горномъ Журналѣ* 1872 г., №№ 7—8.

***) См. статью П. Соловаго: „Государственная защита присковъ рабочихъ Сибири“. *Юридическій Вѣстникъ* 1887 г., № 11, стр. 432—459.

замѣчаній и въ концѣ 1888 года представленъ въ министерство государственныхъ имуществъ, которое уже въ это время было озабочено пересмотромъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы въ виду неудовлетворительности въ этомъ отношеніи дѣйствующаго закона. Такъ какъ закономъ 17 марта 1887 г. было разрѣшено примѣнять изданныя для Сибири правила о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы и къ мѣстностямъ Европейской Россіи, то горный департаментъ пожелалъ дать проектируемымъ правиламъ значеніе повсемѣстное и въ этомъ смыслѣ переработалъ проектъ *). Подвергнутый новымъ измѣненіямъ на основаніи многихъ полученныхъ замѣчаній, проектъ горнаго департамента, какъ видно изъ сообщенія *Правительственнаго Вѣстника*, внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Такимъ образомъ, приближается къ окончанію подготовка третьяго опыта законодательнаго регулированія приискаго труда. Такъ какъ въ послѣдніе годы мнѣ пришлось спеціально заниматься изученіемъ исторіи и современнаго быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ и съ этою цѣлью я совершилъ въ 1891 г. поѣздку по Сибири до Якутской области включительно, то я считаю своевременнымъ остановиться на нѣкоторыхъ сторонахъ жизни приисковыхъ рабочихъ, требующихъ законодательнаго регулированія. Въ виду того, что изъ числа лицъ, участвовавшихъ своими мнѣніями въ подготовкѣ новаго законопроекта, ни золотопромышленники, ни мѣстная горная администрація не могутъ считаться людьми совершенно безпристрастными (околожные инженеры, какъ извѣстно, находятся въ матеріальной зависимости отъ золотопромышленниковъ), желательно слышать возможно болѣе мнѣній такихъ лицъ, которыя могутъ отнестись къ этому дѣлу съ полною самостоятельностью. Нельзя не пожелать также, чтобы эти мнѣнія были приняты во вниманіе при окончательномъ разсмотрѣніи проекта и чтобы не повторился печальный опытъ правилъ о наймѣ рабочихъ устава о золотопромышленности 1870 г., которыя офиціальному органу горнаго департамента пришлось признать неудовлетворительными уже черезъ два года послѣ ихъ обнародованія.

По свѣдѣніямъ горнаго департамента, на всѣхъ золотыхъ промыслахъ Урала и Сибири въ 1892 г. находилось около 100,000 рабочихъ, въ дѣйствительности же рабочихъ должно быть гораздо болѣе, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ Олекминскомъ (Ленскомъ) горномъ округѣ, по однимъ свѣдѣніямъ горнаго вѣдомства, количество рабочихъ колебалось во второй половинѣ 80-хъ гг. между 5 и 6 тысячами, между тѣмъ какъ по другимъ свѣдѣніямъ того же вѣдомства въ 80-хъ годахъ рабочихъ обоого пола на промыслахъ этого округа было $10\frac{1}{2}$ —12 тысячъ человекъ. Оче-

*) По поводу его вновь явились нѣкоторыя замѣчанія въ печати, напримѣръ, А. Крашалева: „По поводу проекта правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла“ (*Вѣстникъ Золотопр. 1892 г.*, № 12) и горн. инж. Г. Яцевича: „Къ вопросу о выработкѣ правилъ для найма рабочихъ людей на золотые приiski“ (*Вѣстникъ Золотопр. 1892 г.*, №№ 13 и 14).

видно, въ первомъ случаѣ счетъ идетъ на *годовыя* рабочихъ, а во второмъ указано дѣйствительное число рабочихъ, находившихся на промыслахъ, хотя бы и со включеніемъ ихъ женъ, которыя, впрочемъ, на прискахъ этого округа допускаются въ количествѣ весьма ограниченномъ. Между тѣмъ, въ томъ официалномъ источникѣ, изъ котораго мы заимствуемъ указанную выше цифру (100,000) уральскихъ и сибирскихъ рабочихъ, на промыслахъ Ленскаго (Олекминскаго) горнаго округа считается 7,600 чел., т.-е., очевидно, по расчету на весь годъ. Такимъ образомъ, едва ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что новый законъ, проектъ котораго внесенъ въ государственный совѣтъ, рѣшаетъ участь до 150,000 человекъ, и эта почтенная цифра заставляетъ отнестись къ дѣлу съ особеннымъ вниманіемъ и осторожностью.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы предполагаемъ разсмотрѣть слѣдующіе вопросы: 1) Необходимость уменьшенія чрезмѣрнаго количества труда присковъ рабочихъ (ограниченія количества рабочихъ часовъ и увеличенія числа праздниковъ), а также воспрещенія найма малолѣтнихъ рабочихъ. 2) Улучшеніе пищи и жилищъ рабочихъ, леченіе ихъ и защита отъ эксплуатаціи на промыслахъ. 3) Защита личности рабочаго отъ произвола золотопромышленниковъ и мѣстной администраціи. 4) Регулированіе положенія такъ называемыхъ старателей-золотничниковъ и 5) организація помощи рабочимъ, получившимъ увѣчья отъ несчастныхъ случаевъ на золотыхъ промыслахъ и потерявшимъ здоровье на присковъ работахъ, а также семействамъ тѣхъ и другихъ.

I.

Главное зло современной присковъ жизни состоитъ въ чрезмѣрномъ количествѣ труда рабочихъ, что отражается самыми вредными послѣдствіями на ихъ здоровьи. Горныя работы производятся или на открытомъ воздухѣ, въ такъ называемыхъ «разрѣзахъ», причемъ рабочіе подвергаются всевозможнымъ перемѣнамъ погоды и часто страдаютъ отъ холода и сырости, или въ подземныхъ шахтахъ въ спертomъ воздухѣ и также обыкновенно крайне сырыхъ. По отчету окружнаго инженера южно-енисейской системы (1889 г.), лѣтній рабочій день равняется 11 — 14 часамъ *). По наблюденіямъ горнаго инженера Ячевскаго въ сѣверной части Енисейскаго округа, лѣтній рабочій день не менѣе 14—15 часовъ **). Всего тяжелѣе работа въ забoѣ, гдѣ рабочій (забойщикъ) отбиваетъ кайлою землю (зо-

*) По отчету томскаго горнаго управленія за 1890 г., максимумъ числа рабочихъ часовъ въ южно-енисейской системѣ доходитъ даже до 15½, но за то минимумъ показанъ въ 9 час. *Горный Журналъ* 1891 г., № 12, пр. 521.

**) *Очеркъ современнаго состоянія и причинъ упадка енисейской золотопромышленности. Оттискъ изъ Горнаго Журнала* 1891 г., №№ 8—9, стр. 27. По отчету томскаго горнаго управл. за 1890 г., рабочій день въ сѣв. ч. Енисейск. округа равняется 9—15 часамъ, въ Ачинско-Миусинскомъ округѣ—9—13 час., въ Томскомъ—10 час. *Горн. Журн.* 1891 г., № 12, стр. 521.

лотноносный пластъ или прикрывающій его турфъ, т.-е. незолотоносную породу). Какъ вредно отражается такая работа на здоровьи рабочихъ, видно изъ изслѣдованія красноярскаго врача В. М. Крутовскаго, въ которомъ онъ изображаетъ общій типъ присковаго рабочаго въ слѣдующихъ словахъ: «Къ 45 годамъ жизни послѣ 10—16 лѣтъ присковой работы рабочій представляетъ изъ себя преждевременно-состарившагося субъекта съ расширенными венами, перерожденными артеріями, съ гипертрофированнымъ сердцемъ, которое уже отказывается работать, появляются отеки, застой крови, эмфизема легкихъ, гипертрофія и перерожденіе печени, параличи и масса различныхъ другихъ заболѣваній, начиная нефритами и оканчивая общимъ маразмомъ» *).

Въ нашей статьѣ въ *Русскомъ Богатствѣ* (1892 г., № 12, стр. 48) мы указали на то, что по одному проекту (нынѣ, къ счастью, отвергнутому), продолжительность рабочаго дня на золотыхъ промыслахъ предполагалось установить въ 16 часовъ, хотя и со включеніемъ времени на чай, обѣдъ и ужинъ, но безъ опредѣленія продолжительности этого отдыха. Въ то время, когда въ Западной Европѣ поставленъ на очередь вопросъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, когда въ Англии билль о такой продолжительности рабочаго дня уже принятъ (13 апрѣля 1894 г. палатою общинъ; см. *Новое Время* 1894 г., № 6511 и 6513), у насъ предлагали установить 16-ти часовой рабочій день **). Это тѣмъ болѣе странно, что въ положеніи о частной золотопромышленности 1838 г. установленъ былъ 15-ти часовой рабочій день, также со включеніемъ времени на обѣденный отдыхъ. Въ первоначальной редакціи составленнаго въ Иркутскѣ проекта правилъ о наймѣ рабочихъ (1887 г.) сказано, что въ условіяхъ найма должно быть, между прочимъ, обозначено: «число рабочихъ часовъ въ сутки, но не болѣе какъ съ 5 часовъ утра до 7 часовъ пополудни, съ промежутками на обѣденный отдыхъ не менѣе 2 час. Слѣдовательно, *maximum* дѣйствительнаго рабочаго дня здѣсь опредѣленъ въ 12 часовъ, причемъ точно указано: не ранѣе какого часа можно начинать работу, что очень важно (я самъ былъ свидѣтелемъ того, что въ одной благоустроенной золотопромышленной компаніи южно-алтайской системы на одномъ изъ присковъ работы, якобы по желанію рабочихъ, начинались въ 3 часа утра). Во второй (непечатной) редакціи проекта, составленной въ Иркутскѣ въ 1888 году при участіи золотопромышленниковъ, хотя и опущено указаніе на время начала и конца работъ, но за то выраженіе «обѣденный отдыхъ» замѣнено болѣе точнымъ опредѣленіемъ времени, необходимаго для чая, обѣда и ужина («число собственно рабочихъ часовъ

*) *Предварительныя данныя по вопросу о вліяніи жизни и работы на золотыхъ промыслахъ на физическое состояніе рабочихъ. Приложение къ протоколамъ общества врачей Енисейской губ. за 1891—92 г., стр. 31.*

***) Недавно въ палатѣ общинъ военный министръ сообщилъ, что во всѣхъ мастерскихъ военнаго вѣдомства число рабочихъ часовъ сокращено до 48 часовъ въ недѣлю, притомъ, безъ пониженія рабочей платы (*Новое Время* 1894 г., 1 янв.).

...—... из проекта, — не должно быть больше 12, ... на чай, обѣдъ и ужинъ»).

... о законодательномъ регулированіи про- ... заставляетъ насъ остановиться на немъ съ ...

... что регулированіе продолжительности рабочаго ... особенно важно въ такой ... которой не даетъ возможности ра- ... отъ эксплуатаціи. Въ Западной Европѣ рабочіе ... союзы для своей защиты, могутъ устраивать ... не дозволяется и устройство стачки раз- ... преступленіе. При той силѣ, какую имѣютъ ... въ Англіи, законодательство можетъ даже от- ... жизни: такъ, лишь въ нынѣшнемъ ... палатою общинъ билль о 8-ми часовомъ ... уже ранѣе въ нѣкоторыхъ угольныхъ копяхъ ... по 6—7½ часовъ. У насъ совершенно иныя усло- ... препятствуетъ развитію самодѣятельности рабо- ... взять на себя защиту ихъ интересовъ. Очевид- ... этой необходимости и начинаютъ издавать у ...).

... охраненіи женщинъ и дѣтей, занятыхъ промыш- ... законодательной охранѣ взрослыхъ ра- ... предлагалось, подъ влияніемъ экономистовъ школы ... рабочие сумѣютъ сами охранять себя, пока, ... была признана ошибочность этой мысли. Русскому ... издавна не былъ чуждъ принципъ охраны и ... По адмиралтейскому регламенту 1722 г. (5 апрѣля), ... рабочего дня съ 10 марта по 16 сентября была опре- ... часовъ, а въ остальное время года начало работы ... до восхода солнца и окончаніе ея—часъ послѣ ... отътока **). Грамотою городамъ 1785 г. былъ уста- ... даже 10-ти часовой рабочей день: съ 6 ч. утра ... полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ

... 1 июня 1882 г. о малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и ... фабричной инспекціи для надзора за работой малолѣт- ... г. о школьномъ обученіи малолѣтнихъ, о продолжитель- ... фабричной инспекціи; законъ 3 июня 1886 г. о наймѣ рабо- ... Вмѣстѣ съ тѣмъ въ законѣ о фабричной инспекціи. Въ духѣ этой системы охраны рабочихъ былъ составленъ ... министерствомъ мануфактуръ и торговли и проектъ закона объ ... промышленныхъ предпріятій за увѣчья и смерть ра-

... императора Александра I въ 1803—1804 гг. относительно ... фабрикъ (казенныхъ и посессионныхъ) правительство уста- ... рабочий день.

и отдых (П. С. З. т. XXII, № 16188, п. 105). По положенію о частной золотопромышленности 1838 г. опредѣленъ былъ maximum рабочаго дня въ 15 часовъ, со включеніемъ объединнаго отдыха. Норма эта была непомѣрно велика, особенно при отсутствіи опредѣленія продолжительности отдыха, но, все-таки, нельзя не пожалѣть, что составители закона о частной золотопромышленности 1870 г., вмѣсто того, чтобы значительно уменьшить максимальную продолжительность рабочаго дня на присекахъ предпочли во-все отказаться отъ нормированія рабочаго дня. Какъ уже было указано, лица, составлявшія въ Иркутскѣ первыя двѣ редакціи проекта правилъ о наймѣ рабочихъ на золотыя промыслы, возвратились къ опредѣленію продолжительности рабочаго дня взрослыхъ, хотя и приняли слишкомъ повышенную норму. При дальнѣйшемъ обсужденіи проекта этого закона, представители сибирской горной администраціи высказались неодинаково: одни за 12-ти часовой, другіе—за 10-ти часовой рабочейъ день *).

Одинъ изъ высшихъ представителей администраціи Восточной Сибири находить «совершенно необходимымъ число рабочихъ часовъ въ сутки въ *горныхъ* присековыхъ работахъ ограничить 12-ю, считая въ томъ числѣ 3 часа на завтракъ, обѣдъ съ отдыхомъ и послѣобѣденный чай», т. е. полагаетъ «совершенно необходимымъ» установить для горныхъ работъ 9-ти часовой рабочейъ день. Другой администраторъ (Западной Сибири) также высказывается за опредѣленіе числа часовъ работы присековыхъ рабочихъ въ размѣрѣ 12, «*включая* въ это число время на чай и обѣдъ», т. е. также высказывается въ пользу установленія 9 или 10-ти часоваго рабочаго дня. Къ этимъ заявленіямъ официальныхъ лицъ слѣдуетъ присоединить еще выводъ красноярскаго врача Крутовскаго изъ упомянутаго уже нами доклада его обществу енисейскихъ врачей о вліяніи условій жизни и работы на золотыхъ промыслахъ на физическое здоровье рабочихъ: «Продолжительность рабочаго дня очень велика и произвольна. *Необходимо ограничить рабочейъ день maximum 8 часами*» **).

Такимъ образомъ, уже многіе компетентныя лица изъ горной и общей администраціи сознаютъ необходимость сокращенія рабочаго дня до 9—10 часовъ, а врачи стоятъ за 8-ми часовой рабочейъ день. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что, быть можетъ, возможно выдѣлить изъ присековыхъ работъ собственно горныя (какъ подъ землю, такъ и въ открытыхъ разрѣзахъ).

*) За 10-ти часовой рабочейъ день высказался въ печати томскій окружный инженеръ Реутовскій въ редактируемомъ имъ *Вѣстникѣ Золотопромышленности* (1893 года, № 1). Горный инженеръ Ицевичъ также высказывается за то, что „никакой урокъ не можетъ быть разсчитываемъ больше, чѣмъ на 10 часовъ непрерывной работы по даннымъ справочныхъ книжекъ и рабочихъ положеній“ (*Вѣстн. Золотопром.* 1892 г., № 13, стр. 175).

**) Для сравненія упомянемъ, что извѣстный врачъ и бывший фабричный инспекторъ Святловскій въ своей книгѣ *Фабричный рабочейъ* говоритъ, что на ткацкихъ фабрикахъ необходимо сократить рабочейъ день, по крайней мѣрѣ, до 8 час. въ сутки (стр. 214), а на сахарныхъ заводахъ предлагаетъ (стр. 198) установить даже maximum—6 часовъ работы.

Для такихъ работъ, какъ дѣйствительно крайне истощающихъ силы рабочихъ, слѣдовало бы назначить рабочій день въ 8 часовъ работы, за исключеніемъ времени отдыха (съ тѣмъ, чтобы работа продолжалась непрерывно не болѣе 4—4½ час. и отдыхъ былъ бы не менѣе 2 час.), а для остальныхъ работъ (различныхъ мастеровыхъ и проч.) можно было бы назначить 9-ти или максимально 10-ти часовой рабочій день.

Въ Западной Европѣ, какъ мы замѣтили, законодательство нерѣдко значительно отстаетъ отъ дѣйствительной жизни. Такъ, напримѣръ, по австрійскому закону 21 іюня 1884 года, въ копияхъ рабочее время не должно превышать 10-ти часовъ, а, между тѣмъ, въ большинствѣ венгерскихъ рудниковъ и на казенныхъ рудникахъ въ Богеміи существуетъ 8-ми часовой рабочій день. Въ Германіи хотя закономъ 11-ти часовой рабочій день установленъ только для женщинъ, въ дѣйствительности германскіе рудокопы работаютъ по большей части 8—10 часовъ *). Во Франціи хотя нѣтъ другого закона, регулирующаго работу взрослыхъ рабочихъ муж. п., кромѣ устарѣлаго фабричнаго закона 1848 г. о 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ, въ копияхъ мы находимъ въ большинствѣ случаевъ 8-ми часовой трудъ. Въ Италіи, въ странѣ весьма отсталой въ дѣлѣ фабричнаго законодательства, продолжительность дѣйствительнаго труда въ горныхъ работахъ равняется 7—10 часамъ. Въ Англии, какъ мы уже говорили, лишь въ нынѣшнемъ году былъ принятъ палатою общины законъ о 8-ми часовомъ трудѣ, тогда какъ въ копияхъ многіе рудокопы уже ранѣе работали 8 часовъ, а нѣкоторые 6—7½ часовъ, и, притомъ, въ Нортумберландѣ и Дургамѣ 8-ми часовой день не былъ выработанъ рабочими союзами, а «добровольно установленъ хозяевами», для забойщиковъ же, составляющихъ тамъ около 70% всѣхъ лицъ, работающихъ подъ землю, полный рабочій день равняется приблизительно 7 часамъ со времени оставленія «берега» (шахтовъ отверстія) и до возвращенія, а у «фаса» они работаютъ не болѣе 6 часовъ **). Въ Америкѣ во многихъ штатахъ установленъ 8-ми часовой рабочій день для взрослыхъ мужчинъ, а во всѣхъ правительственныхъ мастерскихъ, по закону 1 августа 1892 г., введенъ 8-ми часовой рабочій день. Наконецъ, въ Австраліи установленіе законодательнымъ путемъ 8-ми часоваго рабочаго дня оказалось ненужнымъ, такъ какъ онъ уже вездѣ существуетъ въ дѣйствительности (въ Викторіи уже съ 1856 г.); впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Австраліи 8-ми часовой рабочій день установленъ и закономъ.

Законодательному сокращенію рабочаго дня во многихъ странахъ противились капиталисты изъ опасенія сокращенія производства. Но опытъ показалъ, что эти опасенія не всегда основательны. Англійскій военный министръ рѣшился сократить рабочій день въ мастерскихъ военнаго вѣдомства не столько вслѣдствіе настояній делегатовъ рабочихъ, сколько потому,

*) *Веббъ и Коксъ*: „Восьмичасовой рабочій день“, стр. 259, 77 и 74.

**) *Conrad und Lexis*: „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, 1890, I, 771 778, 496.

что произведенные опыты привели его къ убѣжденію, что сокращеніе рабочаго дня до 8 часовъ повліяло на количество работы очень мало, за то оказало замѣтное вліяніе на ея качество (*Новое Время* 1894 г., 1 января). Недавно также одинъ швейцарскій фабричный инспекторъ, на основаніи фабричныхъ книгъ, вычислилъ, что при 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ вырабатывалось въ сутки на каждыя 1,000 веретенъ 372 килограмма пряжи, а при 11-ти часовомъ днѣ, при тѣхъ же машинахъ на той же фабрикѣ стало вырабатываться 388 килограммовъ, слѣдовательно, въ болѣе короткій день вырабатывалось большее количество пряжи. На другой фабрикѣ при 12-ти часовомъ днѣ рабочий зарабатывалъ, получая задѣльную плату 203 франка, а при 11-ти часовомъ на тѣхъ же условіяхъ сталъ зарабатывать 233 фр. Это для многихъ становится настолько очевиднымъ, что нѣкоторые фабриканты начинаютъ сами сокращать количество рабочихъ часовъ, и, притомъ, не только въ Западной Европѣ, но и въ Россіи *).

Въ собраніи 9 февраля общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ былъ прочитанъ выработанный лодзинскимъ отдѣленіемъ, по порученію общества, проектъ законодательной нормировки рабочаго времени на фабрикахъ Россіи. Убѣдившись на основаніи собранныхъ фактовъ, что производительность труда усиливается вслѣдствіе сокращенія рабочаго дня, лодзинское отдѣленіе проситъ ходатайствовать о слѣдующемъ законодательномъ ограниченіи рабочаго времени въ Россіи: 1) ночная работа съ 10 ч. веч. до 4 ч. утра запрещается на заводахъ, фабрикахъ и т. п., за исключеніемъ тѣхъ, которые, по характеру своего производства, должны необходимо вести работу безъ всякихъ перерывовъ (какъ, наприм., доменные печи, сахарные, винокуренные, пивоваренные, стеклоплавильные, газовые и т. п. заводы); 2) максимальная продолжительность дневной работы ограничивается для одной смѣны рабочихъ: а) въ кояхъ металловъ, каменнаго угля и вообще въ подземныхъ пространствахъ 10-ю часами въ сутки; б) въ фабрикахъ желѣзныхъ, стальныхъ и вообще металлическихъ издѣлій 11-ю часами въ сутки и в) во всѣхъ прочихъ промышленныхъ заведеніяхъ 12-ю часами въ сутки, съ обязательнымъ перерывомъ, по крайней мѣрѣ, на 1 часъ для обѣда. Въ тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, владѣльцы которыхъ, не смотря на отсутствіе необходимости непрерывнаго хода производства, желали бы вести его долѣе 12 часовъ въ день въ 2 смѣны рабочихъ, работа каждой смѣны не можетъ превышать 9 часовъ въ сутки въ предѣлахъ времени отъ 4 часовъ утра до 10 часовъ вечера. Еслибъ

*) Еще въ 1885 г., по отчету главнаго фабричнаго инспектора (стр. 52), изъ общаго числа нашихъ промышленныхъ заведеній въ 80% такихъ заведеній количество рабочихъ часовъ было 12 и менѣе, а именно: съ 12 рабочими часами 36,8%, съ 11-ю 20,8%, съ 10-ю 18,1%, съ 9-ю 2,1%, съ 8-ю 1,6%, съ 7-ю 0,4% и съ 6-ю 0,2%. Но на фабрикахъ Серпуховскаго, Коломенскаго и Бронницкаго уѣздовъ, Московской губерніи, въ то же время средняя продолжительность рабочаго дня равнялась 12 ч. 39 м. *Деметъевъ*: "Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ".

1893 г., стр. 91.

опытъ подтвердилъ полезность этой мѣры, то черезъ 5 лѣтъ желательно дальнѣйшее сокращеніе рабочаго дня каждой изъ 3-хъ категорій промышленныхъ заведеній еще на 1 часъ. Общество для содѣйствія промышленности и торговлѣ весьма сочувственно отнеслось къ этой запискѣ и передало ее пока на разсмотрѣніе московскаго и варшавскаго отдѣленій общества и конторы желѣзнодорожниковъ (*Новое Время* 1894 г., № 6450). Въ виду только что приведеннаго свидѣтельства главнаго фабричнаго инспектора, что уже теперь въ 80% нашихъ промышленныхъ заведеній количество рабочихъ часовъ было 12 и менѣе, нельзя не признать нормъ продолжительности рабочаго дня, предложенныхъ лодзинскимъ отдѣленіемъ общества для содѣйствія промышленности и торговли, слишкомъ высокими. Это отдѣленіе тѣмъ болѣе могло бы предложить низшія нормы, что средняя продолжительность рабочаго дня въ Царствѣ Польскомъ равняется 11 часамъ, на заводахъ металлическихъ издѣлій 10½ ч. (дневной работы), а на стеклянныхъ заводахъ даже 9¼ час. *).

Въ трудѣ Брентано (*Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung*, 1 изд. 1877 г., 2 изд. 1893 г.) множествомъ цифровыхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ практическихъ наблюдений, доказывается возростаніе производительности труда отъ сокращенія продолжительности рабочаго дня. Въ еще большемъ размѣрѣ это сдѣлано въ трудѣ о работѣ и заработной платѣ знаменитыхъ инженеровъ-строителей Брассей, имѣвшихъ случаи дѣлать наблюденія весьма крупныхъ размѣровъ въ различныхъ странахъ (*Brassey: «Work and Wages»*, 1-е изд. 1872 г.). Въ Австрій законодательное сокращеніе фабричнаго труда взрослыхъ рабочихъ не только не вызвало сокращенія количества продуктовъ, но даже нѣсколько увеличило его. По заявленію президента корпораціи рудокоповъ въ Германіи, рабочіе въ копяхъ добывали наибольшее количество продукта при 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ. Увеличеніе продолжительности рабочаго дня можетъ усилить производительность въ теченіе 3-хъ или 4-хъ недѣль, послѣ которыхъ производство возвращается къ нормальному уровню и для 10-ти часовой работы остается такимъ же, какъ и для 8-ми часовой (см. *Веббъ и Коксъ*, стр. 116—119, 122—123, 169) **). Такимъ образомъ, сокращеніе рабочаго дня можетъ вовсе не сопровождаться даже сокращеніемъ добываемаго продукта, а, между тѣмъ, какъ важно это сокращеніе для здоровья рабочихъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта. Англійскій союзъ машиностроителей ведетъ аккуратную статистику смертности своихъ членовъ,

* Отчетъ И. И. Янжула по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ, Спб. 1888 г., стр. 41, прилож., стр. 94.

** По отчетамъ швейцарскихъ фабричныхъ инспекторовъ за 1890 и 1891 г., фабриканты въ очень многихъ производствахъ, уступая требованіямъ рабочихъ, сократили рабочій день до 10 часовъ (вмѣсто установленныхъ закономъ 11 час.) и при этомъ многіе изъ нихъ заявляютъ, что не только не видно разницы между прежнимъ 11-ти часовымъ и теперешнимъ 10-ти часовымъ рабочимъ днемъ, но что болѣе короткій день, пожалуй, даже выгоднѣе (*Русскія Вѣдомости* 1893 г., № 238).

которая показываетъ, что средняя продолжительность жизни членовъ союза прежде была $38\frac{1}{2}$ лѣтъ для мужчины и $37\frac{1}{2}$ лѣтъ для женщины. Въ 1872 г. машиностроители добились сокращенія своего рабочаго дня до 9 часовъ, и съ тѣхъ поръ средняя продолжительность жизни находится въ постоянномъ возрастаніи и въ 1889 г. дошла до $48\frac{1}{2}$ лѣтъ *). Какъ вредно вліяетъ на рабочихъ тяжелый пріисковый трудъ, всего лучше видно изъ вышеупомянутаго доклада доктора Крутовскаго. Наконецъ, замѣтимъ, что физически измученный рабочій болѣе склоненъ къ пьянству **).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что законодательное регулированіе рабочаго дня самымъ настоятельнымъ образомъ вызывается необходимостью охраненія жизни и здоровья рабочаго класса и что оно можетъ вовсе не сопровождаться уменьшеніемъ добываемаго продукта; но если бы для добычи того же количества золота и потребовалось нѣкоторое увеличеніе числа рабочихъ, то золотопромышленникамъ есть изъ чего произвести такое увеличеніе. По *собственнымъ показаніямъ* пріисковыхъ управленій въ 1890 г. при посѣщеніи иркутскимъ генераль-губернаторомъ пріисковъ Олекминскаго округа, по среднему выводу за три года (1887—89 гг.) К^о Промышленности и Прибрежно-вѣтская имѣла дохода 23%, К^о Базилевскаго—32% ***) , Ленское товарищество—13% и К^о Демидовой—17%. При такихъ доходахъ и оборотахъ въ сотни тысячъ, а нѣкоторыя изъ этихъ компаній и въ милліоны рублей, золотопромышленники могли бы произвести и лишнія затраты, если бы потребовалось нѣкоторое увеличеніе контингента рабочихъ. Но сокращеніе рабочаго дня можетъ вызвать, вмѣсто увеличенія числа рабочихъ, лишь улучшеніе техники, а это могло бы содѣйствовать значительному увеличенію количества добываемаго золота. Если возражать, что не все посильное для крупныхъ компаній возможно для болѣе мелкихъ, то мы отвѣтимъ, что не будемъ очень скорбѣть, если мелкіе хозяева-золотопромышленники, особенно эксплуатирующіе рабочихъ, и совсѣмъ исчезнутъ и будутъ замѣнены артелями самихъ рабочихъ. Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ округахъ болѣе трети пріисковъ разрабатывается артелями золотничниковъ ****), и недалеко время, когда, подобно тому, какъ уже теперь министерство государственныхъ имуществъ оказываетъ поддержку кустарной промышленности, будетъ признано необходимымъ оказать содѣйствіе и производительнымъ артелямъ промысловыхъ рабочихъ: когда они явятся хозяевами своего дѣла, имъ не будетъ причины утаивать золото, и хищничество въ золотопромышленности значительно уменьшится.

*) *Гольдвейзеръ*: „Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи“, 1891 г., стр. 162.

**) Срав. *Веббъ и Коксъ*, стр. 174, и статью *Манассеиной* „Объ усталости“ въ *Северномъ Вѣстникѣ* 1893 г., № 5, стр. 141—142.

***) Такой же доходъ получался въ среднемъ за 1877 — 87 гг. и на пріискахъ Б. И. Вазилевскаго Енисейскаго округа.

****) Въ 1883 г. во всемъ Енисейскомъ округѣ почти 30%, въ 1884 г.—болѣе 33%, въ 1885 г. въ южно-енисейской системѣ даже 42%.

Нѣкоторые возражаютъ, что трудно было бы услѣдить за соблюденіемъ установленной закономъ продолжительности рабочаго дня, но при тѣхъ отношеніяхъ, какія существуютъ между золотопромышленниками и рабочими, первые могутъ всегда опасаться заявленія со стороны вторыхъ мѣстной горной администраціи и полиціи о нарушеніи закона. Такъ какъ напряженность труда при уменьшеніи количества рабочихъ часовъ возрастаетъ, то общая производительность его можетъ не уменьшиться, или уменьшиться незначительно, и, слѣдовательно, нѣтъ основанія опасаться (хотя бы и временнаго) значительнаго уменьшенія рабочей платы, а если бы эта плата нѣсколько и уменьшилась, то это выкупается сбереженіемъ силъ и здоровья рабочихъ. Нѣтъ основанія думать, что рабочіе могутъ быть противъ закона, ограничивающаго количество рабочихъ часовъ, какъ думаютъ нѣкоторые: потребность въ отдыхѣ при теперешнемъ непосильномъ трудѣ слишкомъ сильно сказывается въ рабочихъ и вызываетъ уклоненіе отъ работы сверхъ немногихъ льготныхъ дней, что ведетъ къ столкновеніямъ съ присковою администраціей. Чрезмѣрное переутомленіе вызываетъ и болѣе сильную потребность въ винѣ, тайно добываемомъ за огромныя деньги отъ спиртоносовъ или нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, а это уменьшаетъ количество заработковъ, выносимыхъ съ промысловъ. Чрезмѣрное переутомленіе ведетъ, наконецъ, и къ тому разгулу по окончаніи операціи, во время котораго иной разъ растрачивается значительная часть полученныхъ денегъ. Съ уменьшеніемъ количества рабочихъ часовъ, а, слѣдовательно, и чрезмѣрнаго переутомленія уменьшится и пьянство и такимъ образомъ скорѣе сбережется заработокъ рабочихъ. Лица, возражающія противъ законодательнаго регулированія рабочаго дня на золотыхъ промыслахъ, указываютъ также на то, что у насъ не имѣется еще закона, ограничивающаго продолжительность работъ для *взрослыхъ* рабочихъ въ какой бы то ни было отрасли промышленности. Но мы уже указывали выше, что этотъ принципъ не былъ чуждъ нашему законодательству еще въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, и что теперь пора намъ послѣдовать примѣру въ этомъ отношеніи Западной Европы. Разумѣется, было бы желательно, чтобы и въ другихъ отрасляхъ промышленности была регулирована продолжительность ежедневнаго труда взрослыхъ рабочихъ, но такъ какъ теперь на очереди законодательное регулированіе положенія присковыхъ рабочихъ, то нѣтъ причинъ не начать въ этой области примѣненія мѣры, вызываемой насущными потребностями рабочихъ.

Нужно замѣтить, что въ настоящее время на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ повсемѣстно распространена урочная система. Въ контрактахъ золотопромышленниковъ съ рабочими, обыкновенно, назначаются уроки, которые рабочіе обязываются выработать ежедневно. На это обстоятельство слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе, такъ какъ если вовсе не регулировать размѣра уроковъ, то урочная система можетъ оказаться въ противорѣчій съ необходимымъ нормированіемъ рабочихъ часовъ. Нѣкто-

рые предлагают выработать и установить въ законодательномъ порядкѣ нормальное урочное положеніе относительно горныхъ работъ для каждой системы золотыхъ промысловъ; но въ такомъ случаѣ непременно должно быть соблюдено условіе, чтобы уроки возможно было выполнить въ то количество часовъ, какое будетъ установлено новымъ закономъ. Трудность выработки такого положенія зависитъ отъ разнообразія мѣстныхъ условій. Для этого необходимо было бы специальное изслѣдованіе всѣхъ системъ золотыхъ промысловъ, причѣмъ относительно каждаго пріиска слѣдовало бы выяснитъ свойство почвы и возможный размѣръ урока. Правда, этотъ трудъ могъ бы быть выполненъ мѣстными окружными инженерами, но насъ смущаютъ субсидіи, получаемыя ими отъ золотопромышленниковъ и доходящія въ нѣкоторыхъ округахъ до 10,000 руб. въ годъ; это обстоятельство не позволяетъ ожидать отъ окружныхъ инженеровъ необходимаго въ этомъ дѣлѣ безпристрастія. Контроль горнаго управленія или присутствія по горно-заводскимъ дѣламъ едва ли внесетъ при этомъ значительную поправку, такъ какъ имъ придется руководствоваться свѣдѣніями, полученными отъ тѣхъ же горныхъ инженеровъ. Размѣръ ежедневной выработки при открытыхъ работахъ колеблется и въ зависимости отъ погоды. Въ виду этой трудности установить законодательнымъ путемъ размѣръ уроковъ, необходимо, по нашему мнѣнію, урочную систему поставить въ полную зависимость отъ нормы, которую и легко установить, и за исполненіемъ которой не трудно наблюсти, т.-е. отъ опредѣленія известной продолжительности рабочаго дня, и потому слѣдуетъ установить, что золотопромышленникъ не имѣетъ права ни заставить рабочаго окончить урокъ, если тотъ не успѣлъ выполнить его въ установленное закономъ время, ни штрафовать его за это. Разъ законъ опредѣляетъ продолжительность рабочаго дня (а это совершенно необходимо), назначеніе урока могло бы имѣть только одну цѣль: дать усерднымъ и сильнымъ рабочимъ возможность особенно напряженной работой сократить продолжительность своего труда сравнительно съ установленною закономъ нормой. Если же при предлагаемомъ нами введеніи размѣровъ уроковъ въ границы опредѣленной закономъ продолжительности рабочаго дня (а только при этомъ условіи не будетъ нарушаться правило закона о количествѣ рабочихъ часовъ) золотопромышленники отказались бы вовсе отъ системы уроковъ, то это было бы самое лучшее. Опасаться, что при отсутствіи уроковъ рабочіе станутъ трудиться слишкомъ небрежно, нѣтъ основанія, такъ какъ работы въ разрѣзахъ они производятъ подъ постояннымъ наблюденіемъ особыхъ надсмотрщиковъ и за лѣность промышленникъ можетъ отказать рабочимъ. Другимъ побужденіемъ въ усердному труду можетъ быть задѣльная плата.

Въ настоящее время лѣтомъ на сибирскихъ промыслахъ рабочіе имѣютъ не болѣе двухъ льготныхъ дней въ мѣсяцъ, на многихъ всего по одному, а есть и такіе золотопромышленники, которые лѣтомъ вовсе не даютъ льготныхъ дней. Само собою разумѣется, что такое положеніе вещей край-

не ненормально и вредно отражается на здоровья рабочихъ. По свидѣтельству проф. Янжула, бывшаго фабричнаго инспектора, въ Московскомъ округѣ празднуется среднимъ числомъ 79 дней *), по свидѣтельству бывшаго фабричнаго инспектора доктора Святловскаго въ Варшавскомъ округѣ среднимъ числомъ на фабрику приходится 71 праздникъ, а въ Англии рабочіе имѣютъ даже 86 дней отдыха **). Такъ какъ пріисковая работа несколько не легче, а, напротивъ, тяжелѣе фабричной, то совершенно ясна необходимость установить обязательное празднованіе воскресеній, какъ это предлагалъ въ 1882 году и начальникъ главнаго тюремнаго управления. Красноярскій врачъ Крутовскій также считаетъ совершенно необходимымъ установленіе праздничнаго отдыха «каждое воскресенье для всей команды». Одинъ окружный инженеръ высказалъ мысль, что «для наибольшей производительности въ работѣ... въ лѣтнее время съ 1 апрѣля по 1 октября, также какъ и въ зимнее время, должно требовать: 1) или соблюденіе празднованія воскресенья, или 2) количество дней для отдыха съ 2 (въ мѣсяцъ) увеличить до 4. Замѣтимъ съ своей стороны, что необходимость празднованія воскреснаго дня уже признана на Западѣ: оно сдѣлано обязательнымъ въ фабричныхъ и горныхъ работахъ Германіи по закону 1 іюня 1891 г. и въ Австро-Венгріи; въ Англии также не бываетъ работы по воскресеньямъ ***).

На золотыхъ промыслахъ работаютъ не только мужчины, но и женщины; правда, вы не встрѣтите женщинъ, работающихъ въ забоѣ, но на одномъ пріискѣ на Алтаѣ мы сами видѣли, что женщина протираетъ золото въ золотопромышленной машинѣ; работаютъ женщины и въ качествѣ струги, прислуги и т. п. Во всякомъ случаѣ, и къ нимъ необходимо примѣнить законъ 9 марта 1892 г., по которому женщины не допускаются къ работамъ въ рудникахъ, а равно и къ ночнымъ работамъ.

Кромѣ взрослыхъ работниковъ и работницъ, на пріиски нанимаютъ и нѣкоторое количество малолѣтнихъ. По общему закону (*Уставъ о промышленности*, изд. 1893 г., ст. 108), дѣти, не достигшія 12 лѣтъ отъ роду, къ работамъ не допускаются, но устанавливать столь низкую норму для золотыхъ пріисковъ нѣтъ основанія уже потому, что, судя по отчету окружнаго инженера сѣверно-енисейской системы (1888 г.), тамъ всѣ нанятые малолѣтніе (84 чел.) имѣли возрастъ отъ 14 до 17 лѣтъ, слѣдовательно, ранѣе 14 лѣтъ малолѣтніе не нанимались вовсе. Затѣмъ укажемъ еще на

*) На фабрикахъ Серпуховскаго, Коломенскаго и Бронницкаго уѣздовъ, Московской губ., число праздничныхъ дней колеблется между 78 и 116, причемъ на большинствѣ изъ нихъ (82% всего количества) празднуется отъ 85 до 99 дней. *Деметьевъ*: „Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ“. М., 1893 г., стр. 62.

**) *Святловскій*: „Фабричный рабочий“, стр. 45. Между тѣмъ, по одному проекту регулированія быта пріисковыхъ рабочихъ предполагается установить всего 56 праздниковъ (считая и всѣ воскресенья зимнихъ мѣсяцевъ).

***) *Kulemann*: „Der Arbeiterschutz“, 1893, S. 46, 104, 108. *Conrad* u. *Lexis*: „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, I, 447.

слѣдующія ограниченія работы малолѣтнихъ по нашему законодательству. По закону 9 марта 1892 года о наймѣ рабочихъ на горные промыслы и заводы, «малолѣтніе рабочіе, не достигшіе 15 лѣтъ, и женщины не допускаются къ *ночнымъ* работамъ, а равно къ работамъ внутри рудниковъ. Малолѣтніе рабочіе сверхъ того не должны быть занимаемы работою болѣе 8 часовъ въ сутки (*Уставъ горный*, изд. 1893 г., ст. 655). Въ *Уставѣ о промышленности*, изд. 1893 г. (ст. 110), малолѣтнихъ воспрещено также посылать на работу въ воскресные и высокаторжественные дни. Но въ дѣйствующемъ законодательствѣ можно указать постановленія, еще болѣе повышающія норму того возраста, въ которомъ дозволяются ночныя работы для подростковъ. По *Уставу о промышленности* (изд. 1893 г., ст. 122), воспрещено употреблять въ ночныя работы всѣхъ вообще женщинъ и подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ для производствъ хлопчато-бумажнаго, полотнянаго, шерстяного, льнопрядильнаго, льнотрепальнаго и смѣшанныхъ тканей, причѣмъ, по соглашенію министра финансовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, это ограниченіе можетъ быть распространяемо и на другія промышленныя заведенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ночная работа въ присковой шахтѣ нисколько не легче работы на названныхъ фабрикахъ. Нельзя не замѣтить также, что среда присковыхъ рабочихъ не можетъ быть признана полезною для подростковъ. Въ виду послѣдняго мотива, желательнo было бы вовсе воспретить наемъ на приски мальчиковъ и дѣвочекъ моложе 17 лѣтъ, если же это запрещеніе принято не будетъ, то, по крайней мѣрѣ, согласно указанному правилу *Устава о промышленности*, воспретить ночныя и подземныя работы не только для женщинъ вообще, но и для подростковъ мужского пола до 17 лѣтъ; примѣнительно же къ статьѣ 110 *Устава о промышленности*, изд. 1893 г., слѣдовало бы освободить ихъ и отъ работъ во всѣ воскресные дни, а также установить, чтобы число рабочихъ часовъ (и въ томъ случаѣ, еслибъ оно не было ограничено для взрослыхъ) не превышало восьми.

Напомнимъ о постановленіяхъ по этому вопросу въ иностранныхъ законодательствахъ. На швейцарскихъ фабрикахъ, по закону 1877 г., запрещена подросткамъ ниже 17 лѣтъ и всѣмъ женщинамъ воскресная и ночная работа. Во Франціи, по закону 1892 г., мальчики до 18 лѣтъ и всѣ женщины вообще не должны употребляться на ночныя работы, а также для нихъ обязательно назначается одинъ свободный день въ недѣлю, хотя имъ можетъ быть и не воскресенье. Наконецъ, дѣвушки и женщины какъ и въ законодательствахъ многихъ другихъ государствъ) не допускаются для работъ подъ землею (въ рудникахъ), а допущеніе туда юношей отъ 13 до 18 лѣтъ возможно лишь съ разрѣшенія властей. Въ Германіи, по закону 1891 г., подросткамъ ниже 16 лѣтъ совершенно воспрещена ночная и воскресная работа, а для извѣстныхъ производствъ, связанныхъ съ опасностью для здоровья и нравственности, союзному совѣту предоставлено право и вовсе запретить работу подросткамъ отъ 14 до 16 лѣтъ,

а также и женщинъ. По дѣйствующимъ австрійскимъ законамъ, подростки до 16 лѣтъ не могутъ работать на фабрикахъ болѣе 8 часовъ, а ночная работа отъ 8 часовъ вечера до 5 часовъ утра имъ вовсе воспрещена.

Въ Россіи, по закону 11 мая 1847 г., на уральскихъ казенныхъ горныхъ заводахъ мальчики до 15 лѣтъ могли только въ случаѣ нужды употребляться въ легкія горныя работы не болѣе 8 часовъ въ день, а по закону 8 марта 1861 г., на казенныхъ горныхъ заводахъ позволено употреблять малолѣтковъ до 15 лѣтъ лишь въ надземныя работы. Въ настоящее время на большинствѣ фабрикъ, по отчету главнаго фабричнаго инспектора за 1885 г., установлена, согласно требованію закона 1 іюня 1882 г., восьмичасовая работа малолѣтнихъ рабочихъ въ 60,3%, такихъ промышленныхъ заведеній, по $6\frac{1}{2}$ — $7\frac{1}{2}$ час. въ 9,1%, промышленныхъ заведеній, по 6 часовъ—въ 20,4% и отъ 3— $5\frac{1}{2}$ час. въ 10,2%, такихъ заведеній. Изъ этого видно, что, въ случаѣ дозволенія найма подростковъ на золотые промыслы, сокращеніе ихъ труда до 8 часовъ является скорѣе малымъ, чѣмъ слишкомъ большимъ ограниченіемъ. Дозволеніе нанимать на золотые пріиски 12-ти-лѣтнихъ дѣтей, которое мы находимъ въ проектѣ горнаго департамента, только ухудшило бы положеніе малолѣтнихъ. Какъ мы уже замѣтили, по отчету окружнаго инженера сѣверо-енисейской системы (1888 г.), тамъ наняты были малолѣтніе лишь отъ 14 до 17 лѣтъ.

II.

Огромное большинство рабочихъ (такъ называемые общеконтрактные, отрядные и проч.) нанимаются на сибирскіе золотые промыслы на хозяйскихъ харчахъ и только старатели-золотничники, получающіе вознагражденіе съ золотника добытаго ими золота, почти всегда состоятъ на своемъ содержаніи, которое они берутъ въ счетъ заработка изъ пріисковыхъ складовъ. По отчетамъ окружнаго инженера сѣверо-енисейской системы за 1888—1890 гг., каждый изъ рабочихъ получалъ въ мѣсяцъ мяса свѣжаго или соленаго отъ $37\frac{1}{2}$ фун. до 1 п. 5 ф., крупы 7—9 ф., соли 3 ф., сала или масла $1\frac{1}{2}$ ф. Кроме того, разъ или два въ недѣлю рабочіе получали кашу, лѣтомъ на всѣхъ пріискахъ имъ давали также и квасъ (кирпичный чай, сахаръ, табакъ и проч. отпускалось въ счетъ платы). По отчетамъ окружнаго инженера южно-енисейской системы за тѣ же годы, мяса выдавалось въ мѣсяцъ отъ 37 ф. до 1 п. 10 ф., сала или масла $\frac{1}{2}$ —1 ф., крупы до 8 ф., хлѣба и соли сколько потребуется. Мясо рабочіе получаютъ почти всегда соленое, свѣжее только въ концѣ лѣта и осенью. Большой недостатокъ пищи рабочихъ составляетъ ея крайнее однообразіе: они постоянно ѣдятъ мясной супъ съ крупю; ни картофеля, ни капусты на пріискахъ почти никогда не бываетъ. Г. Клеменць, хорошо знакомый съ жизнью пріисковыхъ рабочихъ Енисейской губ., въ обстоятельномъ разборѣ доклада г. Крутовскаго обращаетъ вниманіе на то, что

«прісковая солонина уже претерпѣла нѣкоторую степень разложенія» и что въ опредѣленной рабочему порціи мяса есть и извѣстная доля костей. «Лучшее мясо вообще, конечно, идетъ на долю служащихъ, козаковъ, конюховъ и т. д., а рабочимъ—что останется... Недостатокъ жировъ въ пищѣ рабочаго бросается въ глаза». На основаніи изученія расчетныхъ листовъ г. Клеменць свидѣтельствуетъ, что количество масла, выписываемаго рабочими (т.-е. забираемаго въ счетъ заработка изъ прісковыхъ лавокъ въ виду недостаточности его въ хозяйской пищѣ), «прогрессивно увеличивается отъ юга къ сѣверу... Недостатокъ овощей въ пищѣ рабочихъ долженъ дѣйствовать очень удручительно». Изъ всѣхъ извѣстныхъ г. Клеменцу прісковъ (а онъ посѣтилъ ихъ не мало въ Енисейской губ.) онъ знаетъ «только одинъ, гдѣ, кромѣ крупы, выдается иногда еще и капуста. Капуста появляется за столомъ рабочаго преимущественно въ началѣ мая мѣсяца, но она куплена на свои денежки и внесена въ расчетный листикъ».

Въ имѣющихся у насъ матеріалахъ нигдѣ не упоминается о выдачѣ простымъ рабочимъ чая отъ прісковаго управленія; это составляетъ привилегію лишь нѣкоторыхъ «разночинцевъ» (коноваловъ, конюховъ и т. п.). Между тѣмъ, по совершенно справедливому мнѣнію г. Клеменца, «какъ приправа къ прісковой пищѣ, чай рѣшительно необходимъ... Въ Сибири всѣ привыкли къ чаю, и мы не знаемъ,—говоритъ онъ,—почему хозяинъ, считая себя обязаннымъ давать рабочимъ мясо и хлѣбъ, заставляетъ его покупать чай на свой счетъ по амбарной таксѣ. Чай необходимъ еще и по слѣдующимъ соображеніямъ: несмотря на пресловутые 1½ ф. мяса въ день (на пріскахъ Енисейскаго округа простые горные рабочіе получаютъ чаще 1¼ ф.), «главная пища рабочаго, все-таки, хлѣбъ, котораго отпускается или по 4 ф. или «по потребности». Горячая пища разъ въ день, а заразъ 4 ф. не съѣшь. Чай даетъ возможность утромъ и вечеромъ ѣсть не сухой хлѣбъ... Кромѣ того, усиленная работа вызываетъ обильную испарину, за работой хочется пить и у рабочихъ есть обыкновеніе пить прямо изъ чайника холодный чай. Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что гораздо лучше пить чай, чѣмъ сырую воду. Въ тасжныхъ рѣчкахъ вода холодна и чиста, но въ разрѣзѣ ее не всегда можно достать. Вечеромъ послѣ работы, когда въ тайгѣ полдневный зной смѣняется ощутительною свѣжестью, является потребность согрѣться, а чѣмъ согрѣться, какъ не чаемъ?» *).

Что касается Олекминскаго округа, то при посѣщеніи прісковъ этой стности иркутскимъ генераль-губернаторомъ въ 1890 г. пища въ обихъ котлахъ была найдена «на вкусъ достаточно хорошей, но она оказалась жидкой и, слѣдовательно, мало питательной»; «главнѣйшій недостатокъ ея заключается въ маломъ количествѣ жировыхъ веществъ». Будучи на пріскахъ Олекминскаго округа въ 1891 г., я нашелъ, что хлѣбъ

* *Восточное Обозрѣніе* 1892 г., № 11, стр. 13.

обыкновенно хорошаго качества, по крайней мѣрѣ, на тѣхъ присекахъ крупныхъ компаній, гдѣ мнѣ удалось быть, и выдается въ достаточномъ количествѣ, но похлебка бываетъ недостаточно наварною *); относительно мяса нужно не забывать, что 1½ ф. выдается вмѣстѣ со всѣми костями и что, по свидѣтельству одного официальнаго лица, мяса, дѣйствительно годнаго къ употребленію, рабочіе получаютъ лишь 55 золотниковъ. Указаніе иркутскаго генераль-губернатора на недостаточность жировыхъ веществъ въ пищѣ присековаго рабочаго въ высшей степени справедливо и подтверждается свидѣтельствомъ г. Маліева, бывшаго врачомъ въ Оленинскомъ округѣ (нынѣ профессоръ Томскаго университета). «Что пища недостаточна относительно количества жира,—говоритъ онъ,—это косвенно доказывается тѣмъ, что рабочіе берутъ изъ магазиновъ коровье масло на свой счетъ и помногу. Напримѣръ, въ операцію 1878—79 г. въ Малопатомскомъ товариществѣ 450 рабочихъ въ теченіе года взяли 990 пуд., да кромѣ того хозяйскаго масла израсходовано на нихъ 200 пуд. (больше, чѣмъ полагается),—на каждаго рабочаго приходится, такимъ образомъ, 1½ фунта хозяйскаго и 7⅓ ф. на книжку въ мѣсяць (1 ф. масла стѣитъ нынѣ 40 коп.); за тотъ же годъ въ Ленскомъ товариществѣ на 643 челоуѣка вышло 109 пуд. хозяйскаго и 1,239 пуд. на книжку или по 0,56 ф. хозяйскаго и по 6½ ф. купленнаго самими рабочими» **).

Нѣкоторымъ читателямъ, незнакомымъ съ условіями присековаго труда и жизни рабочихъ на золотыхъ промыслахъ, ихъ питаніе можетъ, пожалуй, показаться слишкомъ роскошнымъ сравнительно съ тѣмъ, что ѣдятъ крестьяне Европейской Россіи. Но нужно помнить, что, во-первыхъ, уровень потребностей сибирскаго населенія, вслѣдствіе его большей зажиточности, гораздо выше, чѣмъ, напримѣръ, крестьянъ Великороссіи; во-вторыхъ, страшная напряженность присековаго труда и сѣверный климатъ вызываютъ потребность въ извѣстномъ пищевомъ режимѣ, который и выработался примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, и, въ-третьихъ, что паекъ присековыхъ рабочихъ обыкновенно вовсе не содержитъ въ себѣ овощей. Регулируя размѣръ этого пайка, необходимо не только не уменьшать его сравнительно съ постепенно установившеюся нормой, но и ввести въ него въ болѣшемъ количествѣ жировыя вещества, въ которыхъ вообще чувствуютъ особенную потребность всѣ рабочіе, занятые тяжелымъ физическимъ трудомъ на открытомъ воздухѣ ***).

По печатной редакціи иркутскаго проекта правилъ о наймѣ рабочихъ

*) Отчасти это происходитъ отъ того, что многіе рабочіе (особенно семейные) зрутъ мясо на руки; но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ потомъ, все-таки, желая получить и сваренную похлебку (вслѣдствіе того, что горячее кушанье вонзаетъ въ ныхъ присекахъ къ шахтѣ, далеко отстоящей отъ казармъ), то похлебку варятъ на большее количество людей, чѣмъ осталось не взятыхъ порцій мяса.

**) Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ 1881 г., т. III, стр. 105—106.

***) А. Н. Энгельгардтъ указалъ на это относительно землекоповъ. Въ Тирѣ въ настоящій дровосѣкъ ежедневно долженъ поглощать до 7 фунтовъ жира.

на золотые промыслы, составленного въ 1887 г., «ежедневная выдача пищевого довольствія рабочему не должна быть менѣе слѣдующаго количества: 4 ф. печенаго хлѣба, $1\frac{1}{2}$ ф. свѣжаго мяса, $\frac{1}{2}$ ф. крупы, $\frac{1}{16}$ коровьяго масла, $\frac{1}{8}$ ф. соли, $3\frac{1}{2}$ золотника кирпичнаго чая» и нѣкотораго количества водки, о чемъ мы скажемъ ниже. Г. Соловой въ разборѣ этого проекта правилъ *) замѣтилъ, что «размѣры пищевого довольствія, опредѣляемые проектомъ, довольно близко подходятъ къ установившимся на практикѣ. Въ данномъ случаѣ главное зло заключается не въ количествѣ запасовъ,—золотопромышленники въ этомъ отношеніи не особенно скупы,—а въ ихъ качествѣ, которое зачастую заставляетъ желать весьма многоаго. Недоброкачественность припасовъ, отпускаемыхъ рабочимъ на прискахъ, явленіе весьма распространенное». Во второй редакціи иркутскаго проекта относительно мяса сдѣлана была оговорка, что «въ исключительныхъ случаяхъ», вмѣсто свѣжаго мяса, можетъ выдаваться и соленое, «причемъ невозможность имѣть свѣжее мясо должна быть удостовѣрена горнымъ исправникомъ». По проекту 1892 года горнаго департамента, рабочіе, продовольствуемые отъ хозяевъ, должны получать въ мѣсяцъ не менѣе 85-ти фунтовъ ржаной муки или 125 фунт. печенаго хлѣба, 45 фунт. свѣжаго мяса, а при невозможности имѣть таковое соленого, 10 фунт. крупы, $2\frac{1}{2}$ фунта коровьяго масла или 5 фунт. топленого сала, половину доски ($1\frac{1}{4}$ фунта) кирпичнаго чая или $\frac{1}{2}$ фунта обыкновеннаго чая, $1\frac{1}{2}$ фунта сахара и 2 фунта соли **). Въ лѣтнее время рабочимъ, по этому проекту, предписывалось выдавать квасъ. Рабочимъ, находящимся въ поисковой партіи, предполагалось дозволить выдавать, вмѣсто хлѣба, сухарей по 3 ф. въ день и вмѣсто свѣжаго мяса соленое по 1 ф. на день. При слѣдованіи на приски и возвращеніи съ нихъ до жилого мѣста промышленникъ обязывался выдавать рабочимъ бесплатно на каждыя 20 верстѣ пути (а при слѣдованіи водою—на каждыя сутки) по 3 ф. ржаныхъ сухарей и по $\frac{1}{8}$ ф. соли и на каждыя 100 верстѣ пути (а при слѣдованіи водою—на каждыя 5 сутокъ) по 15 ф. ржаныхъ сухарей, по 30 золотник. соли, $\frac{1}{8}$ кирпичнаго чая или по 3 зол. обыкновеннаго чая и по $4\frac{1}{2}$ золотн. сахару. Все это довольствіе должно быть хорошаго качества». Главное замѣчаніе, какое можно сдѣлать по поводу этихъ нормъ пайка рабочаго, состоитъ въ томъ, что хотя количество жировыхъ веществъ и увеличено сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ, но, все-таки, не можетъ считаться вполне достаточнымъ, по крайней мѣрѣ, золотопромышленникъ Кузнецовъ (правда, урѣзывая другія пищевыя вещества) въ своемъ докладѣ обществу врачей Енисейской губ. 1892 г. признаетъ, что присковый ра-

*) Юридич. Вѣст. 1887 г., № 11, стр. 439—440.

**) Такой же паекъ съ небольшими измѣненіями считаетъ необходимымъ и горный инженеръ Яцевичъ (помощникъ начальника томскаго горнаго управленія) въ той же статьѣ: *Къ вопросу о выработкѣ правилъ для найма рабочихъ людей на золотые пски* (Вѣст. Золотопром. 1892 г., № 14). Онъ, впрочемъ, находитъ, что выдачу сала можно повысить до 3 ф., а количество сахару до 2 ф.:

бочій нуждается въ ежедневномъ употребленіи масла въ размѣрѣ 21 золот., т.-е. около 6½ ф. въ мѣсяцъ, а это совпадаетъ съ приведеннымъ выше показаніемъ доктора Маліева. Желательно было бы также дополнить опредѣленіе пайка рабочаго примѣчаніемъ, что промышленники сверхъ приведенныхъ нормъ продовольствія обязаны по мѣрѣ возможности отпускать для улучшенія очень однообразной пищи рабочихъ овощи (капусту, картофель, свеклу, лукъ, чеснокъ и др.) сообразно мѣстнымъ условіямъ, при отсутствіи же овощей увеличить дачу крупы до 15 ф., какъ это устанавливалось первою редакціей Иркутскаго проекта.

Приведенныя нормы не вполне соотвѣтствуютъ только привычкамъ киргизовъ, работающихъ на промыслахъ Семипалатинскаго или Семирѣченскаго округа, которые, впрочемъ, весною съ 1 апрѣля по 1 мая на большинствѣ присковъ получаютъ мясо, крупу, соль и ржаной печеный хлѣбъ отъ присковаго управленія безвозмездно, а съ 1 мая по 1 октября только одинъ ржаной печеный хлѣбъ, вмѣсто муки; но и то на нѣкоторыхъ промыслахъ мясо, крупа, соль, печеный ржаной хлѣбъ и часть кирпичнаго чаю отпускаются во всю операцію *). Такимъ образомъ, изъ того, что киргизы отличаются на нѣкоторыхъ промыслахъ по своему пищевому довольствію отъ другихъ рабочихъ, не слѣдуетъ еще дѣлать выводъ, что нельзя установить общихъ нормъ пищевого пайка для присковъ рабочихъ всей Сибири (относительно киргизовъ можно было бы сдѣлать соотвѣтственную оговорку); напротивъ, питаніе общеконтрактныхъ, отрядныхъ и т. п. рабочихъ, состоящихъ на хозяйскомъ содержаніи, вездѣ болѣе или менѣе одинаково.

Закономъ 9 марта 1892 г. о надзорѣ за горными заводами на горнозаводскія присутствія, между прочимъ, возлагается «изданіе обязательныхъ постановленій о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ заводскихъ и промысловыхъ зданіяхъ, а также въ отношеніи къ врачебной помощи рабочимъ» (*Уставъ горный*, изд. 1893 г., ст. 166). На основаніи этого закона нѣкоторые полагаютъ, что съ учрежденіемъ горнозаводскихъ присутствій въ Сибири, которыя предполагается открыть въ нынѣшнемъ году въ Томскѣ и Иркутскѣ, слѣдуетъ возложить на нихъ изданіе обязательныхъ постановленій относительно пищевого довольствія рабочихъ, состоящихъ на хозяйскомъ содержаніи, причемъ они исходятъ изъ ошибочной мысли, что это пищевое довольствіе разнообразно-

*) Изъ отчета томскаго горнаго управленія за 1890 годъ горнаго инженера Н. А. Денисова (*Горный Журналъ* 1891 г., № 12, стр. 522). Желательно было бы, чтобы отчеты горныхъ управленій составлялись съ большою подробностью и заключали въ себѣ болѣе свѣдѣній о положеніи рабочихъ, размѣрѣ уроковъ, рабочей платы и проч. Отчеты томскаго горнаго управленія состоятъ довольно обстоятельно, но многое ли можно извлечь изъ одной странички свѣдѣній о рабочихъ иркутскаго горнаго управленія за 1890 г.? (*Горный Журналъ* 1891 г., № 11, стр. 346—347). Когда на очередь ставятся серьезные вопросы регулированія присковаго труда, центральныя учрежденія не имѣютъ у себя подъ руками достаточнаго количества статистическихъ свѣдѣній.

зятся мѣстными условіями, чего вовсе нѣтъ, за исключеніемъ присковъ, гдѣ работаютъ киргизы (а такихъ очень мало), да и то не всѣхъ. Горно-заводскія присутствія состоятъ, по закону, изъ слѣдующихъ лицъ: подъ предсѣдательствомъ начальника горнаго управленія, изъ помощника начальника, представителя министерства внутреннихъ дѣлъ по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, лица прокурорскаго надзора по назначенію министра юстиціи и двухъ представителей частной золотопромышленности. Въ представителяхъ золотопромышленности, которые будутъ выбираться на съѣздахъ золотопромышленниковъ, срокомъ на 3 года, естественно предположить нѣкоторую слабость къ интересамъ своихъ товарищей, — слѣдовательно, весь вопросъ въ томъ, насколько окажутся на высотѣ своей задачи остальные члены горнозаводскихъ присутствій. Окружные инженеры, находящіеся на самыхъ промыслахъ, какъ извѣстно, не высоко держатъ свое знамя: ни для кого въ Сибири не секретъ, что сверхъ казеннаго содержанія они получаютъ опредѣленные субсидіи отъ золотопромышленниковъ, доходящія въ нѣкоторыхъ округахъ до 10,000 руб.

«Горные исправники и весь причтъ горнаго міра, — читаемъ мы въ одной сибирской газетѣ, — смотря на свое закономъ положенное и изъ казначейства государственнаго получаемое жалованье только какъ на ничтожную «добавку» къ тому *жалованью*, которое уплачивается имъ золотопромышленниками. Последнее жалованье распадается на двѣ составныя части: а) собственно жалованье, фигурирующее обыкновенно подъ рубриками: «на содержаніе арестантовъ, козаковъ» и т. п., и б) «содержаніе». Первое какъ золотопромышленниками, такъ и горными чиновниками признается вполнѣ *законнымъ*: оно назначается ежегодно въ общемъ собраніи золотопромышленниковъ въ точно формулированномъ постановленіи», хранимомъ при дѣлахъ у «распорядителя дороги». «Содержаніе» собирается съ тѣхъ же золотопромышленниковъ, но уже безъ всякихъ «постановленій», хотя и въ точно опредѣленной ими формѣ. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, въ собраніи, наприм., золотопромышленниковъ сѣверной системы Енисейскаго округа, состоявшемся 29 декабря 1882 г., «постановлено» уплатить въ оперцію нынѣшняго года: горному исправнику—по 1 р. 20 к. съ cadaго присковаго рабочаго, помощнику горнаго исправника—по 30 к., кромѣ того, въ томъ же собраніи опредѣлено выдавать на содержаніе «горному исправнику—по 1 руб., помощнику исправника—по 50 коп., *горному ревизору* (теперь они называются окружными инспекторами) — по 1 руб., помощнику ревизора—по 50 коп. съ cadaго рабочаго...

«Какъ видитъ читатель, «хищеніе» въ данномъ случаѣ выступаетъ открыто и смѣло, въ полномъ дезабилье... Въ Сибири, благодаря ея исключительному положенію, вслѣдствіе значительно меньшаго развитія общественнаго простора для проявленія общественной инициативы и гласности, эти «хищенія» считаются чѣмъ-то вполнѣ нормальнымъ и естественнымъ; правительственные агенты, на которыхъ возложена спеціальная обязанность, посредничество между двумя сторонами, капиталистами-золотопромышлен-

... в полномъ подчиненіи у одной стороны—
 ... имъ въ 10 разъ больше доходовъ, чѣмъ
 ... что при подобныхъ условіяхъ правительствен-
 ... посредниковъ, должны очутиться въ роли покрови-
 ... слугъ капитала? Призванные ограждать интересы
 ... какъ и интересы капиталистовъ, правитель-
 ... усиливаютъ эксплуатаціонное могущество по-
 ... стало быть, податную силу главнаго плательщика...

... въ такой степени вошли въ обычай въ горномъ мірѣ, до
 ... законными, что когда между горнымъ исправ-
 ... системы Енисейскаго округа и его помощникомъ произо-
 ... за дѣла «жалованья», получаемого отъ золотопро-
 ... помощникъ исправника подалъ въ енисейское окружное
 ... *официальную жалобу* на исправника, и послѣднее
 ... въ ея разслѣдованіе, а исправникъ обратился по этому
 ... письмомъ къ енисейскому губернатору *).

... предполагать, чтобы нѣчто подобное оказалось возмож-
 ... членовъ горнозаводскихъ присутствій, но, все-таки,
 ... соединеніе въ нихъ представителей администраціи съ пред-
 ... золотопромышленности. Конечно, слова поэта: «все куплю,
 ...», вовсе не всегда справедливы, но такъ какъ представителей
 ... въ томъ учрежденіи, которое будетъ регулировать ихъ жизнь
 ... отношеніяхъ, то все дѣло въ томъ, въ какой степени члени
 ... будутъ стоять на высотѣ своей задачи... Не лучше ли
 ... расширять компетенцію горнозаводскихъ присутствій
 ... все, что возможно, въ жизни присковскихъ рабочихъ путемъ
 ... тѣмъ болѣе, что приведенное выше постановленіе закона
 ... и не упоминаетъ прямо о предоставленіи горнозаводскимъ присут-
 ... нормированія продовольствія рабочихъ, состоящихъ на казенномъ

* Восточное Обозрѣніе 1883 г., № 22, стр. 79. Въ Сибирской Газетѣ былъ на-
 ... въ 1884 г. расчетъ того, какое жалованье и содержаніе отъ казны и золото-
 ... получали представители правительственной администраціи на прис-
 ... северо-енисейской системы. „Горный исправникъ получаетъ до 12,000 руб.,
 ... которыхъ проживаетъ около 8,000 руб. Въ прошлую операцію было всѣхъ рабо-
 ... 4,062 чел., гг. золотопромышленники платятъ за каждаго рабочаго 2 р. 20 к.,
 ... канцеляріи и 3 козаковъ—8,936+1,000 рублей, казеннаго жалованья—
 ... руб. да за выписку паспортовъ съ 1,200 штукъ въ операцію, по 2 руб. съ каж-
 ... 2,400 руб., а всего 12,336 руб. Помощнику исправника на содержаніе канц-
 ... одного козака, отопленіе и освѣщеніе по 50 к. (за каждаго рабочаго), итогъ
 ... 500+2,031 руб. Окружному ревизору (понижшему, окружному инж-
 ... по одному рублю съ человѣка—4,062 руб., его помощнику по 50 к.—2,031
 ... руб.» (теперь помощника ревизора на прискальхъ Енисейскаго округа нѣтъ, но за т
 ... каждой системѣ есть отдѣльный окружной инженеръ). Въ то время и жандармско
 ... офицеру назначалось по одному рублю съ человѣка. Сибирская Газета 1884 г.
 ... № 29, стр. 728.

содержаніи, а говорить только о мѣрахъ «для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ заводскихъ и промысловыхъ зданіяхъ». Если же эта статья закона будетъ истолкована въ смыслѣ предоставленія горнозаводскимъ присутствіямъ и нормированія пищевого пайка рабочихъ, состоящихъ на хозяйскихъ харчахъ, то желательно было бы, чтобы при этомъ они руководились указанными выше нормами проекта найма рабочихъ 1892 г., принявъ во вниманіе и сдѣланныя выше замѣчанія относительно нѣкоторыхъ пищевыхъ веществъ.

Въ виду тяжелыхъ условій присковыхъ работъ, употребленіе вина является для рабочихъ непреодолимою потребностью, на что и обратила вниманіе сибирская администрація еще при генераль-губернаторѣ Синельниковѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Настоятельность этой потребности признана и въ проектѣ правилъ, составленномъ въ Иркутскѣ въ 1887 г. при участіи золотопромышленниковъ, въ которомъ было сказано: «Выдача винной порціи обязательна ежедневно. Въ исключительныхъ случаяхъ, по усмотрѣнію присковаго управленія, можетъ быть даваема вторая порція, но болѣе этого не допускается». Такимъ образомъ, необходимость обязательной выдачи одной винной порціи ежедневно признается самими золотопромышленниками. Нѣкоторые врачи возражаютъ противъ выдачи вина рабочимъ, но на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ смотрѣть не съ теоретической только, а и съ практической точки зрѣнія. Такъ, наприм., многіе признають куреніе вреднымъ,—отсюда не слѣдуетъ, однако, что рабочимъ слѣдуетъ запретить курить. Русскій рабочій настолько привыкъ къ вину, что если ему не будутъ давать его, онъ употребитъ все усилія, чтобы добыть его тайно и, притомъ, за очень большія деньги или въ обмѣнъ на похищенное золото. Прежде этой потребности рабочихъ удовлетворяли преимущественно спиртоносы, теперь въ конкуренцію съ ними вступили и многіе золотопромышленники; нѣкоторые изъ нихъ приобретаютъ такимъ образомъ не мало золота, похищенного рабочими соседнихъ присковъ: это на прискахъ называется «мыть золото на деревянной бочкѣ». Если русскій народъ вообще привыкъ къ вину, то при тяжелыхъ, утомительныхъ работахъ употребленіе его, какъ доказываютъ наблюденія современныхъ ученыхъ, является непреодолимою потребностью. Мы полагаемъ поэтому, что обязательная выдача вина необходима, тѣмъ болѣе, что и теперь присковымъ управленіямъ приходится считаться съ этою потребностью рабочихъ. Такъ, бывший начальникъ иркутскаго горнаго правленія г. Карпинскій въ отчетѣ за 1889 г. говорить: «Водка дается рабочимъ на нѣкоторыхъ прискахъ ежедневно, а на другихъ по три раза въ недѣлю по чаркѣ, заключающей $\frac{1}{100}$ часть ведра». Предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири генераль-лейтенантъ Педашенко, въ запискѣ о положеніи рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, представленной въ 1885 г. мѣстному генераль-губернатору, писалъ слѣдующее: «При тяжеломъ физическомъ трудѣ, къ каковому относится большая часть присковыхъ работъ, совершенно не-

... имъ ежедневныя выдачи порціи
 ... Педашено, — еще за время
 ... трискахъ Верхне-Амурской золото-
 ... выдавалась отъ присковаго
 ... время даже 2 раза въ день, не
 ... выдача отражалась благоприятно на
 ... развивала между ними пьянства, а, на-
 ... поддержанія силъ количество водки, ра-
 ... что о спиртоносничествѣ тамъ въ то
 ... полагаю съ своей стороны, что обяза-
 ... небольшого количества водки, по $\frac{1}{100}$
 ... къ улучшенію ихъ пищи, а также къ
 ... «оснащенія» (*Арх. Ирж. Гор. Упр.*).
 ... такъ кажется, слѣдуетъ установить обяза-
 ... золотопромышленниковъ по 1 порціи (по
 ... горнорабочимъ и работающимъ въ водѣ,
 ... и по 2 порціи (не въ одно время), но
 ... управленія, а обязательно, такъ какъ
 ... въ рукахъ управленія стимуломъ къ непо-
 ... присковаго труда; при этомъ не-
 ... въ расчетный листъ соответственная стои-
 ... также установить, чтобы плата за «подъ-
 ... изъ руки и не иначе, какъ деньгами, а не
 ... дѣлается теперь.

... какія высказаны выше относительно нор-
 ... и выдачу вина слѣдуетъ установить забо-
 ... не предоставлять рѣшеніе этого вопроса усмо-
 ... труговъ.

... и содержанія больныхъ рабочихъ, то въ общемъ
 ... установить принципъ, что леченіе и содержаніе
 ... на счетъ золотопромышленника, подробности же въ
 ... категорическаго постановленія закона 9
 ... *Курьеръ*, изд. 1893 г., ст. 166), слѣдуетъ предоста-
 ... присутствіямъ, причѣмъ необходимо только имѣть въ
 ... золотничники могли пользоваться бесплатнымъ
 ... больницахъ, а не то въ настоящее время обще-
 ... безвозмездно, золотничники же нерѣдко обязываются
 ... за это плату. Въ проектѣ правилъ, составленномъ
 ... 1888 г., было установлено, чтобы на прискахъ, гдѣ
 ... золотопромышленникъ обязанъ былъ устроить боль-
 ... покой, приемный же покой допускается лишь на мень-

... золотны, поднимаемыя рабочими во время добычи золотонос-

ныхъ промыслахъ и то лишь въ томъ случаѣ, если онъ не далѣе 50 верстъ отъ приска, гдѣ есть фельдшеръ. Врачъ долженъ быть (на счетъ золото-промышленниковъ) на каждой системѣ, имѣющей болѣе 500 чел. рабочихъ *).

Было бы, впрочемъ, гораздо лучше преобразовать медицинскую часть такимъ образомъ, чтобы врачи получали жалованье отъ правительства, а владельцы присковъ были бы обложены необходимымъ для этого расхода сборомъ; это сдѣлало бы врачей независимыми отъ золотопромышленниковъ и дало бы имъ возможность давать болѣе безпристрастныя заключенія по дѣламъ о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими. Или можно было бы сверхъ нынѣ существующихъ промысловыхъ докторовъ назначить отъ правительства врачей для санитарнаго надзора и составленія заключеній относительно несчастныхъ случаевъ. Желательно было бы также запретить присковымъ врачамъ занятіе золотопромышленностью, а то мы знаемъ случаи, когда, увлекаясь добычею золота, они пренебрегали леченіемъ рабочихъ.

Относительно помѣщенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ обязательныя постановленія, вѣроятно, придется также издать горнозаводскимъ присутствіямъ. О томъ, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находятся жилища рабочихъ, видно изъ донесеній официальныхъ лицъ. Такъ, окружный инженеръ Оранскій говоритъ: «Всѣ такъ называемыя казармы рабочихъ ниже всякой критики въ гигиеническомъ отношеніи; какъ въ бѣдныхъ, такъ и въ богатыхъ золотомъ системахъ онѣ ничѣмъ почти не отличаются другъ отъ друга: вѣчная сырость, удушливый воздухъ, грязь и миллионы насѣкомыхъ — необходимыя принадлежности каждой рабочей казармы. Едва ли можно требовать отъ рабочаго, простоявшаго у забоя, въ грязи и подъ дождемъ, чтобы онъ, вернувшись съ работы, особенно заботился о чистотѣ своей казармы. Наблюденіе за чистотой должно лежать на обязанности особо назначенныхъ для этого лицъ. На нѣкоторыхъ прискахъ эта обязанность лежитъ на женахъ рабочихъ, которыя получаютъ вознагражденіе отъ присковаго управленія или же отъ холостыхъ рабочихъ. При этомъ казарма, конечно, опрятнѣе, но такіе случаи рѣдки, обыкновенно же въ казармѣ никто не убираетъ, а постоянную грязь и тяжелый воздухъ золотопромышленники объясняютъ всегда тѣмъ, что нашъ рабочій привыкъ къ тяжелой атмосферѣ и неопрятности и безъ нихъ существовать не можетъ». Въ виду этого г. Оранскій считаетъ необходимымъ «обязать золотопромышленниковъ нанимать на свой счетъ лицъ, которыя убирали бы въ казармахъ ежедневно утромъ по уходѣ рабочихъ на работу», а также онъ желаетъ, чтобы были устроены отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ рабочихъ. Бывшій окружный инженеръ Олекминскаго горнаго округа Штраухъ считаетъ необходимымъ, чтобы вмѣстимость казармъ была не

*) Въ настоящее время „въ каждой группѣ ближайшихъ присковъ находится врачъ“ (Отчетъ иркутскаго горнаго управленія за 1890 г. въ Горномъ Журналѣ 1891 г., ноябрь, стр. 347).

менше $1\frac{1}{2}$ куб. сажень на человѣка; высота зимнихъ помѣщеній должна быть не менше 9 футовъ; для каждаго рабочаго, вмѣсто общихъ наръ, слѣдуетъ устраивать койку и запирающійся замкомъ шкафчикъ или сундукъ. Окружный инженеръ Енисейскаго округа Внукоевскій въ своихъ замѣчаніяхъ на иркутскую редакцію проекта (1887 г.) считаетъ необходимымъ: «а) точнѣе въ цифрахъ опредѣлить минимумъ объема воздуха, необходимаго для каждаго рабочаго въ казармѣ; б) обязать золотопромышленниковъ имѣть отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ рабочихъ; в) равнымъ образомъ вмѣнить въ обязанность устраивать въ казармахъ отдѣленія для сушки одежды и обуви» и г) настоятельно рекомендуетъ «введеніе отопленія въ помѣщенія для рабочихъ кирпичными печами, вмѣсто существующихъ желѣзныхъ, что особенно важно для рабочихъ, остающихся на пріискахъ круглый годъ» (*Арх. Иркутск. Горн. Упр.*). Наконецъ, окружный горный инженеръ Тобольско-Акмолинскаго горнаго округа считаетъ необходимымъ, чтобы при каждой казармѣ или баракѣ была отдѣльная комната, гдѣ рабочіе могли бы сушить свою мокрую обувь и одежду.

Что вмѣстимость жилищъ, требуемая окружнымъ инженеромъ Штраухомъ ($1\frac{1}{2}$ куб. саж. на человѣка), не представляетъ чего-либо чрезмѣрнаго, видно изъ слѣдующихъ словъ бывшаго фабричнаго инспектора Варшавскаго округа, доктора Святловскаго: «Современная гигиена жилищъ требуетъ отъ здороваго помѣщенія для рабочаго... для взрослыхъ — 25 куб. метровъ воздуха (800 куб. футовъ)», т.-е. болѣе 2,3 куб. сажени на человѣка, «и половина этого количества для ребятъ до 10 лѣтъ» (*Фабричный рабочий*, стр. 72). Слѣдовательно, $1\frac{1}{2}$ куб. сажени на человѣка составляютъ требованія весьма умѣренные. Д-ръ Крутовскій въ своемъ, уже цитированномъ нами, докладѣ говоритъ: «Необходимо обратить серьезное вниманіе на помѣщенія рабочихъ на пріискахъ и сдѣлать ихъ болѣе здоровыми, сухими, свѣтлыми, съ лучшимъ отопленіемъ... Помѣщенія должны быть съ двойными полами, наружная дверь двойная, съ сѣнями и для каждаго рабочаго койка, а не общія для всѣхъ нары». Тотъ же авторъ говоритъ: «Для рабочихъ обязательно должны быть бани... не менше 2 разъ въ недѣлю для каждаго рабочаго». Теперь рабочіе на пріискахъ могутъ пользоваться банею каждую субботу, но, дѣйствительно, для горнорабочихъ, часто находящихся въ грязи и мокротѣ, желательно было бы дать возможность мыться въ банѣ не одинъ, а два раза въ недѣлю. Въ правилахъ слѣдовало бы упомянуть, что пользованіе банею должно быть бесплатно; такая плата на пріискахъ и не въ обычаѣ, но такъ какъ нѣкоторые фабриканты Европейской Россіи берутъ съ рабочихъ плату за баню, то слѣдуетъ предупредить возможность подобнаго нововведенія и на золотыхъ промыслахъ.

Рабочіе получаютъ расчетъ при окончаніи лѣтней операціи и тут имъ выдается деньгами то, что осталось у нихъ отъ ихъ заработка за вычетомъ задатка, забора въ пріисковыхъ лавкахъ вещами и припасами, а также и предварительныхъ денежныхъ выдачъ. Въ 80-хъ годахъ такіе выдачи (кромѣ задатка) составляли на промыслахъ Енисейскаго округа:

для отсылки семействамъ и вообще на поддержаніе хозяйства отъ 2,1 до 4,2%, всей выдачи деньгами и натурою; на уплату податей и на исходатайствованіе видовъ на проживаніе 2,5—5,8%, выдано на прискахъ на личныя надобности и на уплату за рабочихъ долговъ разнымъ лицамъ 1,7—5,7%, а при окончательномъ расчетѣ выдано такъ называемой «додачи» наличными деньгами отъ 21,5 до 32% всей суммы выдачи. Такимъ образомъ, и теперь отъ 6,3 до 15,7% всей суммы выдается деньгами на прискахъ ранѣ окончательнаго расчета. Но, все-таки, желательно, чтобы такія выдачи зависѣли не отъ произвола присковыхъ управленій, а производились всегда по желанію рабочихъ, если они не состоятъ въ долгу. По *Уставу о промышленности* (Св. Зак., т. XI, ч. II, изд. 1893 г., ст. 97), выдача рабочей платы должна производиться не менѣе 1 раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ болѣе мѣсяца, и не рѣже 2 разъ въ мѣсяцъ при наймѣ на срокъ неопредѣленный. Поэтому и относительно присковыхъ рабочихъ должны быть установлены сроки, въ которые могутъ требовать выдачи денегъ тѣ, чей заработокъ превысилъ сдѣланный ими заборъ; не желающіе брать сами этихъ денегъ могутъ потребовать, чтобы золотопромышленникъ отправилъ эту сумму, куда они укажутъ.

Желательно также, сохранивъ обязательство хозяевъ сибирскихъ присковъ имѣть склады необходимыхъ для рабочихъ вещей, допустить пріѣздъ въ тайгу вольныхъ продавцовъ для продажи подобныхъ вещей и припасовъ. На возраженіе, что такимъ образомъ усилится тайная торговля спиртомъ, можно отвѣтить, что торговля эта, все равно, производится, и, притомъ, самими золотопромышленниками едва ли не въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ тайными спиртоносами, къ тому же, странствующие торговцы уже допускаются въ нѣкоторыхъ золотопромышленныхъ системахъ (наприм., въ сѣверной части Енисейскаго округа). Что касается возможности для такихъ продавцовъ тайной скупки золота, то она только побудитъ золотопромышленниковъ повысить плату за золото старателямъ.

Слѣдуетъ также опредѣлить, чтобы выдача вещей и припасовъ изъ присковыхъ складовъ тѣмъ рабочимъ, которые имѣютъ на нее право по своему заработку, производилась не разъ въ мѣсяцъ, какъ это обыкновенно дѣлается теперь, а хотя бы разъ въ недѣлю; теперь же на нѣкоторыхъ прискахъ, наприм., сносившему обувь рабочему приходится долго щеголять босикомъ до выдачи новыхъ вещей. По договору 1888 г. съ золотопромышленниками Иваницимъ и Жилемъ, рабочимъ, налявшимъ на ихъ промыслы въ южной части Енисейскаго округа, разрѣшалось брать изъ хойскихъ складовъ одежныя вещи въ счетъ заработка не чаще *одного раза въ 2 мѣсяца*.

Горнозаводскимъ присутствіямъ необходимо также установить правило о вывозѣ на счетъ золотопромышленниковъ по окончаніи операціи рабочихъ отдаленныхъ золотопромышленныхъ системъ. Такъ, золотопромышленники Якутской области, по распоряженію высшей мѣстной администраціи, догавляютъ своихъ рабочихъ на пароходахъ до г. Киренска (Иркутской губ.),

а при высокой водѣ и выше по р. Ленѣ; золотопромышленники Амурской области также вывозятъ ихъ съ приисковъ на пароходѣ. Сохраненіе этихъ правилъ необходимо, такъ какъ, наприм., промыслы Олекминскаго округа находятся въ разстояніи безъ малаго 2,000 верстъ отъ Иркутска, а, между тѣмъ, многіе рабочіе, нанимающіеся на эти промыслы, приходятъ не только изъ Западной Сибири, но даже изъ Европейской Россіи.

III.

Кромѣ огражденія матеріальныхъ интересовъ приисковаго рабочаго, необходимо позаботиться и объ огражденіи его личности отъ произвола какъ золотопромышленниковъ, такъ и мѣстной администраціи.

Въ настоящее время золотопромышленники обыкновенно въ контрактахъ выговариваютъ себѣ право передавать по своему усмотрѣнію рабочихъ на прииски другихъ владѣльцевъ; такая передача, хотя бы и въ предѣлахъ одной системы, безъ согласія самихъ рабочихъ должна быть безусловно воспрещена, иначе они могутъ попадать на прииски такихъ хозяевъ, въ которыхъ сами никогда не согласились бы наняться.

Въ огражденіе интересовъ рабочихъ желательно также, чтобы какъ промышленникъ, такъ и рабочій за неисполненіе договора одинаково подвергались лишь гражданской ответственности. Для этого необходимо отмѣнить ст. 51⁴ уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями: «За самовольный отказъ отъ работы до истеченія найма виновный въ томъ фабричный или заводскій рабочій подвергается аресту не свыше одного мѣсяца». Постановленіе это стоитъ ниже уровня с временнаго европейскаго законодательства, которое допускаетъ только гражданскую, а не уголовную ответственность рабочаго за нарушеніе контракта. Укажемъ въ видѣ примѣра на законодательство Германіи, гдѣ уничтожены прежнія наказанія рабочаго за оставленіе работы до срока найма и дѣло ограничивается лишь гражданской ответственностью *). Въ уголовныхъ мѣрахъ за нарушеніе контракта съ золотопромышленниками нѣтъ въ настоящее время и необходимости, такъ какъ предложеніе рукъ превышаетъ спросъ и задатки весьма ничтожны. Что рабочіе вообще довольно аккуратно исполняютъ свои обязанности, видно изъ того, что въ Олекминскомъ округѣ долги, оставшіеся за нѣкоторыми рабочими, при раздѣленіи на всѣхъ рабочихъ, составляли (въ 1887—89 гг.) лишь 2—5 руб. на человѣка, т.-е. ничтожную сумму въ общемъ приисковомъ бюджетѣ.

Необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующій, вредный для рабочихъ, обычай. На промыслахъ многихъ округовъ горные исправники по своему произволу, на основаніи неprovѣренныхъ свѣдѣній приисковыхъ управленій, составляютъ списки рабочихъ, *не подлежащихъ впродъ наемкѣ* (за лѣность, дурное поведеніе и проч.). Нѣтъ никакого основанія предостав-

*) *Conrad und Lexis: „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“.* I, 757

лять такое право исправникамъ, находящимся въ полной экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ, и присвоеніе его ими было вполне противозаконно. Въ виду этого, было бы не бесполезно упомянуть о недопущеніи такихъ списковъ въ новыхъ правилахъ или же подвергнуть пересмотру инструкцію исправникамъ (1874 г.), согласовать ее съ новыми правилами и воспретить составленіе вышеупомянутыхъ списковъ. Германское законодательство положительно воспрещаетъ нанимателямъ выражать какии-нибудь образомъ аттестацію рабочимъ *).

Необходимо ограничить также слишкомъ широко практикуемую нынѣшними горными исправниками высылку рабочихъ съ приисковъ. Такъ какъ приисковый районъ считается ненаселенною территоріей, то теперь рассчитанный приисковымъ управленіемъ рабочій отправляется къ горному исправнику и тотъ высылаетъ его въ первое жидое мѣсто (наприм., въ Олекминскомъ округѣ за нѣсколько сотъ верстъ). Рабочій обыкновенно опять тайно проникаетъ на прииски, вновь высылается и проч., такъ что, какъ мы слышали отъ нѣкоторыхъ горныхъ исправниковъ, они сами считаютъ эту высылку нецѣлесообразной. Вслѣдствіе этого, слѣдовало бы дать рассчитанному рабочему извѣстный, хотя бы 10-ти дневный, срокъ для приисканія себѣ другого мѣста.

Для успѣшности всѣхъ проектируемыхъ мѣръ необходимо прекращеніе указанной выше матеріальной зависимости горныхъ исправниковъ и окружающихъ инженеровъ отъ золотопромышленниковъ. Еще въ 1879 г. министръ внутреннихъ дѣлъ обратилъ вниманіе генералъ-губернатора Восточной Сибири на то, что «матеріальная зависимость, въ которой находятся горные исправники и чины спеціальнаго горнаго управленія относительно владѣльцевъ золотыхъ промысловъ, должна, несомнѣнно, парализовать всѣ принимаемыя мѣры къ благоустройству частнаго золотого промысла». Начальникъ главнаго тюремнаго управленія въ запискѣ 1882 г., послужившей поводомъ къ составленію проекта новыхъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, также сообщаетъ о «незаконномъ вознагражденіи», получаемомъ чинами приисковой полиціи отъ золотопромышленниковъ едва ли не всегда съ вѣдома начальства, и утверждаетъ, что какъ бы ни были сами по себѣ удовлетворительны практикуемыя правила о рабочихъ, практическое значеніе ихъ будетъ ничтожно до тѣхъ поръ, пока чины полиціи будутъ находиться въ зависимости отъ золотопромышленниковъ, получая отъ нихъ вознаграженіе. Какъ велико это вознаграженіе, видно изъ того, что въ 1890 г. горный исправникъ одной золотопромышленной системы Восточной Сибири получалъ содержанія отъ приисковыхъ управленій 18,000 руб. въ годъ, а другой, соседней системы, — 12,000 руб., горный же инженеръ того округа — 10,000 руб. сверхъ казеннаго жалованья. Понятно, что, при такихъ, чуть ли не официальныхъ, приношеніяхъ со стороны золотопро-

*) Голденвейзеръ: „Соціальное законодат. Герман. имперіи“, стр. 173. *Kulmann*: „Der Arbeiterschutz“, S. 69.

мышленниковъ, чины полиціи и горнаго вѣдомства чувствуютъ нѣрѣдко нѣкоторую слабость къ золотопромышленникамъ. Такъ, наприм., ревизія, произведенная въ 1890 г., во время посѣщенія пріисковъ Олекминскаго округа Иркутскимъ генералъ-губернаторомъ, выяснила рядъ незаконныхъ дѣйствій исправниковъ, медленность дѣлопроизводства, бездѣйствіе, превышеніе власти, оставленіе многихъ просьбъ безъ разбирательства и потворство различнымъ неправильнымъ поступкамъ пріисковыхъ дѣателей. Оказалось, что горный исправникъ витимской системы, совершенно не исполняя правилъ инструкціи, утвержденной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1874 г., допускаетъ тѣлесное наказаніе рабочихъ безъ разбирательства вины и безъ различія сословій *), индифферентно относится къ утвержденію таксъ на припасы и товары и вполне безучастно къ случаямъ увѣчья рабочихъ. И, тѣмъ не менѣе, этотъ горный исправникъ остается и до сихъ поръ на своемъ мѣстѣ. Въ виду подобныхъ фактовъ, нельзя не признать справедливою мысль начальника главнаго тюремнаго управленія въ его запискѣ 1882 г., что если считать чиновъ полиціи и ихъ канцеляріи (а также, прибавимъ отъ себя, и окружныхъ инженеровъ) заслуживающими повышеннаго вознагражденія, котораго можетъ дѣйствительно требовать дороговизна жизни на пріискахъ, въ такомъ случаѣ «было бы правильнѣе обложить золотопромышленниковъ особымъ сборомъ и употреблять его на усиленіе содержанія чиновъ полиціи, а также и горнаго вѣдомства». Замѣтимъ, что послѣ того всякіе лишніе поборы должны были бы преслѣдоваться, какъ лихоимство.

Въ высшей степени важный вопросъ въ жизни пріисковаго рабочаго (буде онъ женатъ) состоитъ въ томъ, можетъ ли онъ явиться на пріиски съ женой, если она не нанята, въ то же время, на работу?

Въ настоящее время женщинъ на промыслахъ бываетъ весьма немного: въ Томской губ., въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, отъ 8 до 10%, въ Енисейской—5—10% **), въ 1887—1889 гг. въ олекминской системѣ—9—11%, въ витимской—9—13% всего количества рабочихъ (и только на болѣе крупныхъ промыслахъ послѣднихъ двухъ системъ—12—19%). Многіе золотопромышленники стремятся уменьшить количество женщинъ, считая пребываніе ихъ на промыслахъ для себя обременительнымъ, и довести ихъ до 5%, а, между тѣмъ, и въ настоящее время малочисленность женщинъ на пріискахъ вредно отзывается на здоровьи и нравственности рабочихъ. Это обстоятельство является причиной разврата, противусте-

*) Между тѣмъ какъ, по данной имъ инструкціи, исправники не имѣютъ правъ даже зачинщиковъ бунта или возмущенія, если они не изъ поселенцевъ, подвергнутъ тѣлесному наказанію (*Розановъ*: „Сводъ дѣйств. узакон. о частн. золотопр.“, изд. 2-й стр. 130).

**) Впрочемъ, въ 1890 г. женщины составляли на промыслахъ Томскаго горнаго округа почти 29% всѣхъ *взрослыхъ* рабочихъ, находившихся на промыслахъ, и 13% на промыслахъ обѣихъ системъ Енисейскаго округа (*Горн. Журн.* 1891 г., № 1: стр. 520).

ственныхъ пороковъ и даже ужаснаго обычая «помочей» (изнасилованіе женщины цѣлою массою рабочихъ въ видѣ мести за измѣну), а также безшабашныхъ кутежей при выходѣ съ нихъ рабочихъ (женатые рабочіе обыкновенно гораздо болѣе бережливы и сохраняютъ выносить свой заработокъ). Нельзя отрицать, что нынѣшняя присковская обстановка неблагоприятно вліяетъ на нравственность женщинъ и можетъ вызвать нѣкоторое сомнѣніе, желательно ли увеличеніе ихъ числа на прискахъ. Но дѣло въ томъ, что съ увеличеніемъ на золотыхъ промыслахъ числа женатыхъ рабочихъ вредныя стороны присковской жизни несомнѣнно ослабѣютъ, съ устройствомъ отдѣльныхъ помѣщеній для женатыхъ (а это совершенно необходимо) будетъ возможна болѣе нормальная семейная жизнь, и, во всякомъ случаѣ, лучше предоставить усмотрѣнію самихъ рабочихъ, брать или не брать женъ на приски, чѣмъ насильственно вгонять ихъ въ нынѣшнія присковскія условія.

При этомъ горнозаводскія присутствія должны установить размѣръ вычета за содержаніе такихъ женъ рабочихъ, которыя не принимаютъ на себя работъ на прискѣ, и количество получаемой пищи. Разъ будетъ установленъ такой вычетъ за содержаніе женщинъ на прискѣ, намъ кажется, можно дозволить рабочимъ приводить съ собою женъ безъ предварительнаго разрѣшенія присковаго управленія или, другими словами, запретить высылку этихъ женщинъ безъ уважительныхъ причинъ и безъ разрѣшенія мѣстной администраціи.

Закономъ 9 мая 1892 г. о надзорѣ за горными заводами на горныхъ инженеровъ возложено попеченіе объ учрежденіи школъ для малолѣтнихъ рабочихъ. Поэтому, если будетъ допущено употребленіе на прискахъ такихъ рабочихъ (что, впрочемъ, вовсе не желательно), необходимо было бы обязать хозяевъ всѣхъ тѣхъ присковъ, на которыхъ работаютъ болѣе 10 человекъ малолѣтнихъ рабочихъ и вблизи которыхъ нѣтъ школъ, устроить свою школу (срав. ст. 112—119 *Уст. о промыслахъ*). Но желательно было бы, чтобы этимъ дѣло не ограничилось и чтобы школы устраивались и тамъ, гдѣ есть дѣти рабочихъ, хотя бы и не употребляемыя въ работу, но нуждающіяся въ обученіи.

IV.

Желательно было бы, чтобы новый законъ о присковскихъ рабочихъ распространенъ былъ и на такъ называемыхъ старателей-золотничниковъ. Насколько велико ихъ число, видно изъ того, что въ 1889 г. на прискахъ Маріинскаго округа находилось 1,350 общеконтрактныхъ рабочихъ и 823 старателя-золотничника, слѣдовательно, послѣдніе составляли 38%; весьма значительный процентъ составляютъ они также (какъ было указано выше) на прискахъ Бнисейскаго округа. На уральскихъ золотыхъ промыслахъ большую часть рабочей силы также составляютъ старатели, переходящіе съ приска на прискѣ. Положеніе ихъ сплошь и рядомъ весьма печально.

Старатели на Уралѣ, по словамъ г. Боголюбскаго, «всегда стремятся устроиться на -прискѣ отдельнымъ хозяйствомъ: сперва, въ началѣ лѣта, въ шалашѣ, покрытомъ сѣномъ, или въ балаганѣ, покрытомъ дерномъ, наконецъ, въ палаткѣ, а когда старателю приходится зимовать на прискѣ, и если не удастся занять покинутого другими зимняго жилища, тогда онъ устраиваетъ въ лѣсныхъ мѣстахъ Верхотурскаго и Екатеринбургскаго уѣздовъ избушку изъ валежника и ставитъ въ ней желѣзную печь, а въ мѣстахъ безлѣсныхъ избушки дѣлаются изъ дерна. На старыхъ прискахъ, гдѣ накопились большіе отвалы, старатели вырываютъ себѣ въ нихъ землянки, одну надъ другой, такъ что эти отвалы становятся похожи на огромные муравейники». Медицинская помощь на прискахъ, разрабатываемыхъ старателями, обыкновенно «совершенно отсутствуетъ» и имъ «только въ случаѣ увѣчья подають золотопромышленники помощь, доставляя изувѣченныхъ въ ближайшіе заводскіе и другіе госпитали для леченія на счетъ золотопромышленниковъ» *). Въ Олекминскомъ округѣ, по свидѣтельству геолога Обручева, золотничники также живутъ въ шалашахъ и землянкахъ **). Однимъ изъ наиболѣе обычныхъ злоупотребленій относительно золотничниковъ оказывается слѣдующее: золотничники, послѣ многихъ трудовъ, находятъ мѣсто, обильное золотомъ; замѣтивъ это, присковое управленіе сгоняетъ ихъ и ставитъ на это мѣсто общеконтрактныхъ рабочихъ. Въ законѣ о присковыхъ рабочихъ слѣдовало бы это запретить (въ нѣкоторыхъ контрактахъ съ золотничниками мы встрѣчаемъ такое запрещеніе). Еще въ пятидесятихъ годахъ была попытка регулированія ихъ положенія въ олекминской и витимской системахъ; оно заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, не меньшаго вниманія и въ настоящее время. Въ виду многочисленности золотничниковъ и необходимости ихъ для многихъ системъ, слѣдуетъ вообще распространить на нихъ дѣйствіе проектируемаго закона, причѣмъ придется указать, какіе изъ пунктовъ этого закона не могутъ къ нимъ прилагаться.

При этомъ можетъ возникнуть вопросъ, слѣдуетъ ли требовать отъ золотопромышленниковъ, чтобы и съ этими старателями-золотничниками заключались въ Сибири засвидѣствованные контракты, какъ и съ остальными присковыми рабочими. Относительно Сибири, въ виду отдаленности присковыхъ районовъ отъ населенныхъ мѣстностей, по нашему мнѣнію, въ интересахъ рабочихъ приходится дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ окружнымъ инженеромъ Ачинско-Минусинскаго округа, старатели-золотничники работаютъ обыкновенно въ этомъ округѣ безъ предварительнаго заключенія явочнаго договора. На этомъ фактѣ, составляющемъ нарушеніе нынѣ дѣйствующаго закона, ничего основывать нельзя. Въ южной системѣ Енисейскаго округа я самъ

*) *Горн. инж. Н. Боголюбскій*: „Краткій обзоръ состоянія золотопромышленности на Уралѣ въ 1891 году“. Томскъ, 1893 г. (оттискъ изъ журнала *Вѣстникъ Золототром.* за 1892—1893 г.), стр. 9, 11, 12.

**) *В. Обручевъ*: „Геологическое изслѣдованіе Олекминско-Витимской горной страны и ея золотоносныхъ росыпей въ 1890 г.“. Иркутскъ, 1891 г.

былъ свидѣтелемъ того, какъ горный исправникъ поставилъ на видъ одному золотопромышленнику, что онъ, вопреки явному постановленію закона, нанимаетъ рабочихъ совсѣмъ безъ контрактовъ, но дѣлать отсюда выводъ, что можно допустить въ Сибири наемъ такъ называемыхъ общеконтрактныхъ рабочихъ безъ засвидѣтельствованія договоровъ, совершенно невозможно. Относительно Енисейскаго округа мы нашли не мало договоровъ съ золотопромышленниками и самостоятельныхъ артелей золотничниковъ, и подрядчиковъ, держащихъ артель отъ себя, и нѣкоторые изъ этихъ договоровъ, какъ мы уже замѣтили, ограждаютъ рабочихъ отъ одного изъ главныхъ злоупотребленій со стороны хозяевъ пріисковъ. Въ данное время золотничники плохо защищены отъ разныхъ злоупотребленій, и мы опасаемся, что съ уничтоженіемъ обязательства заключать засвидѣтельствованные договоры эти злоупотребленія могутъ еще увеличиться, хотя до извѣстной степени этому и можетъ воспрепятствовать новый законъ, если онъ уравниваетъ во многихъ отношеніяхъ права золотничниковъ съ общеконтрактными рабочими *).

У.

Пріисковыя работы, какъ мы уже говорили, принадлежать къ числу наиболѣе трудныхъ и справляться съ ними могутъ только молодые и вполне здоровые люди. Крайне утомительно, во-первыхъ, путешествіе на золотые промыслы и обратно на родину. Какія огромныя пространства приходится проѣзжать и проходить рабочему, видно изъ того, что олекминскіе промыслы (Якутской области) почти на 2,000 верстъ отстоятъ отъ Иркутска, а нѣкоторые рабочіе приходятъ на нихъ, какъ мы уже замѣтили, не только изъ Западной Сибири, но и изъ Европейской Россіи. Во время путешествія въ Сибирь въ 1891 г. мнѣ самому пришлось ѣхать на пароходѣ отъ Тюмени до Томска съ партией рабочихъ въ нѣсколько десятковъ человекъ, ѣхавшихъ на амурскіе пріиски изъ одной приволжской губерніи. Обратный путь съ пріисковъ приходится совершать осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ, что при суровомъ сибирскомъ климатѣ оказывается дѣломъ не легкимъ. Работа на пріискахъ производится или на открытомъ воздухѣ, такъ что рабочій подвергается всѣмъ вліяніямъ переменчиваго таежнаго климата, или (хотя и рѣже) въ шахтахъ подъ землею. Крайне неудовлетворительныя помѣщенія, питаніе большую часть года солониной, — все это подтачиваетъ здоровье рабочаго, вызываетъ развитіе цынги въ большихъ размѣрахъ и, въ концѣ-концовъ, приводитъ къ преждевременной старости.

«Пріисковый рабочій, — говоритъ одинъ мѣстный наблюдатель, — изна-

*) Г. Яцевичъ, допускающій вообще возможность найма пріисковыхъ рабочихъ и безъ контракта, полагаетъ, однако, что „договоры о наймѣ артели, конечно, должны быть всегда заключаемы явочнымъ порядкомъ“ (*Вѣстникъ Золотпром.* 1892 г., № 13, стр. 74).

... не работает как забойщик на вы-
... если попадетъ въ возчики, а потомъ
... должности караульщика, рабочаго при
... же пропадаетъ Богъ знаетъ гдѣ
... старое, изможденное тѣло... Тайга быстро
... замѣтны признаки физической слабости
... очень немногихъ, компаній таятъ
... выдають содержаніе и небольшую
... Грудно повѣрить, глядя на этихъ дряхлыхъ,
... тому, что они рассказываютъ про себя
... Оказывается, что дѣтъ пятнадцать
... дѣвншіе тайгу своею богатырскою си-
... и у немногихъ лучшихъ хозяевъ на-
... на старости *)).

... неизлечимая болѣзнь или увѣче,—говорить
... сопровождаемой имъ въ половинѣ восьмидеся-
... на прински, для бывшаго принсковаго
... безотрадное будущее. Своего дома и хозяй-
... а сбереженій отъ прежнихъ заработковъ
... въ городахъ легкой работы, но постепенно
... труднѣе находить средства къ существованію;
... въ деревню, гдѣ повременамъ напимается въ па-
... преимущественно живеть мірскимъ по-
... по большому Сибирскому тракту, тотъ на
... стариковъ и калѣкъ и, вступивши
... вѣрѣдко узнавалъ, что они когда-то ходили на

... въ помощи нуждаются рабочіе, получившіе увѣче
... служащихъ на промыслахъ или потерявшихъ здоровье и силы
... вслѣдствіе этого неспособные къ пропитанію
... семейства тѣхъ и другихъ рабочихъ, а также ли-
... вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ. Между
... время золотопромышленники крайне рѣдко выдають
... какъ семействамъ, а обыкновенно только одновременныя
... размѣръ которыхъ не превышаетъ, насколько намъ из-
... рублей (въ Олекминскомъ округѣ). На эти деньги увѣчному
... прожить невозможно.

... время, какъ сообщаютъ газеты, обсуждается въ прави-
... сферахъ проектъ закона объ ответственности владѣльцевъ
... предприятий за увѣче и смерть рабочихъ ***). Проектъ, со-

* *Журналъ* 1891 г., № 50, стр. 2—3.

** *Журналъ* 1885 г., № 25, стр. 2.

*** *Судебный* проектъ былъ составленъ министерствомъ финансовъ еще

ставленный 15 марта 1893 г. въ департаментѣ мануфактуръ и торговли министерства финансовъ, состоитъ, въ главныххъ чертахъ, въ слѣдующемъ. Владѣльцы фабрикъ, заводовъ, мануфактуръ, желѣзно-дорожныхъ и иныхъ механическихъ мастерскихъ, *горныхъ разработокъ всякаго рода*, а равно предпринимателей строительныхъ работъ (казна, городскія и земскія учрежденія, общества и частныя лица), въ случаѣ смерти, увѣчья и другихъ поврежденій въ здоровьи (профессіональныхъ болѣзней), причиненныхъ рабочему или служащему работою въ означенныхъ предпріятіяхъ, обязаны вознаграждать его или его семейство за вредъ или убытокъ, отъ того истекающіе. Отъ отвѣтственности этой владѣльцевъ вышеупомянутыхъ предпріятій предполагается освобождать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда *они докажутъ*, что единственною причиною являются: или 1) непреодолимая (внѣшняя или стихійная) сила, или 2) преступленіе или проступокъ, могущіе быть вмененными въ вину третьимъ лицамъ, къ промышленному предпріятію непричастнымъ, или 3) исключительно собственная вина или умыселъ пострадавшаго лица. Въ случаѣ обнаруженія совершенной неспособности къ труду, пенсію пострадавшему предполагалось назначить въ размѣрѣ полного послѣдняго его годового оклада содержанія, а при неполной способности къ труду—сообразно ослабленію трудоспособности. Въ случаѣ смерти пострадавшаго, послѣдовавшей прямо отъ несчастнаго случая или послѣ предварительной потери или уменьшенія трудоспособности, причиненной такимъ несчастіемъ, вознагражденіе сверхъ расходовъ на леченіе и погребеніе назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ: а) вдовѣ или вдовцу, если онъ по состоянію своего здоровья неспособенъ самъ зарабатывать себѣ пропитаніе, пожизненная пенсія до 30% содержанія умершаго или умершей; производство пенсій прекращается со вступленіемъ нъ новый бракъ; б) малолѣтнимъ дѣтямъ обоого пола пенсія до 15% каждому при жизни одного изъ родителей, остающимся же круглыми сиротами до 20%; производство этихъ пенсій прекращается по достиженіи этими дѣтьми 15-ти лѣтняго возраста, и в) родителямъ потерпѣвшаго до 15% каждому. Всѣ эти пенсіи въ совокупности не могутъ превышать 60% послѣдняго полного годового оклада содержанія погибшаго лица *). Хотя этотъ проектъ основанъ на принципѣ личной отвѣтственности предпринимателей, а не государственнаго страхованія рабочихъ, тѣмъ не менѣе, весьма желательно, чтобы до введенія этого послѣдняго онъ получилъ силу закона, такъ какъ это было бы большимъ шагомъ впередъ сравнительно съ дѣйствующимъ законодательствомъ **).

Противъ проекта министерства финансовъ ополчилась группа фабрикан-

*) *Новое Время* 1893 г., № 6130.

**) Къ сожалѣнію, первоначальный проектъ, если справедливы повѣшшія газетныя извѣстія, подвергнется нѣкоторымъ ограниченіямъ. Самое существенное измѣненіе состоитъ въ томъ, что, въ случаѣ такого увѣчья или поврежденія здоровья пострадавшаго, которое влечетъ за собою постоянную неспособность къ труду, владѣлецъ предпріятія обязанъ будетъ выдавать пострадавшему пенсію въ размѣрѣ не полного его годового оклада, какъ предполагалось прежде, а лишь $\frac{2}{3}$ этого оклада.

... или въ это министерство записки они
 ... предлагаютъ: 1) «ввести общее государ-
 ... рабочимъ, получившимъ при работахъ на про-
 ... или иное поврежденіе въ здоровьи», а
 ... этихъ рабочихъ; 2) съ этою цѣлью
 ... промышленныхъ заведеній по числу рабочихъ
 ... заработной платы, причемъ уплату сбора возло-
 ... предпріятій безъ всякаго участія въ
 ... максимальный размѣръ постоянныхъ вспомо-
 ... предлагаемаго министерствомъ финан-
 ... выставляется «большее удобство на-
 ... при несчастіяхъ, происшедшихъ по неосто-
 ... предпріятія, или винѣ самого рабочаго» *).

... *Русскія Ведомости* справедливо говорятъ:

... и заводчиковъ объ участіи рабочихъ, пострадав-
 ... записки тѣсно слетается съ другою, мало похвальною
 ... на неопредѣленное время какого бы то ни было обезпе-
 ... въ тѣхъ случаяхъ, когда оно предоставляется по про-
 ... Фабриканты и заводчики даже въ той части своей
 ... блестящія перспективы вѣрнаго обезпеченія рабочаго
 ... не столько вопросамъ о дѣйствительной помощи рабочимъ,
 ... государственное вспомошествованіе, предложенное ими, не
 ... промышленныхъ предпріятій: вотъ почему они не считаютъ
 ... деломъ, чтобы вознагражденіе равнялось послѣдному полу-

... противъ правительственнаго законопроекта объ от-
 ... фабрикантовъ, подавшихъ ходатайство, считаетъ особенно
 ... правилъ, по которой обязанность доказывать,
 ... или его семья не имѣютъ права на вознагражденіе, возла-
 ... это требованіе закона нельзя не признать самымъ существен-
 ... регулируемыя министерствомъ правила потерян бы всякую
 ... странъ, ранѣе вступившихъ на путь огражденія инте-
 ... показываетъ, что гражданская отвѣтственность пред-
 ... мнимой въ громадномъ большинствѣ случаевъ, когда такъ
 ... (бремя доказательствъ) оставляется на потерпѣвшемъ ра-
 ... при дѣйствіи закона 7 іюня 1871 г., три четверти всѣхъ
 ... вознагражденія, и официально было признано, что именно
 ... бремя доказательствъ на пострадавшаго, «сдѣлало для рабо-
 ... большинствѣ случаевъ мнимыми». Во Франціи, вслѣд-
 ... до настоящаго времени удерживается это неспра-
 ... въ 12 случаяхъ изъ 100 часть рабочаго можетъ быть обез-
 ... вознагражденія отъ работодателя. Поэтому въ новѣйшихъ
 ... швейцарскомъ) и законопроектахъ объ отвѣтственности пред-
 ... французскомъ, итальянскомъ) бремя доказательства воз-
 ... предпріятій...

... права только до тѣхъ поръ, пока утверждаютъ, что обезпеченіе
 ... вѣрнѣе, нежели вознагражденіе по закону о гражданской от-

вѣтственности предпринимателей... Было бы, однако, крупною ошибкой изъ-за перспектив страхованій въ неопредѣленномъ будущемъ... отсрочить осуществленіе уже выработаннаго правительствомъ законопроекта. Группа фабрикантовъ и заводчиковъ... повидимому, не прочь продолжить разработку вопроса объ обезпеченіи рабочихъ въ разныхъ инстанціяхъ еще десятковъ-другой лѣтъ. Но желанія небольшого числа авторовъ ходатайства и ихъ единомышленниковъ въ промышленной средѣ идутъ въ разрѣзъ съ насущными интересами многихъ тысячъ людей*.

Между тѣмъ какъ министерство финансовъ руководствуется въ своемъ проектѣ принципомъ личной отвѣтственности предпринимателей, есть официальные извѣстія, что министерство государственныхъ имуществъ склоняется къ мысли о непосредственномъ введеніи государственнаго страхованія по примѣру Германіи, Австріи и Швейцаріи; это видно изъ слѣдующей замѣтки *Правительственной Вѣстника*: «Въ № 64 *Правительственной Вѣстника* за 1891 г. сообщено, что министерство государственныхъ имуществъ, озабочиваясь матеріальнымъ обезпеченіемъ участи жертвъ несчастныхъ случаевъ въ горнозаводскихъ работахъ, приступило къ собранію подробныхъ свѣдѣній какъ о несчастіяхъ за продолжительный періодъ времени по отдѣльнымъ русскимъ заводамъ, рудникамъ, копаниямъ и промысламъ, такъ и объ устройствѣ и дѣятельности существующихъ въ Западной Европѣ учрежденій по страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и изданныхъ по этому предмету законоположеніяхъ. Въ настоящее время въ министерствѣ государственныхъ имуществъ имѣется уже обширный, относящійся къ этому вопросу матеріалъ, на основаніи котораго предположено выработать проектъ государственной кассы для страхованія горныхъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ».

Въ виду этого извѣстія, получаетъ особенный интересъ недавно напечатанная брошюра горнаго инженера А. Кеппена, члена горнаго совѣта: *Въроятныя финансовыя послѣдствія законопроекта объ отвѣтственности владельцевъ промышленныхъ предприятий за увѣче и смерть рабочихъ для русской промышленности вообще и горной въ особенности* *). (Нужно замѣтить, что авторъ исключилъ изъ своего изслѣдованія золотопромышленность и нефтепромышленность «за неимѣніемъ для нихъ сравнительныхъ данныхъ о числѣ несчастныхъ случаевъ»). Брошюра эта вызвана вышеизложеннымъ законопроектомъ министерства финансовъ, который оно предполагало распространить и на горнопромышленность. Г. Кеппенъ, къ сожалѣнію, высказывается противъ этого послѣдняго предположенія. Общій выводъ его таковъ: «Если для другихъ отраслей промышленности, уплаты, которыя окажутся послѣдствіемъ введенія новаго закона, не настолько велики, чтобы можно было думать объ обращеніи ихъ на страхованіе рабочихъ, то горные промыслы, могущіе легко перейти на болѣе полное обезпеченіе занятыхъ на нихъ рабочихъ, слѣдовало бы совершенно выдѣлить» (стр. 34). Вза-

*) Мы получили эту брошюру при циркулярѣ высочайше утвержденной постоянной совѣщательной конторы желѣзнодорожниковъ (подписанномъ Е. Раговыми), изъ котораго видно, что брошюра г. Кеппена напечатана этою конторой желѣзнодорожниковъ, поставившею «сообщить ее всѣмъ желѣзнодорожникамъ на ихъ заключеніе».

мѣнъ предположеній министерства финансовъ г. Кеппенъ рекомендуетъ для горной промышленности страхованіе рабочихъ «отъ болѣзни *), отъ увѣчій и отъ старости, т.-е. страхованіе всѣхъ трехъ видовъ, которые существуютъ въ Германіи и совокупность которыхъ, безъ сомнѣнія, составляетъ идеальное обезпеченіе рабочихъ и ихъ семействъ» (стр. 33—34) **). Такимъ образомъ, г. Кеппенъ предлагаетъ намъ воспользоваться примѣромъ германскаго государственнаго страхованія, но тутъ же онъ почему-то въ самомъ существенномъ вопросѣ отступаетъ отъ этого образца: «При учрежденіи кассъ для обезпеченія рабочихъ на случай неспособности къ труду, отъ чего бы таковая неспособность ни происходила: отъ болѣзни, отъ увѣчья или отъ истощенія силъ,—утверждаетъ онъ,—обыкновенно принято раздѣлять взносы поровну между хозяевами промышленныхъ предпріятій и рабочими» (?), почему и предлагаетъ обложить хозяевъ предпріятій сборомъ въ размѣрѣ 6% заработка рабочихъ и такой же % заработка взыскивать и съ этихъ послѣднихъ. А, между тѣмъ, въ другомъ трудѣ г. Кеппенъ совершенно справедливо говоритъ, что при государственномъ страхованіи рабочихъ *отъ несчастныхъ случаевъ*, которое именно и требуетъ наибольшихъ затратъ, *одни хозяева* вносятъ необходимыя для дѣйствія страхованія средства ***). Было бы очень желательнымъ, чтобы при перенесеніи германскаго законодательства о страхованіи рабочихъ на русскую почву оно не подвергалось столь невыгоднымъ для нихъ измѣненіямъ ****).

В. Семевскій.

---

*) Для приисковъ рабочихъ страхованіе отъ болѣзней не нужно, такъ какъ по условіямъ приисковой жизни леченіе должно быть возлагаемо на золотопромышленниковъ.

**) Между тѣмъ, на III съѣздѣ горнопромышленниковъ Царства Польскаго (1893 г.) г. Кеппенъ высказалъ, что порученная ему министерствомъ государственныхъ имуществъ разработка проекта страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ убѣдила его, что вопросъ этотъ—вопросъ относительно отдаленнаго будущаго, такъ какъ предварительно необходимо собрать и обработать точныя статистическія данныя относительно несчастныхъ случаевъ и вообще изслѣдовать положеніе горнорабочихъ.

***) А. Кеппенъ: „О страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ“. Спб., 1892 г., стр. 9.

****) Въ томъ случаѣ, если законопроектъ министерства финансовъ въ своей послѣдней редакціи не будетъ распространенъ на горныя работы или будетъ отложенъ, нужно желать, чтобы (до введенія государственнаго страхованія) въ новомъ законѣ о наймѣ рабочихъ на золотыя промыслы рабочимъ было назначено большее вознагражденіе, чѣмъ въ нынѣ дѣйствующемъ законѣ (*Уставъ горный*, изд. 1893 г., ст. 676), по которому, въ случаѣ смерти или тяжкаго увѣчья рабочаго, золотопромышленникъ обязанъ вознаградить его самого или его семейство выдачею тройной за весь наемный срокъ платы: нужно помнить, что вознагражденіе на приискахъ рабочій получаютъ не только въ видѣ денежной платы, но и въ видѣ пищевого довольствія.

А. П. Чеховъ.

(Опытъ литературной характеристики *).

Среди современныхъ беллетристовъ, которые привлекаютъ особенно сочувственное вниманіе читателей и съ именами которыхъ связаны большія надежды нашей литературы, одно изъ наиболѣе выдающихся мѣстъ занимаетъ Антонъ Павловичъ Чеховъ. Его повѣсти и рассказы пользуются большою популярностью, расходятся во многихъ изданіяхъ. Начавши съ маленькихъ рассказовъ,—иногда просто живыхъ и съ юморомъ написанныхъ анекдотовъ,—Чеховъ въ сравнительно короткое время перешелъ къ такимъ темамъ,—очень разнообразнымъ,—которыя представляютъ значительный психологическій и общественный интересъ. Разцвѣтъ его литературной дѣятельности лежитъ еще въ будущемъ, но и того, что имъ уже написано, достаточно для признанія за Чеховымъ своеобразнаго и сильнаго дарованія. Наша критика занималась его произведеніями и указанія на отзывы наиболѣе выдающихся писателей послужатъ естественнымъ введеніемъ къ попыткѣ дать литературную характеристику автора *Стени* и *Скучной исторіи*.

«Газеты,—пишетъ А. М. Скабичевскій,—выработали особеннаго рода литературный жанръ мелкихъ рассказовъ, эскизовъ, очерковъ, приуроченныхъ, по своей миниатюрности, къ размѣрамъ газетныхъ столбцовъ». Самымъ главнымъ мастеромъ и, можно сказать, создателемъ этого жанра является А. П. Чеховъ. «Произведенія Чехова,—продолжаетъ критикъ,—при всей ихъ фельетонной скороспѣлости, обнаруживаютъ сильный талантъ, блестятъ художественностью и юморомъ. Но въ нихъ одинъ существенный недостатокъ—отсутствіе объединяющаго идейнаго начала. Авторъ весь отдается мимолетнымъ впечатлѣніямъ, спѣша поскорѣе выразить ихъ въ нѣсколькихъ стахъ газетныхъ строчекъ. Вслѣдствіе этого, рядомъ съ потрясающею драмой вы встрѣчаете у него рядъ анекдотовъ водевильнаго характера, написанныхъ для того лишь, чтобы посмѣшить читателей газетъ. Большія его произведенія: *Стень* и *Они* отличаются тою же калей-

*) Публичная лекція въ пользу московскаго комитета грамотности.

доскопичностью и отсутствием идейнаго содержанія; это не цѣльные произведенія, а рядъ безсвязныхъ очерковъ, нанизанныхъ на живую нитку фабулы разсказа».

Такой же, по общему смыслу, отзывъ о произведеніяхъ Чехова даетъ Н. К. Михайловскій. Говоря о сборникѣ разсказовъ *Хмурые люди*, онъ приводитъ изъ нихъ красивыя описанія, признаетъ присутствіе поэзій въ этихъ разсказахъ, но замѣчаетъ, что отъ книжки Чехова жизнью, все-таки, не вѣетъ. Дѣло, по мнѣнію Н. К. Михайловскаго, можетъ быть, въ томъ, что «г. Чехову все едино, что человѣкъ, что его тѣнь, что колокольчикъ, что самоубійца». Г. Чеховъ,—продолжаетъ критикъ,—«съ холодною кровью пописываетъ, а читатель съ холодною кровью почитываетъ».

Въ другой статьѣ Н. К. Михайловскій писалъ: «За многое можно ухватиться въ разсказѣ г. Чехова (*Палата № 6*), именно поэтому ни за что нельзя ухватиться съ увѣренностью». Критикъ опять указываетъ на безразличіе и безучастіе, съ какими Чеховъ «направляетъ свой превосходный художественный аппаратъ на ласточку и самоубійцу, на муху и слона, на слезы и воду».

Разбирая *Скучную исторію*, Н. К. Михайловскій признаетъ ее лучшимъ и значительнѣйшимъ изъ всего написаннаго Чеховымъ. Это—трагедія, и хорошо поставленная трагедія. Въ повѣсти критикъ отмѣчаетъ хорошія, жизненныя, глубокозадуманныя сцены. «Оттого-то такъ хороши и жизненъ этотъ разсказъ, что въ него вложена авторская боль»: «талантъ долженъ время отъ времени съ ужасомъ ощущать тоску и тусклость *дѣйствительности*, долженъ ущемляться тоской по тому, что называется *общей идеей или богомъ живого человѣка*. Порожденіе такой тоски и есть *Скучная исторія*».

Я остановлю ваше вниманіе на отзывахъ объ А. П. Чеховѣ другихъ писателей: К. К. Арсеньева, Л. Е. Оболенскаго, М. А. Протопопова и И. И. Иванова:

«Съ областью *происшествія* и анекдота,—пишетъ первый изъ этихъ критиковъ,—жанръ, избранный г. Чеховымъ, граничитъ только одною своею стороною, другою онъ примыкаетъ къ сферѣ повѣсти и романа» *). Чехову «удаются и декорации, увеличивающія эффектъ дѣйствія, и портреты, нарисованные немногими рѣзкими штрихами; ему удается, въ особенности, воспроизведеніе мгновенныхъ душевныхъ настроеній, понятныхъ безъ углубленія въ прошедшее дѣйствующихъ лицъ, безъ всесторонняго знакомства съ ними». Въ разсказахъ Чехова находятъ для себя достаточно простора «психологія простыхъ людей, простыхъ не по сословію или званію, а по малочисленности и несложности управляющихъ ими побужденій». Наконецъ одною изъ сильныхъ сторонъ Чехова критикъ признаетъ описанія природы. Чеховъ «обладаетъ искусствомъ олицетворять ее, заставляя ее жить точно по человѣческой жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ свободенъ отъ подра-

*) Напомню, что *Критическіе этюды* К. К. Арсеньева вышли въ 1888 году.

жанія образцамъ, представляемымъ, въ этомъ отношеніи, нашу и западно-европейскую литературами».

Въ свою очередь Л. Е. Оболенскій, одинъ изъ первыхъ указавшій на выдающійся талантъ Чехова, упрекаетъ его, при разборѣ драмы *Ивановъ*, въ отсутствіи социологической точки зрѣнія на жизнь и искусство. Вслѣдствіе этого именно недостатка, полагаетъ критикъ, въ произведеніяхъ Чехова нѣтъ гармоніи, того единства въ разнообразіи, которое составляетъ основное требованіе искусства.

Въ другой статьѣ, напечатанной значительно ранѣе (въ декабрѣ 1886 г.), Л. Е. Оболенскій говоритъ о Чеховѣ по поводу перваго сборника его мелкихъ рассказовъ, сравнивая его произведенія съ повѣстями и рассказами В. Г. Короленка. «Сколько въ рассказахъ Чехова,—пишетъ Л. Е. Оболенскій,—жизни, сколько наблюдательности, сколько и юмора, и слезъ, и любви къ человеку!» М. А. Протопоповъ говоритъ о Чеховѣ въ одномъ изъ своихъ *Писемъ о литературѣ* (*Русская Мысль*, 1892 г., кн. II): «Повѣсть г. Чехова (*Жена*),—пишетъ критикъ,—тѣмъ для нашихъ цѣлей и удобна, что тенденція ея широка и, въ то же время, фальшива. Это не личная ошибка писателя, не обмолвка,—это нѣкоторымъ образомъ знаменіе времени: равнодушіе, вмѣняемое въ достоинство, отсутствіе опредѣленныхъ воззрѣній, поставляемое мудростью, безпринципность, возводимая въ принципъ,—это ли не характерныя черты переживаемаго нами момента?»

Въ январской книжкѣ *Артиста* за нынѣшній годъ И. И. Ивановъ (*Записки читателя*) указываетъ на то, что Чеховъ хочетъ дать характеристику нынѣ дѣйствующаго поколѣнія. «Другой вопросъ—справедлива ли эта характеристика и точны ли авторскія наблюденія. Одно несомнѣнно, вопросъ поставленъ на опредѣленную и въ высшей степени любопытную почву, притомъ, въ современной литературѣ совершенно оригинальную. Наблюденія, кромѣ того, слагаются въ образы,—живые, типичные, свидѣтельствующіе о несомнѣнной психологической и художественной талантливости автора». Въ послѣднихъ произведеніяхъ Чехова, по мнѣнію И. И. Иванова, «подняты серьезнѣйшіе вопросы общественнаго содержанія, именно здѣсь съ полною ясностью сказалось стремленіе литературы отдать отчетъ въ знаменіяхъ времени». Герои этихъ произведеній, представители современнаго поколѣнія,—неврастеники и нытики, неспособные ни на одушевленный идеєю трудъ, ни на глубокое одухотворенное чувство. Они-то и составляютъ, думаетъ И. И. Ивановъ, печальное знаменіе времени.

Вы видите, что въ приведенныхъ отзывахъ много общаго, но есть и важныя различія, даже прямыя противоположности. Одинъ упрекъ Чехову выступаетъ съ особенною ясностью: ему ставятъ на видъ отсутствіе стройнаго міропониманія, слѣдствіемъ чего являются его безразличное отношеніе къ людямъ и событіямъ, о которыхъ онъ рассказываетъ, и случайность въ выборѣ темъ, которыя составляютъ содержаніе его произведеній. Если этотъ упрекъ справедливъ, если художественный аппаратъ

Чехова на самомъ дѣлѣ безразлично направленъ и на слезы, и на воду, то это, конечно, большой недостатокъ, который не можетъ не понижать внутренней цѣнности многихъ и многихъ изъ повѣстей, рассказовъ и очерковъ Чехова, и вотъ почему. Та школа шестидесятыхъ годовъ, которая предпочитала *идейное* искусство, вовсе не требовала,—и не могла, разумѣется, требовать,—идейности, направленія, отъ каждаго художника. Задаваясь вопросомъ, составляетъ ли высшій идеалъ художественной дѣятельности безпристрастное, объективное творчество, Добролюбовъ въ статьѣ объ *Обломовщинѣ* писалъ слѣдующее: «Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и, во всякомъ случаѣ, былъ бы несправедливъ безъ ограниченій и поясненій. Многимъ не нравится покойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посылнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это нѣсколько обломовское, происходящее отъ склонности имѣть постоянно руководителей даже въ чувствахъ».

Дѣтъ шесть или семь назадъ, приведу въ одной изъ своихъ статей эти слова Добролюбова, я прибавилъ, что склонность, о которой говорилъ знаменитый критикъ, и естественна, и законна: «Никто изъ насъ недостаточно авторитетенъ, чтобы руководить безукоризненно своими чувствами, потому что наши личныя чувства воспитываются въ общественной средѣ, преобразуются подъ многочисленными личными и общественными влеченіями. Намъ необходимо искать руководителей въ томъ или другомъ отношеніи. Непосредственно воспитательное значеніе искусства очень велико, и мы вправѣ *желать*, чтобы художникъ разумно и честно воспользовался своимъ дарованіемъ, чтобы онъ не зарылъ его въ землю и не послужилъ, прямо или косвенно, дѣляемъ общественной неправды». Вотъ здѣсь-то и лежитъ опасность для объективнаго, безстрастнаго художника: онъ не только можетъ тратить свое дарованіе на пустяки, на художественное изображеніе ничтожныхъ предметовъ и дѣйствій, но и дать красивое изображеніе того, что можетъ вызывать соблазнъ, заслуживать нравственное осужденіе. Напередъ замѣчу, что не могу не согласиться съ критиками Чехова, которые находятъ нѣкоторую случайность въ выборѣ имъ темъ и бесполезную иногда трату большого дарованія на воспроизведеніе ничтожныхъ явленій. На это были свои условія, и надо надѣяться, что художественное творчество Чехова вышло теперь на настоящую дорогу. Но отъ второго, гораздо болѣе важнаго, упрека Чеховъ вполне свободенъ: его рассказы иной разъ только смѣшили, не возбуждая серьезной мысли, но никогда и нигдѣ, ни прямо, ни косвенно, не послужилъ онъ *общественной неправдѣ*. Спасало его то достоинство, котораго требовалъ отъ художника Чернышевскій. «Кто имѣетъ право,—писалъ Чернышевскій,—требовать отъ поэта, чтобы онъ насилывалъ свой талантъ? *Можно требовать только того, чтобы онъ старался развить себя, какъ человека*».

Въ произведеніяхъ Чехова чувствуется именно *человѣкъ*, и въ доказательство этого я сдѣлаю сейчасъ краткій обзоръ содержанія его повѣстей и разсказовъ.

Разсказываетъ Чеховъ о томъ, какъ двое сотскихъ, глухою осенью, по грязной дорогѣ, ведутъ пойманнаго бродяжку (*Мечты*). Устали всѣ трое, присѣли отдохнуть. Бродяга размечтался, какъ хорошо ему будетъ жить на поселеніи. «Поставлю срубъ, братцы,—говоритъ онъ,—образовъ накуплю... Богъ дастъ, оженюсь, дѣточки у меня будутъ».

«Какъ ни наивны мечтанія бродяги,—замѣчаетъ авторъ,—но они высказываются такимъ искреннимъ, душевнымъ тономъ, что трудно не вѣрить имъ. Маленькій ротикъ бродяги перекосило улыбкой, а все лицо и глаза, и носикъ застыли и отупѣли отъ блаженнаго предвкушенія далекаго счастья. Сотскіе слушаютъ и глядятъ на него серьезно, не безъ участія. Они тоже вѣрятъ».

Ѣздитъ по городу извозчикъ Іона Потаповъ (*Тоска*). Умеръ у него сынъ въ больницѣ, взрослый, единственный. И хочется старику разсказать кому-либо,—сѣдоку ли, дворнику ли,—о своемъ горѣ. Но никому оно не интересно, никто не хочетъ о немъ слушать. И томится Іона невысказанною мѣлой. Ночь настала. Легъ спать старикъ, но не спится ему. Онъ одѣвается и идетъ посмотрѣть лошадь.

«— Жуешь?—спрашиваетъ Іона у лошади.—Ну, жуй, жуй... Коли на овесъ не выѣздили, сѣно ѣсть будемъ... Да... Старъ ужъ я сталъ ѣздить. Сыну бы ѣздить, а не мнѣ... То настоящій извозчикъ былъ... Жить бы только...»

«Іона молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:

«— Такъ-то, братъ, кобылочка... Нѣту Кузьмы Іоныча... Приказалъ долго жить... Взялъ и померъ зря... Таперя, скажемъ, у тебя жеребеночекъ и ты этому жеребеночку родная мать... И вдругъ, скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказалъ долго жить... Вѣдь, жалко?»

«Лошаденка жуетъ, слушаетъ и дышетъ на руки своего хозяина.

«Іона увлекается и разсказываетъ ей все...»

Въ разсказѣ *Горе*, старый и пьяный токарь везетъ къ доктору больную жену. Дорѣдой она умираетъ, и въ душѣ токаря встаетъ тяжелое раскаяніе, глубокая жалость къ заколоченной и замученной имъ женщинѣ. Это душевное состояніе передано Чеховымъ со свойственною ему силой, сжатостью и безыскусственностью.

«А, вѣдь, она по міру ходила!—вспоминаетъ токарь.—Самъ я посылаю ее хлѣба у людей просить. Коммиссія! Ей бы, дурѣ, еще лѣтъ десятокъ прожить, а то, небось, думаетъ, что я и взаправду такой».

И токарь мечтаетъ, какъ бы хорошо жить съизнова.

Вспомните разсказъ о томъ, какъ бѣднаго, умирающаго съ голоду ребенка два сострадательныхъ господина въ цилиндрахъ, потѣхи ради, обормили устрицами... А сколько теплаго, горячаго сочувствія людямъ въ

разказъ *Письмо*, гдѣ пьяненькій, попавшій подъ судъ, священникъ уговариваетъ дьякона не посылать къ сыну строго-укорительнаго письма. «Прямо такъ возьми и напиши ему: прощаю тебя, Петръ! Онъ пойме-отъ! Почувствуетъ! Я, братъ... я, дьяконъ, по себѣ это понимаю. Когда жить, какъ люди, и горя мнѣ было мало, а теперь, когда образъ и подобіе потерялъ, только одного и хочу, чтобъ меня добрые люди простили. Да и то разсуди, не праведниковъ прощать надо, а грѣшниковъ. Для чего тебѣ старушку свою прощать, ежели она не грѣшная? Нѣтъ, ты такого прости, на котораго глядѣть жалко... Да!»

Чтаете вы этотъ маленькій разказъ, и душа ваша наполняется умиленіемъ. Этотъ безпутный поиньъ гуманнѣе, справедливѣе, поступаетъ въ данномъ случаѣ болѣе по-христіански, чѣмъ безукоризненный отецъ благочинный, который продиктовалъ дьякону грозное письмо къ сыну. Та же глубоко-гуманная нота ярко звучитъ въ разказѣ *Примадокъ*.

Всегда и вездѣ симпатіи Чехова на сторонѣ униженныхъ и оскорбленныхъ, на сторонѣ искренности и правды, противъ условнаго лицемерія и фарисейскаго благочестія. Прочтите разказъ *Бабы*. Въ немъ набожный Матвѣй Саввичъ, мѣщанинъ и съемщикъ садовъ, рассказываетъ, какъ онъ, «живя согласно съ строгою моралью», гнуснымъ образомъ погубилъ полюбившую его жену сосѣда. Симпатіи своихъ Чеховъ не подчеркиваетъ, отъ себя не говоритъ ни слова и осуждаютъ безправственнаго святошу только *бабы*, выведенныя въ разказѣ; но ошибиться въ томъ, куда именно направлено сочувствіе автора и на что онъ негодуетъ, по-моему, невозможно. Объективная форма разказа въ данномъ случаѣ, пожалуй, усиливаетъ впечатлѣніе, возбуждаетъ въ читателѣ страстное отвращеніе къ пользующемуся почетомъ Матвѣю Саввичу.

Посмотрите, какъ нѣжно, съ какою любовью описываетъ Чеховъ дѣтей,—новое доказательство той глубокой гуманности, которою проникнуты его произведенія. Вотъ тринадцатилѣтняя *нянька* Варька, забытая, запуганная въ семьѣ сапожника. Днемъ ей нѣтъ минуты, чтобы присѣсть и отдохнуть, ночью она должна укачивать ребенка. Бѣдная дѣвочка доводится до сумасшествія. Ей мучительно, до безумія, *спать хочется*, и въ этомъ состояніи Варька душитъ плачущаго ребенка. «Задушивъ его, она быстро дожится на полъ, *сметется отъ радости, что ей можно спать*, и черезъ минуту спитъ ужъ крѣпко, какъ мертвая».

Разказъ *Дѣтвора*, гдѣ тонко подмѣчены черты дѣтскихъ характеровъ, вызвалъ нѣсколько весьма сочувственныхъ отзыовъ и, вѣроятно, извѣстенъ многимъ слушателямъ, и на немъ поэтому останавливаться я не буду. Столь же художественно и правдиво написанъ разказъ *Событіе*, которое заключается въ томъ, что родятся котята, и это приводитъ дѣтей въ чрезвычайный восторгъ. Отмѣчу въ этомъ маленькомъ разказѣ слѣдующее замѣчаніе Чехова, характерное для его отношенія къ людямъ и къ природѣ: «Въ воспитаніи и въ жизни дѣтей домашнія животныя играютъ едва замѣтную, но несомнѣнно благотворную роль,—говоритъ Чеховъ.—Кто изъ

насъ не помнить сильныхъ, но великодушныхъ псовъ, дармоѣдовъ - болонокъ, птицъ, умиравшихъ въ неволѣ, тупоумныхъ, но надменныхъ индюковъ, кроткихъ старухъ-кошекъ, прощавшихъ намъ, когда мы ради забавы наступали имъ на хвосты и причиняли имъ мучительную боль? Мнѣ даже иногда кажется, — продолжаетъ Чеховъ, — что терпѣніе, вѣрность, всепрощеніе и искренность, какія присущи нашимъ домашнимъ тварямъ, дѣйствуютъ на умъ ребенка гораздо сильнѣе и положителнѣе, чѣмъ длинныя нотаци сухого и блѣднаго Карла Карловича или же туманныя разглагольствованія гувернантки, старающейся доказать ребятамъ, что вода состоитъ изъ кислорода и водорода».

Чеховъ вообще мастеръ описывать и животныхъ, и природу. Укажу для примѣра на рассказъ *Нахлебника*, гдѣ выведены забытая старая лошадь и полудохлая собака Лыска. Умѣнье слиться съ природой, олицетворить ее, въ общей картинѣ неразрывно соединить съ жизнью этой природы жизнь людей особенно удачно, по моему мнѣнію, обнаружилъ Чеховъ въ большой и превосходной «исторіи одной поѣздки» (*Степь*). Въ глазахъ читателя ярко встаетъ эта степь и утромъ, и днемъ, и ночью, и въ ясную погоду, и въ грозу, и ненастье. Вы чувствуете, какъ особенности степи выработываютъ и особенности въ отношеніяхъ людей, такъ или иначе связанныхъ со степью. Вы видите этихъ людей, понимаете, что въ степи должны быть они именно такими, что власть природы накладываетъ свою руку и на характеръ человѣка, и на характеръ его хозяйственной дѣятельности. Никакія географическія, этнографическія и экономическія описанія не даютъ такой цѣлостной и ясной картины степи и ея жителей, какъ эта «исторія одной поѣздки». И какія красивыя, одухотворенныя описанія природы читаемъ мы въ этой повѣсти! Приведу одинъ примѣръ.

Вдѣтъ бричка. «Точно она ѣхала назадъ, а не дальше: путники видѣли то же самое, что и до полудня. Холмы все еще тонули въ лиловой дали и не было видно ихъ конца; мелькалъ бурьянъ, булыжникъ, проносились сжатые полосы, и все тѣ же грачи, да коршунъ, солидно взмахивающій крыльями, леталъ надъ степью. Воздухъ все больше застывалъ отъ зноя и тишины, покорная природа цѣпенѣла въ молчаніи... Ни вѣтра, ни бодраго, свѣжаго звука, ни облачка.

«Но вотъ, наконецъ, когда солнце стало спускаться къ западу, степь, холмы и воздухъ не выдержали гнета и, истощивши терпѣніе, измучившись, попытались сбросить съ себя иго. Изъ-за холмовъ неожиданно показалось пепельно-сѣдое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью, — я, молъ, готово, — и нахмурилось. Вдругъ въ стоячемъ воздухѣ что-то порвалось, сильно рвануль вѣтеръ и съ шумомъ, со свистомъ закрутился по степи. Тотчасъ же трава и прошлогодній бурьянъ подняли ропотъ, на дорогѣ спирально закружилась пыль, побѣжала по степи и, увлекая за собой солому, стрекозъ и перья, чернымъ, вертящимся столбомъ поднялась къ небу и затуманила солнце. По степи, вдоль и поперекъ, спотыкаясь и прыгая, побѣжали перекасти-поле, а одно изъ нихъ попало въ вихрь, заверглось, какъ

птица, полетѣло къ небу и, обратившись тамъ въ черную точку, исчезло изъ вида. За нимъ понеслось другое, потомъ третье, и Егорушка видѣлъ, какъ два перекасти-поле столкнулись въ голубой вышинѣ и вцѣпились другъ въ друга, какъ на поединкѣ».

Позвольте мнѣ сопоставить съ этимъ описаніемъ картину той же степи, нарисованную другимъ художникомъ, Левитовымъ.

«Чувствую я,— пишетъ Левитовъ,— что голову мою начинаетъ жечь палящій жаръ степной. Удрученная своею скорбною думою, съ каждымъ шагомъ развивавшеюся все печальнѣе и печальнѣе, она невыразимо страдала: какія-то проклятія слагались въ ней, какая-то мука тяготѣла надъ ней и не давала возможности сообразить, лучъ ли солнечный билъ въ нее этою мукой, или какое-то смертное томленіе, обыкновенно примѣчаемое въ пустынѣ, когда солнце залетъ ее потоками своего палящаго свѣта, заставляеть ее страдать?»

«И дѣйствительно, самое равнодушное сердце не могло не биться усиленно при видѣ этой картины одного общаго, всецѣлаго, такъ сказать, страданія. И, казалось вамъ, тѣмъ тяжелѣе страдала природа, что не было слышно ни одного звука, обыкновеннаго въ этихъ случаяхъ; только одни глаза видѣли во всемъ какую-то удушющую, гнетущую полноту...

«Придорожныя ветлы, какъ человекъ въ неожиданномъ несчастіи, распустили свои запыленные вѣтви и молчаливо стояли, будто окаменѣлыя. Десятки птицъ унизали ихъ кривые сучья. Идете вы и видите, какъ какой-нибудь воронъ, въ другое время чуткій и пугливый, теперь и не думаетъ примѣчать васъ. Вцѣпился онъ острыми когтями въ древесную кору, раздвинулъ сѣрыя крылья и озадаченно смотритъ на васъ, удивляясь, повидимому, вашей охотѣ топтаться въ такую мучительную пору. На встрѣчу вамъ, время отъ времени, пробѣжить тощая, искалѣченная, съ перебитой ногой, собака, съ хвостомъ, волочащимся по землѣ. И въ глазахъ животнаго видна та же мука. Такъ жалобно посмотрѣла на васъ собака, такъ выразительно замахала хвостомъ, что будто просила васъ помочь какъ-нибудь ея перебитой ногѣ.

«А по обѣимъ сторонамъ степной дороги, изъ золотыхъ волнъ ржи, мелькають бѣлыя рубахи на трудящихся спинахъ людей. Вамъ не видно красныхъ, изможденныхъ лицъ этихъ людей, покрытыхъ кровавымъ потомъ,— и лучше!

«И все это какъ-то неприязненно молчитъ молчаніемъ мертвеца, словно по чьему-нибудь строгому запрещенію...

«Но прихотливы бываютъ дорожныя думы... Идете вы и думаете: что было бы, ежели бы все это, не вынесши своей тяжелой боли, вскрикнуло вдругъ?»

Картина степного зноя у Чехова сжатѣе, образнѣе, красивѣе; но я хочу обратить ваше вниманіе на другую особенность Чехова въ изображеніи природы. Описаніе Левитова субъективно, онъ самъ и люди вообще играютъ преобладающую роль; Чеховъ является пантеистомъ, въ его сте-

пи человекъ — одно изъ множества явленій, равноправныхъ съ другими. Мнѣ кажется, что такое міропониманіе разлито и въ другихъ произведеніяхъ этого даровитаго писателя. Въ разсказѣ *Перекасти-поле*, который ведется отъ перваго лица, есть такое разсужденіе: «Не далѣе какъ на аршинъ отъ меня лежалъ скиталецъ; за стѣнами въ номерахъ и на дворѣ, около телегъ, среди богомольцевъ не одна сотня такихъ же скитальцевъ ожидала утра, а еще дальше, если сдумѣть представить себѣ всю Русскую землю, какое множество такихъ же перекасти-поле, ища гдѣ лучше, шагало теперь по большимъ и проселочнымъ дорогамъ или, въ ожиданіи разсвѣта, дремало въ постоянныхъ дворахъ, корчмахъ, гостиницахъ, на травѣ подъ небомъ... Засыпая, я воображалъ себѣ, какъ бы удивились и, быть можетъ, даже обрадовались всѣ эти люди, если бы нашлись разумъ и языкъ, которые сдумѣли бы доказать имъ, что *ихъ жизнь такъ же мало нуждается въ оправданіи, какъ и всякая другая*».

Это міровоззрѣніе принимаетъ иногда у Чехова печальный оттѣнокъ. Въ разсказѣ *Счастье* есть такое, на примѣръ, мѣсто: «Проснувшіеся грачи, молча и въ одиночку, летали надъ землей. Ни въ лѣтнемъ полетѣ этихъ долговѣчныхъ птицъ, ни въ утрѣ, которое повторяется аккуратно каждыя сутки, ни въ безграничности степи,— ни въ чемъ не видно было смысла». Есть другое мѣсто, въ другомъ произведеніи, о которомъ я уже говорилъ, въ *Степи*, гораздо болѣе сильное: «Когда долго, не отрывая глазъ, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются въ сознаніе одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одинокимъ и все то, что считалъ раньше близкимъ и роднымъ, становится безконечно-далекимъ и не имѣющимъ цѣны. Звѣзды, глядящія съ неба уже тысячи лѣтъ, само непонятное небо и мгла, равнодушная къ короткой жизни человека, когда остаешься съ ними съ глазу на глазъ и стараешься постигнуть ихъ смыслъ, гнетутъ душу своимъ молчаніемъ; приходитъ на мысль то одиночество, которое ждетъ cadaго изъ насъ въ могилѣ, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной...»

Не правда ли, глубокою скорбью, трогательною печалью вѣетъ отъ этихъ строкъ?

Пойдемъ далѣе. Въ той же *Степи* говорится объ одинокой могилѣ, въ которой зарытъ убитый и ограбленный купецъ. «Въ одинокой могилѣ есть что-то грустное, мечтательное и въ высокой степени поэтическое... Слышно, какъ она молчитъ, и въ этомъ молчаніи чувствуется присутствіе души неизвѣстнаго человека, лежащаго подъ крестомъ. Хорошо ли этой душѣ въ степи? Не тоскуетъ ли она въ лунную ночь? А степь возлѣ могилы кажется грустной, унылой и задумчивой, трава печальнѣй и кажется, что кузнечики кричатъ сдержаннѣй...»

Тѣ же ноты слышатся въ размышленіяхъ Рябовича (въ разсказѣ *Почтмуй*). Тотъ контрастъ, который такъ удивительно изображенъ Пушкинымъ въ элегій *Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ*, часто останавливаетъ на себѣ вниманіе Чехова. Вотъ умершаго матроса (*Гусева*) завернули въ

савань-мѣшокъ и торжественно спускають въ море. Не дошелъ до дна бѣдный матросикъ: перехватила его акуза... «А наверху въ это время, въ той сторонѣ, гдѣ заходитъ солнце, скучиваются облака; одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы... Изъ-за облаковъ выходитъ широкій зеленый лучъ и протягивается до самой середины неба; немного погодя, рядомъ съ этимъ ложится фіолетовый, рядомъ съ нимъ золотой, потомъ розовый... Небо становится нѣжно-сиреневымъ... Глядя на это великолѣпное, очаровательное небо, океанъ сначала хмурится, но скоро самъ приобретаетъ цвѣта ласковые, радостные, страстные, какіе на человѣческомъ языкѣ и назвать трудно».

Для пониманія произведеній Чехова я считаю очень важнымъ эту точку зрѣнія, и поэтому еще немного задержу ваше вниманіе на вопросѣ объ его мировоззрѣніи. Въ разсказѣ *Впрочка* Огневъ идетъ ночью, горячо простившись со старикомъ Кузнецовымъ, и думаетъ «о томъ, какъ часто приходится въ жизни встрѣчаться съ хорошими людьми и какъ жаль, что отъ этихъ встрѣчъ не остается ничего больше, кромѣ воспоминаній. Бываетъ такъ, что на горизонтѣ мелькнутъ журавли, слабый вѣтеръ донесетъ ихъ жалобно-восторженный крикъ, а черезъ минуту съ какою жадностью ни вглядывайся въ синюю даль, не увидишь ни точки, не услышишь ни звука; такъ точно люди съ ихъ лицами и рѣчами мелькають въ жизни и утопають въ нашемъ прошломъ, не оставляя ничего больше, кромѣ ничтожныхъ слѣдовъ памяти».

Теперь вспомните, что Чеховъ—медикъ по профессіи, и вамъ станетъ многое понятно въ его художественномъ творчествѣ, многіе изъ упрековъ критики, на первый взглядъ основательные, должны быть смягчены, а другіе нельзя не признать и совсѣмъ неосновательными. Талантливый беллетристъ поступаетъ иногда какъ талантливый и добросовѣстный земскій врачъ: быстро поставивъ діагнозъ трудно-больному, онъ переходитъ къ другому, который воображаетъ, что онъ болѣнъ, и возбуждаетъ либо смѣхъ, либо досаду, и т. д. Въ приемахъ Чехова, въ простотѣ, ясности и точности изображенія, мы также узнаемъ естествоиспытателя. Въ его повѣстяхъ и разсказахъ часто встрѣчаются больные люди со сложными движеніями ненормальной души. Какъ врачъ, онъ спокойнѣе относится къ людскимъ страданіямъ, но не можетъ не останавливаться на такихъ явленіяхъ, когда болѣзнь неожиданно и негаданно уноситъ цвѣтущую, полную надеждъ молодую жизнь (разсказъ *Тифъ*).

Не только отдѣльно взятые люди и не одна природа привлекають вниманіе Чехова. Рѣже, гораздо рѣже, но, все-таки, встрѣчаются у него картины общественной жизни, полныя глубокаго смысла, вызывающія у автора скорбныя мысли. Прокуроръ, на примѣръ, въ разсказѣ *Дома*, вспоминаетъ объ исключенныхъ изъ гимназіи и не можетъ не признать, что наказаніе очень часто приноситъ гораздо больше зла, чѣмъ само преступленіе. «Животный организмъ, полагаетъ прокуроръ, обладаетъ способностью

быстро приспособляться, привыкать и приниматься къ какой угодно атмосферѣ, иначе человекъ долженъ былъ бы каждую минуту чувствовать, какую неразумную подкладку нерѣдко имѣеть его разумная дѣятельность и какъ еще мало осмысленной правды и увѣренности даже въ такихъ ответственныхъ, страшныхъ по результатамъ дѣятельностяхъ, какъ педагогическая, юридическая, литературная»...

Отмѣтимъ это «еще мало осмысленной правды и увѣренности», какъ лучъ тепла и надежды въ печальномъ міропониманіи, которое мы имѣли основаніе предположить въ авторѣ *Скучной исторіи*. Какъ художникъ, Чеховъ можетъ опоэтизировать горе, самую смерть. Описывая, напримѣръ, смерть ребенка въ семьѣ доктора, Чеховъ говоритъ: «Тотъ отталкивающий ужасъ, о которомъ думаютъ, когда говорятъ о смерти, отсутствовалъ въ спальнѣ. Во всеобщемъ столбнякѣ, въ позѣ матери, въ равнодушій докторскаго лица лежало что-то притягивающее, трогашее сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человѣческаго горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умѣеть передавать одна только музыка» (*Врач*).

Эта поэтизація горя можетъ, конечно, вести къ крайне вреднымъ результатамъ, стать весьма прискорбною односторонностью; но Чеховъ свободенъ отъ такой односторонности. Въ томъ же разсказѣ онъ говоритъ: «Несчастные эгоистичны, злы, несправедливы, жестоки и менѣе, чѣмъ глупцы, способны понимать другъ друга. Не соединяетъ, а разъединяетъ людей несчастье и даже тамъ, гдѣ, казалось бы, люди должны быть связаны однородностью горя, продѣлывается гораздо больше несправедливостей и жестокостей, чѣмъ въ средѣ сравнительно довольной».

Несправедливость и жестокость развиваются, конечно, въ благопріятной для нихъ ненормальной общественной средѣ. Чеховъ мастерски описываетъ нашу городскую (уѣздную) жизнь, въ которой нѣтъ никакихъ духовныхъ интересовъ, гдѣ дремлетъ мысль, гдѣ замираютъ добрые порывы людей, пришедшихъ туда и съ образованіемъ, и съ желаніемъ трудиться. Такую картину видимъ мы и въ *Палатѣ № 6*, и въ другихъ разсказахъ, напримѣръ, въ *Мыслитель*. Въ разсказѣ *Злоумышленникъ* съ потрясающею силой и съ удивительною простотою передана судебная трагедія: мужикъ отвинчивалъ гайки у рельсовъ желѣзной дороги; гайки нужны ему для рыбной ловли, и онъ никакъ не можетъ понять, что это тяжкое преступленіе, что за это ему грозитъ острогъ.

Есть у Чехова маленькій разсказикъ, всего въ три странички, — *Отставной рабъ*, гдѣ съ необыкновенною яркостью изображено то нравственное искаженіе, которому подвергались люди при вѣрбномъ правѣ. Я не стану приводить его содержанія и упоминаю о немъ лишь за тѣмъ, чтобы привести новое доказательство того, что Чеховъ хорошо понимаетъ зло несправедливыхъ и несвободныхъ общественныхъ условій, хоть и рѣдко затрагиваетъ такіа темы. Такое же впечатлѣніе производитъ и разсказъ, *Капитанскій мундиръ*, въ которомъ портной Меркуловъ съ умиленіемъ

сообщаетъ, что капитанъ, не заплатившій ему за мундиръ, билъ его точно такъ же, какъ въ счастливыя для рабьей души времена бивалъ Меркулова баронъ Шпунцель...

Загнать у Чехова и другой важный вопросъ. Въ рассказѣ *Henri-итность* мировой судья говоритъ, что «въ настоящее время честныхъ и трезвыхъ работниковъ, на которыхъ вы можете положиться, можно найти только среди интеллигенціи и мужиковъ, то-есть среди этихъ двухъ крайностей и только». Весьма трудно найти честнаго и трезваго фельдшера, писаря, прикащика... Земскій докторъ замѣчаетъ на это, что иначе и быть не можетъ, что у такого *средняго чловѣка* нѣтъ ни образованія, ни собственности; «читать и ходить въ церковь ему некогда, насъ онъ не слышитъ, потому что мы не подпускаемъ его къ себѣ близко. Такъ онъ и живетъ изо дня въ день до самой смерти безъ надеждъ на лучшее, обѣдая впроголодь, боясь, что вотъ-вотъ его прогонятъ изъ казенной квартиры, не зная, куда приткнуться своихъ дѣтей. Ну, какъ тутъ, скажите, не пьянствовать, не красть? Гдѣ тутъ взяться принципамъ?»

Я далеко не исчерпалъ, конечно, содержанія произведеній Чехова, да это и невозможно въ предѣлахъ публичной лекціи. Дарованіе этого писателя находится въ разцвѣтѣ и полная оцѣнка его художественной дѣятельности еще впереди. Мы замѣчаемъ въ послѣднее время расширеніе круга его наблюденій и углубленіе содержанія его повѣстей и рассказовъ. *Рассказъ неизвѣстнаго чловѣка* даетъ намъ замѣчательно удачную картину извѣстной части петербургскаго бюрократическаго міра. Хорошо задуманъ, но не вполне безукоризненно нарисованъ герой разсказа—бывшій революціонеръ. А. М. Скабичевскій, довольно сурово относившійся къ Чехову, считаетъ выведенный имъ въ *Бабьемъ царствѣ* типъ Анны Акимовны самымъ замѣчательнымъ типомъ купеческой среды послѣ комедій Островскаго.

Нѣтъ основаній опасаться, что въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Чеховъ будетъ случайно выбирать темы, расточая свои силы на изображеніе ничтожныхъ явленій, хотя,—спѣшу прибавить,—возбудить остроумною шуткою, въ художественной формѣ, здоровый смѣхъ есть немало-важная заслуга. Юморъ Чехова отличается нерѣдко заразительною веселостью и возбуждаетъ въ читателѣ хорошее, свѣтлое настроеніе. Эта драгоценная особенность его таланта спасаетъ его отъ избытка пессимизма, отъ налета горькой скорби въ виду массы случайнаго и жестокаго...

Я передамъ, въ немногихъ словахъ, одинъ изъ юмористическихъ рассказовъ Чехова въ виду того, что въ этотъ съ перваго взгляда анекдотъ заключена, мнѣ кажется, серьезная мысль. Къ сожалѣнію, рассказъ въ передачѣ будетъ, конечно, испорченъ.

Въ кабинетъ доктора Кошэлькова (*Произведеніе искусства*) входитъ молодой чловѣкъ Смирновъ. Докторъ вылечилъ юношу, и вотъ его мать, покойный мужъ которой торговалъ старинною бронзою, посылаетъ доктору

въ благодарность канделябрь дѣйствительно художественной работы, но съ непристойными женскими фигурами. Доктор посмотрѣлъ на подарокъ.

«— Да, вещь, дѣйствительно, прекрасная,—пробормоталъ онъ, — но... какъ бы выразиться, не тово... не литературна слишкомъ... Это ужъ не декольтэ, а чортъ знаетъ что...»

Молодой человѣкъ пристаётъ къ доктору, убѣждая его быть выше толпы. У самого Смирнова отъ созерцанія этого канделябра «душу наполняетъ благоговѣйное чувство и къ горлу подступаютъ слезы». *Adieu* нашимъ декорентамъ.

Смирновъ жалѣетъ только о томъ, что у нихъ нѣтъ пары для этого канделябра, и навязываетъ-таки его доктору.

Кошельковъ въ недоумѣнїя: оставить у себя на квартирѣ такое *произведеніе искусства*, конечно, дѣло невозможное.

Везетъ онъ канделябрь къ адвокату Ухову. Тотъ приходитъ въ неопределенный восторгъ, но принимать подарка не соглашается:

«У меня бываютъ тутъ мать, кліенты... да и отъ прислуги совѣстно...»

Докторъ однако насильно оставляетъ свой канделябрь, а адвокатъ придумываетъ подарить его бенефицианту, комику Шашкину. Шашкинъ также въ восторгѣ и также не желаетъ оставлять у себя этого *художественнаго произведенія*. Онъ продаетъ его старухѣ, торгующей бронзой.

Черезъ два дня въ квартиру доктора Кошелькова является улыбающійся, счастливый Саша Смирновъ.

«Докторъ!—началъ онъ, задыхаясь.—Представьте мою радость! На ваше счастье, намъ удалось приобрести пару для вашего канделябра! Мамаша такъ счастлива... Я единственный сынъ у матери... вы спасли мнѣ жизнь...»

Того, кто написалъ эту милую шутку, этотъ полный смысла анекдотъ, не увлечетъ одна форма, тотъ потребуетъ отъ дѣйствительно художественнаго произведенія чистоты и правды.

Этими качествами отличаются рассказы и повѣсти Чехова. Отъ нихъ вѣетъ правдивостью, онъ не описываетъ того, чего не видалъ, не зналъ, не переживалъ. Его пессимистическое міровоззрѣніе не принимаетъ гнетущаго характера, нигдѣ у него не звучитъ отчаяніе. Живая любовь къ живому человѣку и тонкое художественное чутье, съ какимъ Чеховъ любитъ и человѣка, и природу, придаютъ его думамъ о случайности и быстротечности жизни печальный, но мягкій оттѣнокъ, подобный тому міропониманію, которое разлито въ произведеніяхъ Тургенева. Симпатія къ слабому, негодованіе къ сильному злему—вотъ что часто выносишь изъ рассказовъ Чехова; ни на одну дурную мысль они не натолкнутъ, никакого сквернаго обужденія не вызовутъ. Чувствуется въ нихъ недостатокъ мужественныхъ, ризывныхъ нотъ,—и понятно почему: отдѣльно взятый человѣкъ—ничтожный атомъ въ вѣчномъ міровомъ круговоротѣ. Въ виду бездоннаго неба, въ одиночїи, дѣйствительно долженъ испытывать либо ужасъ, либо глубокую печаль. Но въ томъ-то и дѣло, что человѣкъ не одинокъ. Любовью, дружбою, идеями связаны между собою люди, и, опираясь другъ на друга,

они имѣютъ полное основаніе смотрѣть въ историческую даль съ доброю надеждою, съ сознательнымъ упованіемъ. Итти рядами и шеренгами, при свѣтѣ науки, подъ знаменемъ общественнаго и личнаго идеала, значить удесетерять свои силы, значить безконечно ускорять побѣду на землѣ добра, справедливости и самой красоты. Изображать въ художественныхъ произведеніяхъ движенія человѣческой души въ общественныхъ условіяхъ, изображать общественное движеніе, въ которомъ выступаетъ и личность, и масса,—составляетъ высокую задачу искусства. Будетъ ли при этомъ писатель объективнымъ художникомъ, или пророкомъ освобожденія,—этотъ вопросъ рѣшается не требованіями со стороны, но самою природою художника. Бритика должна требовать одного, того, о чемъ говорилъ Чернышевскій: художникъ *долженъ* развивать въ себѣ *человѣка*. Это требованіе Чеховымъ исполнено. Но если нельзя предъявлять другихъ *требованій*, то можно высказывать горячія желанія. Пожелаемъ же, чтобы художникъ-человѣкъ былъ и художникомъ-гражданиномъ.

Художественное произведеніе, написанное человѣкомъ, который любитъ простоту и правду, который любитъ людей, доставить, конечно, и эстетическое наслажденіе, и нравственное удовлетвореніе. Оно поддержитъ иной разъ слабѣющую энергію или потухающій гнѣвъ. Но если принять во вниманіе, какъ мало, сравнительно говоря, число людей, живущихъ отвлеченными идеями, способныхъ увлекаться принципами, то станетъ понятнымъ желаніе искать помощи у искусства для болѣе опредѣленнаго воздѣйствія на общество, для воспитанія въ немъ не только добрыхъ чувствъ, но и гражданскихъ стремленій. Служеніе красотѣ и правдѣ вызываетъ глубокое уваженіе. Это уваженіе только усилится, если художникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужитъ и дѣлу общественной справедливости, если онъ дастъ намъ, въ прекрасныхъ формахъ, не только изображеніе дѣйствительности, ея мутныхъ волнъ или ея гніющаго болота, но подмѣтитъ и освѣтитъ новыя, свѣжія теченія,—а, вѣдь, они несомнѣнно существуютъ,—если онъ укажетъ намъ широкіе пути къ разумному, человѣчному счастью, котораго нѣтъ и быть не можетъ безъ энергичнаго труда ради общественной правды, безъ честной борьбы ради народнаго счастья.

В. Гольцевъ.

Антуанъ Лоранъ Лавуазье.

(26 августа 1743 г.—8 мая 1794 г., нов. ст.) *).

Бываютъ эпохи въ исторіи каждой страны, когда на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, какъ общественной, такъ и научной, является масса талантливыхъ и гениальныхъ людей. Такою эпохой для Франціи была вторая половина прошлаго вѣка, когда одновременно съ французскою революціей подготовился и совершился великій переворотъ во всемъ естествознаніи. Творцомъ этого переворота былъ Антуанъ Лоранъ Лавуазье, голова котораго пала подъ топоромъ гильотины 8 мая (нов. ст.) 1794 года.

Въ настоящей статьѣ мы не будемъ останавливаться на описаніи жизни и общественной дѣятельности Лавуазье, а также не считаемъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе вопроса, насколько правы были тѣ, которые возвели на эшафотъ славу и гордость Франціи: не далѣе, какъ черезъ два года послѣ смерти Лавуазье, въ апрѣлѣ 1796 года, все имущество, конфискованное конвентомъ, было возвращено его женѣ, и въ официальныхъ документахъ значилось: *veuve de Lavoisier, injustement condamné*. Мы постараемся сдѣлать только краткій очеркъ той научной реформы, которая произведена была Лавуазье. Оговоримся въ началѣ, что въ краткой журнальной статьѣ возможно указать только на самые главные его труды и приходится пройти молчаніемъ большую часть его работъ,—настолько велики и разнообразны были его занятія, касавшіяся самыхъ разнообразныхъ областей знанія; минералогія, физика, метеорологія, химія, физиологія, технологія, политическая экономія—вотъ науки, которыми занимался Лавуазье.

Изъ всѣхъ открытій, произведенныхъ Лавуазье, мы остановимся болѣе подробно на двухъ, а именно на открытіи состава воздуха и состава воды, какъ на такихъ, благодаря которымъ онъ создалъ новую теорію горѣнія, окисленія тѣлъ и дыханія.

*) При составленіи этой статьи мы пользовались, кромѣ трудовъ самого Лавуазье, еще слѣдующими его біографіями: 1) *Grimaux*: „Lavoisier d'après sa correspondance, ses manuscrits“ etc. Paris, 1888. 2) *Berthelot*: „La révolution chimique. Lavoisier. Paris, 1890. 3) *Dumas*: „Léçons sur la philosophie chimique“.

Но для того, чтобы вполне оцѣнить тотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ на матерію, который былъ совершенъ Лавуазье, необходимо хотя вкратцѣ рассмотреть, каково было міросозерцаніе естествовѣдцовъ первой половины XVIII вѣка.

Раскроемъ какую-либо естественно-историческую книгу того времени, и мы будемъ поражены тѣми понятіями о веществѣ, какія были въ научномъ обиходѣ полтора столѣтія тому назадъ. Мы увидимъ, что такія тѣла, которыя мы считаемъ за простые, неразложимые элементы, помѣщены въ число сложныхъ тѣлъ, но за то вода, воздухъ и т. под. для химика XVII и начала XVIII вѣка являлись простыми неразложимыми элементами. Съ перваго взгляда кажется удивительнымъ, какъ такія тѣла, какъ металлы, могли считаться за сложные тѣла, но это удивленіе пропадетъ, если мы заглянемъ нѣсколько дальше въ исторію науки.

Припомнимъ воззрѣнія на вещество, существовавшія въ древности. Аристотель, имѣвшій такое громадное вліяніе на умы людей въ продолженіе средневѣковаго періода, разсматривалъ всѣ тѣла состоящими изъ четырехъ стихій или началъ: земли, воды, воздуха и огня. Эти четыре стихіи содержатся во всѣхъ тѣлахъ и могутъ быть выдѣлены изъ всѣхъ тѣлъ, сами же онѣ не способны разлагаться на другія вещества. Оговоримся здѣсь, что эти стихіи не слѣдуетъ смѣшивать съ реальными тѣлами того же наименованія: вода (рѣчная, дождевая и т. п.) въ дѣйствительности содержитъ въ себѣ всѣ четыре стихіи, но только въ ней преобладаетъ одна изъ стихій—«вода». Стихіи Аристотеля суть только носители извѣстныхъ физическихъ свойствъ тѣла; такъ, вода есть носитель влажности и холода, земля—сухости и холода, воздухъ—влажности и тепла, огонь—сухости и тепла.

Отсюда ясно, что всѣ различія въ свойствахъ тѣлъ зависятъ отъ того, въ какомъ отношеніи будутъ находиться въ нихъ эти стихіи. Подъ вліяніемъ такого рода взглядовъ легко могло составиться убѣжденіе, что можно измѣнить настолько свойства даннаго тѣла, что оно приметъ совершенно другое состояніе матеріи, превратится въ другое тѣло. Ежедневный опытъ, повидимому, подтверждалъ такого рода взгляды: такъ на основаніи того, что тѣла отъ холода дѣлаются болѣе твердыми, можно было думать, что такія тѣла, какъ горный хрусталь, получаютъ изъ воды, превращеніе воздуха въ воду и обратно представляется для Плинія дѣломъ обыкновеннымъ, а этимъ онъ объясняетъ образованіе облаковъ.

Такимъ образомъ переходъ или превращеніе одного тѣла въ другое, по мнѣнію послѣдователей ученія Аристотеля,—дѣло возможное, и поэтому-то въ продолженіе всего того времени, когда царилъ въ наукѣ о природѣ Аристотель, было потрачено столько трудовъ на превращеніе одного металла въ другой.

Первые алхимики, принимая ученіе Аристотеля о четырехъ стихіяхъ, смотрѣли на металлы какъ на тѣла сложные; всѣ металлы по Геберу, арабскому алхимику, жившему около 800 года, состоятъ изъ сѣры и рту-

ти болѣе или менѣе чистыхъ, и всё свойства ихъ зависятъ отъ различныхъ количественныхъ отношеній, въ которыхъ входятъ въ составъ металловъ эти два элемента: такъ, золото представляетъ собой ртуть, которая соединена съ небольшимъ количествомъ сѣры, въ мѣди ртуть и сѣра находятся въ равныхъ пропорціяхъ, въ оловѣ ртути очень мало, сѣры же много. Нужно помнить только, что «ртуть» не тождественна съ обыкновенною ртутью, въ составъ которой входитъ какъ ртуть, такъ и сѣра. Подъ элементомъ «ртутью» алхимики подразумѣвали начало металличности, отъ нея зависятъ блескъ, тягучесть и т. п. свойства металловъ, сѣра же представляетъ начало измѣняемости металловъ, ихъ способности горѣть, улетучиваться и т. п. Такой взглядъ на составъ металловъ господствовалъ во всё средніе вѣка, впоследствии онъ нѣсколько видоизмѣнился: начали принимать, что въ металлы входитъ, кромѣ сѣры и ртути, еще третье начало— соль. Легко видѣть, что на основаніи подобной теоріи можно было надѣяться изъ одного металла получить другой, и такъ какъ цѣлью стремленій большинства человечества всёхъ вѣковъ является добываніе золота въ томъ или другомъ видѣ, то нельзя строго относиться къ алхимикамъ, потратившимъ много энергіи на превращеніе металловъ въ золото.

Труды алхимиковъ не пропали даромъ: стремясь получить золото, они много трудились въ своихъ лабораторіяхъ и, благодаря этимъ трудамъ, открыли многія свойства металловъ, и къ началу XVIII вѣка было собрано много полезнаго фактическаго матеріала: такъ, отношенія между металлами и ихъ окисями, способы полученія металловъ изъ ихъ окисей, — всё эти факты были уже хорошо извѣстны. По мѣрѣ накопленія фактовъ измѣнялись теоретическія воззрѣнія, и на смѣну теоріи алхимиковъ въ началѣ XVIII вѣка была создана теорія флогистона.

По Сталю, который считается творцомъ этой теоріи, всё горячія тѣла, какъ-то: сѣра, масло, уголь, металлы, содержатъ въ себѣ особое горячее начало— флогистонъ (φλογιστόν), отдѣляющееся отъ тѣла, когда последнее подвергается высокой температурѣ. Всё металлы являются тѣлами сложными, состоящими изъ земли (окиси), соединенной въ большей или меньшей степени съ флогистономъ. При накачиваніи ихъ выдѣляется флогистонъ и остается земля, то, что мы нынѣ называемъ окисломъ металла. Обратное, стоитъ только къ окислу присоединить флогистонъ и получится чистый металлъ, поэтому при нагреваніи окисла въ присутствіи тѣлъ, богатыхъ флогистономъ (напримѣръ, угля), способныхъ отдать свой флогистонъ окислу, получается металлъ.

Такимъ образомъ, по теоріи флогистона, господствовавшей въ XVIII вѣкѣ и разрушенной трудами Лавуазье, тѣ тѣла, которыя мы, согласно то ученію, считаемъ простыми, неразложимыми элементами, были тѣлами южными, тѣла же сложныя (наприм., окиси металловъ) принимались за простыя, неразложимыя.

Родившійся черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Стала Лавуазье своими трудами разрушилъ теорію флогистона, причѣмъ онъ сдѣлалъ это не сразу:

вначалѣ онъ самъ принималъ ее, но затѣмъ постепенно онъ пробиваетъ своими опытами все новыя и новыя бреши въ этой теоріи и подѣ конецъ своей жизни оставляетъ отъ нея только разрушенный остовъ.

Для разрушенія этой теоріи онъ пользуется опытными данными, добытыми не только имъ самимъ, но и другими. Въ это время, т.-е. въ половинѣ XVIII в., въ химіи замѣчается большое оживленіе: Пристлей, Блэккъ, Кавендишъ и другіе открыли много новыхъ фактовъ: такъ, Пристлей въ 1774 году получаетъ кислородъ при накаливанія красной окиси ртути, Руттерфордъ въ 1772 году выдѣляетъ изъ воздуха азотъ, Кавендишъ въ 1766 году изслѣдуетъ водородъ, полученный при дѣйствіи сѣрной кислоты на металлъ. Такимъ образомъ, химія газовъ была обогащена многими новыми тѣлами.

Но Пристлей и Кавендишъ назвали новые газы въ духѣ теоріи флогистона: такъ, кислородъ, по Пристлею, былъ дефлогистированнымъ (очищеннымъ отъ флогистона) воздухомъ (*deflogisticated air*); азотъ же онъ называлъ воздухомъ, насыщеннымъ флогистономъ (*flogisticated air*). Водородъ же, по Кавендишу, есть «воспламеняемый, горячій воздухъ» (*inflamtable air*).

Пристлей, умершій десятью годами позже Лавуазье, до конца своей жизни оставался приверженцемъ теоріи флогистона.

Все значеніе фактовъ, открытыхъ Пристлеемъ, Кавендишемъ и друг., выяснилось вполнѣ лишь въ трудахъ Лавуазье. «Заслуга Лавуазье, — говоритъ Либихъ, — не въ одномъ какомъ-либо открытіи, но въ сопоставленіи безчисленнаго множества фактовъ въ одну теорію». Современники Лавуазье, а также нѣкоторые позднѣйшіе историки химіи, обвиняли его часто въ томъ, что онъ пользуется чужими открытіями и выдаетъ ихъ за свои. Эти обвиненія несправедливы, такъ какъ его слава, какъ творца современной химіи, основана на томъ, что онъ построилъ новую теорію, а не на томъ, что онъ открылъ тѣ или другіе факты.

Заслуга его состоитъ еще въ томъ, что онъ ввелъ въ химію тотъ методъ изслѣдованія, благодаря которому только и возможны стали дальнѣйшіе быстрые успѣхи этой науки. Это — методъ количественнаго опредѣленія веществъ, участвующихъ въ химическихъ превращеніяхъ. Было бы несправедливо считать Лавуазье творцомъ этого метода, такъ какъ и до него алхимики пользовались вѣсами при своихъ изслѣдованіяхъ, но только Лавуазье первому удалось показать, что при всѣхъ химическихъ явленіяхъ сумма вѣсовыхъ количествъ происшедшихъ тѣлъ равна суммѣ вѣсовъ взятыхъ, и, такимъ образомъ, подтвердить съ вѣсами въ рукахъ законъ, формулированный еще въ древности:

ex nihilo nihil, in nihilum nil posse reverti.

Но хотя этотъ законъ былъ высказанъ еще въ древности, химики не могли его считать достовѣрнымъ, такъ какъ многочисленные опыты противорѣчили ему; то замѣчалось увеличеніе вѣса въ металлъ при его накаиваніи,

то, напротивъ, горящее вещество исчезало почти безслѣдно, оставляя только небольшое количество золы. Отсюда не трудно было вывести заключеніе, что горючія тѣла могутъ превращаться въ невѣсомый огонь и, обратно, могутъ получаться изъ огня.

Послѣ того, какъ Лавуазье удалось выяснитъ роль кислорода при процессахъ горѣнія и окисленія металловъ, онъ могъ доказать, что при всѣхъ этихъ процессахъ нѣтъ ни исчезновенія, ни созиданія вещества вновь, и, такимъ образомъ, подтвердить законъ постоянства матеріи.

Лавуазье было двадцать девять лѣтъ, когда онъ приступилъ къ своимъ знаменитымъ опытамъ, перереформировавшимъ химію. Не слѣдуетъ думать, что открытія, сдѣланныя имъ, вызывались для него счастливою случайностью, а не являлись результатомъ выполнения заранѣе обдуманнаго плана. Подобный взглядъ опровергается слѣдующими строками, находящимися въ записной тетради Лавуазье, подъ датой 20 февраля 1772 г.: «Прежде чѣмъ начать длинный рядъ опытовъ, которые я предполагаю сдѣлать съ упругою жидкостью, которая выдѣляется изъ тѣлъ или при ихъ броженіи, или при перегонкѣ, или при соединеніяхъ всякаго рода, равно какъ и надъ воздухомъ, который поглощается при горѣніи большого числа тѣлъ, я считаю нужнымъ записать нѣкоторыя мысли, чтобы составить себѣ самому планъ, которому нужно слѣдовать». Затѣмъ, изложивъ взгляды различныхъ ученыхъ на природу воздуха и другихъ газовъ, Лавуазье записываетъ слѣдующія знаменательныя слова: «Важность предмета заставила меня произвести вновь всю эту работу, которая, мнѣ казалось, должна была произвести революцію въ химіи и физикѣ».

«Я считалъ нужнымъ разсматривать все до меня сдѣланное только указаніями: я задался цѣлью повторить опыты, съ новыми предосторожностями, чтобы поставить въ связь то, что мы знаемъ относительно воздуха, который поглощается или выдѣляется тѣлами, съ другими приобретенными знаніями, и создать теорію».

Приведа эти строки въ своей книгѣ, Бертло указываетъ, что стиль Лавуазье, въ нѣкоторомъ отношеніи, напоминаетъ собой стиль Декарта въ его *Discours de la methode*, произведшемъ реформу въ философіи. Лавуазье предчувствовалъ реформу химіи и въ самомъ началѣ своихъ работъ какъ бы предугадывалъ все ихъ значеніе.

Въ 1770 году Лавуазье представляетъ въ академію первый мемуаръ, озаглавленный такъ: *Premier mémoire sur la nature de l'eau et sur les expériences par les quelles on a prétendu prouver la possibilité de son changement en terre*.

При этомъ изслѣдованіи Лавуазье пользуется тѣмъ методомъ, который, по его почину, является съ тѣхъ поръ основнымъ методомъ въ химіи.

Лавуазье кипятилъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, день и ночь, воду въ особомъ сосудѣ, названномъ пеликаномъ (*pélican*) и устроенномъ такъ, что пары воды, сгущаясь, опять стекали въ сосудъ. Передъ опытомъ онъ взвѣсилъ какъ пустой сосудъ, такъ и воду, затѣмъ по прошествіи трехъ

мѣсяцевъ онъ опять взвѣсилъ сосудъ съ водой, оказалось, что общій ихъ вѣсъ не измѣнился, хотя вѣсъ пустого пеликана уменьшился. При выпариваніи воды получился землистый осадокъ, вѣсъ котораго какъ разъ равнялся разности между вѣсомъ пеликана до и послѣ опыта. Такимъ образомъ несомнѣнно было показано, что при этомъ опытѣ не произошло превращенія воды въ землю: вода просто растворила часть стекла.

Въ слѣдующемъ году онъ производитъ опытъ сгоранія алмаза, и на основаніи этого опыта вполне справедливо утверждаетъ, что при высокой температурѣ алмазъ сгораетъ а не улетучивается.

Въ 1772—1774 гг. онъ открываетъ массу новыхъ фактовъ, послужившихъ ему для созданія его теоріи горѣнія и дыханія. Такъ, сжигая въ закрытомъ сосудѣ при помощи зажигательнаго стекла олово и свинецъ, онъ замѣчаетъ увеличеніе вѣса послѣднихъ. Онъ нашелъ также, что фосфоръ, сгорая, увеличивается въ вѣсъ, причемъ изъ воздуха теряется около $\frac{1}{2}$ части и остается газъ, отличный отъ воздуха.

Фактъ увеличенія вѣса свинца при накаливаніи его на воздухѣ былъ извѣстенъ еще Бойлю, который полагалъ, что увеличеніе вѣса происходитъ отъ присоединенія огненной матеріи. Подобнаго рода мнѣніе Лавуазье опровергъ слѣдующимъ опытомъ: онъ накалилъ свинецъ въ закрытомъ сосудѣ и показалъ, что вѣсъ сосуда и его содержимаго при этомъ не измѣняется.

Оставалось теперь опредѣлить, какая составная часть воздуха присоединяется къ тѣламъ при ихъ горѣніи. Въ это время (1774 г.), какъ мы выше сказали, Пристлей получилъ при накаливаніи красной окиси ртути газъ, впоследствии названный кислородомъ, и открылъ многія его свойства: онъ показалъ, что кислородъ энергично поддерживаетъ горѣніе и дыханіе. Но Пристлей, будучи отличнымъ экспериментаторомъ, не могъ замѣтить все значеніе своего открытія и, будучи до конца жизни послѣдователемъ теоріи флогистона, смотрѣлъ на ту роль, которую играетъ кислородъ при процессахъ горѣнія и дыханія, съ точки зрѣнія теоріи флогистона. Въ самомъ дѣлѣ онъ принималъ кислородъ за воздухъ, отъ котораго окись ртути отняла флогистонъ, причемъ сама превратилась въ металлъ. Но при этомъ процессѣ не весь воздухъ лишается флогистона, часть его остается соединенной съ послѣднимъ, и этотъ-то флогистированный воздухъ (по-нашему азотъ), былъ также извѣстенъ Пристлею.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Пристлей рассматривалъ воздухъ не какъ смѣсь двухъ газовъ, а какъ одинъ однородный газъ, способный при извѣстныхъ условіяхъ измѣняться такъ, что одна часть его теряла флогистонъ и превращалась въ «дефлогистированный воздухъ» (кислородъ), другая же при этомъ прибрѣтала флогистонъ и получалась «флогистированный воздухъ» (азотъ). Эти взгляды такъ далеки отъ нашихъ, что необходимо ихъ припомнить, чтобы по достоинству оцѣнить тотъ переворотъ, который произвелъ Лавуазье. Лавуазье воспользовался фактами, открытыми Пристлеемъ, чтобы вывести то заключеніе, которое являлось по своей

новизнѣ крайне дерзкимъ и должно было возбудить противъ него не только крики негодованія, но и мѣры болѣе рѣшительныя: рассказываютъ, будто въ Берлинѣ послѣдователи теоріи флогистона осудили... на сожженіе не самого Лавуазье (вѣроятно, за невозможность привести въ исполненіе подобнаго рода приговоръ), а его портретъ.

Что же навлекало на него такую кару? То, что для насъ является азбучной истиной: Лавуазье осмѣлился сказать, что воздухъ представляетъ собой смѣсь двухъ различныхъ газовъ: жизненнаго воздуха (впослѣдствіи онъ назвалъ его кислородомъ) и азота, флогистонъ не принимаетъ никакого участія въ составѣ воздуха.

Опыты Лавуазье были такъ убѣдительны, что нельзя было, въ концѣ-концовъ, не согласиться съ тѣмъ, что воздухъ представляетъ смѣсь двухъ газовъ.

Для подкрѣпленія своихъ взглядовъ Лавуазье производитъ все новые и новые опыты: такъ, онъ произвелъ свой классическій опытъ синтеза воздуха. Онъ показалъ, что при продолжительномъ нагрѣваніи ртути часть воздуха (около $\frac{1}{5}$) соединяется со ртутью, образуя при этомъ окись ртути. Собравъ затѣмъ полученную окись ртути и накаливая ее, онъ обратно выдѣлилъ изъ нея кислородъ; присоединивъ послѣдній къ той части воздуха, которая не соединилась со ртутью при ея накаливаніи, онъ получилъ вновь тоже количество воздуха, какое было при началѣ опыта.

Получивъ далѣе угольную кислоту (которую тогда называли «закрѣпленнымъ воздухомъ», air fixé), при нагрѣваніи окиси ртути съ углемъ, онъ совершенно правильно заключаетъ, что угольная кислота есть соединеніе угля съ кислородомъ, и говоритъ далѣе: «то вещество, которое присоединяется къ металламъ, при ихъ накаливаніи, есть ничто иное какъ самая чистая, самая здоровая часть воздуха» (т.-е. кислородъ).

Позднѣе Лавуазье привелъ еще болѣе убѣдительныя доказательства своего мнѣнія: онъ произвелъ цѣлый рядъ опытовъ надъ полученіемъ угольной кислоты при сгораніи угля и алмаза *) и сдѣлалъ точное количественное опредѣленіе составныхъ частей угольной кислоты.

Убѣдившись въ томъ, что въ составъ угольной кислоты входитъ кислородъ, Лавуазье доказываетъ, что фосфорная кислота и сѣрная **) происходятъ отъ соединенія фосфора и сѣры съ кислородомъ. Флогистонъ, котораго, по мнѣнію химиковъ, находилось такъ много въ этихъ тѣлахъ, не принимаетъ, по Лавуазье, никакого участія при образованіи ихъ: мнѣніе это было совершенно противоположно тогдашнему воззрѣнію на эти тѣла, по которому сѣра представляла собой соединеніе сѣрной кислоты и флогистона, а фосфоръ являлся соединеніемъ фосфорной кислоты съ флогистономъ. Открытія эти бросили неожиданный свѣтъ вообще на составъ кислотъ: жизненный воздухъ (кислородъ) оказался необходимой составною

*) Этотъ опытъ показалъ, что алмазь есть ничто иное, какъ чистый уголь.

**) Подъ фосфорною кислотой и сѣрною Лавуазье разумѣлъ то, что мы нынѣ называемъ фосфорнымъ и сѣрнымъ ангидридомъ.

частью всякой кислоты. Поэтому-то Лавуазье и предложилъ дать ему названіе «кислорода» (oxygènum, oxygène).

Опредѣливъ составъ воздуха, Лавуазье легко могъ объяснить процессы горѣнія и окисленія металловъ, а также составъ кислотъ, но всё эти объясненія только тогда были приняты его современниками, когда ему удалось доказать сложность состава воды. Пока не былъ извѣстенъ химикамъ водородъ, не могло быть и вопроса о сложности состава воды, но и послѣ открытія въ 1767 году Кавендишемъ водорода вода считалась простымъ, неразложимымъ тѣломъ, элементомъ. Еще въ 1778 году Макеръ говорилъ: «Вода является веществомъ неизмѣняемымъ и неразрушимымъ, нѣтъ ни одного опыта, изъ котораго бы можно было заключить, что вода можетъ быть разложена».

Кавендишъ получилъ водородъ такъ, какъ мы его получаемъ: при дѣйствіи кислотъ на металлы. Водородъ получается также, когда на желѣзо дѣйствуютъ водяные пары при высокой температурѣ. Такъ какъ вода считалась элементомъ, простымъ неразложимымъ тѣломъ, то полученіе при такихъ условіяхъ водорода (горючаго воздуха, inflammable air, какъ его называлъ Кавендишъ) могло служить доказательствомъ сложности состава металловъ; изъ этихъ опытовъ можно было заключить, что водородъ входитъ въ составъ металловъ, отъ него зависитъ ихъ горючесть (способность къ окисленію). «Это воздухъ, въ которомъ очень много сѣры,—сказали бы алхимики, еслибъ имъ былъ извѣстенъ водородъ. — Это воздухъ, въ которомъ очень много флогистона»,—говорили химики прошлаго вѣка, а Кавендишъ въ концѣ своей жизни считалъ водородъ за самый флогистонъ.

Лавуазье предстояло, такимъ образомъ, опредѣлить, что получается при горѣніи водорода. 8 апрѣля 1775 года онъ дѣлаетъ опытъ горѣнія водорода, но, руководствуясь предвзятою теоріей, по которой продуктомъ всякаго горѣнія должна быть кислота, онъ въ особенности старался найти между продуктами горѣнія угольную кислоту (fixed air Блэка), полученную имъ при горѣніи нѣкоторыхъ другихъ горючихъ газовъ. Эти опыты Лавуазье повторялъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, тщетно ища между продуктами горѣнія углекислоты и сѣрнистой кислоты. Нельзя, конечно, было не замѣтить образованія воды при этихъ опытахъ, но этотъ фактъ объясняли тѣмъ, что водяные пары заключались въ воздухѣ, служившемъ имъ какъ бы поддержкой: исчезалъ воздухъ, и пары должны были сгущаться. Кавендишъ, повторившій свои опыты надъ горѣніемъ водорода въ 1783 году, замѣтилъ образованіе такого количества воды, которое нельзя было допустить въ воздухѣ, но онъ не только не заключилъ изъ этихъ опытовъ, что вода есть сложное тѣло, но и не публиковалъ ихъ ранѣе 19 января 1784 года.

Хотя Кавендишъ не публиковалъ своихъ опытовъ, но они сдѣлались извѣстны ученому міру еще въ 1783 году, ибо въ то время интересъ къ этимъ вопросамъ былъ очень великъ; ученые вели дѣятельную переписку между собой, и много ученыхъ сообщеній было обсуждено въ частныхъ

письмахъ прежде, чѣмъ попасть на страницы того или другого изданія, такъ что Лавуазье, быть можетъ, зналъ объ открытїи Кавендиша, когда опять приступилъ къ опытамъ горѣнія водорода. 24 іюня 1783 года онъ повторилъ опытъ горѣнія водорода въ кислородѣ: онъ получилъ большое количество воды и заключилъ изъ условій опыта, что вѣсъ полученной воды не можетъ не быть равнымъ вѣсу газовъ, входящихъ въ ея составъ. Опытъ былъ произведенъ въ присутствїи многихъ ученыхъ, между которыми былъ Бладенъ, членъ лондонскаго королевскаго общества, который напомнилъ при этомъ объ опытахъ Кавендиша. 25 іюня того же года объ этомъ опытѣ было сообщено въ засѣданїи Парижской академіи наукъ. На основанїи своихъ опытовъ Лавуазье пришелъ къ такому заключенію, на которое въ то время не отваживался никто: вода не представляетъ собой элемента, простого тѣла, она состоитъ изъ кислорода и *горючаго воздуха* (inflammable air), которому Лавуазье предложилъ дать названіе водорода (hydrogène, hydrogenium отъ ὕδωρ, вода, и γεννάω, рождаю).

Такимъ образомъ, Лавуазье увидѣлъ и показалъ другимъ то, чего не видали другіе, производившіе тѣ же опыты. И нельзя упрекнуть другихъ въ томъ, что они работали менѣе точно,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ опыты превосходили по своей точности опыты Лавуазье: такъ, Монжу принадлежитъ честь прямого доказательства, что вѣсъ воды равенъ вѣсу водорода и кислорода, послужившихъ для ея образованія; но несмотря на это, Монжъ смотрѣлъ на воду какъ на элементъ, водородъ же и кислородъ, по его мнѣнію, представляли собой соединенія воды съ особыми летучими, невѣсомыми жидкостями, которыя въ моментъ образованія воды выдѣляются въ видѣ тепла и свѣта.

Такимъ образомъ, въ началѣ только одинъ Лавуазье видѣлъ ясно весь смыслъ опыта горѣнія водорода въ воздухѣ, между тѣмъ какъ другіе ученые, слишкомъ привыкшіе къ старымъ теорїямъ, не могли такъ скоро признать воду за сложное тѣло.

12 ноября 1783 года въ публичномъ засѣданїи академіи онъ прочелъ свой докладъ *О природѣ воды и объ опытахъ, доказывающихъ, что она способна къ разложенію*. Этотъ докладъ появился напечатаннымъ (въ извлеченїи) въ декабрьской книгѣ *Journal de Physique*. Такимъ образомъ, въ концѣ 1783 года Лавуазье печатно высказалъ свое мнѣніе о сложности состава воды. Онъ не ограничился произведенными опытами, но продолжалъ видоизмѣнять ихъ, чтобы сдѣлать это совершенно очевиднымъ для своихъ современниковъ.

Такъ онъ показываетъ, что вода образуется при накаливанїи окисей металловъ въ струѣ водорода. Далѣе, въ концѣ того же 1783 года, онъ выдѣляетъ водородъ при дѣйствїи паровъ воды на желѣзо, причемъ получается окись желѣза. Прибавимъ къ этому, что опытъ этотъ былъ предпринятъ не только съ научною цѣлью, но и практической. Лавуазье хотѣлъ отыскать способъ наиболѣе дешеваго полученія водорода для аэростатовъ.

Убѣдившись такимъ образомъ въ присутствїи водорода въ водѣ, Ла-

органических соединений, составъ ко-
 слагаются опредѣленнымъ. Давно
 органическихъ соединений получается
 въ видѣ продукта горѣнія спирта
 не умѣли еще открывать угольную ки-
 слоту. То такъ какъ вода являлась элементомъ,
 образуется при процессѣ горѣнія, а должна
 была думали до открытія состава воды. Ла-
 воазъ, тщательно собирая получающуюся
 количество воды превышаетъ на одну
 часть спирта.

образуется въ спиртѣ, а образуется при его
 въ спиртѣ, и на счетъ кислорода,
 воздуха.

количество угольной кислоты, образу-

Лавуазье не только показалъ, что въ составѣ
 воздуха и кислородъ, но и опредѣлилъ тѣ ко-
 личество входятъ эти элементы.

органическаго соединенія: подобнаго рода
 думали, что горючія тѣла содержатъ флю-
 анализировать подобнымъ же образомъ
 требовать, чтобъ эти первые анализы
 первый на основаніи этихъ анализовъ
 органическихъ тѣлъ входятъ три эле-
 мента: углеродъ и кислородъ.

позволяетъ намъ входить въ болѣе подробное
 составомъ органическихъ тѣлъ, и мы
 надъ дыханіемъ.

животныхъ должно было давно привлекать на
 необходимость воздуха для горѣнія и дыханія
 латински: *Aër salutarem spiritum praebebat animan-*

дыханія и животную теплотой, выдѣляемой при
 согласно Аристотелю, полагали, что источни-
 является внутренній огонь, воздухъ же, входящій
 охлаждать кровь.

флогистона не могли, конечно, удовлетвориться
 и объясняли выдѣленіе теплоты при дыханіи
 черезъ легкія, отнимаетъ отъ тѣла избытокъ
 флогистона. Болѣе вѣрныя представленія могли

того, какъ Блэккъ замѣтилъ образованіе угольной
 Пристлей показалъ, что кислородъ болѣе, чѣмъ
 горѣнія, такъ и дыханіе. Но Прист-

лей объясняли явленія горѣнія и дыханія, слѣпо слѣдую теоріи флогистона: по его мнѣнію, артеріальная кровь отличается отъ венозной тѣмъ, что въ послѣдней находится флогистонъ.

Таково было положеніе вещей, когда Лавуазье принялся за разрѣшеніе этой задачи.

Основываясь на своихъ опытахъ горѣнія и окисленія металловъ, онъ при обсужденіи явленія дыханія изгоняетъ самую мысль о флогистонѣ, онъ показываетъ, что все легко объясняется поглощеніемъ кислорода и одновременнымъ выдѣленіемъ углекислоты. При поглощеніи кислорода, венозная кровь превращается въ артеріальную. Выдѣленіе же теплоты происходитъ отъ образованія углекислоты, являющейся продуктомъ какъ бы сгорания тѣла.

Подобное представленіе намъ кажется очевиднымъ, ибо мы, можно сказать, выросли съ нимъ, но не такъ было въ эпоху Лавуазье, и ему пришлось много бороться, чтобы такой взглядъ былъ принятъ ученымъ міромъ.

Не останавливаясь на этихъ опытахъ, Лавуазье пошелъ далѣе и попытался опытнымъ путемъ измѣрить количество поглощаемого животнымъ кислорода, выдыхаемой при этомъ углекислоты и выдѣляемой животной теплоты.

Эти опыты, предпринятыя Лавуазье совместно съ Лапласомъ, составляютъ эпоху въ другой наукѣ—физиологіи.

Пользуясь, изобрѣтеннымъ ими калориметромъ *), они показали, что дыханіе есть медленное горѣніе, являющееся единственною причиною развитія животной теплоты.

Измѣряя количество выдыхаемой углекислоты и сравнивая его съ количествомъ выдѣленной за то же время животной теплоты, Лавуазье нашелъ, что послѣдней выдѣляется болѣе, чѣмъ нужно ожидать по количеству угольной кислоты. Отсюда онъ заключаетъ, что при дыханіи сгораетъ не только углеродъ, и опытнымъ путемъ доказываетъ, что при этомъ сгораетъ часть водорода, заключающагося въ крови и образующаго при сгораніи воду. Съ помощью Сегэна онъ изучаетъ далѣе явленія испаренія и показываетъ, что выдѣленіе испарины служитъ животнымъ для регулярованія температуры тѣла.

Не ограничиваясь изученіемъ дыханія животныхъ во время покоя, онъ измѣряетъ количество теплоты, выдѣляемой во время работы, и открываетъ, что мускульная дѣятельность увеличиваетъ сгораніе тѣла, причемъ растетъ также количество выдѣленной теплоты.

Благодаря всѣмъ этимъ опытамъ, онъ устанавливаетъ соотношенія, которыя существуютъ между работой, животною теплотою, дыханіемъ, выдѣленіемъ испарины, и актомъ питанія, при которомъ,—говоритъ онъ,—возвращается машинѣ то, что она теряетъ при дыханіи и испареніи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, благодаря Лавуазье, явленія сгора-

*) Описание этого калориметра можно найти въ учебникахъ физики.

нія тѣлъ, дыханія животныхъ, выдѣленія послѣдними теплоты и т. п. получаютъ простое и ясное объясненіе, рѣзко отличающееся отъ темныхъ и туманныхъ теорій, существовавшихъ дотолѣ. Мы не станемъ болѣе подробно излагать взглядъ Лавуазье по этому вопросу, ибо они всѣмъ намъ хорошо извѣстны, такъ какъ они безъ всякаго измѣненія вошли въ наши учебники и нѣкоторыя страницы изъ «*Traité élémentaire de chimie*», изданной Лавуазье въ 1789 году, могутъ цѣликомъ быть перенесены въ наши учебники.

Но мы не можемъ не указать на то, что, благодаря Лавуазье, жизненные явленія въ первый разъ были сведены къ физико-химическимъ актамъ, и превращеніе работы въ теплоту было установлено опытами надъ актомъ дыханія: «Этотъ способъ наблюденія,—говорилъ Лавуазье,—позволяетъ установить соотношенія между силами, не имѣющими, повидимому, между собой ничего общаго. Можно узнать, напримѣръ, какому количеству работы соотвѣтствуютъ усилія оратора, произносящаго рѣчь, музыканта, играющаго на какомъ-либо инструментѣ. Можно было бы даже вычислить то, что приходится на долю механики въ трудѣ философа, когда онъ размышляетъ, писателя, когда онъ пишетъ, музыканта, когда онъ композитруетъ. Эти акты, разсматриваемые чисто-духовными, имѣютъ нѣчто, что принадлежитъ къ области физики и матеріальнаго».

Эти строки находятся въ мемуарѣ, представленномъ въ академію наукъ въ 1789 году, но и въ 1894 году ихъ можно повторить безъ всякаго измѣненія.

Для того, чтобы показать, насколько вѣрны были взгляды Лавуазье, и показать, какъ смотрѣлъ онъ на превращенія матеріи во вселенной, мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ его *Traité élémentaire de chimie* и нѣкоторыхъ мемуаровъ. Излагая въ *Traité* свои опыты надъ явленіемъ броженія винограднаго сахара, онъ говоритъ слѣдующее: «Ни при какихъ явленіяхъ ничего не создается вновь и можно установить принципъ, по которому количество вещества при всякомъ химическомъ явленіи остается неизмѣннымъ, качество и количество элементовъ (простыхъ тѣлъ) при этомъ не измѣняется, происходитъ только перемѣщеніе ихъ. При производствѣ химическихъ опытовъ нужно руководствоваться этимъ принципомъ. При всѣхъ опытахъ должно предполагать равенство или уравненіе между составными частями анализируемаго тѣла, и тѣми, которыя извлекаются анализомъ. Поэтому, такъ какъ виноградный сахаръ (при броженіи) образуетъ спиртъ и углекислоту, то я могу сказать, что *виноградный сахаръ = угольная кислота + спиртъ*». Здѣсь мы видимъ примѣръ того обозначенія, который былъ введенъ въ науку Лавуазье и оказалъ не малую услугу.

Приведемъ еще слѣдующую выписку:

«Растенія,—говоритъ Лавуазье,—берутъ изъ атмосферы, ихъ окружающей, изъ воды и, главнымъ образомъ, изъ минеральнаго царства все необходимое для ихъ организма.

«Животныя питаются или растеніями, или другими животными, питающимися только растеніями, такъ что питательныя вещества, входящія въ тѣло животныхъ, имѣютъ своимъ источникомъ воздухъ и царство минеральное.

«Наконецъ, при броженіи, гніеніи и горѣніи атмосферному воздуху и минеральному царству возвращается то, что взято было у нихъ растеніями и животными.

«При помощи какихъ процессовъ совершаетъ природа такой дивный круговоротъ между тремя царствами, какъ созидаетъ она тѣла, способныя горѣть, бродить и гнить, изъ такихъ тѣлъ, которыя не обладаютъ ни однимъ изъ этихъ качествъ,— это тайна, которую до сихъ поръ не удалось постигнуть. Однако, изъ того, что горѣніе и гніеніе служатъ средствами, при помощи которыхъ природа возвращаетъ царству минеральному вещества, взятая ею для созиданія животныхъ и растеній, можно заключить, что процессы произростанія животныхъ и растеній будутъ противоположны процессу горѣнія и гніенія».

Изъ этихъ словъ видно, какое вѣрное и ясное представленіе имѣлъ Лавуазье о соотношеніи, существующемъ между тремя царствами природы.

Съ открытіемъ состава воды, органическихъ тѣлъ, окисей металловъ и т. п. можно было считать зданіе новой химіи законченнымъ: всѣ эти факты были настолько убѣдительны, настолько не согласовались съ теоріею флогистона, что нужно было намѣренно закрывать глаза, чтобъ оставаться ей вѣрнымъ, и химики начали мало-по-малу склоняться на сторону новой теоріи.

Мы не станемъ слѣдить за послѣдовательностью, въ какой Лавуазье велъ борьбу съ представителями теоріи флогистона, укажемъ только, что борьбу эту онъ велъ очень искусно, подготовляя постепенно себѣ побѣду. Сперва онъ старается объяснить открытые имъ факты, не прибѣгая къ флогистону, затѣмъ, когда это ему удастся, онъ говоритъ, что существованіе флогистона не доказано.

Наконецъ, послѣ открытія въ 1783 году состава воды, онъ уже нападаетъ болѣе рѣшительно и доказываетъ, что флогистона не существуетъ. Въ своемъ мемуарѣ онъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ теорію Сталя: «Изъ того факта,— говоритъ онъ,— что тѣла сгораютъ и воспламеняются, Сталь заключалъ, что они содержатъ горючее начало. Еслибъ онъ ограничился только этимъ простымъ наблюденіемъ, его система не доставила бы ему славы патріарха химіи и онъ не произвелъ бы революціи въ этой наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ничего нѣтъ естественнѣе, какъ сказать, что тѣла сгораютъ, ибо въ нихъ содержится горючее начало; но мы обязаны Сталю двумя важными открытіями, которыя независимы отъ какой-либо гипотезы и останутся непреложными истинами.

«Первое открытіе заключатся въ томъ, что металлы представляютъ собою тѣла горючія. Второе открытіе—это то, что способность сгорать, быть воспламеняемымъ, можетъ передаваться отъ одного тѣла другому. Если, напримѣръ, смѣшать горючій уголь съ сѣрною кислотой, не способ-

ною горѣть, то сѣрная кислота превращается въ сѣру, она пріобрѣтаетъ способность горѣть, въ то время какъ уголь ея лишается. То же самое происходитъ съ тѣлами металлическими. Они теряютъ при прокалываніи свою способность горѣть; но если ихъ привести въ тѣсное соприкосновеніе съ углемъ и вообще съ тѣлами, способными горѣть, то они снова оживаютъ (возстаиваются, *elles se revivifient*), т.-е. получаютъ опять отъ этихъ тѣлъ способность сгорать».

Изложивъ далѣе теорію флогистона Сталля, онъ показываетъ, какъ измѣнялась эта теорія его послѣдователями, Макеромъ, Боме и многими другими, которые старались пріурочить ее къ объясненію новыхъ фактовъ. Лавуазье пришлось имѣть дѣло не съ тѣмъ флогистонемъ, какой допускалъ Сталь, а съ неопредѣленнымъ веществомъ, носившимъ у всѣхъ химиковъ одно имя, но обладавшимъ свойствомъ измѣнять свои качества, смотря по требованію того или другого ученаго. Вотъ какъ говорить о немъ Лавуазье: «Химики сдѣлали изъ флогистона начало неясное, которое не можетъ быть строго-опредѣленнымъ и которое, поэтому, смотря по желанію, примѣняется ко всякимъ объясненіямъ: то онъ тѣло вѣсомое, то невѣсомое; то онъ свободный огонь, то огонь, соединенный съ землистымъ началомъ; то онъ проникаетъ черезъ поры стѣнокъ сосуда, то онъ непроницаемъ для него; отъ него зависитъ щелочность и нещелочность, прозрачность и непрозрачность, цвѣтъ тѣла и отсутствіе этого цвѣта: это настоящій Протей, который ежеминутно измѣняется».

Далѣе Лавуазье излагаетъ свое объясненіе явленій горѣнія и окисленія металловъ.

Каковы были къ нему отношенія химиковъ, можно, конечно, предугадать: вначалѣ на него, какъ на всякаго новатора, посыпались яростныя нападки, и нападки были тѣмъ яростнѣе, чѣмъ слабѣе чувствовали себя противники; затѣмъ, послѣ того, какъ онъ съ непобѣдимой логикой выставилъ все новые и новые факты въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, отношенія начали мѣняться. Въ 1783 году всѣ выдающіеся химики того времени: Кавендишъ, Бертолле и др. были противъ него. Въ 1785 году знаменитый Бертолле переходитъ на его сторону. Затѣмъ въ слѣдующемъ году къ нему присоединились Фуркруа и Гитонъ де-Морво. Въ 1788 году Лавуазье, совмѣстно съ Гитонъ де-Морво, Лапласомъ, Монжемъ, Бертолле и Фуркруа, рѣшилъ издать книгу англійскаго химика Кирвана *Опытъ о флогистонѣ (Essai sur le phlogiston)*, во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ женой Лавуазье.

Переводъ, изданный съ примѣчаніями французскихъ химиковъ, много способствовалъ распространенію новаго взгляда, и самъ Кирванъ въ 1792 году писалъ Бертолле: «Я слагаю оружіе и отказываюсь отъ флогистона».

Измѣнились взгляды, измѣнились и отношенія къ новой теоріи: всякому теперь лестно стало пристегнуть свое имя къ новой теоріи, которую начали именовать *теоріей французскихъ химиковъ*. По поводу этого Лавуазье съ полнымъ сознаніемъ своихъ заслугъ пишетъ: «Эта теорія не при-

надлежитъ французскимъ химикамъ, какъ утверждаютъ: она моя. Это право на нее я провозглашаю передъ моими современниками и потомками. Другіе, безъ сомнѣнія, прибавили къ ней нѣкоторую степень совершенства, но, я надѣюсь, они не отнимутъ у меня всю теорію горѣнія и окисленія, анализъ и разложеніе воздуха металлами и горючими тѣлами, теорію образованія кислотъ, болѣе точныя свѣдѣнія о большомъ числѣ кислотъ, въ особенности органическихъ, первыя идеи относительно состава растительныхъ и животныхъ существъ, теорію дыханія и пр.».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ приводить другія работы Лавуазье, и мы въ заключеніе приведемъ только нѣсколько выдержекъ изъ его *Traité élémentaire de chimie* для того, чтобы показать, насколько вѣрны и ясны были взгляды Лавуазье, какъ онъ умѣлъ предугадывать истину. Такъ, онъ предчувствовалъ возможность сгущенія такихъ газовъ, какъ воздухъ. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ:

«Разсмотримъ, — говоритъ онъ, — что произойдетъ съ различными тѣлами, составляющими землю, если температура послѣдней внезапно измѣнится. Предположимъ, что земля будетъ перенесена въ область болѣе теплую, наприм., въ область Меркурія, гдѣ обычная температура будетъ, вѣроятно, выше температуры кипѣнія воды: вскорѣ вода, всѣ другія жидкости, испаряющіяся при температурѣ, близкой къ кипѣнію воды, и даже сама ртуть, стали бы расширяться, переходить въ воздухообразныя жидкости и дѣлаться частью атмосферы. Эти новыя воздухообразныя жидкости смѣшались бы съ тѣми, какія были прежде, и отъ этого произошли бы взаимныя разложенія, новыя соединенія». Далѣе онъ говоритъ, что образованіе новыхъ видовъ воздуха не продолжалось бы безпредѣльно, а остановилось бы, когда упругость паровъ, достигла бы нѣкотораго предѣла. «Можно бы было, — продолжаетъ Лавуазье, — вести разсужденія далѣе и рассмотреть, что произошло бы съ камнями, съ солями и съ большею частью плавкихъ тѣлъ, входящихъ въ составъ земного шара: понятно, что они должны бы были размягчиться, расплавиться и превратиться въ жидкости...

«Напротивъ, если земля будетъ перенесена въ области болѣе холодныя, вода, текущая въ нашихъ рѣкахъ и моряхъ, и, вѣроятно, большая часть жидкостей, извѣстныхъ намъ, превратится въ твердыя горы и скалы; сперва онѣ будутъ прозрачны, однородны и бѣлы, какъ горный хрусталь, впослѣдствіи же, смѣшавшись съ различными тѣлами, онѣ сдѣлаются непрозрачными камнями различныхъ цвѣтовъ.

«По этому предположенію, воздухъ, или, по крайней мѣрѣ, часть воздухообразныхъ тѣлъ, входящихъ въ его составъ, перестанетъ, безъ сомнѣнія, существовать въ видѣ упругихъ паровъ, за недостаткомъ надлежащей степени тепла; онъ превратится, поэтому, въ жидкое состояніе и получатся новыя неизвѣстныя намъ жидкости».

Эти строки появились въ 1789 году, а только въ концѣ 1877 года Луи Каильете и Раулю Пикте почти одновременно удалось доказать справедливость словъ Лавуазье.

Бросимъ теперь взглядъ назадъ и посмотримъ, какой переворотъ во взглядахъ на вещество совершился благодаря трудамъ Лавуазье.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка въ химіи, какъ мы видѣли, игралъ большую роль флогистонъ, входившій въ составъ всѣхъ горючихъ тѣлъ, такіа тѣла, какъ вода, кислоты, окиси металловъ, воздухъ, считались за простыя неразложимыя тѣла, металлы же, сѣра, фосфоръ и т. под. тѣла были для химиковъ тѣлами сложными. Явленіе горѣнія и окисленія металловъ разсматривалось, какъ отдѣленіе флогистона. Въ концѣ второй половины XVIII вѣка все измѣнилось: флогистонъ, какъ тѣло, исчезаетъ изъ представленія химиковъ, воздухъ оказывается смѣсью двухъ газовъ, кислорода и азота; кислоты и окиси металловъ являются сложными тѣлами, сама вода разлагается на элементы, сѣра же, фосфоръ и металлы не поддаются разложенію.

Органическія тѣла, о составѣ которыхъ имѣлись самыя смутныя представленія, оказываются состоящими изъ углерода, водорода, кислорода (и азота).

Въ химіи начинается новый періодъ, — періодъ количественнаго анализа. Съ этихъ поръ химики постоянно при своихъ работахъ будутъ пользоваться методомъ Лавуазье, который формулировалъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Я могу, — говоритъ онъ, — разсматривать взятые вещества и получающіяся, какъ члены алгебраическаго уравненія, и, предполагая послѣдовательно каждый членъ за неизвѣстный, я могу получить изъ уравненія его значеніе и, такимъ образомъ, провѣрить вычисленіе опытомъ и обратно». Лавуазье часто пользовался этимъ методомъ при своихъ работахъ, а за нимъ пользуются имъ всѣ послѣдующія поколѣнія химиковъ.

Переворотъ, произведенный Лавуазье, такъ великъ, что невольно останавливаешься съ почтительнымъ удивленіемъ передъ духовною мощью такого человѣка.

Въ нашемъ слабомъ очеркѣ мы не могли коснуться и сотой доли всѣхъ работъ, сдѣланныхъ Лавуазье, — настолько онѣ многочисленны и разнообразны; мы старались показать только, на чемъ основана слава Лавуазье, какъ «творца современной химіи».

Прошло сто лѣтъ, какъ погибъ Лавуазье, и его слава возросла, а не умалилась, и подобно тому, какъ мы восхищаемся свѣтомъ, посланнымъ звѣздами еще до начала нашей эры, такъ и свѣтъ истины, указанный Лавуазье, пройдетъ въ даль вѣковъ и никогда не угаснетъ.

„Развѣ заронился
Втуяъ хоть единый
Солнца лучъ на землю?“

говорить поэтъ. Развѣ свѣтъ истины, развѣ открытый и указанный людямъ, можетъ погаснуть?

Ив. Кабуковъ.

Реформа общественных отношеній во французской драмѣ XVIII вѣка *).

Всѣ свидѣтельства драматической литературы о настроеніи низшихъ сословій, приведенныя нами въ предъидущей статьѣ, подтверждаются достовѣрнѣйшимъ документомъ относительно того же вопроса—салиезъ депутатовъ въ генеральные штаты. Крестьяне и буржуа повторяютъ въ своихъ наказахъ тѣ же идеи, какія драматурги вкладывали въ уста своихъ героевъ, и даже выраженія официальныхъ источниковъ часто сходны съ монологами драмъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь ту же рѣзкую критику аристократическихъ привилегій.

Тѣ же наказы даютъ намъ точный отвѣтъ, съ какими чувствами сама знать переживала послѣднія десятилѣтія стараго порядка. Мы знаемъ о широкомъ распространеніи философскихъ идей среди высшихъ сословій, о многочисленныхъ благородныхъ поклонникахъ Вольтера, энциклопедистовъ и даже Руссо. Но въ этомъ поклоненіи было слишкомъ много легкомыслія, поверхностнаго пониманія, стремленія къ эффекту, чтобы можно было каждое либеральное заявленіе съ этой стороны считать серьезнымъ убѣжденіемъ и искренне усвоеннымъ принципомъ. Иначе слѣдуетъ относиться къ наказамъ дворянства. Несомнѣнно, и здѣсь было не мало реторики, заученныхъ модныхъ фразъ, но рядомъ съ этимъ оставалось вполне реальное зерно. Подавляющее большинство дворянскихъ наказовъ не имѣютъ этого зерна, и тѣмъ дѣйствительнѣе его значеніе тамъ, гдѣ оно существуетъ. Преобладающая тема аристократическихъ инструкцій—защита сословныхъ привилегій. Но здѣсь встрѣчаются требованія, далеко превосходящія либерализмомъ наказы перваго сословія, т.-е. духовенства. Дворянство желаетъ «личной свободы гражданъ», «свободы печати», «національнаго образованія», отказывается отъ своихъ привилегій относительно денежныхъ взносовъ въ пользу государства и удерживаетъ за собой только «почетныя права» (*droits honorifiques*). Но этого мало. Одинъ изъ членовъ дворянства изъ окрестностей Парижа предложилъ умолять короля—уничтожить «всецѣло

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

и окончательно» (entièrement et complètement) имущественную и личную зависимость на всемъ пространствѣ королевства. Этотъ процессъ противъ «la servitude éelle et personnelle» былъ протестомъ противъ феодализма и авторъ предложенія указывалъ на эгоизмъ сеньоровъ и ждалъ реформы только отъ отческаго милосердія короля. Нѣкоторые частныя собранія знати шли еще дальше. Одно, напримѣръ, «согласіе и единеніе трехъ сословій» объявляетъ основами общественнаго блага и желаетъ, чтобы представители всѣхъ сословій вмѣстѣ составили одно cahier и представили королю одну челобитную (un seul vœu et un seul cahier).

Въ общемъ наказѣ дворянства парижскихъ окрестностей требуется уничтоженія дикихъ животныхъ и изданіе закона, по которому владѣльцы охотъ должны будутъ награждать крестьянъ за поправу полей *).

Одни дворянскія рѣчи, слѣдовательно, соотвѣтствуютъ надменнымъ дѣламъ маркизовъ и шевалье, которыхъ мы видѣли на драматической сценѣ. Но есть наказы, вѣющіе совершенно другимъ духомъ. Ихъ идеи часто совпадаютъ съ волей крестьянъ и третьяго сословія. Мы открываемъ, правда, незначительное, но въ высшей степени характерное меньшинство среди знати. Ко времени переворота она успѣла войти въ господствующее теченіе общественной и политической мысли и до такой степени усвоить гуманныя и освободительныя стремленія низшихъ сословій, что наступившая потомъ знаменитая ночь 4 августа кажется естественнымъ и давно подготовленнымъ фактомъ.

Драматическая литература, вѣрная своему назначенію, и здѣсь яркими образами подтверждаетъ свідѣтельства политической литературы. Популярнѣйшею темой у драматурговъ XVIII вѣка, рядомъ съ изображеніемъ буржуазной жизни, слѣдуетъ признать исторію *O добромъ сеньорѣ*, его отношеній къ вассаламъ, феодальнымъ правамъ и дворянскимъ привилегіямъ. Такіе сеньоры, — мы знаемъ по наказамъ, — существовали въ дѣйствительности, и драма съ полнымъ безпристрастіемъ воплощала новый типъ.

Придворная жизнь не всѣхъ сводитъ съ ума и не для всѣхъ дворянъ провинція и деревня кажутся ссылкой. Въ достоинствахъ придворнаго существованія сомнѣваются представители знатнѣйшихъ фамилій. Родовыя земли они считаютъ прекраснѣйшею резиденціей, дѣятельность помѣщика, покровителя и патріархальнаго судьи своихъ вассаловъ, стоитъ въ ихъ глазахъ выше всѣхъ придворныхъ удовольствій и почестей. Искреннѣйшіе демократическіе писатели любятъ изображать такихъ феодаловъ и заставляютъ ихъ обсуждать современные вопросы съ самой либеральной точки зрѣнія.

Въ драмѣ Мерсье *Le campagnard* герой — богатый помѣщикъ, жившій раньше при дворѣ, превосходно образованный, свѣтски изящный и умственно развитой. Онъ живетъ въ деревнѣ и всѣ заботы посвящаетъ сво-

*) Chassin: „Les elections et les cahiers de Paris“. II, pp. 257—290; VI, p. 454.

имъ крестьянамъ. Онъ даже не охотится, не чувствуя желанія убивать, и если бы былъ государемъ, открылъ бы охоту на грабителей государства, ставъ во главѣ честныхъ гражданъ. Утромъ послѣ прогулки онъ принимаетъ всѣхъ, кто нуждается въ его помощи и совѣтахъ, разбираетъ крестьянскія дѣла и ссоры, за что на него недовольны бабли, внимательно выслушиваетъ все, что крестьяне считаютъ нужнымъ сообщить ему, и узнать, по его словамъ, любопытныя, новыя, оригинальныя вещи и знакомится съ трогательными, вполнѣ реальными характерами. Бѣдняки осыпаютъ его благословеніями, и онъ чувствуетъ себя особенно счастливымъ, когда ему удается облегчить чье-нибудь горе, спасти кого-нибудь отъ голодной смерти. Все это сеньоръ рассказываетъ столичнымъ гостямъ. Тѣ не вѣрятъ въ голодную смерть среди крестьянъ и обвиняютъ рассказчика въ риторикѣ. Онъ повторяетъ, что это, къ несчастью, слишкомъ горькая правда, и рассказываетъ, какъ землевладѣльцы эксплуатируютъ рабочихъ, уменьшая заработную плату до такого предѣла, что бѣдняки принуждены работать полуголодными.

Этотъ помѣщикъ пристально слѣдитъ не за одною жизнью деревни, онъ посвященъ во всѣ современныя теоріи и, въ качествѣ землевладѣльца, особенно интересуется экономистами. Столичные гости даже считаютъ его однимъ изъ членовъ этой секты. Онъ дѣйствительно признаетъ экономистовъ превосходными гражданами, но это не мѣшаетъ ему видѣть заблужденія этихъ философовъ. Они воображаютъ, что на всякой почвѣ можно насаждать благородныя деревья, и что политическія условія страны — вопросъ второстепенный. Просвѣщенному и опытному помѣщику это кажется непростительною ошибкой. Нива непременно должна быть подготовлена для извѣстныхъ растений. «Первая основа заключается въ политическомъ управленіи страны, о чемъ экономисты забыли или не сочли нужнымъ даже вспомнить. Какую пользу можетъ принести прекраснѣйшее зданіе, если его основа ненадежна и всегда можетъ повлечь внезапное разрушеніе?» Сѣверо-Американскіе Штаты преуспѣваютъ потому, что ихъ земля свободна, и всякое доброе сѣмя можетъ дать здѣсь счастливый плодъ. На почвѣ рабства все гниетъ и благороднѣйшія начинанія остаются безъ результата. Первою реформой, поэтому, нашъ философъ считаетъ реформу политическихъ законовъ. Если государственное устройство испорчено до самыхъ основъ, что бы ни предпринимали благородные дѣятели, ихъ добро на слѣдующій день превратится въ величайшее зло. Слова *добродѣтель, справедливость, разумъ* не управляютъ государствами. Безусловно необходимы физическіе противовѣсы, чтобы возстановить равновѣсіе въ обществѣ. Если одна часть государства неустанно давить другую, вновь открытые источники *плодородія, богатства, доходовъ* послужатъ на пользу только угнетателямъ, а для всѣхъ другихъ гнетъ станетъ еще сильнѣе. Рядомъ съ общими соображеніями излагаются частные вопросы государственнаго управленія. Откупа и регалии признаются язвой страны, требуется одинаковый налогъ на землю и на промышленность.

Развѣ это не настоящій политико-экономическій трактатъ? Въ устахъ феодала XVIII вѣка онъ не представляетъ ничего особенно удивительнаго и не является плодомъ поэтическаго воображенія. Наказы знати безпрестанно повторяютъ, что представители не должны вступать съ правительствомъ ни въ какое соглашеніе раньше чѣмъ не будутъ признаны и установлены основы политической свободы: личная свобода, имущественная безопасность, свобода печати, неприкосновенность писемъ, періодичность и финансовыя права генеральныхъ штатовъ, отвѣтственность министровъ (ср., наприм., «*Cahier de la Noblesse de la prévôté et vicomté de Paris hors les murs*»).

Въ другихъ пьесахъ нѣтъ такихъ обстоятельныхъ разсужденій, но мѣросозерцаніе ихъ героевъ-феодаловъ не менѣе гуманно и свободно, и, по обычаю времени, драма и комическая опера идутъ рядомъ въ изображеніи «добрыхъ сеньоровъ». Въ комедіи *L'officieux* графъ превозноситъ сельскую дѣятельность знатнаго барина надъ бездѣльнымъ прозябаніемъ при дворѣ. Его идеаль — хорошій дворянинъ, тратящій деньги на улучшеніе своихъ земель, спасающій отъ нужды заработною платой своихъ крестьянъ, просвѣщающій вассаловъ совѣтами. Онъ самъ поступаетъ по этой программѣ и его крестьяне ничего не предпринимаютъ, не ведутъ никакого процесса, не посоветовавшись съ нимъ. Насколько эта дѣятельность полезнѣе для государства, чѣмъ мотовство и развратъ придворныхъ! Герой комической оперы *Moissonneurs*, особенно возмущившей столичную знать, обращаетъ такую рѣчь къ свѣтскому франту, своему племяннику: «Мы своимъ существованіемъ обязаны труду крестьянъ. Этотъ народъ, который ты презираешь, является жертвою людей, ни на что негодныхъ. Когда вы проигрываете все свое состояніе, вы начинаете нажимать ихъ, чтобъ они заплатили за ваши глупости. Крайности, какимъ вы предаетесь, ожесточаетъ ваши сердца и дѣлаетъ ихъ недоступными для чувства. Бездѣльники счастливы, а работающіе стонутъ. Они придаютъ цѣнность вашимъ имѣніямъ, а вы ихъ тѣсите и разоряете, когда сами разоряетесь. Они воздѣлываютъ землю, а вы ее бремените».

Можно представить, какое впечатлѣніе эти рѣчи производили на парижскій партеръ. Аристократы жаловались даже Вольтеру, а архіепископъ придрался къ упоминанію имени Руфи и запретилъ пьесу.

Еще больше шуму надѣлала комическая опера *Silvain* и по той же причинѣ. Здѣсь описывался сеньоръ, поступавшій съ своими крестьянами, какъ съ дѣтьми, признававшій за ними и за собой одинаковыя права и единственную зависимость — отъ государя и отъ законовъ. Юный герой пьесы, во имя «естественнаго права» (*droit de la nature*), отрицалъ право феодальной охоты, а его отецъ заканчивалъ пьесу заявленіемъ, что добродѣтель выше происхожденія. Всѣ эти истины высказывались знатными господами. При дворѣ и въ свѣтѣ, рассказываетъ современникъ, страшно возмущались моралью пьесы и герцогъ Ноаль излагалъ ее «въ двухъ словахъ»: слѣдуетъ жениться на своей служанкѣ и позволить крестьянамъ

заниматься браконьерствомъ. Виноватыми оказались энциклопедисты: они, по словамъ придворныхъ, устроили общее собраніе и рѣшили путемъ комической оперы ниспровергнуть всѣ основы общественного порядка.

Любопытнѣе всего, что Вольтеръ былъ призванъ въ третейскіе судьи по поводу новыхъ проповѣдей. Между тѣмъ, вождь философовъ могъ только горячо сочувствовать рѣчамъ «добрыхъ сеньоровъ». Они исповѣдовали главнѣйшій членъ въ его философскомъ символѣ—гуманность и глубокую любовь къ несчастнымъ. Герой оперы *Moissonneurs* заявляетъ: «Несчастье для меня священо», «самые несчастные—всегда самые близкіе». Онъ возмущается гордымъ богачомъ, не признающимъ въ бѣднякѣ своего родственника. Другой сеньоръ «уроки несчастья» признаетъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ и заставляетъ своего внука расти въ деревнѣ и знакомиться съ крестьянскою нуждой. Эти люди признаютъ высшимъ удовольствиемемъ—дѣлать другихъ счастливыми; по ихъ мнѣнію, кому это удастся, тотъ самъ не можетъ быть несчастнымъ. Очевидно, чувство состраданія, любви къ ближнему является ихъ первымъ руководителемъ, и оно внушаетъ имъ идеи общественной свободы и равенства.

Вольтеръ еще по другой причинѣ не могъ сочувствовать врагамъ такихъ пьесъ, какъ *Moissonneurs, Silvain, Lucile*: онъ самъ создалъ двухъ героевъ, тождественныхъ съ «проповѣдниками» комическихъ оперъ. Одинъ изъ нихъ подходитъ къ типу безкорыстныхъ защитниковъ гуманности и равенства. У другого та же защита вызвана сильнымъ личнымъ чувствомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ предъ нами типичныя фигуры новыхъ сеньоровъ. Первая является въ комедіи *Le droit du seigneur*.

Маркизь пріѣзжаетъ въ свою деревню и выражаетъ желаніе навсегда забыть дворъ, «всѣ важныя пустяки и пышныя химеры». Онѣ оставляютъ только пустоту въ сердцѣ, свѣтъ порабощаетъ человека, онъ свободенъ и счастливъ только у себя. Онъ считаетъ долгомъ служить примѣромъ для своихъ крестьянъ. Въ отвѣтъ на критическое замѣчаніе, что онъ, вѣроятно, философъ, маркизь защищаетъ философію и клеймитъ ея враговъ—легкомысленныхъ фатовъ, трусливыхъ глупцовъ и негодяевъ: по его мнѣнію, только эти люди могутъ возставать противъ философіи—истинной «любви къ добродѣтели». Маркизь намѣренъ жениться отнюдь не на богачкѣ и стать сельскимъ хозяиномъ.

Другой герой Вольтера еще популярнѣе въ драмѣ XVIII вѣка. Это—аристократъ, влюбленный въ простую дѣвушку. Чувство любви на каждомъ шагѣ являлось поводомъ возмущаться предрасудками и общественнымъ неравенствомъ. Въ драмѣ Лашоссе влюбленный герой, отрицая значеніе ранговъ и богатства, оправдывалъ свою любовь къ бѣдной дѣвушкѣ. Эта борьба чувства съ предрасудками стала любимымъ мотивомъ драматическихъ авторовъ. Ею воспользовался и Дидро для второй своей драмы. Его герой объявляетъ: «Любовь не знаетъ предрасудка», и этотъ принципъ до самой революціи остается однимъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ либераль-

нымъ рѣчамъ драматическихъ героевъ. Пьеса Вольтера *Nanine* въ этомъ случаѣ можетъ служить образцомъ.

Графъ влюбленъ въ служанку Нанину. Героиня, какъ это постоянно дѣлается въ новыхъ драмахъ, изображена обладательницей всѣхъ идеальныхъ свойствъ. Даже баронесса—фанатическая аристократка—признаетъ эти свойства, видитъ въ Нанинѣ красоту и выдающійся умъ. Но графъ находитъ еще *vertu*—это волшебное качество, неразрывное съ новымъ героемъ и героиней низкаго происхожденія. Онъ преклоняется предъ сердцемъ и чувствами Нанины. Самъ онъ, въ глазахъ баронессы, «чувствительный философъ». Онъ беретъ на себя обязанность развивать богатые способности Нанины, даетъ читать ей книги новаго философскаго направленія. Нанина, напримѣръ, прочла англійское сочиненіе о братствѣ людей, объ ихъ естественномъ равенствѣ. Графъ возстаетъ на предрасудки и считаетъ свои нападки защитой гуманности и добродѣтели. Величіе не въ гербахъ, а въ сердцахъ. Общественное мнѣніе не имѣетъ никакого смысла рядомъ съ голозомъ чувствительнаго сердца. Только обезьяна создана подражать, человѣкъ же долженъ дѣйствовать, какъ свободная личность; предрасудки онъ считаетъ врагами человѣка, ихъ слѣдуетъ побѣдить. Добродѣтельнаго солдата, проливающего кровь за государя и отечество, графъ цѣнитъ выше, чѣмъ благороднаго проходимца, сосущаго спокойно кровь своей родины. На любовь онъ смотритъ какъ на высоко-нравственную силу жизни. «У меня есть недостатки,—говоритъ онъ,—но небо создало женщину, чтобы исправлять наше сердце, умягчать наши огорченія, наши нравы, чтобы укрощать насъ и дѣлать лучшими. Таково ихъ назначеніе, и что касается меня, я предпочитаю безобразіе съ благороднымъ сердцемъ—суровой и гордой красотѣ. Предъ Наниной ему не приходится прибѣгать къ такому самоотверженію. «Я вамъ оказываю,—говоритъ онъ,—только то, чего вы заслуживаете, чего заслуживаютъ ваша красота и ваша добродѣтель». Но графъ не ослѣпленъ любовью. Сама любовь возникла подъ вліяніемъ исключительныхъ нравственныхъ достоинствъ людей низкаго происхожденія. Графъ одинаково восторженно относится къ Нанинѣ и къ ея безкорыстному, благородному отцу. Баронесса упрекаетъ его въ безумномъ увлеченіи. Онъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, страстная любовь не стѣсняетъ моей мысли. Столько добродѣтелей заслуживаютъ награды; онѣ только могутъ трогать меня, а не унижать. У этого старика то, что называютъ низкимъ происхожденіемъ, составляетъ заслугу, его благородство, а мое заключается въ томъ, чтобы отдать добродѣтели должную честь. Предъ этими сердцами, благородными, независимо отъ происхожденія одушевленными нравственнымъ величіемъ, все кажется слишкомъ обыкновеннымъ. «Связь людей, одаренныхъ такими добродѣтелями, съ моимъ домомъ является для него лишнимъ признакомъ благородства». Мать графа, не раздѣляя демократическихъ воззрѣній сына, согласна, что дѣйствительно добродѣтели Нанины и ея отца достойны награды. Графъ становится мужемъ Нанины.

Наше вниманіе невольно останавливается на непрестанно повторяющемъ

ся восторгъ предъ *vertu*, нравственными совершенствами простыхъ людей. Эти совершенства считаются, повидимому, такою же привилегіей пизшаго сословія, какія существуютъ наверху относительно рожденія, общественнаго ранга. И эта только что признанная привилегія вступаетъ въ борьбу со всѣми старыми отличіями и побѣждаетъ ихъ, потому что, по мнѣнію самихъ привилегированныхъ аристократовъ, она выше всѣхъ предразсудковъ. Это—новый принципъ, вытѣсняющій старыя,—принципъ личный, существующій независимо отъ какихъ бы то ни было вѣшнихъ условий. Онъ характеризуетъ *человѣка* и *природу*, а не *сословіе* и *общество*. Старый принципъ—*честь*—принадлежалъ цѣлой группѣ лицъ и былъ немислимъ внѣ формальныхъ связей. Добродѣтель обуславливается сердцемъ и умомъ, не связана, слѣдовательно, ни съ какими традиціями. Теперь, когда традиціонныя основы поколебались и утратили уваженіе, когда «быть сыномъ своего отца» стало сомнительною честью, когда истинно-благородными стали признавать благородныхъ лично, по выраженію Вольтера, *annobis par eux mèmes*,—личные качества выступили на первый планъ и поэтому о нихъ такъ часто говорятъ представители новой мысли. Драматическіе поэты единодушно выбираютъ знатныхъ героевъ для защиты демократическаго принципа. Графъ Вольтера говоритъ, что онъ считаетъ своею *честью* вознаградить *добродѣтель*: это значить—старый сословный принципъ замѣнить новымъ. Такимъ путемъ идутъ герои всѣхъ другихъ драмъ и приходятъ къ тому же результату.

Сынъ знатнаго сеньора полюбилъ крестьянскую дѣвушку и женился на ней. Отецъ его прогналъ, но онъ встрѣтилъ столько добродѣтелей въ новой средѣ, что не только не раскаялся въ своемъ поступкѣ, но и свою дочь выдаетъ замужъ за простаго мужика. Онъ рассказываетъ, чѣмъ онъ обязанъ этимъ людямъ: «Когда мои руки еще не были достаточно тверды для работы, ихъ благородныя руки обрабатывали наши поля. Только эти люди облегчали наши страданія. Мы погибли бы раньше, чѣмъ выучились работать. Ихъ заботы, ихъ усердная помощь не оставляли насъ въ нашемъ уединеніи. Я нашелъ у нихъ состраданіе, и состраданіе такое естественное, такое благородное, такое нѣжное, столь похожее на дружбу, что мое сердце не могло ошибиться». И эти отношенія рѣшили вопросъ и для сына, и для отца. Люди съ такими добродѣтелями не подлежатъ власти предразсудковъ.

Другой знатный герой считаетъ простаго крестьянина благороднымъ, потому что онъ честенъ: «*La probité l'annobilt*». Крестьяне «настолько же лютенный классъ, насколько и полезный». Породниться съ ними, т.-е. «принять въ свою среду честь и мудрость», не значить унижить себя *).

И такъ безъ конца. До самой революціи, несмотря на гоненія двора, духовенства и цензуры, со сцены изъ устъ привилегированныхъ продолжаютъ раздаваться похвалы людямъ безъ предковъ и официальныхъ

*) *Silvain*, par Marmontel. *Lucile*.

отличій, — похвалы во имя личныхъ достоинствъ сердца и ума. Среди парижскихъ аристократовъ эти похвалы только изрѣдка могли встрѣтить сочувствіе, но и здѣсь нашлись бы желающіе подписаться подь слѣдующимъ разсужденіемъ иностраннаго барона. На сценѣ шла трагедія Сорена *Спартакъ*. Авторъ героя превратилъ въ сына вождя, т.-е., вмѣсто раба, вывелъ знатное лицо, затѣмъ, чтобы придать больше значенія виновнику востанія, «какъ будто, — пишетъ современникъ, — простой военный политикъ, попавшій въ рабство, разбившій оковы личными благородными усиліями и мстящій тиранамъ великими подвигами, недостаточно интересенъ самъ по себѣ, чтобы еще стояло прибѣгать къ вульгарнымъ отличіямъ крови и рожденія» *).

Авторъ этихъ словъ отнюдь не былъ радикаломъ и демократомъ. Онъ далеко не всегда соглашался съ рѣчами «добрыхъ сеньоровъ» — героев драмъ и комическихъ оперъ. Онъ, напримѣръ, по поводу *Silvain'a* негодуетъ на «отвратительную доктрину о свободѣ охоты» и въ сильнѣйшей степени не благоволитъ къ Бомарше. Но, очевидно, признавать отличія крови «вульгарными» не считалось особенно смѣлою идеей въ половинѣ XVIII вѣка. Общее настроеніе парижской публики сказалось уже по поводу комедіи Вольтера *Nanine*. Авторъ очень опасался за ея судьбу и обстановилъ первый спектакль всевозможными предосторожностями, превратилъ его почти въ спектакль для друзей. Но опасенія оказались излишними: комедія имѣла успѣхъ, вызвала эпиграммы, породила и, наконецъ, побудила Детуша сочинить пьесу, разбивающую идеи Вольтера. Современникъ разсказываетъ, что благородные отцы и матери боялись за своихъ дѣтей, какъ бы *Nanine* не убѣдила ихъ на самомъ дѣлѣ въ равенствѣ сословія и преимуществъ личной добродѣтели передъ знатностью. Пьеса Детуша *La force du Naturel* стремилась доказать, что чувства и идеи не зависятъ отъ воспитанія, а исключительно отъ происхожденія. Пьеса не понравилась публикѣ, даже аристократы нашли ее неудовлетворительной. Авторъ, очевидно, переусердствовалъ. Пьеса Детуша немедленно была забыта, *Nanine* же Вольтера оставалась въ репертуарѣ до революціи и до такой степени была популярна, что ее давали въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція внезапно запрещала какую-либо пьесу передъ самымъ спектаклемъ.

Еще болѣе шумный успѣхъ имѣла драма Седэна *Philosophe sans le savoir*. Дидро, прослушавъ пьесу въ чтеніи, бросился обнимать Седэна и воскликнулъ: «Другъ мой, если бы ты не былъ такъ старъ, я выдалъ бы за тебя свою дочь!» «Вотъ дѣйствія и идеи почтенныхъ людей (des honnêtes gens)!» — восклицалъ онъ послѣ спектакля. Такое же впечатлѣніе пьеса произвела и на публику. Даже цензура и полицейскія власти были тронуты. Пьеса продолжала выходить отдѣльными изданіями даже въ провинціи долго спустя послѣ революціи.

Идеи пьесы были тѣ же самыя, какія въ комедіяхъ Вольтера и въ

*) *Grimm*: „Corresp. Litt.“, IV, 189.

новыхъ драмахъ, только на этотъ разъ дѣло шло не о крестьянахъ, а о буржуазіи. Герой по имени Вандеркъ—благороднаго происхожденія, бѣжалъ изъ Франціи вслѣдствіе дуэли, попалъ на голландское судно и сталъ купцомъ. Центральная сцена драмы—бесѣда Вандерка съ сыномъ относительно занятія торговлей. Со времени Монтескьё вопросъ этотъ ежегодно вызывалъ множество брошюръ и статей. Монтескьё категорически запретилъ знати заниматься торговлей. Но такое рѣшеніе вопроса далеко не всѣхъ удовлетворяло, и пьеса Седена была однимъ изъ отвѣтовъ, противорѣчащихъ Монтескьё. Сынъ ссылается на предрасудокъ, освященный авторомъ *Духа законовъ*. Вольтеръ отвѣчаетъ: «Такой предрасудокъ въ глазахъ разума—ничто. Какъ высоко званіе человѣка, который однимъ почеркомъ пера передаетъ свою волю съ одного конца вселенной на другой! Его имя, его подпись не нуждаются, подобно монетѣ монарха, чтобы цѣнность металла служила залогомъ при займѣ,—его личность дѣлаетъ все. Онъ подписалъ и этого достаточно. Онъ не служитъ одному храму, одной націи,—служить всѣмъ націямъ... Онъ міровой человѣкъ». Сынъ соглашается, но не знаетъ, что въ купцѣ почтеннаго? Отецъ возражаетъ: «То же самое, что въ дворяннѣ узаконяетъ права рожденія, что служитъ основаніемъ его титуловъ: честь, правдивость, честность... Нѣсколько дерзкихъ гражданъ возбуждаютъ государей къ войнѣ. Война возгорается, все въ огнѣ, Европа распадается на два враждебныхъ лагеря. Но негоціантъ, англійскій, голландскій, русскій или китайскій, тѣмъ не менѣе, остается моимъ искреннимъ другомъ. Мы на земной поверхности своего рода шелковыя нити, связывающія народы и побуждающія ихъ жить въ мирѣ, такъ какъ торговля неизбежна. Вотъ что такое почтенный негоціантъ. А дворяннѣ, военный?—спрашиваетъ сынъ. — *Вандеркъ*: «Я знаю только два званія, стоящія выше коммерсанта: магистратъ, осуществляющій волю законовъ, и воинъ, защищающій отечество»».

Это говоритъ певалье, имѣющій полное право гордиться своимъ происхожденіемъ и знатностью родственниковъ. Но *чувство, природа, гуманность*—единственныя понятія, какія онъ признаетъ для себя обязательными, и не на основаніи какихъ-либо теорій, а въ силу здраваго смысла и совѣсти. Онъ—философъ, не сознавая этого. Авторъ хотѣлъ показать, какъ просто и жизненно-правдивы общественные идеалы новой мысли. Достаточно быть честнымъ, умнымъ человѣкомъ, чтобы исповѣдывать взгляды новой философіи. То же самое говоритъ Вольтеръ въ комедіи *Droit du seigneur* устами благороднаго маркиза, нисколько не претендующаго считаться философомъ.

То же самое, несомнѣнно, разумѣли дворяне, требовавшіе въ своихъ наказахъ разрѣшенія торговать знати, безъ ущерба сословному благородству *).

Драматическая литература XVIII вѣка не могла ограничиться разборомъ

*) *Chassin*, II, стр. 259.

сословныхъ отношеній, хотя они занимали первенствующее мѣсто въ общественной жизни стараго порядка. Идеи просвѣтителей переходили за предѣлы вопроса о привилегіяхъ и стремились освѣтить свѣтомъ разума и безграничнаго человѣколюбія всѣ темные углы, гдѣ страдали слабые и несчастные. Во французской литературѣ второй половины XVIII вѣка сказываются художественные и общественные мотивы, позже воскресшіе въ романтической школѣ. Все, что было у романтиковъ гуманнаго и прогрессивнаго, — все это мы находимъ въ нашей драмѣ. Чувство природы, глубокая симпатія къ народной жизни, стремленіе изучить ея реальныя условія и проникнуть въ психологію народа, изобличеніе источниковъ гнета и несправедливостей, терпимость и уваженіе къ личности несчастнаго, нищаго, негра раба, даже преступника, — все это проходитъ передъ нами, проникнутое обычнымъ страстнымъ, искреннимъ воодушевленіемъ авторовъ просвѣтительной эпохи. И здѣсь нѣтъ ни одного прихотливаго, безцѣльнаго увлеченія, ни одной случайной, мимолетной черты: назначеніе писателя здѣсь понимаютъ слишкомъ высоко, чтобы даромъ тратить слова. Пусть передъ нами нескромный романъ, — откровенность въ духѣ времени, — летучее стихотвореніе, интимное письмо, — все это имѣетъ жизненный смыслъ, все блещетъ идеей. Чистыхъ художниковъ и досужныхъ краснобаевъ здѣсь нѣтъ: они отживаютъ свой вѣкъ вмѣстѣ съ античными героями сцены и туеядными комедіянтами салона.

Въ классическую эпоху иногда заговаривали о деревнѣ, сочиняли идилліи и пасторали, но все это такъ же походило на дѣйствительную природу, какъ г-жа Помпадуръ на невинную пастушку. Новый авторъ далеко отъ идиллической точки зрѣнія на деревню. Для него это міръ неустаннаго труда и глухихъ подавленныхъ страданій. Онъ посылаетъ сюда писателя не за тѣмъ, чтобы показывать потомъ публикѣ взрослыхъ младенцевъ золотого вѣка въ цвѣтахъ и лентахъ. «Въ деревнѣ по необходимости приходится думать о многочислѣннѣйшей части человѣческаго рода, ее здѣсь видятъ во-очію, видятъ, какъ она сгибается подъ тяжестью труда, добывая предметы первой необходимости». А въ городахъ, между тѣмъ, утонченнѣйшія искусства существуютъ только затѣмъ, чтобы тѣшить взглядъ богача. Въ деревнѣ земледѣлецъ въ ежедневной работѣ одерживаетъ полезнѣйшую и благороднѣйшую побѣду надъ природою; онъ больше всѣхъ другихъ гражданъ содѣйствуетъ блеску, преуспѣянію и силѣ государства, и, между тѣмъ, его унижаютъ бездѣльники и эксплуататоры. Безъ мозолистыхъ, затвердѣлыхъ рукъ земледѣльца бѣдность и горе проникли бы даже и въ мраморные дворцы, въ царство роскоши и легкомыслія, но такова несправедливость человѣческая, — достаточно быть полезнымъ человѣку, чтобы возбудить его презрѣніе и, въ то же время, онъ будетъ чувствовать бессмысленное удивленіе къ людямъ, которые давятъ его и топчутъ ногами *).

Такъ заканчиваетъ авторъ свою рѣчь, начавъ съ прославленія природы,

*) *Le compagnard.*

сельскаго уединенія, столь краснорѣчиваго для ума и сердца. Эти люди говорятъ о красотѣ и счастья, чтобы ярче отгнѣнить все безобразіе и все горе современной общественной жизни.

Эта эпоха знаетъ писателя-крестьянина, оригинальнаго самоучку, страстно любящаго деревню, ея жизнь и ея жителей, и весь свой крупный литературный талантъ посвящающаго имъ: это—Ретифъ де ла-Бретоннь. Онъ, кромѣ того, распространяетъ идеи Руссо среди малограмотной публики и дѣлаетъ это съ большимъ успѣхомъ романами и драмами. О достоинствѣ романовъ можно судить по впечатлѣнію одного изъ лучшихъ современныхъ цѣнителей художественной литературы: Гриммъ приписываетъ ихъ Дидро или Бомарше. Ретифъ не ставилъ своего имени на нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и давалъ поводъ приписывать ихъ лучшимъ авторамъ эпохи. Изъ другого источника мы узнаемъ, что романъ Ретифа *Le paysan perverti* сталъ модною книгой (*le livre du jour*) и подвергся запрещенію. Романъ и теперь читается съ интересомъ. Во французской литературѣ трудно встрѣтить болѣе задушевное изображеніе испытаній крестьянина, легкомысленно покинувшаго родную деревню ради городскаго шума. Яркія картины столичнаго разврата чередуются съ жестокою психологическою драмой. Въ драмѣ *La prevention nationale* авторъ возвращается къ той же темѣ. Въ каждой строкѣ звучитъ страстная любовь къ сельской жизни со всеми ея невзгодами и нуждой. Здѣсь мы слышимъ отъ самого автора тѣ рѣчи, какія въ драмахъ крестьяне говорятъ сеньорамъ. Передъ нами почвенный французскій крестьянинъ съ вѣковой привязанностью къ землѣ, съ непоколебимою нравственною силой, когда вопросъ идетъ объ его жилищѣ и семьѣ.

Мы можемъ быть увѣрены, что эти писатели не ограничатся общимъ негодованіемъ на судьбу трудового класса. Они съ точностью экономическихъ изслѣдователей сообщатъ намъ, отъ какихъ причинъ страдаетъ деревня. Передъ нами пройдутъ балы въ роли маленькихъ мѣстныхъ тирановъ, своевольно устраивающихъ браки и сдающихъ въ солдаты неприятныхъ для нихъ парней, сборщики податей, всегда готовые за недоимку распродать все домашнее хозяйство мужика, сеньоры—деспоты, эксплуататоры рабочихъ и подчасъ ростовщики, полицейскіе сержанты и разные комми, покорные слуги откупщиковъ и помѣщиковъ.

Все это публика увидитъ на сценѣ. Авторъ позаботился, независимо отъ разсказовъ дѣйствующихъ лицъ, воспроизвести на сценѣ вѣрную обстановку существованія бѣдняка. Къ первому акту драмы *L'Indigent* читаемъ такое описаніе: «Театръ представляетъ жалкую низкую комнату безъ замка. Табуретъ безъ сидѣнья, остальная мебель старая, сильно подерванная. Кусокъ твани закрываетъ диванъ. Съ одной стороны столярный верстакъ, у стѣны старая оконная рама, на половину заклеенная бумагой». Здѣсь живутъ братъ и сестра, работая день и ночь. Дальше оказывается, что въ этой «комнатѣ» до такой степени холодно и темно, что нельзя помѣстить въ ней двухъ собаченокъ, принадлежащихъ богатому молодому человеку, сосѣду бѣдняковъ. Хозяинъ подвала соглашается поправить по-

мѣщеніе, но только ради собакъ: бѣдныхъ постояльцевъ при какихъ угодно условіяхъ будетъ достаточно.

Такъ живутъ въ городахъ рабочіе, изнывающіе, притомъ, ежедневно въ поискахъ, кому сбыть свою работу.

Эти картины являются исключительною принадлежностью крайнихъ демократическихъ произведеній. Они вообще во вкусъ эпохи. Вольтеръ и здѣсь подаетъ примѣръ. Въ его драмѣ *L'enfant prodigue* есть слуга, замѣчательно живо напоминающій Фигаро, хотя между произведеніями Вольтера и Бомарше лежитъ почти сорокъ лѣтъ. Жасмэнъ, слуга «расточительнаго сына», остается единственнымъ утѣшителемъ своего господина въ несчастіи. Его участь также весьма бѣдственна, но онъ о себѣ не жалѣетъ: «Рожденный для страданій,—говоритъ онъ,—я умѣю страдать съ веселымъ духомъ—*je sais souffrir gaiement*. Во всемъ нуждаться — вотъ моя стихія. Твоя старая шляпа, твои грубыя лохмотья,—все, отъ чего ты красѣешь, было моимъ нарядомъ. Ты поистинѣ долженъ весьма сожалѣть, что не былъ всегда Жасмэномъ». Этому Жасмэну нужно было дождаться полного паденія своего господина и раздѣлить съ нимъ одиночество, чтобы тотъ призналъ его человекомъ. «Отъ рожденія равный со мной, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, и онъ человекъ,—говоритъ господинъ,—онъ поддерживаетъ меня среди удручающаго горя и весело дѣлитъ со мной мою злосчастную участь въ то время, когда друзья покинули меня». Когда господинъ приходитъ въ отчаяніе, Жасмэнъ указываетъ ему на рабочихъ, достающихъ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ своихъ рукъ, и совѣтуетъ по примѣру ихъ самому работать на себя. Расточитель завидуетъ ихъ судьбѣ: они, по крайней мѣрѣ, владѣютъ спокойною совѣстью, душевнымъ миромъ и физическимъ здоровьемъ. Въ драмѣ *Сократъ* великій мудрецъ изображенъ другомъ бѣдныхъ и высказано убѣжденіе: благородная и трудолюбивая бѣдность — естественное состояніе человека.

И писатель XVIII вѣка, идеализируя природу и простоту, идеализируетъ бѣдняка. Въ его уста онъ влагаетъ высоко-гуманныя рѣчи; онъ должны казаться современникамъ тѣмъ трогательнѣе, что произносятся на грубомъ крестьянскомъ жаргонѣ. «Мы бѣдные люди,—говоритъ одинъ изъ такихъ ораторовъ,—но у насъ есть честь и чувствительное сердце. Мы никогда не могли равнодушно видѣть чужія страданія. Пусть несчастный придетъ къ намъ,—всѣ деньги, какія у кого есть, мы отдадимъ ему. Если онъ богаче насъ и скажетъ, что у него на сердцѣ горе, мы поможемъ ему совѣтами, и, правду сказать, совѣты наши хороши, потому что ихъ даетъ намъ природа» *).

Эти разсужденія не совсѣмъ подходятъ къ деревенскому жаргону, но герои XVIII вѣка, эти философы безъ собственнаго вѣдома, иначе не могли говорить.

Писатели, идеализировавшіе дикаго человѣка, не могли пройти молча-

*) *L'epreuve d'un moment*, com. de Monvel.

нѣмъ дикарей, дѣйствительно обездоленныхъ цивилизаціей. Преслѣдуя рабство во всѣхъ формахъ, драматурги неоднократно напоминали французской публикѣ о рабствѣ негровъ въ драмѣ, въ комедіи, въ комической оперѣ. *L'esclavage des nègres*, чувствительная драма, удостоилась впервые появиться на сценѣ въ декабрѣ 1789 г., хотя напечатана была гораздо раньше. Комическая опера *Radé et Barré* рассказывала исторію кораблекрушенія; негрятинка спасаетъ француза, выучивается французскому языку, обнаруживаетъ высокія нравственныя достоинства и съ разрѣшенія партера выходитъ замужъ за спасеннаго ею француза. Въ комедіи Шомфора *Le marchand de Smyrne* рабство негровъ упоминается мимоходомъ, но очень эффектно. Каледь, работорговецъ, выводитъ на продажу, между прочимъ, француза. Французъ упрекаетъ его въ позорномъ промыслѣ. Каледь несколько не смущается: «Что онъ хочетъ сказать?—крикнулъ онъ на француза. — Развѣ вы не торгуете неграми? Ну, а я вами торгую. Развѣ это не одно и то же? Вся разница только въ бѣломъ и черномъ цвѣтѣ».

Во времени наказовъ эта идея пріобрѣтаетъ полную популярность. Третье сословіе будетъ требовать уничтоженія рабства черныхъ и даже политическихъ правъ для нихъ наравнѣ съ французами. Въ парижскомъ *salon* мотивъ реформъ чисто-философскаго характера въ духѣ XVIII вѣка: *L'esclavage des noirs est contre le droit naturel*.

Въ той же самой пьесѣ *Le marchand de Smyrne* покупательъ рабовъ ведетъ остроумную бесѣду съ законникомъ (*l'homme de loi*). На вопросъ, въ чемъ заключается это ремесло, законникъ отвѣчаетъ: «Я вмѣшиваюсь за деньги въ чужія дѣла, часто выигрываю самыя отчаянныя тяжбы или, по крайней мѣрѣ, заставляю ихъ тянуться 10, 15, 20 лѣтъ». Купецъ спрашивается, оказываетъ ли онъ свои услуги безразлично, правымъ и виновнымъ? По словамъ законника, въ этомъ ничего и сомнѣваться: правосудіе существуетъ для всѣхъ. Собесѣдникъ не можетъ понять, какъ такого чловека могутъ терпѣть въ странѣ.

Драма не ограничивалась такими общими чертами. Она съ большою охотой излагала подробности судебного ремесла и описывала старый процессъ. Въ одной изъ интереснѣйшихъ пьесъ XVIII вѣка, въ комедіи *Arlequin sauvage*,—съ ней придется намъ встрѣтиться ниже,—главный герой Арлекинъ встрѣчаетъ въ культурной странѣ, между прочимъ, чловека, только что проигравшаго процессъ. Между ними происходитъ такой разговоръ. *Прохожій*. Десять лѣтъ тому назадъ я началъ процессъ съ своимъ должникомъ изъ-за 500 франковъ. Я только что проигралъ его, перебуывая въ тридцати разныхъ судахъ. *Арлекинъ*. Зачѣмъ же назначать тридцать удовъ для одного только дѣла?

«— По причинѣ инцидентовъ, которые накапливаетъ судебная кляуза.

«— Кляуза? Что это такое?

«— Это искусство, которое изобрѣли для того, чтобы запутывать самыя простыя дѣла и они становятся непонятными послѣ того, какъ адвольты или прокуроры поработаютъ надъ ними мѣсяцевъ шесть.

«— Что же это за люди—прокуроръ и адвокатъ?

«— Это—господа, изучившіе законы и формальности.

«— Формальности? Я не знаю, что это такое.

«— Это форма и порядокъ, которые слѣдуетъ соблюдать въ процессахъ, чтобъ избѣжать внезапныхъ затрудненій.

«— Прекрасно! Значить, съ этою формой нечего опасаться внезапностей?

«— Напротивъ. Именно самая эта форма создаетъ ихъ.

«— Почему же?

«— Потому что вляуза въ формальностяхъ черпаетъ всевозможные поводы запутывать дѣла.

«— Но такъ какъ судьи назначены затѣмъ, чтобъ оказывать правосудіе, почему же они не препятствуютъ вляузѣ?

«— Они не въ силахъ этого дѣлать, потому что вляуза—пріемъ, основанный на законѣ, и установленная форма процесса допускаетъ ее.

«— Слѣдовательно, этотъ законъ и эта форма такъ же запутаны, какъ вашъ рассудокъ? Но скажи мнѣ, пожалуйста, судьи у васъ не могутъ уничтожить зла, и вы знаете, что адвокаты и прокуроры запутываютъ ваши дѣла, почему же вы настолько глупы, что позволяете имъ совать свои носы въ ваши дѣла? Влянусь небомъ, еслибъ у меня былъ процессъ и еслибъ эти вьнальи захотѣли привоснуться къ нему кончикомъ мизинца, я ихъ уничтожилъ бы.

«— Безъ нихъ невозможно обойтись. Они установлены законами. При посредствѣ этихъ людей дѣла должны представляться въ судъ, потому что самому истцу не дозволяется вести собственное дѣло.

«— Почему же не дозволяется?

«— Потому что истецъ не изучилъ законовъ и не знаетъ формъ процесса.

«— Какъ? Потому, что я не владѣю искусствомъ запутывать свое дѣло, я не могу его вести?

«— Нѣтъ.

«— Послушай, я могъ бы тебѣ расшибить голову за твое безстыдство.—Арлекинъ, внѣ себя, воображаетъ, что съ нимъ шутятъ. Прохожіи отвѣчаютъ:

«— Я вовсе не шучу, я говорю вамъ только правду. Законы мудры, судьи—люди просвѣщенные и честные, но человѣческая злоба, всѣмъ злоупотребляющая, пользуется правосудіемъ, чтобы поддерживать неправду. Такъ какъ постоянно нужны деньги, бѣдные не могутъ поддерживать своихъ правъ, разоряются и другіе.

«— Какъ, вы платите деньги?

«— Безъ сомнѣнія. Ихъ всегда нужно имѣть подъ руками, иначе Ѳемида останется глуха и ничего не выйдетъ.

«— Жители этой страны будто одержимы бѣсомъ, все превращающимъ въ деньги. Они торгуютъ даже правосудіемъ.

«— Правосудіе касается только сущности. Но форма стоитъ очень до-

рого и форма всегда преобладаетъ у насъ надъ сущностью дѣла. Я разорился на своемъ процессѣ. И я проигрываю теперь, потому что не соблюлъ формы.

«— И ты этимъ недоволенъ?

«— Еще бы!

«— По-настоящему, ты—большой глупецъ. Ты долженъ бы былъ радоваться.

«— Почему?

«— Ты отдѣлался отъ такого сквернаго дѣла, что съ радостью могъ бы проиграть его десять лѣтъ тому назадъ. Еслибъ у меня была такая обуза, я ее скоро забросилъ бы».

Это — наиболѣе обстоятельная характеристика стараго суда, изложенная со сцены итальянскаго театра въ 1721 году. До самой революціи жалобы на правосудіе повторяются безпрестанно. Юристъ откровенно заявляетъ, что бѣдняки не въ силахъ вести процесса, и ихъ можно мучить тяжбой всю ихъ жизнь, заставить умереть съ голоду раньше, чѣмъ дѣло подвинется на одинъ шагъ. «Мнѣ эти извороты отлично извѣстны»,—прибавляетъ юристъ, чтобъ уничтожить послѣднія сомнѣнія у своего кліента. Въ такомъ же смыслѣ хвастается богачъ, начинающій процессъ съ бѣднякомъ.

Судъ своею дѣятельностью вполнѣ оправдывалъ надежды кляузниковъ и насильниковъ. Въ преступники попадали люди, виноватые только бѣдностью и беззащитностью. Это были несчастныя жертвы современнаго правосудія и драмы не могли миновать ихъ. Мерсье совѣтовалъ писателямъ пользоваться судебною хроникой; еще раньше совѣта на сценѣ появлялись отголоски нѣкоторыхъ вопіющихъ несправедливостей суда. Одна изъ драмъ носила противорѣчивое, повидимому, но весьма характерное и совершенно ясное для современниковъ заглавіе: *L'honnête criminel* (Честный преступникъ). Въ этомъ сопоставленіи выразился общій взглядъ драмы на одинъ изъ жгучихъ вопросовъ современнаго общества. Идеи Бекварин, быстро вошедшія въ программу французскихъ произведеній второй половины вѣка, немедленно отразились на драматической литературѣ. Драма *L'honnête criminel*, рассказывавшая дѣйствительную исторію невиннаго каторжника, появилась три года спустя по выходѣ книги миланскаго профессора. Здѣсь зрители слышали такую идею: «Это несчастный. Развѣ слѣдуетъ быть безчеловѣчными, потому что онъ преступникъ? Его слѣдуетъ только жалѣть и я хочу ему помочь». Начальникъ галеръ свободенъ отъ жестокихъ предубѣжденій, столь обычныхъ, когда дѣло идетъ объ осужденномъ. Онъ наблюдаетъ за преступниками внимательнымъ, человѣколюбивымъ взоромъ, притстуетъ каждый проблескъ чувства, готовъ признать глубокой смыслъ душевную жизнь этихъ отверженцевъ. «Этотъ человѣкъ невиненъ,—ворить онъ,—здѣсь не можетъ быть ошибки. У него возвышенная душа нѣжное сердце. Его совѣсть чиста, я въ этомъ не сомнѣваюсь: онъ чѣло несчастный».

Другой авторъ «благородствомъ, гуманностью считаетъ чувство состраданія къ людямъ слабымъ, виновнымъ и вообще къ человѣческому роду». У новыхъ писателей своя система отношеній къ человѣку, совершившему дурное дѣло. Юноша увлекся дурною страстью, растратилъ чужія деньги, и его дядя, потерпѣвшій, высказываетъ такой взглядъ на преступника: «Потерять 2,000 экю — ничего не значить, но потерять чувствительное, отъ природы благородное сердце — вотъ эту великую утрату слѣдуетъ предупредить. Наблюдайте за нимъ, но давайте понять, что вы полагаетесь на его поведеніе, на него самого, выказывайте къ нему уваженіе, — это хорошее средство спасти благородныя сердца отъ ожесточенія. Если онъ раскаяется, онъ сохранить прежнія права на мою любовь... Каждую вину слѣдуетъ цѣнить сообразно съ возрастомъ, характеромъ. Лучше просвѣтить виновнаго, чѣмъ наказать. Не строгость достигаетъ цѣли, а снисходительность». На этихъ идеяхъ воспитываются новые судьи. Одному изъ нихъ приходится рѣшить вопросъ о молодомъ преступникѣ, обвиняющемъ себя въ убійствѣ. Онъ пораженъ фактомъ, но не поддается первому впечатлѣнію. «Не достойнѣ ли, — говоритъ онъ, — спасти виновнаго, чѣмъ осудить невиннаго? На преступленіе часто толкаетъ нужда» *).

Эти люди заранѣе убѣждены въ нравственныхъ основахъ человѣческой природы. *Добро* — естественно, а *зло* — только случайное отклоненіе отъ общаго закона. Непокколебимая, восторженная вѣра въ человѣческую природу руководить новыми философами. Вождь энциклопедистовъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ высказалъ глубокое убѣжденіе всѣхъ просвѣтителей **): «Когда я вижу преступника, совершающаго героическій подвигъ, я остаюсь при убѣжденіи, что люди добра болѣе реальные добрые люди, чѣмъ злые на самомъ дѣлѣ злы. Добро неразрывнѣ связано съ нашею природою, чѣмъ зло, и вообще въ душѣ злого остается больше доброты, чѣмъ зла въ душѣ добрыхъ». Одинъ этотъ принципъ былъ достаточно могущественъ и объемлющъ, чтобы зажечь энергическую борьбу новой мысли со старою жизнью.

Философія XVIII вѣка касалась самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, но философская борьба въ собственномъ смыслѣ слова происходила на почвѣ религіи и церкви. Этою борьбой открылось движеніе новой мысли, ей по преимуществу посвящена дѣятельность вождя просвѣтителей, она колебала священнѣйшія основы стараго порядка и создала философамъ самыхъ безпощадныхъ гонителей. Здѣсь вопросъ о побѣдѣ былъ вопросомъ о судьбѣ всей просвѣтительской дѣятельности и философы на этомъ поприщѣ болѣе всего рисковали потерпѣть неудачу, если бы положеніе ихъ враговъ въ обществѣ и въ народѣ отличалось достоинствомъ и устойчивостью. Но съ самаго начала борьбы оказалось, что въ старомъ обществѣ ни для какихъ идей не существовало болѣе благопріятной почвы, чѣмъ для критики со-

*) *Jean Henmyer*, drame de Mercier; *Jenneval ou le Barnevell français*; *Jochain ou le triomphe de la piété filiale*, drame de Blin de Sainmore.

**) *Diderot*: „Oeuvres Complètes“. Paris, 1821, p. 174.

временной церкви и ея служителей. Здѣсь сочувствующими учениками являлись даже принципиальные враги всѣхъ другихъ новыхъ ученій. Высшее свѣтское общество могло искренно возмущаться проповѣдями о равенствѣ людей, о несправедливости и безсмыслицѣ привилегій, могло издѣваться надъ мѣщанскими понятіями о нравственности, но духовное лицо, представленное въ отталкивающемъ или шутовскомъ видѣ, приходилось по вкусу и парижскому буржуа, и придворному маркизу, и даже мужику. Для единодушнаго сочувствія публики требовалось только представить служителя церкви повыше рангомъ. Тогда одни рукоплескали совершенно сознательно, слѣдуя свободному направленію современной мысли, другіе подъ вліяніемъ легкомыслія и скептицизма, питаемаго гораздо болѣе развращеннымъ нравственнымъ чувствомъ, чѣмъ развитымъ умомъ, третьи—и такихъ было особенно много среди простой публики—помня все старое зло, связанное съ Римомъ и его лучами: здѣсь звучать отголоски и протестантскихъ гоненій, и жестокихъ догматическихъ споровъ, и всевозможныхъ феодальныхъ злоупотребленій. Чувства эти прорываются наружу весьма рано, немедленно послѣ Людовика XIV. Эпоха регентства, разоблачившая столько давно назрѣвшихъ, но замаскированныхъ язвъ, и въ этомъ случаѣ выпустила на свободу мятежныя страсти изъ долготѣннаго невольнаго заключенія. Наслѣдники *Esprits forts* классической эпохи, вродѣ Вандома, Кюнти, Лафонтана, Фонтенелля, не имѣли больше нужды скрываться и въ обществѣ воцарилась настоящая противуцерковная и даже противурелигіозная оргія. Она разгорѣлась тѣмъ свободнѣе, что въ великосвѣтской средѣ не предстояло, въ сущности, никакой борьбы какихъ бы то ни было принциповъ. Религія и церковь быстро превратились въ источники салонной потѣхи. Какъ это происходило, рассказано въ одномъ изъ *Персидскихъ писемъ* Монтескьѣ (LXI).

Здѣсь священникъ жагуется на трудность и двусмысленность своего профессиональнаго положенія среди современнаго скептически-настроеннаго общества. Удивительный народъ эти міряне!—воскликаетъ онъ,—они не выносятъ нашего одобренія, ни нашего осужденія; если намъ вздумается ихъ исправлять, они находятъ, что это очень смѣшно съ нашей стороны; если мы ихъ одобряемъ, они считаютъ, что мы унижаемъ свое званіе. А нѣтъ ничего унижительнѣе, какъ сознать, что скандализируешь самихъ невѣрующихъ. Такъ что намъ приходится вести себя двусмысленно и держать въ повиновеніи вольнодумцевъ неопредѣленнымъ образомъ дѣйствій, а именно тѣмъ недоумѣніемъ, въ которое мы ихъ повергаемъ своею мазрой относиться къ ихъ рѣчамъ. Для этого нужно очень много ума; это эйтральное положеніе очень трудно: свѣтскимъ людямъ все нипочемъ; они позволяютъ себѣ всевозможныя выходки и, смотря по результату, отрекаются отъ своихъ же словъ или на нихъ настаиваютъ, и потому имъ гораздо легче.

Авторъ *Писемъ* сравниваетъ далѣе различныя вѣроисповѣданія, подвергая критикѣ преданія католичества и его догматическіе споры. Въ

письмѣ излагаются, кромѣ того, доводы ходячаго современнаго скептицизма. Жиды,—говоритъ священникъ,—считаютъ себя источникомъ всевозможной святости и началомъ всѣхъ религій, а насъ считаютъ еретиками, перемѣнившими законъ, или, скорѣе, бунтующими жидами.

Они думаютъ, что и ихъ легко было бы соблазнить, если бы эта перемѣна произошла незамѣтно; но такъ какъ она произошла внезапно и насильственнымъ образомъ, и они могутъ въ точности опредѣлить день и часъ, когда народилась та и другая религія, то они и возмущаются тѣмъ, что наша измѣняется вѣками, и твердо держатся за свою, которая началась чуть не съ начала міра. Никогда еще они не наслаждались въ Европѣ такимъ спокойствіемъ, какъ теперь. Христіане начинаютъ освобождаться отъ присущей имъ нетерпимости: въ Испаніи убѣдились, что напрасно ихъ выгнали, а во Франціи—что напрасно притѣсняли христіанъ, которые вѣрили немного иначе, чѣмъ ихъ государь. Они, наконецъ, поняли, что усердное распространеніе религій еще совсѣмъ не доказываетъ къ ней приверженности, и для того, чтобы ее почитать и соблюдать, совсѣмъ не нужно ненавидѣть и преслѣдовать тѣхъ, кто этого не дѣлаетъ.

Было бы очень желательнымъ, чтобы наши мусульмане такъ же здраво разсуждали объ этомъ вопросѣ, какъ и христіане, и чтобы разъ навсегда перестали вздорить изъ-за Али и Абукира и предоставили Господу Богу судить о заслугахъ этихъ святыхъ пророковъ. Пускай бы имъ угождали, истинно ихъ почитая и имъ поклоняясь, а не глупымъ предпочтеніемъ, и старались бы заслужить ихъ благоволеніе, не взирая на то, гдѣ они сидятъ—одесную ли Господа, или у подножія Его престола.

И это еще не все: въ свѣтѣ,—продолжаетъ священникъ,—мы ничуть не сохраняемъ этого хваленнаго, счастливаго и спокойнаго состоянія. Какъ только мы туда попадаемъ, насъ сейчасъ же заставляютъ спорить: заставить, наприимѣръ, доказывать пользу молитвы человѣку, который и въ Богато не вѣритъ, или необходимость поста тому, кто всю свою жизнь отрицалъ безсмертіе души: дѣло ужъ и безъ того очень трудное, а надъ нимъ же еще и смѣются. Этого мало: насъ безпрестанно мучитъ желаніе привлечь и другихъ къ нашему взгляду на вещи; это желаніе, такъ сказать, неразрывно съ нашею профессіей. Это такъ же смѣшно, какъ если бы европейцы вздумали, на благо человѣчества, трудиться надъ тѣмъ, чтобы выбѣлить кожу африканцамъ.

Разсказъ подтверждается множествомъ современныхъ свидѣтельствъ. Насмѣшки надъ религіей превратились въ своего рода патентъ на философскій образъ мыслей. И не было, конечно, ничего легче, какъ получить такой патентъ. Литература ежедневно поставляетъ множество брошюръ скептическаго содержанія: изъ одного Амстердама, разсказываетъ современникъ, этихъ сочиненій летятъ во Францію цѣлыя тучи съ невѣроятною быстротой. Вольтеръ не успѣвалъ жаловаться на присвоеніе его таланту той или другой брошюры. И эти произведенія читаются вездѣ съ одинаковымъ удовольствіемъ,—при дворѣ и на улицѣ. Дѣятельнѣйшій с

временный прелатъ архіепископъ Бомонъ безпрестанно подвергается оскорбленіямъ. Проходитъ рѣдкій мѣсяцъ безъ новыхъ куплетовъ по его адресу. Та же участь постигаетъ и другихъ церковныхъ администраторовъ. Архіепископъ ліонскій издаетъ весьма умѣренное и гуманное пастырское посланіе о современномъ невѣрїи, но посланіе, все-таки, встрѣчаютъ необыкновенно дерзкою пѣсней на частную жизнь прелата. Даже духовный костюмъ сталъ казаться всюду подозрительнымъ или смѣшнымъ: по крайней мѣрѣ, бульварные театры пользуются имъ для потѣхи зрителей, и архіепископъ парижскій принужденъ вмѣшаться въ костюмерную часть этихъ сценъ. Подобныхъ фактовъ безчисленное множество. Достаточно привести впечатлѣніе современника: «Это отвращеніе къ христіанству (*cette lassitude du christianisme*),—авторъ разумѣетъ, конечно, римское католичество,—которое обнаруживается со всѣхъ сторонъ и въ особенности въ католическихъ государствахъ, это возмущеніе, глухо волнуемое умы и побуждающее ихъ нападать на религіозныя и политическія злоупотребленія—одно изъ характерныхъ явленій нашего вѣка,—все равно какъ реформація характеризовала XVI вѣкъ. Оно предвѣщаетъ грозную и неизбѣжную революцію». По поводу этого же противукатолическаго движенія слово революція произносится другимъ очевидцемъ, наблюдавшимъ средній и низшій слой общества *).

Революція настала для всего стараго порядка, но ненависть къ духовенству дѣйствительно сказалась едва ли не энергичнѣе, чѣмъ къ другому привилегированному сословію. По крайней мѣрѣ, бунтующая толпа хватается и подвергаетъ истязаніямъ вообще духовныхъ лицъ, независимо отъ ихъ ранга: аббатовъ топчаты, бьютъ кнутами, и здѣсь же осыпаютъ камнями кареты епископовъ и архіепископовъ. Эта злоба росла въ теченіе всего XVIII вѣка и съ особеннымъ усердіемъ поддерживалась театромъ.

Въ классическую эпоху весьма часто обсуждалась со сцены вопросы религіи и церкви, и, конечно, въ одномъ и томъ же направленіи: авторы трагедій прославляли мучениковъ. Вольтеръ пересчитываетъ этихъ авторовъ, называя ихъ—на своемъ обычномъ ироническомъ языкѣ—своими предшественниками. Вольтеръ дѣйствительно былъ непосредственнымъ наслѣдникомъ Ротру, Корнея, Расина, но считать ихъ предшественниками поэта-философа можно совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ іезуитовъ его учителями. Вольтеръ, по выраженію современника, открылъ «эпоху нечестія» на французской сценѣ. По его слѣдамъ пошли другіе и въ нѣсколько лѣтъ театры превратились въ настоящія позорища католической церкви, ея исторїи и ея служителей. «Во всѣхъ новыхъ пьесахъ,—пишетъ современникъ,—на центъ духовные играютъ роль мошенниковъ», и перепуганное духовенство начинаетъ запрещать пьесы за одно слово *prêtre*. Въ началѣ восьмидесятихъ годовъ это слово уже нельзя произносить со сцены. Дѣлается это, очевидно, больше всего въ виду публики, считающей оскорбительныя исторїи о духовенствѣ интереснѣйшимъ зрѣлищемъ.

*) Grimm, VIII, 13. D'Argenson, IX, 217, ср. Aubertin: „Esprit public au XVIII siècle“, p. 281—3.

Трагедія Вольтера *Эдипъ* одновременно ввела новую философію на сцену и открыла противуцерковное направленіе театра. На сценѣ были греки, мненческой періодъ Эллады, но это не помѣшало нѣсколькимъ стихамъ о древнихъ жрецахъ произвести на французскую публику вполне современное и въ высшей степени краснорѣчивое впечатлѣніе. Эти стихи и создали эпоху.

Дальше слѣдовали *Магометъ* и *Гебры*. Смыслъ первой трагедіи, посвященной послѣ Бенедикту XIV, объясненъ самимъ авторомъ: «это ничто иное, какъ Тартюфъ съ оружіемъ въ рукахъ». Вольтеръ въ уста мусульманскаго пророка вкладываетъ цѣлый кодексъ традиціоннаго религіознаго фанатизма и церковнаго лицемѣрія (особенно III, 6; IV, 2; V, 4). *Гебры* во многихъ отношеніяхъ замѣчательная пьеса. Она отстываетъ отъ обычнаго типа трагедіи, и это отступленіе—оригинальная черта произведеній, направленныхъ противъ католичества и духовенства. Цѣль пьесы, по объясненію автора, «вдохнуть уваженіе къ законамъ, всеобщее милосердіе, гуманность, снисходительность, терпимость». Во всѣхъ этихъ добродѣтеляхъ заинтересованы особенно люди слабые, беззащитные, и авторъ беретъ своихъ героевъ «въ будничной сферѣ». Онъ не боится вывести на сцену садовницу, молодую дѣвушку, работницу у своего отца-поселянина, и даже простого солдата. Эти личности, по мнѣнію Вольтера, ближе къ природѣ и своей простотой, и естественностью, скорѣе могутъ достигнуть цѣли, чѣмъ влюбленные принцы и страстные принцессы. Въ пьесѣ дѣйствуетъ императоръ, но не затѣмъ, чтобы поражать величіемъ и въ напыщенныхъ стихахъ расписывать свое могущество. Онъ появляется въ концѣ трагедіи, чтобы высказать идею терпимости.

Очевидно, передъ нами—драма, а не трагедія, и, притомъ, драма въ новомъ смыслѣ—чувствительная, мѣщанская. Гуманность чаще всего осуществляется не путемъ отвлеченныхъ разсужденій, а въ благородномъ порывѣ сердца: гуманный человекъ чувствителенъ; эти—двѣ добродѣтели XVIII вѣка совпадаютъ. Мы увидимъ ниже, что авторы безъ всякихъ предисловіій должны были защитѣ терпимости придать форму новой драмы. Вольтеръ—добросовѣстный почитатель художественныхъ традицій—счелъ нужнымъ предупредить публику, но высказалъ принципъ, плодотворный одинаково въ художественномъ и идейномъ смыслѣ.

Герои фанатизма на этотъ разъ жрецы римскаго божества Плутона, ихъ жертва—молодая дѣвушка огнепоклонница. Дѣйствіе происходитъ въ пограничномъ замкѣ, начальникъ гарнизона—трибунъ Ираданъ, при немъ братъ Сезень. Жрецы убѣдили императора, что всякія другая религія, кромѣ римской, вредна для государства, и онъ слушаетъ ихъ. Сезень возмущается такимъ смѣшеніемъ властей: «Честный подданный во всѣ времена различаетъ государство и вѣру, тронъ и алтарь не зависятъ другъ отъ друга, мое сердце принадлежитъ моимъ богамъ, моя рука—императору». Но жрецы хотятъ дѣйствовать съ одинаковою свободой именемъ боговъ и именемъ цезаря. Они откровенно отрицаютъ возможность служить небу и, въ те

же время, быть сострадательнымъ. Ихъ власть Ираданъ объясняетъ обманомъ, переходившимъ въ народѣ изъ рода въ родъ: «чѣмъ древнѣе злоупотребленіе, тѣмъ оно священнѣе», и «преслѣдователи, тираны мысли» приобрѣтаютъ громадную власть надъ толпой, пользуются ея почетомъ, хотя ложъ ясна: боги не могутъ имѣть палачей своими служителями. Трибунъ хочетъ спасти юную огнепоклонницу. Это—истинный герой чувствительной драмы. Онъ въ восторгѣ отъ добродѣтели бѣдной крестьянки и увѣренъ, что эта добродѣтель «облагороживаетъ ее». Величіе, блескъ двора исполнены низости, обмановъ: естественная простота поселянина можетъ утѣшить взоры самого цезаря. Гибель жреца-фанатика еще ярче отгѣняетъ благородство и сердечную красоту огнепоклонницы: жрецъ умираетъ съ проклятіями богамъ, не защитившимъ его. Цезарь окончательно осуждаетъ религиозный фанатизмъ: «Я думаю, какъ гражданинъ,—говоритъ онъ,—дѣйствую, какъ императоръ. Я ненавижу фанатика и гонителя». Въ этихъ словахъ, по указанію самого автора, заключается идея пьесы.

Вольтеръ, управляя философскою борьбой противъ фанатизма, возобновилъ также старое дѣло Мольера—написать комедію противъ религіознаго лицемеря. Сначала комедія называлась *Le dépôt ou Ninon*, потомъ вошла въ сочиненія Вольтера подъ именемъ *Le dépositaire*. Въ основѣ лежала дѣйствительная исторія, рассказанная Вольтеру знаменитою куртизанкой. Нинонъ отдала своему духовнику на храненіе деньги и тотъ не возвратилъ ихъ. Лицо это, между тѣмъ, слыло примѣрно-добродѣтельнымъ, исполняло обязанности «духовнаго руководителя душъ» у многихъ ханжей. Въ Парижѣ всѣ его знали. Вольтеръ, чтобы не смущать цензуру, превратилъ героя въ *maquiller*. О немъ говорятъ: «Это человекъ крайне могущественный, у него много денегъ. На его широкомъ лицѣ видны всѣ его достоинства. Онъ уменъ и часто наслѣдуетъ послѣ лицъ, съ которыми онъ не состоялъ ни въ какомъ родствѣ. Онъ всегда жилъ своими талантами. Онъ состоитъ духовнымъ руководителемъ больше чѣмъ у двадцати фамилій: онъ легко можетъ сдѣлать много добра дѣвушкамъ...»

Въ комедіи онъ играетъ отвратительную роль. Съ его языка не сходятъ нравственныя проповѣди, сожалѣнія о бѣдныхъ, негодованіе на пороки и даже на обыкновенное легкомысліе молодежи. Ему завѣщаны на храненіе деньги двухъ молодыхъ людей, и лишь только заходитъ рѣчь объ этихъ деньгахъ, лицемеръ исчезаетъ по дѣламъ бѣдныхъ. Онъ хочетъ жениться на Нинонъ, и соединить капиталъ молодыхъ людей съ ея приданнымъ и путемъ подкуповъ талантовъ опытной жены добиться хорошаго мѣстечка. Всѣ эти планы рушатся и Тартюфъ получаетъ должное возмездіе. Нинонъ предупреждаетъ одну изъ жертвъ лицемеря—избѣгать мошенниковъ, залѣпающихъ въ чужой карманъ съ именемъ Бога на языкѣ.

Несмотря на всѣ предосторожности Вольтера, комедія не была разрѣшена къ представленію въ *Comédie Française*. Это не мѣшало ей появляться на частныхъ сценахъ.

Противуцерковная дѣятельность Вольтера въ глазахъ современниковъ

имѣла исключительное значеніе. Смерть философа была отпразднована пьесой: *Voltaire triomphant on les prêtres dèçus*. Но величайшій триумфъ Вольтера выразился въ длинномъ рядѣ драматурговъ, неутомимо до самой революціи поддерживавшихъ войну съ католическимъ ученіемъ и духовенствомъ.

Не всегда можно было открыто нападать на могущественнаго врага, и Вольтеръ понялъ, изъ-за какой засады слѣдуетъ вести борьбу. На помощь призваны были всевозможныя религіи, римское и греческое язычество, огнепоклонничество, друидизмъ, браминство. Вопросъ былъ не въ религіи и въ народѣ, а въ жрецахъ. Свойства же жрецовъ предполагались вездѣ тождественными. Съ нравственной и политической точки зрѣнія не было никакой разницы между друидомъ, магомъ, римскимъ папой, браминномъ и іезуитомъ. Преданія классической трагедіи въ этомъ отношеніи принесли свою пользу. Французская публика давно привыкла не придавать никакого мѣстнаго и историческаго смысла трагическимъ героямъ съ именами разныхъ странъ и эпохъ. Она искала здѣсь вообще типовъ, олицетвореній тѣхъ или другихъ нравственныхъ свойствъ. Такой вкусъ, несостоятельный съ художественной и психологической точки зрѣнія, въ высшей степени удобенъ для идейной пропаганды. Вольтеръ въ предисловіи къ трагедіи *Guèbres* говоритъ, будто онъ не сдѣлалъ ее христіанскою пьесой только изъ почтенія къ христіанству, и, въ то же время, по его мнѣнію, напрасно въ *Гebraхъ* отыскиваютъ намеки на іезуитовъ и инквизицію. Очевидно, заявленія противорѣчатъ одно другому и возмущеніе Вольтера противъ толкователей трагедіи настолько же серьезно, насколько и его уваженіе къ католичеству. Слова Вольтера показываютъ, съ какою свободой можно было пользоваться религіозными темами и какъ легко достигались цѣли авторовъ въ современной публикѣ. Для самого Вольтера ничего не могло быть желательнѣе именно такихъ впечатлѣній публики, какія будто бы его возмущали. Его ученики шли тѣмъ же путемъ въ твердомъ убѣжденіи, что зрители и читатели сзумѣютъ въ должномъ смыслѣ понять ихъ маговъ и друидовъ.

Подъ покровомъ иноземныхъ культовъ на сценѣ подвергаются критикѣ важнѣйшія преданія и историческія событія римской церкви,—притязанія папы на политическую власть, вліяніе духовенства на государей и подданныхъ, кровавыя подвиги инквизиціи, жартвы іезуитскаго ордена, злоупотребленія монаховъ и зло монастырей. И замѣчательно наибольшій успѣхъ имѣли на сценѣ трагедіи, нападавшія на церковь окольными путями: какъ будто публика испытывала двойное удовольствіе—разгадать намѣренія и намеки автора и выразить ему полное сочувствіе. Мы остановимся на пьесахъ, имѣвшихъ шумный и продолжительный успѣхъ со дня появленія до самой революціи.

Трагедія Леблана *Мансо-Сарас* была посвящена вопросу о происхожденіи государства и политической власти. Но, въ силу исторіи и ученія католической церкви, государственный вопросъ естественно связывался съ

церковнымъ. Въ трагедіи Леблана великій жрецъ солнца—Тамзи, по своему политическому вліянію и честолюбивымъ стремленіямъ необыкновенно близко напоминающій римскаго первосвященника.

Тамзи возбуждаетъ Манко къ жестокости и деспотизму: «прощаетъ слабость, а не могущество», говоритъ жрецъ. Подданные должны трепетать, являться игрушкой въ глазахъ надменнаго владыки. Тамзи требуетъ казни. Его власть основывается на ослѣпленіи толпы. Одинъ изъ приближенныхъ Манко говоритъ Тамзи: «Чтобы легче подчинить слабаго игу вашихъ законовъ, вы небо сдѣлали представителемъ своего права. Вы отношенія между человѣкомъ и небомъ превратили въ священный культъ, невѣдомый нашимъ предкамъ, разукрасили его помпой, блескомъ празднествъ и таинствъ и повсюду возбудили благоговѣніе толпы, захотѣли царствовать надъ трономъ и алтаремъ, ни съ кѣмъ не дѣлять верховной власти, держать въ своихъ рукахъ скипетръ и кадильницу». Манко изумляется, какъ безстыдный обольститель толпы для собственнаго возвышенія злоупотребляетъ именемъ неба. Въ концѣ трагедіи Тамзи провозглашаетъ себя королемъ, поднимаетъ бунтъ противъ Манко, покушается убить его храбрѣйшаго вождя, но самъ гибнетъ отъ руки дикаря, побѣжденнаго Манко, но несравненно болѣе честнаго, чѣмъ жрецъ. Указывая на умирающаго Тамзи, дикарь произноситъ стихъ, вызывавшій у публики бурю восторговъ: «Voilà l'homme civil, respois le sauvage». Послѣ нѣсколькихъ представленій пьесу запрещено было печатать и давать на сценѣ. Ее возобновили спустя почти двадцать лѣтъ и тогда же напечатали.

Но успѣхъ этой пьесы блѣднѣетъ предъ шумомъ, поднятымъ другою трагедіей Леблана—*Druïdes*. Первое представленіе пьесы было неудачно, но въ дѣло вмѣшались энциклопедисты Тома и Кондорсе, въ теченіе одной ночи сократили и исправили трагедію, и успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Партеръ на этотъ разъ сошелся въ своихъ восторгахъ съ герцогомъ Орлеанскимъ и велъ себя такъ, что очевидецъ второе представленіе трагедіи называетъ «истиннымъ скандаломъ въ виноградникѣ Господнемъ». «Съ такимъ настроеніемъ всей публики,—прибавляетъ онъ,—невозможно, чтобы власть духовенства уцѣлѣла». Въ Парижѣ немедленно возникло множество догадокъ: друидовъ называли именами современныхъ архіепископовъ и фактичнѣйшій изъ жрецовъ отождествлялся съ архіепископомъ парижскимъ. Было дано подрядъ двѣнадцать представленій съ полными сборами и партеръ требовалъ еще новыхъ спектаклей. Пьесу дали въ Версальѣ, при дворѣ, что привело Парижъ въ неслыханный восторгъ. Парижскій архіепископъ, наконецъ, рѣшилъ прекратить смущеніе правовѣрныхъ и настоялъ на запрещеніи *Druïdes*. Приказъ былъ полученъ передъ самымъ представленіемъ, но спектакль отмѣнить не позволили: актеры сыграли комедію *Nanine*, не менѣе ненавистную для охранителей стараго порядка, чѣмъ *Друиды*. Одновременно появилась трагедія Вольтера *Lois de Minos* на тему далеко не консервативнаго характера. Такимъ образомъ, цензурѣ и духовенству почти не представлялось выхода. Едва спасали архіепископовъ,

опасности подвергались графы и маркизы; удавалось удалить со сцены жреца-философа, на ней грозилъ появиться царь-философъ. Зданіе, очевидно, горѣло со всѣхъ сторонъ.

Въ трагедіи Леблана происходитъ борьба между самими жрецами, великимъ друидомъ Галліи и главой друидовъ племени Кернутовъ. Вождь этого племени обѣщаль за спасеніе Галліи посвятить богамъ свою дочь, т.-е. принести ее въ жертву. Глава друидовъ господствуетъ надъ волей вождя и надъ всѣмъ племенемъ. Великій друидъ возмущается честолюбіемъ, притязаніями духовенства и суевѣріемъ толпы. Вождь готовъ сложить корону къ его ногамъ, онъ отвергаетъ всѣ почести. «Да погибнетъ первосвященникъ, опьяненный своимъ величіемъ, питающій безтыдно-тщеславные замыслы... Вы, жрецы, будьте покорны вашимъ королямъ, строго различайте права земли и неба и бойтесь заблужденій слѣпота усердія». Указывая на легковѣріе и слѣпоту толпы, великій друидъ считаетъ долгомъ жрецовъ просвѣщать народъ, а не питать въ немъ вѣру, будто небо возвѣщаетъ свою волю устами священниковъ и открываетъ имъ тайны, недоступныя простымъ смертнымъ. Жрецы должны заслужить уваженіе простыхъ людей, а не красть его путемъ обмана и умственной тьмы. Великій друидъ просвѣщаетъ и вождя на счетъ его обязанности: «Короли не должны покровительствовать заблужденіямъ... Голосъ неба сказывается въ сердцѣ человѣка. Онъ требуетъ милосердія и справедливости... Разумъ въ свою очередь убѣждаетъ: чѣмъ могущественнѣе Богъ, тѣмъ онъ милостивѣе. Онъ самъ далъ намъ свѣтъ, чтобъ отличать правду отъ обмана: будемъ прислушиваться къ голосу природы и мы постигнемъ истинную волю божества».

Этотъ стихъ: *Ah! ce n'est point aux rois protéger l'erreur* — превратился въ пословицу. Такія же рѣчи произносить и жертва друидовъ, юная дочь вождя. Великій жрецъ возмущается обычаемъ жрецовъ — принимать вынужденные обѣты отъ суевѣрныхъ поклонниковъ, онъ не допускаетъ мысли, чтобъ небо требовало человѣческихъ слезъ и какихъ бы то ни было жертвъ. Принцесса, поддерживаемая друидомъ, обращаетъ къ жрецамъ пламенные упреки: называетъ ихъ вѣчными виновниками раздора и ненависти, дикими обманщиками, разрушителями гуманности и величайшими оскорбителями имени Бога. Даже вождь, покорный исполнитель воли духовенства, подъ конецъ драмы возмущенъ представленіемъ друидовъ о Божествѣ: «Какъ этотъ Богъ, чьи перуны устрашаютъ преступниковъ, на всѣхъ людей смотреть, какъ на свои жертвы? Вы его изображаете ревнивымъ деспотомъ, вѣчно опьяненнымъ яростью и пламеннымъ гнѣвомъ. Его нужно укрощать кровью и слезами. Что же мы посаж этого? Со всѣхъ сторонъ окружены бѣдствіями, мы — жалкія игрушки силы, поражающей насъ по своему усмотрѣнію, и мы можемъ только со страхомъ взирать на небо?»

Великій друидъ одерживаетъ верхъ, его противникъ подвергается смертельной опасности, но философская гуманность безпредѣльна: сѣтуя на его заблужденія, — говоритъ друидъ-философъ, — щадите его кровь; онъ — человѣкъ, этого достаточно. Не подавайте примѣра злодѣяніямъ, которыми

онъ загрязнилъ храмъ. Онъ довольно наказанъ, если его совѣсть проснулась. Пусть онъ живетъ для раскаянія... Различайте же впередъ, — заканчиваетъ друидъ, — голосъ неба отъ голоса фанатизма — органа злодѣйства». Среди галловъ воцаряется религія сердца, связывающая людей чувствами любви и терпимости, а не внушающая имъ ужасъ.

Такова проповѣдь, раздававшаяся, — шипеть современникъ, — въ теченіе пѣлаго великаго поста противъ церкви и духовенства. На этотъ разъ авторъ простеръ свободу своихъ убѣжденій гораздо дальше, чѣмъ въ первой трагедіи. Указать на сердце и разумъ, какъ на единственные источники религіи, — значитъ подорвать авторитетъ вообще церковныхъ установленій. Объявить, устами великаго друида, священниковъ такими же людьми, какъ и всѣ остальные, — значитъ отвергнуть католическую іерархію и католическія таинства. Не признать за священниками исключительнаго права сообщать вѣрующимъ божественную волю — значитъ отвергнуть преданія Рима и священнической санъ понимать съ точки зрѣнія крайнихъ протестантскихъ сектъ. При такихъ взглядахъ, высказанныхъ публично, съ театральной сцены, опасность грозила римской церкви и ея религіозному культу. Католическая церковь, какъ нѣчто отличное отъ свѣтскаго общества, теряла право на существованіе и не могла искать защиты у политической власти. Сердце и разумъ — единственные догматы, признанные великимъ друидомъ. Послѣ этого понятно безпокойство даже свободномыслящихъ современниковъ при видѣ всей столицы, привѣтствовавшей эти догматы и настоятельно желавшей, чтобы духовенство познакомилось съ ними непременно въ театрѣ.

Тлетворное вліяніе католическаго духовенства на государей — общепризнанная истина у драматурговъ XVIII вѣка. Во всѣхъ пьесахъ, упомянутыхъ до сихъ поръ, жрецы являются первыми руководителями деспотизма, проповѣдниками народнаго рабства, достигаемаго какою бы то ни было цѣной. Это повторяется безпрестанно. Цѣлый рядъ трагедій возникъ исключительно для доказательства этой истины. Въ трагедіи *Olinde et Sophronie* магъ Исмень обращается съ такою рѣчью къ султану: «Ты царствуешь по волѣ Предвѣчнаго. Это Богъ возвелъ тебя на тронъ, Онъ возложилъ корону на твою голову, вложилъ скипетръ въ твои руки. вмѣстѣ съ властью онъ даровалъ тебѣ знаніе и духъ мудрости. Отгони же отъ себя пустыя тревоги...» Исмень требуетъ истребленія всѣхъ христіанъ: это кажется ему законнымъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи. «Народъ, — говоритъ онъ, — созданъ затѣмъ, чтобы чувствовать страхъ, жить въ рабствѣ и преклоняться предъ господиномъ». Въ такихъ принципахъ наставляетъ Исмень султана съ цѣлю самому пользоваться властью. Его бесѣды съ султаномъ напоминаютъ шиллеровскую сцену Филиппа II съ великимъ инквизиторомъ, и признанія самого Исмена живо рисуютъ политическіе взгляды римской церкви.

Эти же мотивы перенесены и въ античную исторію. Въ трагедіи *Idoménée* происходитъ такая же борьба между чувствомъ и жреческимъ фанатизмомъ, какая въ *Друидахъ*. Царь обязанъ пожертвовать сыномъ,

жалуется, что онъ не въ силахъ примирить въ своемъ сердцѣ голосъ природы и волю боговъ, а мать обращаетъ къ жрецу вопросъ, неразрѣшимый для разума и чувства: «Какой же богъ можетъ управлять убійствами и поведѣвать несправедливость?»

Въ трагедіи *Hypermetre* жрецы являются усерднѣйшими помощниками узурпатора и деспота. Данай замышляетъ погубить семью своего царственного брата, онъ намѣренъ обмануть народъ съ помощью жреца: «Плутъ служить моимъ желаніямъ. Онъ продалъ мнѣ свой голосъ, свою честь и своихъ боговъ». Жрецъ пользуется вѣрой народа въ чудеса, въ предсказанія, распространяетъ ужасъ, оправдываетъ свои дѣйствія ссылкой на оракула, на знаменія. Гиперметра — свободный мыслитель, она подвергается жестокой критикѣ всѣхъ суевѣрій. Налаженіе на чудеса внушено истинно-вольтеровскимъ духомъ: «Случай въ моихъ глазахъ не можетъ быть чудомъ. Я не могу оказывать такую честь нашему ревнивому самолюбію, чтобъ осмѣлиться вѣрить, будто міровой порядокъ нарушается ради насъ, не дерзаю наносить и богамъ обиду, воображая, что они связываютъ скрытое отъ насъ будущее съ какими-то предзнаменованіями».

Авторъ *Идомея* и *Гиперметры*, Лемьерръ, былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ послѣдователей Вольтера. Его третья драма противъ церкви — *La veuve de Malabar* — одна изъ популярнѣйшихъ пьесъ всего репертуара XVIII вѣка. Современникъ, мало расположенный признавать талантъ Лемьерра, называетъ трагедію «прекраснѣйшею проповѣдью, какая только въ теченіе года была произнесена противъ епископской власти, противъ католическихъ предразсудковъ». Публика вполне раздѣляла это мнѣніе. Дора, авторъ противофилософской сатиры *Les prôneurs*, до такой степени былъ восхищенъ этимъ безусловно-философскимъ произведеніемъ, что въ день перваго представленія, смертельно-больной, говорилъ окружающимъ: «Возможно скорѣе извѣстите меня объ успѣхѣ *Малабарской вдовы*: это поможетъ мнѣ спокойно провести ночь». Спустя десять лѣтъ, въ 1780 году, Лемьерръ передѣлалъ свою пьесу и она снова имѣла блестящій успѣхъ, выдержала двадцать спектаклей, чего современники не помнили въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ.

Интересъ трагедіи заключается, конечно, не въ сюжетѣ: вопросъ идетъ объ извѣстномъ индусскомъ обычаѣ — сожженіи жевъ по смерти мужей. Важны идеи великаго брамина и его юнаго товарища относительно преданій и духовенства. Великій браминъ объясняетъ чувствительному юношѣ, что людьми правятъ обычаи, привычки и преданія. Только крѣпостью традицій и держится власть браминовъ и ихъ учениковъ: «Уничтожьте одинъ обычай, упадетъ другой, — говоритъ браминъ, — и наши священнѣйшія драгоценнѣйшія права, наши почести руются, храмы опустѣютъ. Передъ этими законами смерти и ужаса пораженные народы всегда склонялись во прахъ».

Старикъ борется противъ всего новаго и свободного. Его опора — не вѣжество и слѣпая покорность толпы. Онъ не перестаетъ повторять, чт

онъ «органъ небесъ». Юноша отъ природы мягкосердеченъ, чувствителенъ. Онъ не можетъ помириться съ религіознымъ ученіемъ, требующимъ жестокости и рабскаго повиновенія. Его поддерживаетъ начальникъ французскаго войска. Сцена генерала съ браминномъ вызвала шумныя одобренія публики. Генераль обращается къ брамину во имя гуманности: «Я говорю, какъ человекъ». Браминъ отвѣчаетъ: «А я, какъ органъ небесъ, какъ жрецъ, какъ смертный, вдохновленный богами». Французъ возмущенъ до глубины души: «Ты—жрецъ! ты — браминъ! Но ты даже не человекъ! Броткая гуманность—скорѣе инстинктъ, чѣмъ добродѣтель, это первоначальное чувство, никогда не замолкавшее, родившееся съ нами, душа нашего существа, она дѣлаетъ человека человекомъ, и ты можешь отвергать ее! Какимъ же дыханіемъ былъ ты призванъ къ жизни въ минуту рожденія? Какое чудовище, какая скала создала тебя въ своихъ нѣдрахъ? Ты, несчастный, никогда не проливалъ слезы! Ты никогда не испытывалъ прелести нѣжнаго чувства! Миѣ надо было придти къ этимъ мятежнымъ берегамъ, чтобы научить тебя, что существуютъ сострадательныя сердца». Браминъ оправдываетъ индусскій обычай тѣмъ, что жены отравляютъ мужей. Генераль, какъ истинный ученикъ просвѣтительной философіи, отвѣчаетъ: «Преступленіе на землѣ—всегда явленіе исключительное. Оно мимолетно, какъ всѣ бѣдствія... Если ты лишенъ чувствительности, не будь безчеловѣчнымъ, это не такъ трудно. Оставь свой обычай,—вопросъ въ томъ, чтобы быть человекомъ».

Успѣхъ трагедіи, помимо идей, несомнѣнно объясняется ея общимъ характеромъ. Это—чувствительная драма съ безпрестанными напоминаніями о сердцѣ, о чувствѣ, о состраданіи. Противникъ брамина борется съ его консерватизмомъ не доводами разума, а чувствительными изліяніями. Онъ глубоко убѣжденъ, что человекъ по природѣ добръ, и буквально повторяетъ идею Руссо: у человека врожденное отвращеніе къ страданіямъ ближнихъ, милосердіе—единственная и всеобщая добродѣтель. *Etre sensible* — любимое нравственное понятіе женеваго философа—выставляется идеаломъ человечества. Французская публика семидесятыхъ годовъ была достаточно знакома съ произведеніями Руссо, чтобы оцѣнить монологи юнаго брамина и французскаго генерала, а слезы, прославляемыя въ пьесѣ, для XVIII в. были рѣшающимъ моментомъ успѣха драматическаго произведенія. Эти слезы создали популярность драмъ Савиньи *La mort de Socrate*.

Смерть Сократа въ XVIII вѣкѣ вообще считалась очень благодарною темой для чувствительной философской драмы. Дидро умеръ бы съ радостью, если бы написалъ такую драму. Вольтеръ ради той же цѣли написалъ, противъ своего убѣжденія, пьесу въ прозѣ и согласился, что «сліяніе патетическаго съ будничнымъ имѣетъ свои достоинства». Савиньи выполнилъ свою задачу въ современномъ духѣ. Сократъ — простой, добрый, исполненный гуманныхъ чувствъ другъ народа. Его философія сильно отличается мечтаніями Руссо. «Я не занимаюсь,—говоритъ онъ,—безполезными искусствами, этими вѣтренными данниками городской роскоши. Чтобы

освободиться изъ тенетъ заблужденія, я хотѣлъ изучить самого себя и углубиться въ свое сердце». Это—основной источникъ его жизни и философіи. Онъ—человѣкъ, противъ него—жрецъ. Одинъ изъ друзей, перечисляя его доблести, говоритъ: «Онъ, можетъ быть, на свое несчастье, отличалъ законъ отъ злоупотребленія, человѣка отъ жреца». На сторонѣ враговъ Сократа ярость, жестокосердіе, ученики философа признають единственное средство искоренять заблужденія — кротость. Обвинитель Сократа говоритъ: «Онъ образовывалъ умы, воспитывалъ сердца». Передъ нами, слѣдовательно, опять борьба чувствительности, гуманности съ честолюбіемъ и фанатизмомъ. Сократъ и его ученики религію фанатиковъ изображаютъ какъ «политическое орудіе», средство, наводящее ужасъ на темный народъ. Ихъ боги—несправедливые, ревнивые тираны. «Неужели каждый обманщикъ,—воскликаетъ Критонъ,—подъ твоимъ именемъ, всемогущій Богъ, будетъ имѣть страшное право губить невиннаго?... Если когда-нибудь несчастный оскорбитъ Тебя, если онъ заглушитъ въ Твоей груди голосъ милосердія, неужели Твоего грома, гремящаго надъ смертными, не достаточно будетъ отомстить за твой алтарь?»

Трагедія Савиньи явилась во время гоненій на Эмилля и нападокъ Палиссо на философовъ. Цензура въ лицѣ Сократа усмотрѣла сначала намеки на Руссо, потомъ авторъ *Философовъ* присвоилъ себѣ роль Аристофана и въ результатѣ трагедія была запрещена, но въ чтеніи продолжала вызывать обильныя слезы у современниковъ.

Средневѣковая и новая исторія Европы представляли слишкомъ много примѣровъ политической дѣятельности духовенства, чтобы драма не воспользовалась нѣкоторыми изъ нихъ. Въ 1767 году въ Женевѣ была напечатана трагедія Гюдона де-Брюнелля *Lotharie et Valrade ou le royaume mis en interdit*. Въ Римѣ ее сожгли по распоряженію инквизиціи. Черезъ десять лѣтъ вышло второе изданіе въ Женевѣ, но было похищено и автору осталось неизвѣстно, какъ оно разошлось. Въ третій разъ трагедія была напечатана въ Парижѣ въ 1801 году. Второе изданіе посвящено Вольтеру съ эпиграфомъ: «C'est la cause des rois, que j'ai voulu defendre». Трагедія направлена противъ свѣтской власти папства. Король Лотарь оставилъ жену Эмпрену и женился на Валрадѣ. Папа прислалъ легата расторгнуть этотъ бракъ и казнить Валраду. Лотарь рассказываетъ легату, сколько бѣдствій причиняетъ государствамъ вмѣшательство папы въ ихъ дѣла: «Путь пословъ римскаго первосвященника свидѣлствуютъ поля, покрытыя мертвецами, развѣянный по вѣтру пепелъ, кровавыя развалины городовъ...» Легатъ отвѣчаетъ: «Въ крови отлученныхъ омываются судьи». — «На васъ, слѣдовательно, не простирается власть гуманности?» — «Нѣтъ, я слушаю толь Бога, я повинуюсь только Его голосу». Лотарь отказывается исполнить волю легата, тогда онъ прибѣгаетъ къ интердикту: «Не пощадимъ ничего, покажемъ всѣмъ королямъ, насколько тщетны ихъ стремленія избѣжать нашихъ законовъ», — и легатъ возбуждаетъ подданныхъ Лотаря къ возстанію: ссылается на безчисленные примѣры, обѣщаетъ отпущеніе всѣхъ злодѣя-

ній, даже убійствъ, тому, кто убьетъ отлученнаго короля. Въ послѣднемъ актѣ въ сильныхъ краскахъ изображена стихійная покорность толпы представителю церкви. Лотарь — популярный государь, его любятъ всѣ подданные; легатъ внушаетъ отвращеніе, но повинуются ему, а не королю. Одна изъ придворныхъ дамъ рассказываетъ Валрадѣ о вліяніи легата на толпу: «Этого священника проклинаютъ, но идутъ за нимъ. Высшая непреодолимая власть сообщаетъ всѣмъ его рѣчамъ непобѣдимую силу. Онъ говоритъ и всѣхъ охватываетъ дрожь. Каждый, исполненный ужаса, повинуется его приказанію и служитъ ему противъ своей воли. И даже я, вся подъ вліяніемъ окружающаго ужаса, я не въ силахъ повѣрить, чтобы Богъ повѣлывалъ намъ измѣнять клятвамъ, ниспровергать законы, изгонять, низлагать, проклинать нашихъ королей, — и я не дерзаю, однако, остаться вамъ вѣрной. Я боюсь оскорбить *его*, питаю къ вамъ любовь. Я вижу, что онъ готовъ наказать, и я прихожу, охваченная дрожью, и, предлагаю совершить по его приказу возмутительное преступленіе. И короли, когда на нихъ падаетъ его ярость, вмѣстѣ съ нами обрекаются на адскія муки. Спасите же вашу пораженную проклятѣмъ жизнь, ваши слишкомъ преступные дни отъ неотразимаго возмездія, отъ вѣчнаго огня».

Дѣятельность легата влечетъ цѣлый рядъ страшныхъ катастрофъ. Онъ самъ дрожитъ при видѣ своихъ преступленій, онъ сознаетъ ихъ, но здѣсь же обращается къ толпѣ съ такими словами: «Вы, народы, свидѣтели преступления и кары, преклонитесь предъ Вѣчнымъ и страшитесь Его правосудія».

Сожженіе перваго изданія трагедіи, очевидно, было исполнено не совсемъ удачно. Спустя двѣ недѣли послѣ сожженія мы встрѣчаемъ такое извѣстіе: «Священники смотрятъ на это произведеніе какъ на одно изъ самыхъ скандальныхъ, какія только появлялись съ давнихъ поръ». Это значитъ, прибавляетъ современникъ, «оно дѣлаетъ особенную честь человѣческому разуму». Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ этого замѣчанія здѣсь же выражаетъ глубокое сожалѣніе о побѣдѣ новой философіи надъ религіей, ея нравственнымъ ученіемъ, догматами, культомъ, служителями. Очевидно, католическихъ священниковъ XVIII вѣка естественно было отдѣлять не только отъ религіи и нравственности, но даже отъ настоящихъ служителей церкви.

Въ новой исторіи образцомъ фанатизма и всѣхъ его губительныхъ послѣдствій является Филиппъ II. Драма Шиллера приобрѣла всемірную извѣстность, но во французской литературѣ раньше этой драмы появилась пьеса Мерсье *Portrait de Philippe II, roi d'Espagne*. И это была не первая трагедія о Филиппѣ II. Президентъ Эно, поклонникъ и подражатель Шекспира, раньше Мерсье воспользовался этою фигурой. Мерсье говоритъ, что онъ самъ пришелъ въ ужасъ, создавъ своего героя. Филиппъ — принципиальный деспотъ и основываетъ свои принципы на первородномъ грѣхѣ человечества. «Слѣдуетъ, — говоритъ онъ, — безпрестанно свирѣпствовать (*sevir*), чтобы помѣшать человѣческому роду поддаться влеченію къ есте-

ственной развращенности». Его религиозныя убѣжденія не менѣе рѣшительны: «Спасеніе зависитъ отъ слѣпой вѣры». Но религія въ его глазахъ имѣетъ назначеніе преимущественно политическаго орудія. «Лучшее средство,—говоритъ онъ,—довести до полнаго отупѣнія умъ юноши—погрузить его въ крайнюю набожность. Ничто лучше не обезпечиваетъ покорности подданнаго, чѣмъ слѣпая преданность католическимъ догматамъ. Брутъ, связанный исповѣдью, никогда бы не поразилъ Цезаря. Съ религіей и ея священниками я хочу создать болѣе неограниченную и болѣе могущественную имперію, чѣмъ мой отецъ съ своими многочисленными арміями».

Съ этою цѣлью его миссіонеры распространяютъ католическое ученіе съ такими жестокостями, что даже находится монахъ, отказывающійся отправиться въ Америку миссіонеромъ. По инициативѣ Филиппа, во Франціи открывается гоненіе на гугенотовъ, Барль IX вступаетъ съ нимъ въ заговоръ противъ своихъ подданныхъ.

Всѣ эти нападки, направленные противъ католическаго духовенства, были собраны въ цѣльную и крайне смѣлую картину другомъ Дидро, Фенульо де-Фальбэромъ въ трагедіи *Les Jambabos ou les moines japonais*. По словамъ Дидро, этотъ поэтъ всѣ свои цѣли сосредоточилъ на изображеніи духовенства. Пьеса *Les Jambabos* бичуетъ иезуитовъ: такъ заявляетъ самъ авторъ въ предисловіи. Трагедія, кромѣ того, изобилуетъ несомнѣнными указаніями на предметъ драмы, и тотъ же самый предметъ подробно излагается въ примѣчаніяхъ. Политика католической церкви выражена въ слѣдующихъ словахъ принца Тампы, обращенныхъ къ его старшему брату, приверженцу Жаммабо: «Священники тебѣ будутъ говорить, что власть на землѣ, установленная небожъ, не можетъ быть ограничена. Они, сдѣлавшись высшими представителями правительства, превратятъ тебя въ деспота, чтобы самимъ быть деспотами. Но если современемъ вздумаешь сбросить иго,—будь увѣренъ,—они внезапно заговорятъ другимъ языкомъ и измѣнятъ взгляды: станутъ оправдывать преступленія противъ верховной власти, взвѣшивать на алтаряхъ твои титулы и твои права, разсуждать, когда можно убивать королей, начнутъ проповѣдывать твоимъ подданнымъ свободу и возбуждать среди нихъ духъ мятежа. Такими всегда были эти опасные люди, такими они останутся до конца вѣковъ».

Авторъ заставляетъ самого главу Жаммабо открыть принципы ордена: «Пусть каждый изъ насъ пользуется оружіемъ, какое ему больше подходитъ. Будемъ проповѣдывать при всякомъ случаѣ сообразно съ нашими интересами: деспотизмъ государямъ, бунтъ — подданнымъ, однихъ будемъ превращать въ тирановъ, другихъ въ царевѣйцъ и будемъ одновременно ихъ оракулами и ихъ вождами». Въ особенности слѣдуетъ овладѣвать людьми предъ ихъ кончиной: «когда человекъ ослабѣваетъ, мы становимся его господами».

Первый министръ императора такъ выражается о священникахъ: «Творецъ, создавая всѣ существа изъ глины, обмакнулъ ее въ желчь, создавая священниковъ». Глава Жаммабо, будто подтверждая эту мысль, дѣла-

еть чудовищное признаніе своему наперснику: «слушай, другъ, мы теперь безъ свидѣтелей: если есть боги,—повѣрь мнѣ, я въ нихъ не нуждаюсь. Я не хочу и не жду поддержки неба: оно даетъ мнѣ свое имя, а моя рука дѣлаетъ остальное».

Но, по мнѣнію императора, т.-е. самого автора, теперь эти люди не страшны: «времена перемѣнились». Жаммабо все еще честолюбивы, искусно прикрываютъ свою слабость маской силы,—но писатели уже давно подкопали основы надменнаго Палиссо. «Писатели безраздѣльно управляютъ общественнымъ мнѣніемъ, величайшей пружиной въ государственномъ порядкѣ». Если Жаммабо будутъ уничтожены,—это будетъ подвигомъ литературы.

Орденъ иезуитовъ уже официально не существовалъ во Франціи, когда Фенульо издалъ трагедію. Шуазелю писатели неоднократно посвящали свои произведенія, Фенульо свою пьесу посвятилъ памяти Генриха IV, можетъ быть потому, что зналъ участіе министра въ дѣятельности Палиссо противъ философовъ или потому, что хотѣлъ придать своей трагедіи болѣе широкой смыслъ, чѣмъ обличеніе иезуитовъ: въ посвященіи онъ защищаетъ гугенотовъ, ихъ гражданскія добродѣтели и восхваляетъ протестантское вѣроисповѣданіе. По его словамъ, разумъ успѣлъ уничтожить фанатизмъ, но раны, нанесенныя лучшимъ гражданамъ Франціи, еще не закрылись. Очевидно, авторъ не совсѣмъ вѣритъ и въ побѣду разума надъ фанатизмомъ, именемъ Генриха IV Франція умоляетъ потомковъ великаго короля не преслѣдовать религіи, давшей Генриха IV и двухъ Сюлли.

Эти слова написаны ровно за десять лѣтъ до революціи. Во время революціи на сценѣ появились событія и характеры изъ исторіи гугенотовъ. Но это были старыя пьесы, нѣкоторыя написаны больше чѣмъ за двадцать лѣтъ до появленія на сценѣ. При старомъ порядкѣ, несмотря на побѣды разума, о страданіяхъ и мужествѣ гугенотовъ можно было только читать въ книгахъ,—духовенство, считавшее изгнаніе гугенотовъ однимъ изъ величайшихъ подвиговъ католической церкви, не могло допустить обсужденія этой темы со сцены. Маріи Антуанеттѣ удалось выхлопотать постановку въ версальскомъ придворномъ театрѣ первой драмы о гугенотахъ,—этѣмъ все и ограничилось. Провинція, какъ намъ извѣстно, была несравненно либеральнѣе, но въ Парижѣ первое представленіе протестантской драмы состоялось только 4 января 1790 года.

Драма Фенульо *L'honnête criminel* основана на дѣйствительномъ фактѣ, какъ его рассказалъ Мармонтель: одинъ лондонскій прелатъ замѣнилъ своего отца, отправленнаго на галеры за религіозныя убѣжденія. Авторъ сдѣлалъ изъ этого эпизода чувствительную мѣщанскую драму. Въ современномъ театральномъ журналѣ писали: «Вотъ одно изъ произведеній, рассчитанныхъ на сердце и душу, драма чувства, которую съ полнымъ основаніемъ можно рекомендовать молодымъ и зрѣлымъ читателямъ всякаго сословія и состоянія».

Въ драмѣ вопросъ о религіи и терпимости остается на второмъ планѣ. Современникъ даже недоволенъ авторомъ: главный герой ведетъ себя слыш-

комъ скромно, не говорить о вѣрѣ, за которую страдаетъ, не обнаруживаетъ восторга среди страданій. Этотъ упрекъ — для автора похвала. Его драма не страдаетъ излишнею риторикой, не переполнена отвлеченнымъ резонерствомъ и дѣйствуетъ на зрителей мотивами чувства. Гугеноты защищаютъ себя и оправдываютъ свою религію не доводами разсудка, не словами, а личною жизнью, исполненной самоотверженія и гуманности. Тамъ, гдѣ сынъ идетъ на каторгу вмѣсто отца за общія убѣжденія, гдѣ незаслуженныя страданія не только не ожесточаютъ страдальца, но въ теченіе долгихъ лѣтъ уживаются рядомъ съ чувствительнымъ сердцемъ, чистой отзывчивой душой, отъ такихъ людей, очевидно, естественно все ожидать гражданскихъ доблестей и образцовой службы отечеству. Именно такимъ выводомъ и оканчивается драма. Старый протестантъ говоритъ католикамъ: «Если мы въ чемъ-нибудь и заблуждаемся и не сходимся съ вами, святыя чувства преданности отечеству и нашему государю соединяютъ насъ съ остальными гражданами».

Кровавыя сцены изъ эпохи протестантскихъ гоненій напомнила другая драма, изданная съ именемъ Вольтера, но на самомъ дѣлѣ принадлежавшая Мерсье—*Jean Hennuyer, évêque de Lisieux*. Первое изданіе драмы вышло въ 1772 году, въ эпоху всеобщаго интереса политическими вопросами и крайняго развитія оппозиціоннаго духа. Воспоминанія о Генрихѣ IV преслѣдовались повсюду—въ литературѣ и на сценѣ. Крайне ярко отразились эти преслѣдованія на политическомъ самосознаніи Французской публики. Драма Мерсье появилась въ годовщину Варооломеевской ночи и естественно имя Генриха IV должно было занимать въ ней центральное мѣсто. При извѣстномъ настроеніи общества въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV, воспоминанія о популярномъ королѣ легко переходили въ укоризны по адресу современнаго правительства,—и большая часть драмы посвящена политическому вопросу. Дворъ подвергается жестокому униженію и епископъ подробно рѣшаетъ вопросъ о пассивномъ повиновеніи верховной власти. Варооломеевской ночи посвященъ въ высшей степени эффектный разсказъ гугенота, избѣжавшаго смерти при всеобщемъ истребленіи протестантовъ. Дѣти католическаго епископа, исполненнаго гуманныхъ чувствъ, проникнуты сердечностью. Все это на современниковъ производило чарующее впечатлѣніе: автору были благодарны за восторги передъ личностью Генриха IV и за чувствительныя сцены мира и терпимости между гугенотами и католическимъ престоломъ. «Я не сомнѣваюсь,—говоритъ современникъ,—что эта драма скоро появится на сценахъ во всѣхъ странахъ, гдѣ фанатизмъ не достаточно вліятеленъ, чтобы мѣшать прогрессу разума и терпимости. Такіе спектакли гораздо полезнѣе для народа, чѣмъ испанскія фанфоронады римлянъ Корнелия и вся благозвучная французская болтовня грековъ Расина».

Но во Франціи драма не только не могла появиться на сценѣ,—даже не могла быть напечатана. Оба изданія ея вышли за границей: первое—въ Женевѣ, второе—въ Лондонѣ.

Мы видимъ, какую обильную жатву нашла новая драма въ исторіи и въ идеяхъ католической церкви,—и какъ легко было писателямъ воспользоваться современнымъ художественнымъ вкусомъ съ цѣлью возбудить отвращеніе къ фанатизму и восторженное сочувствіе къ терпимости. Стоило только представить въ должномъ свѣтѣ жертвы господствующей церкви,—и само впечатлѣніе подсказывало зрителямъ требуемую идею. Нигдѣ такъ естественно чувство не сливалось съ свободной мыслью и нигдѣ съ такой послѣдовательностью театр не служилъ философіи. Этимъ объясняется, почему въ эпоху революціи драмы, направленныя противъ римской церкви и фанатизма, появлялись на сценѣ одна за другой рядомъ съ зажигательными пьесами политическаго содержанія. Эти драмы служили неисчерпаемымъ источникомъ гнѣва новыхъ людей на отжившее государство и церковь. Онѣ могли, кромѣ того, оправдывать всевозможныя мѣры противъ католичества. Въ виду этого, когда въ національное собраніе вносится предложеніе аббата Монтескью противъ монашескихъ обѣтовъ, орденовъ и конгрегацій, связанныхъ съ обѣтами,—на сценѣ появляется драма *Victimes Clottrées*, переполненная ужасами. Этому вновь написанному произведенію предшествуютъ драмы, возникшія на ту же тему еще при старомъ порядкѣ, но встрѣтившія непреодолимую цензуру *Ericie ou la Vestale*, драма Фонтанеля и *Melanie ou la religieuse*—Лагарпа.

По поводу первой пьесы парижскій архіепископъ устроилъ собраніе священниковъ и докторовъ Сорбонны. Собраніе запретило пьесу представлять и даже печатать. Это не помѣшало драмѣ идти на сценѣ въ Лионѣ. Но и здѣсь ее вскорѣ запретили, а въ Парижѣ сожгли руками палача. Пьеса, все-таки, появилась въ печати,—разношниковъ принялись ставить къ позорному столбу. Вышло дѣйствительно, по выраженію современника, настоящее государственное дѣло. *Melanie* Лагарпа появилась въ февралѣ 1770 года въ самый разгаръ финансовыхъ операцій правительства и завладѣла вниманіемъ публики наравнѣ съ этими операціями. Въ три дня разошлось 2,000 экземпляровъ, хотя цензура выбросила цѣлую сцену. Это побудило архіепископа запретить трагедію даже на частныхъ сценахъ,—запрещеніе, какъ намъ извѣстно, не достигшее цѣли. Во время революціи драма имѣла блестящій успѣхъ и служила смягчающимъ обстоятельствомъ для автора, измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ.

Обѣ драмы написаны на одну и ту же тему, уже встрѣченную нами раньше,—на тему о насильственныхъ обѣтахъ. Мы слышали въ *Друидахъ*, въ *Идоменѣ* возмущеніе противъ принудительныхъ жертвъ богамъ. Драмы Фонтанеля и Лагарпа посвящены исключительно этому вопросу. Въ одной героиня—римская весталка, въ другой—будущая католическая монахиня,—но сущность была тождественна. Въ уста старой весталки вложена слѣдующая характеристика католическаго монастыря: «Отчаяніе, смущеніе, ужасъ царствуютъ со всею яростью въ той оградѣ. Здѣсь, подъ гнетомъ обязанностей, душа непрестанно стонетъ. Вѣчный коршунъ терзаетъ ее, рыданія не смѣютъ вырваться изъ груди. Здѣсь страшатся слезъ и подавляютъ ихъ.

Даже добродѣтель, столь кроткая и мирная въ другомъ мѣстѣ, здѣсь является для насъ жесточайшимъ наказаніемъ».

Это описаніе сопровождается обычнымъ негодованіемъ на представленіе о «богахъ, какъ а тиранахъ и кровожадныхъ мучителяхъ. Но усилія автора направлены на изображеніе беззащитной участи дѣвушекъ, часто насильно предающихся въ заключеніе. Та же весталка характеризуетъ судьбу женщины на свободѣ, какъ то же рабство. «Развѣ когда-нибудь нашему полу предоставляется свобода? Жертва моды, рабыня обычая, она должна взять себѣ супруга по обязанности, а не по выбору, пресмыкаться предъ его властью, повиноваться его волѣ, выносить его недостатки, уважать капризы, ласкать его, оказывать почетъ даже его обидамъ. Развѣ можно желать столь ненавистнаго положенія?»

Весталка не забываетъ и отношеній родителей къ дочерямъ,—ужаснаго обычая при старомъ порядкѣ, — хоронить заживо дочерей въ интересахъ сыновей. Все это дѣйствительно въ высшей степени драматическіе мотивы и показываютъ искусство автора окружить главную идею крайне популярною чувствительною оправой.

О драмѣ Лагарпа говорили, что въ ней больше «жара и чувствительности», чѣмъ въ какой-либо другой его пьесѣ. Въ первой же сценѣ драмы намъ заявляютъ: «Наше сердце должно имѣть величайшія права надъ нами», потомъ: «Слезы несчастья священны для насъ». «Гуманность — вотъ что должно защищать насъ». Эти мотивы проникаютъ каждую сцену. Мрачныя описанія монастырской жизни, негодующее изображеніе монаховъ. Мать героини характеризуетъ католическій женскій монастырь при старомъ порядкѣ: «Тамъ стонутъ, тамъ горькими слезами омывають по ночамъ одинокія ложа, тамъ просятъ у неба милости,—силы жить или рѣшимости умереть. Можетъ быть, съ теченіемъ времени горе смягчается, въ потухшихъ хлазахъ высыхаютъ, наконецъ, слезы, мрачная подавленность, поражающая на смерть, смѣняется отчаяньемъ, его бурные взрывы. Но это вѣроломное спокойствіе всегда можетъ перейти въ грозу... Этотъ обманчивый ядъ обѣщаетъ сонъ, но пробужденіе сопровождается часто страшными потрясеніями».

Юный герой драмы спрашиваетъ, почему же монахи и монахини разныхъ орденовъ ежедневно убѣждаютъ другихъ произнести обѣтъ. Ему отвѣчаютъ: «Подъ вліяніемъ подлаго, жестокаго, отвратительнаго чувства, слишкомъ недостойнаго человѣка и, все-таки, несомнѣнно, существующаго. Оно—мучительное. Рабъ, лишенный нравственнаго достоинства, проклинаетъ въ другомъ, что онъ самъ потерялъ. Онъ втайнѣ льститъ себя надеждой, что удручающая цѣпь станетъ легче, если ее наложить на другихъ. Люди часто ожесточаются среди страданій. Даже въ тюрьмѣ жаждутъ вліянія на другихъ. Вотъ что создаетъ этихъ пламенныхъ проповѣдниковъ, чье фальшивое усердіе населяетъ монастыри. Они хотятъ властвовать надъ другими несчастными, заставить ихъ носить иго, наложенное на нихъ, отомстить за свои страданія. Духъ тиранніи легко проникаетъ въ охладѣлую душу. Пра-

во угнетать поработанныхъ плѣнниковъ является удовольствіемъ для того, кто не знаетъ другихъ радостей».

Въ драмѣ появляется священникъ, врагъ религіознаго рабства и принудительныхъ обѣтовъ. Онъ думаетъ, что человѣку-христіанину, всего просящему у неба, не слѣдовало бы ничего обѣщать. Онъ высказываетъ презрѣніе къ людямъ «безъ принциповъ, безъ мужества, глухихъ къ истинѣ, подчиненныхъ обычаю, считающихъ предразсудки въ числѣ обязанностей».

Въ разобранныхъ драмахъ нельзя не отмѣтить одного въ высшей степени любопытнаго явленія. Очень часто свободомысліе и гуманность воплощаются въ лицѣ священника, епископа, жреца, даже монаха-брамина. Очевидно, нападенія большинства писателей на духовенство чужды слѣпой нетерпимости. Они готовы признать исключенія въ ненавистой фанатической средѣ, пользуются этими исключеніями съ безпристрастіемъ философовъ и оптимистическою вѣрой просвѣтителей. Одинъ изъ самыхъ энергическихъ защитниковъ новой мысли—Мерсье героемъ своей драмы избираетъ католическаго епископа, дѣйствительно существовавшаго, но, несомнѣнно, забытаго громаднымъ большинствомъ публики при крайне ограниченныхъ историческихъ познаніяхъ людей XVIII вѣка. Епископъ является выразителемъ благороднѣйшихъ и гуманнѣйшихъ идей, доказываетъ, что философы въ самомъ пылу борьбы несравненно терпимѣе и справедливѣе своихъ враговъ, не допускавшихъ ни единого свѣтлаго проблеска въ новомъ движеніи. У вѣрнаго ученика экономической секты, великій друидъ мыслить какъ философъ, какъ почитатель Вольтера рядомъ съ толпой своихъ товарищей-фанатиковъ. Въ драмѣ, популярной даже среди революціонной публики, священникъ ведетъ борьбу за гуманность и прогрессъ. Только у Вольтера сплошная мрачная окраска лежитъ на всемъ, что причастно церкви и іерархіи. Въ результатъ мы можемъ сдѣлать заключеніе, намѣченное уже выше: противуцерковная борьба въ XVIII вѣкѣ въ общемъ не была противурелигіозною борьбой, и наветы современниковъ, будто философы разрушаютъ религію, оказываются обвиненіемъ, преувеличеннымъ въ жару полемики. Лагарпъ въ своей *Корреспонденціи* писалъ: «Дидро обезчестилъ свою философію, проповѣдуя атеизмъ». Основатель энциклопедіи многими идеями могъ подать поводъ къ такому обвиненію, но въ драмѣ онъ обнаруживаетъ глубокое сочувствіе вѣрѣ. У него одно изъ дѣйствующихъ лицъ упрекаетъ автора драмы въ томъ, что онъ не упомянулъ о Богѣ въ известной сценѣ: «развѣ запрещено произносить со сцены святое имя Бога?» Правда, это лицо принадлежитъ къ народу, но Дидро одарилъ его всѣми совершенствами чувствительнаго, т.-е. идеальнаго, человѣка. Онъ даже приходитъ въ восторгъ отъ «христіанской морали». Но тотъ же Дидро въ драмѣ *Le père de famille* раньше всѣхъ другихъ авторовъ изобразилъ бѣдствія и общественный вредъ монастырской жизни, какъ она практиковалась при старой французской монархіи. Христіанская мораль признается идеальной и другими авторами. Монсо-Капакъ говоритъ: «Богъ гражданинъ, въ обществѣ, долженъ быть богомъ мира, любви, гуманности». Если

служитель религии удовлетворяет этимъ принципамъ, онъ признается служителемъ истиннаго Бога. Намъ говорятъ, что источникъ религии—сердце, этимъ отрицается, слѣдовательно, историческая церковь и ея іерархія, но не отрицаются вообще духовные руководители вѣрующихъ. Авторы драмы этого не дѣлаютъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они даютъ полную свободу своимъ идеямъ, не рассчитывая на допущеніе пьесы ни на сцену, ни въ печать. Великій друидъ указываетъ на разумъ и сердце, въ противовѣсъ традиціямъ и суевѣріямъ, и, въ то же время, у него есть готовая программа дѣятельности духовенства: оно должно просвѣщать толпу и бороться съ суевѣріями и предрасудками,—въ нравственномъ отношеніи священникъ долженъ стать человѣкомъ. Свобода мысли и гуманность—основы просвѣтительной философіи—должны входить въ вѣрученіе идеальной религии и священники такимъ путемъ сливаются съ философами и просвѣтителями. Философы готовы были привѣтствовать мысль и сердце во всякомъ одѣяніи и въ этомъ отношеніи были терпимѣе аристократовъ, издѣвавшихся надъ духовенствомъ при всякихъ условіяхъ, терпимѣе толпы, ненавидѣвшей духовныхъ по принципу. Философы находили поддержку своей терпимости въ самой жизни. Среди фанатиковъ, вродѣ архіепископа Бомона, и безчисленныхъ аббатовъ,—шутовъ и соревнователей развратной знати,—встрѣчались люди свободной мысли и рѣдкаго мужества. Двадцатилѣтній монахъ издастъ трагедію *Marcellus ou les persécutions*, превосходную защиту терпимости, причемъ юный авторъ не можетъ скрыть, каковой опасности онъ подвергается. Аббатъ съ церковной кафедры защищаетъ новую философію и особенно идеи экономистовъ и реформы Тюрго, за что и платится своимъ мѣстомъ. Нѣкоторые аббаты принимаютъ дѣятельное участіе въ *Энциклопедіи*. Если низшіе и слабые проявляли столько смѣлости на пути къ просвѣщенію, нисколько не удивительно участіе вліятельныхъ духовныхъ особъ въ собраніи философовъ, рѣшившихъ почтить Вольтера статуей. Эти факты превосходно отгѣняютъ усиленные навѣты духовенства и ханжей на Тюрго, обвиневія его въ безбожии, протестъ архіепископа противъ рѣшенія академіи — допустить похвальное слово Вольтеру. Такой разладъ въ средѣ духовенства лучше всего доказываетъ шаткость и этой основы стараго порядка. Что же касается нападокъ на церковь и іерархію съ театральной сцены, — нападокъ особенно чувствительныхъ,—здѣсь беспомощность фанатиковъ и ханжей сказалась съ особенною яркостью. Мы знаемъ, что иезуитское духовенство не побрезгало такимъ оружіемъ, какъ пьеса Палиссо, признанная безнравственной даже актерами. И лучшаго выбора не было. Единственною защитой римской религии со сцены за весь XVIII вѣкъ оказалась опера Помпигьяна *Прометей*, рассчитанная противъ Вольтера. Трудно сказать, могло ли духовенство найти соратника позорнѣе Палиссо или комичнѣе Помпигьяна.

Ив. Ивановъ.

Главные течения русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій *).

III.

Въ исторіографіи XVIII вѣка мы встрѣтили два различные взгляда на задачи историческаго изученія. Русскіе изслѣдователи ставили главною цѣлью исторіи—принесеніе пользы, нѣмецкіе изслѣдователи—достиженіе истины. Къ концу столѣтія тотъ и другой взглядъ сблизились и существовали совместно у такихъ изслѣдователей, какъ Щербатовъ и Болтинъ, Миллеръ и Шлецеръ. Карамзину, конечно, обѣ точки зрѣнія хорошо извѣстны, и онъ постоянно твердитъ о необходимости, чтобы исторія была истинна и достовѣрна. «Если мы захотимъ соображать исторію съ пользою народнаго тщеславія,—выражается онъ,—то она утратитъ главное свое достоинство—истину, и будетъ скучнымъ романомъ». Мы и увидимъ, что Карамзинъ со всѣмъ усердіемъ добивался истины—въ своихъ примѣчаніяхъ. Но это была невольная дань тому состоянію, въ какое привели нѣмцы русскую историческую науку,—«тягостная жертва, приносимая достовѣрности», какъ выразился Карамзинъ въ предисловіи къ И. Г. Р. и какъ онъ всегда выражался о своихъ «примѣчаніяхъ». Главный нервъ его работы лежалъ не здѣсь; чтобы понять историческій идеалъ Карамзина, необходимо обратиться къ тексту И. Г. Р. *Зачѣмъ и какъ онъ будетъ писать исторію*,—это Карамзинъ зналъ еще задолго до того, когда рѣшился сдѣлаться русскимъ историкомъ; и написавши свою исторію, онъ остался при прежнемъ взглядѣ. «Тацитъ, Ювъ, Робертсонъ, Гиббонъ,—вотъ образцы», пишетъ Карамзинъ еще въ 1790 году, въ Парижѣ. «Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. *Можно выбрать, одушевить, раскрасить*; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, живое, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Рословныя князей, ихъ ссоры, междуособія, набѣги половцевъ — не очень

*) *Русская Мысль*, кн. I.

любопытны, соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые тома? Что не важно, то сократить, но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа русскаго, *характеръ нашихъ древнихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно.* У насъ былъ свой Карлъ Великій—Владиміръ, свой Людовикъ XI—царь Іоаннъ, свой Кромвель—Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ—Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ исторіи человѣчества: его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело.

И такъ, не историческое изученіе, не разработка сырого матеріала исторіи, а художественный пересказъ данныхъ уже извѣстныхъ,—вотъ та заманчивая задача, которая рисуется въ воображеніи будущаго историка. Изъ наличнаго историческаго матеріала—иное сократить, иное раскрасить; выкинуть неблагодарную путаницу событій и остановиться на благодарныхъ эпизодахъ и характерахъ,—все это одушевить чувствомъ; исторія русская можетъ быть незанимательной, но что художественное произведеніе на мотивы русской исторіи, составленное по этому рецепту, непременно будетъ занимательно,—за это ручаются умъ, вкусъ и талантъ художника. «Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ», повторяетъ Карамзинъ ту же мысль въ своемъ предисловіи. Подъ «бѣднымъ предметомъ» надо разумѣть здѣсь русскую исторію, а пріятно ознаменуетъ себя въ этомъ предметѣ — *Исторія юсударства Россійскаго.*

Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что и сдѣлавшись самъ историкомъ, Карамзинъ не измѣнилъ своихъ взглядовъ на задачи историческаго произведенія. Едва начавши свои подготовительныя занятія, онъ спѣшитъ уже набросать мысли для будущаго предисловія. Значеніе исторіи резюмировано здѣсь подъ тремя рубриками: 1) «любопытство знать, отъ чего мы, какъ,—судьбу предковъ» etc. 2) «Учить благородію». 3) «Даетъ бодрость сравненіемъ» *). За этими идеями, напоминающими намъ Татищева, слѣдуютъ наброски звучныхъ фразъ, по-французски: «Le charme, attaché à l'histoire ancienne, semblable à celui, qui nous fait regarder avec intérêt ces anciens monuments... c'est le domaine de la Poésie...» Видно, что не мысль важна для Карамзина въ этихъ отрывкахъ, слишкомъ неконченныхъ, чтобы выражать какую-либо мысль, а образное сравненіе, красиво выраженное. И вотъ, всѣ двѣнадцать лѣтъ, пока историографъ пишетъ свои первые воспоминаній, эти картинныя фразы не выходятъ изъ его головы, пока не удаляются, наконецъ, блистательными рядами въ его знаменитомъ предисловіи.

*) Эта фраза, написанная въ первые годы XIX столѣтія, доказываетъ, между прочимъ, шаткость психологической манеры С. М. Соловьева. Встрѣчая эту мысль въ предисловіи къ И. Г. Р., Соловьевъ приписываетъ ее впечатлѣнію, произведенному въ Карамзина наполеоновскими переворотами, и видитъ въ ней какую-то особенность XIX вѣка.

словии. «Я ободрялъ себя мыслию, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенія: тамъ источники поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи великаго пространства, не стремится ли обыкновенно мимо всего близкаго, яснаго—къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость». Такъ даже изъ скудости матеріала историкъ предлагалъ читателю извлекать эстетическое наслажденіе.

Есть, впрочемъ, еще два аргумента, которыми Карамзинъ, опять еще за 12 лѣтъ, готовится рекомендовать вниманію читателя русскую древность. «Vous voulez lire l'histoire? Eh bien,—c'est faire un long voyage,— et voir aussi des plaines arides» *). Но если ни обращеніе къ фантазіи, ни обращеніе къ серьезности не подѣйствуетъ на читателя,—у Карамзина есть въ запасъ патріотическое оправданіе не интереснаго въ исторіи. «Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей *древней* исторіи; но добрые россияне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному». И эта тирада предисловія находитъ свою параллель въ наброскахъ, сдѣланныхъ за 12 лѣтъ раньше. «Народъ, презиравшій свою исторію, презрителенъ, ибо легкомысленъ: предки были не хуже его» **).

При всемъ разнообразіи этихъ аргументовъ, цѣль ихъ, какъ видимъ, одна и та же. Исторія должна быть занимательна: по соображеніямъ утилитарнымъ, по соображеніямъ эстетическимъ, по соображеніямъ патріотическимъ,—какъ бы то ни было, но исторія должна быть занимательна. Вотъ основная идея, неотвязно преслѣдующая исторіографа. Разумѣется, самъ онъ сдѣлаетъ все возможное и употребитъ всѣ средства для осуществленія этой задачи: сократитъ, раскраситъ, оживитъ патріотизмомъ. Не совершивъ еще никакихъ грѣховъ противъ исторической достовѣрности, онъ въ тѣхъ же наброскахъ уже примѣриваетъ позу кающагося грѣшника. «Знаю, намъ нужно безпристрастіе историка: простите, я не всегда могъ скрыть любовь къ отечеству». И эта мысль, правда, въ болѣе сдержанной формѣ, оживаетъ, какъ извѣстно, въ предисловіи. «Чувство: *мы, наше*—оживляетъ повѣствованіе... любовь къ отечеству даетъ... кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души».

Такой взглядъ на задачи исторіи самъ по себѣ общаетъ намъ Ломоносовское или Эминское употребленіе историческаго матеріала. Уберегся ли исторіографъ отъ подобныхъ послѣдствій?

Прежде всего нельзя не замѣтить, что только съ XVI вѣка матеріалъ представляется въ достаточномъ изобиліи, чтобы позволить историку сколько-

*) Ср. въ *Предисловіи*: „Исторія не романъ, и міръ—не садъ, гдѣ все должно быть приятно... сколько песковъ безплодныхъ... Однако-жь, путешествіе вообще любо-“ и т. д.

**) *Погодитъ*, т. II, стр. 32—33.

нибудь художественное изображеніе. Оставимъ пока эту часть исторіи въ сторонѣ и посмотримъ, какъ поступалъ Карамзинъ при изображеніи предыдущаго періода. «До сихъ поръ (т.-е. до XVI в.),—признается онъ самъ,—я только хитрилъ и мудрилъ, выпутываясь изъ трудностей. Вижу за собой песчаную степь африканскую» *).

Какъ Карамзинъ «выпутывался» до XVI столѣтія,—видно изъ самой *Исторіи государства Россійскаго*. Главную помощь оказывалъ языкъ. Можно бы составить интересный каталогъ эпитетовъ, которыми Карамзинъ старается обрисовать толпу князей, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга, и путаницу ихъ дѣйствій, утомительно-однообразныхъ. «Добрый, благодѣтельный, жестокій, нѣжный, безчеловѣчный, знаменитый, несчастный, счастливый, печальный, юный, храбрый, хитрый, благоразумный, осторожный» и т. д.,—всѣ эти прилагательныя такъ и мелькаютъ въ разсказѣ, облегчая чтеніе, но не оставляя, все-таки, никакого прочнаго впечатлѣнія и даже обезличивая черты, дѣйствительно характерныя. «Отмстилъ, утѣшился, негодовалъ, ревновалъ, спѣшилъ, страшился»—налагаютъ такую же печать однообразія и на дѣйствія. Въ построеніи фразъ встрѣчаемъ ту же, болѣе или менѣе невинную, манеру украшать фактическія данныя лѣтописей. «Усердные москвитяне были обрадованы счастливымъ возвращеніемъ своего князя»; «никто не могъ безъ умиленія видѣть, сколь Дмитрій предпочитаетъ безопасность народную своей собственной,—и любовь общая къ нему удвоилась въ сердцахъ благодарныхъ»; «сей государь великодушный могъ ли быть счастливъ и веселъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи»; «изумленные рѣшительною волею—господствовать единодержавно, они жаловались, но повиновались». Всѣ эти украшения рѣчи, свидѣтельствующія о литературныхъ вкусахъ эпохи, становятся, однако, уже совсѣмъ не невинными, когда воздѣйствуютъ на самое содержаніе разсказа. Возьмемъ одинъ примѣръ. Въ 1364 году былъ въ Москвѣ пожаръ. Въ 1367 году построенъ каменный Кремль. Въ 1365 году мурза Тагай выжегъ Рязань. Въ 1367 году князь нижегородскій Дмитрій Константиновичъ разбилъ Булатъ-Темира. Въ 1364 году новгородская вольница грабала по Волгѣ, и Дмитрій Донской объявилъ свой гнѣвъ новгородцамъ. Какъ передать занимательнымъ для читателя образомъ весь этотъ рядъ одиночныхъ, разновременныхъ и другъ отъ друга независимыхъ фактовъ? Карамзинъ достигаетъ этого, находя между ними связь и составляя изъ нихъ нѣчто цѣлое. Пожаръ показалъ ненадежность деревянныхъ укрѣпленій; поэтому рѣшили построить каменные. Это было нужно и для *будущаго* освобожденія отъ татарскаго ига (о которомъ еще никто тогда не думалъ). Но могли ли *татары* «простить» Москвѣ эту «великодушную смѣлость»? Нѣтъ, мурза (правда, совсѣмъ независимый отъ Золотой орды) сжегъ Рязань (правда, совершенно независимую отъ Москвы), но потомъ былъ разбитъ. *Тоже* былъ разбитъ другой хищникъ монгольскій. Эти по-

*) *Погодинъ*, т. II, стр. 87.

бѣды предвозвѣщали важнѣйшія (освобожденіе); но *предварительно* нужно было великому князю усмирить *внутренних* враговъ—новгородцевъ. Та-кимъ образомъ, за немѣнѣемъ причинной связи между событіями Карамзинъ придумываетъ свою связь, *стилистическую*; читателю, положившемуся на Карамзина, эта связь могла бы показаться причинной, если бы весь рассказъ не былъ рассчитанъ на быстрое, легкое чтеніе, послѣ котораго никакого воспоминанія обо всей этой искусственно-нанизанной нити событій, все равно, не останется.

Помимо стилистической связи событій, у Карамзина есть и другой литературный приѣмъ, не менѣе вредящій научному достоинству изложенія. Это—его психологическая мотивировка дѣйствій. Щербатовъ, мы видѣли, тоже любитъ психологическую мотивировку, хотя и отдѣляетъ ее отъ строго-фактическаго изложенія; но любимые мотивы обоихъ историковъ такъ же различны, какъ рационализмъ Щербатова и сентиментализмъ Карамзина. Герои Щербатовской исторіи дѣйствуютъ преимущественно изъ политическихъ видовъ. Герои *Исторіи государства Россійскаго* руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ «нѣжною чувствительностью». Вотъ, для примѣра, рассказъ обоихъ историковъ о томъ, почему Борисъ не хотѣлъ дѣйствовать противъ Святополка Окаяннаго.

Щербатовъ:

„Борисъ, страшась неустройствъ, которыя могутъ отъ междоусобнаго войны произойти, и почитая старѣйшаго себѣ брата, имъ на сіе отвѣтствовалъ, что онъ никогда не вооружится на своего брата, котораго вмѣсто отца намѣренъ почитать. Таковымъ отвѣтомъ добродетельныя его войска, бывъ приведены въ уныніе и опасаясь, чтобы должайшее пребываніе съ нимъ—отъ Святополка имъ не случилось отъ преступленіе, его оставя разошлись...; однако Святополкъ, зная всенародную любовь къ Борису, послалъ къ нему нарочно объявить, что онъ желаетъ съ нимъ быть въ братской дружбѣ“ и т. д.

Карамзинъ:

Борисъ отвѣтствовалъ: могу ли поднять руку на брата старѣйшаго; онъ долженъ быть мнѣ вторымъ отцомъ. Сія *тыжняя* чувствительность казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто властолюбіемъ своимъ заслуживалъ въ насъ гла-зати право властвовать. Но Святополкъ имѣлъ только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей“ и т. д.

Какъ видимъ, дѣйствія Бориса, войска и Святополка у Щербатова представляются дѣломъ простаго расчета: Борисъ боится междоусобной войны, войско боится гнѣва Святополка, Святополкъ боится народной любви къ Борису. У Карамзина тѣ же дѣйствія являются слѣдствіемъ душевныхъ иженій: братней нѣжности, уваженія къ силѣ, трусливости Святополка. въ источникѣ обоихъ—въ лѣтописи—нѣтъ ни той, ни другой мотивиров-ки *). Но даже тамъ, гдѣ источникъ даетъ мотивировку, Карамзинъ пред-

*) *Лавр. лѣт.* подъ 1015 г.: „онъ же (Борисъ) рече: не буди ми възнати руки брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто. се слышавше волъ, разыдохася отъ него... Святополкъ же, исполнився безаконьд,

почитаешь иногда замѣнить ее своею, болѣе соответствующей его литературной манерѣ. По лѣтописи, князь Дмитрій Константинович Суздальскій старается отнять у младшаго брата Нижегородское княженіе; во время борьбы онъ получаетъ изъ Орды ярлыкъ на великое княженіе Владимирское, но поступаетъ имъ Дмитрію Донскому съ тѣмъ, чтобы получить отъ послѣдняго помощь противъ Нижняго Новгорода *). Такъ и изложено было у Щербатова. По Карамзину Дмитрій Константиновичъ отказывается отъ Владимирскаго стола, «видя слабость свою» и «предпочитая дружбу Дмитрія (Донскаго) милости» хана, — безъ всякихъ опредѣленныхъ расчетовъ; а затѣмъ освобождается Нижегородскій столъ и изъ «благодарности» Дмитрій помогаетъ Суздальскому князю занять его. Такимъ образомъ, отказъ Дмитрія Суздальскаго и помощь ему Дмитрія Московскаго, два факта, связанные въ источникѣ причинною связью, у Карамзина связываются только стилистическимъ оборотомъ съ сентиментально-психологическою мотивировкой: «умѣренность, вынужденная обстоятельствами (т.-е. отказъ отъ великаго княженія) не есть добродѣтель; однакожь, Дмитрій Іоанновичъ изъявилъ ему за то благодарность». Даже прямо формальныя, юридическія выраженія княжескихъ договоровъ, въ которыхъ слабѣйшій обѣщается обыкновенно «держатъ великое княженіе честно и грозно», а сильнѣйшій обязуется держатъ слабѣйшаго «въ братствѣ, безъ обиды», — у Карамзина превращаются въ обязательства младшаго «уважать», а старшаго — «любить» своего контрагента.

Стилистическою связью событій и сентиментально-психологическою мотивировкой не исчерпываются, однако же, литературно-художественныя приемы Карамзинскаго изложенія. Предметомъ исторической живописи, вопреки скудости источниковъ, служатъ у Карамзина и въ первой части его исторіи — и положенія, и характеры. Мы не встрѣчаемъ здѣсь, конечно, вымышленныхъ рѣчей à la Фукидидъ или Ливій, какія встрѣчали у Эмины. Карамзинъ хорошо знаетъ, что историкъ «нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному, нельзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что предали намъ современники; молчимъ, если они умолчали, — или справедливая критика заградить уста легкомысленному историкъ, обязанному представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ». «Мы не можемъ нынѣ, — прямо заявляетъ Карамзинъ въ своемъ предисловіи, — витійствовать въ исторіи... Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразить исторію, посвященную не славѣ писателя, не удовольствію читателей и даже не мудрости правоучительной, но только истинѣ, которая уже сама дѣлается источникомъ удовольствія и пользы».

каиновъ смыслъ примѣтъ, посылая къ Борису, глаголаше: „яко съ тобою хощю и бовѣ имѣти“... а лѣстя подъ нимъ, како бы и погубити“.

*) „Онъ же (Дм. К.) не восхотѣ (воспользоваться ярлыкѣмъ), и поступися великаго княженія володимерскаго великому князю Дмитрію Ивановичю Московскому, испросилъ у него силу къ Новгороду къ Нижнему на своего меньшаго брата“, (который раньше „не поступися ему княженія новгородскаго“). Соловьевъ въ *Соврѣ* 1855 г., № 4, отд. II, стр. 116.

Уже то, что мы знаемъ, показываесть, что эта profession de foi не всегда выдерживалась историографомъ. Но мы знаемъ еще не все. Сравните, наприм., съ только что цитированными заявленіями Карамзина нарисованную имъ картину смерти Александра Невскаго: «Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству,—передъ концомъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ: постригся, принявъ схиму и, слыша горестный плачь вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ извѣщеніемъ нѣжной чувствительности, сказалъ добрымъ слугамъ: удалитесь и не сокрушайте души моей жалостію! Они всё готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда,—по собственному выраженію одного изъ нихъ,—гораздо болѣе, нежели отца роднаго». Откуда взяты краски для этой картины и эти «собственные выраженія»? Формально Карамзинъ правъ все это есть въ источникѣ, но въ такомъ источникѣ, изъ котораго никакой историкъ и даже самъ Карамзинъ не рѣшился бы взять этихъ данныхъ, еслибы они не понадобились для его художественныхъ цѣлей. Въ древнемъ житіи Александра Невскаго, написанномъ «самовидцемъ» возраста его, человѣкомъ близко къ нему стоявшимъ, мы встрѣчаемъ только короткое лирическое отступленіе автора передъ описаніемъ кончины князя; картину же самой кончины Карамзинъ заимствовалъ изъ позднѣйшей передѣлки житія (въ XVI вѣкѣ), помѣщенной въ *Степенной Книгѣ**). Точно также находимъ у Карамзина цѣлую страницу самаго раздирающаго описанія положенія Россіи послѣ Батыева нашествія,—собственными словами «нашихъ лѣтописцевъ»; а эти лѣтописи оказываются опять—*Степенной Книгой*, той самой, которая даже святую Ольгу заставляетъ длинной и трогательной рѣчью защищать свою дѣвическую честь отъ покушенія Игоря Щербатовъ въ обоихъ упомянутыхъ случаяхъ оказался осторожнѣе Карамзина: ни тотъ, ни другой рассказъ не помѣщены у него въ текстъ, хотя ссылки на *Степенную Книгу* и сдѣланы въ примѣчаніяхъ.

Попытки изображать историческіе характеры ведутъ Карамзина къ такому же неосторожному пользованію источниками. Такъ, напримѣръ, онъ самъ отвергаетъ позднѣйшее украшенное сказаніе о куликовской битвѣ и

*) „О горе тебѣ, бѣдный человѣче,—воскликаетъ авторъ XIII столѣтія (П. С. Р. Л. V, 5),—како можеша написати кончину господина своего! Како не упадеши ты зѣнаница вкупѣ со слезами? Како же не урвется сердце твое отъ коренія? Отца бо оставити человекъ можетъ, а добра господина не мощно оставити; аще бы лѣтъ,—и въ гробъ бы гвалъ съ нимъ!“ Эти безыскусственныя выраженія чувства, вырвавшіяся у автора XIII в. вопреки агиографическому стилю позднѣйшихъ житій, авторъ XVI вѣка замѣняетъ слѣдующею риторикой: „Ужасно бѣ видѣти, яко въ толици мноутвѣ народа не обрѣти человека, не испустивша слезъ, но вси со восклицаніемъ (аще глаголаху: увы намъ, драгій господине нашъ! Уже къ тому не имамы видѣти красоты лица твоего, ни сладкихъ твоихъ словесъ насладитися. Кому прибѣгнѣти и кто ны ущедритъ? Не имуть бо чада отъ родителя такова блага пріяти, яко мы отъ тебе восприимахомъ, сладчайшій намъ господине! Онъ же зѣло стужився, велѣ въсѣмъ скоро отъити, да не молву, рече, дѣюще, сокрушаютъ ми душу“. *Чел. Кн.*, I, стр. 372—373). О редакціяхъ житія Александра Невскаго см. *Блажочею*: „Древнорусскія житія святыхъ“, стр. 66—71, 238—240.

принимаетъ сказаніе современное событію; и, однако же, характеръ Олега Рязанскаго, обрисованный у историографа самыми черными красками,—изображается въ духѣ отвергнутаго источника. Въ цѣлый рядъ противорѣчій себѣ и источникамъ вводитъ Карамзина изображеніе характера Василія Темнаго *). Но едва ли не самую злую шутку сыграла надъ Карамзинимъ его литературная манера при изображеніи характера Ивана Грознаго. Историческій матеріалъ становился здѣсь богаче, и Карамзинъ заранѣе предвкушалъ обильную жатву. «Какой славный характеръ для исторической живописи,—пишетъ онъ, окончивая княженіе Василія III, «жаль, если выдамъ исторію безъ сего любопытнаго царствованія; тогда она будетъ, какъ павлинь безъ хвоста».

Опасенія Карамзина не сбылись, и первые 8 томовъ *Исторіи* выпущены были съ «павлиньимъ хвостомъ» или, точнѣе, съ половиной его, такъ какъ восьмой томъ прерывался на серединѣ правленія Грознаго. «Это сравненіе (съ павлиньимъ хвостомъ),— замѣчаетъ С. М. Соловьевъ,—разоблачаетъ передъ нами образъ возрѣнія писателя на предметъ...; такое сравненіе не могло появиться даромъ, безъ причины. Сравняемые предметы одинаково поразили сравнивающаго удивительнымъ сочетаніемъ блестящихъ цвѣтовъ; пораженный этимъ блескомъ, писатель истощилъ свое искусство, чтобы передать его во всей полнотѣ читателю, удержать эту яркость, ослѣпляющую зрѣніе, желая соблюсти всю силу внѣшняго впечатлѣнія. Понятно, почему Карамзинъ, принимая авторитетъ Курбскаго, однако отстываетъ отъ извѣстій послѣдняго при описаніи блестящихъ событій первой половины царствованія Іоаннова, старается смягчить, переиначить эти показанія. Юный монархъ совершаетъ великіе подвиги: мудрецъ въ собраніи архіереевъ и бояръ, указующій на злоупотребленія и на средства исправить ихъ; герой на полѣ ратномъ, ведущій войско подъ стѣны враждебнаго города и сокрушающій ихъ разумными распоряженіями и лично храбростью—вотъ Іоаннъ! Для красоты описанія это лице необходимо, и необходимо именно въ такомъ положеніи, въ какомъ выставляютъ его лѣтописи, а не въ такомъ, въ какомъ видимъ его у Курбскаго. Если бы Карамзинъ принялъ представленіе Курбскаго, что всѣ эти подвиги совершены не Іоанномъ, а руководителями его..., то что было бы съ картиною? **)».

Дѣйствительно, припомнимъ изображеніе Курбскаго. Порожденіе беззаконнаго брака, съ дѣтства развращенный и испорченный воспитаніемъ, потомъ на короткое время какъ будто загипнотизированный сильною волей Сильвестра, насильно обращенный на путь добродѣтели; наконецъ, снова свихнувшійся на прежнюю, привычную колею и окончательно предавшій оргіямъ гнѣва и разврата,—такимъ рисуется Грознаго царя посвященны въ его интимную жизнь «синклитъ». Сопоставимъ это съ изображеніемъ Карамзина: «Сей монархъ, озаренный славой, до восторга любимый о:

*) Противорѣчія эти указаны С. М. Соловьевымъ. Отч. Зап. 1855 г., № 4, с 127—131,

**) Соловьевъ. Отч. Зап. 1856 г., № 4, стр. 430.

чествомъ, завоеватель враждебнаго царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувствахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ, мудрый правитель, законодатель, имѣлъ только двадцать два года отъ рожденія: явленіе рѣдкое въ исторіи государствъ! Базалось, что Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и человечество примѣромъ какого-то совершенства, великости и счастья на тронѣ».

Кто же будетъ судьей между показаніемъ современника и исторической оцѣнкой Карамзина? Уже Погодинъ обратилъ вниманіе на то, что судьей въ данномъ случаѣ является самъ Грозный и что онъ безповоротно рѣшаетъ дѣло въ пользу показаній Курбскаго *). Про излишества царя въ дѣтствѣ и послѣ ссоры съ Сильвестромъ мы знаемъ достаточно изъ другихъ источниковъ; про добродѣтели, внушенныя царю совѣтниками въ промежуточномъ періодѣ, говоритъ намъ самъ Грозный въ своихъ письмахъ къ Курбскому: «Подъ предлогомъ душевной пользы вы овладѣли моею волей, вы пугали меня дѣтскими страшилами, вы обращались со мною какъ съ младенцемъ, вы лишили меня воли даже въ подробностяхъ моей домашней жизни, въ одеждѣ и снѣ, въ отправленіи моихъ религіозныхъ обязанностей, вы хотѣли сами править царствомъ, а мнѣ оставили только титулъ; *словомъ* я былъ государь, а *дѣломъ* ничѣмъ не владѣлъ и былъ нисколько не лучше раба». Эти и десятки подобныхъ выраженій на каждой страницѣ пестрятъ въ посланіяхъ царя. Грозный не останавливается даже передъ развѣнчиваніемъ самого себя въ дѣлахъ, принесшихъ наиболѣе славы его царствованію. Всѣ помнятъ блестящую картину взятія Казани, нарисованную Карамзинымъ. Самъ царь, величественный, спокойный, составляетъ у историка центральную фигуру картины. «Вы меня какъ плѣнника везли сквозь землю невѣрныхъ, — жалуются въ дѣйствительности самъ царь, — какъ только меня сохранилъ Всевышній». Курбскій и *Царственная книга* въ одинъ голосъ подтверждаютъ это настроеніе Грознаго подъ Казанью. Іоаннъ прячется, по этимъ показаніямъ, въ церкви; напрасно убѣждаютъ его совѣтники показаться войску: «се, государь, время тебѣ ѣхати...; великое время царю ѣхати». У царя же «не токмо лицо измѣняшеса, но и сердце сокрушися». Наконецъ, приближенные его, «хотяща, не хотяща, за бразды коня взявъ», выводятъ къ войску и ставятъ у царской хоругви.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, какъ во всѣхъ частностяхъ Карамзинъ примиряетъ показанія источниковъ съ своимъ представленіемъ о характерѣ Іоанна. По мѣрѣ удаленія отъ первыхъ годовъ царствованія Грознаго, примиреніе это становится все болѣе и болѣе труднымъ; и если бы не сдѣлалось окончательно невозможнымъ, то только потому, что Карамзинъ въ время остановилъ свой рассказъ въ VIII томѣ Исторіи. Еще Погодинъ замѣтилъ, что историографъ «отложилъ все дурное объ Іоаннѣ о смерти Анастасіи, до IX тома, между тѣмъ, какъ очень многое уже слу-

*) Погодинъ: „Историко-критическіе отрывки“. Статьи „О характерѣ Іоанна Грознаго“ (написаны еще въ 1825 году)

чилось, представляющее Иоанна совсѣмъ съ другой стороны». Несомнѣнно, Карамзинъ зналъ, что его ожидаетъ въ IX томѣ; еще не докончивъ VIII тома, онъ пишетъ въ одномъ письмѣ, что въ слѣдующемъ томѣ ему придется изображать «злодѣйства Иоанновы». Но эти злодѣйства представлялись ему только новымъ благодарнымъ сюжетомъ для исторической живописи; и принявшись за этотъ сюжетъ, историографъ съ такимъ же усердіемъ рисовалъ намъ Иоанна—тирана, съ какимъ изобразилъ раньше Иоанна—героя добродѣтели. «До появленія въ свѣтъ IX тома Истории Государства Россійскаго, у насъ признавали Иоанна государемъ великимъ,—говорить Устряловъ,—видѣли въ немъ завоевателя трехъ царствъ и еще болѣе— мудраго попечительнаго законодателя... Это мнѣніе поколебалъ Карамзинъ, который объявилъ торжественно, что Иоаннъ въ послѣдніе годы своего правленія не уступалъ ни Людовику XI, ни Калигулѣ» *). Въ этихъ словахъ впечатлѣніе, произведенное IX томомъ, изображено очень вѣрно; но историку слѣдовало добавить, что мнѣніе, поколебленное Карамзинымъ,—было его собственное мнѣніе. Отказаться отъ ранѣ созданной картины Карамзинъ, конечно, не хотѣлъ; согласить съ нею новое изображеніе характера Иоанна—уже не могъ **). «Свидѣтельства добра и зла», по его словамъ, были «равно убѣдительны и неопровержимы»; и ему оставалось признать фактъ коренной перемѣны въ характерѣ Иоанна и предоставить объясненіе этого факта читателямъ. «Несмотря на всѣ умозрительныя изъясненія, характеръ Иоанна, героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости—есть для ума загадка».

Намъ остается прибавить, что загадка эта, причинившая столько хлопотъ слѣдующимъ изслѣдователямъ,—должна найти свое объясненіе исключительно въ пріемахъ «исторической живописи» историографа. Подобно большинству представителей одинаковаго съ нимъ литературнаго направленія, авторъ *Наташи боярской дочери* только и умѣлъ писать «неистовыхъ кровопійцъ» или «героевъ добродѣтели». Для людей живыхъ, обыкновенныхъ, не было красокъ на этой палитрѣ, не было подходящихъ эпитетовъ въ этомъ литературномъ арсеналѣ. Пока историкъ изображалъ намъ Олега Рязанскаго какимъ-то исчадіемъ ада,—вина еще могла быть сложена на недостатокъ источниковъ. Когда, уже при большемъ запасѣ данныхъ, Карамзинъ задумалъ представить Василія Темнаго классическимъ трусомъ и видѣлъ у него трусость на всякомъ шагу, тутъ еще можно было объяснить неудачу увлеченіемъ художника. Но когда та же неудача повторилась при полномъ свѣтѣ исторіи, когда живая фигура Иоанна, какой она является у Курбскаго и въ его собственныхъ письмахъ, превратилась подъ перомъ Карамзина въ героя мелодрамы или въ театральнаго злодѣя, дальнѣйшихъ со мнѣній быть уже не можетъ. Не только художественныя задачи, преслѣ

*) Сочиненія Курбскаго, изд. 3-е, XXXV.

***) Или, по мнѣнію Соловьева, тоже не хотѣлъ, чтобы не лишитъ себя возможности живописать ужасы казней и не пропустить этого новаго случая, удобнаго для «исторической живописи» (От. Зап. 1856 г., № 4, 433—4).

довавшіяся историографомъ, портили исторію; недостатокъ художественнаго чувства и особенности художественной манеры портили также и достиженіе художественныхъ задачъ автора.

Познакомившись съ тѣмъ, что унаслѣдоваль Карамзинъ отъ русскаго панегирическаго и моралистическо-живописательнаго направленія, обратимся теперь къ тому, чѣмъ онъ обязанъ нѣмецкому направленію, усвоенному и русскими историками конца прошлаго столѣтія: отъ «Исторіи» обратимся къ «примѣчаніямъ». Въ текстѣ исторіи, какъ мы видѣли, достовѣрность и точность въ передачѣ источниковъ слишкомъ часто приносятся въ жертву картинности изображенія и изяществу слога. Но по тексту, въ виду литературно - художественной задачи, поставленной авторомъ, нельзя еще составить вполнѣ опредѣленнаго понятія о томъ, какъ относится историкъ къ своимъ источникамъ. Всю подготовительную работу Карамзинъ отнесъ въ свои «Примѣчанія», и къ нимъ мы должны обратиться, чтобы оцѣнить его, какъ критика и ученаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Карамзинъ приступилъ къ своему историческому труду безъ предварительной специально-исторической подготовки. Тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ, какъ критикъ и ученый, онъ сдѣлался уже во время самой работы; и конечно, первенствующая роль въ этой выучкѣ принадлежала нѣмецкой школѣ. На первыхъ же порахъ, какъ мы видѣли, Карамзинъ столкнулся съ авторитетомъ Шлецера, ученые приемы котораго должны были оказать на него самое рѣшительное вліяніе. Можно прослѣдить, какъ совершенствуются технические приемы Карамзина подъ вліяніемъ нѣмецкаго образца, шагъ за шагомъ контролирующаго его собственную работу. Въ самомъ началѣ занятій Карамзинъ, наприм., записываетъ для памяти, какъ могъ бы записать Татищевъ: «въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ есть украшенія и догадки; однакожь онъ достоинъ вниманія и показываетъ умъ и знанія историческія. Какъ хорошо объ Олегѣ!» Въ исторіи мы, дѣйствительно, находимъ это мѣсто объ Олегѣ, поправившееся Карамзину въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ. Но оно находится здѣсь не въ текстѣ, а въ «Примѣчаніяхъ», и выставляется образчикомъ позднѣйшаго искаженія лѣтописей *). Если, такимъ образомъ, Карамзинъ рѣшился обойтись безъ этой картины въ своей исторической живописи, то причину этого надо искать во вліяніи Шлецера: въ своемъ Несторѣ Шлецеръ заявилъ, что эти подробности архангелогородскаго лѣтописца составляютъ простую прикрасу рассказчика **).

Окончивъ I-й томъ исторіи, Карамзинъ писалъ Муравьеву, что «не

*) *Ист. Г. Р.*, пр. 292: *Арх. Лѣт.* придумалъ разныя обстоятельства. „Князь русскій стоялъ на берегу Двѣпра въ шатрахъ разноцвѣтныхъ. Старѣйшими кривичей, видя ихъ, съ удивленіемъ спросили: кто является намъ въ такой славы? Князь ли царь? Тогда Олегъ вышелъ изъ шатра, держа на рукахъ Игоря, и сказалъ имъ: е Игорь, князь русскій; и кривичи варекли его своимъ государемъ“. Такъ въ новѣй-ія времена украшали простыя Несторовы сказанія.

**) *Несторъ*, II, глава III.

боится болѣе ферулы Шлецера». Еще черезъ четыре года (1810) онъ отзывался о «Несторѣ» уже слѣдующимъ образомъ: «Изясненія и переводъ текста весьма плохи и часто смѣшны. Старикъ не зналъ хорошо ни языка лѣтописей, ни ихъ содержанія далѣе Нестора; а выписки изъ иностранныхъ лѣтописцевъ не новость для ученыхъ». Очевидно, такая смѣна отзывовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что критическое воспитаніе Карамзина завершилось,—что онъ сталъ на собственные ноги и эманципировался отъ Шлецера. Исторіографъ забылъ только, что первые нетвердые шаги на поприщѣ критики онъ сдѣлалъ подь «ферулой» того же Шлецера *) и что «старикъ» въ совершенствѣ обладалъ качествами, которыхъ недоставало исторіографу: онъ прошелъ настоящую ученую школу и твердо зналъ, зачѣмъ онъ занимается исторіей и чего въ ней ищетъ. Взгляды самого Карамзина на задачи исторіи намъ достаточно извѣстны, также какъ и столкновеніе этихъ взглядовъ съ задачами исторической критики. Мы знаемъ также, что въ позднѣйшихъ временахъ, гдѣ Шлецеръ переставалъ налагать свое *veto* на фантазію рассказчика,—Карамзинъ не стѣснялся пользоваться картинами *Степенной Книги*, столь же фантастическими, какъ отвергнутый имъ рассказъ Архангелогородской лѣтописи. Выучка, слѣдовательно, была неполная.

Отношеніе Карамзина къ другимъ предшественникамъ, конечно, было еще болѣе свободное. Мы говорили о томъ, какъ онъ враждебно относится къ Татищеву и Болтину и какъ тщательно отмѣчаетъ ихъ ошибки; къ отдѣлу ошибокъ или, вѣрнѣе, просто выдумокъ Татищева онъ прямо относить всѣ извѣстія татищевскаго свода, источникъ которыхъ ему неизвѣстенъ. Къ Щербатову по мѣрѣ развитія своего рассказа онъ тоже начинаетъ относиться критически. Впрочемъ, онъ рѣдко снисходитъ до полемики и почти всегда ограничивается однимъ пренебрежительнымъ упоминаніемъ о толкованіяхъ Щербатова, съ которыми несогласенъ. Даже на Миллера онъ начинаетъ рѣзко нападать, найдя неизвѣстные ему источники сибирской исторіи. Надо прибавить, что въ большинствѣ случаевъ Карамзинъ бываетъ вполне правъ; но, независимо отъ степени основательности его критическихъ нападокъ, нельзя не отмѣтить ихъ тона, который дѣлаетъ музыку.

Во всякомъ случаѣ, не критика составляетъ самую сильную сторону *Примѣчаній* къ *И. Г. Р.* Если эти *Примѣчанія* оставляютъ вообще несравненно болѣе выгодное впечатлѣніе, чѣмъ самый текстъ *Исторіи*, то это объясняется не столько критическимъ талантомъ автора, сколько его ученостью. Въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость исторіографу: онъ усердно хлопоталъ о подборѣ новыхъ историческихъ матеріаловъ, въ значительной степени обновилъ фактическое обоснованіе рассказа и

*) Еще митр. *Евгеній* замѣтилъ по поводу отношенія Карамзина къ Шлецеру: „пустъ сороки на него (Шлецера) щекочать, какъ на медвѣдя въ гѣсу; онъ важенъ и въ своей берлогѣ. Щиплетъ его иногда и Карамзинъ, но какъ блоха; а самъ слышитъ его замѣчаніями дышитъ съ своей исторіи, не сказывая, откуда напился крови“. *Русскій Архивъ*, 1889 г., стр. 165; письмо къ Анастасевичу отъ 13 янв. 1819 г.

надолго сдѣлать свою *Исторію* необходимою для всякаго изслѣдователя хрестоматіей источниковъ русской исторіи. Особенно чувствуются эти преимущества *Примѣчаній* при сравненіи ихъ съ тѣмъ самымъ сочиненіемъ, которому Карамзинъ такъ много обязанъ былъ при составленіи текста, съ исторіей Щербатова. Не говоримъ уже о томъ, что вся иностранная литература, относящаяся къ началу русской исторіи, является у Карамзина совершенно обновленной: мы замѣтили раньше, что эта литература, сколько - нибудь компетентная, только и появляется со второй половины XVIII вѣка; и мы знаемъ также, какъ облегчено было Карамзину знакомство и съ литературой, и съ источниками русскихъ *origines* *). Но дагѣ, первые шаги въ области фактическаго разсказа должны были быть сдѣланы на основаніи русскихъ лѣтописныхъ источниковъ. Щербатовъ основалъ свое изложеніе болѣе чѣмъ на тридцати спискахъ лѣтописей, добрая половина которыхъ была имъ заимствована изъ патріаршей (синодальной) и типографской библіотекъ въ Москвѣ, а около четверти нашлось въ его собственной библіотекѣ. Изъ всего этого множества списковъ наиболѣе надежными были, однако же, только два: одинъ уже напечатанный въ *Библіотекѣ Россійской* (такъ назыв. кенигсбергскій списокъ Суздальскаго лѣтописнаго свода), другой, найденный Щербатовымъ въ патріаршей библіотекѣ,—Новгородскій сводъ въ древнѣйшемъ, такъ называемомъ синодальномъ спискѣ **). Во времени Карамзина и эта лѣтопись была напечатана ***). Но, кромѣ этихъ двухъ списковъ, Карамзину удалось найти два лучшихъ списка Суздальскаго свода (упомянутые выше Пушкинскій—онъ же Лаврентьевскій—и Троицкій, въ 1812 г. сгорѣвшій), и два списка южной лѣтописи, ранѣе извѣстной только по началу: Ипатьевскій и Хлѣбниковскій ****).

Большая часть лѣтописей Щербатова послѣ находокъ Карамзина окончательно теряла значеніе для древнѣйшаго періода: ссылки на синодальные и типографскіе списки съ полнымъ основаніемъ могли быть замѣнены обширными выписками изъ вновь открытыхъ текстовъ, представлявшихъ крупную ученую новинку. Но для позднѣйшаго времени и второстепенные списки были важны. Ручкописи, употребленные въ дѣло Щербатовымъ, ко

*) Главнѣйшіе труды въ литературѣ: Гебгарди, Автовъ, Тунманъ, сочиненія Шледера и нѣмцевъ—современниковъ Карамзина, работавшихъ въ Россіи: Круга, Лерберга, Френа.

***) Самъ Щербатовъ вполне сознавалъ преимущества этихъ списковъ (*Исторія Россіи*, т. II, стр. 223, 292, 303, 461).

****) Въ *Продолженіи древней руссійской Визаіовки*, т. I, и въ Москвѣ, въ 1781, изд. синод. типогр. Вслѣдствіи, этотъ списокъ изданъ археографической комиссіей въ III т. *Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.* и въ новомъ изданіи отдѣльно, а начало его также и фотолитографически.

*****) Первую половину Хлѣбниковскаго списка (до 1200 г.) Карамзинъ назвалъ „кіевской“ лѣтописью, вторую—„волинской“. Кар. III, прим. 113 и П. С. Р. Л. II, стр. VII и 165. Лаврентьевскій и Ипатьевскій изданы въ П. С. Р. Л. I—II; во 2-мъ изданіи отдѣльно и, наконецъ, начало ихъ—посредствомъ свѣтопечати.

времени Карамзина были сосредоточены въ Синодальной библіотекѣ *). Туда и обратился Карамзинъ со своими поисками: не знаемъ, все ли онъ нашель, чѣмъ воспользовался Щербатовъ **), но, несомнѣнно, онъ впервые наткнулся въ синодальномъ книгохранилищѣ на множество первостепенныхъ по важности матеріаловъ, о существованіи которыхъ Щербатовъ не имѣлъ никакого понятія. Такъ, Карамзинъ первый воспользовался синодальною рукописью Кормчей книги (XIII столѣтія), изъ которой извлекъ такіе важные памятники, какъ церковный уставъ Владиміра Святого («подложный», по мнѣнію Карамзина), уставъ новгородскаго князя Святослава 1137 г., древнѣйшій списокъ Русской Правды, вопросы Кирика Нифонту, правила митроп. Іоанна и Кирилла ***). Не меньшую услугу, чѣмъ Синодальная библіотека, оказало Карамзину собраніе рукописей Мусина-Пушкина. Кромѣ уже изданныхъ Мусинымъ — *Слова о полку Игоревѣ* и *Почуенія Мономаха*, кромѣ упоминавшагося не разъ Пушкинскаго (=Лаврентьевскаго) списка лѣтописи, Карамзинъ досталъ у Мусина нѣсколько житій (св. Владиміра, Константина Муромскаго), лѣтописей (особенно лѣт. Засѣцкаго, въ которой нашелся такъ наз. Карамзинскій списокъ Русской правды), наконецъ, списокъ договора Смоленска съ Готландомъ 1230 г.

Послѣ татарскаго нашествія характеръ источниковъ русской исторіи нѣсколько мѣняется. Лѣтописи, конечно, продолжаютъ оставаться основнымъ источникомъ вплоть до княженія Ивана III; и составъ лѣтописнаго матеріала какъ у Щербатова, такъ и у Карамзина остается прежній ****). Но рядомъ съ лѣтописями появляются грамоты. Щербатовъ воспользовал-

*) Послѣ довольно неудачной попытки издать синодальныя и типографскія лѣтописи (1778 г.), типографскія рукописи были переданы въ Синодальную библіотеку (1786 г.). Исторія изданія расказана Д. Полтыновымъ по подлиннымъ документамъ (*Зап. акад. наукъ*, IV, 2, о лѣтописяхъ изданныхъ отъ синода). Очевидно, самая мысль объ изданіи синодальныхъ и типографскихъ лѣтописей вызвана была появленіемъ въ свѣтъ первыхъ томовъ Щербатовской исторіи (1770, 1771, 1774 гг.).

**) По реестру, составленному въ 1778 году, изъ 11 списковъ, эксплуатированныхъ Щербатовымъ, было на-лицо въ Типографской библіотекѣ только 8 (№№ 2, 5, 6, 7, 9, 12, 13, 14; см. стр. 175—6 статьи *Полтынова*; Щербатовъ цитируетъ ихъ подъ №№ 46, 50, 52, 54 fol.; 55, 59, 60 и 46 in 4°. Изъ нихъ только № 55 былъ напечатанъ въ 1784 году подъ названіемъ „Лѣтописца, который служитъ продолженіемъ Несторовъ лѣтоп.“ Изъ синодальныхъ, извѣстныхъ Щербатову, изданъ былъ древнѣйшій Новгородскій списокъ № 509, напечатанный также по другому списку въ *Продолженіи Древн. Византиски*). Начиная съ V тома исторіи Карамзинъ цитируетъ довольно много синодальныхъ лѣтописей, именно №№ 46, 87, 90, 270, 318, 348, 351, 356, 364 и 365, изъ котораго дѣлаетъ значительныя выписки. Определить отношеніе этихъ рукописей какъ къ извѣстнымъ Щербатову, такъ и къ хранящимся теперь въ Синод. библ. невозможно безъ спеціальнаго изученія.

***) Всѣ эти документы, за исключеніемъ вопросовъ Кирика, напечатаны былъ впрочемъ, по той же рукописи еще до выхода въ свѣтъ *Исторіи юсуд. Росс.*, въ 1-мъ томѣ *Русскіяхъ достопамятностей*, изд. Общ. ист. и др. р. М., 1815 г.

****) *Щербатовъ*: т. III и IV, ч. 1 и 3 (изданы въ 1774—84 году). *Карамзинъ*: т. IV и V. Вновь присоединяется у Карамзина—Псковская лѣтопись, извѣстная ему въ четырехъ спискахъ (*И. Г. Р.*, изд. Эйнерлинга, I, XVI, прим. 1).

ся, какъ мы знаемъ, тѣми важнѣйшими изъ грамотъ, которыя хранились въ московскомъ архивѣ министерства иностр. дѣлъ *); къ нимъ онъ присоединилъ нѣсколько ханскихъ ярлыковъ, найденныхъ имъ въ одной рукописи Синодальной библиотеки. Карамзинъ засталъ всѣ эти документы уже напечатанными **); тѣмъ не менѣе, изъ нихъ, какъ и изъ печатныхъ лѣтописей, онъ дѣлаетъ выписки, а иногда и сообщаетъ полный текстъ, особенно если ему удалось найти новый списокъ документа ***). Но и здѣсь къ наличному материалу Карамзинъ дѣлаетъ весьма существенныя добавленія. Нѣсколько важныхъ грамотъ даютъ ему рукописи Синодальной библиотеки ****). Отъ Мусина-Пушкина онъ получаетъ драгоценное собраніе Двинскихъ грамотъ, въ составѣ которыхъ оказываются Двинская уставная грамота 1397 г., Новгородская судная, извѣстная грамота о черномъ борѣ 1437 г., договоръ кн. Ивана Можайскаго съ кн. Ив. Ярославичевымъ 1462 г., договоръ Дмитрія Донскаго съ новгородцами. Но, кромѣ этихъ прежнихъ источниковъ своихъ находокъ, Карамзинъ отыскиваетъ и новые. Цѣлый рядъ важнѣйшихъ документовъ онъ получаетъ изъ кенигсбергскаго архива: грамоты галицкихъ князей, договоръ Свидригайло съ орденомъ 1402 г. и др. Публичная библиотека, Іосифовъ Волоколамскій монастырь и нѣкоторые другія учрежденія и лица также доставляютъ не мало интересныхъ документовъ.

Иностранная литература и источники являются въ этихъ томахъ *И. Г. Р.* тоже въ значительно обновленномъ и дополненномъ составѣ. Только, кажется, источники для исторіи скандинавовъ и турковъ остаются тѣ же, какъ у Щербатова: тотъ же Далингъ и Маллетъ, тотъ же Дегинъ и Абульгази. За то вмѣсто Флери для исторіи церкви является Райнальдъ; вмѣсто Солиньяка и Дефонтена — Нарушевичъ для исторіи Польши; кромѣ компилятора Стрыйковскаго, единственно извѣстнаго Щербатову, появляется у Карамзина и Кадлубекъ, и Богуфаль, и Длугошъ — древнѣйшіе хронисты. Точно также, сверхъ ливонской хроники Арндта, исторіографъ пользуется Дуисбургомъ, Гранцемъ и Кельхомъ. Наконецъ, начинаютъ появляться и сказанія иностранцевъ о Россіи. Щербатовъ знаетъ только Пано-Карпини; Рубрукви съ ему извѣстенъ только по сочиненію Рычкова. Карамзинъ пользуется обоими въ подлинникахъ и знаетъ, кромѣ нихъ, еще Барбаро и Шильбергера.

*) Грамоты новгородскія №№ 1—12; Грамоты великихъ князей №№ 1—7, 9, 11—15, 17—22, 25, 27, 29—58, 61—67, 70—76. Въ приложеніяхъ (IV, ч. 3) *пересказывается* содержаніе грамотъ; печатать ихъ текста Щербатовъ, какъ мы видѣли, не могъ, предоставляя право изданія подлинниковъ Миллеру.

**) Въ *Росс. Визитов.*, I и VI томы, въ *Собр. грамотъ и догов.*, т. I.

***) Наприм., Ярлыкъ Узбека изъ Воскресенской лѣтописи („Ростовской архивской“, — коллегія иностр. дѣлъ, — по терминологіи Карамзина), копія съ договора Михаила Тверскаго съ Василемъ I (V, прим. 183).

****) Церковный уставъ 1390 г. изъ харатейной рук. № 216; грамота митрополита Алексія на Червленый Яръ изъ сборника № 473; весьма важный сборникъ № 164: *Посланіе російскихъ митрополитовъ.*

Въ третій разъ измѣняется составъ историческихъ источниковъ со времени Ивана III *). Въ лѣтописяхъ и грамотахъ великихъ князей **) Щербатовъ присоединяетъ памятники дипломатическихъ сношеній, хранящіеся въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ ***). Цѣлый рядъ грамотъ, извлеченныхъ изъ «Статейныхъ списковъ», напечатанъ Щербатовымъ, на этотъ разъ уже въ подлинникѣ, въ приложеніяхъ. Карамзинъ далъ новыя выдержки и тексты изъ того же источника ****). Двинскія грамоты и документы кенигсбергскаго архива даютъ Карамзину, по-прежнему, возможность обогатить актовыи матеріалъ весьма важными новинками; наприм., изъ Двинскихъ грамотъ онъ печатаетъ договоры новгородцевъ съ Казиміромъ и съ Иваномъ III (1471 г.). Очень важныя данныя для церковной исторіи даютъ ему рукописи Синодальной бібліотеки, Іосифова монастыря и Троицкой лавры *****). Для исторіи законодательства, кромѣ *Судебника* Ивана IV, извѣстнаго и Щербатову, ему удастся воспользоваться для второго изданія только что найденнымъ въ 1817 году *Судебникомъ* Ивана III. Разрядныя и родословныя книги, хорошо изученныя Щербатовымъ, извѣстны Карамзину въ другихъ, иногда очень любопытныхъ спискахъ. Оба они пользуются и послужнымъ спискомъ бояръ, изданнымъ въ *Опытъ трудовъ вол. р. собр.* Но что особенно увеличиваетъ ученые ресурсы Карамзина въ этой части исторіи, это—сказанія иностранцевъ. Щербатову «Герберштейнъ» извѣстенъ только по дѣлу о его посольствѣ въ архивѣ иностр. коллегіи; Контарини онъ знаетъ только по статьѣ о Венеціи въ *Атласъ историческомъ*, а «Павла Жова»—по цитатѣ изъ словаря Морери. Карамзинъ знакомъ съ франкфуртскимъ сборникомъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи *****). Герберштейнъ, Павель Іовій, Гваньини, Одерборнъ извѣстны ему по этому изданію, Контарини — по изданію Бержерона.

*) *Щербатовъ*, т. IV, ч. 2 и 3 (изданы въ 1783 и 1784 гг.). *Карамзинъ*, т. VI и VII.

**) Щербатовъ цитируетъ и пересказываетъ въ приложеніяхъ №№ 78—83, 91—95, 99—118, 120—132, 137—138, 143—144, 148, 150, 155, 157—158, 161—162, 169. Въ пересказъ онъ все болѣе вставляетъ подлинныхъ выраженій, а къ концу начинаетъ печатать сплошь подлинный текстъ грамотъ (№№ 157, 162, 169).

***). Цитируются дѣла Татарскія (№№ 1—8), Крымскія (№ 1), Цесарскія (№№ 1—2), Польскія (№ 1), прусскаго магистра и переписка съ греческимъ духовенствомъ.

****). Тѣ и другія выдержки должны, конечно, потерять значеніе послѣ напечатанія всего матеріала дипломатическихъ сношеній XVI в. Но изданіе этихъ памятниковъ, начатое Г. Ф. Карповымъ, еще и въ наше время не закончено. Изданы до сихъ поръ сношенія съ Польско-Литовскимъ государствомъ за 1487—1571 гг. (*Памятники дипл. снош. древней Россіи въ Сб. И. Общ.*, т. XXXV, LIX и LXI), съ Прусскимъ ордепомъ за 1516—1520 гг. (т. LIII), съ Крымской и Ногайской ордами и съ Турціей за 1474—1505 гг. (т. XLI). О другихъ изданіяхъ см. у *Иконникова*, 399—400 и XLIII—VIII.

*****). Кромѣ древнѣйшихъ служебныхъ книгъ, упоминаемыхъ въ предъидущихъ томахъ, сюда относятся сочиненія Максима Грека въ рук. Тр. лавры, свѣдѣнія о соборѣ 1503 года въ Синод. рук. № 79, о Виленскомъ соборѣ въ Синод. рук. № 87; рукописи Синод. библ. № 347 и Іосифова монастыря № 666, дѣло Максима Грека въ рук. Арх. ин. колл., церковный кругъ Геннадія и друг.

*****). *Rerum Moscoviticarum auctores varii*. Francof., 1600.

За время царствованія Ивана Грознаго *) основнымъ источникомъ продолжаютъ оставаться грамоты и статейные списки архива иностранной коллегіи **). Карамзинъ присоединяетъ къ нимъ, по-прежнему, документы, полученные изъ кенигсбергскаго архива; кромѣ того, онъ пользуется выписками изъ ватиканскаго архива, сдѣланными Альбертранди ***); канцлеръ Румянцевъ снабжаетъ его также нѣкоторыми актами мекленбургскаго архива и Британскаго музея. Къ извѣстной уже Щербатову перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ историографъ присоединяетъ знаменитые «синодиги» Грознаго и его письмо въ Бѣлозерскій монастырь. Въ дополненіе къ изданной Щербатовымъ *Царственной книгѣ* Карамзинъ пользуется Синодальною рукописью № 270, которую онъ называетъ ея «продолженіемъ» ****), весьма важной лѣтописью Александро-Невской лавры *****), а также другими лѣтописями и хронографами частныхъ лицъ и Синодальной бібліотеки. Исторія завоеванія Сибири, изложенная у Щербатова по Миллеру и Фишеру, получаетъ у Карамзина новое освѣщеніе съ помощью неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ лѣтописей—Саввы Есипова, Ремезова и Тобольской. По обыкновенію, вновь появляются въ *Исторіи государства Россійскаго* памятники важные для церковной исторіи: *Стоглавъ*, свѣдѣнія о соборѣ 1554 г. противъ московскихъ еретиковъ, объ обиходѣ Іосифова монастыря и др. Наконецъ, и въ этомъ отдѣлѣ впервые входятъ въ ученый оборотъ сказанія иностранцевъ. Щербатовъ въ своемъ пятомъ томѣ знаетъ только сборникъ «Гарклюйта» во французскомъ переводѣ и сообщаетъ оттуда одну грамоту царя Ивана Васильевича къ Эдварду VI. Карамзинъ пользуется оригинальнымъ изданіемъ Гарклюйта и извлекаетъ оттуда свѣдѣнія о Ченслерѣ, Баусѣ, Ленѣ, Дженкинсонѣ. Помимо Гарклюйтовскаго собранія Щербатову извѣстны одни *Комментаріи* Поссевина; Карамзинъ присоединяетъ, кромѣ раньше названныхъ, Бреденбаха (*Historia belli Livonici*), Таубе и Крузе, тогда еще не изданныхъ и полученныхъ имъ въ 1811 г. въ рукописи изъ кенигсбергскаго архива, Гейденштейна, Пернштейна (Кобенцеля), Ульфельда, Горсея, Маржерета и Петрея.

Обращаемся къ исторіи Россіи со времени Федора Ивановича до между-

*) *Щербатовъ*, т. V, ч. 1—4 (изданы въ 1786—89 гг.). *Карамзинъ*, VIII и IX томы.

**) Щербатовъ цитируетъ и печатаетъ извлеченія изъ грамотъ №№ 188—194, 198, 201—204, 208—211; изъ статейныхъ описковъ, хранящихся въ дѣлахъ *Польскихъ* №№ 6, 7, 9—15; *Крымскихъ*—№№ 11—15; *Шведскихъ*—№№ 2 и 3; *Татарскихъ*—№ 14; *Датскихъ*—№ 2; *Турецкихъ*—№ 2; *Цесарскихъ*—№№ 3 и 5; *Анлійскихъ*—№ 1; *Ноландскихъ*—№ 2. Для Карамзина ср. указатель Строева подъ этими словами (и кромѣ того дѣла *Цапскія*).

***) Изданы вмѣстѣ съ другими выписками изъ иностр. архивовъ въ 1841—42 гг. А. И. *Турненевымъ*, который и познакомилъ съ ними Карамзина (*Historica Russiae monumenta* или *Акты историч. отнош. къ Россіи* и т. д. Два тома).

****) Щербатовъ употребляетъ въ дѣло, кромѣ прежнихъ, также лѣтопись Синодальной бібліотеки № 80. Было бы любопытно выиснить, была ли она извѣстна Карамзину.

*****) Изданы въ *Русской исторической бібліотекѣ*, т. III.

царствія, на которомъ остановились оба историка *). Матеріаль, заимствованный изъ дипломатическихъ документовъ, опять одинаковъ у того и другого **). Главныя лѣтописи смутнаго времени — *Новый лѣтописецъ*, *Лѣтопись о мятежахъ*, *Палицынъ*, нѣкоторые хронографы—уже извѣстны Щербатову. Карамзинъ дополняетъ ихъ нѣсколькими повѣстями, нѣсколькими любопытными списками хронографа, такъ называемою рукописью Филарета. Важнымъ пособіемъ для исторіи этого періода былъ для Щербатова *Опытъ новейшей исторіи* Миллера, начало котораго было напечатано въ *Ежемесячныхъ сочиненіяхъ* (1761 г.), а продолженіе хранилось въ архивѣ въ рукописи иностр. коллегіи. Руководимый Миллеромъ, Щербатовъ начинаетъ шире пользоваться иностранцами, чѣмъ мы это видѣли ранѣе. Переносъ въ свою *Исторію* иногда цѣлыя страницы Миллеровскаго труда, онъ передаетъ и его цитаты ***); нѣкоторыми изъ нихъ онъ заинтересовывается и достаетъ самыя цитированныя сочиненія. Такимъ образомъ, Щербатовъ пользуется въ VII томѣ Маржеретомъ, Страленбергомъ, де-Ту, книжкой подъ заглавіемъ *Relation curieuse de l'état présent de la Russie* ****). Однако Карамзинъ и здѣсь далеко превосходитъ его знакомствомъ съ иностранцами. Кромѣ названныхъ выше, онъ знаетъ еще Бера, полученнаго имъ отъ Румянцева, Горсея (*Coronation*), Шила, Мильтона, Паерле, Масѣвича и другихъ; значительный польскій матеріаль даютъ ему изданія Нарушевича и Нѣмцевича, а также выписки Албертгранди (дневники Олесницкаго и Гонсѣвскаго, описаніе событій 1604—9 неизвѣстнаго автора).

Разумѣется, во всемъ этомъ сравнительномъ перечнѣ источниковъ Щер-

*) Щербатовъ—т. VI, ч. 1 и 2 (изд. 1790 г.) и т. VII, ч. 1—3 (изд. 1790—1791 гг.)—остановился на изложеніи Шуйскаго; Карамзинъ (т. X—XII), какъ извѣстно, довелъ разсказъ до смерти Лягунова.

***) Щербатовъ цитируетъ и печатаетъ въ извлеченіяхъ въ этихъ томахъ: дѣла *Польскія*, стат. списки №№ 15, 17—21, 24—27; 1605 г., пріѣздъ гонца Бычинскаго, 1608 г., явка 1; списокъ съ перемирія съ Олесницкимъ, № 4; 1609 г. 28 февраля, списокъ съ записи Юрія Боя; 1610 г. марта 5, № 1, присяга ржев. и вуцков. воеводъ Сягизмунду. Дѣла *Цесарскія*, стат. сп. №№ 5 и 6; 1599 г., посольство Ае. Власьева; 1601 г., отправленіе Власьева и пріѣздъ Шеля; 1602 г., № 1. Дѣла *Анжійскія*, стат. сп. № 1; 1598 г., связки; 1599 г., связки—пріѣздъ х-ра Тим. Виллиса; 1600 г., столбцы, связка № 4; 1603 г., связка № 3 (пріѣздъ Оомы Шмита). Дѣла *Турецкія*, стат. сп. №№ 2 и 3. Дѣла *Шведскія*, стат. сп. №№ 4—6; 1698 г., переписка о развѣдкѣ цѣнныхъ; 1609 г., пріѣздъ и отгулъ посланныхъ отъ Деллагарди. Дѣла *Крымскія*, стат. сп. № 16. Дѣла *Татарскія*, стат. сп. № 16. Дѣла *Персидскія*, стат. сп. № 1; связка № 1. Дѣла *Грузинскія*, стат. сп. № 1; 1601 г., столбецъ посольства Ив. Нащокина. Дѣла *Датскія*, 1601 г., связка № 3; 1602 г., связки №№ 1—2; пріѣздъ датск. королевича. Дѣла съ *Ганзой*, 1603 г., связка № 1, пріѣздъ пословъ вольныхъ городовъ. Дѣла съ греч. духов., № 3. Грамоты *Расстрихи*, №№ 1—5, 9, 14—15, 17—20, 22—23, 27, 31, 33, 34, 37. Одинъ документъ (инструкція папы Комулеу) списанъ въ Римѣ и доставленъ Щербатову по повелѣнію Екатерины II.

****) Характеръ пользованія текстомъ и цитатами видѣтъ изъ VII, I, 267, 56, 277; II, 3, 14, 37.

*****) Петрея и два другія сочиненія: *La légende de la vie et de la mort de Demetrius* и *The Russian impostor*,—онъ, кажется, знаетъ только по цитатамъ Миллера.

батова и Карамзина мы старались обратить вниманіе только на самое главное. Чтобы показать, въ какой степени «Примѣчанія» Карамзина обновили запасъ научнаго матеріала по русской исторіи, и сдѣланныхъ указаний совершенно достаточно. Если текстъ «Исторіи государства Россійскаго», приноровленный къ литературнымъ вкусамъ большой публики, приобрѣлъ автору непрочную славу среди почитателей его повѣстей, то «Примѣчанія», по понятной теперь для насъ причинѣ, сохранили надолго огромное значеніе для специалистовъ *). Пожаръ двѣнадцатаго года увѣковѣчилъ это значеніе «Примѣчаній» для тѣхъ памятниковъ, оригиналы которыхъ погибли въ этомъ пожарѣ, между тѣмъ какъ текстъ «Исторіи» давно уже потерялъ всякій интересъ, кромѣ историческаго.

Намъ остается рассмотреть взгляды Карамзина на общій ходъ русской исторіи. Найдя, что даже наиболѣе дисциплинированные и наиболѣе положительныя изслѣдователи прошлаго вѣка были бессильны противъ ходячаго взгляда, мы уже не будемъ ожидать отъ Карамзина чего-либо новаго въ этомъ отношеніи. Его взглядъ вполне воспроизводитъ извѣстные намъ взгляды предшественниковъ. Карамзинъ, какъ мы видѣли, вообще находится подъ вліяніемъ Шлецера, нѣсколько измѣнившаго традиціонную схему русской исторіи. Но въ этомъ случаѣ Карамзинъ, насколько только возможно, возвращается къ схематизму Ломоносова. Несомнѣнно для него только одно: именно, что призванные князья были норманны. Затѣмъ, слѣдуя Шлецеру, а не вопреки ему, какъ утверждали патріотическіе поклонники Карамзина, историографъ принимаетъ мнѣніе, что Русское государство возникло свободно,—призваніемъ, а не завоеваніемъ. Связь со Шлецеромъ видна будетъ изъ слѣдующаго сопоставленія:

Шлецеръ. Несторъ. II, стр. 159—160.

Карамзинъ. I, IV глава.

Большая часть великихъ державъ въ свѣтѣ составила завоеваніемъ или неволею... Но русская держава возникла совсѣмъ иначе. Пять народовъ..., каждый добровольно **)... вступаютъ между собою въ союзъ и, по взаимному согласію, избираютъ себѣ начальниковъ изъ 6-го народа.

Начало Россійской исторіи представляеть намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ дѣтописяхъ случай: славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе и требуютъ подарей отъ варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили самовластіе (ибо народы хотѣли законовъ,

*) Постепенное изданіе памятниковъ, отчасти обогнавшее даже выходъ въ свѣтъ „Исторіи Г. Р.“, должно было лишитъ и „Примѣчанія“ большей части ихъ научнаго значенія, такъ какъ главное ихъ содержаніе состоитъ въ выдержкахъ изъ первоисточниковъ, а критическій элементъ почти отсутствуетъ. Если, тѣмъ не менѣе, „Примѣчанія“ сохранили свое значеніе до нашего времени, то это свидѣтельствуетъ только о слабости издательской дѣятельности по русской исторіи. До какой степени историческая наука медленно овладѣваетъ историческимъ матеріаломъ, употребленнымъ въ дѣло Карамзиннымъ, видно уже изъ того, что мы до сихъ поръ не собрались приурочить цѣлѣ Карамзина къ нынѣ существующему изданному и нежданному матеріалу.

**) Курсивъ въ подлинникѣ.

но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ.

По мнѣнію Шлепера, только послѣ возстанія Вадима Рюрикъ явился въ Новгородѣ уже не въ качествѣ добровольно-призваннаго князя, а въ качествѣ завоевателя, и въ это время онъ основалъ феодальную систему. И въ этомъ видѣли разницу во взглядахъ между Шлеперомъ и Карамзинымъ, который, будто бы, не признавалъ въ русской исторіи ни завоеванія, ни феодализма. Однако же, то и другое,—и завоеваніе и феодальная система,—есть и у Карамзина, только они запряваны у него въ одной неясной фразѣ: «Рюрикъ, принявъ единовластіе, отдалъ въ управленіе знаменитымъ единоплеменцамъ своимъ, кромѣ Бѣлоозера, Полоцкѣ, Ростовъ и Муромъ, имъ или братьями его *завоеванныя*, какъ надо думать. Такимъ образомъ... утвердилась... система феодальная» и т. д.

Принимая Шлеперовскую мысль о феодальномъ устройствѣ древнѣйшей Руси, Карамзинъ принимаетъ также и Болтинскую идею о томъ, что первые государи не были самодержавны. Этимъ, однако, и ограничиваются уступки его воззрѣніямъ, поколебавшимъ Ломоносовско-Татищевскую схему русской исторіи. На общій выводъ эти уступки не оказываютъ, никакого вліянія. Вслѣдъ за Татищевымъ и Ломоносовымъ Карамзинъ повторяетъ: «отечество наше обязано величіемъ своимъ счастливому введенію монархической власти». Такимъ образомъ, дальнѣйшую мысль Болтина и нѣмецкихъ изслѣдователей, что варяги явились не какъ государи, а какъ защитники страны отъ сосѣдей, Карамзинъ рѣшительно отвергаетъ *). Точно также не соглашается онъ и назвать Россію въ первомъ періодѣ—рождающеюся, какъ предлагалъ Шлеперъ. «Вѣкъ Владимира былъ уже вѣкомъ могущества и славы,—а не рожденія». Какъ неохотно отказывается Карамзинъ отъ старой схемы, видно изъ слѣдующихъ частныхъ случаевъ. Въ началѣ нашей исторіи существовало два одинаково сомнительныхъ преданія: о Гостомыслѣ, который призвалъ князей, и о Вадимѣ, который взбунтовалъ Новгородъ противъ княжеской власти. Шлеперъ безусловно отвергалъ существованіе Гостомысла; а преданіе о Вадимѣ считалъ вѣроятнымъ и выпущеннымъ изъ лѣтописей московской политикой **). Карамзинъ, не высвободившійся еще изъ-подъ «ферулы» учителя, до извѣстной степени готовъ признать и извѣстіе о Гостомыслѣ «сомнительнымъ» и возстаніе Вадима «вѣроятнымъ». Но въ выраженіяхъ его въ томъ и другомъ случаѣ ясно видно желаніе, чтобы читатель думалъ какъ разъ наоборотъ. «Древняя лѣтопись не упоминаетъ о семъ благоразумномъ совѣтникѣ,—говоритъ онъ по

*) I, прих. 276.

**) „Очень легко становится, что это выпущено съ умысломъ трусливыми переписчиками. Часто случается, что политика сильныхъ или робкихъ вторгается въ область критики, вырываетъ цѣлыя листы изъ лѣтописей и приказываетъ вставлять другія слова“. Предположеніе Шлепера поддержалъ впоследствии Янинъ въ своей статьѣ о *Новгор. лѣтописи и ея московской передѣлкѣ* (Чтенія Общ. Ист. и Др. 1874, II), но встрѣтилъ возраженія со стороны г. *Сенинова*.

поводу Гостомысла,—но ежели преданіе истинно, то Гостомыслъ достоинъ славы и безсмертія въ нашей исторіи». А про Вадима говорится вотъ въ какихъ выраженіяхъ: «сіе извѣстіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ». Такъ колеблются критическіе вѣсы исторіографа, смотря по тому, въ какую сторону долженъ склониться приговоръ: *за* или *противъ* традиціи.

Даже традиціоннаго года основанія государства Карамзинъ не хочетъ уступить. Принявши мнѣніе Шлецера, что хронологія Нестора вымыслена, и согласившись съ нимъ, что даты 859—862 невѣроятны, Карамзинъ приходитъ, однако, къ неожиданному результату. «Какъ *доказать*, что древній лѣтописецъ ошибся, и что Рюрикъ пришелъ ранѣе 862 года», спрашиваетъ онъ, и рѣшаетъ начинать исторію государства Россійскаго съ 862 года *).

Такимъ образомъ, несмотря на то, что Карамзинъ, повидимому, принимаетъ Шлецовскія мнѣнія о происхожденіи Русскаго государства,—отъ этихъ мнѣній послѣ всѣхъ оговорокъ и добавленій остается весьма немного, и изъ-за Шлецовскихъ тезисовъ ясно проглядываютъ всѣ основныя черты отвѣргнутой Шлецеромъ Ломоносовской схемы: величіе перваго періода русской исторіи, основанное на монархической власти первыхъ князей, даже и съ правильнымъ престолонаслѣдствіемъ, потому что Олегъ признается Карамзинимъ за правителя, «опекуна» Игоря.

Въ дальнѣйшихъ частяхъ тожество схемы Карамзина съ традиціонною схемою XVIII столѣтія выступаетъ уже безъ всякой маскировки. Ходъ послѣдующей исторіи объясняется, какъ и у предшественниковъ, обычаемъ княжескихъ раздѣловъ.

Шлецеръ, III, гл. VII. „Святославъ начинаетъ пагубный раздѣлъ Россіи“. „Онъ первый подалъ пагубный примѣръ раздѣловъ, кои дѣлами 500 лѣтъ держали Россію въ явленіи, бѣдствіи и нуждѣ“.

Шлецеръ. Probe russ. Appalen (ср. *Ломоносова*). (При семи первыхъ влѣстителяхъ Русское государство) достигло могущества и величія, какъ Римъ при своихъ семи царяхъ. Но едва оно достигло этой степени, какъ раздѣлы Владиміровы и Ярославовы низвергли его въ прежнюю слабость, такъ что въ концѣ-концовъ оно сдѣлалось добычей татарскихъ ордъ и т. д. (болѣе, чѣмъ на 200 лѣтъ).

Карамзинъ: „И такъ Святославъ первый ввелъ обыкновеніе давать сыновьямъ особенныя удѣлы: примѣръ несчастный, бывшій виною всѣхъ бѣдствій Россіи“.

„Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возвеличенная единовлѣстіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малыя части. Владиміръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ — Владимірову; послѣдніи ихъ... не умѣли соединить частей въ одно цѣлое, и государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, — слабѣло и разрушалось болѣе 300 лѣтъ“.

Сходная вообще со взглядами историковъ XVIII вѣка, философія исторіи Карамзина однако и въ этомъ періодѣ представляетъ особенности, специально сближающія ее съ Ломоносовскою. Припомнимъ справедливый упрекъ Шлецера Ломоносову, что въ его изображеніи Русь въ теченіе

*) I, прил. 120.

всей исторіи сохраняет характеръ единого государства. Въ изложеніи Карамзина событія удѣльнаго періода точно также изображаются, какъ будто бы на Руси было только одно великое княженіе; поэтому московскій князь оказывается иногда отвѣтственнымъ за событія, происходящія въ совершенно независимой отъ Москвы области.

Эта точка зрѣнія служила весьма удобнымъ средствомъ, чтобы расположить русскую исторію въ видѣ одной линіи, на которой Москва являлась естественнымъ продолженіемъ Кіева. Возвышеніе Москвы представляется, такимъ образомъ, Карамзину какъ нѣчто необходимое въ общемъ ходѣ русской исторіи,—такъ сказать, провиденціальное. Не выдвинь татары Москвы,—по его мнѣнію, Россія была бы раздѣлена татарами: «тогда мы утратили бы и государственное бытіе и вѣру, которая спаслась Москвою». Сохраненіе государственности и вѣры есть, стало быть, специальная заслуга Москвы; а возвышеніе Москвы—личная заслуга московскихъ государей. Вначалѣ московскіе государи стремятся къ этой цѣли даже безсознательно; и пока они служатъ только орудіями въ рукахъ Божіихъ,—историкъ-моралистъ не хочетъ оправдывать ихъ безнравственной политикой. «Судь исторіи не извинить и самаго счастливаго злодѣйства,—говорится про Ивана Калиту,—ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе—отъ Бога». Но вотъ является уже сознательный исполнитель божественныхъ предначертаній, великій Иванъ III—и нравственный «судь исторіи»—умолкаетъ. Иванъ III «принадлежитъ къ числу весьма немногихъ государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшать надолго судьбу народовъ, онъ есть герой не только російской, но и всемірной исторіи». Вотъ, наконецъ, передъ нами философія исторіи болѣе глубокая, чѣмъ все, что мы до сихъ поръ видѣли. И такъ, не можемъ ли мы причислить Карамзина къ историкамъ-провиденціалистамъ, вродѣ Боссюэта или Лорана? Отнюдь нѣтъ. Наведенный самымъ теченіемъ историческихъ событій на иную философію исторіи, чѣмъ его морально-реторическая,—Карамзинъ спѣшитъ остановиться на порогѣ, не рѣшаясь проникнуть въ святилище. «Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ метафизики, не дерзая опредѣлять внѣшнихъ намѣреній божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, *какое-то согласное теченіе мірскихъ случаевъ къ единой цѣли или связъ между оными для произведенія какого-нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго*». Подчеркнутыя слова, кажется, самыя философскія во всей Исторіи государства російскаго, но они и единственныя. Сопоставивъ вѣкъ Ивана III съ вѣкомъ возстановленія монархіи и просвѣщенія на Западѣ, Карамзинъ на этомъ сопоставленіи и останавливается. Философія Провидѣнія нужна ему не для начертанія какой-нибудь общей схемы всемірно-историческаго развитія, не для пріуроченія къ этой схемѣ русскаго историческаго процесса. Секреты Провидѣнія такъ и останутся для него секретами; но нравственное чувство моралиста будетъ удовлетворено мыслью о предопредѣленности совершившагося, а эстетическое чувство художника

найдеть себѣ пищу въ созерцаніи перспективъ неясныхъ, но «заманчивыхъ для воображенія».

IV.

Мы только что видѣли, что историческая схема Карамзина есть, въ сущности, та же схема, которая намъ извѣстна изъ исторіографіи XVIII в. Въ основѣ этой схемы лежало объясненіе хода исторіи изъ личныхъ приѣмовъ княжеской политики. Воля князей повергла Россію въ пучину гибели, и та же воля вознесла ее на верхъ величія. Изъ этого основнаго принципа съ логической послѣдовательностью развивалась цѣлая система русской исторіи. Періодъ первоначальнаго единства и могущества въ Кіевѣ; затѣмъ ошибочныя распоряженія князей о раздѣлѣ; ослабленіе и раздробленіе Руси; какъ послѣдствіе раздѣловъ; татарское иго, независимость Литвы и сѣверныхъ республикъ, какъ послѣдствія ослабленія и раздробленія; наконецъ, отиѣна раздѣловъ и, какъ слѣдствіе отиѣны, объединеніе и усиленіе Россіи, сверженіе ига, уничтоженіе республикъ и подчиненіе литовской Руси:—таковы послѣдовательныя звенья этой цѣпи, необыкновенно плотно сомкнутыя между собою. Когда же и гдѣ сложилось такое пониманіе смысла русской исторіи, являющееся готовымъ въ XVIII вѣкѣ и съ такимъ постоянствомъ раздѣляемое всѣми историками до Карамзина включительно?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ надо оставить на время исторіографію XVIII в. и обратиться къ XV и XVI столѣтіямъ. Здѣсь мы найдемъ и реальную надобность въ разбираемой философіи исторіи и реальную обстановку, объясняющую ея происхожденіе. Теоретическое достоинство нашей схемы, конечно, не выиграетъ отъ такого объясненія; но мы по крайней мѣрѣ увидимъ, что было время, когда эта схема имѣла большое практическое значеніе и вытекала, казалось, изъ опыта самой жизни.

Княженіе Ивана III даетъ намъ ту обстановку, въ которой самъ собой долженъ былъ сложиться разсматриваемый взглядъ на русское прошлое. Всѣ первыя тридцать лѣтъ этого княженія заняты были борьбой съ удѣльнымъ порядкомъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что побѣда надъ братьями и другими княжескими линиями вполне сознательно представлялась Ивану III ступенью къ освобожденію отъ татарскаго ига. Раздробленіе Руси и татарщина—таковы были тѣ главные враги, съ которыми ему приходилось бороться, и не нужно было быть философомъ, чтобы понять, что оба врага находятся въ тѣсномъ союзѣ и другъ друга усиливаютъ. Въ 1491 году Иванъ схватилъ въ Москвѣ брата Андрея и присоединилъ его удѣлъ. Митрополитъ просилъ великаго князя освободить брата и, по рассказамъ, получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Жаль мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его... но освободить его не могу... (иначе) когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія надъ внукомъ моимъ, и если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а татары будутъ русскую землю губить, жечь и плѣнить, и дань

опять наложить, и кровь христіанская опять будет литься, какъ прежде, и всё мои труды останутся напрасны и вы будете снова рабами татаръ» *). Можетъ быть, именно такихъ словъ и не говорилъ Иванъ III, но вотъ слова, которыя онъ дѣйствительно велѣлъ говорить своей дочери, женѣ литовскаго князя Александра: эти слова записаны въ современномъ дипломатическомъ документѣ **): «Отецъ твой, госпоже, велѣлъ тебѣ говорить: сказывалъ ми Борисъ Кутузовъ..., что еси говорила съ ними, что князь велики да и панове думаютъ, а хотятъ Жыдимонту (брату Александра) дать въ литовскомъ въ великомъ княжествѣ Кіевъ да и иные города. Ино, дочи, слыхалъ язъ, каково было нестроенье въ Литовской землѣ, коли было государей много. А и въ нашей землѣ, слыхала еси, каково было нестроенье при моемъ отцѣ; а опослѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьею, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь. И только Жыдимонтъ будетъ въ литовской землѣ, — ино вашему которому добру быти? И язъ приказываю то къ тебѣ—того дѣя, что еси дѣтя наше, и что ся не по тому ваше дѣло начнетъ дѣлаться, и мнѣ того жаль». Такъ, личный опытъ подкрѣплялся для Ивана III опытомъ прошлаго. То и другое приводило къ извѣстному намъ объясненію татарщины изъ «великой государственной ошибки»—княжескихъ раздѣловъ. Для человѣка, посвятившаго всю жизнь на уничтоженіе послѣдствій этой ошибки, эта связь раздробленія и татарскаго ига должна была сдѣлаться аксіомой. Такимъ образомъ, изъ результатовъ текущей политики создавалось само собою историческое объясненіе.

Но это еще далеко не все. Опытъ прошедшаго привелъ къ одной исторической теоріи: изъ политики князей было объяснено раздробленіе Руси и татарщина. Задачи будущаго, политическіе идеалы, московскихъ дипломатовъ XV вѣка создали другую теорію. Покончивъ съ удѣлами и ордой въ первое тридцатилѣтіе, правительство Ивана III поставило на очередь новую задачу: присоединеніе единоплеменной и единовѣрной южной Руси, находившейся въ литовскихъ рукахъ. Здѣсь уже не политика объясняла исторію, а, напротивъ, исторія употреблялась какъ одно изъ орудій политики. Мимо періода раздробленія Руси наши дипломаты обращались къ тому времени, когда спорная южная Русь была достояніемъ Рюрикава дома. Московскій великій князь представлялся прямымъ наследникомъ кievскаго и предъявлялъ на кievскую Русь свои историческія права.

Притязанія Москвы на «всю Русь» заявлялись, правда, русскими дипломатами осторожно и не сразу, но съ такою настойчивостью и послѣдовательностью, которыя были бы невозможны безъ заранѣе обдуманной системы. Когда (въ 1492 г.) начались первые отъѣзды служивыхъ пограничныхъ князей отъ Литвы къ Москвѣ, — въ отъѣздахъ этихъ не было ничего незаконнаго: еще въ 1449 году заключенъ былъ Василиемъ Темнымъ договоръ съ Казимиромъ, по которому отъѣзды не воспрещались. И

*) Соловьевъ, V, стр. 67.

**) Сборникъ Русск. Истѳр. Общества, т. XXXV, изд. 2-е, стр. .

однако же москвичи, оправдывая княжескіе отъѣзды, не думаютъ ссылаться на договоръ Василя Темнаго, а указываютъ на историческія права московскаго князя: «напередъ сего нашему отцу и нашимъ преднимъ великимъ князьямъ тѣ князи служили съ своими вотчинами» *). Уже въ слѣдующемъ 1493 году Иванъ III открыто принимаетъ титулъ, соответствующій его притязаніямъ: «государь *всехъ* Руси»; и государь литовской Руси тщетно протестуетъ противъ этого нововведенія. «Государь нашъ,—отвѣчаютъ ему москвичи,—ничего высокаго не писалъ, ни новины некоторыя не вставилъ. Чѣмъ его Богъ подаровалъ отъ дѣдъ и прадѣдъ, — отъ начала правой есть уроженецъ государь *всехъ* Руси» **). Прошло десять лѣтъ. Новая война успѣла начаться и кончиться; черниговская и сѣверская области были заняты русскими войсками. Иванъ Васильевичъ продолжаетъ утверждать, что отнятыя у Литвы земли — «наша вотчина». Московскіе дипломаты прибавляли къ этому: «ино и не то одно—наша вотчина, кои волости и города нынѣ за нами; и вся русская земля, Божьею волею, изъ старины отъ нашихъ прародителей—наша вотчина». А за этимъ послѣдовало еще болѣе откровенное разъясненіе (1504 г.): «Вся русская земля — Кіевъ и Смоленскъ и иные города—отъ нашихъ прародителей наша вотчина, и онъ бы (король) намъ русскіе земли всеѣ — Кіева, Смоленска и *иныхъ* городовъ... поступился» ***). Какіе это «иные города», — объ этомъ заявлено было Литвѣ уже послѣ Ивана: «Кіевъ, Полтескъ, Витебскъ» — и опять-таки «иные города» (1517). Такимъ образомъ, расширяя свою программу дальше всякихъ предѣловъ непосредственно осуществимаго и предоставляя себѣ возможность при первомъ удобномъ случаѣ расширить ее еще больше, московскіе дипломаты поставили русской политикѣ цѣли, которыя удалось осуществить только черезъ два съ половиной столѣтія. Для насъ важно отмѣтить, что этимъ путемъ вводилась въ общее сознаніе другая историческая аксіома, на которой основывались московскія претензіи: идея тожества и наследственной связи московской и кіевской государственной власти. Въ силу ранѣе разобранной аксіомы, промежуточный періодъ русской исторіи представлялся, какъ мы видѣли, сплошной государственной ошибкой. Новая аксіома выбрасывала вовсе этотъ промежуточный періодъ изъ связи русскаго историческаго процесса. Оставалось сдѣлать послѣдній шагъ: оставалось придать кіевскому періоду характеръ московскаго, и наша докарамзинская схема была готова.

Прежде, чѣмъ перейдемъ къ разбору этого послѣдняго момента, остановимся еще на двухъ частностяхъ разбираемой схемы. Припомнимъ, что княжескіе раздѣлы объясняли въ докарамзинской схемѣ раздробленіе Руси; а раздробленіе Руси, въ свою очередь, употреблялось для объясненія того, какъ произошла независимость отъ Москвы литовской Руси и сѣвер-

*) *Сб. И. Общ.* XXXV, № 1, стр. №№ 8, 12.

**) *Ibid.*, № 22.

***) *Ibid.*, №№ 75, 78.

ныхъ вѣчевыхъ республикъ. И эту подробность,—объясненіе независимости Литвы и Новгородъ,—мы найдемъ готовою въ московской исторической литературѣ XVI вѣка. Несомнѣнно, въ первой половинѣ XVI вѣка уже существовало сказаніе, по которому власть литовскихъ князей надъ Литвой представлялась незаконнымъ захватомъ *). По этому сказанію, Юрій Даниловичъ московскій, придя изъ Орды на великое княженіе, нашель русскіе города запустѣвшими и безлюдными. Чтобы собрать людей, уцѣлѣвшихъ отъ плѣна, Юрій разослалъ войска по всемъ городамъ. Въ кievскую и волинскую земли посланъ былъ также «гегиманикъ» (слово, понимаемое здѣсь составителемъ сказанія, повидимому, въ нарицательномъ смыслѣ «гегемона» — предводителя), чтобы и на той сторонѣ Днѣпра собрать разбрѣдшихся людей и наполнить грады и веси. Этотъ-то «гегиманикъ, мужъ зѣло храбръ и велія разума», «началь собирать дани и сокровища изыскивать по тѣмъ странамъ, и зѣло обогатѣлъ и собралъ себѣ множество людей, которыхъ одарялъ не скудной рукой; и пачалъ онъ владѣть многими землями и назвался княземъ великимъ Гедиманомъ литовскимъ,—вслѣдствіе несогласія и междоусобной брани прежнихъ русскихъ государей великихъ князей».

И такъ, Гедиминъ—узурпаторъ, превратившійся въ князя изъ простаго военачальника Юрія Даниловича. По существу, этотъ взглядъ ничѣмъ не отличается отъ взгляда Татищева, по которому литовскіе князья нѣкогда повиновались русскимъ, и независимость Литвы явилась слѣдствіемъ отпаденія ея отъ власти Россіи во время княжескихъ междоусобій. Точно также сходится историкъ XVIII вѣка съ повѣствователемъ XVI вѣка и въ объясненіи независимости «республиканскихъ правительствъ» сѣвера. И Новгородъ съ Псковомъ обязаны своей самостоятельностью тѣмъ же княжескимъ раздорамъ. Вотъ какъ развивается это объясненіе въ исторической повѣсти о взятіи Казани, составленной современникомъ **): «Изначала,—говорить онъ,—было одно государство, одна держава и область русская:

*) Древнѣйшая, мнѣ извѣстная рукопись, содержащая это сказаніе, хранится въ библиотекѣ московской духовной академіи подъ № 627; сюда она попала изъ Волоколамскаго монастыря (см. *Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библ. Иосифова мон.* и т. д., іером. Иосифа, подъ № 212, стр. 273—4). На оборотѣ послѣдняго листа рукописи читаемъ: «Книга князь Дмитреева Ивановича Немого... Телешнева внука». Кн. Д. И. Нѣмой-Оболенскій умеръ въ 1566 году (*Визловика*, XX, стр. 46), и такимъ образомъ содержаніе рукописи слѣдуетъ относить къ первой половинѣ XVI вѣка. Къ первой же половинѣ XVI в. слѣдуетъ относить сказаніе о литовскихъ князьяхъ и по тому соображенію, что въ 1556 г. это сказаніе уже вошло, повидимому, въ оффиціальныи текстъ государева Родословца (*Временникъ Общ. Ист. и Др. Р.*, X, стр. 75—76: непечатанныи здѣсь первый текстъ, по нашему предположенію, представляетъ изъ себя довольно чистый текстъ государева Родословца 1556 года). По рукописи второй половины XVI в. *Родословіе Литовскаго княжества* издано въ *Чтеніи Общ. Ист. и Др. Р.* 1889 г., кн. III, библиографич. матеріалы А. Н. Попова, стр. 76 и слѣд.

**) О Казанской исторіи см. у *Шпилевскаго*: «Древніе города» и т. д. Казань, 1887 г., стр. 552—567.

поляне, древляне, новгородцы и полочане, волыняне и подоляне, — то все единая Русь и единому великому князю служили и повиновались и дань давали: кievскому и владимирскому. Но въ горькія Батыевы времена, видя державныхъ русскихъ нестроение и мятежь, они отступили и отдѣлились отъ русскаго царства владимирскаго (рѣчь идетъ о новгородцахъ). Такимъ образомъ, они остались отъ Батыя невоеваны и непѣнены... потому и возгордились и своихъ князей владимирскихъ ни во что вѣнчили, живя въ своей волѣ и сами собой властвуя и никому не покоряясь... (Но впоследствии) Божиимъ промысломъ погибло царство и власть Орды Златая, и тогда великая наша русская земля освободилась отъ ярма и покоренія бесерменскаго и начала обновляться, какъ бы отъ зимы прелаяться на тихую весну, и взошла паки на древнее свое величество... какъ встарину при великомъ князѣ Владимирѣ преславномъ; и возсіялъ нынѣ стольный градъ Москва, второй—Кіевъ, не поколеблусь сказать и третій новый Римъ!»

Слова русскаго книжника XVI в. возвращаютъ насъ къ исторіи созиданія первой русской исторической схемы. Мы видѣли раньше, что московскій «господарь всея Руси» готовъ былъ считать себя наслѣдникомъ Владимира кievскаго; теперь мы видимъ, что то, что было достаточно въ концѣ XV вѣка, — въ срединѣ XVI вѣка уже не удовлетворяетъ. Москвѣ мало быть вторымъ Кіевомъ, ей хочется сдѣлаться третьимъ Римомъ. Другими словами, наша историческая схема осложняется новымъ элементомъ, съ которымъ намъ и остается познакомиться.

Идея присвоить себѣ наслѣдіе второго Рима впервые складывается въ Москвѣ, какъ извѣстно, въ сферѣ религиозныхъ отношеній. Завоеваніе Константинополя турками (1453) понято было у насъ какъ Божіе наказаніе, понесенное греками за отступленіе отъ православія въ латинство (флорентійская унія 1439). Послѣ паденія Византіи всемірноисторическое представительство православія само собой переходило къ единственному уцѣлѣвшему на свѣтѣ православному государю—московскому. Къ идеѣ религиознаго представительства не замедлила присоединиться и другая идея—представительства политическаго. Бракъ Ивана III съ Софьей Палеологъ докончилъ въ этомъ отношеніи то, что начала флорентійская унія. Не даромъ сенатъ венеціанской республики на слѣдующій годъ послѣ брака писалъ московскому князю, что «власть надъ восточной имперіей, захваченной турками, въ случаѣ прекращенія мужского потомства Палеологовъ, принадлежитъ теперь ему, по брачному праву». Правда, практическій Иванъ III, повидимому, не высоко цѣнилъ свои наслѣдственные права на Византію; по крайней мѣрѣ, онъ не воспользовался возможностью купить первородство у брата своей супруги, и Андрей Палеологъ продалъ свои права за сходную цѣну христіаннѣйшему королю, мечтавшему объ изгнаніи турокъ изъ Европы, Карлу VIII. Но проектъ изгнанія турокъ кончился неудачнымъ походомъ въ Неаполь; затѣмъ Андрей умеръ бездѣтнымъ, еще разъ завѣщавъ свои наслѣдственные права Фердинанду и Изабеллѣ испанскимъ; дру-

гой братъ, Мануиль, перешель въ исламъ, и потомство его скоро пресѣлось *). При этихъ условіяхъ Софья могла, если хотѣла, считать себя законной наслѣдницей византійской короны.

Любопытно, что и въ этомъ случаѣ очевиднымъ для всѣхъ правамъ московское правительство предпочло права историческія, освященныя древностью. Съ началомъ XVI вѣка въ московскомъ историческомъ обиходѣ появилась легенда, по которой византійское наслѣдіе еще Владимиру Мономаху было непосредственно передано византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ. Повѣсть, въ которой передается эта легенда, въ отдѣльномъ видѣ носитъ обыкновенно заглавіе: *Поставленіе великихъ князей русскихъ на великое княженіе, откуда и како начаша ставитися на великое княжество святыми бармами и царскимъ вѣнцомъ*. Разсказъ начинается съ того, что Владимиръ Мономахъ слогомъ московскихъ князей просить у своихъ бояръ совѣта, идти ли ему, по примѣру «прародителей», на Константинополь. Затѣмъ онъ вооружаетъ войско противъ Царяграда, гдѣ царствуетъ Константинъ Мономахъ (умершій, когда Владимиру было всего два года). Константинъ, воюющій въ это время (въ XI вѣкѣ) «съ персы и съ латынею», откупается дарами: онъ снимаетъ съ шея животворящій крестъ, царскій вѣнецъ съ головы и посылаетъ ихъ Владимиру вмѣстѣ съ «крабицей сердоликовой, изъ нея же Августъ кесарь римскій веселяшеса», и съ ожерельемъ, «спирѣчь бармами», съ своихъ плечъ—при слѣдующихъ словахъ: «Прими отъ насъ, боголюбивый и благовѣрный княже, сіи честные дары, ... жребій твоего поколѣнія отъ начала лѣтъ на славу и честь и на вѣнчаніе твоего вольнаго и самодержавнаго царствія...; просимъ черезъ пословъ мира и любви, чтобы церкви Божіи были безъ мятежа и все православіе пребывало въ покоѣ подъ властью нашего царства и твоего вольнаго самодержавства великой Руси, да нарицаешься отсель боговѣнчанный царь, вѣнчанъ симъ царскимъ вѣнцомъ». И съ того времени, заключаетъ повѣсть, князь великій Владимиръ Всеволодичъ наречеса Мономахъ царь великія Руси...; оттолѣ и доселѣ тѣмъ царскимъ вѣнцомъ вѣнчаются великіе князи владимирскіе, когда ставятся на великое княженіе русское.

Когда и какъ сложилась эта легенда, остается до сихъ поръ не вполне яснымъ, несмотря даже на блестящій анализъ, которому подвергнулъ недавно нашу повѣсть проф. Ждановъ **). Г. Жданову удалось доказать, что повѣсть эта входила первоначально въ составъ цѣлаго *Сказанія о князьяхъ Владимирскихъ*; онъ же нашель и другой, весьма ранній, текстъ ея въ посланіи нѣкоего Спиридона Саввы. Можно согласиться съ соображеніями автора, по которымъ посланіе написано въ 1513—1523 гг. ***). Но

*) П. Пирминт: „Россия и Востокъ“, 1892 г., стр. 166—173, 227—228.

***) Повѣсти о Вавилонѣ и „Сказаніе о князьяхъ Владимирскихъ“ въ *Журн. Мин. Нар. Пров.* 1891 г., №№ 8—10.

****) № 9, стр. 55, прим. 1. Первое указаніе на эту рукопись сдѣлано М. А. Дьяконовымъ въ его книгѣ: „Власть московскихъ государей“, стр. 79. Слѣдуетъ считать

къ догадкѣ проф. Жданова, что составителемъ *Сказанія* могъ быть извѣстный агюграфъ, сербъ Пахомій, и что составлено оно въ послѣдніа десятилѣтія XV вѣка, мы пока не рѣшаемся присоединиться. Въ XV вѣкѣ не встрѣчается ни малѣйшаго намека на существованіе разбираемой легенды. Для вѣнчанія внука Ивана III, Дмитрія, ею не воспользовались (1497 г.). Первая русская редакція хронографа, составленная въ 1512 г., также еще не знаетъ ея; но въ нѣкоторыхъ спискахъ этой редакціи наша повѣсть довольно неловко вставлена *). Герберштейнъ, имѣвшій важныя причины интересоваться титуломъ московскихъ государей и собравшій объ этомъ (въ 1517, 1526 гг.) хорошія оффиціальныя данныя, сообщаетъ, что «Владимиръ Мономахъ оставилъ нѣкоторыя регаліи, которыми нынѣ пользуются при вѣнчаніи», и помѣщаетъ въ своихъ *Комментаріяхъ* самый чинъ вѣнчанія внука Ивана III; но о происхожденіи бармы и шапки Мономаха онъ передаетъ не нашу легенду, а другую, по которой эти регаліи отняты Мономахомъ «у нѣкоего генуезскаго правителя Вафы». Наконецъ, и въ княжескихъ завѣщаніяхъ, въ которыхъ нѣкоторыя изъ регалій начинаютъ упоминаться съ XIV вѣка, онѣ передаются отъ отца къ сыну безъ всякихъ историческихъ поясненій объ ихъ происхожденіи и безъ всякихъ указаній на ихъ важное значеніе вплоть до Ивана IV **). При этихъ обстоятельствахъ намъ остается повѣрить впечатлѣнію, производимому посланіемъ Спиридона, что въ 1513—1523 гг. *Сказаніе о владимирскихъ князьяхъ* было литературною новинкой, извѣстною немногимъ и возбуждавшею живѣйшее любопытство среди публики, знакомой съ нею только по слухамъ ***).

Практическое употребленіе было сдѣлано изъ легенды о регаліяхъ только въ 1547 году. Именно, въ концѣ предъидущаго года шестнадцатилѣтній Иванъ IV заявилъ митрополиту, что хочетъ «поискать прародительскихъ чиновъ» и вѣнчаться на *царство*, какъ сродники его и великій князь Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ сядились на царство. Въ январѣ 1547 г. было совершено вѣнчаніе, чинъ котораго отличался отъ чина,

---

доказаннымъ и то, что *Посланіе* Спиридона сообщаетъ повѣсть въ менѣе первоначальной формѣ, чѣмъ *Сказаніе о князьяхъ владимирскихъ*. Проф. Жданову остался, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ текстъ *Сказанія* въ бѣлорусскомъ сборникѣ Чудова монастыря, изданный по бумагамъ А. Попова въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* 1889 г., т. III, стр. 69 — 74. Нѣкоторыя мѣста этого текста стоятъ еще ближе къ первоначальному, чѣмъ всѣ извѣстныя г. Жданову. Такъ, здѣсь встрѣчаемъ отсутствующее въ другихъ спискахъ имя „Кириѣи“, и, притомъ, не въ качествѣ личнаго, а въ качествѣ географическаго имени, какъ и должно было быть въ первоначальномъ текстѣ. Ср. *Ждановъ*, 1891 г., № 9, стр. 78.

*) *А. Поповъ*: „Обзоръ русскихъ хронографовъ“, т. II, стр. 60, и *Изборникъ*, стр. 20—22.

**) Судьба регалій по завѣщаніямъ прослѣжена въ статьѣ *Д. И. Прозоровскаго*: „Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владимиру Мономаху“, въ *Запискахъ отд. русск. слава. археологич.* Спб., 1882 г., т. III, стр. 1—64.

***) Отвѣтомъ на запросъ одного изъ такихъ любителей чтенія служить и самое посланіе Спиридона.

употребленнаго Иваномъ III при вѣнчаніи внука, именно тѣмъ, что регалии официально были признаны полученными «отъ царя греческаго Мономаха» *). Не довольствуясь торжественнымъ актомъ вѣнчанія на царство, Иванъ IV велѣлъ сдѣлать (1552 г.) въ Успенскомъ соборѣ царское мѣсто, напоминающее и теперь этотъ моментъ принятія царскаго титула. На двѣнадцати барельефахъ здѣсь изображена вся исторія присылки царскихъ регалий изъ Византіи, а на затворахъ вычеканена извѣстная намъ повѣсть о *Поставленіи великихъ князей*. Затѣмъ новый титулъ введенъ былъ въ употребленіе при дипломатическихъ сношеніяхъ и московское правительство принялось настойчиво хлопотать о признаніи этого титула со стороны сосѣдей. Признаніе константинопольскаго патріарха, естественно, было при этомъ всего важнѣе, и Иванъ началъ переговоры съ патріархомъ Іоасафомъ о присылкѣ благословенной грамоты на вѣнчаніе отъ него и отъ всего собора. Съ помощью русскихъ денегъ переговоры кончились къ обоюдному удовольствію; патріархъ прислалъ въ 1561 году соборную грамоту, и только въ наше время стало извѣстно, что собора для этой цѣли онъ не думалъ созывать, а соборныя подписи просто поддѣлалъ **). Но и помимо этого, грамота вызвала въ Москвѣ разочарованіе. Отъ патріарха ожидали подтвержденія тому, что регалии присланы Константиномъ Мономахомъ Владимиру Всеволодовичу, а онъ удостовѣрялъ въ своей грамотѣ, на основаніи преданій и лѣтописей, только то, что «нынешній царь... ведетъ свое происхожденіе отъ крови истинно царской, отъ царицы Анны», супруги Владимира Святого; къ этому Владимиру грамота относилась, повидимому, и посольство митрополита ефесскаго, вѣнчавшаго Владимира на царство. По винѣ ли русскихъ пословъ, не сумѣвшихъ растолковать патріарху, что нужно русскому правительству, или по винѣ самихъ грековъ, не желавшихъ повторять грубаго анахронизма москвичей, или имѣвшихъ, дѣйствительно, преданіе, что Владимиръ Святой принялъ вѣнчаніе вмѣстѣ съ религіей ***),— какъ бы то ни было, полученная въ Москвѣ грамота противорѣчила уже принятой официально легендѣ. Согласить грамоту съ легендой оказалось, впрочемъ, нетрудно. Одни слова греческаго текста были вырваны, другіе затерты; на мѣстѣ уничтоженнаго вписано, безъ всякой грамматической связи, нѣсколько новыхъ словъ, по смыслу которыхъ митрополитъ ефесскій посланъ былъ, согласно легендѣ, *Константиномъ Мономахомъ* ****).

Какъ видимъ, Иванъ IV потратилъ много усилій, чтобы закрѣпить

*) Срав. ст. V и VII (стр. 33, 35, 49—50) въ изд. Е. В. Барсова: *Древнерусскіе памятники священнаго отъчания царей* etc. М., 1883 г. (Чт. О. И., I).

**) *Regel*: „Analecta Byzantino-russica“. Petropoli, 1891, стр. LIII—LVII и фототипическій снимокъ, приложенный къ книгѣ.

***). Такъ думали *Вельтманъ* (Чт. О. И. и Др. 1860 г., I), *Прозоровскій*, *Кене* и *Терновскій*. Ср. *Regel*, стр. LIX—LX.

****) См. снимокъ у *Регеля*. Остатки затертыхъ буквъ вышли на снимкѣ гораздо менѣе отчетливо, чѣмъ въ оригиналѣ грамоты. Считаемо нужнымъ отмѣтить это,

въ общемъ сознаниі идею византійскаго происхожденія русской государственной власти. Въ русской исторической схемѣ, происхожденіе которой мы теперь разбираемъ, эта идея была послѣднимъ штрихомъ, давшимъ схемѣ полное внутреннее единство. Нѣкоторое единство въ схемѣ было уже достигнуто тѣмъ, что князья московскіе представлялись въ ней преемниками политики кіевскихъ князей. Этой связи было достаточно, пока московская политика искала въ прошломъ однихъ только традицій панрусизма. Но теперь, когда «господарь всея Руси» принялъ царскій титулъ, и къ національно-исторической миссіи — собиранія Руси — присоединилась миссія всемірно-историческая, теперь надо было и кіевскаго великаго князя сдѣлать носителемъ этой миссіи. Наша легенда получаетъ новую прибавку, въ которой титулу царя придается провиденціальное значеніе. Владимиръ Мономахъ, умирая, созываетъ духовенство, бояръ и купцовъ и «заповѣдуетъ» имъ послѣ своей смерти — не вѣнчать никого на царство, такъ какъ Русь раздѣлится на много удѣльныхъ княженій, и если кого поставитъ царемъ, удѣльные князья начнутъ съ нимъ борьбу: «завистью убьютъ царя и межъ собой побіются». Затѣмъ Владимиръ передаетъ регаліи Юрію Долгорукому и велитъ хранить ихъ, какъ зѣницу ока, «дондеже отъ рода ихъ кого воздвигнетъ Богъ въ величій Россіи царя и самодержца» *).

Такимъ образомъ, легенда о византійскомъ преемствѣ власти легла послѣднимъ слоемъ на извѣстную намъ историческую схему. Начало и конецъ этой схемы уже раньше приведены были въ связь на основаніи предполагаемаго единства политической системы Москвы и Кіева. Теперь, подъ влияніемъ идеи о провиденціальномъ назначеніи Руси, то же начало и конецъ окончательно слились въ одно высшее цѣлое. Царь московскій имѣлъ своего предшественника въ царѣ кіевскомъ.

Въ серединѣ XVI в. наша схема была, какъ видимъ, окончательно готова. Уже съ этого времени она входитъ въ общій литературный оборотъ, а изъ литературы мало-по-малу переходитъ въ народное обращеніе. Въ древней русской письменности существовало византійское сказаніе о томъ, какъ императоръ Левъ доставалъ въ Вавилонѣ царскія утвари Навуходносора. Въ народной передачѣ сказаніе это получило самостоятельную обработку и приведено было въ связь съ русской легендой о царскихъ регаліяхъ. Народный рассказъ начинается также посылкой въ Вавилонъ изъ Царяграда. Посланецъ, Ѳеодоръ Барма, добываетъ въ Вавилонѣ регаліи, приѣзжаетъ назадъ въ Царьградъ; но «туть было въ Царьградѣ великое кроволитіе; рушилась вѣра правовѣрная, не стало царя православнаго. И пошелъ Ѳеодоръ Барма изъ Царяграда въ нашу Русію подселенную и припелъ онъ въ Базань городъ и вошелъ онъ въ палаты княженецкія, въ княженецкія палаты богатырскія... И улегла туть порфира и корона съ

такъ какъ реставрація текста, предложенная г. Регелемъ, кажется намъ произвольной (LXXI). Между *porphorogeytton* и *ilica* можно, наприм., довольно отчетливо разобрать уквы *μάου*.

*) *Ждановъ*, № 10, стр. 334—335. *Дьяконовъ*, стр. 76.

града Вавилона на голову грознаго царя правовѣрнаго, Ивана царя Васильевича, который рушилъ царство Проходима, поганана князя казанскаго» *). Такъ событія цѣлаго вѣка, отъ флорентійской уніи до взятія Казани, соединились въ одинъ фокусъ въ народномъ сознаниі: перепутавъ хронологію, народъ твердо запомнилъ смыслъ событій, поведшихъ къ нашему національному возвеличенію.

Не такими лапидарными чертами, но не менѣе прочно, отразилось то же историческое пониманіе нашего прошлаго въ московскихъ историческихъ источникахъ. До начала научной разработки русской исторіи это пониманіе оставалось единственнымъ. Когда въ прошломъ столѣтіи русская историографія начала постепенно осиливать свои источники, — источники эти встрѣтили изслѣдователя съ своимъ, готовымъ взглядомъ, сложившимся вѣками. Не мудрено, что эта готовая нить, предлагавшаяся самими источниками, вела изслѣдователя по протореннымъ путямъ и складывала для него историческіе факты въ тѣ же ряды, въ какіе эти факты уложились въ свое время въ умахъ современниковъ. Такимъ образомъ, изслѣдователь воображалъ дѣлать открытія, осмысливать исторію; а въ сущности онъ шелъ на помочахъ нашихъ философовъ XV и XVI столѣтій.

Всѣ эти соображенія и сопоставленія могутъ, какъ намъ кажется, объяснить то удивительное на первый взглядъ однообразіе, съ которымъ мы встрѣчались до сихъ поръ и у Карамзина, и у его предшественниковъ, какъ только дѣло касалось ихъ взгляда на общій ходъ русской исторіи. Карамзинъ, конечно, во многое уже не вѣритъ изъ того, во что вѣритъ Татищевъ. Его уже не могутъ ввести въ заблужденіе московскія историческія легенды. Но, критикуя и устраняя детали, онъ сохраняетъ общее построеніе. Вотъ почему онъ и въ своей исторической конструкціи «*Исторіи Государства Россійскаго*» не столько начинаетъ собой новую эпоху въ русской историографіи, сколько заканчиваетъ старую.

Какими крѣпкими нитями соединенъ трудъ Карамзина съ предъидущею историографіей, мы теперь знаемъ. Скоро мы узнаемъ и то, какой рѣзкій перерывъ отдѣляетъ исторію Карамзина отъ произведеній послѣдующей историографіи. Въ качествѣ перехода отъ предъидущаго къ послѣдующему, намъ остается познакомиться съ отношеніемъ Карамзина къ его современникамъ.

П. Милюковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Барсовъ, XXV, ср. Жданова, № 8.

Мораль у разныхъ народовъ *).

Нападеніе.

Анализъ разныхъ видовъ нравственныхъ и безнравственныхъ дѣйствій Спенсеръ начинаетъ дѣйствіями, причиняющими физическій вредъ (*agression*, лишеніе жизни, увѣче и т. п.). Нѣкоторыя изъ нихъ, говоритъ онъ, не входятъ въ общепринятое понятіе нападенія (*agression*), такъ какъ они не сопровождаются ни антагонизмомъ, ни борьбой. Къ числу этихъ дѣйствій принадлежатъ дѣтубійство, каннибализмъ, зарываніе въ землю вмѣстѣ съ трупомъ мужа или господина жены или рабовъ, принесеніе въ жертву богамъ и т. д. Эти виды убійствъ широко практиковались въ глубокой древности да и теперь еще практикуются въ различныхъ частяхъ свѣта. Они опирались на предъ-моральныя (*pre-moral*) чувства и санкціонировались религіей или обычаемъ. На ряду съ этой категоріей убійствъ существуетъ еще другая, порождаемая жаждой крови. У фиджійцевъ убійство считается заслугой. Это казалось бы невѣроятнымъ, если бы не подтверждалось аналогичными фактами изъ жизни другихъ народовъ. Вотъ что рассказываетъ Ливингстонъ: «Одинъ бушмень описывалъ, сидя у огня, свои первыя похождения, въ числѣ ихъ фигурировало убійство пяти другихъ бушменовъ... Тамъ было двѣ женщины, одинъ мужчина и двое дѣтей, говорилъ онъ, перечисляя по пальцамъ...—Какой ты негодяй!—воскликнулъ Ливингстонъ.—Какъ ты смѣешь хвастаться убійствомъ женщинъ и дѣтей своей же собственной націи? Что скажетъ твой богъ, когда ты предстанешь передъ нимъ?...—Онъ скажетъ,—возразилъ тотъ,—что я былъ храбрымъ человекомъ.»

Изъ многочисленныхъ примѣровъ можно видѣть, что у народовъ, ведущихъ военную жизнь, кровавая рѣзня считается добродѣтелью, а миръ—позоромъ. У Кикіи это воззрѣніе выражено очень ярко: ихъ рай становится удѣломъ того, кто истребилъ наибольшее количество враговъ. Но кромѣ этихъ частныхъ убійствъ есть еще публичныя, совершаемыя *en grand* между племенами и націями. Лѣтописи древнихъ народовъ испещрены рассказами о нихъ. Ригъ-Ведда восхваляетъ Индру, война-опустошителя.

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

Въ Магабгаратѣ рекомендуются чисто-звѣрскіе поступки: «Нужно сперва внушить довѣріе своему врагу и разить его въ тотъ моментъ, когда скользнетъ его нога... Человѣкъ не можетъ быть счастливъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пронзитъ своего врага, не сдѣластъ ему чего-нибудь ужаснаго, не задушитъ его какъ рыбу...» Ассирійскіе цари воспѣваютъ свои кровавые подвиги. Сарданапаль хвастается тѣмъ, что онъ вырвалъ языки у побѣжденныхъ, перебилъ имъ члены и бросилъ на сѣденіе псамъ и птицамъ. Салманасаръ говоритъ о своихъ врагахъ: «Я окрасилъ горы ихъ кровью, какъ красятъ шерсть».

Оставляя въ сторонѣ примѣры изъ исторіи египтянъ, грековъ и римлянъ, мы встрѣчаемъ отголосокъ тѣхъ же чувствъ и понятій у европейскихъ народовъ. Древніе галлы, торжествуя, возвращались домой съ головами убитыхъ враговъ. Древніе германцы гордились опустошеніями сосѣднихъ земель. Излишне напоминать, что въ средніе вѣка удачное нападеніе считалось подвигомъ. Исторія — это книга уголовныхъ процессовъ, повѣствующая о причинахъ и слѣдствіяхъ политическаго разбоя. На каждой страницѣ «герои и штыки» являются неистощимою темой разсказа. Девизы, вырѣзанные на фамилныхъ гербахъ древней аристократіи, показываютъ намъ, какія чувства руководили людьми въ сравнительно новѣйшую эпоху. «Побѣда—жизнь», гласитъ девизъ англійскихъ графовъ Септонъ. «Я побѣждаю при помощи Бога и своей шпаги», начертано на гербѣ маркизовъ Девонширскихъ и т. д. Эти девизы выражаютъ господствующія понятія и чувства той эпохи. Кровавая вражда пользовалась тогда санкціей общественнаго мнѣнія. Даже война, начатая безъ вызова, опиралась на мнимо-моральныя чувства. Въ сущности все это сохранилось и до сихъ поръ. Прегній духъ сквозитъ подъ маской уваженія къ проповѣдуемой нынѣ религіи. Мы негодуемъ, когда индусская эпопея рисуетъ намъ бога Индру, побѣждающаго женщину. Намъ непонятно торжество великана Рамзеса, убивающаго однимъ взмахомъ руки подлюжину карликовъ: это—торжество сильнаго надъ слабымъ; а между тѣмъ, когда мы, вооруженные съ ногъ до головы, побиваемъ почти безоружную націю, наши газеты рукоплещутъ, героевъ вѣнчаютъ титулами и орденами, воспѣваютъ кровавые подвиги солдатъ. И до сихъ поръ чувство вражды господствуетъ въ международныхъ отношеніяхъ, и до сихъ поръ на сторонѣ кровавыхъ подвиговъ санкція общественнаго мнѣнія.

Но, разумѣется, мораль вражды приняла теперь нѣсколько иныя формы, чѣмъ въ первобытную эпоху. Она смягчалась постепенно съ развитіемъ цивилизаціи подъ благотворнымъ вліяніемъ морали любви. Путемъ долгаго опыта соціальная жизнь привела съ сознанію, что благоденствіе народовъ зависитъ не только отъ развитія ихъ боевыхъ силъ, но также и отъ внутренней гармоніи, отъ мира среди своихъ. Въ литературѣ древнихъ народовъ мы встрѣчаемъ въ сравнительно отдаленную эпоху проповѣдь морали любви. Разумѣется, она не была выраженіемъ господствующихъ чувствъ, являясь поученіемъ въ устахъ мудрецовъ и поэтовъ. Но знаменательно то,

что проповѣдь любви слѣдовала всегда за долгими періодами сравнительно мирной жизни. Тогда какъ въ первыхъ частяхъ Магабгараты преобладаетъ жажда крови, въ послѣдующихъ раздается протестъ противъ войны. Борьба считается худшимъ изъ средствъ одержать побѣду. Всякое насиліе вызываетъ чувство негодованія. «Относись къ другимъ такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы къ тебѣ относились»—вотъ что рекомендуетъ Магабгарата. Въ сочиненіяхъ перса Сади мы находимъ слѣдующее предписаніе: «Любите даже враговъ вашихъ». Китайскій писатель Лаотзе пишетъ: «Миръ—высшая цѣль.—Тотъ, кто радуется разрушенію человѣческой жизни, недостойнъ обладать властью міра сего;—тотъ, кто служить орудіемъ убійства, долженъ оплакивать погибшихъ».

У народовъ, ведущихъ мирный образъ жизни, духъ насилія совершенно отсутствуетъ какъ въ сферѣ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ отношеній. Примѣромъ могутъ намъ служить туземцы Суматры, отодвинутые Малайцами въ глубь страны. Это, по свидѣтельству Марседена, «кроткій, мирный и терпѣливый» народъ. Морганъ, описывая лигу ирокезцевъ, которые объединились для сохраненія мира среди своихъ членовъ, указываетъ намъ на благотѣльные результаты подобнаго союза: «Преступленія встрѣчаются такъ рѣдко при такомъ социальномъ режимѣ, что едва ли можетъ быть рѣчь объ уголовномъ кодексѣ у ирокезцевъ».

Несомнѣнно то, замѣчаетъ Спенсеръ, что въ эпоху кровавой вражды, когда нападеніе представляетъ обычное явленіе, оно пользуется общественной, а иногда даже божественною санкціей и опирается на предъ-моральное чувство. Въ мирное же время духъ насилія вызываетъ осужденіе, такъ какъ этотъ духъ сильно противорѣчитъ истинно-нравственному чувству.

Примѣръ еврейскаго народа является новымъ подтвержденіемъ выше-изложеннаго взгляда. Когда періодъ хроническаго антагонизма смѣнился эпохой сравнительнаго мира, тогда начался разцвѣтъ альтруистическихъ чувствъ. Въ книгѣ Левитъ мы встрѣчаемъ чисто-христіанскую заповѣдь: «Люби ближняго своего, какъ самого себя». Въ проповѣди Христа мораль любви достигла своего апогея: Онъ училъ любить даже своихъ враговъ и подставлять лѣвую щеку, когда насъ бьютъ по правой. Длинный рядъ примѣровъ показалъ намъ, что до тѣхъ поръ, пока между націями и племенами господствуетъ антагонизмъ, всѣ идеи и чувства народа опираются на мораль вражды; они убиваютъ любовь и порождаютъ войну всѣхъ противъ всѣхъ. Различнаго вида убійства, дѣтоубійства, каннибализмъ, погребеніе заживо, принесеніе въ жертву богамъ,—все это обычныя явленія у народовъ и племенъ, у которыхъ война является средствомъ къ жизни.

Но вмѣстѣ съ развитіемъ общества ослабѣваетъ мало-по-малу и духъ нападенія какъ внутри страны, такъ и извнѣ. Меровингскій періодъ, ознаменованный грозными войнами, изобилуетъ не менѣе кровавыми насиліями въ сферѣ внутреннихъ отношеній. Короли убивали королей, цари дѣтей, принцы братьевъ. Побѣды Карла Великаго сопровождались страшными жестокостями. Эпоха феодализма была кровавою драмой взаимной вражды.

На послѣдовавшее затѣмъ объединеніе государствъ положило предѣлъ безконечной войнѣ; промышленность и мирный трудъ явились ей на смѣну. Всѣ грубые виды нападенія были отвергнуты, на сцену выступило уваженіе къ человѣческой личности. Хотя въ новѣйшее время и предпринимались большія войны, но, тѣмъ не менѣе, военная дѣятельность утратила свой первенствующій характеръ, уступивъ мѣсто мирному труду. Однако слѣдуетъ замѣтить, что съ увеличеніемъ войнъ возростала грубость нравовъ и ослабѣвала только съ уменьшеніемъ ихъ, производя соотвѣтствующія измѣненія въ нравственныхъ понятіяхъ.

Кража.

Между вышеупомянутымъ физическимъ вредомъ и лишеніемъ права свободно располагать своею личностью или продуктами своего труда существуетъ естественная связь. Понятіе нападенія обнимаетъ собою всѣ виды захвата. Но мы предпочли, для удобства, говорить авторъ книги, сдѣлать чисто-внѣшнее различіе и отдѣлить нападенія, сопровождаемое пролитіемъ крови, отъ нападенія, которое не имѣетъ такихъ послѣдствій.

Второй его видъ (грабежъ и кража) будетъ нами рассмотрѣнъ въ настоящей главѣ. Высшею степенію кражи Спенсеръ считаетъ взятіе въ плѣнъ и обращеніе въ рабство. Хотя мы въ данномъ случаѣ нѣсколько и злоупотребляемъ обычною терминологіей, замѣчаетъ онъ, но, тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что лишеніе человѣка свободы и эксплуатація его труда въ свою пользу представляетъ самый типическій примѣръ кражи. Но, какъ бы тамъ ни было, кража это или нѣтъ, несомнѣнно одно, что вышеупомянутое дѣйствіе принадлежитъ къ категоріи нападеній и мало чѣмъ уступаетъ убійству или увѣчью. Излишне доказывать, что этотъ видъ кражи неразрывно связанъ съ военнымъ режимомъ. Вездѣ, гдѣ существовали хроническія войны между племенами, господствовалъ обычай съѣдать плѣнниковъ или обращать ихъ въ рабство. Второй видъ кражи, болѣе древній, чѣмъ первый, — похищеніе женщинъ. У первобытныхъ народовъ побѣда влекла за собою присвоеніе всѣхъ вещей побѣжденнаго и въ числѣ ихъ очень часто фигурировали представительницы прекраснаго пола. Изъ книги Макъ-Ленана о первобытномъ бракѣ мы видимъ, что похищеніе женщинъ являлось необходимымъ условіемъ для размноженія племени. Дикари убивали дѣтей женскаго пола, не желая тратиться на ихъ воспитаніе и предпочитая добывать себѣ женъ путемъ войны или увоза. Этотъ обычай приобрѣлъ традиціонный характеръ и получилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильную нравственную санкцію. У народовъ стоявшихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи моральное чувство не протестовало противъ кражъ подобнаго рода, а скорѣе поощряло ихъ. Ни греческая, ни еврейская литература не осуждала рабства. Похищеніе женщинъ заслуживало скорѣй одобренія, чѣмъ порицанія. У древнихъ арійцевъ оно было санкціонировано не только общественнымъ мнѣніемъ, но и богами, какъ намъ повѣствуетъ Магабга-

рата. Остается добавить, что социальный прогрессъ и благотворное вліаніе морали любви содѣйствовали уничтоженію самыхъ грубыхъ формъ кражи.

Но кромѣ нихъ существовала еще одна форма—захватъ имущества у побѣжденнаго, бывшій обычнымъ слѣдствіемъ войны. Отсюда явилось различіе между кражей у враговъ или, вообще, чужихъ и у своихъ. Первая считалась, да и теперь еще считается у нѣкоторыхъ народовъ хорошимъ поступкомъ, вторая—дурнымъ. У команчей юноша достоинъ названія война лишь послѣ участія въ нѣсколькихъ грабежахъ; самые ужасные грабители являются у нихъ наиболѣе уважаемыми членами общества.

Виргизы жестоко караютъ преступниковъ за кражу у своихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ *баранту* самую почетною экспедиціей. Въ перечисленныхъ нами случаяхъ различаютъ кражу у чужихъ и своихъ; одну изъ нихъ одобряютъ, другую осуждаютъ. Но есть народы, у которыхъ оба эти вида кражи одинаково достойны похвалы. Kukis, по описанію Дальтона, считаютъ «ловкость въ воровствѣ лучшимъ качествомъ». «Въ Монголіи,—говорятъ Гильмуры,—съ признанными ворами обращаются какъ съ самыми уважаемыми членами общества». У фиджейцевъ воровство обращается въ добродѣтель, если оно удачно. И такъ, въ данныхъ случаяхъ, хитрость и смѣлость санкционируютъ всякое нарушеніе права собственности.

Прошлое историческихъ расъ краснорѣчиво говоритъ намъ, что по мѣрѣ того, какъ смягчалась внѣшняя вражда и возникала дружба внутри страны, производилось соответствующее измѣненіе въ нравственныхъ идеяхъ и чувствахъ народа. Ригъ-Ведда описываетъ воровскія поплзновенія боговъ. Вишну «крадутъ блюда», приготовленное для возліаній Индрѣ; Индра вырываетъ чашу съ напиткомъ сомо и т. д. Нравственные принципы боговъ выливались въ предписаніяхъ людямъ: «Если даже кто и пожелаетъ имущества ближняго своего, тотъ долженъ завладѣть имъ при помощи оружія, какъ истый кшатрій, а не унижаться до молитвы». Индусская литература позднѣйшей эпохи представляетъ результаты болѣе мирныхъ временъ и проповѣдь совершенно обратныхъ принциповъ.

Новѣйшая исторія даетъ намъ такіе же примѣры. У древнихъ германцевъ грабежъ практиковался открыто и считался почетнымъ занятіемъ. Во время столѣтней войны онъ пріобрѣлъ универсальный характеръ; жажда добычи толкала въ битву. Всюду господствовалъ страшный разбой, на большихъ дорогахъ и моряхъ, въ городахъ и деревняхъ. Во время тридцатилѣтней войны было то же. Мародерство было возведено въ систему; солдаты не только грабили народъ, но и вымогали у него скрытое имущество. Офицеры грабили солдатъ, а князья—націю, занимаясь поддѣльваніемъ монетъ.

Но съ развитіемъ обществъ войны стали рѣже и взгляды измѣнились. Образовалось болѣе высокое понятіе о честности: воровство у чужихъ стало такимъ же постыднымъ дѣйствіемъ, какъ и у своихъ. Правда, и до сихъ поръ въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ процвѣтаютъ еще кражи и мошенничества, но число ихъ не такъ уже велико и характеръ ихъ не

такъ уже грубъ, какъ въ прежнія эпохи. Мы сдѣлали извѣстный прогрессъ въ выраженіи *тоскою* и *горею*, и этимъ мы обязаны ослабленію взаимной вражды. Связь между нравственными понятіями и образомъ жизни выступить еще ярче, если мы взглянемъ на примѣры не цивилизованныхъ, но *индусьскихъ* народовъ. Веддхи не понимаютъ какъ можно взять то, что тебѣ не принадлежитъ. Эскимосы необыкновенно честный народъ. Ирокезцы не знаютъ, что такое воровство. Эти примѣры являются только подтвержденіемъ ~~высказаннаго~~.

М е с т ь .

Борьба за существованіе порождаетъ нападенія. Голодь развиваетъ антагонизмъ между животными и создаетъ конкуренцію, которая въ особенности сильна между представителями одного вида. Если два конкурента не могутъ достать другъ другу, они не находятъ средствъ. Но всякое нападеніе порождаетъ нападеніе съ другой стороны. И знаменательнъ тотъ видъ, который не испытывали жгучаго ~~горя~~ отъ понесеннаго нападенія, клонились къ упадку, уступая ~~место~~ ~~другимъ~~ ~~животнымъ~~ ~~одного~~ ~~вида~~, которыя отражали ударъ во имя ~~своей~~ ~~жизни~~. Такимъ образомъ борьба была неизбежна не только съ ~~пре-~~ ~~дшественниками~~ ~~и~~ ~~со-~~ ~~временниками~~, но и другъ съ другомъ. Животныя платили за ударъ ~~жизнью~~ ~~или~~ ~~кускомъ~~ ~~укусомъ~~. Они обмѣнивались ими тутъ же на мѣстѣ или въ ~~будущемъ~~ ~~расплату~~ до болѣе удобныхъ временъ. Последній видъ ~~жизни~~ ~~и~~ ~~названіе~~ ~~мести~~. Она налагаетъ извѣстную узду на ~~на-~~ ~~паденіе~~ ~~какъ~~ ~~импульсъ~~, побуждающій къ удару, нѣсколько сдерживая ~~его~~, ~~что~~ ~~рано~~ ~~или~~ ~~поздно~~ ~~последуетъ~~ ~~расплата~~.

У первобытныхъ народовъ месть считалась, да и теперь еще считается, ~~важною~~ ~~частью~~ ~~жизни~~. Жоржъ Грей, описывая нравы австралийцевъ, говоритъ слѣдующее: «Воздаяніе за смерть близкаго родственника, самая священная обязанность туземца... До тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ ее, она подвергается насмѣшкамъ старыхъ женщинъ; жены собираются его ~~осуждать~~; молодыя дѣвушки не снисходятъ до разговора съ нимъ. Мать плачетъ, что дала жизнь такому недостойному сыну; отецъ относится къ нему съ презрѣніемъ и со всѣхъ сторонъ сыплются на него упреки». Вильямсъ даетъ намъ аналогичный примѣръ изъ жизни фиджійцевъ. «Даже на смертномъ одрѣ фиджіецъ не прощаетъ своему врагу. Умирающій завѣщаетъ дѣтямъ свою ненависть и требуетъ, чтобы они убили врага при первомъ же удобномъ случаѣ». Петрикъ сообщаетъ, что «пролить кровь араба значить совершить такой проступокъ, который не можетъ загладить ни время, ни раскаяніе. Жажда мести передается отъ отца сыну и изъ поколѣнія въ поколѣніе». У жителей восточной Африки месть—господствующая страсть, но замѣчанію Буртона, на низшихъ ступеняхъ своего развитія ~~какія-то~~ ~~изъ~~ ~~современныхъ~~ ~~народовъ~~ ~~являются~~ ~~намъ~~ ~~примѣры~~ ~~подобнаго~~ ~~же~~ ~~рода~~. Ригъ-Ведда описываетъ мстительность боговъ: Агни истребляетъ

своихъ враговъ, сдираетъ съ нихъ кожу, отрубаетъ члены и бросаетъ на съѣденіе дикихъ звѣрей. Вѣрующіе не уступаютъ богамъ: «Индра и Сома!—восклиcaютъ они, — погубите рикховъ, изведите этотъ народъ, блуждающій во тьмѣ. Изрубите ихъ, задушите ихъ, прогоните ихъ и убейте этихъ ненасытныхъ каннибаловъ... Пусть на ихъ головы обрушится вашъ вѣчный гнѣвъ...» Повѣсть этой «жестокой и кровавой битвы» переполнена завѣтами самой дикой мести. У евреевъ она носила такой же священный характеръ, какъ и у индусовъ. Въ средніе вѣка не отмщенная обида считалась позоромъ, и если чувство мести ослабѣвало у мужчинъ, оно хранилось въ груди женщинъ. Фредегонда и Брунегильда могутъ служить намъ примѣромъ. Съ вѣками духъ мести утратилъ свой грубый характеръ, принялъ болѣе мягкіе контуры, но, тѣмъ не менѣе, онъ существуетъ и до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, по столько, по сколько его диктуетъ мораль вражды. Въ сферѣ частныхъ отношеній месть проявляется въ формѣ дуэли, въ сферѣ же государственныхъ въ формѣ реванша. Франція и до сихъ поръ мечтаетъ отомстить Германіи за нанесенное ей оскорбленіе.

Но эти примѣры встрѣчаются теперь гораздо рѣже, чѣмъ въ былыя времена. По мѣрѣ развитія общества выступаютъ на сцену болѣе возвышенныя идеи и чувства. И такъ какъ проявленіе ихъ совпадаетъ съ высшимъ типомъ соціальной организаціи, мы можемъ заключить, — говоритъ Спенсеръ, — что они являются слѣдствіемъ болѣе мирнаго режима. Индусская литература подтверждаетъ этотъ взглядъ. Законы Ману предписываютъ слѣдующее: «Не дѣлай никому зла, если даже тебя вызываютъ на это. Не оскорбляй никого ни мыслью, ни дѣломъ. Не говори ничего такого, что могло бы причинить боль твоему ближнему». Въ персидской литературѣ VII вѣка встрѣчаются слѣдующія строки: «Не думайте, что заслуга чело-вѣка состоятъ исключительно въ мужествѣ и силѣ. Ваша добродѣтель получить неизмѣримую цѣну, если вы съумѣете стать выше злобы и даруете прощеніе». Сочиненія китайскихъ мудрецовъ свидѣтельствуютъ о присутствіи такихъ же чувствъ въ Китаѣ: «за зло плати добромъ», — говоритъ Лаотзе. Конфуцій, слѣдуя морали золотой середины, выражается нѣсколько сдержаннѣе: «Воздайте должное за обиду и платите за добро добромъ». У евреевъ на высшихъ стадіяхъ развитія проглядываютъ аналогичныя чувства.

Хотя трудно доказать съ достаточною ясностью, — замѣчаетъ Спенсеръ, — что ослабленіе чувства мести и развитіе духа прощенія были слѣдствіемъ смягченія военнаго режима и прогресса мирной дѣятельности, но едва ли можно въ этомъ сомнѣваться. Факты изъ жизни современныхъ народовъ дѣютъ намъ новое подтвержденіе этого взгляда. *Vendetta* (родовая месть) исчезла въ цивилизованномъ мірѣ, какъ только прекратилась вѣчная вражда между націями, какъ только войны стали рѣже и восторжествовалъ мирный трудъ. Контрастъ между древними и новыми вѣками обнаружился прежде всего въ Англіи, такъ какъ она первая вступила на путь промышленной дѣятельности. И, благодаря тому, что тамъ милитаризмъ былъ менѣе раз-

вить, чѣмъ на континентѣ, въ англійскомъ обществѣ почти исчезла жажда мести, тогда какъ она еще сильна въ Европѣ. Въ Англии общественное мнѣніе скорѣе караетъ, чѣмъ оправдываетъ человѣка, отвѣчающаго вызовомъ на оскорбленіе.

Все это говорить намъ въ пользу того, что духъ мести находится въ зависимости отъ условій общественной жизни и что на одномъ изъ ея полюсовъ санкціонуется месть, а на другомъ прощеніе.

Справедливость.

Местъ никогда не ограничивается нанесеніемъ равносильнаго вреда; она всегда идетъ дальше. Въ результатъ являются безконечныя войны между племенами и вѣчный антагонизмъ между семьями и индивидуумами. Но порою мы видѣли тенденцію установить общій миръ путемъ умѣреннаго возмездія: это и есть справедливость. У австралийцевъ идея справедливости выражена въ самой грубой формѣ. Племя вознаграждаетъ убійство своего члена лишеніемъ жизни одного изъ членовъ враждебной стороны. И такъ какъ дикари думаютъ, что даже естественная смерть является результатомъ козней враговъ, то и за нее слѣдуетъ расплата. Болѣе развитыя племена подводятъ свои счета вполнѣ открыто и официально. Народы Суматры вознаграждаютъ деньгами нанесенные другъ другу убытки. Эта справедливость между племенами основывается на идеѣ равномѣрнаго возмездія за вредъ, причиненный общинѣ. И характерная черта, — личность наказуемаго для нихъ совершенно безразлична, — искупленіе несетъ очень часто ничѣмъ неповинный человѣкъ. Такое же понятіе справедливости руководило семьями въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Интересный фактъ сообщаетъ намъ профессоръ Блюментриттъ. «Кровавое возмездіе—священный долгъ у квинганцевъ. Если плебей убьетъ плебея, дѣло обстоитъ очень просто: убійцу или кого-нибудь изъ его родственниковъ, принадлежащихъ къ тому же классу, лишаютъ жизни. Если же плебей убилъ человѣка богатой или знатной фамиліи, смерть убійцы—слишкомъ ничтожная расплата: искупительная жертва должна принадлежать къ одинаковому рангу съ убитымъ. Только кровь дворянина можетъ искупить эту смерть. Семья покойнаго стремится разыскать въ числѣ родныхъ убійцы какого-нибудь знатнаго родственника, чтобъ отомстить ему, убійцу же совсѣмъ игнорируютъ. Но если у него нѣтъ знатныхъ въ родѣ, семья убитаго терпѣливо ждетъ годы, пока кто-нибудь изъ нихъ не будетъ произведенъ въ высшій рангъ, и тогда вымещаетъ на немъ свою злобу. Когда долгъ крови заплаченъ, враждебныя стороны примиряются». Идея долга сводится здѣсь къ вознагражденію убытковъ въ той же мѣрѣ, въ какой они были понесены. Семитическіе народы придерживаются также этого взгляда. «У арабовъ, — говоритъ Бюркаро, — возведено въ законъ, что всякій, кто прольетъ человѣческую кровь, обязанъ заплатить кровью семьѣ покойнаго. Дѣти наследуютъ отъ родителей право отомстить за убійство». По поводу этой системы варварской справедливости, которая

состоить въ вознагражденіи однихъ убійствъ другими, вышеупомянутый авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «я склоненъ думать, что это благодѣтельное учрежденіе помѣшало, главнымъ образомъ, аравійскимъ воинствующимъ племенамъ уничтожить другъ друга... Страшная «кровавая мѣсть» способствовала тому, что самыя жгучія распри между ними почти утратили свой смертоносный характеръ».

И въ самомъ дѣлѣ страхъ передъ возмездіемъ удерживаетъ членовъ семьи или племени на пути къ убійству. Есть основаніе предполагать, что чувства и дѣйствія древнихъ семитовъ носили такой же характеръ. Излишне доказывать, что у древнихъ европейскихъ народовъ понятія такого же рода служили основой такихъ же обычаевъ. Существованіе того взгляда, что каждая обида задѣваетъ всю коллективную группу и требуетъ соотвѣтствующаго удовлетворенія, подтверждается слѣдующимъ фактомъ: когда древній законъ равнаго возмездія уступилъ мѣсто денежной пенѣ, вознагражденіе было тѣмъ выше, чѣмъ дороже цѣнилась жизнь погибшаго члена.

Но, на ряду съ идеей общей утраты и общей виновности семьи или племени, существовала идея личной утраты и личной вины. Ослабленіе семейной отвѣтственности и развитіе личной совпало съ переходомъ общественной организаціи изъ низшаго типа въ высшій. Въ первомъ семья представляла основную социальную единицу, во второмъ — индивидуумъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только распалась семейная организація, исчезли болѣе или менѣе обособленныя и сплоченныя группы индивидуумовъ, которыя могли бы нести отвѣтственность за вредныя дѣйствія своихъ членовъ, — отвѣтственность пала на самихъ членовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что вмѣстѣ съ социальнымъ прогрессомъ эта несправедливая форма возмездія дала начало другой, болѣе справедливой формѣ, которая обуславливается тѣмъ, что каждый индивидуумъ несетъ самъ всѣ послѣдствія за совершенные имъ поступки.

У европейскихъ народовъ это понятіе справедливости развилось вмѣстѣ съ паденіемъ групповой организаціи и возникновеніемъ индивидуальнаго права гражданства. Тогда какъ на высшихъ ступеняхъ социальной жизни признають, что справедливость требуетъ извѣстнаго соотношенія между поступкомъ и его послѣдствіями, на низшихъ стадіяхъ развитія руководятся исключительно принципомъ равенства: причиняють равносильный вредъ за понесенный ущербъ. Да и не могло быть иначе, замѣчаетъ Спенсеръ. Въ эпоху безконечныхъ войнъ, убійствъ и увѣчій это былъ единственный видъ равенства, какой могъ установиться среди того общества. И несомнѣнно, что обычай вознаграждать свои убытки и потери далъ начало одному изъ элементовъ понятія высшей справедливости (*équité*).

Полный разцвѣтъ идеи равенства и справедливости несовмѣстимъ съ военною жизнью и организаціей. Уже не говоря о томъ, что всякая война, даже во имя возмездія, была практикой несправедливости, осуждая на смерть часто неповинныхъ индивидуумовъ, кромѣ того она порождала такой типъ социальной организаціи, который мало отвѣчалъ требованіямъ справедли-

вості. Принудительныя мѣры въ средѣ общества, деспотизмъ надъ рабами и крѣпостными, порабощеніе женщинъ — вотъ ея плоды. Слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что только по мѣрѣ ослабленія военнаго режима отношенія гражданъ приняли болѣе справедливый характеръ и только тогда обрисовалось яснѣе чувство справедливости. Спенсеръ подтверждаетъ этотъ взглядъ доказательствомъ а сопгаіо. Онъ приводитъ въ примѣръ обычаи и чувства миролюбивыхъ народовъ, которые были уже упомянуты выше. Послѣдніе не имѣютъ склонности къ нападеніямъ ни въ сферѣ внѣшнихъ, ни въ сферѣ внутреннихъ отношеній. Несомнѣнно, что въ основѣ этой черты лежитъ уваженіе къ правамъ другихъ лицъ, — уваженіе, которое предписываетъ справедливость. Высокая честность этихъ народовъ свидѣтельствуетъ въ достаточной мѣрѣ о присущемъ имъ чувствѣ справедливости. Къ этимъ косвеннымъ доказательствамъ Спенсеръ присоединяетъ болѣе прямое доказательство, приводя въ примѣръ обращеніе этихъ народовъ со своими женами и дѣтьми. Въ основаніяхъ соціологіи (§§ 324 и 328), говоритъ онъ, я показалъ, какой контрастъ существуетъ между положеніемъ женщины у дикихъ и полудивилизованныхъ народовъ, которые ведутъ военный образъ жизни, и положеніемъ ея у другихъ некультурныхъ, но миролюбивыхъ народовъ. *Todas*, въ общемъ совѣмъ неразвитой народъ, освобождаютъ своихъ женщинъ отъ непосильнаго труда. У *Nos* «женщинамъ оказываютъ глубокое почтеніе, какъ это подобаешь ихъ полу». У пуэблосовъ, «мирной, честной и трудолюбивой націи», молодую дѣвушку не принуждаютъ насильно выходить замужъ. Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о признаніи равноправія, которое является однимъ изъ основныхъ элементовъ принципа справедливости. Въ отношеніяхъ къ дѣтямъ существуетъ такая же разница между воинствующими и миролюбивыми народами. Спенсеръ ссылается опять на *Основанія соціологіи* (§§ 330—2), гдѣ было имъ доказано, что первые обращаются грубо съ дѣтьми и отдають предпочтеніе мальчикамъ, тогда какъ вторые относятся къ нимъ необыкновенно мягко и не дѣлають различія между дѣтьми обоого пола.

И такъ, мы видимъ, что развитіе чувства справедливости встрѣчается, главнымъ образомъ, у народовъ, ведущихъ мирный образъ жизни. Конечно, форма его проявленія нѣсколько примитивна, такъ какъ справедливость — сложная идея и чувство, но, тѣмъ не менѣе, мы должны признать, замѣчаетъ авторъ книги, что у веддаховъ, которые не могутъ понять, какъ рѣшается человекъ взять то, что ему не принадлежитъ, она выражена достаточно ясно. Разумѣется, у народовъ, создавшихъ литературу, сложилось болѣе опредѣленное понятіе о справедливости; но знаменателенъ тотъ фактъ, что всѣ эти древнія общества со своей военною властью, со своимъ типомъ соціального строя и системой принудительной коопераціи не различали справедливости отъ альтруизма. Китайская, персидская, древне-индуская, египетская и еврейская литературы смѣшивали чаще всего справедливость съ великодушіемъ и гуманностью. «Поступай съ другими такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы съ тобой поступали» — вотъ ихъ основное правило

справедливости. Здѣсь, какъ видно, смѣшивается великодушіе со справедливостью. Это правило не различаетъ обязанностей, имѣющихъ своимъ источникомъ справедливость, отъ обязанностей, пристокающихъ изъ чувства доброты, и, сверхъ того, оно не указываетъ на требованіе для себя того, что мы называемъ «правами». Понятіе справедливости въ тѣсномъ смыслѣ слова содержитъ въ себѣ заразъ и эгоистическій, и альтруистическій элементъ: чувство сознанія своихъ правъ и чувство уваженія къ правамъ другихъ лицъ. Общество, организованное для войны по типу принудительной кооперации, не можетъ понять и допустить это требованіе индивидуальныхъ правъ. Оно погибло бы, если бы каждому человѣку была предоставлена свобода дѣйствій въ границахъ, намѣченныхъ равноправіемъ. Великодушіе можетъ развернуться при деспотическомъ режимѣ, но справедливость—никогда. Идеи и чувства, связанные съ нею, могутъ процвѣтать только при ослабленіи военнаго режима и развитіи мирной дѣятельности внутри страны.

Великодушіе.

Трудно классифицировать въ опредѣленномъ порядкѣ,—замѣчаетъ Спенсеръ,—всѣ тѣ дѣйствія, которыя обыкновенно подводятъ подъ рубрику великодушныхъ дѣйствій. Во-первыхъ, потому, что многія изъ нихъ не имѣютъ въ основѣ чувства великодушія, и, во-вторыхъ, потому, что самое это чувство состоитъ изъ различныхъ и непостоянныхъ элементовъ. У него двѣ основы: инстинктъ родовой, побуждающей животныхъ жертвовать собой для поддержанія вида, и симпатія, проявляющаяся у высшихъ социальныхъ животныхъ, каковы, напримѣръ, собаки. Первый изъ этихъ двухъ элементовъ великодушія носитъ узкій и личный характеръ, тогда какъ второй, наоборотъ, широкій и совсѣмъ не личный. У людей великодушіе представляетъ смѣсь этихъ двухъ элементовъ.

Смѣшанный характеръ вышеупомянутаго чувства дѣлаетъ его проявленіе у различныхъ народовъ нѣсколько неяснымъ и сбивчивымъ, вслѣдствіе чего трудно установить болѣе или менѣе точныя обобщенія. Но какъ ни сложна природа этого чувства, тѣмъ не менѣе, оно по сложности уступаетъ чувству справедливости и благодаря тому возникаетъ раньше послѣдняго. Великодушіе имѣетъ источникомъ мысленное представленіе чужихъ удовольствій и страданій. Это представленіе порождаетъ чувства, которыя служатъ мотивомъ для великодушныхъ дѣйствій. Справедливость же имѣетъ въ основѣ не только мысленное представленіе чужихъ удовольствій и страданій, но также и тѣхъ *условій*, которыя необходимы для излѣчанія однихъ и полученія другихъ. Какъ видно, послѣдняя является суммой представленій, съ одной стороны входящихъ въ составъ великодушія, а съ другой—свойственныхъ только ей. Отсюда вполне понятенъ порядокъ ихъ появленія въ ходѣ цивилизаций. Спенсеръ подраздѣляетъ великодушіе на истинно-великодушіе и лже-великодушіе, въ основѣ котораго лежатъ чувства, не имѣющіе ничего общаго съ чувствомъ доброжелательности. Же-

ланіе видѣть другихъ счастливыми,—говоритъ онъ,—рѣдко встрѣчается въ чистомъ видѣ безъ примѣси постороннихъ элементовъ, жажды похвалы или другихъ какихъ-нибудь расчетовъ. Это и есть мнимое великодушіе. Гостеприимство у дикихъ народовъ даетъ намъ блестящій примѣръ такого великодушія. Бедуины, по описанію Пельгрева, необыкновенно гостеприимный народъ. Они любезно угощаютъ гостя за своимъ столомъ, рассчитывая въ то же время ограбить его на большой дорогѣ и вознаградить себя сторицей. У другихъ народовъ гостеприимство опирается на обычай, происхождение котораго неизвѣстно. «Самая симпатичная черта индѣйцевъ,—говоритъ Морганъ,—это его необыкновенное великодушіе. Ни у одного народа не развито такъ сильно это качество, какъ у прокезцевъ».

Анга хвалятъ за ту же черту жителей Новой Зеландіи; а, между тѣмъ, послѣдніе отдають большую дань жадѣ похвалы въ своемъ мнимомъ великодушіи. Туземцы Новой Зеландіи,—разсказываетъ Томсонъ,—ставятъ расточительность на первый планъ и стараются превзойти другъ друга на своихъ празднествахъ. У нихъ «считается позоромъ копить имущества, не растрачивая ихъ». Понятія и чувства такого же рода руководятъ, очевидно, жителями острова св. Августина. Они буквально разоряются во время своихъ пиршествъ, желая блеснуть передъ обществомъ и заслужить его одобреніе. Чувство, которое играетъ здѣсь роль, носитъ несомнѣнно характеръ предъпринятнаго чувства. Между тѣмъ, есть народы, даже изъ наименѣ цивилизованныхъ, у которыхъ встрѣчаются черты истиннаго великодушія. «Бушмены,—по свидѣтельству Буршеля,—проявляютъ во взаимныхъ отношеніяхъ много гостеприимства и великодушія». У болѣе передовыхъ расъ мы находимъ такія же черты. Туземцы Австраліи великодушно дѣлятся другъ съ другомъ добычей, когда имъ посчастливилось на охотѣ. Гвіанскія племена, по описанію Бретта, «гостеприимны со всѣми и въ высшей степени великодушны». Многія изъ нецивилизованныхъ расъ проявляютъ свое великодушіе въ нѣсколькихъ иныхъ формахъ. Примѣромъ могутъ намъ служить австралійцы. Они охотно указывали Ейру мѣста, гдѣ можно было найти воду, хотя сами крайне въ ней нуждались. Стортъ разсказываетъ, что одинъ изъ туземцевъ подвергался страшной опасности, защищая европейскихъ путешественниковъ отъ нападенія враждебнаго племени. У тоганцевъ великодушіе выражается въ слѣдующей формѣ: «Они никогда не хвастаются своими подвигами и, наоборотъ, пользуются всякими случаями, чтобы похвалить своихъ враговъ». Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что даже на самыхъ низшихъ стадіяхъ культуры обнаруживаются великодушныя чувства и дѣйствія. Ничего нѣтъ удивительнаго, если мы встрѣчаемъ ихъ у древнихъ цивилизованныхъ расъ. Индусская литература изобилуетъ предписаніями великодушныхъ дѣйствій. Въ Ригъ-Веддѣ главнымъ элементомъ великодушія является эгоизмъ, а не симпатія. «Тотъ, кто щедръ—высоко обитаетъ на небѣ». Законъ Ману предписываютъ соблюдать долгъ гостеприимства. «Почтеніе къ гостю даетъ счастье, славу, жизнь и небо» (III, 106, IV, 29). Персидская литература предлагаетъ образчики такихъ же

возрѣній. У Конфуція мы находимъ предписаніе великодушныхъ дѣйствій, безъ личныхъ мотивовъ. «Истинно-добродѣтельный человѣкъ, — говоритъ онъ, — долженъ способствовать чужому успѣху, какъ и своему собственному; онъ долженъ стремиться увеличить чужое счастье, какъ и свое собственное».

Въ еврейскихъ книгахъ встрѣчается много такихъ же наставленій съ обѣщаніями или безъ обѣщаній будущихъ благъ. По этимъ цитатамъ, разумѣется, нельзя сравнивать характеръ вышеупомянутыхъ народовъ съ характеромъ дикихъ племенъ: являясь извлеченіями изъ книгъ лучшихъ людей эпохи, поэтовъ и мудрецовъ, они не выражаютъ общаго настроенія народа. Но энергичный тонъ ихъ предписаній былъ имъ, вѣроятно, внушенъ реакціей противъ крайняго эгоизма.

Трудно начертить болѣе или менѣе вѣрную картину эволюціи великодушныхъ чертъ у европейскихъ націй. Въ древнія времена у нихъ существовала масса обычаевъ и чувствъ, сходныхъ съ обычаями и чувствами дикихъ народовъ. Тацитъ говоритъ слѣдующее о древнихъ германцахъ: «ни одна нація не обнаруживаетъ столько привѣтливости и гостеприимства. Ничего не можетъ быть хуже въ ихъ глазахъ, какъ отказать принять гостя подъ своей кровлей».

Подобные взгляды уживались, какъ намъ извѣстно, съ полнымъ отсутствіемъ симпатіи. Это было великодушіе, предписанное традиціоннымъ обычаемъ. Въ средніе вѣка и въ сравнительно-новѣйшую эпоху главнымъ мотивомъ великодушныхъ дѣйствій являлось желаніе снискать милость Божію. Этотъ мотивъ былъ выраженъ въ формулѣ: «Кто помогаетъ бѣднымъ, тотъ одоужаетъ Богу». Даже въ своемъ первоначальномъ видѣ христіанство смотрѣло на подаеніе, какъ на средство спасенія, и этотъ взглядъ продолжался въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ христіанской церкви. Вѣрующіе строили храмы и освобождали рабовъ во имя искупленія грѣховъ. Страхъ передъ адомъ и стремленіе попасть въ рай были единственными мотивами добрыхъ дѣлъ. «Я подаю милостыню, — говорилъ Томасъ Броунъ, — не для того, чтобъ утолить голодь брата своего, я лишь исполняю волю и заповѣдь моего Бога». Таково было господствующее возрѣніе. На ряду съ нимъ стали развиваться съ теченіемъ времени черты великодушія, продиктованныя исключительно нравственнымъ чувствомъ. Черты этого истиннаго великодушія проявляются не только въ частной, но и въ общественной жизни. Англія, пожертвовавшая двадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ для освобожденія рабовъ въ колоніяхъ, можетъ служить намъ примѣромъ послѣдняго рода. Излишне говорить, что развитіе этого безкорыстнаго великодушія было слѣдствіемъ возрастающей симпатіи, а самое чувство симпатіи могло возникнуть и распространиться среди людей лишь тогда, когда человѣчество вступило въ фазисъ мирной жизни. Трудно дать болѣе или менѣе точную формулу этихъ до безконечности разнообразныхъ проявленій великодушія и псевдо-великодушія. Только путемъ сопоставленія крайностей мы можемъ придти къ болѣе или менѣе правильнымъ обобщеніямъ. Абатъ Фавръ, въ

своемъ сочиненіи *О дикихъ племенахъ Малайскаго полуострова*, описываетъ расу побѣдителей малайцевъ, какъ народъ, склонный къ грабежу, лжи и мошенничеству. Нельзя довѣряться имъ ни въ чемъ; они грабятъ путешественниковъ и встрѣчаютъ ихъ далеко не гостепріимно. Мѣстное же населеніе, отодвинутое побѣдителями въ глубь страны, хотя и продолжаетъ жить въ дикомъ состояніи, тѣмъ не менѣе, отличается необыкновенно симпатичными чертами. «Они разрѣшаютъ свои споры безъ борьбы и злобы»; они вообще «добры, привѣтливы, щедры и великодушны». При сопоставленіи этихъ двухъ расъ аббатъ Фавръ замѣчаетъ: «поступки малайцевъ пріостекаютъ всегда изъ низкихъ и дурныхъ побужденій, тогда какъ у якунцевъ возвышенная и благородная натура». «Какая же причина такого поразительнаго контраста?»—спрашиваетъ онъ себя и находитъ отвѣтъ въ образѣ жизни этихъ двухъ расъ, изъ которыхъ одна предается убійствамъ и грабежамъ, а другая—мирной дѣятельности.

Гуманность.

Граница, проведенная между великодушіемъ и гуманностью,—говоритъ авторъ книги,—носитъ чисто-внѣшній характеръ и объясняется однимъ лишь удобствомъ. Чувства доброты, жалости и милосердія, сгруппированныя здѣсь подъ общимъ названіемъ гуманности, тѣсно связаны съ великодушіемъ. Все это альтруистическія чувства, въ основѣ которыхъ лежитъ симпатія.

Гуманность, пробуждаемая главнымъ образомъ, какъ и великодушіе, мысленной картиной удовольствій и страданій другихъ лицъ, содержитъ въ себѣ, какъ и она, элементъ эгоистическаго чувства. Такая сложность элементовъ и разнообразіе ихъ проявленій препятствуетъ здѣсь такъ же, какъ и тамъ, болѣе или менѣе точнымъ обобщеніямъ человѣческихъ понятій и чувствъ въ связи съ основными типами обществъ. Есть народы, у которыхъ симпатія совсѣмъ отсутствуетъ, принимая форму безразличія къ чужимъ страданіямъ (отрицательная форма), или же наслажденія этими страданіями (положительная форма). Мазонъ даетъ намъ примѣръ перваго рода, занимая его изъ жизни Кагепс. «Находясь возлѣ одной больной женщины, которая умирала подъ жалкимъ навѣсомъ, я тщетно молилъ,—говоритъ онъ,—ея внуковъ и дѣтей придти ей на помощь».

Примѣръ второго рода приводитъ намъ лордъ Вольсей. Неграмъ Западной Африки,—сообщаетъ онъ,—видѣ крови и физическихъ страданій составляетъ величайшее наслажденіе. Хищническія племена Сѣверной Америки подвергаютъ жестокимъ пыткамъ своихъ плѣнниковъ. Такъ называемыя цивилизованныя расы не уступаютъ въ безчеловѣчности дикимъ племенамъ, а иногда даже и превосходятъ ихъ. Оставляя въ сторонѣ жестокости восточныхъ народовъ и кровавые подвиги мнѣческихъ героевъ которыми такъ восторгались греки временъ Гомера, обратимся къ римлянамъ. Опустошительныя войны, свирѣпствовавшія въ теченіе двадцати поколѣній, развили у нихъ такую кровожадность, которая едва ли сравнится съ жестокостью дикихъ народовъ. Хотя сѣверо-американскія племена

и пытали своихъ плѣнниковъ, но они не пытали рабовъ, не выгнажи ихъ на поле, какъ вьючный скотъ, не отдавали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ для потѣхи народа. Римляне больше заслуживаютъ названіе дикихъ, чѣмъ темнокожія расы.

Христіанская Европа даетъ намъ не менѣе яркій примѣръ безчеловѣчности прежнихъ временъ. Кровавыя войны и вѣчныя распри внутри самихъ обществъ способствовали ея крайнему развитію. Хотя европейцы и не вырывали трепещущихъ сердець изъ груди своихъ враговъ, какъ мексиканцы, но за то они превосходили дикихъ, въ изобрѣтательности пытокъ для еретиковъ, колдуновъ и преступниковъ. Даже и теперь, послѣ многихъ лѣтъ мирной жизни, замѣтны еще слѣды варварства. Обращеніе европейцевъ съ австралійцами по-истинѣ возмутительно.

На-ряду съ народами, лишенными всякаго чувства гуманности, среди некультурныхъ племенъ встрѣчаются такія, у которыхъ сильно развиты гуманныя чувства. Веддари «необыкновенно мягкій, добрый и сердечный народъ. Мальгашаи «относятся другъ къ другу съ большей гуманностью, чѣмъ мы», замѣчаетъ одинъ изъ путешественниковъ. Ирокезцы, по свидѣтельству Моргана, предписываютъ своимъ членамъ «милосердіе, гостепримство и взаимную дружбу». Кольфъ, описывая жителей Луана, говоритъ слѣдующее: «нигдѣ я не встрѣчалъ такого согласія, такой терпимости и готовности помочь другъ другу, такого полнаго мира и счастья въ семьѣ, такой челоуѣчности и гостепримства». Литература восточныхъ народовъ изобилуетъ выраженіемъ гуманныхъ чувствъ и предписаніями гуманныхъ дѣйствій. Хотя это наставленія мудрецовъ и поэтовъ, но тѣмъ не менѣе они являются симптомомъ нравственнаго прогресса обществъ, совершившагося подъ вліяніемъ мирныхъ условій жизни.

Въ Магабгаратѣ мы находимъ слѣдующую сентенцію: «Неизмѣнный долгъ челоуѣка не вредить никому ни словомъ, ни дѣломъ, ни помысломъ; дѣлиться съ другими своимъ добромъ и относиться гуманно ко всѣмъ».

Въ *Гулистанѣ* Сади преподаетъ подобныя же правила: «Будьте милосерды къ крестьянину... Преступно обращать оружіе власти противъ беззащитныхъ подданныхъ... Тотъ, кто относится равнодушно къ чужимъ страданіямъ, недостойнъ названія челоуѣка». Лаотзе осуждаетъ смертную казнь и оплакиваетъ обычай войны. У евреевъ встрѣчаются предписанія относиться гуманно не только къ людямъ, но и къ животнымъ,—предписанія, которыя признала цивилизованная Европа въ проповѣди Христа, а между тѣмъ въ теченіе долгихъ вѣковъ не подчинялась ему.

Благодаря такой массѣ разнообразныхъ чувствъ, мы можемъ сдѣлать болѣе или менѣе вѣрное обобщеніе,—замѣчаетъ Спенсеръ, лишь при сопоставленіи крайнихъ примѣровъ. Всѣ вышеупомянутыя племена, которыя отличаются своей крайней жестокостью, сѣверо-американскіе дикари, дакоты ведутъ военный образъ жизни, тогда какъ у мирныхъ народовъ веддаровъ, мальгашей и др. процвѣтаютъ чувства солидарности, доброжелательства и гуманности.

Правдивость.

Все путешественники единодушно утверждают, что эта добродетель отсутствует у хищных или воинствующих племенъ. То же мы наблюдаемъ и у покоренныхъ народовъ, находящихся подъ гнетомъ деспотической власти. «Индѣйцы, какъ и другіе дикари,—замѣчаетъ Буртонъ,—никогда не говорятъ правды». Во всей Центральной Азіи «правда,—на службѣ у сильныхъ». У фиджійцевъ, по свидѣтельству Томсона, страсть ко лжи такъ велика, что они ее даже не скрываютъ. Они привыкаютъ ловко врать на службѣ у своихъ вождей, такъ какъ послѣдніе требуютъ этого и смотрятъ на ловкихъ лгуновъ, какъ на драгоценный кладъ. «Правда фиджійца—синонимъ лжи». У индѣйцевъ Центральной Америки ложь не считается порокомъ, а скорѣй позволительною хитростью.

Древняя литература индусовъ и евреевъ даетъ намъ примѣры подобнаго же отношенія ко лжи. Въ Индіи, какъ мы видѣли раньше, обманъ и жестокость считались средствами для успѣха. У грековъ правдивость была не въ большомъ почтѣ. Боги, изображенные въ Иліадѣ, обманываютъ не только людей, но и другъ друга. Афина-Паллада любитъ Улисса за то, что онъ ловкій обманщикъ. Миръ Гомера, по выраженію Магаффи, «полонъ коварства и лжи». Позднѣе, въ эпоху аѣинской гегемоніи, греки отличались не лучшими качествами. Дарій смотрѣлъ на грека, сдѣлавшаго сдержать слово, какъ на рѣдкое исключеніе. Различныя фазы европейской исторіи показываютъ намъ, какое существуетъ соотношеніе между періодами хроническихъ войнъ и лживостью. Въ эпоху меровинговъ (кровавая эра) клятвы полководцевъ передъ алтарями нарушались на каждомъ шагу. Послѣ длиннаго ряда войнъ, ознаменовавшаго собой періодъ карловинговъ, наступила эпоха феодализма, о которой Маргентаъ выражается такъ: «Десятый вѣкъ можетъ считаться классической эрой обмановъ и мошенничества. Ни въ одну эпоху нашей (французской) исторіи нравственное чувство не было такъ парализовано въ человѣческой груди, какъ въ этотъ первый періодъ феодализма». Ложь царила и послѣ основанія французской монархіи, сопровождавшагося потоками крови. Сеньоры во взаимныхъ отношеніяхъ были вѣроломны, корыстолюбивы и безчестны. Лекки, говоря о лживости среднихъ вѣковъ, хотя и не приписываетъ ее военному режиму, но, однако, высказываетъ соображеніе, которое косвенно подтверждаетъ нашъ взглядъ. Лекки полагаетъ, что вездѣ, гдѣ мирный трудъ въ загонѣ, народъ не придаетъ такого значенія правдивости, какое ей придаютъ въ промышленныхъ странахъ. Это же соотношеніе бросается въ глаза при сравненіи Западной Европы съ восточной. Само собой, между кровожадностью и лживостью нѣтъ непосредственной связи. Изъ того, что у человѣка нѣжное сердце, вовсе не слѣдуетъ, что онъ долженъ быть правдивъ. Но между мирной жизнью и правдивостью—съ одной стороны, военной и лживостью—съ другой, несомнѣнно, существуетъ косвенное соотношеніе. Мы поймемъ это лучше,—говоритъ авторъ книги,—если бросимъ

взглядъ на нравы тѣхъ народовъ, которые ведутъ обособленную жизнь вдали отъ всеобщей вражды. Вотъ что сообщаетъ намъ Моррисъ по поводу Коисъ: «Они уважаемы за свой культъ правды и могутъ въ этомъ отношеніи служить примѣромъ жителямъ долины, хотя послѣдніе болѣе культурны и развиты». Горныя индусскія племена, Bodos, Dhimals, Todas, Pos и друг., описанныя Спенсеромъ въ его *Основаніяхъ социологии*, отличаются рѣдкою правдивостью. Лѣсные веддари пользуются репутаціей «необыкновенно честныхъ и правдивыхъ людей». Но, на-ряду съ этими фактами, мы видимъ еще другіе, которые невольно наводятъ насъ на сомнѣніе, замѣчаетъ авторъ. У полувоенствующихъ или даже у воинствующихъ народовъ встрѣчаются тоже порой черты глубокой правдивости. Готтентоты часто воюютъ другъ съ другомъ, а между тѣмъ «слово готтентота свято». Морганъ, описывая нравы ирокезцевъ, говорить, что «правдивость—отличительная черта индѣйскаго характера». Хотя лига ирокезцовъ и образовалась во имя сохраненія общаго мира между своими членами, тѣмъ не менѣе ей приходится часто воевать съ сосѣдними племенами, которыя не входятъ въ ея составъ и относятся къ ней враждебно. У патагонцевъ ложь возбуждаетъ отвращеніе, хотя они не рѣдко воюютъ другъ съ другомъ и отражаютъ нападенія испанцевъ. Khonds считаютъ уваженіе къ истинѣ самымъ священнымъ долгомъ, а, между тѣмъ, у нихъ часто бываютъ «кровавыя распри другъ съ другомъ изъ-за земель». Мы встрѣчаемъ, стало быть, эти черты не только у мирныхъ народовъ, но также и у нѣкоторыхъ болѣе или менѣе воинствующихъ племенъ. Чѣмъ же объясняется этотъ фактъ? У всѣхъ этихъ народовъ,—отвѣчаетъ Спенсеръ, замѣчается одно и тоже явленіе: какъ тѣ, такъ и другіе подчинены демократическому режиму. Соціальныя строю первыхъ Спенсеръ описалъ въ своихъ *Основаніяхъ социологии*, относительно же вторыхъ онъ сообщаетъ слѣдующее: готтентоты подчинены собранію, которое большинствомъ голосовъ рѣшаетъ дѣла; ирокезцы управляются совѣтомъ пятидесяти. У патагонцевъ правительственная власть никогда не была сильна; они оставляли своихъ вождей, когда тѣ имъ не нравились. «Весь соціальныя строю гандовъ проникнутъ духомъ равенства».

Наблюденія различныхъ путешественниковъ показываютъ намъ, что ложь находится въ тѣсной связи съ правительственной системой: при деспотизмѣ преобладаетъ ложь; при свободномъ режимѣ — правда. Система запугиванія, практиковавшаяся по отношенію къ индѣйцамъ, была причиною ихъ общей склонности ко лжи. Многолѣтній опытъ привелъ Ливингстона къ заключенію, что между ложью и страхомъ существуетъ тѣсная связь. Говоря о крайней лживости населенія восточной Африки, онъ находитъ, что рабы лгутъ еще больше, чѣмъ господа. «Ложь -- убѣжище слабыхъ и угнетенныхъ», замѣчаетъ онъ. Примѣры изъ жизни древнихъ цивилизованныхъ обществъ только подтверждаютъ этотъ взглядъ. У египтянъ, находившихся долго подъ властью деспотическихъ чиновниковъ, народъ хвасталъ своимъ умѣньемъ лгать. Индусы, изнывавшіе сперва подъ

гнетомъ тиранническаго правительства, а затѣмъ подѣ мусульманскимъ и англійскимъ игомъ, необыкновенно лживый народъ. Франція въ эпоху феодализма была до того заражена духомъ лжи и мошенничества, что даже правители поддавались примѣру своихъ подданныхъ,— короли занимались издѣліемъ фальшивыхъ монетъ. Хотя и теперь допускаютъ во Франціи ложь въ политикѣ, но она уже не носитъ такого возмутительнаго характера, какъ прежде. То же было и въ Англии. Если сравнить безчестные и коварные приемы государственныхъ людей временъ Елизаветы, когда монархическая власть была еще слабо ограничена, съ безусловной честностью нынѣшнихъ англійскихъ дѣятелей, то станетъ видно, какое соотношеніе существуетъ между ложью и деспотизмомъ, правдой и свободой.

Отсюда вполне понятно, что между ложью и постоянною войной, правдивостью и внутреннимъ миромъ нѣтъ прямой связи, а только косвенная. При хронически повторяющихся войнахъ организація общества носить принудительный характеръ, тогда какъ этотъ режимъ не имѣетъ мѣста при мирныхъ отношеніяхъ. А въ связи съ этимъ ложь вызываетъ въ одномъ случаѣ весьма слабое нравственное осужденіе; въ другомъ же, наоборотъ, сильное и истинно-нравственное.

Повиновеніе.

Подѣ повиновеніемъ обыкновенно понимаютъ два вида подчиненія: подчиненіе дѣтей родителямъ и гражданъ государству. Первое коренится въ неизмѣнномъ порядкѣ природы, тогда какъ второе обуславливается временнымъ порядкомъ вещей и не всегда достойно поддержки.

Мэнъ приписываетъ обоимъ видамъ подчиненія общій корень. Это вѣрно относительно тѣхъ обществъ, замѣчаетъ Спенсеръ, которыя развивались по типу, описанному Мэнномъ, но придавать этому типу универсальный характеръ нельзя. При переходѣ отъ семейнаго къ патріархальному быту, подчиненіе дѣтей родителямъ, дѣйствительно, превратилось сперва въ подчиненіе сына отцу, а затѣмъ въ подчиненіе отцу отца — патріарху. Вѣрно также и то, что сліяніе родовъ породило организацію, въ которой главный патріархъ обратился въ вождя. Но эти отношенія безслѣдно исчезли въ позднѣйшую эпоху и два вида подчиненія рѣзко обособились другъ отъ друга. Однако, тѣмъ не менѣе, продиктованныя въ большей мѣрѣ однимъ и тѣмъ же чувствомъ, оба эти вида подчиненія подвергались въ своей эволюціи одинаковымъ измѣненіямъ. На первыхъ ступеняхъ культуры не только не существовало политическаго подчиненія, но даже и подчиненіе дѣтей родителямъ было мало развито и человѣческая семья мало чѣмъ отличалась отъ животной. Обязанности отца по отношенію къ дѣтямъ и дѣтей къ отцу носили лишь временный характеръ.

Араукаанцы никогда не наказываютъ мальчиковъ, находя, что всякое наказаніе дѣлаетъ ихъ неспособными къ войнѣ. У араваковъ и дакотовъ встрѣчается то же. По поводу жителей восточной Африки Буртонъ гово-

рить слѣдующее: «Когда періодъ дѣтства прошелъ, отецъ и сынъ становятся врагами». Къ матерямъ дѣти относятся еще хуже. Дакоты заставляютъ матерей работать за себя. У фиджійцевъ дѣтей учатъ бить родную мать.

Судя по этимъ примѣрамъ, можно подуматъ, что неповиновеніе дѣтей родителямъ соотвѣтствуетъ низшему типу соціальной жизни, но на самомъ дѣлѣ это явленіе не носитъ общаго характера. У эскимосовъ «любовь родителей къ дѣтямъ очень велика, а неповиновеніе съ ихъ стороны очень рѣдко». Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что даже на самыхъ низшихъ стадіяхъ развитія мы встрѣчаемъ, на-ряду съ неповиновеніемъ, и повиновеніе. Но если то или другое изъ дикихъ племенъ не воспитываетъ своихъ дѣтей въ подчиненіи родителямъ, то несомнѣнно, что у этого племени нѣтъ прочной соціальной организаціи. Спенсеръ приводитъ доказательства а contrario. Сравнивая кочующія семитическія племена съ осѣдлыми, у которыхъ имѣлась прочная политическая организація, мы замѣчаемъ, говоритъ онъ, что у первыхъ подчиненіе дѣтей родителямъ существовало въ очень слабой степени, тогда какъ у вторыхъ оно было сильно развито. У древнихъ евреевъ глава семьи имѣлъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми. У ассириянъ, у которыхъ соціальная организація носила принудительный характеръ, отецъ былъ полновластнымъ господиномъ въ своемъ домѣ; онъ могъ продать непокорныхъ дѣтей въ рабство. Въ Китаѣ, на ряду съ культомъ предковъ, существовало всегда безусловное подчиненіе дѣтей родителямъ. «Сыновнее почтеніе и братская любовь,— говоритъ Конфуцій,— начало всякой добродѣтели». Въ Египтѣ было то же: «начало нравственной доблести есть подчиненіе, а повиновеніе родителямъ—его корень». Въ первую эпоху римской исторіи и даже много позднѣе отцовское *jus vitae ac necis* влекло за собою безусловное подчиненіе дѣтей. Хотя по мѣрѣ соціальнаго развитія *patria potestas* (отцовская власть) и ослабѣвала въ Европѣ, тѣмъ не менѣе, она была еще очень сильна въ сравнительно недавнее время.

Такимъ образомъ мы видимъ, что у самыхъ различныхъ народовъ подчиненіе родителямъ находилось въ связи съ объединеніемъ и болѣе или менѣе прочной организаціей общества. Такое соотношеніе замѣчается если не во всемъ ходѣ историческаго прогресса, то, по крайней мѣрѣ, на первыхъ его ступеняхъ.

Степень политическаго подчиненія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ чисто-физическихъ условій. Тамъ, гдѣ мѣстожителство препятствуетъ большому скопленію людей, какъ, наприм., въ бесплодныхъ степяхъ или гористыхъ мѣстностяхъ, подчиненіе дѣтей родителямъ не выходитъ за предѣлы рода. При благоприятныхъ физическихъ условіяхъ подчиненіе родителямъ можетъ съ теченіемъ времена развиться въ политическое подчиненіе. Особенно часто это замѣчается у воинствующихъ народовъ. У калмыковъ, на ряду съ почтеніемъ къ родителямъ, мы видимъ глубокую преданность своимъ вождямъ.

Но въ особенноти эти два вида подчиненія были сильно развиты у

древнихъ цивилизованныхъ народовъ. Въ Бятаѣ, Индіи, Египтѣ и Іудеѣ, гдѣ покорность родительской волѣ доходила до своего апогея, существовало также рабское подчиненіе царю. Европа дала намъ примѣръ такого же явленія. На-ряду съ теоріей и практикой безусловнаго повиновенія отцу развивалась теорія и практика безусловнаго подчиненія главѣ общины, сперва мѣстному вождю, а затѣмъ представителю центральной власти. Въ феодальную эпоху возникла вѣрность сюзерену, а затѣмъ, послѣ политическаго объединенія, вѣрность королю.

Въ древней Франціи самымъ ужаснымъ преступленіемъ считалась измѣна вассала, а высшею доблестью — вѣрность. Въ Англіи было то же. Англійская аристократія выражала свои вѣрноподданичскія чувства на своихъ гербахъ. Такъ, наприм.: «Любите вѣрность», «Вѣрность на всю жизнь», «За Бога и короля» и т. д. На ряду съ этими девизами, предписывающими вѣрность, существовали, какъ намъ извѣстно, еще другіе, въ которыхъ преобладалъ духъ нападенія.

Связь между вѣрностью и жаждой нападенія вполне естественна. Оба эти чувства неразрывно связаны съ постоянной военной организаціей. Сперва вождь, затѣмъ король и, наконецъ, императоръ были всегда главнокомандующими арміи и ихъ власть во время мира была продолженіемъ власти на войнѣ. Отсюда попятно, что политическое подчиненіе отождествлялось вначалѣ съ военнымъ, да и теперь вездѣ, гдѣ существуетъ военный режимъ, оба эти вида подчиненія должны слиться во-едино. У воинствующихъ народовъ политическое подчиненіе доведено до maximum'a. Древніе мексиканцы, свирѣпые войны-каннибалы, исчезнувшіе теперь съ лица земли, доводили свое почтеніе къ царю до какого-то дикаго обожанія. Дагомейцы со своей арміей амазонокъ «были все поголовно рабами передъ своимъ королемъ». Германцы времепъ Фридриха II боготворили этого великаго побѣдителя, тогда какъ теперь они относятся гораздо сдержаннѣе къ своему императору. Въ Англіи было то же: въ періоды непрерывныхъ войнъ существовала глубокая преданность королю, а теперь, въ эпоху болѣе или менѣе продолжительнаго мира, политическое подчиненіе носитъ довольно призрачный характеръ.

Остается добавить еще нѣсколько словъ, а именно, что съ ослабленіемъ политическаго подчиненія ослабѣвало параллельно и подчиненіе родителямъ. Грозная власть отца, практиковавшаяся въ прошлые вѣка, приняла въ наше время болѣе мягкія формы. Но хотя оба эти вида подчиненія и основывались на одномъ чувствѣ и подвергались одинаковымъ измѣненіямъ, тѣмъ не менѣе, они сопровождались всегда различными санкціями. Первая связана съ законами природы, вторая — съ временными условіями социальной жизни. Подчиненіе ребенка отцу оправдывается его физическою безпомощностью и обязанностью вознаграждать хоть отчасти прежнія заботы о немъ. Эти причины будутъ существовать вѣчно, а также на ряду съ ними сохранятся и почтеніе къ родителямъ, которое приметъ характеръ истинно-нравственнаго чувства.

Политическое же подчиненіе, отсутствующее у первобытныхъ народовъ, возникло лишь по мѣрѣ того, какъ совершилась политическая интеграція обществъ и они разрослись вслѣдствіе завоеваній. Развитие такого подчиненія въ средѣ этихъ обществъ было необходимымъ условіемъ для ихъ успѣха на войнѣ. Но вмѣстѣ съ прекращеніемъ войны должно ослабѣть и безусловное подчиненіе верховному владыкѣ. По мѣрѣ того, какъ постепенно падаетъ система государственная система, характеризующая типъ военной организаціи, и развивается система договорная, соответствующая типу промышленной страны, необходимость подчиненія ощущается все меньше и меньше. Въ чувствахъ происходитъ та же эволюція: рабское подчиненіе обращается въ порокъ, а на сцену выступаетъ новая добродѣтель—независимость.

Т р у д ъ.

Нравственныя воззрѣнія на трудъ и чувства, сопровождающія эти воззрѣнія, находятся, по мнѣнію Спенсера, въ зависимости отъ преобладающаго типа занятій въ томъ или другомъ обществѣ. Промышленность въ нашемъ смыслѣ не существовала еще у первобытныхъ народовъ, да она и не могла существовать въ допастушескій и доземледѣльческій періодъ. Значеніе той или другой дѣятельности въ общей экономіи племени опредѣляло его взгляды на нее. Благополучіе первобытныхъ обществъ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ ихъ успѣха на войнѣ или охотѣ, и потому-то эти два рода занятій считались необыкновенно почетными. Домашній же трудъ, не требовавшій ни особенной силы, ни мужества, ни ловкости, игралъ въ глазахъ дикарей самую ничтожную роль, и, благодаря тому, что имъ занимались женщины и рабы,—низшая половина человѣческаго рода,—онъ пользовался крайнимъ презрѣніемъ. Предъ-моральное чувство осуждало правильный и упорный трудъ или, вѣрнѣе, ту серію дѣйствій, изъ которыхъ слагался этотъ трудъ. Характерно то, что изъ общей массы занятій, къ которымъ первобытный человѣкъ относился съ презрѣніемъ, выдѣлялось только изготовленіе оружія и постройка *wigwams* или шалашей. Это объясняется, опять-таки, тѣмъ, что первое было связано съ войной и требовало извѣстнаго искусства, а второе—ловкости и силы. Эти исключенія только подтверждаютъ намъ, замѣчаетъ авторъ, что самыми низкими занятіями считались тѣ, которыя не нуждались въ особенной физической или интеллектуальной силѣ и съ которыми могли справиться низшія существа. Этотъ первоначальный контрастъ въ чувствахъ и взглядахъ на трудъ продержался во всемъ ходѣ соціальной эволюціи, ослабѣвая очень медленно, но непрерывно. Да и не могло быть иначе: причины, породившія его, продолжали существовать. До тѣхъ поръ, пока благоденствіе народа обуславливалось развитіемъ его боевыхъ силъ, военная дѣятельность была въ почетѣ, а всякій другой трудъ въ загонѣ. Только въ сравнительно новѣйшую эпоху, когда возникло сознаніе, что благоденствіе націй зависитъ отъ

производительныхъ силъ страны, что промышленный трудъ требуетъ не меньшаго, но большаго развитія умственныхъ способностей, только тогда стали относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Презрѣніе къ труду въ первобытномъ обществѣ, обусловленное тѣмъ, что онъ былъ удѣломъ женщинъ, которыя считались неспособными ни къ войнѣ, ни къ охотѣ, увеличивалось еще благодаря тому, что ими занимались рабы, люди низшей породы. Въ очень отдаленную эпоху существовалъ обычай употреблять рабовъ на-ряду съ женщинами для трудной домашней работы. Даргагазъ, сообщаетъ Андерсонъ, необыкновенно лѣнны. Все, чего не хотятъ дѣлать ихъ женщины, они возлагаютъ на рабовъ. У жителей Конго обработка земли предоставлена всецѣло женщинамъ и рабамъ. Въ Дагомеѣ земледѣліе пользуется сильнымъ презрѣніемъ, потому что имъ занимаются рабы. Благодаря этому условію, у первобытныхъ народовъ развилось сильное предубѣжденіе противъ труда. Различные примѣры показываютъ тамъ, какъ это до-нравственное чувство, сопутствующее санкціей традиціонныхъ обычаевъ, принимало тотъ или другой характеръ въ связи съ условіями окружающей среды. Такъ, на примѣръ, русимены—заклятые враги пастушеской жизни; нѣкоторыя изъ ихъ нравственныхъ правилъ предписываютъ имъ жить охотой или войной. Чистокровные арабы относятся съ презрѣніемъ къ обработкѣ земли, считая это занятіе низкимъ.

Многіе изъ вышеприведенныхъ примѣровъ подтверждаютъ намъ тотъ фактъ,—замѣчаетъ Спенсеръ,—что извѣстный образъ жизни, практикуемый долго въ одномъ направленіи, порождаетъ серію понятій и чувствъ, которыя гармонируютъ съ ними. Различныя аномальныя явленія указываютъ намъ на то, какъ велика сила предразсудковъ, порожденныхъ обычаемъ. Въ восточной Африкѣ, рассказываетъ Ливингстонъ, у нѣкоторыхъ племенъ «женщины обрабатываютъ землю, сѣютъ хлѣбъ и строятъ шалаши... Мужчины остаются дома, шьютъ, ткутъ, прядутъ, болтаютъ и доятъ козъ». Въ Абиссиніи считается позоромъ для мужчины пойти на рынокъ за провизіей. Онъ не можетъ ни носить воды, ни печь хлѣба; но онъ обязанъ стирать бѣлье всей семьи, и женщины не имѣютъ права помогать ему въ этомъ почетномъ занятіи.

Эти аномаліи родились, вѣроятно, въ ту эпоху, предполагаетъ Спенсеръ, когда хищническіе набѣги ослабѣли и дали возможность мужчинамъ предаваться бездѣлю или легкимъ занятіямъ, такъ какъ трудъ женщинъ вполне удовлетворялъ всѣмъ нуждамъ населенія. Несомнѣнно, что у первобытныхъ народовъ мужчины взялись за тяжелый и упорный трудъ лишь тогда, когда къ этому принудили обстоятельства, когда ослабленіе военной дѣятельности повлекло за собой размноженіе населенія, тогда мужчины должны были взяться за промыслы для удовлетворенія своихъ нуждъ.

Эта пережѣна социальной жизни сопровождалась эволюціей предъ-нравственныхъ чувствъ по отношенію къ труду. Конди «считаютъ всякій торгъ или обмѣнъ ниже своего достоинства и смотрятъ на всѣхъ, кто не принадлежитъ къ классу воиновъ или земледѣльцовъ, какъ на подопки общества»

Древнія германскія племена занимались на ряду съ охотой и грабежомъ, обработкой земли, такъ какъ, очевидно, никакое другое занятіе не давало имъ необходимыхъ средствъ къ жизни. Презрѣніе къ торговлѣ обуславливалось, вѣроятно, тѣмъ, полагаетъ Спенсеръ, что послѣдняя находилась въ рукахъ бродячихъ людей, которые не были приписаны къ какой-нибудь общинѣ. Но развитіе торговли измѣнило мало-по-малу этотъ взглядъ. Какъ охотничьи народы презирали земледѣліе, до тѣхъ поръ, пока особенно не нуждались въ немъ, такъ же они презирали и торговлю. Это занятіе не имѣло въ ихъ глазахъ никакой цѣны, такъ какъ всѣ необходимые продукты изготовлялись у себя дома. Когда же ея значеніе увеличилось съ теченіемъ времени, она перестала внушать чувства, которые выливались въ презрѣніи. Но хотя и развивались многочисленныя общества, хотя и ощущалась все большая и большая потребность въ земледѣліи, тѣмъ не менѣе, трудъ еще долго не носилъ почетнаго характера, благодаря вышеупомянутымъ причинамъ. Онъ возлагался, въ отдаленную эпоху, на рабовъ, затѣмъ на крѣпостныхъ и, наконецъ, въ новѣйшее время, на людей низшихъ въ умственномъ или физическомъ отношеніи. Между трудомъ и его представителями существовала слишкомъ тѣсная ассоціація идей; то отвращеніе, которое онъ внушалъ, оправдывалось тѣмъ взглядомъ, что отдаться ему—значить обнаружить свое низкое происхожденіе.

Хотя въ литературахъ древнихъ цивилизованныхъ народовъ трудъ и считался долгомъ, тѣмъ не менѣе, онъ былъ предписанъ, главнымъ образомъ, подневольнымъ людямъ. «Исполниай ежедневно и неизмѣнно ту работу, которая тебѣ задана»,— гласятъ законы Ману. То же мы видимъ и у другихъ. Только одна персидская литература имѣла болѣе ясное представленіе о почетности труда, независимо отъ условій, при которыхъ онъ исполнялся. Религія Зороастра предписываетъ своимъ adeptамъ, «добывать хлѣбъ въ потѣ лица своего». Европа съ древнихъ вѣковъ и до нашихъ дней даетъ намъ блестящій примѣръ соотношенія между типомъ общественной дѣятельности и господствующими воззрѣніями на трудъ. Платонъ въ своей *Республикѣ* довольно ясно выражаетъ свое презрѣніе къ производителямъ и посредникамъ, когда сравниваетъ ихъ съ низшими функциями человѣческаго организма. Аристотель придерживается тѣхъ же взглядовъ, увѣряя, «что рабочій или слуга на жалованьи не могутъ вести добродѣтельной жизни». То же было и на Западѣ. Въ римскомъ мірѣ, гдѣ военная организація была во всемъ своемъ блескѣ и силѣ, классъ рабовъ и вольноотпущенныхъ находился въ полномъ загонѣ. Въ «смутный» періодъ, слѣдовавшій за крушеніемъ западной Римской имперіи и въ эпоху безконецныхъ войнъ, которыя способствовали образованію прочныхъ государствъ, это презрѣніе къ труду было по-прежнему общимъ явленіемъ. Презирали не только чернорабочихъ и ремесленниковъ, но также и умственный трудъ ученыхъ.

Только по мѣрѣ того, какъ война перестала быть единственнымъ занятіемъ высшихъ классовъ, по мѣрѣ того, какъ низшіе классы пріобрѣли

Большее влияние на формирование общественного мнения, труд получил признательность и приобрел почет. Похвалы, расточаемые ему представителями высшего класса, были продиктованы сознанием, что онъ необходимъ для ихъ же блага. Въ наше время въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ промышленная дѣятельность почти отбѣсила на задній планъ военную и нравственные воззрѣнія на трудъ приобрѣли совершенно иной характеръ. Правда, мы относимся еще нѣсколько презрительно къ чисто-мускульной работѣ и ставимъ выше занятія ремесленника, во за то интеллектуальный трудъ пользуется у насъ безусловнымъ почетомъ. Слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что прогрессъ индустриализма и его тенденція завоевать первенство развили воззрѣніе, что полезный трудъ является неизлѣпимымъ долгомъ человѣка.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что различные виды общественной дѣятельности породили соответствующія нравственные. Тѣ занятія, которыя неоспоримо ведутъ къ общественному благосостоянію, возбуждаютъ въ насъ чувство одобренія: съ ними связываютъ идею добра и считаютъ вредною аномаліей ихъ отсутствіе.

Таково начало контраста, замѣчаемаго нами съ самыхъ древнихъ временъ и до нашихъ дней, между презрѣніемъ къ труду у воинствующихъ народовъ и уваженіемъ къ нему у промышленныхъ націй. Остается еще упомянуть, что до-нравственные чувства, санкціонирующія трудъ, даютъ начало истинно-нравственному чувству. Последнее предписываетъ трудъ не во имя самого труда, но во имя долга самому добывать свой хлѣбъ, а не брать его у другихъ.

Воздержаніе и цѣломудріе.

Мы не будемъ останавливаться на послѣднихъ двухъ главахъ, посвященныхъ воздержанію и цѣломудрію, такъ какъ онѣ, въ сущности, не представляютъ ничего къ основнымъ положеніямъ Спенсера. У однихъ народовъ невоздержанность и развратъ санкціонированы обычаемъ и общественнымъ мнѣніемъ, у другихъ, наоборотъ, они подвергаются осужденію. Но мы не можемъ установить постоянной зависимости между идеями и чувствами, связанными съ ними, и типомъ общественной дѣятельности. Мы не можемъ сказать, что военная жизнь порождаетъ распущенность и пьянство, а мирная — трезвость и цѣломудріе. У самыхъ миролюбивыхъ народовъ, каковы, наприм., тоды и эскимосы, господствуетъ развратъ, тогда какъ у фиджійцевъ, этихъ отвратительныхъ дикарей — канибаловъ, лугоновъ и убійцъ, — женщины необыкновенно цѣломудренны: «ихъ добродѣтель приближается къ самому высшему нравственному типу». Относительно пьянства можно сказать то же. Эти примѣры свидѣтельствуютъ объ отсутствіи болѣе или менѣе опредѣленной связи между идеями и чувствами, сопровождающими воздержаніе и цѣломудріе, и условіями соціальной организаціи. Достоверно только одно, что по мѣрѣ своего развитія общество начинаетъ сознавать все больше и больше вредныя послѣдствія какъ пьянства, такъ и разврата.

О б о б щ е н і я.

Трудно сдѣлать болѣе или менѣе точныя обобщенія на основаніи такого огромнаго количества неопредѣленныхъ данныхъ,—говоритъ Спенсеръ. Явленія соціальной жизни сложны уже сами по себѣ, но эта сложность увеличивается еще вслѣдствіе многообразія и измѣнчивости окружающихъ условій. Въ этому присоединятся, помимо всего, недостаточная достовѣрность и противорѣчивость многихъ сообщаемыхъ фактовъ. Во-первыхъ, не всѣ путешественники и историки заслуживаютъ одинаковаго довѣрія; во-вторыхъ, народы, объединенные подъ однимъ общимъ названіемъ, какъ, наприм., австралійцы, представляютъ крайнее разнообразіе чертъ; въ-третьихъ, нравы дикихъ племенъ подвергаются сильнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ европейцевъ, въ особенности миссіонеровъ и кушцовъ, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, предметъ затрудняется еще массой переживаній. Благодаря этимъ условіямъ, намъ придется довольствоваться выводами,—замѣчаетъ авторъ,—которые вѣрны только въ среднемъ. Для того, чтобы дать себѣ вѣрный отчетъ въ значеніи нашихъ обобщеній,—продолжаетъ онъ,—мы должны вспомнить сущность соціальной кооперациі. Нами было сказано, что нравственность есть ничто иное, какъ сводъ опредѣленныхъ правилъ поведенія, приравненныхъ къ типу данной ассоціаци. Мы утверждали дальше, что въ первобытномъ обществѣ ассоціаци не можетъ возникнуть внѣ принудительной кооперациі, организованной для защиты отъ внѣшнихъ враговъ или же для взаимной поддержки въ борьбѣ за существованіе.

Благополучіе обществъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, насколько они удовлетворяютъ условіямъ соціальной кооперациі. Переживаніе наиболѣе приспособленныхъ обезпечиваетъ въ обществѣ преобладаніе принциповъ, предписывающихъ уваженіе къ его требованіямъ, и чувствъ, гармонирующихъ съ ними. Если же принципы и чувства касаются, главнымъ образомъ, частной жизни и не нарушаютъ непосредственно основныхъ требованій этой кооперациі, они получаютъ болѣе слабую санкцію, чѣмъ предыдущіе. Вотъ почему половой развратъ и невоздержность не встрѣчаютъ въ первобытномъ обществѣ такого громкаго осужденія, какъ проступки противъ соціальной дисциплины. И въ самомъ дѣлѣ, если нѣсколько члѣовѣкъ предаются обжорству или пьянству, общество теряетъ не много: ни военная сила, ни внутренній порядокъ не страдаютъ отъ этого. Обжорство или пьянство ослабляютъ непосредственно только того или другого индивидуума, личность, и вредятъ обществу лишь косвенно. Точно также проступки противъ цѣломудрія имѣютъ весьма отдаленное вліяніе на численность населенія и военный подборъ. Понятно, что неразвитое общественное сознаніе не можетъ еще уловить этихъ результатовъ и потому слабо реагируетъ противъ проступковъ этой категоріи. Совершенно иначе относится общество къ нарушенію внѣшнихъ и внутреннихъ условій соціальной кооперациі. Храброе и дисциплинированное войско на низшихъ стадіяхъ культуры—важнѣйшій залогъ общественнаго благополучія: отсюда рѣдкое единодушіе въ

отношеніи къ проступкамъ противъ военной субординаціи и трусости. Точно также безпощадная репрессія за убійство соплеменника или кражу у него обусловливается взглядомъ на эти дѣянія какъ на преступленія противъ основъ общежитія. Правда, не у всѣхъ народовъ одинаковыя мнѣнія и чувства по поводу послѣдней категоріи дѣйствій, но это лишь свидѣтельствуетъ о томъ, что они находятся въ зависимости отъ различныхъ типовъ соціальной коопераціи. Если послѣдняя уходитъ вся на непрерывныя войны съ сосѣдями, въ обществѣ развивается чванство ловкимъ нападеніемъ, грабежъ становится почетнымъ занятіемъ, месть — священнымъ долгомъ, удачная ложь—заслугой, а подчиненіе деспотическимъ вождямъ—величайшею добродѣтелью. Къ труду относятся съ презрѣніемъ и довольствуются во внутреннихъ отношеніяхъ самымъ минимумомъ справедливости. Когда же соціальная кооперація направлена, главнымъ образомъ, на взаимную поддержку членовъ общества, всякое нападеніе теряетъ свое обаяніе, кража даже у враговъ перестаетъ быть подвигомъ, месть необходимою, ложь вызываетъ осужденія. Чувство справедливости начинаетъ проникать взаимныя отношенія гражданъ, трудъ становится обязанностью, а политическое подчиненіе доходитъ до такого минимум'а, что покорность деспоту вызываетъ только презрѣніе. Нѣсомнѣнно, что національныя черты, унаслѣдованныя народами отъ прошлаго, вѣковые обычаи, религіозныя мнѣнія и конкретныя условія жизни нѣсколько затемняютъ это соотношеніе, но въ общемъ оно, все-таки, выступаетъ до нельзя рельефно. Вотъ ключъ къ объясненію того факта, что у различныхъ народовъ, а иногда даже у одного и того же народа (перемѣна условій жизни), господствуютъ различныя, часто діаметрально противоположныя нравственныя понятія и чувства. Я привелъ массу доказательствъ въ подтвержденіе этого взгляда, — говоритъ Спенсеръ, — но ихъ не бесполезно подкрѣпить серіей противопоставленій. Убійство и воровство считаются у насъ страшнымъ преступленіемъ. Они запрещены религіей, караются закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. А, между тѣмъ, въ Белуджистанѣ преобладаютъ совсѣмъ другія понятія и чувства. Народная поговорка гласитъ тамъ, что «воръ и убійца открываютъ двери рая семи поколѣніямъ своего потомства». Теперь въ Англіи рабство считается позоромъ, во времена же Елизаветы, когда былъ начатъ торгъ неграми, общество и правительство наградило его дружнымъ взрывомъ одобренія. Въ настоящее время цивилизованныя націи признаютъ до известной степени права женщины и не считаютъ ихъ вещью мужчины. Сами женщины стремятся расширить свою свободу какъ въ сферѣ семейной, такъ и политической жизни. У фиджійцевъ же, наоборотъ, жены вождей вмѣняютъ себѣ въ обязанность умереть на трупъ мужа и т. д.

И такъ, мы видимъ, что, во всѣхъ сферахъ человѣческаго поведенія, мнѣнія и чувства различныхъ народовъ далеко не одинаковы и часто даже діаметрально противоположны. Факты, приведенные нами, — замѣчаетъ Спенсеръ, — краснорѣчиво опровергаютъ доктрину о врожденномъ нравственномъ чувствѣ. Такъ какъ одни народы вѣрятъ въ то, что нераскаанный воръ

понесетъ небесную кару, а другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что «Богъ отвергнетъ того, кто не грабитъ и не крадетъ», я не могу признать,—говорить онъ,—врожденность нравственныхъ чувствъ. Несмотря, однако, на всѣ свои недочеты, доктрина интуитивной школы даетъ намъ намекъ на одну чрезвычайно важную истину. Факты единогласно подтверждаютъ, что идеи и чувства каждаго народа приспособляются къ преобладающему роду общественной дѣятельности. Жизнь, полная вражды, порождаетъ нравственный кодексъ, который одобряетъ всякаго рода насилія и осуждаетъ мирныя занятія. Напротивъ, жизнь, проникнутая внутреннею солидарностью членовъ общества, предписываетъ всѣ добродѣтели, какія только свойственны мирной коопераціи. Если внѣшній и внутренній миръ будетъ длиться изъ поколѣнія въ поколѣніе, онъ породитъ не только соответствующій кодексъ, онъ создастъ и нравственное чувство, приспособить самую природу чело-вѣка къ требованіямъ нравственности. Тогда люди будутъ обладать этимъ желаннымъ руководителемъ — врожденною совѣстью, которую моралисты интуитивной школы ошибочно предполагаютъ теперь во всемъ чело-вѣчествѣ.

И. К—на.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Помолвка Наслѣдника Цесаревича.—Учрежденіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.—Новыя вѣдомства, входящія въ составъ министерства.—Его отличительныя особенности и условія для его вліянія на народное хозяйство.—Центральный кустарный комитетъ и его задачи.—Государственная 4⁰/₀-пая рента.—Комиссія для пересмотра судебныхъ уставовъ.—Открытіе въ Гельсингфорсѣ памятника Императору Александру II.

Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ помолвленъ съ ея великогерцогскимъ высочествомъ принцессой Алисой Гессенской, сестрою супруги Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, Великой Княгини Елисаветы Федоровны. Это событіе привѣтствуется русскою, германскою, англійскою и итальянскою печатью, какъ новый и радостный залогъ европейскаго мира. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ помолвка Наслѣдника престола была отпразднована съ большою торжественностью. На поздравленіе отъ имени Москвы, принесенное въ отсутствіе Великаго Князя, московскаго генералъ-губернатора, исправляющимъ эти обязанности московскимъ губернаторомъ, Государь Императоръ отвѣтилъ слѣдующею телеграммой: «Императрица и Я искренно благодаримъ Москву за ея привѣтъ и поздравленіе съ великимъ семейнымъ событіемъ, помолвкою Наслѣдника Цесаревича. Не сомнѣваюсь въ искренности и сердечности чувствъ Первопрестольной». Московская городская дума поручила управѣ ко времени предстоящаго бракосочетанія Наслѣдника престола представить соображенія о томъ, какъ Москвѣ достойно ознаменовать это событіе. Однимъ изъ лучшихъ способовъ было бы, по нашему мнѣнію, учрежденіе начальныхъ школъ имени Его Императорскаго Высочества и Его Августѣйшей Невѣсты. Въ школахъ этихъ чувствуется сильный недостатокъ и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ во время своего пребыванія въ Москвѣ выразилъ къ начальной городской школѣ заботливое участіе.

---

21 марта высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о преобразованіи министерства государственныхъ имуществъ въ министерство

земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Съ финансовой стороны преобразование является для казны не только не обременительнымъ, но почти незамѣтнымъ: законъ постановляетъ въ дополненіе къ суммамъ на содержаніе центрального управленія министерства государственныхъ имуществъ, отпущеннымъ въ 1894 году, отпустить 180,000 рублей. Въ составъ министерства входятъ слѣдующія учрежденія: сельско-хозяйственный совѣтъ, горный совѣтъ, ученый комитетъ, департаментъ земледѣлія, отдѣлъ сельско-хозяйственной экономіи и сельско-хозяйственной статистики съ кустарнымъ комитетомъ, отдѣлъ земельныхъ улучшеній, лѣсной департаментъ, лѣсной специальный комитетъ, горный департаментъ, департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ и канцелярія министра. Мы находимъ, такимъ образомъ, въ новомъ и старыя вѣдомства, входившія въ составъ министерства государственныхъ имуществъ, и новые органы, стоящіе въ тѣснѣйшей связи съ сельскимъ хозяйствомъ.

Среди отдѣловъ министерства земледѣлія законъ поставилъ на первое мѣсто сельско-хозяйственный совѣтъ, дабы тѣмъ отмѣтить главныя задачи, возложенныя на министерство. По ст. 25, «сельско-хозяйственный совѣтъ учреждается для обсужденія мѣръ, имѣющихъ цѣлью развитіе и усовершенствованіе сельскаго хозяйства вообще и отдѣльныхъ его отраслей въ частности». Въ составъ совѣта, кромѣ разныхъ должностныхъ лицъ министерства, входятъ по одному члену отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія и Императорскаго двора и удѣловъ, а также 15 членовъ изъ числа сельскихъ хозяевъ и, вообще, лицъ, близко знакомыхъ съ нуждами и интересами сельскаго хозяйства. Послѣдніе 15 членовъ приглашаются министромъ на 1 годъ и утверждаются въ званіи высочайшею властью. Совѣтъ собирается ежегодно, преимущественно въ зимніе мѣсяцы, на одну сессію, продолжительностью не свыше 6 недѣль. Кромѣ членовъ, въ совѣтъ, по усмотрѣнію министра или предсѣдателя, который заступаетъ его мѣсто, могутъ быть приглашаемы съ правомъ совѣщательнаго голоса лица, обладающія специальными знаніями по вопросамъ, разсматриваемымъ въ совѣтѣ. На разсмотрѣніе совѣта вносятся: 1) предположенія объ изданіи новыхъ законовъ, относящихся до сельскаго хозяйства, а также о дополненіи, измѣненіи и отиѣнѣ дѣйствующихъ по этой части узаконеній; 2) заявленія и ходатайства сельско-хозяйственныхъ обществъ и сѣздовъ, земскихъ и иныхъ учреждений, а также частныхъ лицъ, касающія общихъ правительственныхъ мѣръ въ отношеніи сельскаго хозяйства, и 3) всѣ вообще вопросы и дѣла, по которымъ министръ признаетъ необходимымъ выслушать мнѣніе совѣта. Положеніе о горномъ совѣтѣ гораздо болѣе кратко; однако, ст. 42 опредѣляетъ, что въ его составъ, кромѣ членовъ разныхъ вѣдомствъ, входятъ и особые члены, назначаемые высочайшею властью. Статьи 50—69 опредѣляютъ составъ и функціи ученаго комитета министерства земледѣлія. Онъ имѣетъ предсѣдателя, членовъ, завѣдующихъ особымъ бюро—по почвовѣдѣнію, ботаникѣ, сельско-хозяйственной механикѣ, бактеріологіи и проч.,

членовъ - корреспондентовъ, почетныхъ членовъ; въ его засѣданія могутъ быть приглашаемы также стороннія лица, способныя привести дѣлу пользу своими специальными знаниями. Ст. 61 весьма подробно перечисляетъ обязанности ученаго комитета. 1) Обсужденіе основаній производства научныхъ изысканій и опытовъ въ области сельскаго хозяйства, устройства сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій, лабораторій, опытныхъ полей и т. п. заведеній; 2) составленіе программъ работъ и инструкцій для сихъ заведеній, а также исчисленіе потребныхъ на ихъ устройство расходовъ; 3) изысканіе мѣръ противъ фальсификаціи питательныхъ и кормовыхъ продуктовъ, сѣмянъ и удобрительныхъ веществъ; 4) разработка положеній, уставовъ, учебныхъ плановъ и программъ для учебно-хозяйственныхъ заведеній и для курсовъ по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства; 5) разсмотрѣніе отчетовъ о дѣятельности опытныхъ и метеорологическихъ станцій и т. п. установленій; 6) составленіе и обнародованіе задачъ для публичныхъ конкурсовъ, разсмотрѣніе отвѣтовъ и присужденіе установленныхъ за рѣшеніе сихъ задачъ наградъ; 7) разсмотрѣніе сочиненій по части сельскаго хозяйства и учебниковъ по специальнымъ предметамъ вѣдѣнія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, представляемыхъ въ оное для полученія одобренія или рекомендаціи къ употребленію въ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ; 8) разсмотрѣніе вопросовъ о выдачѣ привилегій на изобрѣтенія въ области сельскаго хозяйства; 9) обсужденіе и разрѣшеніе заявленій частныхъ лицъ по вопросамъ, до сельскаго хозяйства относящимся; 10) обсужденіе заслугъ по сельскому хозяйству и опредѣленіе наградъ за оныя; 11) присужденіе наградъ за усовершенствованія и изобрѣтенія въ области сельскаго хозяйства; 12) разсмотрѣніе годового отчета комитета, а равно отчетовъ членовъ комитета по ревизіи и осмотру ими специальныхъ учрежденій, а также представленіе заключеній по этимъ отчетамъ, и 13) разсмотрѣніе всѣхъ вообще вопросовъ, которые министръ признаетъ нужнымъ внести на обсужденіе комитета. Новымъ органомъ является также отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики съ кустарнымъ комитетомъ. Отдѣлъ разрабатываетъ торгово-промышленные и экономическіе вопросы, относящіеся до сельскаго хозяйства, собираетъ и издаетъ статистическія свѣдѣнія и проч. Во главѣ кустарнаго комитета стоитъ особое лицо, назначаемое министромъ; въ члены зачисляется нѣсколько чиновъ министерства земледѣлія, а также особья, назначаемыя министромъ, лица. При обсужденіи специальныхъ вопросовъ въ засѣданія комитета могутъ быть приглашаемы, съ правомъ совѣщательнаго голоса, и свѣдущія постороннія лица. Отмѣтимъ отдѣлъ земельныхъ улучшеній: онъ вѣдаетъ дѣла по орошенію и обводненію земель, по осушенію болотъ и торфодобыванію, по законодательнымъ вопросамъ, которые относятся къ этимъ предметамъ, и по геодезической и чертежной частямъ. Забота о лѣсномъ хозяйствѣ сосредоточивается въ лѣсномъ департаментѣ и во вновь созданномъ лѣсномъ специальномъ комитетѣ. Въ составъ его, кромѣ чиновъ министерства, могутъ

быть приглашаемы также и стороннія лица. Разсмотрѣнію комитета под- лежать: проекты уставовъ лѣсныхъ обществъ, съѣздовъ и лѣсопромышлен- ныхъ товариществъ, предположенія о способахъ собиранія матеріаловъ по лѣсной промышленности, общія мѣры по лѣсоустройству и лѣсоразведенію и проч. Законъ весьма подробно опредѣляетъ также предѣлы вѣдомства горнаго департамента и горнаго ученаго комитета. Наконецъ, государ- ственныя земельныя имущества состоятъ въ вѣдѣніи особаго департамента, на который возложено, кромѣ управленія казенными землями и разнаго рода оброчными статьями, также поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ Сибири и на Кавказѣ и дѣла о крестьянскихъ переселеніяхъ.

Ознакомленіе съ уставомъ министерства земледѣлія заставляетъ дать этому новому органу центрального управленія такую общую характери- стиву: 1) Въ министерствѣ представлены самыя разнообразныя отрасли зем- ледѣлія и другихъ видовъ добывающей промышленности. Было бы трудно указать такой чисто-спеціальный интересъ сельскаго хозяйства, лѣсоводства, горнаго дѣла, вѣдѣніе котораго не относилось бы къ одному изъ депар- таментовъ или отдѣловъ преобразованнаго министерства. 2) Въ составъ министерства входятъ какъ органы, предназначенныя для управленія от- дѣльными отраслями сельскаго хозяйства и другихъ добывающихъ промы- словъ, такъ и органы, предназначенныя для изученія всей этой обширной области, для собранія о ней первоначальныхъ статистическихъ свѣдѣній и для научной ихъ обработки. Органы изучающіе, собирающіе свѣдѣнія и перерабатывающіе ихъ довольно многочисленны: таковъ, прежде всего, отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики; таковы за- тѣмъ ученый комитетъ, лѣсной спеціальный комитетъ, геодезическій коми- тетъ и горный ученый комитетъ. Наличность большого числа органовъ, завѣдывающихъ учеными работами, служитъ ручательствомъ за то, что каждый практическій вопросъ можетъ быть рѣшаемъ не только эмпири- чески, но при помощи всего матеріала, который находится въ распоряже- нии науки. Отмѣтимъ, наконецъ, и 3) довольно широкіе предѣлы, которые отведены для представительства лицъ и учреждений, заинтересованныхъ въ какой-либо сторонѣ дѣятельности министерства. Мы находимъ въ со- ставѣ многихъ органовъ министерства довольно большое число частныхъ лицъ: въ нѣкоторыхъ они имѣютъ только совѣщательный голосъ, въ дру- гихъ же—сельско-хозяйственный совѣтъ и кустарный комитетъ—имъ при- надлежитъ и рѣшающій голосъ. Всѣ эти условія въ значительной мѣрѣ обезпечиваютъ успѣшную дѣятельность министерства земледѣлія.

Слѣдуетъ, однако, припомнить еще болѣе важныя условія, необходимыя для того, чтобы новое министерство исполнило хотя часть того, чего отъ него ожидаютъ. Во *Внутреннемъ обозрѣніи* за январь нынѣшняго года мы перечислили рядъ условій, наличность которыхъ имѣетъ первостепенное значеніе. Не повторяя того, что уже было сказано, отмѣтимъ здѣсь еще одно: способъ привлеченія частныхъ лицъ въ составъ разныхъ вѣдомствъ министерства. Возьмемъ, на примѣръ, сельско-хозяйственный совѣтъ. Въ его

составъ входятъ 15 членовъ изъ числа сельскихъ хозяевъ или лицъ, близко знакомыхъ съ нуждами сельскаго хозяйства. Ст. 29 предоставляетъ министру приглашать этихъ лицъ. Для того, чтобы можно было извлечь наибольшую пользу изъ русскихъ людей, близко знакомыхъ съ нуждами сельскаго хозяйства, нужно руководствоваться такими соображеніями: 1) Обновлять составъ этихъ 15 членовъ такъ, чтобы въ нихъ находили себѣ представительство всѣ полосы Имперіи и даже всѣ губерніи. Будетъ нецѣлесообразно, если къ участию въ совѣтѣ будутъ призываться все одни и тѣ же лица. Знакомыя съ нѣкоторыми губерніями, они не будутъ въ состояніи служить вѣрными выразителями потребностей и нуждъ большинства мѣстностей нашего обширнаго отечества; 2) было бы также цѣлесообразно, чтобы министр, приглашая этихъ членовъ, руководствовался не положеніемъ, которое они занимаютъ, не размѣрами ихъ землевладѣнія, а ихъ преданностью сельскому хозяйству и степенью знакомства съ важнѣйшими его отраслями. Губернскіе и уѣздные предводители дворянства, председатели земскихъ управъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, очень крупныя землевладѣльцы и немногіе, прославившіеся своею дѣятельностью, сельскіе хозяева, какъ ни разсѣяны они по Русской землѣ, извѣстны и въ Петербургѣ, и министру не трудно будетъ именно ихъ приглашать къ участию въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ. Многіе изъ нихъ могутъ быть очень полезны. Но повсюду, среди болѣе скромныхъ сельскихъ хозяевъ, есть лица, отлично знакомыя съ дѣломъ. Они работаютъ тихо, безшумно, не имѣютъ громкой извѣстности, но являются отличными практиками, нерѣдко съ хорошою теоретическою подготовкой и съ вѣрнымъ взглядомъ на потребности русскаго сельскаго хозяйства. Непосредственно изъ Петербурга трудно, а иногда и невозможно отыскать этихъ людей; но въ своей губерніи, тѣмъ болѣе въ уѣздѣ, они хорошо знакомы. Было бы, поэтому, полезно для дѣла, чтобы министръ земледѣлія отыскивалъ такихъ хозяевъ чрезъ посредство земствъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ. Мы считаемъ вполне цѣлесообразнымъ такой порядокъ, чтобы министръ земледѣлія предлагалъ земскимъ управамъ и сельско-хозяйственнымъ обществамъ указывать тѣхъ хозяевъ губерніи, которые могли бы быть пригодными членами сельско-хозяйственнаго совѣта. Такія предложенія не должны быть голословными: при нихъ слѣдовало бы сообщать свѣдѣнія о дѣятельности даннаго лица, насколько въ ней обнаружилось знакомство съ сельско-хозяйственнымъ дѣломъ и преданность этому занятію. Только при такомъ порядкѣ министръ земледѣлія будетъ располагать очень обильнымъ матеріаломъ, который позволитъ наиболѣе цѣлесообразно обновлять составъ сельско-хозяйственнаго совѣта.

Отмѣтимъ, наконецъ, третій и самый важный пунктъ—*всесторонность*, съ которой будутъ представлены интересы русскаго сельскаго хозяйства. У насъ есть крупное и мелкое землевладѣніе, крупное и среднее частновладѣльческое хозяйство и мелкое крестьянское. Интересы того и другого совпадаютъ далеко не всегда и не во всемъ. Если всѣ 15 членовъ, при-

глашаемые въ сельско-хозяйственный совѣтъ, будутъ принадлежать въ крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ, то даже при ихъ близкомъ знакомствѣ съ дѣломъ интересы мелкаго владѣнія и хозяйства не будутъ представлены. Мы допускаемъ, что, при такомъ составѣ, дѣятельность сельско-хозяйственного совѣта можетъ прямо не принести вреда крестьянскому хозяйству. Но такъ какъ эта дѣятельность будетъ направлена на содѣйствіе преимущественно крупному и среднему землевладѣнію, она будетъ относительно увеличивать его преимущества, и крестьянское хозяйство, весьма слабое и нынѣ, будетъ становиться еще болѣе слабымъ. Можно предупредить этотъ недостатокъ такою организаціей совѣта, чтобы въ немъ нашли себѣ полное представительство нужды крестьянскаго хозяйства. Для этого въ составѣ совѣта должно быть нѣсколько лицъ, близко знакомыхъ именно съ крестьянскимъ хозяйствомъ. Такому требованію наиболѣе удовлетворяютъ тѣ земскіе люди въ разныхъ губерніяхъ, которые поработали надъ мѣропріятіями для развитія крестьянскаго хозяйства. За послѣдніе годы земства нѣкоторыхъ губерній (назовемъ въ особенности Московскую, Пермскую, Петербургскую, Полтавскую, Смоленскую, Тверскую) обнаружили большое вниманіе къ нуждамъ крестьянскаго хозяйства и приняли различныя мѣры, способныя поддержать его. Работая въ этомъ направленіи, земскіе люди названныхъ, а частью и другихъ губерній, близко изучили нужды мелкаго землевладѣнія; именно они и могутъ быть въ составѣ сельско-хозяйственного совѣта наиболѣе свѣдущими судьями о томъ, что полезно предпринять въ интересахъ мелкихъ хозяевъ. Кромѣ этихъ лицъ, мѣстами найдутся самые мелкіе хозяева,—изъ крестьянъ и другихъ сословій,—знакомые съ потребностями этой среды, поработавшіе на ея пользу и достойные быть ея представителями въ правительственномъ учрежденіи. Если будетъ установлено, какъ принципъ, привлеченіе въ составъ сельско-хозяйственного совѣта представителей не только крупнаго и средняго хозяйства, но и мелкаго, то мы получимъ организацію, которая будетъ способна оказывать многосторонне доброе вліяніе на нашъ земледѣльческій бытъ.

Въ министерствѣ земледѣлія отведенъ небольшой уголокъ и для заботъ о кустарной промышленности. Найдется не много вопросовъ русскаго народнаго хозяйства, о которыхъ было бы такъ много написано, какъ о кустарныхъ промыслахъ. Сдѣлано же очень мало. Незначительность практическихъ мѣръ на пользу кустарей объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что крупная промышленность вторгается во многія области, гдѣ еще недавно господствовалъ кустарный трудъ, и дѣлаетъ необходимыми для поддержанія послѣдняго очень сложныя мѣры, требующія и хорошо подготовленныхъ личныхъ силъ, и значительныхъ имущественныхъ средствъ. Кустарный комитетъ, входящій въ составъ министерства земледѣлія, является центральнымъ учрежденіемъ, къ которому должны сводиться всѣ нити по завѣдыванію кустарнымъ производствомъ. Согласно съ общимъ планомъ, который положенъ въ основаніе организаціи министерства, и управленіе кустарною

промышленностью должно сосредоточиваться не только въ центрѣ, но и на мѣстахъ — въ губерніяхъ, уѣздахъ и селеніяхъ. Подробности организациі кустарнаго комитета и мѣстныхъ органовъ по кустарной промышленности представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Кромѣ комитета, министерство организуетъ при кустарномъ музеѣ министерства постоянное справочное бюро для облегченія сношеній съ учрежденіями и лицами по разнымъ, чисто-практическимъ, вопросамъ, касающимся кустарной промышленности (именно по вопросамъ технического, торгово-промышленнаго, адреснаго и т. п. характера), небольшую лабораторію и техника, который могъ бы производить, въ случаѣ надобности, анализы гончарныхъ глинъ, красильныхъ веществъ и т. п. Исполнительнымъ органомъ центрального комитета служить особое дѣлопроизводство по кустарнымъ и крестьянскимъ дѣламъ, входящее въ составъ отдѣла сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Дѣятельность центрального кустарнаго комитета можетъ достигать цѣли лишь въ томъ случаѣ, если въ помощь ему будутъ учреждены на мѣстахъ спеціальныя органы, заботящіеся о развитіи и улучшеніи мѣстной кустарной промышленности. Для этого признано цѣлесообразнымъ организовать въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ наиболѣе распространены кустарныя промыслы, губернскіе кустарныя комитеты, существующіе и нынѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напримѣръ, въ Вологодской, Вятской, Рязанской и др.), во главѣ которыхъ могли бы быть поставлены наиболѣе авторитетные мѣстные дѣятели, а губернаторамъ, по предположенію министерства, должно быть предоставлено почетное предсѣдательство. Въ составъ губернскихъ кустарныхъ комитетовъ должны бы входить представители мѣстной администраціи, земства и другія лица обоего пола, изъявившія желаніе принять участіе въ дѣлахъ комитета, по приглашенію его предсѣдателя. Губернскіе кустарныя комитеты, имѣющіе сношенія непосредственно съ министерствомъ земледѣлія (по отдѣлу сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики), должны бы имѣть уѣздныя, а мѣстами и сельскія учрежденія, преслѣдующія тѣ же цѣли, какъ и упомянутые комитеты. Уѣздныя кустарныя учрежденія, подобно губернскимъ, могли бы быть организованы въ видѣ комитетовъ, а сельскія — въ видѣ попечительствъ. Въ сельскихъ кустарныхъ попечительствахъ могли бы, какъ предполагаетъ министерство, принимать участіе мѣстные землевладѣльцы, управляющіе имѣніями, священники, земскіе начальники, податные инспекторы и нѣкоторыя другія лица. Попечительства эти могли бы учреждаться уѣздными кустарными комитетами. Подобнаго рода кустарныя попечительства уже существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напримѣръ, въ Новгородскомъ уѣздѣ). Сельскія попечительства должны бы имѣть исполнителей или агентовъ въ лицѣ отдѣльныхъ попечителей, попечительницъ, сотрудниковъ и сотрудницъ, приглашеніе которыхъ предоставлено министру государственныхъ имуществъ высочайше утвержденнымъ 21 марта 1888 года мнѣніемъ государственнаго совѣта (п. III). Попечительства, непосредственно или черезъ упомянутыхъ выше агентовъ, должны бы, подѣ руководствомъ

мѣстныхъ кустарныхъ комитетовъ, оказывать возможную помощь кустарямъ по улучшенію технической постановки разныхъ отраслей кустарнаго производства, снабжая кустарей моделями, образцами, рисунками, сырыми матеріалами и т. п. предметами, получаемыми отъ губернскихъ или уѣздныхъ кустарныхъ комитетовъ. Равнымъ образомъ, попечительства могли бы устраивать учрежденія для сбыта кустарныхъ издѣлій, постоянныя выставки, склады, кустарныя конторы, крестьянскія общественныя лавки и т. п.

Упомянутыя уѣздныя и сельскія учрежденія должны быть организованы, по возможности, только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе или менѣе значительно распространены кустарные промыслы.

Можно согласиться съ тѣмъ, что желательна наличность возможно большаго числа людей, которые толково заботятся о нуждахъ кустарныхъ промысловъ. Однако, предполагаемая организація слишкомъ сложна; она вызываетъ опасенія, что о кустаряхъ будетъ много переписки, но мало настоящаго дѣла, которое могло бы принести имъ пользу. Въ планѣ, который начертало министерство земледѣлія, ничего не говорится о порядкѣ сношеній между органами, создаваемыми для заботы о кустаряхъ. Но самое приуроченіе этихъ органовъ къ губерніи, уѣзду, волости или селенію заставляетъ думать, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ кустарный промыселъ можетъ получить содѣйствіе отъ центрального комитета только послѣ того, какъ его ходатайство постепенно пройдетъ всѣ инстанціи, начиная отъ агентовъ, состоящихъ при сельскихъ попечительствахъ. Такой порядокъ безъ надобности усложнитъ дѣло. Намѣченные органы могутъ быть полезны; есть основаніе высказаться за то, чтобъ они были приурочены именно къ административнымъ единицамъ — губерніямъ и уѣздамъ, ибо предѣлы уѣзда и губерніи служатъ также для многихъ людей предѣлами, въ которые включено ихъ знакомство съ народнымъ бытомъ: земскій дѣятель, помѣщикъ, учитель, священникъ, чиновникъ обыкновенно лучше знаютъ условія быта своего уѣзда и своей губерніи, нежели сосѣднихъ губерній, а потому и цѣлесообразно учрежденіе уѣздныхъ и губернскихъ органовъ для завѣдыванія кустарными промыслами. Но мы не можемъ вполне присоединиться къ плану министерства относительно устройства мѣстныхъ кустарныхъ комитетовъ. Они предполагаются административными учрежденіями, находящимися подъ почетнымъ предсѣдательствомъ губернатора. Губернаторъ, какъ начальникъ губерніи, является ео ірсо начальникомъ правительственныхъ и земскихъ учрежденій, которыя дѣйствуютъ въ губерніи, а потому нѣтъ надобности особо упоминать о его предсѣдательствѣ. Специальное указаніе на его предсѣдательство связано и съ тѣмъ неудобствомъ, что губернаторъ имѣетъ очень много обязанностей, и возможно, что кустарный комитетъ, находясь подъ его руководствомъ, не будетъ дѣйствовать съ тою энергіей, какая была бы желательна. Гораздо болѣе правильно держаться уже сложившейся организаціи. А она представляетъ типъ земскихъ губернскихъ и уѣздныхъ кустарныхъ комитетовъ. Московская и Пермская губерніи имѣютъ наиболѣе законченную организацію этого рода;

однако, начало положено также въ Вятской и Рязанской губерніяхъ. Такъ какъ уже есть прецеденты, такъ какъ попеченіе о кустарныхъ промыслахъ составляетъ одну изъ задачъ земской дѣятельности, то естественно сохранить эту организацію, развивъ и дополнивъ ее сообразно съ мѣстными условіями въ отдѣльныхъ районахъ. Министерство не сдѣлаетъ ошибки, если будетъ держаться сложившихся типовъ. Въ Московской и Пермской губерніяхъ земства уже не мало потрудились на пользу кустарной промышленности, и если и въ другихъ губерніяхъ возникнутъ кустарные комитеты, то къ нимъ охотно примкнутъ всѣ мѣстные дѣятели,—какъ чиновники, такъ и частныя лица,—которые имѣютъ охоту потрудиться на этомъ поприщѣ. Губернаторъ, не будучи председателемъ кустарнаго комитета, всегда можетъ занять относительно его такое мѣсто, какое соотвѣтствуетъ его служебному положенію. Если у него явится охота посѣщать иногда засѣданія губернскаго кустарнаго комитета, то, конечно, ему предложить почетное мѣсто; если онъ обратитъ вниманіе комитета на какой-либо промыселъ, то комитетъ старательно обсудитъ его предложеніе. Такъ какъ только въ распоряженіи земствъ губернскихъ и уѣздныхъ находятся нѣкоторыя средства на содѣйствіе кустарямъ, то земствамъ и естественно организовать это дѣло въ предѣлахъ уѣздовъ и губерній. Сельскія попечительства представляются намъ органомъ, который всего труднѣе приурочить къ какой-нибудь административной единицѣ. Таковою не можетъ служить волость, ибо самая просвѣщенная часть населенія — землевладѣльцы и священники—не входятъ въ составъ волости. По той же причинѣ единицей не можетъ служить часто и сельское общество. Наконецъ, неудобно приурочить попечительства и къ приходамъ, такъ какъ кустарный промыселъ, сколько-нибудь распространенный, часто не совпадаетъ съ предѣлами прихода. Всего болѣе правильно приурочивать сельскія попечительства къ отдѣльнымъ кустарнымъ промысламъ. Гдѣ промыселъ ограничивается однимъ селеніемъ, тамъ границы попечительства будутъ совпадать съ границами деревни; гдѣ промыселъ занимаетъ нѣсколько селеній, тамъ предѣлы попечительства будутъ шире границъ одной деревни. Членами сельскихъ попечительства будутъ преимущественно тѣ лица, которыя, имѣя прочную и постоянную осѣдность, мало выходятъ за ея предѣлы, связаны съ нею всѣми своими интересами, а потому и желательно, чтобы они суживали свои задачи, изучали во всѣхъ подробностяхъ отдѣльный промыселъ и старались принести ему посильную помощь.

Центральный кустарный комитетъ станетъ на повѣрный путь, если будетъ держаться строго-іерархическаго начала въ сношеніяхъ съ мѣстными органами по кустарному дѣлу. Нужно упростить этотъ порядокъ. Нужно, чтобы къ нему могли непосредственно обращаться какъ губернскіе кустарные комитеты, такъ уѣздные, такъ, наконецъ, и сельскія попечительства. Кто бы ни обращался къ нему изъ названныхъ органовъ, разъ будетъ возможно удовлетворить ту или другую нужду кустарей, то и слѣдуетъ удовлетворить ее.

Укажемъ на другой, еще болѣе важный пунктъ въ дѣлѣ поддержанія кустарныхъ промысловъ,—на систему, по которой должна быть построена дѣятельность центрального комитета. Ходатайства, поступившія въ центральный комитетъ, представляютъ обрывки, лишенные между собою какой-либо опредѣленной связи. Изъ одной губерніи просятъ о содѣйствіи гончарной мастерской, изъ другой—о пособіи для приглашенія учительницы, которая могла бы обучать ткачеству, и т. д. Министерство земледѣлія имѣетъ очень скромныя, даже скудныя средства для поддержанія кустарныхъ промысловъ: они не превышаютъ 60,000 рублей въ годъ; изъ нихъ значительная доля пойдетъ на содержаніе личнаго состава, командировки чиновъ министерства въ районы распространенія кустарныхъ промысловъ. Если удовлетворить, насколько позволяютъ средства, нѣкоторые ходатайства, то получится дѣятельность безъ всякаго опредѣленного плана, безъ ясно сознанный системы,—получится дѣятельность, которую можно уподобить раздачѣ денежной суммы по столько-то копѣекъ на кустаря. Эти затраты не только пройдутъ совершенно безслѣдно для нашей сельской промышленности въ ея цѣломъ, но, быть можетъ, принесутъ очень мало пользы даже для небольшихъ вѣтчиковъ отдѣльныхъ кустарно-промышленныхъ районовъ. Но и съ небольшими денежными средствами можно сдѣлать что-нибудь полезное, разъ дѣятельность будетъ построена по строго-опредѣленному плану.

Съ понятіемъ о систематическомъ содѣйствіи кустарнымъ промысламъ связано, прежде всего, привлеченіе къ дѣлу возможно большаго числа людей, что можетъ быть достигнуто цѣлесообразнымъ устройствомъ мѣстныхъ органовъ, какъ мы уже указали выше. Затѣмъ необходимо начало послѣдовательности, которое должно обнаружиться въ планомѣрномъ переходѣ отъ одного промысла къ другому. Дѣятельность министерства должна ограничиться тѣми промыслами, которые имѣютъ наибольшую жизненность и могутъ быть не только поддержаны, но и далѣе развиты. Припомнимъ, что среди множества разнообразныхъ кустарныхъ промысловъ наиболѣе выдающіяся мѣста принадлежатъ обработкѣ дерева, металловъ, глины, кожи и волокнистыхъ веществъ. Первый промыселъ отличается наибольшою жизненностью и занимаетъ самое видное мѣсто среди сельскихъ производствъ. Мы можемъ отмѣтить двѣ главныя причины этого явленія. Техника по обработкѣ металловъ, глины, волокнистыхъ веществъ сдѣлала гораздо болѣе успѣхи, чѣмъ по обработкѣ дерева; въ первыхъ отрасляхъ переходъ мелкаго производства въ крупное гораздо болѣе замѣтенъ, нежели въ древодѣлочномъ промыслѣ. Такой переходъ совершается и въ нашемъ отечествѣ, и въ Западной Европѣ. Среди кустарныхъ промысловъ, которые сохранились почти въ исконной неприкосновенности въ Швейцаріи, Тюрингіи, Баварскихъ Альпахъ, Тиролѣ, приготовленіе разныхъ издѣлій изъ дерева занимаетъ первое мѣсто. Многіе же другіе промыслы утратили форму кустарныхъ. Можно сказать то же и о нашемъ отечествѣ: свѣтлыя ярославскихъ кустарей, приготовлявшихъ полотна, закрываются подъ вданіи-

емъ соперничества ткацкихъ фабрикъ и мануфактуръ; тверскіе гвоздари еще съ 70-хъ годовъ стонутъ подъ непосильною конкуренціей съ машинно-гвоздарнымъ производствомъ; многіе кустари тульского и павловскаго районовъ уже сдѣлались фабричными работниками. Въ промыслѣ же древодѣловъ техника еще сохранила характеръ ремесленного производства, даже при изготовленіи болѣе цѣнныхъ издѣлій. Но большая жизнеспособность этихъ промысловъ можетъ быть приведена въ связь и съ родомъ матеріаловъ: кустарь можетъ тѣмъ дольше удержать свое положеніе, чѣмъ дешевле матеріалъ, чѣмъ онъ доступнѣе, чѣмъ меньшій нуженъ оборотный капиталъ для его приобрѣтенія. Именно промыслы по обработкѣ дерева представляютъ всѣ эти условія: если откинуть кустарей, производящихъ орѣховую и, частью, дубовую мебель, то останется огромное большинство, которое prepares издѣлія изъ очень дешеваго, мѣстнаго матеріала. Чѣмъ болѣе жизнеспособенъ промыселъ, тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно рассчитывать на успѣшность разнообразныхъ мѣропріятій. Поэтому, дѣлая для всѣхъ кустарныхъ промысловъ Россіи то, что можно, нужно намѣтить производства по обработкѣ дерева, какъ поле, гдѣ могутъ прилагаться различныя мѣропріятія съ наибольшею надеждою на успѣхъ.

Необходима также послѣдовательность въ переходѣ отъ одной мѣры къ другой; нужно начинать съ простѣйшихъ и уже отъ нихъ переходить къ болѣе сложнымъ; нужно стараться, прежде всего, усилить въ обстановкѣ даннаго промысла дѣйствіе тѣхъ условій, которыя могутъ благопріятствовать его дальнѣйшему развитію. Нужды каждаго промысла многочисленны. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть устранены и помимо измѣненій въ техническихъ особенностяхъ производства или въ организаціи труда. Многіе промыслы находятся въ удрученномъ состояніи потому, что имѣютъ недостаточный, случайный, необеспеченный сбытъ издѣлій или же имѣютъ довольно большой сбытъ, но товаръ, передвигаясь отъ кустаря къ потребителямъ, проходитъ чрезъ руки посредниковъ, къ которымъ и прилипаетъ всегда значительная, а иногда и чрезмѣрная часть цѣны, выручаемой за издѣліе. Въ подобныхъ случаяхъ техника промысла не совершенна, его товары уступаютъ граничнымъ или даже туземнымъ издѣліямъ городскихъ ремесленниковъ, но все же удовлетворяютъ извѣстную потребность. Расширить сбытъ, поставить кустаря въ прямую связь съ потребителями—вотъ одна изъ главныхъ задачъ, рѣшеніе которой можетъ не только въ сравнительно короткое время улучшить бытъ данныхъ кустарей, но и обезпечить успѣхъ всѣмъ другимъ мѣропріятіямъ. Начало этому положено и заказами, которые даны тульскимъ и павловскимъ кустарямъ артиллерійскимъ вѣдомствомъ и морскимъ министерствомъ, и попытками пермскаго, нижегородскаго, вятскаго, особенно московскаго земства продавать издѣлія кустарей изъ складовъ. Главнымъ предметомъ заботъ въ этомъ направленіи должно служить обезпеченіе кустарей заказами отъ правительственныхъ вѣдомствъ, земствъ, городовъ. Уже эти заказы могли бы дать нашимъ кустарямъ многомилліонный сбытъ (принадлежности конской сбруи и артиллерійскіе

снаряды, обувь и одежда для войска, посуда и разныя принадлежности для казармъ, мебель для училищъ, пріютовъ, помѣщеній присутственныхъ мѣстъ, вокзаловъ, одежда и обувь для пріютовъ, богадѣлень и проч.). Организуя сбытъ, слѣдовало бы обставить его такимъ образомъ, чтобы отдѣльныя лица, коллекторы, скупщики не получали крупныхъ заказовъ, но чтобы каждый мелкій производитель принималъ на себя и исполнялъ извѣстную долю заказа. Такой порядокъ могъ бы быть облегченъ опредѣленіемъ производительныхъ силъ даннаго кустарно-промышленнаго округа и разверстаніемъ всего заказа между кустарями въ такой пропорціи, чтобы каждый дворъ, какъ самостоятельная единица, могъ выполнить заказъ въ назначенному сроку. Правильно организованный сбытъ уже помогаетъ рѣшенію вопроса о доставленіи кустарямъ кредита; отъ учреждений, дѣлающихъ заказы, кустарямъ можетъ быть выдаваема часть цѣны, которая и будетъ служить оборотнымъ капиталомъ. Но, помимо этого, должны быть приняты мѣры для организованія по городамъ ссудныхъ кассъ, откуда кустари могли бы пользоваться кредитомъ. Банкъ, учрежденный пермскимъ земствомъ въ память императора Александра II, можетъ служить образцомъ и для другихъ учреждений этого рода. Министерство земледѣлія не располагаетъ въ настоящее время средствами для основанія кредитныхъ учреждений. Но, указывая на поучительный примѣръ пермскаго и нѣкоторыхъ другихъ земствъ, оно вызоветъ въ разныхъ губерніяхъ желаніе слѣдовать тому же пути, который всего ранѣе сталъ извѣстенъ на отдаленномъ сѣверо-востоку.

Техника кустарныхъ промысловъ можетъ быть усовершенствована посредствомъ различныхъ мѣропріятій. Они были неоднократно перечислены въ нашей литературѣ, а потому и нѣтъ надобности подробно говорить о нихъ. Отмѣтимъ только необходимость пользоваться различными технико-воспитательными мѣрами такимъ образомъ, чтобы онѣ были вполне доступны кустарямъ. Обширные музеи орудій и образцовъ издѣлій, находясь въ большихъ городахъ, могутъ быть гораздо менѣе полезны, нежели самыя мелкіе музеи, находящіеся въ кустарно-промышленныхъ районахъ, разсыянные по селеніямъ, гдѣ развитъ тотъ или другой промыселъ. Многіе изслѣдователи нашей кустарной промышленности охотно ссылаются на грандіозные музеи въ Штуттартѣ, Карлсруэ, Нюрнбергѣ, которые правительство пополняетъ щедрою рукой, какъ на учрежденія, способныя принести большую пользу и русскимъ кустарямъ. Не отрицая важности этихъ заведеній, мы находимъ, однако, невѣрными заключенія, которыя дѣлаютъ для русскаго экономическаго быта на основаніи наблюденій западно-европейской жизни. Во-первыхъ, названныя западно-европейскіе центральные промышленные музеи служатъ не столько сельской, сколько городской промышленности, мелкой и, въ значительной степени, средней. Во-вторыхъ, они могутъ гораздо больше послужить и сельскимъ промышленникамъ, чѣмъ однородныя заведенія въ нашемъ отечествѣ. Разстоянія въ Западной Европѣ не велики, населеніе густо, пути сообщенія удобны и кустарю изъ

Шварцвальда, Тюрингии или Таунуса не трудно добраться до Карлсруэ или Нюрнберга. У насъ всё эти условія гораздо менѣе благоприятны, и группы населенія, занятые кустарными промыслами, въ отличіе отъ крестьянъ, которые занимаются отхожими, мало подвижны: кустарь передвигается со своими издѣліями до ближайшаго торговаго села или городка и часто всю жизнь ни разу не попадаетъ въ большой городъ. Скупщикъ кустарныхъ издѣлій, посѣщая большіе города, не нуждается въ кустарныхъ музеяхъ, такъ какъ, будучи заинтересованъ въ переѣздѣ образцовъ издѣлій, имѣеть всё средства, чтобы добыть новые образцы и раздать ихъ сельскимъ производителямъ, которые работаютъ на нихъ. Самые же мелкіе промышленники, работающіе семьями и въ одиночку и сохранившіе хотя тѣнь самостоятельности, вовсе не могутъ извлекать полезное для себя поученіе изъ богатаго запаса орудій, образцовъ и рисунковъ, которые собраны, напримѣръ, въ петербургскомъ кустарномъ музѣй. Мы считаемъ гораздо болѣе важными для насъ мелкіе музеи того типа, который выработался въ разныхъ мѣстахъ Германіи. Трибергъ и Фуртвангенъ съ музеями для часовщиковъ, Зоннебергъ—для игрушечниковъ, Обераммергау—для токарей и рѣзчиковъ—вотъ мелкіе мѣстные музеи, находящіеся въ центрахъ кустарной промышленности и вполне доступные для всего населенія. Коллекціи образцовъ новыхъ орудій и издѣлій должны быть помѣщаемы при училищѣ или волостныхъ правленіяхъ въ центрѣ кустарно-промышленныхъ округовъ. Не бѣда, если въ подобныя коллекціи войдутъ орудія и образцы издѣлій, повидимому, пока еще непримѣнимые въ данномъ промыслѣ: непримѣнимое и на нашъ взглядъ технически-безполезное можетъ послужить кустарямъ для того, чтобы сдѣлать какую-нибудь комбинацію, могущую уже и теперь имѣть практическое значеніе для даннаго промысла.

Артель является наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ мѣропріятій, способныхъ поддержать мелкую промышленность. Образованіе артелей внесено также въ программу дѣятельности центрального кустарнаго комитета. Такъ какъ эта мѣра связана съ наибольшими трудностями, то министерству, дабы не дѣлать крупныхъ ошибокъ, слѣдуетъ имѣть въ виду такіе пункты: 1) Выбирать предпочтительно тѣ промыслы, гдѣ артель не встрѣтила бы опасныхъ соперниковъ со стороны крупныхъ предпріятій; для этого особенно пригодны промыслы по обработкѣ дерева; въ нихъ и небольшія артели изъ 10—15 участниковъ были бы крупными промышленными единицами. Министерство могло бы оказать существенную поддержку этимъ артелямъ, облегчивъ имъ пріобрѣтеніе матеріаловъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Эти промыслы представляютъ и въ томъ отношеніи очень благодарное поле, что занимаютъ въ одномъ околоткѣ многіе десятки деревень, облегчаютъ отысканіе лицъ, которые могли бы служить отличнымъ ядромъ артели, и, находясь на виду у многихъ сотенъ однородныхъ кустарей, способны служить поучительнымъ примѣромъ для довольно большой массы. Не касаясь частныхъ въ организациі артелей, что достаточно подробно

разработано въ нашей литературѣ, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить пользу, которую можетъ привести артелямъ наличность нормальнаго устава и облегченіе формальностей, съ которыми связано утверженіе уставовъ. Теперь дѣло представляется въ такомъ видѣ. Группа кустарей, желая образовать артель, подыскиваетъ лицо образованное и хотя немного знакомое съ законами, чтобы выработать уставъ. Дабы облегчить трудъ, берутъ готовые образцы—уставы воткинской, людиновской, тульской артели и начертываютъ примѣнительно къ нимъ новый уставъ. Такъ какъ эти уставы во многомъ не сходны между собой, то въ Петербургѣ, разсматривая уставъ, находятъ въ немъ тѣ или другія новинки и очень медлятъ съ его разрѣшеніемъ. Будь образцовый уставъ, содержащій то общее, что должно быть принадлежностью каждой артели, то кустари были бы облегчены при первыхъ шагахъ на пути къ образованію артели: имъ нужно было бы внести въ уставъ лишь то, что вызывается мѣстными условіями. Вѣдомство, утверждающее уставы артелей, также имѣло бы передъ собой знакомый образецъ и ускорило бы дѣлопроизводство. Выработка нормальнаго устава промышленныхъ артелей имѣетъ очень серьезное значеніе, и немудрено, что этотъ вопросъ поставленъ какъ центральнымъ кустарнымъ комитетомъ, такъ и отдѣленіемъ по кустарной промышленности.

Укажемъ, наконецъ, послѣдній пунктъ, на который должно быть обращено вниманіе кустарнаго комитета: не раздроблять силы, а принимать различныя мѣры для поддержанія немногихъ кустарно-промышленныхъ округовъ. Чѣмъ болѣе замѣтно обнаружилась бы результаты такой дѣятельности, тѣмъ болѣе прочное фактическое основаніе было бы положено для заключенія, насколько нужны именно эти мѣры, тѣмъ болѣе увѣренно можно было бы расширять дѣятельность именно въ этомъ направленіи. Предположимъ, что министерство устроило школу въ данномъ кустарно-промышленномъ округѣ или содѣйствовало ея основанію; позднеѣ былъ учрежденъ тамъ же музей орудій и образцовъ. Эти мѣры оказались полезными и измѣнили къ лучшему положеніе промысла. Допустимъ, что нужна опредѣленная сумма для одной или нѣсколькихъ артелей въ данномъ округѣ. Слѣдуетъ ли сдѣлать такую затрату или лучше воздержаться отъ нея, ибо большинство кустарно-промышленныхъ округовъ еще не имѣютъ ни школъ, ни музеевъ? Быть можетъ, было бы предпочтительно затратить эту сумму на нужды другихъ округовъ? Мы полагаемъ, что слѣдуетъ предпочесть первый округъ остальнымъ, слѣдуетъ поддержать возникающія тамъ артели и дать картину цѣлой системы опытовъ на пользу кустарной промышленности. Система опытовъ наиболѣе цѣлесообразна тамъ, гдѣ есть люди, всецѣло посвящающіе себя этому благому дѣлу. Именно въ такомъ положеніи находится павловскій кустарный районъ Нижегородской губерніи. Продолжительное пребываніе тамъ такого выдающагося дѣятеля, какъ А. Г. Штанге, облегчило возникновеніе и развитіе артели кустарей. Артельное общеніе подготовлялось много лѣтъ; но не было силы, которая объединила бы три-четыре есятя участниковъ. Руководство г. Штанге дало всему дѣлу сильный

толчокъ, и юная артель, въ теченіе своего двухлѣтняго существованія, заявила о себѣ, какъ крупная промышленная единица, способная занять видное мѣсто въ павловскомъ кустарномъ районѣ. Уже одинъ этотъ фактъ, доказывая подготовленность павловскихъ кустарей къ высокой формѣ сотрудничества, служить залогомъ успѣшности и всѣхъ другихъ мѣропріятій, которыя были бы примѣнены тамъ центральнымъ и мѣстными учрежденіями, заботящимися о нуждахъ кустарной промышленности.

Высочайшимъ указомъ 8 апрѣля повелѣно совершить конверсію банковыхъ билетовъ и билетовъ восточныхъ займовъ, замѣнивъ ихъ государственной 4%-ной рентой. Въ новомъ займѣ, который долженъ составить сумму отъ 500 до 750 милліоновъ рублей, прежде всего нужно отмѣтить попытку министерства финансовъ измѣнить самый характеръ государственныхъ долговъ: вмѣсто срочныхъ займовъ вводится новый типъ долговъ — рента, которая выпускается отдѣльными сериями, по 10 милліоновъ рублей каждая. Въ отличіе отъ существующихъ нынѣ займовъ, сумма ренты не подлежитъ постепенному уменьшенію ни посредствомъ тиражей, ни посредствомъ покупки на биржѣ долями, которыя могутъ быть покрыты погасительнымъ фондомъ. Рента остается въ хозяйственномъ оборотѣ до тѣхъ поръ, пока не наступаетъ возможность выкупить сразу одну или нѣсколько серій посредствомъ уплаты наличными изъ суммъ государственнаго казначейства или же посредствомъ конверсіи въ другой заемъ. Правительство не отказывается отъ погашенія ренты, а удерживаетъ за собою право извлекать выпущенныя свидѣтельства изъ оборота путемъ выкупа или тиража, производимаго полными сериями, которыя по жребію опредѣляются за три мѣсяца до срока погашенія. Особенности новаго займа доставляютъ кредиторамъ государства нѣкоторыя удобства. Отсутствие періодическихъ тиражей дѣлаетъ излишнимъ для лицъ, которыя покупаютъ государственныя бумаги только въ видахъ получения дохода, слѣдить за тиражными таблицами. Извѣстно, что многіе владѣльцы государственныхъ процентныхъ бумагъ (а также процентныхъ бумагъ частныхъ обществъ) отрѣзываютъ купоны въ то время, когда теченіе процентовъ уже прекратилось и когда для оплаты купона служатъ уже не доходъ, а капиталъ. Убытки, которые чрезъ это несетъ владѣлецъ, устраняются при рентномъ займѣ. Дальнѣйшими техническими удобствами новаго займа служить уплата процентовъ не 2, а 4 раза въ годъ, а также большое разнообразіе рентныхъ свидѣтельствъ, нарицательная цѣна которыхъ опредѣлена въ 100, 200, 500, 1,000, 5,000 и 25,000 рублей. Выпускная цѣна, по 92½ за 100, такъ должна быть признана не безвыгодной для капиталистовъ: за послѣднее время биржевая цѣна 4%-ныхъ внутреннихъ займовъ была нѣсколько выше выпускной цѣны ренты.

Какъ же отнестись къ новому государственному займу съ точки зрѣнія народнаго хозяйства и государственной казны?

Новый заемъ приближается къ тому типу государственныхъ долговъ

которые получили наиболѣе полное выраженіе въ англійскихъ консоляхъ и французской рентѣ. Во Франціи, гдѣ капиталъ очень охотно помѣщается въ ренту, эта форма займовъ заставила постепенно отступить на задній планъ всѣ виды государственныхъ долговъ. Французскій капиталистъ совершенно забываетъ о нарицательной суммѣ долга, а имѣетъ въ виду ежегодно поступающій доходъ. Государственная рента получила во Франціи такую популярность, что вклады сберегательныхъ кассъ обыкновенно принимаютъ эту форму. При этомъ размѣщеніе въ публикѣ новаго займа совершается безъ посредства банковъ и безъ расходовъ, съ которыми обыкновенно связано это посредничество. Вклады сберегательныхъ кассъ возрастаютъ во Франціи безостановочно; каждый годъ получается приростъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ франковъ, а потому правительство имѣетъ уже обезпеченное помѣщеніе для значительной части каждаго новаго займа. Оно становится должникомъ сберегательныхъ кассъ и употребляетъ ихъ капиталъ для своихъ цѣлей.

Многихъ соблазняетъ такая же перспектива и для русскихъ сберегательныхъ кассъ. Въ настоящее время сумма ихъ сбереженій превышаетъ 400 милліоновъ рублей. Что можетъ быть болѣе правильнымъ, какъ слѣдованіе примѣру французскаго правительства и обращеніе капиталовъ сберегательныхъ кассъ въ государственную ренту? И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего проще, какъ выпускать государственную ренту сериями по 10 милліоновъ и передавать эти суммы непосредственно сберегательнымъ кассамъ. Очень вѣроятно, что такъ оно и случится. Однако, мы считаемъ это вовсе нежелательнымъ.

Такая богатая страна, какъ Франція, только въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ можетъ испытывать затрудненія, вызывающія усиленное требованіе вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ. Несчастная внѣшняя война или междоусобія, охватившія все государство — вотъ условія, при которыхъ правительство можетъ быть осуждаемо вкладчиками сберегательныхъ кассъ и при которыхъ государственная казна можетъ испытывать большія затрудненія. Бѣдность Россіи можетъ гораздо чаще ставить въ такое положеніе наше государственное казначейство. Одинъ голодный годъ, какъ показало недавнее прошлое, можетъ вызвать такой натискъ вкладчиковъ на сберегательныя кассы, что правительство, будучи единственнымъ или хотя бы главнымъ должникомъ этихъ кассъ, можетъ быть затруднено въ удовлетвореніи кредиторовъ. Есть и другое соображеніе въ пользу того, что не слѣдуетъ обращать капиталы сберегательныхъ кассъ исключительно ли преимущественно въ государственныя процентныя бумаги. Страны Западной Европы имѣютъ сплошную сѣть кредитныхъ учреждений, доступныхъ для небогатыхъ классовъ, и народное хозяйство не испытываетъ большой невыгоды отъ того, что капиталы сберегательныхъ кассъ служатъ инансовымъ цѣлямъ. Въ нашемъ отечествѣ, при недостаточномъ развитіи кредитныхъ учреждений для небогатаго люда, желательно, чтобы капиталы

сберегательныхъ кассъ получали такое назначеніе, чтобы большая ихъ часть была направлена на удовлетвореніе потребности народа въ краткосрочномъ кредитѣ. Разъ эти капиталы сберегательныхъ кассъ будутъ обращены въ государственныя процентныя бумаги, то они послужатъ средствомъ для цѣлей финансоваго хозяйства и не получатъ, по крайней мѣрѣ, въ значительной своей части, того употребленія, которое мы находимъ наибольшее цѣлесообразнымъ: эти капиталы состояются изъ копѣчныхъ сбереженій небогатыхъ людей, а потому и естественно, чтобы они затрачивались въ области мелкаго народнаго кредита, облегчали веденіе хозяйства слабѣйшимъ членамъ общества.

Остается послѣдній вопросъ — о выгодности обращенія срочнаго долга въ безсрочный. Въ пользу этого приводять два избитыхъ аргумента: во-первыхъ, доказываютъ выгодность этого ссылкой на то, что государство развязываетъ себѣ руки; не общая погашать долгъ въ опредѣленные сроки, оно производитъ выкупъ свидѣтельствъ въ то время, когда положеніе казны особенно благоприятно. Во-вторыхъ, говорятъ намъ, бремя платежей, уменьшаясь въ настоящемъ, переносится на будущія поколѣнія, которыя, въ силу безостановочнаго роста производительности труда, будутъ обладать большими платежными силами. Послѣдній пунктъ особенно соблазнителенъ: позволяя уменьшить для ближайшаго будущаго расходы по системѣ государственнаго долга на вѣскольце милліоновъ въ годъ, онъ даетъ многимъ публицистамъ, особенно ревностно играющимъ въ патріотизмъ, удобный случай прославлять разумность финансовыхъ мѣропріятій, ихъ соотвѣтствіе народному благу.

Эти доводы имѣютъ цѣну лишь при томъ условіи, что государство заключаетъ займы осторожно, преимущественно для цѣлей производительныхъ, что уменьшеніе платежей въ настоящемъ не увлекаетъ финансоваго управленія на путь легкомысленнаго пользованія кредитомъ. Словомъ, эти доводы убѣдительны, при медленномъ возрастаніи суммы государственнаго долга. Однако, Европа, въ особенности благодаря чрезмѣрнымъ расходамъ на войско и флотъ, даетъ намъ совсѣмъ иную картину: долги увеличиваются, народъ обремененъ платежами. При подобныхъ условіяхъ, для Россіи, рентные займы могутъ быть связаны съ серьезною опасностью: впуская сознаніе, что платежи по долгамъ не велики въ настоящее время, эта форма займовъ можетъ увлечь финансовое управленіе на пути недостаточно осторожнаго пользованія кредитомъ. Займы, связанные съ опредѣленными сроками погашенія долга, имѣютъ ту хорошую сторону, что чаще напоминаютъ финансовому управленію о платежной тягости, налагаемой долгомъ.

Въ силу высказанныхъ соображеній мы вовсе не склонны усматривать въ новомъ рентномъ займѣ что-то необычайно полезное, способное начать новую эру въ исторіи русскихъ финансовъ. А въ частности мы считаемъ выпускную цѣну нѣскольکو низкой: по условіямъ дележнаго рынка, она могла бы быть поднята до 94 за 100.

7 минувшаго апрѣля состоялось высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ. Мотивами этого повелѣнія служить соображеніе о томъ, что «въ теченіе почти 30-ти лѣтняго дѣйствія высочайше утвержденныхъ, 20 ноября 1864 года, судебныхъ уставовъ не однократно, по указаніямъ практическаго опыта, возникала надобность въ различныхъ измѣненіяхъ узаконеннаго этими уставами судоустройства и судопроизводства. Для удовлетворенія таковыхъ потребностей, вытекавшихъ изъ тѣхъ или другихъ условій государственнаго и народнаго быта, послѣдовательно были издаваемы многія, отдѣльныя законоположенія. Означенныя исправленія и дополненія существенно видоизмѣнили судебный строй, первоначально введенный уставами, и при этомъ, не будучи между собою согласованы, образовали какъ бы наслоеніе неоднородныхъ судебныхъ порядковъ, что, въ свою очередь, привело ихъ къ излишней пестротѣ и сложности, въ особенности по отношенію къ подсудности, обжалованію приговоровъ и рѣшеній и проч. Наряду съ симъ примѣненіе новаго судебного законодательства, при всей настоятельности и высокомъ достоинствѣ произведеннаго имъ преобразованія, постепенно обнаружило въ этомъ послѣднемъ рядъ частныхъ несовершенствъ и пробѣловъ не всегда соответствующихъ стремленію законодателя укрѣпить повсюду въ судебныхъ дѣлахъ строгое соблюденіе законности и справедливости и повсемѣстно утвердить въ Имперіи правильное и скорое управленіе правосудія». Для того, чтобъ объединить многія частичныя измѣненія, уже совершенныя въ судебной области, и разработать предположенія о томъ, что еще нужно сдѣлать для улучшенія нашей юстиціи, необходимо подвергнуть систематическому пересмотру всѣ дѣйствующія правила о судебной части. Для выполнения этой работы и учреждена коммиссія въ составѣ довольно большаго числа лицъ изъ разныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи. Кромѣ многихъ чиновъ министерства юстиціи и сенаторовъ, въ коммиссію входятъ по 2 представителя изъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и государственной канцеляріи. Кромѣ того, предсѣдателю коммиссіи предоставлено приглашать въ составъ коммиссіи всѣхъ лицъ, участіе которыхъ можетъ быть полезно.

Какъ только было опубликовано высочайшее повелѣніе, такъ многія газеты высказали предположеніе, что главною цѣлью коммиссіи будетъ служеніе компетенціи суда присяжныхъ. Поводомъ къ такому предположенію служатъ разнообразныя ограниченія этой компетенціи, которыя тянутся въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ одною непрерывною нитью. Однако, въ повелѣніи нѣтъ рѣшительно ни одной строки, которая давала бы поводъ къ такому предположенію. Мы находимъ въ текстѣ высочайшаго повелѣнія 7 апрѣля указаніе на «настоятельность и высокое достоинство преобразованія», которое совершено судебными уставами; мы встрѣчаемъ казаніе на то, что многочисленныя отдѣльныя законоположенія, которыя были изданы въ дополненіе къ судебнымъ уставамъ, «привели къ излишней пестротѣ и сложности». Мы находимъ пожеланіе, чтобы работы ком-

мисіи улучшили нашу юстицію, привели ее «въ болѣе стройное и единообразное положеніе». Личный составъ комисіи, куда входятъ нѣкоторые выдающіеся юристы-теоретики и практики, также не даетъ основаній для подобнаго предположенія. И самъ предсѣдатель комисіи Н. В. Муравьевъ, въ своихъ ученыхъ трудахъ, не разъ заявлялъ о себѣ, какъ горячемъ сторонникѣ суда присяжныхъ.

Отношеніе *Русской Мысли* къ судебнымъ уставамъ 1864 года, равно какъ и къ другимъ преобразованіямъ 60-хъ годовъ, слишкомъ извѣстно, чтобы намъ была надобность дѣлать оцѣнку суда присяжныхъ. Мы вполне согласны съ тѣмъ, что частичныя узаконенія внесли въ наше судоустройство и судопроизводство много элементовъ, которые нарушили его стройность и единообразіе, во многихъ случаяхъ затруднили судью и создали новыя и лишнія формальности для тѣхъ, кто хочетъ охранить свое право. Вотъ почему и желателенъ пересмотръ всѣхъ результатовъ этой, по частямъ производившейся законодательной работы. Но пусть члены комисіи, призванные къ этому важному государственному труду, разъ будутъ слышаться нападки на судъ присяжныхъ и на другія основныя начала судебныхъ уставовъ 1864 года, подумаютъ, что эти уставы никогда не примѣнялись во всей своей чистотѣ, что первые же годы по ихъ введеніи были временемъ ихъ перестройки и передѣлокъ. Можно было бы судить о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ лишь въ томъ случаѣ, еслибъ они дѣйствовали довольно долгій періодъ времени, наприм., 15—20 лѣтъ, и если бы за этотъ періодъ ихъ вліяніе стояло внѣ всякой зависимости отъ какихъ-либо измѣненій. Противники суда присяжныхъ охотно ставятъ ему въ упрекъ снисходительность многихъ приговоровъ и, какъ слѣдствіе этого, будто бы успившуюся мѣстами преступность. Пусть члены комисіи припомнятъ, что главнымъ средствомъ борьбы съ преступленіями является не строй и дѣятельность судебныхъ учреждений, а мѣры, направленныя къ поднятію матеріальнаго благосостоянія народа и росту просвѣщенія. Пусть, наконецъ, они подумаютъ, что суженіе сферы суда присяжныхъ является противорѣчіемъ тому теченію, которое обнаруживается въ нашей государственной жизни: привлекать, въ качествѣ сотрудниковъ чинамъ администраціи, разныхъ частныхъ лицъ и изъ разныхъ общественныхъ слоевъ. Выше мы указали, какъ широко примѣняется это начало въ министерствѣ земледѣлія. Такое противорѣчіе было бы тѣмъ болѣе прискорбно, что за 30 лѣтъ привычки русскихъ людей къ общественной дѣятельности сдѣлали значительные успѣхи и съ каждымъ годомъ становится все лучше подготовка для успѣшнаго исполненія высокихъ обязанностей присяжнаго засѣдателя.

---

19 апрѣля въ Гельсингфорсѣ совершилось торжественное открытіе памятника императору Александру II. Въ рѣчахъ, которыя были произнесены на этомъ торжествѣ, слышалось чувство глубокой признательности финскаго народа почившему монарху. Изъ многихъ рѣчей особенно выдѣлялась рѣчь

крестьянина Вярри, представителя крестьянскаго сословія на сеймѣ. «Что послужило,—спрашивалъ ораторъ,—волшебнымъ жезломъ, которымъ императоръ великій князь Александръ II превратилъ зиму въ весну, оживилъ умы, возбудилъ на всѣхъ поприщахъ восторженную дѣятельность? Это было ни что иное, какъ его великодушное довѣріе къ народу и вытекающее изъ сего довѣріе народа къ нему. Силы народныя могли свободно развиваться подъ сѣнью законовъ и учреждений... Онъ утвердилъ у насъ періодически собирающееся народное представительство, открывъ въ 1863 году первый сеймъ словами, по великодушію превосходящими все, что когда-либо было выражено государемъ народу». Эти прочувствованныя слова, выражая настроеніе всего финскаго народа, еще разъ напоминаютъ намъ, какъ много совершилъ Александръ II для всесторонняго развитія нашей общественной жизни.

Очерки провинціальной жизни.

Недавно полтавскимъ губернскимъ земствомъ издано изслѣдованіе по начальному народному образованію въ губерніи. Этотъ интересный трудъ, представляющій современное состояніе народнаго образованія и историческій ходъ его развитія съ 1865 года, т.-е. со времени введенія земскихъ учреждений, еще лишній разъ доказываетъ, что правильно организованная сельская начальная школа создана всецѣло земствомъ. До него сельской школы почти не существовало. Сельскихъ правительственныхъ школъ на всю Имперію было лишь нѣсколько десятковъ, а церковно-приходскія школы, не организованныя, то возникавшія, то исчезающія, давали крайне ничтожные результаты. Естественно поэтому, что самимъ правительствомъ признавалась необходимость иной постановки дѣла. Въ *Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія 1862—1864 г.* говорится: «мѣры, принимаемыя въ теченіе полутора столѣтія правительствомъ къ развитію начальнаго образованія, не приносили желаемыхъ результатовъ». И только съ учрежденіемъ мѣстнаго самоуправленія, въ лицѣ земства, дѣло народнаго просвѣщенія дѣйствительно двинулось впередъ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ состояніи земскихъ бюджетовъ, передъ $\frac{5}{6}$ населенія въ школьномъ возрастѣ двери школы закрыты. Объ этомъ свидѣлствуетъ и отчетъ полтавскаго земства. Изъ различныхъ уѣздовъ въ послѣднее время, — говорится въ немъ, — идутъ указанія на переполненіе школъ, на необходимость отказывать многимъ желающимъ учиться. Нельзя не отмѣтить также другое важное свидѣтельство разсматриваемаго отчета, а именно, что населеніе, стремясь дать дѣтямъ грамоту, умѣетъ отличать школы, дающія лучшіе результаты, и предпочитаетъ школу земскую. Нерѣдко бываетъ, что, при существованіи въ селѣ церковно-приходской школы, населеніе хлопочетъ объ открытіи земской и дѣлаетъ съ своей стороны необходимыя на это затраты.

Нѣтъ того провинціального органа, который въ продолженіе года не сообщилъ бы по нѣскольку фактовъ, свидѣтельствующихъ о жаждѣ просвѣщенія среди народа и о почтенныхъ усиліяхъ мѣстной интеллигенціи возможно удовлетворять эту жажду. Пріятно читать эти сообщенія не

только благодаря ихъ содержанію, но и по ихъ формѣ. Форма сообщеній, большею частью, возбуждающая, ликующая. За послѣднее время, — пишутъ изъ Орла, — дѣятельность нашего комитета народныхъ чтеній значительно расширилась. Въ настоящее время онъ имѣетъ уже три аудиторіи и собственный хоръ; имъ открытъ книжный складъ, испрошено разрѣшеніе и собраны средства на открытіе тургеневской бесплатной читальни, которая и начнетъ дѣйствовать въ самомъ непродолжительномъ времени; кромѣ обычныхъ народныхъ чтеній, комитетомъ въ текущемъ году было устроено нѣсколько сдѣлавшихся очень популярными среди мѣстныхъ обывателей общедоступныхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ и утръ, были устроены два дѣтскихъ праздника (одинъ на Рождествѣ, съ елкой, и другой на масленицѣ), начать рядъ популярныхъ систематическихъ лекцій по гигиенѣ, задумано устройство членской библиотеки изъ отчетовъ различныхъ учреждений по народному образованію и т. п. Засѣданія комитета, происходящія ежемѣсячно, бываютъ многолюдны и оживленны: думская зала, гдѣ собирается комитетъ, всегда бываетъ переполнена членами и публикой. Обиліе вопросовъ и предложеній, вносимыхъ членами на обсужденіе общаго собранія, оживленная бесѣда, затягивающаяся иной разъ до полуночи, страстное желаніе сдѣлать что-либо на пользу народа, вѣра въ себя и надежда на лучшее будущее, проглядывающія въ преніяхъ, — все это производитъ самое отрадное впечатлѣніе на посѣтителя засѣданій комитета и заставляетъ вѣрить, что не такъ уже провинція бѣдна силами, и что, будь условія для интеллигентной дѣятельности болѣе благопріятны, невѣжество въ скоромъ времени исчезло бы съ лица русской земли.

Благодаря энергіи и безкорыстной преданности дѣлу, добровольно на себя взятому, нѣсколькихъ лицъ, большею частью учителей и врачей, — пишутъ изъ Курска, — у насъ открылись, развились и теперь крѣпко стали на ноги народныя чтенія. Устраиваются они регулярно не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, состоятъ всегда изъ двухъ отдѣленій — литературнаго или историческаго и естественно-историческаго, а иллюстрируются волшебнымъ фонаремъ. До настоящаго года они устраивались въ помѣщеніи реального училища, но слушатели здѣсь состояли большею частью изъ учащихся, сѣрая же публика стѣснялась посѣщать чтенія. Съ переходомъ чтеній въ другое помѣщеніе съ менѣе внушительной обстановкой — въ зданіе городскихъ училищъ, сѣрые элементы сразу на первомъ же чтеніи совершенно поглотили чистую публику, и аудиторія, несмотря на ея обширность, не всегда можетъ вмѣщать всѣхъ желающихъ слушать. Своихъ картинъ для иллюстраціи чтеній у комиссіи, завѣдующей дѣломъ чтеній, очень мало, и она беретъ ихъ у кievскаго общества народныхъ чтеній; неудобства такого способа пользованія картинами понятны, и теперь руководители чтеній открыли рядъ публичныхъ лекцій, сборъ съ которыхъ пойдетъ на пріобрѣтеніе картинъ для волшебнаго фонаря. Судя по программѣ, лекціи обѣщаны быть очень интересными.

Изъ Самары сообщаютъ, что тамъ образовался изъ нѣсколькихъ интел-

лигентныхъ лицъ (врачи В. О. Португаловъ, П. П. Крыловъ и В. В. Родзевичъ и нѣкот. др.) кружокъ, поставившій себѣ цѣлью устройство для населенія города народныхъ чтеній. Самарская городская дума любезно предложила кружку свой залъ и, кромѣ того, ассигновала на необходимые расходы по постановкѣ чтеній 300 р. Первое чтеніе происходило 14 марта. Думскій залъ не могъ вмѣщать въ себѣ всѣхъ желающихъ быть на чтеніи. Въ виду этого, кружокъ, съ разрѣшенія думы и съ согласія антрепренера городского театра, сталъ устраивать чтенія въ театрѣ, по утрамъ, между часомъ и тремя пополудни. Всѣхъ чтеній въ 1893 году было устроено 19, привлечшихъ около 13,500 человекъ. Въ средѣ посѣтителей преобладали рабочіе и учащаяся молодежь. Число посѣтителей въ залъ думы не могло превышать 250 человекъ, въ театрѣ же доходило до 1,000. По настоянію думы, ложи театра на чтенія сдавались за деньги (не дороже 1 рубля), прочія же мѣста, за исключеніемъ немногихъ (первыхъ, наприм., рядовъ креселъ и нѣкоторыхъ другихъ)—бесплатно. Въ пользу чтеній былъ одинъ разъ устроенъ спектакль, давшій до 200 р.; пожертвованія дали кружку до 500 р., а плата за входъ на чтенія—около 700 р. Постановка чтеній стоила болѣе 600 руб. Въ началѣ февраля кружокъ составилъ отчетъ о чтеніяхъ, показавшій, что разныя принадлежности для чтеній (фонари, картины, книги и т. д.), занесенныя въ инвентарь, стоили болѣе 700 руб., и что въ кассѣ еще осталось на новые текущіе расходы около 100 руб. Сочувствіе общества къ дѣлу устройства чтеній, видимо, обеспечено. По инициативѣ кружка предполагалось устроить особое общество для веденія народныхъ чтеній въ Самарской губерніи. Выработанный собраніемъ, состоявшимъ почти изъ 30 лицъ, проектъ устава этого общества, къ сожалѣнію, не получилъ дальнѣйшаго хода, такъ какъ г. попечитель казанскаго учебнаго округа не изъявилъ согласія на распространеніе народныхъ чтеній въ губерніи.

Комmissія народныхъ чтеній,—сообщаютъ изъ Воронежа,—возобновила свои дѣйствія. 13 марта было первое народное чтеніе, прошедшее съ небывалымъ успѣхомъ. Кромѣ 450 даровыхъ билетовъ (для солдатъ, рабочихъ и учащихся городскихъ школъ), болѣе 1,000 пятикопѣечныхъ билетовъ было продано при входѣ въ залъ Столя, такъ что тѣснота была чрезвычайная. Читалось о Петрѣ Великомъ и было показано, съ помощью новаго, выписаннаго изъ Лондона, волшебнаго фонаря, кромѣ иллюстрирующихъ чтеніе 25 картинъ, еще много разнообразныхъ видовъ природы. Передъ чтеніемъ и въ антрактахъ игралъ военный оркестръ, съ которымъ явились солдаты въ благодарность за 150 бесплатныхъ билетовъ. Громадный залъ Столя былъ также предоставленъ комиссіи бесплатно, такъ что устройство этого чтенія стоило всего только 25 рублей, и въ результатъ получилъ даже чистый доходъ (въ 25 р. съ копѣйками). Предположено устроить по комиссіи продажу народныхъ книгъ, какъ читаемыхъ въ залѣ Столя, такъ и вообще одобренныхъ ученымъ комитетомъ.

Уѣздное елисаветградское земство ходатайствовало передъ минист

ствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи при елисаветградскомъ земскомъ реальномъ училищѣ народныхъ чтеній свѣтскаго содержанія. Министръ народнаго просвѣщенія передалъ это ходатайство г. оберъ-прокурору св. синода, который разрѣшилъ устройство чтеній свѣтскаго содержанія, подчинивъ вѣдѣнію и наблюденію мѣстнаго отдѣленія херсонскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. По полученіи разрѣшенія, немедленно были открыты при училищѣ свѣтскія народныя чтенія, привлекающія огромное число слушателей. Чтенія эти, чередуясь съ чтеніями духовно-нравственнаго содержанія, происходили въ прошломъ году по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ до 20 апрѣля включительно; возобновились потомъ 1 октября и продолжались до конца года безъ перерыва. Всѣхъ чтеній въ прошломъ году было 27, причѣмъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ было прочтено по два небольшихъ произведенія; въ общей же сложности произнесено произведеній: духовно-нравственнаго содержанія 9, литературнаго 8, историческаго 8, географическаго 4 и медицинскаго 1. Большинство чтеній сопровождалось туманными картинами. Г-жа Рожнятовская пожертвовала 300 рублей на устройство при народныхъ чтеніяхъ книжной торговли. Продажа книгъ производится, главнымъ образомъ, въ разность передъ началомъ чтенія, въ антрактѣ, или въ концѣ чтенія, а отчасти въ особомъ складѣ, существующемъ при аудиторіи. Всего на 9 чтеніяхъ продано 385 экземпляровъ книгъ на сумму 21 р. 75 к., причѣмъ особенно охотно и въ большомъ количествѣ покупаются листы и книги въ 1, 1½, 2 и 3 копейки цѣною. Всего перебывало на 27 чтеніяхъ 7,866 человекъ, и, такимъ образомъ, на каждое чтеніе приходилось среднимъ числомъ по 291 посѣтителю, т.-е. приблизительно такое число, на которое была разсчитана аудиторія; но въ великій постъ являлось посѣтителей вдвое больше нормальнаго числа, и многимъ, за недостаткомъ сидѣній, приходилось стоять. Главный контингентъ слушателей давало городское простонародье; кромѣ того, по предложенію комиссіи, командиръ бѣлорусскаго полка прислалъ на чтенія солдатъ ввѣреннаго ему полка; въ великій постъ чтенія привлекали также крестьянъ подгородныхъ деревень.

Въ газетахъ сообщается объ учрежденіи новаго общества для развитія народнаго образованія. Академикъ Императорской академіи художествъ М. О. Микѣшинъ на дняхъ представилъ г. министру внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе свой проектъ устава спб. общества имени поэта Шевченка, съ отдѣленіями въ Кіевѣ и Харьковѣ. Среди членовъ-учредителей новаго общества называютъ Д. Л. Мордовцева, И. Е. Рѣпина, А. Н. Пыпина, В. Д. Сиповскаго, педагога Г. Г. Цвѣтковскаго, Н. И. Стояновскаго, М. Л. Кропивницкаго, М. П. Старицкаго, В. И. Ламанскаго, В. И. Ковалевскаго, А. Ф. Кони, Д. И. Эварницкаго, проф. Д. И. Менделѣва и др. Главная цѣль этого общества — способствовать развитію народнаго образованія устройствомъ начальныхъ училищъ и популярныхъ чтеній съ туманными картинами и т. п. въ уваженіе памяти Т. Г. Шевченка.

Много усилій тратитъ земство на дѣло народнаго образованія, много

работаютъ для него и лучшіе люди страны, но всё эти усилія далеко не соответствуютъ той потребности въ грамотѣ, каковая за послѣднее время широко распространилась въ народѣ. И вотъ, несмотря на крайнюю матеріальную стѣсненность сельскаго населенія, нерѣдки факты устройства крестьянами школы по собственной инициативѣ и на собственные скудные средства. Правда, вознагражденіе, которое, въ такихъ случаяхъ, крестьяне могутъ предложить учителю, весьма незначительное, а потому большею частью имъ приходится терпѣть и недостаточно подготовленнаго къ дѣлу учителя. Съ какимъ необычайнымъ рвеніемъ бросаются крестьяне на духовную пищу, характерный фактъ объ этомъ рассказываетъ корреспондентъ *Тамбовскихъ Вѣдомостей* изъ с. Бурнакъ, Борисоглѣбскаго уѣзда. Мѣстный священникъ задался цѣлью помочь своей паствѣ въ дѣлѣ удовлетворенія жажды духовной и предложилъ прихожанамъ - крестьянамъ брать книжки изъ своей библіотеки. Едва священникъ успѣлъ воротиться изъ церкви въ свою квартиру, какъ эта послѣдняя быстро стала наполняться народомъ, какъ взрослыми, такъ и мальчиками. Человѣкъ семьдесятъ собралось, съ просьбою дать имъ «почитать что-либо». Сначала священникъ давалъ по двѣ, по три книжки, потомъ по одной, а потомъ и совсѣмъ стало нечего давать, несмотря на то, что, помимо книжекъ, брошюръ, Киевскихъ и Троицкихъ листовъ, были пущены въ ходъ нумера журналовъ *Кормій* и *Воскресный день*. Многіе изъ крестьянъ, прочитавши пять-шесть книгъ, вносили 5—10 коп. на «библіотеку»... А вотъ еще интересное сообщеніе изъ Свияжскаго уѣзда въ *Казанскій Телеграфъ*. Въ мартѣ мѣсяцѣ минувшаго года кн. Ухтомскій въ своемъ имѣніи при с. Макуловѣ открылъ народную читальню. Учрежденіе это сразу заслужило себѣ симпатіи мѣстнаго крестьянскаго населенія. Читальню посѣщаютъ и убѣленные сѣдинами старики, и малые ребята. Вечерами за длиннымъ столомъ, при свѣтѣ двухъ висячихъ лампъ, устраиваются иногда общія чтенія, и какое удовольствіе разливается кругомъ!...

Что усиленіе движенія въ обществѣ въ пользу распространенія грамотности въ народѣ представляетъ едва ли не самое отрадное явленіе современной общественной жизни въ нашемъ отечествѣ, объ этомъ мы не разъ уже говорили въ нашихъ очеркахъ. Но когда говорятъ, что *теперь грамотность въ массу льется широкимъ, мочушимъ потокомъ*, то такое утвержденіе мы считаемъ большимъ и весьма вреднымъ преувеличеніемъ. Именно такое утвержденіе мы нашли въ передовой статьѣ *Сибирскаго Вѣстника* отъ 4 февраля. Статья эта имѣетъ значеніе еще и въ другомъ отношеніи. Въ ней выражена не мало распространенная теперь сравнительная оцѣнка 60-хъ годовъ и настоящаго времени, причемъ настоящее представляется въ слишкомъ оптимистическомъ свѣтѣ.

О томъ и другомъ стоить поговорить, а потому мы остановимся на указанной статьѣ *Сибирскаго Вѣстника*, сдѣлавъ изъ нея необходимыя извлеченія.

«Движеніе съ цѣлью распространенія грамотности въ народныхъ массахъ

въ наше время,—такъ начинается статья,—принимаетъ весьма широкіе размѣры. Школы, бібліотеки, чтенія организуются въ небываломъ количествѣ... Въ сознаніе интеллигенціи глубже и глубже входитъ лежащій на ней долгъ народу. Развивается и крѣпнеть истинно-народническое движеніе. Теперь едва ли справедливо въ отношеніи настоящаго почерпать ему упреки въ прошломъ. Принято ссылаться на 60 гг. съ ихъ оживленною работою въ сферѣ воздѣйствій на народъ, но и теперь эти воздѣйствія продолжаютъ расти качественно и количественно. Отдавать должное своему времени не значитъ умалять значеніе пережитаго, и мы позволимъ себѣ нѣсколько распространиться по поводу сравненія настоящаго съ прошлымъ... Шестидесятые годы для многихъ кумирь, предъ которыми можно только благоговѣть, которому должно поклоняться. Не на счетъ ихъ мы реабилитируемъ настоящее; напротивъ, лишь въ прошломъ заложены ростки и зачатки того, чѣмъ можетъ гордиться настоящее; первое сдѣлало возможнымъ послѣднее. Шестидесятые годы были блестящею эпохой въ жизни русскаго общества, когда новыя слова, впервые тогда произнесенныя, оживили, пробудили и освѣжили все мертвое, спавшее, затхлое. Эпоха дала начало, толчокъ тому движенію, которое констатируется теперь. Послѣ вѣковыхъ сна и застоя пробужденіе получило праздничный характеръ и все, что теперь буднично, обыденно, вставлялось тогда въ разцвѣтченныя краски рамки, возводилось на степень необычайнаго, значительнаго. Движеніе въ области народнаго просвѣщенія, только что начавшееся тогда, сопровождалось особеннымъ блескомъ, шумомъ. Всѣмъ видѣлась заря наступающаго свѣтлаго дня, возрожденіе въ новую жизнь. Теперь краски поблекли, очки потускнѣли, трудъ изъ подвига превратился въ обыденную полезную работу, которая и дѣлается безшумно, незамѣтно. Огонь утратилъ первоначальную яркость, но тепла стало болѣе. Развѣ можно сравнивать то, что дѣлалось въ области народнаго образованія въ 60-хъ годахъ, съ тѣмъ, что дѣлается теперь. Тогда были лишь первые робкіе шаги, лишь просачивались источники живой воды,—теперь грамотность въ массу льется широкимъ, могучимъ потокомъ. Текущая печать полна сообщеній о томъ, что дѣлается теперь въ области просвѣщенія. Нѣтъ нужды подтверждать сказанное фактическими данными, они извѣстны всякому читающему газеты и журналы».

Вдумываясь въ статью, изъ которой приведены извлеченія, мы, прежде всего, должны сказать, что не вполне понимаемъ, какой масштаб имѣетъ въ виду авторъ при сравненіи 60-хъ годовъ съ настоящимъ временемъ. Совершенно вѣрно, что число интеллигентныхъ силъ, работающихъ для народа, возросло сравнительно съ 60-ми годами; но одинъ такой ростъ еще не означаетъ, что и положеніе народа улучшилось. Могли происходить, и дѣйствительно за послѣднія тридцать лѣтъ происходили, жизненныя явленія, неблагоприятныя для интересовъ народа. Откуда же теперь *тепла стало болѣе*, какъ это полагаетъ *Сибирскій Вѣстникъ*. Совершенно иную картину общественной жизни представляютъ конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ. Это было время «великихъ реформъ»,—реформъ, направленныхъ на

улучшеніе судьбы народа и дѣйствительно улучшавшихъ его судьбу. Это было время, когда въ полномъ смыслѣ слова открывались перспективы новой и чудной зари русской жизни. Не мудрено, поэтому, что все доброе, просвѣщенное, честное, по-истинѣ ликovalo. Надо читать газеты и журналы того времени, чтобы понять, какое оживленное общественное движеніе было вызвано рескриптами объ освобожденіи крестьянъ. Среди энтузіазма, въ виду совершающагося и свѣтлаго взгляда въ будущее, въ обществѣ проявилась страстная жажда къ водворенію справедливыхъ общественныхъ учреждений, а также стремленіе къ нравственному очищенію и самоусовершенствованію. То былъ торжественный, восторженный національный порывъ. Вотъ почему это время называютъ «свѣтлыми днями русской жизни». Лучшие люди того времени имѣли основанія вѣрить, что мы минемъ «капиталистическую организацію хозяйства», чрезъ которую съ такими неисчислимыми страданіями проходила и проходитъ западная Европа; они могли думать, что Россія вступаетъ на путь созиданія хозяйственно-самостоятельной, образованной и самоуправляющейся сельской общины. «Обезпеченіе сельского населенія землею и общинное землевладѣніе, освобожденіе крестьянина отъ опеки помѣщика и чиновника, сельское самоуправленіе» — вотъ тѣ три начала, которыя громко заявлены были въ высочайшемъ манифестѣ 19 февраля. Эти начала открывали народному хозяйству перспективы самостоятельнаго, гармоническаго развитія. Избавленіе Россіи отъ пролетариата и плутократіи открыто было поставлено во главу крестьянской реформы. Отсюда понятно, почему это время представляетъ такое лихорадочное общественное возбужденіе, какого никогда еще не переживала Россія. Это была эпоха напряженной умственной работы, исканія общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ, вѣры въ обновленіе русской жизни. Въ провинціи жизнь разцвѣла не менѣе, чѣмъ въ столицахъ и большихъ городахъ. По отзывамъ современниковъ, «люди долго жившіе въ уѣздахъ и оставившіе ихъ года три-четыре до этого времени, глазамъ и ушамъ своимъ не вѣрили, глядя на обновленную, переродившуюся свою родину». Въ салонахъ, дворянскихъ собраніяхъ, губернскихъ комитетахъ, литературѣ, официальномъ мірѣ началась оживленная борьба мнѣній и стремленій. Все молодое, благородное ликovalo въ ожиданіи реформъ и съ полною вѣрой въ ихъ осуществленіе...

Какъ извѣстно, общественныя дѣла пошли вскорѣ инымъ путемъ и главный базисъ соціальной жизни—экономическое положеніе народа—въ настоящее время таково, что вызываетъ на серьезное размышленіе и требуетъ, по общему признанію, самаго сосредоточеннаго вниманія. Причина этого дѣлать, прежде всего, въ самомъ характерѣ выполненія крестьянской реформы. Дѣло въ томъ, что «редакціонная коммиссія» вынуждена была сдѣлать уступки дворянскимъ интересамъ въ дѣлѣ надѣленія крестьянъ землею и въ разиѣрахъ уплачиваемыхъ ими повинностей. Надѣлы, отведенные крестьянамъ, далеко не обезпечивали ихъ быть, какъ это предложено было сдѣлать въ началѣ реформы. Правда, редакціонная коммиссія

разсчитывала, что, путем организациі переселеній, дефекты *Положенія* 19 февраля будут ослаблены. Но вотъ прошло уже тридцать лѣтъ, а эмиграціонное дѣло начинаетъ организоваться лишь теперь. вмѣстѣ съ тѣмъ, не упроченіе и расширеніе принциповъ крестьянской реформы, не созданіе хозяйственно-самостоятельной, просвѣщенной и самоуправляющейся сельской общины стало задачей послѣдующей дѣятельности, а развитіе въ странѣ крупной промышленности и торговли. Такимъ образомъ, дальнѣйшій ходъ нашей экономической жизни парализовалъ силу и значеніе принциповъ крестьянской реформы, такъ какъ все способствовало развитію капитализма въ ущербъ самостоятельному «народному» хозяйству. И вотъ, въ результатѣ, получилось такое положеніе дѣлъ, въ виду котораго приходится нерѣдко слышать вопросъ: «улучшилось или ухудшилось экономическое состояніе сельской массы послѣ отиѣны крѣпостного права?» Многозначительна уже самая возможность подобнаго вопроса. По общему признанію, голодъ, разразившійся недавно надъ Россіей, не есть случайность, а результатъ истощившихся у крестьянъ средствъ; засухи, понижающія на хорошо воздѣланной почвѣ лишь размѣры урожая, на почвѣ истощенной производить полное ея безплодіе. Разстройство крестьянскаго хозяйства стало очевиднымъ; пространственные и количественные размѣры этого разстройства такъ велики, что оно не можетъ не производить удручающаго впечатлѣнія на всѣхъ чутко относящихся къ положенію народа.

Переходимъ теперь къ другому утвержденію упомянутой газеты, а именпо, что *грамотность въ массу мется широкимъ, могучимъ потокомъ*.

Выше мы уже сказали, что за послѣднее время движеніе въ обществѣ въ пользу распространенія грамоты въ народѣ усилилось замѣтно. Но будетъ большимъ преувеличеніемъ назвать это движеніе «широкимъ, могучимъ потокомъ». Можно ли назвать могучимъ потокомъ такое движеніе въ дѣлѣ народнаго образованія, при которомъ Россія сдѣлается грамотною лишь черезъ 300 лѣтъ? По вычисленію извѣстнаго педагога, г. Страннолюбскаго, если каждый годъ мы будемъ учреждать по 3,250 школъ, то лишь черезъ 260 лѣтъ населеніе Россіи получитъ возможность сдѣлаться грамотнымъ. Между тѣмъ, число ежегодно учреждаемыхъ у насъ школъ рѣдко приближается даже къ указанной цифрѣ. Что земство и значительное число городскихъ самоуправленій дѣйствуютъ усердно и добросовѣстно въ великомъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, это—истина. Но также вѣрно и то, что скудные бюджеты учреждений мѣстнаго самоуправления не позволяютъ имъ поставить свою просвѣтительную дѣятельность въ соотвѣтствіе съ нуждою народа въ образованіи. При настоящемъ состояніи разстроеннаго народнаго хозяйства, главное средство ускорить въ надлежащей мѣрѣ ходъ народнаго просвѣщенія состояло бы въ увеличеніи суммы государственнаго бюджета на народныя школы. Между тѣмъ, несмотря на непрерывный ростъ бюджета, достигшаго уже миллиарда, несмотря на увеличивающіеся расходы по всѣмъ вѣдомствамъ, смѣта министерства народнаго просвѣщенія остается мало подвижной и изъ миллиарднаго бюд-

жета на содержаніе народныхъ школъ отпускается лишь нѣсколько сотъ тысячъ. Въ то время, какъ, напримѣръ, въ Германіи и Франціи расходуется на образованіе въ среднемъ до трехъ рублей на человѣка, — у насъ не болѣе двадцати копѣекъ. Въ результатъ народъ за границею давно уже грамотенъ; о народной *грамотности*, о *всеобщемъ обученіи*, по справедливому замѣчанію *Недѣли*, тамъ уже не говорятъ, потому что это представляется уже анахронизмомъ, это уже стадія давно пройденная; тамъ говорятъ уже о *высшемъ* народномъ образованіи, о томъ, чтобы сдѣлать для народа университеты столь же доступными, сколько доступны для него низшія школы. Народные университеты уже дѣйствуютъ въ Англии, Соединенныхъ Штатахъ, Норвегіи, Швеціи, Бельгіи.

По общему признанію, по признанію даже органовъ печати, враждебныхъ земству, послѣднее проявляетъ столько усердія и умѣлости въ дѣлѣ народнаго образованія, что въ пользѣ его ближайшаго и возможно широкаго участія въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть сомнѣнія. Между тѣмъ недавно вышелъ законъ, существенно измѣняющій положеніе выборныхъ членовъ отъ земства и городовъ въ училищныхъ совѣтахъ. Мотивы, вызвавшіе этотъ законъ, неизвѣстны; а между тѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи новаго законоположенія по существу, оказывается, что оно значительно сокращаетъ участіе земства въ дѣлѣ завѣдыванія училищами.

Какъ извѣстно, это право было уже сильно сокращено съ изданіемъ Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го мая 1874 г. Названнымъ Положеніемъ земству предоставлено было избирать только двухъ членовъ училищнаго совѣта, вѣдающаго школьное дѣло. Но избраніе лицъ было здѣсь предоставлено вполнѣ на рѣшеніе земскаго собранія. Такой порядокъ оставался неизмѣннымъ въ теченіе почти двадцати лѣтъ; не былъ онъ измѣненъ и съ введеніемъ новаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ: право независимаго избранія членовъ училищнаго совѣта было тогда оставлено за земствомъ. Положеніе 12-го іюня 1890 г. было результатомъ полнаго пересмотра всѣхъ условій дѣятельности земства и ввело большія измѣненія въ его правахъ, значительно сокративъ независимость земскихъ выборовъ, и однако же, при такомъ коренномъ пересмотрѣ всей дѣятельности земства, не оказалось никакихъ поводовъ къ ограниченію и безъ того весьма не широкаго права земства по участію въ завѣдываніи школами. Теперь въ эту область вводятся новыя ограниченія.

Новый законъ существенно измѣняетъ положеніе выборнаго члена училищнаго совѣта. И безъ того весьма уже ограниченное число должностей избраніе въ которыя не требуетъ утвержденія со стороны администраціи этимъ закономъ еще болѣе сокращается. Лица, избранныя земскими собраніями или городскими думами въ члены училищныхъ совѣтовъ, буду впредь утверждаться губернаторами или градоначальниками. Если выборы не состоятся или лица, избранныя при первомъ или при вторичномъ избраніи, не будутъ утверждены, то должности членовъ училищнаго совѣта могутъ быть замѣщаемы по назначенію министра лицами, занесенными

избирательные списки. Далѣ новый законъ—относительно отвѣтственности за преступленія по должности—подчиняетъ выборныхъ членовъ училищнаго совѣта тѣмъ правиламъ, которыя установлены для состава управъ. Такимъ образомъ, эти статьи новаго закона существенно измѣняютъ то независимое положеніе, которое принадлежало членамъ отъ земства и городовъ въ училищныхъ совѣтахъ. Но измѣненіе въ постановкѣ дѣла этимъ еще не ограничивается, и статья третья новаго закона ставитъ членовъ училищнаго совѣта въ положеніе болѣе зависимое, чѣмъ то, въ какое поставлены члены управы. Статьею этой дается право губернатору, въ случаѣ, если онъ убѣдится въ неблагонадежности выборнаго члена училищнаго совѣта или во вредномъ вліяніи, какое онъ оказываетъ на ходъ обученія, представлять въ министерство объ увольненіи таковаго неблагонадежнаго или вреднаго члена. Эта статья закона ставитъ членовъ училищнаго совѣта въ совершенно исключительныя условія. Если припомнить, говорятъ по этому поводу *Русскія Вѣдомости*, что и безъ такого спеціального указанія закона, при опредѣленіи неблагонадежности на общемъ основаніи, на практикѣ могутъ встрѣчаться значительныя недоразумѣнія, а съ другой, что агентомъ губернаторской власти въ уѣздѣ является исправникъ, самъ состоящій членомъ училищнаго совѣта, то нельзя не признать, что приведенная статья закона создаетъ для выборныхъ членовъ училищнаго совѣта положеніе во многихъ отношеніяхъ неудобное. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что законъ ничѣмъ не опредѣляетъ условій, требуемыхъ для утвержденія или неутвержденія ихъ выбора; указывая далѣе на обстоятельства, могущія вызвать увольненіе члена совѣта, законъ выражается недостаточно ясно и оставляетъ безъ ближайшаго разъясненія, что именно можетъ быть признано за вредное вліяніе на ходъ обученія, помимо неблагонадежности. При ограниченіяхъ, вводимыхъ новымъ закономъ, земство и думы будутъ вдвойнѣ стѣснены въ избраніи членовъ училищнаго совѣта: во-первыхъ, избранныя лица легко могутъ подвергнуться неутвержденію и, во-вторыхъ, многіе просто будутъ отказываться отъ баллотировки, въ виду установленной подчиненности и возможныхъ недоразумѣній. Въ результатѣ — право участія земства въ завѣдываніи школами значительно сокращается.

Въ то же время, у насъ, къ сожалѣнію, нерѣдкое явленіе, что попытки изъ среды общества къ устройству школы, библіотеки, публичныхъ чтеній встрѣчаютъ со стороны мѣстной администраціи трудно объяснимые или слишкомъ формалистическіе отказы. Такъ, напримѣръ, въ *Русскую Жизнь* изъ Орла сообщаютъ, что еще въ началѣ истекшей зимы служащіе на орловско-грязской желѣзной дорогѣ, послѣ передачи ея юго-восточному обществу, предложили орловскому комитету народныхъ чтеній свою богатую библіотеку съ тѣмъ, чтобы онъ положилъ основаніе публичной библіотекѣ, потребность въ которой сильно ощущается въ городѣ со стотысячнымъ населеніемъ. Чтобы пріобрѣсти право на открытіе такой библіотеки, комитетъ тогда же возбудилъ давно задуманное ходатайство о преобразованіи его въ комитетъ грамотности. Къ сожалѣнію, до сихъ

норь нѣтъ отвѣта на ходатайство. Между тѣмъ, жертвователи послѣднимъ сровомъ для передачи библіотеки назначили май мѣсяць (время окончательной ликвидаціи дѣлъ общества) и обусловили, что если комитетъ къ тому времени не получитъ разрѣшенія, то они передадутъ библіотеку въ другое мѣсто.

А вотъ еще весьма характерный обраиикъ, сообщенный въ *Недѣлю* изъ Ижевска. «Русскаго челоуѣка,—пишетъ ижевскій корреспондентъ,—все уворають въ апатіи къ дѣлу общественнаго блага, въ отсутствіи съ его стороны всякой инициативы; между тѣмъ, если всмотрѣться глубже, то вина далеко не всегда въ его неподвижности. Въ № 46 *Недѣли* за прошлый годъ указывалось печальное положеніе Ижевска въ дѣлѣ удовлетворенія духовныхъ потребностей народа. Въ первыхъ числахъ ноября 1893 года мѣстнымъ обывателемъ М. Е. Д. была послана куда слѣдуетъ просьба о разрѣшеніи открыть публичную библіотеку; въ началѣ февраля былъ полученъ формальный отказъ, мотивируемый тѣмъ, что Ижевскъ не городъ, а село, и потому подобныхъ учрежденій въ немъ открывать не полагается. Однако, въ сущности, какое же это село: 40 тысячъ жителей, которыхъ вполне хватило бы на любой губернской городъ средней руки со всѣми его слободами. Нѣсколько церквей, кирка, мечеть, клубъ, военное собраніе, почтовая контора, банкъ, временный театръ и даже выставка картинъ дополняютъ понятіе о громадности ижевскаго завода, не говоря уже о массѣ магазиновъ, лавокъ и огромныхъ базаровъ, на которые съѣзжаются десятки тысячъ. Если всѣ перечисленные учрежденія находятъ свой *raison d'être*, то, казалось бы, для удовлетворенія духовныхъ нуждъ подобнаго скопленія народа, тѣмъ болѣе не лишнею была бы и библіотека. При подобныхъ условіяхъ желательно было бы сдѣлать отступленіе отъ формальныхъ опредѣленій и поставить наше село въ соотвѣствующее ему положеніе. Нашлись люди и средства, только за разрѣшеніемъ и стало дѣло. Въ нашемъ многолюдномъ селѣ, испорченномъ фабричностью, рѣшительно нѣтъ отбою отъ кабаковъ и связанныхъ съ ними грабежей, разбоевъ и убійствъ, а потому развитіе просвѣтительныхъ учрежденій у насъ имѣетъ значеніе можетъ быть большее, чѣмъ гдѣ-либо».

Въ послѣднее время печать наша много занимается вопросомъ о полезности надѣленія школъ земельными участками, на которыхъ сельскіе учителя могли бы практически обучать дѣтей сельско-хозяйственному дѣлу. Весьма интересныя справки къ этому вопросу представляетъ статья г. Куницкаго *Задачи народной школы*, напечатанная въ послѣдней книжкѣ журнала *Образованіе*. Авторъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ качествѣ земскаго дѣятеля по народному образованію, имѣлъ возможность не посредственно наблюдать народныя школы. Эти наблюденія, а также отзывы народныхъ учителей и учительницъ привели его къ выводу, что народная школа не можетъ взять на себя задачу распространять въ народѣ какія-либо прикладныя знанія, напимѣръ, по сельскому хозяйству, садоводству и т. п. Г. Куницкій полагаетъ, что при той порѣ

зительной и удручающей душу массовой безграмотности, которая царитъ въ деревняхъ, прямое и самое первое и святое назначеніе школы — хоть сколько-нибудь уменьшить повальную безграмотность, ежегодно выпускающая въ жизнь извѣстное количество грамотныхъ юношей. Въ достиженію этой цѣли она и должна стремиться прежде всего и больше всего, а всякія постороннія цѣли могутъ только помѣшать главной задачѣ школы, въ виду крайне непродолжительнаго учебнаго періода въ народной школѣ.

Любопытно отмѣтить отношеніе къ идеѣ надѣленія школъ землею со стороны учителей и учительницъ, съ которыми по этому вопросу приходилось бесѣдовать г. Куницкому. Многіе изъ нихъ на вопросъ, желали бы они или нѣтъ, чтобы ихъ школа была надѣлена землею, сразу, не сообразивъ дѣла, отвѣчали, что очень желали бы; но когда затѣмъ рѣчь заходила о необходимости для нихъ въ такомъ случаѣ вести полевое хозяйство, то большинство совершенно отказывалось отъ своего первоначальнаго мнѣнія и прямо заявляло, что лучше отказаться и отъ удовольствія имѣть при школѣ садъ и огородъ, и отъ выгодъ, которыя имъ представить возможность имѣть свою корову, свою муку и проч., чѣмъ становиться въ ложныя отношенія къ своимъ сосѣдямъ-крестьянамъ, безъ помощи и содѣйствія которыхъ имъ не обойтись и съ которыми имъ неизбежно придется въ такомъ случаѣ столкнуться въ такихъ вопросахъ, отъ которыхъ теперь, при современномъ положеніи дѣла, они совершенно стоять особнякомъ и вдали. Все это, по замѣчанію г. Куницкаго, давно извѣдано на практикѣ нашимъ сельскимъ духовенствомъ и ведетъ ко многимъ недоразумѣніямъ, лишая его возможности быть въ глазахъ своихъ прихожанъ только пастырями церкви и наставниками, а не нанимателями, контрагентами, истцами, отвѣтчиками на судѣ.

Рука объ руку съ невѣжествомъ крестьянства идетъ и его бѣдность. До какихъ невообразимыхъ цифръ достигаетъ задолженность сельскаго населенія, объ этомъ даютъ понятіе только земско-статистическія изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, самарская земская коммиссія, изслѣдуя экономическое положеніе губерніи, высчитала, что, не касаясь недоимокъ выкупныхъ платежей, которыхъ числится 16.000,000 руб., задолженность населенія Самарской губерніи достигла въ истекшемъ 1893 году 34.602,005 рублей. Долгъ населенія продовольственному капиталу простирается до 7.000,000 рублей. Слѣдовательно, всѣхъ долговъ состоятъ за самарскими крестьянами 57.602,005 руб. Что, спрашивается, можетъ тутъ подѣлать земство, само имѣющее гроши въ кассѣ и ждущее этихъ грошей отъ того же крестьянина?

Немудрено, поэтому, что переселенческое движеніе изъ Европейской Россіи за Уралъ сильно возросло въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ. Изъ официальныхъ вѣдомостей чиновника особыхъ порученій земскаго отдѣла, завѣдующаго переселенческимъ дѣломъ по Томской губерніи, видно, что въ этой губерніи, въ періодъ отъ 1884 по 1888 годъ, водворялось въ годъ среднимъ числомъ 18,000 душъ; въ послѣдніе же три года

ежегодное водвореніе достигало 32,000 человѣкъ. На основаніи тѣхъ же вѣдомостей слѣдуетъ ожидать еще большаго усиленія переселеній въ ближайшіе годы, такъ какъ число ходоконъ за послѣднее четырехлѣтіе неизмѣнно возрастаетъ: въ 1890 г. чрезъ Томскъ прошло 341, въ 1891 г.—769, въ 1892 г.—779, а въ минувшемъ—1,012 ходаконъ. Не свидѣтельству- ютъ ли эти данныя съ полною очевидностію о несостоятельности запрети- тельныхъ мѣръ по отношенію къ крестьянскому движенію на новыя мѣста? Эти запретительныя мѣры, не будучи въ силахъ остановить пере- селенческое движеніе, содѣйствуютъ только росту переселеній внѣ опре- дѣленныхъ закономъ условій. За послѣдніе четыре года переселилось съ надлежащаго разрѣшенія только немного болѣе пятой части ($23\frac{1}{2}\%$), причемъ количество самовольныхъ переселенцевъ возрастало съ каждымъ годомъ и въ прошломъ году достигло 87%. Очевидно, было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы, взамѣнъ безрезультатныхъ попытокъ помѣшать переселенческому движенію, заселяемыя окраины были заблаговременно приготовлены къ принятію поселенцевъ и если бы послѣднимъ вообще была оказана поддержка со стороны государства въ дѣлѣ упроченія ихъ хозяйственнаго быта на новыхъ мѣстахъ.

Въ настоящее же время существующія запретительныя мѣры по отно- шенію къ желающимъ выселиться порождаютъ нерѣдко весьма прискорбныя явленія, обращикомъ которыхъ можетъ служить слѣдующая печальная исторія, рассказанная въ *Кіевскомъ Словѣ*. Значительное число крестьянъ Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи, задумало выселиться въ Акмо- линскую область. Они послали выборныхъ въ Петербургъ и съ нетерпѣ- ніемъ ждали лишь возвращенія своихъ ходоконъ, которые должны были, по ихъ мнѣнію, непременно привезти желанное разрѣшеніе на переселеніе, а съ нимъ, съ этимъ разрѣшеніемъ, и право на льготный, а, можетъ быть, и совсѣмъ бесплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ. Въ то же время, мно- гіе изъ крестьянъ уже стали прискивать покупателей на свое имущество, дѣлать условія о продажѣ земли (у кого она есть). Прошло два мѣсяца съ отъѣзда ходоконъ въ Петербургъ,—наконецъ, они явились. Но, сверхъ всякаго ожиданія, вѣсти, привезенныя ими, были самаго безотраднaго свой- ства. Ихъ постигла полная неудача: куда они ни обращались въ Петер- бургѣ, всюду встрѣчали отказъ. Фигурировали здѣсь и какіе-то «адвока- ты», съ которыми ходоконъ встрѣчались на постоянныхъ дворахъ и которые писали прошенія имъ, и жулики, обобравшіе ихъ карманы. Въ концѣ-кон- цовъ, «депутациі» едва-едва удалось, съ горемъ пополамъ, добраться домой. Дома надъ ними тоже разразилась бѣда. Началось съ того, что всѣхъ хо- доконъ посадили подъ арестъ, какъ воноводовъ, извлекающихъ будто бы личныя выгоды изъ переселенческаго движенія, «дѣйствующихъ съ корыст- ными цѣлями». Къ нимъ прекратили доступъ всѣмъ постороннимъ. Нача- лись дознанія, слѣдствіе, собраніе справокъ и т. д. Появилось цѣлое дѣло у судебнаго слѣдователя (вскорѣ, впрочемъ, прекращенное, за отсутствіемъ состава преступленія). Тѣмъ не менѣе, наѣхало изъ Остра начальство.

Опять пошла дознанія, розыски виновныхъ, «подстрекателей», явились подставные свидѣтели—всякій сбродъ, которые стали городить всякую небывальщину. Приняты были энергичныя мѣры къ устраненію возможности переселиться; прекращена была даже выдача паспортовъ, куда бы проситель ни шелъ, хотя бы просто на заработки. Но всѣ эти мѣры оказались не достигающими цѣли; онѣ только тревожатъ крестьянъ, не оставившихъ завѣтной мечты, съ которой они успѣли уже сродниться. Безъ паспортовъ, тайно, часто даже ночью, выходятъ переселенцы цѣлыми партіями, садятся въ Бобрикѣ на желѣзную дорогу и уѣзжаютъ. Уѣхали и некоторые и изъ ходоковъ (изъ селъ Русанова и Плоскаго). Въ заключеніе сообщенія, газета высказывается за необходимость организациі переселеній изъ Остерскаго уѣзда. «При настоящемъ положеніи дѣла,—читаемъ въ газетѣ,—единственною разумною мѣрой къ благопріятному разрѣшенію всей этой путаницы можетъ быть, по нашему мнѣнію, возможно быстрая организациа дѣла по переселенію крестьянъ въ Алтайскую область (смежную съ Акмолинской), куда открыть теперь свободный доступъ переселенцамъ, о чемъ, на-дняхъ, и получено увѣдомленіе отъ начальника губерніи, разославшаго всѣмъ земскимъ начальникамъ циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ для свѣдѣнія».

Неблагопріятныя экономическія условія сельскаго населенія заставляютъ его бросать родину и брести за нѣсколько тысячъ верстъ на новыя мѣста въ надеждѣ найти тамъ достаточный земельный надѣлъ; они же, эти условія, порождаютъ вымираніе населенія. Въ предшествующей хроникѣ мы уже констатировали вымираніе населенія въ 128 уѣздахъ. Теперь *С.-Петербургскія Вѣдомости* останавливаются на отчетѣ симбирскаго врачебнаго инспектора и извлекаютъ изъ этого оффиціального сообщенія поучительныя данныя. Оказывается,—говоритъ газета,— что въ этомъ плодороднѣйшемъ районѣ населеніе проявляетъ тенденцію къ вымиранію. Въ 1892 г. въ Симбирской губерніи родившихся было 65,000, а умершихъ 79,000 душъ, т.-е. естественная убыль составила 14,000 душъ. Хотя въ этомъ году посѣтила губернію холера, но размѣры ея распространенія были весьма незначительны. Всего отъ эпидеміи умерло 8,000 человекъ. За вычетомъ этой цифры, смертность, все-таки, превысила рождаемость. Въ общемъ же за 1892 г. естественная убыль населенія въ Симбирской губерніи дала почти 1 проц. Газета сравниваетъ затѣмъ смертность различныхъ мѣстностей названной губерніи со смертностью Петербурга. Въ Петербургѣ максимальный коэффициентъ смертности составляетъ 30 смертныхъ случаевъ на тысячу жителей; въ послѣднее же время этотъ средній коэффициентъ понизился до 26. Не то мы видимъ въ Симбирской губерніи. Здѣсь на тысячу душъ населенія смертныхъ случаевъ приходится отъ 100 (гор. Сегилей) до 36 (гор. Алатырь). Въ самыхъ же деревняхъ этотъ коэффициентъ показываетъ отъ 67 до 43. Такимъ образомъ, смертность въ средѣ сельскаго населенія, по крайней мѣрѣ, въ три раза превышаетъ смертность города съ миллионнымъ населеніемъ и расположеннаго въ не-

благоприятныхъ климатическихъ условіяхъ. Обращаясь къ объясненію этого факта, газета говоритъ: «Несомнѣнно, что проявленіе упадка экономическаго благосостоянія сельскихъ классовъ принимаетъ весьма острыя и угрожающія формы. Что въ основѣ такого высокаго процента смертности, какой зарегистрированъ въ Симбирской губерніи, лежатъ причины главнымъ образомъ экономическаго характера, это доказывается и преобладавшимъ видомъ заболѣваній. Наиболѣе значительное число ихъ относится къ болѣзнямъ пищеварительныхъ органовъ, обусловливающимся плохимъ питаніемъ».

Мы не пропускаемъ случая отмѣчать сколько-нибудь выдающійся откликъ общества или частнаго лица на нужды трудящагося населенія. Въ настоящей хроникѣ мы можемъ отмѣтить пожертвованіе г. Сибирякова и дѣятельность г. Штанге и д-ра Ткачева.

На-дняхъ, И. М. Сибиряковъ пожертвовалъ капиталъ въ 420,000 руб. на вспомошествованіе рабочимъ и ихъ семействамъ на золотыхъ промыслахъ Якутской области. Помощь будетъ оказываться рабочимъ, получившимъ увѣчые отъ несчастныхъ случаевъ на промыслахъ или потерявшимъ здоровье и силы на пріисковыхъ работахъ и вслѣдствіе этого сдѣлавшимся неспособными къ пропитанію собственнымъ трудомъ; семействамъ тѣхъ и другихъ рабочихъ, а также семействамъ рабочихъ, лишившихся жизни на промыслахъ какъ отъ болѣзни, такъ и вслѣдствіе особыхъ несчастныхъ случаевъ. Пособія будутъ единовременныя, продолжительныя и постоянныя (пенсіи).

Продолжительныя и постоянныя пособія (пенсіи) увѣчнымъ будутъ назначаться въ размѣрѣ не болѣе 10 р. въ мѣсяцъ (120 руб. въ годъ); для мѣстностей же Сибири, отличающихся особою дешевизной жизни, а также и лицамъ, не обремененнымъ семействомъ, пособія могутъ быть назначаемы и въ меньшемъ размѣрѣ.

Крупное пожертвованіе, — говоритъ г. Семейскій, сообщившій въ *Русскія Вѣдомости* подробныя свѣдѣнія о пожертвованіи И. М. Сибирякова, — не можетъ не вызвать живѣйшаго сочувствія всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы рабочихъ. Исторія Сибири представляетъ примѣры и другихъ крупныхъ пожертвованій на просвѣщеніе, благотворительность и тому подобное, но до сихъ поръ не было сдѣлано никѣмъ такой крупной жертвы въ пользу рабочихъ. Это дѣло само по себѣ прекрасное, но оно прекрасно и какъ примѣръ, какъ громкое признаніе общественной обязанности, лежащей на всѣхъ владѣльцахъ торговыхъ, промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Въ сожалѣнію, объ этой обязанности думаютъ весьма немногіе.

Другую попытку придти на помощь труженикамъ золотопромышленности представляетъ проектированное въ Томскѣ «общество вспомошествованія рабочимъ горныхъ и золотыхъ промысловъ Томскаго горнаго округа», уставъ котораго уже отправленъ въ Петербургъ. Въ случаѣ его утвержденія, — говоритъ *Вѣстникъ Золотопромышленности*, — это будетъ первое

общество въ Сибири, труды котораго будутъ специально посвящены интересамъ рабочаго класса. По проекту устава, цѣль общества состоитъ въ слѣдующемъ: 1) доставлять средства къ жизни (оплатою квартиръ и пищевого довольствія) тѣмъ рабочимъ, которые при работахъ на горныхъ и золотыхъ пріискахъ лишились возможности трудиться, вслѣдствіе увѣчья или утраты здоровья и силъ; 2) устраивать особые пріюты для такихъ рабочихъ, съ тѣмъ, по возможности, чтобы большая часть стоимости содержанія призываемыхъ окупалась ихъ трудомъ; 3) содѣйствовать матеріальными средствами къ скорѣйшему и съ лучшимъ исходомъ излеченію увѣчныхъ и давать пособія ихъ семействамъ; 4) облегчать рабочимъ сохраненіе ихъ заработка путемъ помѣщенія ихъ сбереженій въ государственныя сберегательныя кассы и 5) оказывать содѣйствіе къ страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ страховыхъ обществахъ.

Въ июньской книжкѣ прошлаго года мы указывали на дѣятельность г. Штанге, какъ на одинъ изъ образцовъ благотворной дѣятельности въ пользу народа. Г. Штанге, проживая нѣсколько лѣтъ въ селѣ Павловѣ и изучивъ бытъ тамошнихъ кустарей, увидѣлъ, что тысячи кустарей дѣйствуютъ въ разбродъ, конкурируютъ между собою изъ-за насущнаго хлѣба, а десятокъ сплоченныхъ скупщиковъ опутали сѣтями всю павловскую бѣдноту, которая на нихъ работаетъ, какъ крѣпостное село. Чтобы освободить мухъ отъ пауковъ, надо было организовать артель изъ рабочихъ и найти выходъ въ продажѣ товара помимо скупщиковъ. Затѣмъ надо было пріобрѣтать матеріалъ и инструменты изъ первыхъ рукъ и устроить артельную мастерскую. Г. Штанге энергично работалъ для выполненія этого плана и многое успѣлъ сдѣлать. Два годы борьбы съ интригой, сплетнями, подозрѣніями, угрозами не утомили г. Штанге. Своею настойчивостью онъ обратилъ на себя вниманіе нижегородскаго губернатора, который нашелъ время лично познакомиться съ дѣломъ, понялъ его, нашелъ полезнымъ для массы бѣдняковъ и велѣлъ идеалиста оставить въ повоѣ. Дѣятельность г. Штанге увѣнчалась успѣхомъ. Недавно (5 марта) въ кустарномъ отдѣленіи общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ сдѣланъ имъ докладъ о кустарной павловской артели. По словамъ докладчика, инициатива артели принадлежитъ двумъ рабочимъ: Броткову и Титову, которые и просили докладчика взять на себя руководство дѣлами артели. Докладчикъ согласился и, заручившись въ Москвѣ нѣсколькими заказами, принялся за осуществленіе идеи основанія артели. Такъ какъ денегъ ни у кого не было, то пришлось обратиться за ссудой, каковая и была дана г. Лепешкинымъ въ размѣрѣ 400 рублей. Всего съ матеріальными ссудами у инициаторовъ оказалось 500 руб. По выполненіи данныхъ артели заказовъ, артель успѣла пріобрѣсти между заказчиками хорошую репутацію. Здѣсь пришелъ на помощь артели Сергѣй Т. Морозовъ, ссудившій артели всего 4,800 руб. Вскорѣ въ артели примкнули еще два интеллигентныхъ лица: инженеръ г. Ефремовъ, который явился дѣятельнымъ сотрудникомъ г. Штанге, въ Павловѣ, и М. В. Григоровъ,

который открылъ въ Петербургѣ первый складъ издѣлій артели и въ прошломъ году продалъ ихъ на 7,000 руб. Словомъ, дѣла артели были очень недурны; но когда фабриканты и крупные скупщики увидали въ лицѣ артели серьезнаго конкуррента, то на нее тотчасъ же посыпались всевозможные доносы, клеветы; но въ результатѣ получилось то, что всѣ навѣты клеветниковъ были опровергнуты и артель получила законное право на существованіе, хотя враги ея пользовались каждымъ случаемъ, чтобы нанести ей массу мелкихъ неприятностей, тяжело отзвывавшихся на артели. Въ настоящее время дѣла артели находятся въ слѣдующемъ положеніи: артель имѣетъ свой утвержденный уставъ, владѣетъ участкомъ земли въ $\frac{1}{2}$ десятины, на которомъ выстроена двухъэтажная деревянная фабричка-кузница. Всѣхъ членовъ артели въ настоящее время числится 38 челов., но работаетъ въ ней всегда болѣе 70 чел. Всѣ лица, не состоящія членами артели, проработавъ въ ней извѣстное время, могутъ быть избираемы въ члены артели, если они не моложе 17 лѣтъ. Харчатся артельщики сообща. Заработокъ каждаго артельщика составляетъ отъ 150 до 300 руб. въ годъ. Этотъ заработокъ не меньше заработка рабочихъ на лучшихъ, въ смыслѣ заработной платы, фабрикахъ. Такъ какъ въ артели пьющихъ водку мало, то многіе изъ артельщиковъ уже успѣли поправить свои деревенскія дѣла. Артель имѣетъ «вспомогательный капиталъ», изъ котораго выдаются ссуды. Изъ этого капитала предполагается образовать особую вспомогательную кассу, откуда можно было бы выдавать и безвозвратныя пособія членамъ артели, когда это является необходимымъ. До сихъ поръ артель производитъ только высшіе сорта ножей и вилокъ, которые исполняются въ ней настолько хорошо, что на всѣхъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ артель получала за свои экспонаты серебряныя медали. Кромѣ собственныхъ издѣлій, артель принимаетъ на комиссію издѣлія другихъ кустарей. Взявъ за эту операцію лишь 5%, артель не дѣлаетъ изъ нея источника дохода для себя. Сбытъ собственныхъ издѣлій артели прогрессируетъ очень быстро; не превысивъ въ 1890—1891 г. 2,757 р., въ нынѣшнемъ 1893—1894 г. сбытъ достигъ 20,746 рублей.

17 января Ростовъ-на-Дону праздновалъ 50-ти лѣтній юбилей дѣятельности доктора Г. И. Ткачева. Дѣятельность г. Ткачева была разнообразна. Онъ и любимый народомъ докторъ, и распространитель сельско-хозяйственныхъ знаній въ массу, и выдающійся земскій дѣятель, и борецъ за общественные интересы въ мѣстной думѣ. Вотъ какъ мѣстная газета описываетъ входъ въ жилище этого человѣка: «Ни обычной дощечки на дверяхъ, ни параднаго подъѣзда и галантерейнаго швейцара. Передняя—маленькая, тѣсная; въ ней двѣ-три скамьи съ клеенчатою старою обивкой. «Старый докторъ», какъ его прозвали бѣдняки, принималъ раньше прямо съ улицы: когда онъ кончалъ осмотръ одного пациента, то стучалъ въ окно и звалъ другого, соблюдая строгую очередь: для богатыхъ и знатныхъ преимуществъ не допускалось». Неусыпнымъ трудолюбіемъ, искусствомъ и крайнею воздержностью д-ръ Ткачевъ скопилъ значительное состояніе,

которое пожертвовалъ на народное просвѣщеніе: 75,000 рублей на стипендіи въ Харьковскомъ университетѣ и нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на народное образованіе въ Ростовѣ. Г. И. Ткачевъ былъ слишкомъ живой и отзывчивый на общественныя нужды человѣкъ, чтобъ ограничиться одною медицинскою помощью народу. Убѣжденный въ необходимости распространять въ народѣ сельско-хозяйственныя знанія, докторъ рѣшилъ самъ сдѣлаться примѣромъ подражанія для крестьянъ. Онъ взялъ въ аренду у правительства участокъ земли въ 1,500 десятинъ въ уѣздѣ, съ обязательствомъ ввести въ немъ лучшія, современныя орудія, образцовое скотоводство, птицеводство, овцеводство и прочія отрасли сельскаго хозяйства. Взялся—и выполнилъ, потративъ на это массу энергіи. *Докторъ медицины* первый ввелъ въ этомъ богатомъ краѣ сѣялки, косилки, жатвенныя машины—лучшія, какія появлялись на Западѣ. Бывали случаи, когда онъ по недѣлямъ не слѣзаль, что называется, съ лошади, объѣзжая поля. Кажется, рѣдкій, дорогой человѣкъ для края, но у насъ часто бываютъ недовольны такого рода типами: на Ткачева былъ посланъ доносъ въ Петербургъ. Приѣхала коммиссія, произвела слѣдствіе, въ результатѣ котораго, по повелѣнію Государя, арендованный Ткачевымъ отъ правительства участокъ былъ отданъ ему въ полную собственность, какъ заслуженному просвѣтителю и благодѣтелю края. Въ то же время, Г. И. Ткачевъ былъ энергичнымъ дѣятелемъ въ земствѣ и думѣ. Въ думѣ ему пришлось раскрыть цѣлый рядъ городскихъ злоупотребленій; какъ живая совѣсть, онъ не умолкалъ, не пропуская ни единого засѣданія, кромѣ развѣ случаевъ тяжелой болѣзни. Далеко не легко доставалась ему побѣда; бывали горькіе дни; во всѣ правительственныя учрежденія летѣли на него жалобы и доносы; онъ объяснялся съ генералъ-губернаторомъ, и, случалось, ничего не помогало. Однажды, въ подобномъ случаѣ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ здѣсь 7 мѣсяцевъ, пока не добился, что по высочайшему повелѣнію ростовскій городской голова, извѣстный Байковъ, былъ смѣщенъ съ должности, а въ Ростовъ, также по высочайшему повелѣнію, была назначена слѣдственная коммиссія, нашедшая цѣлый рядъ неправильностей въ дѣйствіяхъ головы.

Благодаря другому доктору, П. Г. Сущинскому, мы узнаемъ, что дѣлается въ тюменской тюрьмѣ. 5 марта въ засѣданіи общества охраненія народнаго здравія д-ръ Сущинскій сдѣлалъ сообщеніе о тюремномъ замкѣ въ г. Тюмени за періодъ 1888—1892 годовъ. Тюменская тюрьма, главная функція которой заключается въ пересылкѣ арестантовъ въ ближайшія и отдаленныя мѣста Сибири, занимаетъ второе по значенію мѣсто въ Россіи; въ ней ежегодно бываетъ до 20,000 арестантовъ. Изъ свѣдѣній о состояніи этой тюрьмы къ августу 1892 года видно, что главное зданіе ея, по кубическому содержанію воздуха приспособленное на 290 чел., вмѣщало въ себѣ 3 августа 969 чел., а 27 мая 1892 г.—2,430. Вслѣдствіе этого, скученность арестантовъ настолько велика, что превышаетъ болѣе чѣмъ въ 10 разъ нормальное число арестантовъ, могущихъ помѣститься въ тюрь-

мѣ. Больница, по кубическому содержанію воздуха, также не удовлетворяет своему назначенію, такъ какъ больныхъ въ ней бываетъ въ нѣсколько разъ болѣе вмѣщающихся въ ней. Скудность арестантовъ происходитъ и отъ многихъ другихъ причинъ, вродѣ, напримѣръ, той, что зимою прошлаго года арестанты не могли быть своевременно выслаемы изъ тюрьмы за немѣнѣемъ въ тюрьмѣ теплой одежды и потому содержались въ числѣ 400 чел. всю зиму въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ вновь прибывавшими. Эти крайне антисанитарныя условія тюрьмы и отсутствіе какого-либо благоустройства тюремной больницы служатъ причинами сильной заразы, заболѣваемости и смертности между арестантами. Тюменская тюрьма, пропускающая въ годъ до 20,000 арестантовъ, находится, въ полномъ смыслѣ слова, въ заброшенномъ состояніи; въ теченіе цѣлаго десятилѣтія на нее не затрачено и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей. Все главное зданіе тюрьмы занято больницей и вся тысячная армія арестантовъ гнѣздится въ боковыхъ камерахъ, въ каждую изъ которыхъ, вмѣсто 10, помѣщается 100 арестантовъ. Тѣснота въ этихъ камерахъ такова, что часто ночью люди не могутъ лечь на полъ и должны или вплотную стоять другъ къ другу, или присѣсть на корточки. Воздухъ въ камерахъ до того бываетъ спертъ, что всѣ арестанты задыхаются, обливаясь потомъ, и ждутъ съ нетерпѣніемъ утра, когда можно будетъ передохнуть на свѣжемъ воздухѣ (арестантовъ выпускаютъ днемъ на воздухъ, несмотря на запрещеніе этого закономъ, ибо иначе они задохлись бы въ камерахъ). Кромѣ этихъ камеръ, существуетъ еще карцеръ, въ который сажаются провинившіеся арестанты; онъ представляетъ изъ себя почти герметически замкнутый каменный ящикъ. Условія водоснабженія арестантовъ таковы, что зачастую арестантамъ приходится сидѣть цѣлые дни безъ воды, на сухояденіи.

Въ заключеніе нашей хроники приведемъ фактъ, сообщенный *Енисейскимъ Листкомъ* и свидѣтельствующій о неполнотѣ нашихъ законовъ объ уголовной давности.

Въ настоящее время въ томскомъ губернскомъ замкѣ содержится замѣчательный субъектъ—Рыковъ, онъ же Рыкановъ, происхожденіемъ изъ крестьянъ или мѣщанъ. Ровно 33 года тому назадъ этотъ Рыкановъ, въ годы своей молодости, — ему теперь 58 лѣтъ, — былъ приговоренъ къ малосрочной каторжной работѣ за кражу изъ церкви, со взломомъ, свѣчей или чего-то въ этомъ родѣ на ничтожную, впрочемъ, сумму. Отправленный въ Сибирь для отбытія наказанія, Рыкановъ бѣжалъ съ дороги и, не разысканный, поселился въ Томскѣ, гдѣ преспокойно и прожилъ 32 года, занимаясь ремесломъ и ведя во все это время честную трудовую жизнь. Жилъ онъ подъ чужимъ именемъ и съ чужимъ паспортомъ лица, кажется, уже умершаго. И вотъ черезъ 32 года какъ-то обнаружилось, что онъ вовсе не тотъ, за кого выдается себя. Рыкановъ или Рыковъ былъ арестованъ, чистосердечно сознался во всемъ и объяснилъ, кто онъ. Первоначально, по предложенію прокурорскаго надзора, онъ былъ вскорѣ же освобожденъ полиціей и оставленъ въ Томскѣ подъ полицейскимъ надзоромъ, но затѣмъ, когда при

говоръ полиціи о немъ поступилъ на утвержденіе начальника губерніи, послѣдовало разъясненіе, что давность къ Рыканову не можетъ быть примѣнена, и вотъ онъ теперь, черезъ 32 года безупречной жизни, приговоренъ къ наказанію плетью и къ возвращенію въ каторжныя работы, съ увеличеніемъ ихъ срока, и заключенъ подь стражу.

Къ сожалѣнію, рассказанный случай не представляетъ исключенія, и о подобныхъ случаяхъ сообщалось уже и раньше. Приведа его, газета справедливо замѣчаетъ, что, карая человѣка за содѣянное имъ, законъ, при назначеніи наказанія, долженъ, прежде всего, имѣть въ виду нравственныя цѣли, т.-е. стремиться къ исправленію осужденнаго, и разъ явилась возможность убѣдиться, что онъ дѣйствительно исправился и не повторитъ прежней вины, дальнѣйшее наказаніе уже будетъ бесполезною и негуманною мѣрой.

И. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ послѣднее время положеніе вещей въ Австро-Венгріи до такой степени ухудшилось, что возбуждаетъ живую тревогу въ правящихъ сферахъ Цислейтаніи и Транслейтаніи. Суровыя репрессивныя мѣры не въ состояніи были сломить упрямую оппозицію младо-чеховъ. Странная коалиція нѣмецкой либеральной партіи съ польскимъ клубомъ и съ консервативнымъ клубомъ Гоэнварта уже пережила нѣсколько кризисовъ и, повидимому, имѣетъ мало шансовъ на долговременное существованіе. Министерство Векерле въ вопросѣ о введеніи гражданскаго брака встрѣтило рѣшительное сопротивленіе со стороны католическаго духовенства и палаты магнатовъ. Существуютъ для венгерскаго правительства и другіе источники весьма серьезныхъ затрудненій и опасностей. Въ Клаузенбургѣ *) въ то время, какъ пишутся эти строки, разбирается процессъ двадцати пяти румынъ, обвиняемыхъ венгерскимъ правительствомъ въ государственной измѣнѣ. Обстоятельства дѣла таковы:

Въ началѣ 1892 года въ Германштадтѣ происходилъ съѣздъ делегатовъ венгерскихъ румынъ. На съѣздѣ этомъ горячо говорилось о притѣсненіяхъ со стороны мадьяръ. Рѣшено было, въ виду крайне ненормальныхъ условий, въ которыя поставлено представительство румынскаго населенія въ Венгріи, отказаться отъ участія въ парламентской жизни и обратиться къ императору съ меморандумомъ, въ которомъ должны быть изложены жалобы и желанія венгерскихъ румынъ. Депутацию было рѣшено отправить не въ Буда-Пешть къ королю, а въ Вѣну къ императору. Въ маѣ того же года меморандумъ былъ составленъ, и многочисленная депутация (237 человекъ) съ адвокатомъ Раціу во главѣ отправилась въ Вѣну. Императоръ отказался ихъ принять, ссылаясь на то, что, какъ конституціонный монархъ, не можетъ этого сдѣлать безъ вѣдома и согласія венгерскаго правительства. Тогда комитетъ трансильванскихъ румынъ рѣшилъ напечатать свой меморандумъ, что и вызвало судебное преслѣдованіе. Румынъ обвиняютъ въ томъ, что они признаютъ соединеніе Трансильваніи съ Венгріей насиль-

*) По-славянски Ключъ, въ Седмиградіи.

ственнымъ актомъ (венгерское правительство называетъ такое заявленіе воззваніемъ къ мятежу). Стѣсненія румынскаго языка и румынъ вообще усилились послѣ неудачи упомянутой депутаціи. Ея членамъ, въ случаѣ обвиненія, грозятъ очень суровыя наказанія, и клаузенбургскій процессъ глубоко волнуетъ румынъ и въ Венгріи, и въ румынскомъ королевствѣ. Когда подсудимые прибыли въ городъ, масса народа устроила имъ торжественную встрѣчу, дамы поднесли Раціу букетъ, который полиція, послѣ серьезной схватки, отбила и уничтожила. Въ числѣ обвиняемыхъ находятся нѣсколько профессоровъ и священниковъ, православныхъ и католическихъ. Въ Румыніи устраиваются многолюдные митинги, на которыхъ протестуютъ противъ мадьярской нетерпимости, и это, по сообщенію газетъ, даетъ поводъ къ дипломатическимъ запросамъ изъ Вѣны въ Бухарестъ. Раздраженіе румынскаго народа растетъ, и въ этомъ лежитъ не малая опасность для венгерской гегемоніи въ Транслейтаніи, — гегемоніи, которая, въ сущности, является систематическимъ подавленіемъ другихъ національностей.

Вмѣстѣ съ этимъ въ Венгріи происходятъ движенія, даже бунты, носящіе социалистическій характеръ, что также не можетъ не тревожить венгерскаго правительства. Социалистическая агитація захватила въ Венгріи значительную часть земледѣльческаго населенія, положеніе котораго въ высшей степени неудовлетворительно. *National-Zeitung* сравниваетъ это положеніе съ печальнымъ состояніемъ крестьянъ въ Сициліи, гдѣ также происходило недавно серьезное возстаніе. *Politik* называетъ возмущеніе въ Годмецо-Вазархели предостереженіемъ мадьярскому шовинизму. Всѣ венгерскія правительства, съ графа Андраши до Векерле, угождая тщеславію мадьяръ, подавляли другія народности и мало заботились о печальномъ экономическомъ положеніи страны, гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, ничего не дѣлающее для земледѣльцевъ. Населеніе тѣхъ несчастныхъ комитатовъ, гдѣ возмущеніе было прекращено военною силою, уже болѣе двухъ лѣтъ назадъ обращалось къ правительству съ воззваніемъ о помощи въ виду его истинно бѣдственнаго положенія, до котораго оно доведено пониженіемъ заработной платы, не покрывающей самыхъ насущныхъ и неотложныхъ потребностей рабочаго.

Бухарестскій корреспондентъ *Journal de Débats* справедливо указываетъ на то, что румынъ въ королевствѣ и въ Венгріи, кромѣ языка, религіи и общей исторіи, связываютъ и географическія условія: почти всѣ рѣки, орошающія Румынію, берутъ начало въ Трансильваніи. Сообщенія между этими областями легки и часты. Въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка въ Трансильваніи началось румынское литературное движеніе, которое затѣмъ спустилось въ долины Молдавіи и Валахіи. Многочисленные эмигранты изъ Трансильваніи еще болѣе укрѣпляли эту живую связь. Румыны независимаго королевства не желаютъ допустить, чтобы были мадьяризованы три милліона венгерскихъ румынъ (всего въ этомъ племени насчитывается до десяти милліоновъ).

Притѣсненія, которымъ подвергаются трансильванскіе румыны, вызвали

со стороны либеральной оппозиции, съ Стурдзой во главѣ, запросъ консервативному кабинету Батаржи. Практическаго значенія запросъ этотъ, конечно, имѣть не можетъ, но въ нравственномъ значеніи его нельзя сомнѣваться. Венгерскимъ румынамъ не станетъ, однако, отъ этого лучше, можетъ быть, даже положеніе ихъ ухудшится (клаузенбургскій процессъ начать послѣ преній въ румынскомъ парламентѣ). Венгерское правительство не только не обратитъ вниманія на заявленія румынской либеральной партіи и на манифестаціи, враждебныя мадьярамъ, но скорѣе усилитъ мѣры, направленные противъ національныхъ стремленій трансильванскихъ румынъ. Съ другой стороны, Румынія вовлечена въ орбиту тройственного союза. Тотъ самый Стурдза, который гремитъ теперь противъ Венгрии, отстаивалъ присоединеніе къ могущественной лигѣ изъ Германіи, Австро-Венгрии и Италіи, какъ необходимое въ румынскихъ интересахъ. Въ то же время, онъ осуждалъ Россію за присоединеніе румынской Бессарабіи. При такихъ условіяхъ, въ союзѣ съ кѣмъ же малочисленный румынскій народъ можетъ добиться присоединенія къ Румыніи Трансильваніи или, по крайней мѣрѣ, широкой національной автономіи этой послѣдней?

Если движенію среди венгерскихъ румынъ и соответствующему этому движенію возбужденію общественнаго мнѣнія въ румынскомъ королевствѣ нельзя предсказать благоприятнаго исхода, то недобримъ предзнаменованіемъ и большимъ затрудненіемъ является оно для венгерскаго правительства. Съ тремя милліонами своихъ румынъ оно бы справилось, по всей вѣроятности, тѣми беззастѣнчивыми мѣрами, которыя теперь пускаются въ ходъ; но при существованіи независимаго румынскаго государства, при той нравственной и матеріальной поддержкѣ, которую могутъ получать оттуда трансильванскіе румыны, задавить среди нихъ національныя стремленія становится дѣломъ очень труднымъ.

Венгерское правительство стянуло въ Клаузенбургъ войска и приняло мѣры, чтобъ о происходящемъ тамъ судѣ въ печать не проникало никакихъ извѣстій, не прошедшихъ черезъ цензуру. Естественно, что все эти мѣры возбуждаютъ недовѣріе къ правосудію, сильно раздражаютъ румынъ и приводятъ въ негодованіе каждаго безпристрастнаго наблюдателя современной политической жизни Европы. Стѣснить свободу печати задумало было и нынѣшнее цислейтанское правительство, но встрѣтило сильный отпоръ со стороны парламента. Въмѣсто расширенія правъ администраціи конфисковать отдѣльные номера повременныхъ изданій, получилось незначительное, правда, но, все-таки, стѣсненіе цензурнаго произвола: власти теперь будутъ обязаны указывать редакторамъ, что именно вызвало конфискацію того или другого номера. Правительство вынуждено было сдѣлать другія уступки въ этомъ первостепенной важности вопросѣ: во-первыхъ, будетъ упрощено разрѣшеніе на торговлю газетами; во-вторыхъ, отмѣнитъ необходимость представлять залогъ при основаніи новыхъ газетъ и журналовъ. Этимъ, замѣтилъ въ парламентской комиссіи министръ внутреннихъ дѣлъ, достигается возможность для каждой партіи издавать собственные

политическіе органы. Нечего и говорить, что установленіе нормальныхъ условій для свободнаго слова является основною потребностью образованнаго общества.

Чтобы кончить на этотъ разъ наши замѣчанія о политической жизни Австро-Венгрии за послѣдній мѣсяцъ, упомянемъ о томъ, что дѣятельность депутатовъ польскаго клуба рейхсрата продолжаетъ возбуждать справедливыя нападенія со стороны либеральной польской печати. *Дневникъ Польскій* осуждаетъ клубъ за его образъ дѣйствія въ вопросѣ объ избирательной реформѣ, которая тормазится коалиціонными партіями. *Новая Реформа* возмущена тѣмъ, что разсмотрѣніе въ парламентѣ законопроекта, измѣняющаго дѣйствующую избирательную систему, отложено по инициативѣ именно польскаго клуба. Не мало горькихъ порицаній вызвало также поведеніе польской аристократіи и духовенства, которыя уклонились отъ участія въ недавнихъ народныхъ торжествахъ въ честь Костюшки, что дало поводъ къ уличнымъ схваткамъ во Львовѣ и въ Краковѣ. Слѣдуетъ упомянуть и о продолжающемся неудовольствіи чеховъ противъ поляковъ. Возмутила чеховъ въ послѣднее время рѣчь представителя поляковъ въ коалиціонномъ министерствѣ Виндишгреца-Пленера, министра народнаго просвѣщенія Мадейскаго, который равнодушно, съ точки зрѣнія централиста, отнесся къ національнымъ стремленіямъ чеховъ въ области народнаго образованія. Польская аристократія никакъ не можетъ освободиться отъ своего историческаго грѣха, выступая противъ разумныхъ требованій собственнаго народа, противъ демократическихъ стремленій чеховъ и галиційскихъ русскихъ.

Далеко не все благополучно въ послѣднее время на Балканскомъ полуостровѣ. Особенною странностью отличается положеніе Сербіи съ тѣхъ поръ, какъ туда вернулся продавшій свое королевское достоинство и права сербскаго гражданина пресловутый Миланъ. Пользуясь своимъ вліяніемъ на юнаго сына, Миланъ началъ смуту въ несчастливомъ государствѣ. Вопреки конституціи, безъ согласія скупщины, король Александръ возвратилъ своему отцу проданное имъ сербское гражданство. Печать нападаетъ на эвсъ-короля, администрація возбуждаетъ противъ газетъ преслѣдованія, но суды, къ ихъ чести, отказываются давать ходъ этимъ преслѣдованіямъ, потому что законъ въ данномъ случаѣ нарушается не газетами, а королемъ. Для характеристики современнаго положенія вещей въ Сербіи интересна приведенная въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статья газеты *Дневни Листъ*, озаглавленная *Искреннее слово бывшему королю Милану* и подписанная: *Старый другъ дома Обреновичей*.

«Съ равныхъ лѣтъ,—пишетъ этотъ другъ Милану,—лишенный родителей, вы были отданы въ жертву чужеземцамъ. Незрѣлый духомъ и не утвержденный въ добрѣ, вы были окружены интриганами и подлыми себялюбцами, которые внушили вамъ мысль, что Сербія—ваше имѣніе, а сербы — ваши рабы. Когда къ вамъ приходилъ человекъ честный, имѣвшій

смѣлость напоминать вамъ ваши обязанности къ странѣ и народу, вы не понимали его и думали, что онъ говорилъ такимъ образомъ изъ вражды къ вамъ. И такъ, не имѣя около себя ни отца, ни матери, ни настоящихъ друзей, которые васъ любили бы и учили бы любить другихъ, вы сдѣлались тѣмъ, чѣмъ вы теперь: человѣкомъ безъ разсудительности и сердца, человѣкомъ, не имѣющимъ возможности отличить добро отъ зла. Вся рѣчи, вся дѣйствительность для васъ—ничто. Низкопоклонники и шулера—ваши друзья, удовольствіе для васъ все, отечество—ничто. Ничтожные льстецы, которыми вы съ молодости окружали себя, внушили вамъ большое самомнѣніе, такъ что вы почитаете себя не только за самаго хитраго, но даже за непогрѣшимаго, и предполагаете, что вамъ дозволено все, даже и то, чего каждый человѣкъ до глубины души стыдится». Послѣ возвращенія на родину Миланъ вступилъ въ борьбу съ народнымъ представительствомъ. «Еслибъ вы сознавали то, что дѣлаете, — продолжаетъ *старый другъ*, — вы поняли бы, какую злую услугу оказываете своему сыну. Вы говорите, что король пригласилъ васъ въ отечество, чтобы вы были его совѣтникомъ. Это неправда, такъ какъ король дозволилъ вамъ возвратиться въ отечество лишь послѣ вашихъ многократныхъ просьбъ, а вы такъ отблагодарили его за его любовь и благородство! Вы называете себя воиномъ и предлагаете королю быть его стражемъ. Вы воинъ, вы, который всегда опасался быть тамъ, гдѣ лилась кровь за нашу честь и отечество? Въ трехъ войнахъ, хотя вы при каждомъ случаѣ выказываете войску свою любовь, вы ни одной ночи не провели съ сербскимъ войскомъ подъ открытымъ небомъ. Будучи всегда удалены на десять часовъ пути отъ мѣста боя въ то время, когда войско гибло отъ голода и зимой мерзло, вы со своими любимцами лакомились произведеніями придворной кухни. Вы, который въ сербскомъ солдатѣ всегда видѣли купленнаго за жалованье полицейскаго, вы—воинъ и стражъ сербскаго короля!»

Кончается *искреннее слово* такимъ образомъ: «Сербскій геній устоитъ и въ этой новѣйшей опасности, но вы и ваше имя погибнете, а будущія поколѣнія будутъ ставить его рядомъ съ именемъ Вука Бранковича, измѣнника коссовскаго. Народъ васъ не желаетъ и не вѣритъ вамъ, и иначе не будетъ, пока вы будете оставаться въ Сербіи. Поэтому уѣзжайте себѣ съ Богомъ и оставьте сына своего, чтобъ онъ спокойно, свободно, хладнокровно исполнялъ свой высокій долгъ. Чего вы желаете отъ своего сына? Борьбы съ народомъ, чтобъ онъ проливалъ его кровь? Не дай Богъ, чтобы дѣло дошло до кровопролитія. Кровь народа всегда падала на того, кто ее проливалъ. Теперь самое благопріятное время говорить правду. Я сказалъ правду и исполнилъ свою обязанность передъ Сербіей и передъ сербскимъ королемъ. Васъ же, мой бывший король, прошу извинить меня, если своею откровенностью я причинилъ вамъ непріятность. Вы хорошо знаете, что въ свое время я отказывался отъ всякой вашей милости, что я ни когда ни о чемъ другомъ не просилъ васъ, какъ лишь о томъ, чтобы вы смотрѣли на меня какъ на честнаго человѣка, вѣрно преданнаго Сербіи»

тропу. Если я васъ и оскорбилъ, то сдѣлалъ это не изъ-за чего-либо иного, какъ изъ-за того, чтобъ указать отцу сербскаго короля путь болѣе достойный, чѣмъ тотъ, по которому онъ идетъ. Вѣрьте мнѣ, мой бывшій король, что я всегда былъ искренно преданъ вамъ, но не потому, что любилъ васъ, а потому, что вы были королемъ сербскимъ».

Нельзя назвать утѣшительнымъ въ настоящее время и положеніе Италіи. Криспи удалось въ блестящей рѣчи, рассчитанный на національное тщеславіе, увлечь за собою большинство парламента. Онъ напоминалъ о пораженіяхъ при Кустоцѣ и Лиссѣ, о томъ, что Франція за содѣйствіе освобожденію Италіи отъ австрійскаго ига взяла себѣ западные Альпы, что восточные Альпы остались за Италіей. Большинство, взволнованное этими патріотическими воспоминаніями, рукоплескало министру-президенту и признало необходимость сохраненія тяжелыхъ военныхъ расходовъ, отъ которыхъ разоряется страна. Теперь тому же большинству придется, само собой разумѣется, дать согласіе и на тѣ налоги, которыми правительство хочетъ покрыть дефициты.

Отдѣльные голоса выдающихся политическихъ дѣятелей противъ милитаризма и великодержавной политики короля Гумберта и Криспи не перестаютъ раздаваться въ Италіи, но до побѣды здраваго смысла и справедливости далеко еще въ королевствѣ. Бывшій министръ финансовъ въ кабинетѣ Рудини, Коломбо, доказываетъ, напримѣръ, въ одной изъ миланскихъ газетъ, что для Италіи вполне возможно значительное сокращеніе военныхъ расходовъ. Если эти деньги употребить на производительныя издержки, то благосостояніе народа сдѣлаетъ большіе шаги впередъ. Нечего говорить, что радикальное и республиканское меньшинство народныхъ представителей энергически возстаетъ противъ раззоренія, вносимаго въ Италію ростомъ милитаризма и протекціонизма; но его усилія не приводить покуда къ желанной цѣли.

Естественно, что рѣчь Криспи вызываетъ сочувственные отзывы въ нѣмецкой и австрійской печати (хотя для послѣдней упоминаніе о *неискупленной Италіи*, подъ именемъ восточныхъ Альпъ, и не можетъ быть пріятнымъ). Понятно также ироническое отношеніе французскихъ газетъ къ миролюбивымъ фразамъ итальянскаго министра-президента и къ его дружескимъ заявленіямъ по отношенію къ Франціи. Впрочемъ, французская печать говоритъ на этотъ разъ сдержанно, почувствовавъ вѣроятно, что Франція не имѣетъ въ дѣйствительности такихъ тѣсныхъ союзниковъ, на которыхъ она рассчитывала, тѣмъ болѣе, что внутреннее положеніе страны, несмотря на парламентскія побѣды кабинета Казимира Перье, не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Въ послѣднее время не замѣчается никакихъ успѣховъ во французскомъ законодательствѣ. Черезчуръ уступчивая по отношенію къ папскому престолу политика повела къ тому, что французское католическое духовенство вновь стало открыто сопротивляться республиканскимъ законамъ, а папскій нунцій началъ вмѣшиваться въ отношенія между государствомъ и церковью во Франціи.

На запросъ по этому послѣднему поводу въ парламентѣ Казиміръ Перье энергически отвѣчалъ, что правительство твердо намѣрено отстаивать права государства; но не подлежитъ сомнѣнію, что опасность отъ клерикализма для Франціи возросла. Увеличивается для нея важность и социальнаго вопроса, такъ какъ нынѣшняя палата, какъ и предшествовавшая, почти ничего не дѣлаетъ въ интересахъ рабочаго класса. Многія французскія газеты, въ томъ числѣ и такія умѣренно-республиканскія, какъ *Journal des Débats*, съ живымъ вниманіемъ останавливаются на тѣхъ важныхъ реформахъ и опытахъ, которые происходятъ въ этой области въ другихъ государствахъ. Большой интересъ въ послѣднее время возбудилъ примѣръ члена англійскаго парламента, Матера, который ввелъ на своемъ заводѣ восьмичасовой рабочій день. При такой же заработной платѣ за сорокъ восемь часовъ въ недѣлю, какъ прежде за пятьдесятъ три, производительность труда (у Матера 1,200 рабочихъ) нисколько не уменьшилась. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что опыты производились при неблагоприятныхъ условіяхъ, во время значительной заминки въ производствѣ. Англійскій военный министръ вводитъ восьмичасовой день на казенныхъ заводахъ.

Поучительно сравнить съ этими заботами англійскаго правительства и общества отношеніе къ рабочему вопросу австрійскаго правительства и господствующихъ классовъ общества. Читатели знаютъ изъ газетъ о тягостныхъ событіяхъ въ каменноугольныхъ копяхъ Фальбенау и Польскаго Острова (австрійская Силезія). Депутатъ Пернерсторферъ обратился по этому поводу съ запросомъ къ правительству и съ предложеніемъ образовать особую парламентскую комиссію для разслѣдованія дѣла, такъ какъ поведеніе мѣстной администраціи и военныхъ властей было въ высшей степени предосудительно. Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ серьезность запроса, но высказался противъ учрежденія особой комиссіи. Бюалиціонное большинство, поддерживающее нынѣшній кабинетъ, постановило, чтобы донесенія властей были провѣрены постоянною комиссіей по дѣламъ промышленности и объ этомъ былъ бы представленъ отчетъ палатѣ депутатовъ. Такое рѣшеніе не удовлетворило, конечно, Пернерсторфера и поддерживавшихъ его депутатовъ (въ числѣ ихъ главное мѣсто занимали младо-чехи). Возбужденіе среди рабочихъ каменно-угольнаго бассейна усмиряется.

Когда это обзрѣніе было кончено, телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что король Александръ, по внушенію, конечно, Милана, отмѣнилъ дѣйствующую въ Сербіи конституцію. Несчастливая страна переживаетъ теперь очень опасный кризисъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театр: *Первая муха*, ком. В. Л. Величко.—III выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ.—II выставка картинъ московскихъ художниковъ.—XXII передвижная выставка картинъ.—Съездъ художниковъ и любителей художествъ.

24 апрѣля на сценѣ Малаго театра шла трехъактная комедія В. Л. Величко, *Первая муха*, успѣвшая съ осени заявить публикѣ о своемъ существованіи газетнымъ шумомъ, поднятымъ пререканіями двухъ писателей изъ-за вопроса о сотрудничествѣ при окончательной отдѣлкѣ этой пьесы. Объ этомъ писалось много, и возвращаться къ этому спору мы не намерены: передъ нами комедія г. Величко — solo, о ней мы и будемъ говорить. *Первая муха* есть и первое драматическое произведеніе автора, такъ какъ трагедія *Тамара* переведена имъ съ грузинскаго языка. Сущность пьесы состоитъ въ томъ, что пріѣхавшій по дѣламъ службы въ большой губернской городъ блестящій молодой полковникъ, богачъ князь Чембарскій (г. Южинъ), попадаетъ въ комическое положеніе по милости провинціальной барышни, Анны Аванасьевны Охрименко (г-жа Лешковская). Барышня 24 года, ей давно пора замужъ, объ этомъ усердно хлопочетъ ей мамаша, Пелагея Дмитріевна (г-жа Иванова), такъ усердно старается, что женихи бѣгутъ прочь, и хорошенькая, умная дѣвушка рискуетъ всю жизнь слушать упреки маменьки и претерпѣвать гоненіе отъ нея за неумѣнье «спапать» жениха. Наиболѣе выгоднымъ женихомъ представляется зажиточный помѣщикъ Полозьевъ (г. Рыжовъ). Онъ очень нравится Аннѣ и самъ влюбленъ въ нее, но почему-то все не рѣшается сказать послѣднее слово, сдѣлать предложеніе. Домашнія сцены изъ-за ловли жениховъ, перекоры изъ-за выѣздовъ и нарядовъ, необходимыхъ при такого рода «охотѣ», колебанія Полозьева такъ прискучили Аннѣ Аванасьевнѣ, что она пускается въ рискованную игру съ петербургскимъ княземъ. Въ живой, отлично-проведенной исполнителями сценѣ барышня проситъ князя поухаживать за нею. Молодой человѣкъ приходитъ въ очень понятное недоумѣніе и въ нѣкоторую робость, какъ бы,—чего добраго,—не попасться на такой крючокъ, съ котораго и не сорвешься. Бойкая дѣвица успокоиваетъ князя тѣмъ, что все это будетъ «нарочно», что она не влюбится, а если съ нимъ случится что-либо подобное, то она счумѣетъ его вылечить, за-

мужъ за него ни при какихъ обстоятельствахъ не поидеть, ну жень онъ ей только въ качествѣ «первой мухи», прилетающей къ завалавшейся крошкѣ хлѣба,—за первую мухой прилетитъ другая, потомъ третья, наберется десятокъ, тогда лови любую. Барышня очень мила, князю очень скучно съ провинціальными туземцами, игра въ «муху» не лишена занимательности, молодой человекъ соглашается поиграть и, не откладывая вдаль, вступаетъ въ отправленіе обязанностей ухаживателя. Все идетъ отлично, только князя начинаютъ приводить въ смущеніе и порядочно удручать «туземцы»: братецъ Анны, надобливый губернской фронтъ пресквернаго тона (г. Грессеръ), претендентъ на любовь и руку мадемуазель Охрименко—Полозьевъ, провинціальная дама-благотворительница (г-жа Яблочкина), Семень—старый слуга князя (г. Тарасенковъ) и за ними цѣлая стая губернскихъ дамъ, дѣвицъ, кавалеровъ, на-перебой кинувшихся за «первою мухой» въ погоню за барышней, необычайно поднявшею себѣ цѣну въ глазахъ мѣстнаго общества ухаживаніемъ сятельнаго петербуржца. Къ довершенію постигшихъ его бѣдъ и самъ онъ переигралъ и увлекся интересною барышней до того, что дѣлаетъ ей предложеніе. Анна Аванасьевна исполняетъ, однако, обѣщаніе и охлаждаетъ порывы молодого человека, разъясняя ему всю нелѣпость такого брака. Дѣло кончается къ общему удовольствію помолвкой Анны Охрименко съ Полозьевымъ. Первый шагъ г. Величко на драматическомъ поприщѣ можно считать удачнымъ: въ длинномъ ряду претенціозныхъ пьесъ, уныніе наводящихъ комедій, томительно-плохихъ драмъ скромная *Первая муха* идетъ живо, отъ времени до времени вызываетъ дружный смѣхъ публики, почти совсѣмъ разучившейся смѣяться весело надъ тѣмъ, что просто забавно и остроумно безъ натяжекъ. Сценическая неопытность автора не подлежитъ сомнѣнію и могла бы въ конецъ испортить дѣло, если бы г. Величко сочинилъ «серьезную» комедію. Онъ написалъ «пустячекъ»,—не въ обиду будь сказано,—далъ намъ возможность не скучно провести часа полтора, и на томъ спасибо ему. Въ комедіи всего двѣ роли, превосходно исполненныя г-жею Лешковскою и г. Южинымъ. Всѣ остальные лица, а ихъ тѣмъ-тѣмущая для маленькой комедіи, довольно безцвѣтны, и исполнители ихъ толкуются и суетятся, по большей части, безъ всякаго дѣла и надобности. Двѣ маленькія вводныхъ роли—горничной Кати (г-жа Щепкина 2) и лакея Семена—написаны хорошо и сыграны очень живо. Фигура петербургской дамы (г-жа Ермолова-Кречетова) совсѣмъ неудачна, а фронтъ Жоржъ Охрименко немного каррикатуренъ. Но самое большое достоинство комедіи г. Величко,—при всѣхъ недочетахъ въ ней,—мы видимъ въ томъ, что она ни въ общемъ, ни въ частностяхъ ни откуда не заимствована, не нахватаана изъ чужихъ дѣлій, не похожа на французскую фабрикацію, а все это слишкомъ часто и безцеремонно появляется на всѣхъ нашихъ сценахъ и, если формально не можетъ быть названо плагиатомъ, все же производитъ непріятное впечатлѣніе и далеко не служить къ чести поставщиковъ пьесъ для русскаго театра.

По числу картинъ третья выставка с.-петербургскаго общества художниковъ въ московскомъ Историческомъ музеѣ принадлежитъ къ самымъ богатымъ, въ художественномъ отношеніи она можетъ служить образцомъ самаго печальнаго оскуднѣнія. Пятидесятью девятью членами общества выставлено 204 картины и картинки масляными красками, 48 акварелей, 7 скульптуръ, 1 серебрянный жетонъ и 1 камень на ониксѣ. Наибольше усердный изъ экспонентовъ В. П. Шрейберъ выставилъ 16 картинъ (изъ нихъ 10 акварелей), А. Д. Кившенко—14 (акварелей 6), В. Г. Казанцевъ—11, А. С. Егорновъ—10, А. И. Алексѣевъ—10 (акварель 1), И. С. Галкинъ—7 (акварель 1) и т. д. Количество картинъ и ихъ достоинства наводятъ на такую мысль, что это не собраніе лучшихъ произведеній соединившихся въ общество художниковъ, а коллективное предъявленіе публикѣ всего, что нашлось къ данному сроку въ мастерской каждаго изъ нихъ оконченнаго и изготовленнаго на продажу. Если такъ это,—а весьма похоже, что такъ,—то выраженіе «выставка картинъ» мѣняетъ нѣсколько прежнее значеніе, издавна установившееся въ обществѣ, и получаетъ иное, весьма сходное съ тѣмъ, какое принято давать «выставкамъ пасхальныхъ яицъ» къ Святой, «выставкамъ игрушекъ» или «подарковъ» къ праздникамъ. Тогда это будетъ не «художественная» выставка, а торговая, живописно-промышленная; тогда надѣжить въ этомъ прямо сознаться и, для пользы дѣла, измѣнить программу такихъ выставокъ, расширить ее, допустить на выставки разрисованные вѣера, фарфоръ, столики, ширмы и т. п. Одни ширмы, впрочемъ, имѣются на выставкѣ картинъ с.-петербургскаго общества, подъ названіемъ: *Декоративное пано*, В. К. Штембера. Откровенное превращеніе подобныхъ выставокъ въ періодическіе артистическіе базары ни для кого не можетъ быть обиднымъ и принесетъ существенныхъ выгодъ, быть можетъ, больше и, навѣрное, большому числу лицъ, хотя бы уже тѣмъ, что устранить для журнальной и газетной критики обязанность отмѣчать плохія произведенія, что, разумѣется, мѣшаетъ ихъ сбыту. Для болѣе или менѣе выдающихся картинъ всегда найдется мѣсто и на «передвижныхъ» выставкахъ, и на «періодическихъ» общества любителей художествъ. Что касается сборовъ за входъ, то взимать ихъ нѣтъ никакихъ препятствій: въ Мюнхенѣ существуетъ магазинъ картинъ (торговая выставка) съ постоянною платой за входъ; въ Дрезденѣ періодически устраиваются такія же, съ платою за входъ, торгово-промышленныя выставки фарфора, гдѣ можно купить и съ собою унести или на квартирѣ получить прекраснѣйшія, артистическія произведенія, стоящія въ художественномъ отношеніи выше многихъ экспонатовъ с.-петербургскаго общества художниковъ. Именно такое значеніе мы и придали бы выставкѣ картинъ въ Историческомъ музеѣ, если бы на ней не было двухъ батальныхъ картинъ А. Д. Кившенка, изъ которыхъ одна: *Третій день боя на Шипкинскомъ перевалѣ 11 августа 1877 г.*, есть собственность Государя Императора, а другая: *Нижегородскіе драгуны, преслѣдующіе турокъ по дорогѣ къ Карсу въ днѣль 3 октября 1877 г.*, принадлежащая гр. А. Д. Шереметеву. Такимъ кар-

тинамъ, разумѣется, не мѣсто на торговой выставкѣ, и ихъ двухъ достаточно для того, чтобы самая выставка получила въ глазахъ публики тотъ характеръ, какой до сихъ поръ носили художественныя выставки. Не входя въ оцѣнку вышеназванныхъ произведеній г. Кившенка, мы остановимся на его третьей картинѣ: *У киргизовъ*, изображающей киргизское становище, къ которому прѣехали русскіе офицеры для покупки лошадей. Картина довольно большая, фигуры на ней маленькія, написанныя живо и вѣрно, но... очевидно, художникъ увлекся «нѣмецкою» манерой письма, погнался за точностью изображеній почти миниатюрныхъ, за передачей выраженія лицъ, ихъ портретнаго сходства, всѣхъ мелочей костюма до возможности распознавать мундиры, чуть ли даже не чины. Все это, можетъ быть, имѣетъ значеніе тамъ, гдѣ передаются историческія событія и выдающіяся личности, принимавшія въ нихъ участіе, какъ мы это видѣли въ батальныхъ картинахъ, преимущественно нѣмецкихъ. Но при изображеніи пробы лошадей передъ ремонтерами это едва ли уместно, ибо, разсматривая офицеровъ и киргизъ вблизи, мы не можемъ видѣть картины, а на должномъ разстояніи, съ котораго мы видимъ картину, для насъ исчезаютъ фигуры, превращаются въ пестрыя пятнышки, не дающія никакого впечатлѣнія. Кромѣ того, мы думаемъ, что моментальная фотографія, необходимая для извѣстныхъ цѣлей, приноситъ существенный вредъ художникамъ, обращающимся къ ея содѣйствію. Человѣческій глазъ—не «моментальный» аппаратъ, онъ видитъ, сливаетъ и обобщаетъ извѣстную совокупность движеній и не въ состояніи уловить того, какъ выражаются они въ доляхъ секунды. Мы полагаемъ, что и художникъ въ картинѣ долженъ передать только общее впечатлѣніе, получаемое отъ бѣга или скачки лошадей и наѣздниковъ, въ противномъ случаѣ получится на картинѣ то, чего мы въ дѣйствительности не видали и никогда видѣть не можемъ, то, чего не видалъ и самъ художникъ въ натурѣ и заимствовалъ съ фотографіи. Доводить «реализмъ» до такихъ границъ не слѣдуетъ, если только это можетъ быть названо «реализмомъ». Отъ такихъ изображеній чаще всего получается такое впечатлѣніе, будто лошади падаютъ, ноги у нихъ заплетаются и тому подобное. Это, можетъ быть, необыкновенно вѣрно, но до крайности некрасиво, ничуть не художественно. Вообще, миниатюры могутъ быть хороши, когда онѣ въ соотвѣтствіи съ размѣрами полотна, какъ, напримѣръ, очень недурные *Бояринъ* и *Боярыня* И. А. Пелевина, *Ровестницы*, Н. К. Грандковскаго; къ этому же роду подходит *Еврейка* В. И. Яковія. По сюжету сходна съ картинами г. Кившенка картина В. В. Мазуровскаго *Джигитовка* и въ другомъ залѣ—*Въ походъ* въ созданіи которыхъ фотографія, повидному, не участвовала, къ ихъ авантажу. П. И. Геллеръ въ довольно живыхъ и, во всякомъ случаѣ, въ видѣнныхъ и прочувствованныхъ образахъ передаетъ впечатлѣніе, производимое вниманіемъ жеребьевъ новобранцами,—картина носитъ заглавіе *На боръ*. А затѣмъ въ отдѣлѣ жанра и быта нѣтъ ничего, что можно было назвать посредственнымъ,—настолько все плохо въ томъ или другомъ

отношеніи. М. Л. Маймовъ попытался изобразить *Жертвоприношеніе жемудку*,—вышло преплохое изображеніе бухи,—и *Разбитое сердце*—картину, которую было бы правильнѣе назвать «растрепанные волосы». *Ольга Ларина* (изъ *Евгенія Онегина*) В. В. Евреинова и *Клеопатра* баронессы фонъ-деръ-Паленъ, были бы только забавною мазней, если бы не стояли на «выставкѣ» и въ ряду многихъ равныхъ имъ по достоинству картинъ, вызывающихъ своею совокупностью не смѣхъ, а глубокую скорбь о крайнемъ упадкѣ искусства, о жалости достойномъ его положеніи, при которомъ оказывается возможнымъ появленіе такихъ картинъ, какъ *Блуждающій огонекъ* В. В. Евреинова, *На дачь* Н. Н. Грандковскаго, *Кающаяся* К. А. Кошелева и въ довершеніе всего—*Завидное мѣсто* Р. Ф. Фронца. Недурной портретистъ В. К. Штембергъ (авторъ ширмъ съ тремя плохими фигурами голыхъ женщинъ) возымѣлъ несчастную претензію изобразить *Искушеніе Антонія*, какъ значится въ каталогѣ выставки. Вышло нѣчто совсѣмъ диковинное: вмѣсто святого пустынножителя и аскета, передъ нами какой-то мрачный бандитъ, лежащій на животѣ и ухватившійся за полуразрушенный черепъ, а надъ нимъ голая женщина, неправильно написанная и претенціозно размалеванная въ несуществующіе цвѣта. Посмотрите на эту картину, не справляясь съ каталогомъ, и, ручаться можно, вы не догадаетесь, въ чемъ тутъ дѣло, но скажете, навѣрное, что такихъ волосъ въ природѣ не существуетъ, что такихъ очертаній тѣла не бываетъ, что такія фигуры писать... не слѣдуетъ. Изъ пейзажей есть тричетыре, которые можно назвать хорошими, таковы: *Кабельбатъ* (Норвегія) Л. Ф. Лагоріо, *Весна* А. А. Писемскаго, его же *На Валаамъ*, *Туманное утро* В. Г. Казанцева... Огромное же большинство ниже посредственности, часто съ явными признаками неразумныхъ претензій и вздутаго самомнѣнія художниковъ...

Великимъ постомъ на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Дзамгаровыхъ, была открыта II выставка картинъ московскихъ художниковъ, устроенная, какъ намъ передавали, частнымъ кружкомъ товарищей. Нѣкоторые изъ живущихъ въ Москвѣ художниковъ и даже коренныхъ москвичей применили къ с.-петербургскому обществу и экспонировали свои произведенія на выставкѣ означеннаго общества, о которой мы говорили выше. Кромѣ того, есть художники-москвичи, которые ничего не дали ни на ту, ни на другую выставку, предпочитая, быть можетъ, оставаться вѣрными «передвижникамъ», что мы находимъ весьма резоннымъ. Наше отечество далеко не изобилуетъ талантами въ области живописи и ваинія, да не только талантами, но не изобилуетъ даже просто хорошими живописцами, какъ это одновременно и блистательно доказали двѣ выставки, о которыхъ мы рѣчь ведемъ. Художникомъ вправѣ себя почитать и именовать всякій, умѣющій кистью, перомъ или карандашомъ нарисовать картинку, но для того, чтобы нарисованное было признано «художественнымъ» произведе-

нѣмъ, далеко не достаточно ни официально предоставленнаго званія «художника», ни даже званія «академика». Для этого, помимо даже таланта, необходимо, и безусловно необходимо еще кое-что такое, чего совсѣмъ не имѣется въ наличности у многихъ нашихъ господъ экспонентовъ. Чего же не имѣется у нихъ? У большинства не хватаетъ вотъ чего, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, конечно: творческой фантазіи или просто «выдумки», любви къ своему дѣлу и уваженія къ искусству, а затѣмъ—сколько-нибудь опредѣленнаго пониманія задачъ искусства, знакомства съ лучшими образцами старыхъ и иноземныхъ мастеровъ, вдумчивости и вкуса, слишкомъ часто—умѣнья рисовать и писать, еще чаще—терпѣнія. И, что всего обиднѣе, перечисленные нами отрицательныя показанія встрѣчаются у людей, очевидно, не лишенныхъ природнаго дарованія, подававшихъ надежды, обнаружившихъ нѣкоторый талантъ и какимъ-то злосчастнымъ чудомъ утратившихъ его. До сихъ поръ нѣкоторою сдержкой для художниковъ были выставки, на которыя произведенія искусства принимались по выбору компетентныхъ судей, жюри или комитета. Къ такимъ выставкамъ художники готовили картины, серьезно работали надъ ними, зная, что неудовлетворительное будетъ забракковано, останется въ мастерской, свѣта Божія не увидитъ и черезъ то потерпитъ большой изъянъ въ цѣнѣ, если еще найдетъ покупателя. Такихъ выставокъ оказалось недостаточно для нашихъ производителей картинъ, и устройствомъ частныхъ обществъ и кружковъ они попытались снять съ себя неудобныя имъ сдержки и превращаютъ теперь выставки въ простыя лавочки картинъ, по товарищескому выбору. Насколько выборъ снисходителенъ,—если только можетъ быть названъ «выборомъ»,—убѣдились всѣ, побывавшіе на этихъ двухъ выставкахъ. Не называя именъ художниковъ и не указывая на то или другое произведеніе, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, существенныя общія замѣчанія. Мы находимъ, напримѣръ, что нельзя изображать видовъ такихъ городовъ и мѣстностей, которыхъ художникъ не видалъ въ натурѣ, хотя бы изображенія этого рода не составляли главнаго сюжета картины, а были введены въ нее въ видѣ, такъ сказать, декораціи. Нельзя изображать сценъ изъ чужой, не русской жизни, которыхъ художникъ не видалъ своими глазами въ дѣйствительности. Не слѣдуетъ и съ природы списывать первую попавшуюся сцену и воображать, будто выйдетъ «жанръ»,—ровно ничего не выйдетъ,—въ лучшемъ случаѣ—пустяковина. Не слѣдуетъ низъ полотна замазывать желтою краской, верхъ—голубою и подписывать: «рожъ поспѣла» или нѣчто подобное. Не слѣдуетъ писать большихъ картинъ на крошечные сюжеты. За сямъ изъ «жанровъ» мы считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить хорошіе исполненные и резонно задуманные: П. И. Коровина *За урокомъ*, Я. І. Турлыгина *За клубничкой*, В. Комарова *Благодѣтель*. Г. Турлыгинъ, несомнѣнно, талантливый человекъ и, судя по нѣкоторымъ прежнимъ ея картинамъ, человекъ чуткій и отзывчивый, а потому не можемъ не по

жалѣть о затратѣ дарованія и времени на большое размѣрами и неудачное произведеніе, какимъ мы считаемъ его картину *У Геосиманскаго сада*, изображающую очень пеструю толпу воиновъ и обывателей, явившихся съ факелами захватить Христа по указанію Иуды. Тутъ все съ начала до конца невѣрно исторически и неудовлетворительно въ художественномъ отношеніи. В. А. Симвовъ назвалъ самую большую изъ выставленныхъ имъ картинъ *Предложеніе*; если бы онъ озаглавилъ ее: «прощаніе», «разставаніе», «послѣ долгой разлуки», «огорченіе», «примиреніе» или какъ-нибудь еще, зритель все такъ же, какъ и теперь, сказалъ бы: «Ну, что-жь, бываетъ и такъ... до меня это не касается». Чтобы картина произвела хоть какое-нибудь впечатлѣніе, содержаніе ея должно быть опредѣленно и ясно. Кромѣ того, несмотря на большое полотно, художникъ не сумѣлъ распорядиться тремя расположенными на немъ фигурами, сблизилъ ихъ въ кучу и притиснулъ къ стѣнѣ; получилось нѣчто вродѣ китайской живописи въ одной плоскости, безъ перспективы. Слѣдуетъ отнѣстись недурную картину Е. Д. Полѣнова *Миниатюристъ* и затѣмъ подивиться на *Парижскій бульваръ* К. А. Коровина. Въ каталогѣ подѣ фамиліей художника напечатано: «Экспонентъ». То же самое значитъ относительно 34 картинъ. Мы понимаемъ нѣсколько излишнюю снисходительность при допущеніи на выставку плохонькихъ картинокъ ея устроителей,—дѣло товарищеское,—но остаемся въ полномъ недоумѣніи передъ такими произведеніями экспонентовъ, которые не то что на выставку, а и въ картинную лавку не всякій хозяинъ приметъ... Такия выставки приносятъ большой вредъ; если онѣ помогаютъ художникамъ сбыть десятокъ-другой плохонькихъ картинъ, за то подрываютъ искусство и, по всей вѣроятности, понизятъ цѣны на посредственныя картины.

На Пасхѣ открылась въ обычномъ помѣщеніи на Мясницкой XXII передвижная выставка картинъ. Выставлено около 180 произведеній. Въ ихъ числѣ нѣтъ ничего выдающагося, особенно привлекающаго вниманіе публики, и въ ряду «передвижныхъ» выставокъ нынѣшняя занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ; по сравненію же съ тѣми двумя, о которыхъ мы только что говорили, эта выставка можетъ показаться чуть не собраніемъ перловъ искусства, такъ какъ тутъ имѣются три превосходныхъ пейзажа Е. Е. Волкова, *Синолъ* А. П. Боголюбова, *Днипръ* К. К. Бодаревскаго, *Ауль Казбекъ* и *По Окъ* А. А. Киселева, *На озерѣ* И. И. Левитана, *Земля* Н. Н. Дубовскаго и др. Есть тутъ довольно большая картина В. Д. Полѣнова *Мечты*, обычно превосходно написанная и вызывающая въ нѣкоторой части публики такіе, по нашему мнѣнію, ни на чемъ не основанные толки, какіе возбудила когда-то его же картина *На Генисаретскомъ озерѣ*. Многимъ кажется почему-то, что на той и на другой картинѣ художникъ изобразилъ Христа, хотя на такой замыселъ не было и нѣтъ ни малѣйшаго намека. На скалѣ надъ обрывомъ изображена прекрасная,

очень эффектная фигура, повидимому, горца, замечтавагося передь громадною далью, подернутою легкимъ туманомъ. Это красиво, мастерски сдѣлано, художественно—и только, больше ничего не требуется и доискиваться тутъ нечего. С. Д. Милорадовичъ выставилъ большую картину, изображающую внутренность Св.-Троицкой Сергіевой лавры во время приступа поляковъ въ 1609 г., единственную историческую картину нынѣшняго сезона. Съ каждымъ годомъ все рѣже и рѣже появляются передь публикой произведенія художниковъ на историческіе сюжеты. Мы не считаемъ, конечно, батальныхъ картинъ, изображающихъ эпизоды послѣдней войны въ Турціи. Чѣмъ объяснить такое равнодушіе нашихъ художниковъ къ отечественной исторіи? Въ ней пайдется много драматическихъ моментовъ, очень эффектныхъ для живописи и помимо «смутнаго времени», къ которому особенно усердно обращались художники и писатели и, все-таки, даже его не исчерпали. Картина г. Милорадовича, при довольно крупномъ размѣрѣ полотна, не особенно содержательна. Въ ней есть эффектныя фигуры монаховъ-воиновъ, но она не даетъ общаго впечатлѣнія отчаянной борьбы горсти защитниковъ родной святыни отъ полчища грабителей. Нашъ почтенный мастеръ исторической живописи Н. В. Невревъ, написавши проводы дочери вел. кн. Ярославомъ, повидимому, совсѣмъ охладѣлъ къ этого рода работамъ и вторично выставляетъ сцену изъ современнаго быта — *Увѣщаніе*: священникъ убѣждаетъ молодую женщину примириться съ мужемъ, видимо, готовымъ согласиться на всѣ условія, обѣщать что угодно, но едва ли способнымъ сдержатъ обѣщанія. Жена знаетъ это, убѣждена въ непрочности такого мира и сосредоточенно борется съ собственнымъ желаніемъ покончить раздоръ. Эти двѣ фигуры достаточно выразительны, фигуру же увѣщателя мы находимъ неудачною. Хороша и законченна картина К. А. Савицкаго *Въ ожиданіи приговора суда*, эффектна и вѣрна сцена изъ жизни кавказскихъ горцевъ *Пѣсни о быломъ* Н. А. Ярошенко, а также его *Хоръ* деревенскихъ мальчиковъ, которыхъ съ большимъ увлеченіемъ налаживаетъ въ пѣвчіе толстый дьяконъ или псаломщикъ безъ расы, домашнему и по-лѣтнему. Чтобы покончить съ картинами членовъ товарищества, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить наиболѣе слабыя произведенія, по нашему мнѣнію, и сдѣлаемъ это въ порядкѣ нисходящемъ, начиная съ картины *Неизбѣжный путь* Н. А. Касаткина, изображающей мальчика съ иконой и взрослого человѣка съ гробовою крышкою на головѣ. Кого хоронятъ? Для чего это писано? Кому нужно? Что хотѣлъ выразить авторъ? Не картина это, а пустое мѣсто. Неизмѣримо того хуже Н. Д. Кузнецова *Въ мастерской скульптора (снятіе формы)*. На тотъ же сюжетъ мы видѣли изящную, вполне художественную картину на французской выставкѣ, и тѣмъ не пріятнѣе поразило насъ безобразіе сцены, изображенной г. Кузнецовымъ, быть можетъ, очень реально, но совсѣмъ не художественно, попросту говоря, противно. И, наконецъ, самое послѣднее мѣсто мы отводимъ картинѣ М. П. Влодта *Заблаговѣстили къ заутренѣ*, на

которой сначала ничего нельзя разобрать,—такъ она темна,—а потомъ можно доискаться, что художникъ изобразилъ сидящаго въ гробу схимника... Публика отвертывается и идетъ къ свѣту.

Въ каталогъ выставки выдѣлены особо произведенія «экспонентовъ», лицъ, не состоящихъ членами «товарищества передвижныхъ выставокъ». Всѣхъ экспонентовъ 23, и выставлено ими 24 картины, изъ которыхъ большую часть слѣдуетъ признать очень хорошими, добавивши, что плохихъ между ними вовсе нѣтъ, а превосходныя есть, какъ, напримѣръ: *Ученіе рукописи* (эскизъ) Л. О. Пастернака и *На службу* (пастель) С. Я. Вишинскаго. Очень хороши *Последняя воля* Н. П. Богданова-Бѣльскаго и *Приходь со службы* Н. В. Орлова. Мотивъ первой картины не новъ: смерть старика крестьянина, но трактованъ онъ съ большимъ чувствомъ, съ отличнымъ пониманіемъ серьезности этого момента въ крестьянскомъ быту, съ полнымъ знаніемъ того, какъ сами крестьяне относятся къ такому событію, какъ смерть главы дома, повидимому, дѣда, поручающаго близкимъ людямъ, а черезъ нихъ міру, заботу о малолѣткахъ-сиротахъ. Все это передано художникомъ тепло, въ мѣру, художественно и просто, а потому и глубоко трогательно. Въ особенности хороши фигуры умирающаго и крестьянина, сидящаго на его кровати, сосредоточенно слушающаго «последнюю волю» старика. Лица и позы настолько выразительны, что вся картина представляется писанною прямо съ натуры. Нужнымъ считаемъ отмѣтить, что художникъ съ большимъ тактомъ взялъ обстановку зажиточнаго и чистаго крестьянскаго дома. Вредитъ картинѣ нѣкоторая сухость письма. Совершенною новизной сюжета отличается картина Н. В. Орлова: пришелъ со службы въ родительскій домъ молодчина-солдатъ, принарядился на послѣднемъ переходѣ, чтобы во всемъ блескѣ явиться передъ своими стариками и передъ молодою женой. Недоброе ждало его дома: жена изменила, скрыть этого нельзя,—у нея ребенокъ. Винится она, опустилась на колѣни, придерживая уже начинающее ходить дитя. Старуха-свекровь накидывается съ жестокими укорами на «молодуху», не щадитъ рѣзкими словами ни ея, ни неповинное ни въ чемъ дитя; старикъ-свекоръ унижаетъ жену, вступается за ребенка, хочетъ водворить въ домъ нарушенный миръ. Глубоко скорбно лицо браваго солдата, хорошъ и выразителенъ жестъ, которымъ онъ прощаетъ жену, но далеко не мирится съ своимъ положеніемъ. Картина производитъ сильное впечатлѣніе, нарушаемое, впрочемъ, неумѣстно хихикающими фигурами парня и дѣвушки на заднемъ планѣ. Это ошибка, такъ не бываетъ, въ такія минуты никому изъ свидѣтелей не до смѣха. Хороша картина М. М. Ярового *Два поколѣнія*: старикъ сельскій священникъ и двое молодыхъ людей, сыновей его, пріѣхавшихъ на каникулы и высказывающихъ отцу такіе взгляды на жизнь, отъ которыхъ хмурится лицо «батушки», отворачивается въ сторону его задумчивый и грустный взоръ. Въ замыслѣ и исполненіи художника преясна въ особенности ясно выраженная мысль о томъ, что оба поколѣ-

шія правы, каждое по-своему; но чувствуетъ это только умудренный опытомъ старикъ, а пылкая молодежь увлечена своими идеями, горячо ихъ отстаиваетъ. Лучшимъ на выставкѣ мы считаемъ портретъ Н. Б. Михайловскаго работы Н. А. Ярошенка.

Съ 23 по 30 апрѣля включительно въ Москвѣ происходили засѣданія перваго съѣзда художниковъ и любителей художествъ. Оказались, конечно, разные недочеты, но первый блинъ комомъ не вышелъ: въ общемъ, съѣздъ слѣдуетъ признать удавшимся. Мы надѣемся напечатать въ *Русской Мысли* нѣкоторыя изъ сообщеній, прочтенныхъ на засѣданіяхъ съѣзда и имѣющихъ общій интересъ.

Ан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

М а й.

1894 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Исторія литературы и біографія.—Путешествія.—Искусство.—Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники.—Книги для народнаго чтенія. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *апрѣль*.—«Русское Богатство», *мартъ*.—«Землевѣдѣніе», *кн. I*.—«Книговѣдѣніе», *кн. I—IV*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 апрѣля по 1 мая 1894 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Доброе дѣло“, *изд. „Посредника“*.—„Силуэты“. Р. М. Хитъ.—„Художники“. В. М. Милеева.—„Стихотворенія“ А. М. Оедорова.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ. Изданіе „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Цѣна 90 коп. За послѣдніе годы въ столицахъ и провинціи было издано много разныхъ „сборниковъ“, выручка отъ продажи которыхъ (полностью или за вычетомъ расходовъ на печатаніе) поступала на какое-нибудь „доброе дѣло“: на помощь голодающимъ, на пріюты для бѣдныхъ, на школы, на пособіе переселенцамъ и т. п. Изданный фирмою „Посредникъ“ сборникъ *Доброе дѣло* не имѣетъ никакого отношенія къ подобнымъ „добрымъ дѣламъ“, названіе свое получилъ отъ перваго помѣщеннаго въ немъ очерка А. П. Барыковой, озаглавленнаго *Доброе дѣло*. Это нисколько не умаляетъ, впрочемъ, достоинствъ книги, и изданіе такихъ сборниковъ, распространеніе въ обществѣ идей, которыми проникнуты почти всѣ напечатанные въ немъ разсказы, есть уже само по себѣ дѣло доброе. Въ названномъ очеркѣ г-жа Барыкова очень живо изображаетъ безотрадное душевное настроеніе богатаго, стараго эгоиста, который не можетъ припомнить во всю жизнь ни одного своего добраго дѣла. Въ „отрывкѣ“ *На Волѣ* Вл. Г. Короленко въ мастерски набросанныхъ образахъ касается вопроса о религиозной нетерпимости, поддерживающей озлобленіе между различными христіанскими исповѣданіями и сектами, въ то время, какъ тѣ же враждующіе люди относятся вполнѣ человѣчно къ обрядамъ магометанства. Въ разсказѣ А. В. Стернь *Свиданіе* повѣствуется о двухъ сестрахъ, изъ которыхъ одна живетъ бѣдно и тяжело, но въ своей семьѣ, своимъ домкомъ, а другая, одинокая, — въ большомъ довольствѣ, въ богатомъ домѣ, но въ чужомъ. Разсказъ написанъ тепло, жизненно и производитъ надлежащее впечатлѣніе. *Передъ потухшимъ комелькомъ*, г. Засодимскаго, старый черствый карьеристъ задумывается о прожитой жизни, не можетъ отогнать отъ себя гнетущихъ воспоминаній и на-

прягаетъ всѣ силы на то, чтобы разными чиновничьими вывертами оправдать свои дрянные поступки, и, тѣмъ не менѣе, мечется и изнываетъ отъ нравственной кары, давящей его сердце. Иного сорта, но въ своемъ родѣ типическихъ себялюбцевъ изображаютъ г. Потапенко въ очеркѣ *Прямой расчетъ* и г. Маминъ-Сибирякъ въ рассказѣ *Ученое юре*, вызывающемъ невольныя улыбки надъ забавнымъ героемъ, который, однако же, своимъ потѣшнымъ самоудрствомъ доводитъ несчастную жену до самоубійства. *Подъ Рождество обидѣли*, „житейскій случай“, Н. С. Лѣскова, ставитъ очень спорный вопросъ: слѣдуетъ ли потерпѣвшему отъ воровства разыскивать похитителя и преслѣдовать его указаннымъ въ законѣ порядкомъ, или слѣдуетъ „простить обидчику“? Съ обычнымъ талантомъ авторъ, на основаніи христіанскаго ученія, приводитъ къ такому рѣшенію, что должно „простать“, не быть „съ законниками разноглагольнаго закона“, а оставаться съ Тѣмъ, который далъ намъ „глаголы вѣчной жизни“... Въ рассказѣ *Два колеса*, „крещенская фантазія“ И. Л. Рубакина, авторъ возстаётъ противъ „усовершенствованныхъ“ тюремъ, устраиваемыхъ по филadelphійской системѣ одиночнаго заключенія съ занятіемъ заключенныхъ различными работами. Въ „фантастической“ формѣ, но вполне убѣдительными доводами, г. Рубакинъ раскрываетъ ужасную безчеловѣчность тюремъ, якобы „научно усовершенствованныхъ“, причемъ во вниманіе приняты всѣ послѣднія указанія гигиены, физиологіи, статистики и проч., и забыто только одно—живая душа несчастнаго чловѣка, впавшаго въ преступленіе. Того же автора рассказъ *Бомба профессора Штурмвельта* столь же талантливо возбуждаетъ отвращеніе къ тому направлению, которое даютъ науки нѣкоторые современные ученые, низводя великую силу знанія на степень слуги самыхъ низменныхъ, звѣрскихъ инстинктовъ чловѣка. Рассказъ вполне современенъ: нѣмецкій профессоръ не удовлетворенъ всѣми новѣйшими орудіями и способами истребленія людей на войнѣ, изобрѣтаетъ бомбу, начиненную тончайшею пылью заразныхъ микроорганизмовъ, способныхъ въ нѣсколько часовъ произвести страшную эпидемію въ цѣлой арміи, въ нѣсколько дней распространить ее на обширный районъ непріятельской страны, причемъ солдаты и обыватели государства, владѣющаго изобрѣтеніемъ, предохраняются прививками, предупреждающими зараженіе. Министръ, которому ученый мужъ предлагаетъ свое изобрѣтеніе, позвалъ уже лакея, готовъ кривнуть: „Прогоните этого негодяя!...“—но... одумался и вѣжливо проговорилъ: „Хорошо! Я доложу о вашемъ изобрѣтеніи!“ Кромѣ поименованныхъ нами рассказовъ, въ сборникѣ напечатаны: *Тамъ* г. Баранцевича, *Ученица* г. Филиппова, *Ица и Давыдка* г. Гарина и *Совѣсть* г. Минскаго. Какъ видитъ читатель, сборникъ составленъ разнообразно, интересно и принесетъ несомнѣнную пользу, распространяя, поддерживая и укрѣпляя въ обществѣ идеи добра и гуманности.

Силуэты. Р. М. Хинъ. Москва, 1894 г. Цѣна 2 рубля. Подъ такимъ общимъ заглавіемъ въ изящно изданной большой книгѣ (48 страницъ) помѣщены четыре повѣсти и одинъ небольшой эскизъ. Первая повѣсть, озаглавленная *Силуэты*, была напечатана нѣсколько лѣтъ назадъ въ нашемъ журналѣ, и намъ, конечно, извѣстно, что авторъ книги—женщина; теперь, прочитавши рядъ ея произведеній, мы считаемъ себя вправѣ сказать, что она—талантливая писательница, одаренная чуткою и отзывчивою душой, любящая правду настолько, что имѣетъ смѣлость высказывать ее, не раздумывая надъ тѣмъ, какъ

отнесется кто къ убѣжденіямъ автора. Эту искренность мы особенно высоко цѣнимъ потому, что г-жа Хинъ пылко вступаетъ за наиболѣе обездоленныхъ и презираемыхъ въ лучшей изъ своихъ повѣстей, носящей заглавіе *Не ко двору*. Дѣло идетъ о дѣвучкѣ-еврейкѣ, получившей прекрасное образованіе и оставшейся сиротой безъ всякихъ средствъ. Авторъ вводитъ насъ въ кругъ богатой буржуазіи, среди которой семья Сары ничѣмъ не отличается отъ коммерсантовъ Москвы, Харькова, Одессы, кромѣ религіи, то-есть различія такого рода, до котораго обществу не должно быть дѣла. Тѣмъ не менѣе, это религіозное различіе, это „жидовство“ рано начинается тяжело отзываться на чистѣйшей идеалистѣ Сарѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать ей гнетъ отверженія, лежащій на ея единовѣрцахъ. Почти нечувствительный для богатыхъ, онъ беспощадно давитъ бѣдоту, и нужны особенно счастливыя обстоятельства для того, чтобы сколько-нибудь сносно было жить человѣку, которому не удалось пріобрѣсти крупнаго состоянія. Въ домѣ богатой тетки и Сарѣ жилось бы недурно, если бы сама тетка не изводила ее своимъ правомъ богатой старухи, а Сара была бы въ состояніи примириться со всѣмъ, обычнымъ въ провинціально-буржуазной обстановкѣ. Сара не смирилась, вопреки желанію тетки вышла замужъ за человѣка по душѣ и уѣхала въ Петербургъ, гдѣ бодро переносила лишенія трудовой жизни. Но и это малое исчезло, когда мужъ ея былъ за что-то арестованъ и куда-то исчезъ. Съ крошкой дочерью на рукахъ Сара пустилась на поиски заработка; вездѣ ей попережъ дороги становилось ея „еврейство“, даже въ домахъ миллионеровъ евреевъ, лѣзущихъ въ финансовыя тузы. Оставалось на выборъ: ѣхать съ повинною къ теткѣ или послѣдовать совѣту француженки, рекомендующей гувернантокъ... Сара предпочла нищету и къ теткѣ обратилась только въ послѣдней крайности, когда опасно заболѣла ея дѣвочка. Тетка пріѣхала въ Петербургъ, по телеграммѣ Сары, ребенка въ живыхъ не застала и увезла къ себѣ убитую горемъ племянницу. Нѣсколько оправившись, молодая женщина вторично убѣдилась, что жить у тетки нѣтъ возможности, что „не ко двору“ она и тутъ. Благодаря помощи своего бывшаго учителя, Сара получила мѣсто гувернантки въ богатомъ барскомъ домѣ на Волгѣ, гдѣ хозяйка стала выдавать ее за француженку. При всѣхъ своихъ недостаткахъ и слабостяхъ, хозяйка-генеральша и двѣ ея дочери оказались особами недурными, вѣрнѣе же — сносными, и Сара ужилась бы у нихъ, если бы на какомъ-то пиру одинъ сосѣдъ не вздумалъ рассказывать о томъ, какъ „жидовъ погромили“, при чемъ позволилъ себѣ, къ сожалѣнію, довольно обычныя у насъ, непристойныя выходки противъ пострадавшихъ отъ дикой расправы. Сочувствіе гостей раскатику, глумленіе надъ несчастными и позорная ругань вывели изъ терпѣнія Сару, она вступилась за своихъ единовѣрцевъ и объявила, что она „жидовка“. Это не помѣшало, однако, по своему добрымъ хозяйкамъ уговорить Сару остаться въ домѣ до свадьбы меньшей дочери генеральши. Частымъ гостемъ у нихъ бывалъ очень богатый и блестящій сосѣдъ Коломинъ. Онъ полюбилъ Сару, она его любила, препятствіемъ ихъ браку и счастью представлялось одно обстоятельство — невозможность для русскаго жениться на еврейкѣ. „Переменяйте вѣру, — умоляетъ онъ Сару, — вѣдь, это простая формальность, обрядъ. Для такой женщины, какъ вы, существуетъ лишь одна религія — добра и справедливости, которая совсѣмъ не обуславливается тою или другою церковью...“ — „Конечно, — отвѣтила Сара, — нѣсколько

лѣтъ назадъ я разсуждала бы такъ же, какъ вы. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Мои мечты о братствѣ людей, о родинѣ оказались жалкою ребяческою иллюзіей. Слушайте, я считала себя съ дѣтства русскою, думала и говорила по-русски, мое ухо съ колыбели привыкло къ звукамъ русской пѣсни... Все это осмѣяли, забрызгали грязью. Я испытала на себѣ весь ужасъ положенія несчастнаго незаконнорожденнаго ребенка, приставшаго къ чужой семьѣ. Я стучалась у всѣхъ дверей, протягивая за работой исхудалыя отъ голода руки, и всюду встрѣчала отказъ... Жидовка!—это слово горѣло на моемъ лбу, какъ жгучее, поворное клеймо проклятiя. Мнѣ даже великодушно предложили продать себя, потому что жидовскою красотой и деньгами христіане вѣдь не брезгаютъ"... Мы сокращаемъ: „Все это прошло, какъ плеть, по моему тѣлу, оставивъ на немъ вѣчные, кровавые рубцы... и я отвернулась отъ васъ, не хотѣвшихъ признать за мною того, въ чемъ вы даже собакамъ своимъ не отказываете,—вѣдь, собаки ваши свободно бѣгаютъ и живутъ, гдѣ хотятъ,—и всею измученною душою своей я прилѣпилась къ этимъ гонимымъ, невѣжественнымъ, забитымъ евреямъ... И вдругъ, теперь... громогласно отречься отъ нихъ... перейти въ лагерь самодовольныхъ и ликующихъ... Милый мой, я люблю тебя, какъ душу, но никогда за тебя не пойду!“ Сара уѣхала и не перенесла утраты послѣдней надежды на возможность счастья... И во всѣхъ своихъ повѣстяхъ г-жа Хинъ вступаетъ такъ же пламенно за слабыхъ, угнетенныхъ и несчастныхъ, вездѣ и неизмѣнно остается она вѣрною одной религіи—добра и справедливости, и, что всего выше, эта глубоко-симпатичная писательница съ непоколебимою мягкостью, истинно гуманно, относится къ порочнымъ, испорченнымъ и озлобленнымъ. Въ самой, казалось бы, заглубленной душѣ, одичавшей отъ самодурства, озвѣрѣлой отъ пьянства (повѣсть *На старую тему*), она своимъ чуткимъ ухомъ умѣетъ различить самые нѣжные звуки и ясно передать ихъ, вызывая жалость къ павшимъ, сочувствіе къ страдающимъ, хотя бы и по своей винѣ. При этомъ у г-жи Хинъ нигдѣ нѣтъ нытья и слащавости, вездѣ бьютъ ключомъ бодрья силы и живая энергія. Герои и героини повѣстей теряются иногда подъ ударами судьбы, но всегда находятся добрые люди, поддерживаютъ изнемогающихъ, и тѣ опять поднимаютъ головы, продолжаютъ биться до конца. И въ большинствѣ случаевъ однимъ спасаетъ истинный талантъ (*Силуэты*), другихъ живое дѣло (*На старую тему*), третьихъ дѣятельная любовь къ ближнимъ (*Наташа Крилицкая*). Въ произведенiяхъ г-жи Хинъ нѣтъ крупныхъ оригинальныхъ типовъ, это — „знакомыя все лица“, но авторъ ставитъ ихъ, по большей части, въ такія положенiя, въ которыхъ мы ихъ не видали, и въ уста ихъ вкладываетъ иногда такія рѣчи, какихъ мы не слыхали. Все это придаетъ несомнѣнный интересъ повѣстямъ г-жи Хинъ, написаннымъ хорошимъ литературнымъ языкомъ, рукою нервной до страстности женщины. У писательницы есть въ достаточной мѣрѣ то, что Тургеневъ называлъ „выдумкой“, въ повѣствованiяхъ же ея нѣтъ ничего „придуманнаго“, т. - е. дѣланнаго и насильно притянутаго ради эффекта. Хорошіе люди и дурные, добрые и злые, честные и порочные живутъ, любятъ, угнетаютъ ближнихъ или помогаютъ имъ, страдаютъ, выходятъ изъ борьбы побѣдителями или погибаютъ одинаково просто, какъ это бываетъ въ дѣйствительной жизни. И если есть дурные, злые и порочные, то вы чувствуете, что не злодѣи они по натурѣ, а стали такими въ силу разныхъ обстоятельствъ, плохого воспитанiя, неразвитости, неудачно сложившейся жизни, всего

же чаще — вслѣдствіе властвующихъ надъ обществомъ закоренѣлыхъ предрасудковъ и фальши, доходящей до поголовнаго обмана всѣхъ всѣми и до самообмана, что, взятое вмѣстѣ, ведетъ къ совершенному извращенію нравственныхъ понятій, къ искаженію хорошихъ отъ природы, но слабыхъ натуръ. Правдую и жизненно и то, что такіе изломанные и слабые люди способны отравить жизнь самыхъ сильныхъ, довести до отчаянія самыхъ энергичныхъ, какъ то дѣлаетъ врачъ-мужъ съ своею женой художницей въ *Смуглякъ*, Андрей Обуховъ съ своими сестрами, его отецъ и мать со всею семьей, Мартыновъ съ женой — въ повѣсти *На старую тему*, легкомысленная красавица Криницкая съ своею дочерью Наташей — въ повѣсти *Наташа Криницкая*, тетка и толпа провинціальныхъ барынь и господъ съ Сарой — въ повѣсти *Неко двору*. Не злодѣи всѣ они въ душѣ, многіе изъ нихъ даже добродушны, только они — эгоисты, и этого „только“ вполне достаточно для того, чтобы извести въ конецъ близкихъ имъ и по-своему любимыхъ ими людей, отъ чего нерѣдко страдаютъ сами же эгоисты, когда разсѣбгаются отъ нихъ или гибнуть доведенныя до крайности жертвы ихъ себялюбія. Общая мысль автора, проходящая черезъ всѣ его произведенія, опредѣлена и ясна: это — призывъ къ взаимной дѣятельной любви и къ доброжелательству, къ созданію такихъ семейныхъ и общественныхъ отношеній, при которыхъ въ семьѣ и обществѣ можно было бы жить „по-человѣчески“...

Художники. Очерки и рассказы В. М. Михеева. Изд. О. А. Куманина. М., 1894 г. Цѣна 1 р. Заглавіе довольно заманчиво, и читатель вправѣ ждать разнообразныхъ типовъ художниковъ, или, по меньшей мѣрѣ, живыхъ лицъ въ обстановкѣ, нѣсколько отличающейся отъ той, въ которой живутъ люди другихъ профессій, предполагая, что подъ наименованіемъ „художники“ надо разумѣть живописцевъ, а не вообще людей, одаренныхъ художественнымъ творчествомъ. Разочарованіе читателя начинается съ перваго рассказа, озаглавленнаго *Художникъ съ тайтъ*. Художникъ Бушаниновъ плыветъ въ лодкѣ по рѣкѣ Ленѣ въ компаніи съ повѣреннымъ золотопромышленника. Бушаниновъ смотритъ, авторъ описываетъ, что Бушаниновъ видитъ, — выходитъ старо, знакомо и скучновато. Доплыли до какого-то села, на берегу хоровадь, художникъ рисуетъ оборванныхъ мужиковъ и дѣвочъ въ альбомѣ, авторъ рассказываетъ, въ чемъ они одѣты, какіе у нихъ „зобы“ и какъ мужики презрительно относятся къ женской части населенія. Пришелъ пароходъ, мужики и женщины бросидисъ грузить дрова, спѣшатъ заработать гривенники... „Бушаниновъ все смотрѣлъ. Мрачная картина окончательно созрѣвала въ его воображеніи, въ его душѣ, и уже настойчиво просилась на полотно“. Сказать по правдѣ, ради этого не стоило забираться въ тайгу и на Лену, всего этого у насъ дома довольно, не хватаетъ развѣ только „зобовъ“. Вычиталъ авторъ въ какой-то „газетной корреспонденціи“, что одинъ провинціальный „любитель драматическаго искусства“ духовнымъ завѣщаніемъ „отказалъ свой черепъ мѣстному театру съ тѣмъ, чтобы черепъ этотъ *подъ видомъ черепа* (sic) Юрика употреблялся при представленіяхъ Гамлета“. Газетный курьезъ понравился автору, вдохновилъ его, и г. Михеевъ написалъ рассказъ *Черепъ Юрика*. „Бѣдный Юрикъ!“... Авторъ знаетъ, однако, что въ Россіи не такъ-то легко исполнить подобное завѣщаніе, а потому своего „любителя“ отправляетъ умирать во Флоренцію, откуда подруга жизни „любителя“ привозитъ эту диковинную „бутафорскую принадлежность“ и передаетъ по назначенію провинціаль-

ному актеру, который съ этимъ черепомъ въ рукахъ блистательно разыгрываетъ Гамлета. Въ очеркѣ *Жертва искусства* рассказано о томъ, какъ пьяные буяны убили въ кабакѣ юношу, рисовавшаго въ альбомѣ типы пропойць. Въ рассказѣ *Минигъ*, землемѣръ и его кухарка характернѣе „художника“ и заслоняютъ собою его некрупную фигурку. Изъ всѣхъ „художниковъ“ мы считаемъ наиболѣе удавшимся автору „знаменитаго портретиста“ Батурина, настоящаго художника, измотавшаго свой талантъ въ погонѣ за славой и деньгами заказнымъ писаньемъ дорого оплачиваемыхъ портретовъ. Рассказъ, въ которомъ онъ изображенъ, озаглавленъ *Красота*, написанъ живо и производитъ настоящее, доброе впечатлѣніе; по нашему мнѣнію, онъ лучшій въ книжкѣ. Всѣхъ рассказовъ восемь. Изданіе чистенькое, одно въ немъ намъ не нравится—стремленіе издателя къ оригинальничанью выставленіемъ цифровой помѣтки страницъ не вверху, а внизу страницъ. Мы къ этому не привыкли, цифры неприятно мелькаютъ, лѣзутъ въ глаза, и ни на что это не нужно.

Стихотворенія А. М. Ѳедорова. Изд. И. Г. Совѣтова. М., 1894 г. Цѣна 1 р. Въ книжкѣ напечатано 104 стихотворенія, весьма различнаго достоинства по существу, но обличающихъ несомнѣнное и симпатичное поэтическое дарованіе автора. Стихъ вездѣ гладкій, мѣстами звучный и образный, иногда сильный, и лишь рѣдко срывающійся на искусственныхъ удареніяхъ, да еще на словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ и неподходящихъ къ тону даннаго произведенія. Поэтическіе образы по большей части красивы и удачно схвачены чуткостью писателя, отзывчиваго ко всему прекрасному, свободно поддающагося настроенію, вызываемому картинами природы: блескомъ звѣзднаго неба, плескомъ моря, шумомъ лѣса... Въ авторѣ намъ особенно привлекательна его жизнерадостность и бодрость душевная, жажда свѣта. Правится намъ въ молодомъ поэтѣ его искренность, отсутствіе притворства и дѣланыхъ скорбей, до чего такъ падки юные стихотворцы, натуживающіеся напускнымъ разочарованіемъ и жалкими словами ввести въ заблужденіе читателя. Г. Ѳедорову не чужды элегическіе и грустные мотивы, но тѣмъ больше они производятъ впечатлѣніе, что они являются правдивымъ выраженіемъ дѣйствительной грусти, набѣгающей на душу поэта. Первымъ въ книжкѣ г. Ѳедорова помѣщено стихотвореніе *На мотивъ изъ Горация*; изъ него мы приводимъ лишь вторую половину первой строфы и конецъ:

... „Нѣтъ, друзья! Душа моя полна
Живой поэзіи, святой и благородной,
Какъ пѣсня соловья,—восторженной, свободной,
Кипучей, какъ струя янтарнаго вина“.

... „Блаженъ удѣлъ пѣвца,
Извѣдавшаго всѣ восторги вдохновенья;
Блаженъ удѣлъ того, кто пѣснями въ сердца
Вливаетъ счастье и свѣтлое забвеніе!“

Такъ и поступаетъ молодой поэтъ, но далеко не отдѣливается одною сладкогласною лирикой: добрая, живая мысль дѣлаетъ свое дѣло въ изящныхъ и нѣжныхъ образахъ, какъ въ стихотвореніи *Принцесса Ильза*, *Королева цѣптовъ*, *Два ангела* и др. Въ сборникѣ г. Ѳедорова есть, разумѣется, и слабыя произведенія, таковыхъ даже не мало, но авторъ обладаетъ однимъ крупнымъ достоинствомъ: онъ никому не подражаетъ, ни подъ кого не поддѣлывается, ни чьимъ влияніямъ не поддается, а живетъ и поетъ самъ по себѣ. Не крупна пока

его муза, но она, непререкаемо, его; она имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы расти и вырасти, а мы можемъ только отъ души пожелать, чтобы развилась она свободно, шла впередъ тѣмъ же прямымъ путемъ и крѣпла собственною силой.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Критическій разборъ романа *Отцы и дѣти* И. С. Тургенева“. В. Зелинскаго. — „Критическіе разборы романа *Братья Карамазовы* Ф. М. Достоевскаго“. Его же. — „Основы церковно-приходской жизни“. Сялц. Г. Фуделя. — „Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ“. Его же.

В. Зелинскій: 1) Критическій разборъ романа „Отцы и Дѣти“. И. С. Тургенева и 2) Критическіе разборы романа Ф. М. Достоевскаго „Братья Карамазовы“. Москва, 1894. Цѣна 35 коп.+50 коп. Выступая 10 лѣтъ тому назадъ съ изданіемъ въ свѣтъ *Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева*, г. Зелинскій закончилъ свое предисловіе къ этой книгѣ словами, что „отъ большей или меньшей полезности ея будетъ зависѣть печатаніе имъ цѣлаго ряда подобныхъ сборниковъ критическихъ статей о произведеніяхъ новѣйшихъ русскихъ популярныхъ писателей“. Всего черезъ годъ, въ предисловіи, предпосланномъ *Историко-критическому комментарию къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго*, тотъ же г. Зелинскій заявляетъ: „Сравнительный успѣхъ двухъ выпусковъ упомянутой (первой) книги оправдалъ мои надежды и тѣмъ самымъ заставилъ меня приняться съ большею энергіей и смѣлостью за дальнѣйшую работу въ этомъ направленіи“. Вслѣдъ за тѣмъ одинъ за другимъ въ свѣтъ появляются сборники критическихъ статей о произведеніяхъ Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, гр. Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, а когда изданіе сборниковъ критикъ произведеній Тургенева и Достоевскаго оказывается распроданнымъ, нашъ составитель приступаетъ ко вторымъ изданіямъ. Повсюду у него одна и та же цѣль: онъ желаетъ разъяснить главный смыслъ произведеній того или иного писателя, „путемъ объективнаго сопоставленія различныхъ критическихъ о нихъ отзывовъ“; онъ не вноситъ ни въ одну изъ своихъ книгъ „ничего личнаго, субъективнаго, а подобравъ только разнообразныя критическія выдержки, большею частью за и противъ, имѣетъ въ виду дать читателямъ продотворную умственную работу, состоящую въ сравненіи и комбинированіи тѣхъ и другихъ отзывовъ объ одномъ и томъ же произведеніи по отношенію ихъ къ своему собственному непосредственному мнѣнію о томъ же произведеніи“ (предисл. къ *Сбор. критическихъ матеріаловъ для изученія произвед. И. С. Тургенева*, стр. 3). Подобной цѣли, по нашему мнѣнію, нельзя не сочувствовать: тутъ дѣло касается самостоятельной умственной работы, и въ сборникахъ, очевидно, существуетъ нужда, если въ сравнительно короткое время они раскупаются и требуютъ новыхъ изданій.

Сейчасъ передъ нами *Критическій разборъ романа „Отцы и Дѣти“ И. С. Тургенева* и *Критическіе разборы романа Ф. М. Достоевскаго „Братья Карамазовы“*. Первые составляютъ перепечатку безъ измѣненій изъ *Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева*, вторые же являются полезнымъ дополненіемъ ко второму изданію *Критическаго комментарія къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго*, гдѣ находимъ отзывы и разборы Л. Оболенскаго, Е. Мар-

кова, М. Антоновича, Н. Звѣрева, Н. Михайловскаго и друг. Не со-
всѣмъ понятно одно: чѣмъ руководился г. Зеллискій, когда стель нуж-
нымъ издать разборъ *Отцовъ и дѣтей* отдѣльныхъ выпусковъ и рабѣ
другихъ произведеній того же Тургенева?

Основы церковно-приходской жизни. Свящ. І. Фуделя. Москва,
1894 г. Цѣна 30 коп.—Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ.
Его же. Москва, 1894 г. Въ этихъ двухъ брошюрахъ авторъ раз-
виваетъ одну мысль о неудовлетворительности нынѣшнихъ приход-
скихъ попечительствъ. Онъ говоритъ: „Начала, положенныя въ
основу организаціи попечительствъ, тѣ же, что были положены въ
основу всѣхъ почти учреждений 60 годовъ: *выборы и раздѣленіе вла-
сти*“. Этихъ началъ авторъ не одобряетъ; по его мнѣнію, „приход-
скій священникъ, какъ пастырь прихода, какъ лицо, принявшее на себя
отвѣтственность за каждую вѣренную ему душу, является *естествен-
нымъ главой* всякаго учрежденія, связаннаго съ церковью и приходомъ“.
А разъ священникъ есть „глава“ всѣхъ учреждений прихода, то ни-
какихъ выборовъ существовать не должно и „глава“ набираетъ себѣ
помощниковъ по своему усмотрѣнію. Ни о какихъ ограниченіяхъ та-
кой „пастырской“ власти въ сочиненіяхъ священника І. Фуделя не
упоминается. Изъ этого мы вправѣ заключить, что авторъ считаетъ
нужнымъ отмѣнить всякіе выборы и предоставитъ приходскому свя-
щеннику власть назначать, прежде всего, ближайшаго себѣ помощни-
ка—церковнаго старосту, затѣмъ — попечителей школъ, богадѣленъ,
пріютовъ, ихъ смотрителей, учителей и т. д. Съ правомъ назначать
неразрывно связано и право увольнять, смѣнять лицъ, которыхъ „гла-
ва“ найдетъ непригодными. Такимъ образомъ, всякое *раздѣленіе власти*
исчезнетъ, а будутъ лишь „пастырь и пасомые“. Авторъ благосклон-
но относится къ „обществамъ трезвости“, но и ими не удовлетворяется
потому, что эти общества преслѣдуютъ задачи только религиозно-нрав-
ственной, а этого, по мнѣнію автора, слишкомъ мало даже въ томъ
случаѣ, когда общество трезвости существуетъ рядомъ, параллельно
въ одномъ приходѣ съ попечительствомъ, учрежденіемъ только „благо-
творительнымъ“. Это раздѣленіе задачъ и обязанностей не нравится
священнику І. Фуделю такъ же, какъ и раздѣленіе власти. Попечи-
тельствамъ и обществамъ трезвости авторъ предпочитаетъ „церковно-
приходскія братства“ и вотъ что говоритъ о нихъ: „Въ каждомъ при-
ходѣ всегда найдется нѣсколько прихожанъ (мужчинъ и женщинъ),
которые выдѣляются изъ общей толпы и своею любовью къ храму, и
своею высокою религиозно-нравственною жизнью, и своимъ послуша-
ніемъ уставу церкви и голосу пастыря. Такихъ лицъ, хотя бы ихъ
было, на первыхъ порахъ, не болѣе трехъ-четырехъ, пастырь выдѣ-
литъ и объединитъ“... „Въ основѣ этого братства будутъ положены:
естественное *магнетство* пастыря, *единство* съ избранными имъ самимъ
помощниками себѣ и *солидарность* ихъ всѣхъ въ намѣченной цѣли“.
Далѣе авторъ говоритъ о разнообразіи цѣлей, намѣчаемыхъ пасты-
ремъ, и восклицаетъ: „Какъ все это просто и какъ красиво! Какое
разнообразіе осуществляемыхъ задачъ, какой просторъ для жизни и
какое, въ то же время, дивное *единство формы!*“ (Курсивы всѣ ав-
торскіе). На самомъ дѣлѣ, „просто“ это очень, а насколько „красиво“—
это вопросъ, по которому мнѣнія могутъ быть разныя. Въ началѣ сво-
ей первой брошюры авторъ говоритъ: „Всякая проповѣдь есть обоюдо-
острое оружіе; основанная на примѣрѣ лично-христіанской жизни са-
мого проповѣдника, она глубоко врѣзывается въ сердца слушателей;

не подтверждаемая этимъ примѣромъ, не основанная на немъ, она, не достигая своей цѣли, часто наноситъ порѣзы самому неосторожному проповѣднику“. На слѣдующей страницѣ мы читаемъ укору автора мѣрянамъ за „чрезвычайно строгое отношеніе къ порокамъ духовенства“ и за „болѣе легкій взглядъ народа на свои собственныя слабости и пороки“. „Если священникъ, — продолжаетъ авторъ, — является примѣръ христіанской жизни, то это такъ и нужно, потому что онъ „батьюшка“, „а ужъ намъ, простымъ людямъ, гдѣ же такъ жить“... Авторъ полагаетъ, что не должно существовать „двухъ критеріевъ нравственной высоты: одного для служителей алтара, для пастыря, другого — для пасомыхъ“... Мы же думаемъ, что такъ и быть должно и быть иначе не можетъ, и что авторъ по неосторожности себя самому „наноситъ порѣзы“. Изъ приведенныхъ словъ автора явствуетъ, — какъ то есть и въ дѣйствительности, — что „батьюшки“ бываютъ разные, хорошіе и подверженные слабостямъ и порокамъ, а потому мы вправѣ думать, что при „главенствѣ“ пастыря, не являющаго примѣра христіанской жизни, многое очень „простое“ можетъ оказаться на дѣлѣ совсѣмъ не „красивымъ“ и *единство формы*, которою такъ умиляется авторъ, перестанетъ быть „дивнымъ“, превратится, пожалуй, въ нѣчто совершенно диковинное и нежелательное. При идеальныхъ пастыряхъ, одушевленныхъ истинно-христіанскою любовью къ своей паствѣ, чуждыхъ гордыни, властолюбія и честолюбія, православный священникъ, безъ всякаго формальнаго *мавенства*, будетъ „добрымъ пастыремъ“ и счумѣетъ вести паству свою не силой и принужденіемъ, а своимъ нравственнымъ вліяніемъ, не нуждающимся въ „Положеніяхъ“, не прибѣгающимъ къ „пастырской политикѣ“, о которой говоритъ священникъ І. Фудель (стр. 7 первой брошюры). Простота и красота — въ христіанской любви, высшемъ проявленіи гуманности и справедливости, а не въ „главенствѣ“ однихъ и обязательномъ подчиненіи другихъ.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И БІОГРАФІИ.

„Исторія скандинавской литературы съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней“. Ф. В. Горна. — „Жизнь замѣчательныхъ людей“. Изд. Ф. Павленкова.

Исторія скандинавской литературы съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Фредерика Винкеля Горна. Съ приложеніемъ этюда Ф. Швейцера: „Скандинавское творчество новѣйшаго времени“. Перев. К. Бальмонта. Изд. Солдатенкова. Москва, 1894 г. Цѣна 2 р. 50 к. Интересъ, какой возбудила къ себѣ за послѣднее время скандинавская литература въ Европѣ, въ особенности у насъ, дѣлаетъ весьма умѣстнымъ появленіе этой книги. Имена Ибсена, Бьёрнсона и др. скандинавскихъ писателей въ настоящее время очень популярны среди широкаго круга читателей. „И надо думать, — справедливо замѣчаетъ переводчикъ, — что хотя въ этомъ увлеченіи скандинавскою литературой участвуютъ въ значительной степени элементы чисто-внѣшніе (какъ, наприм., мода), тѣмъ не менѣе, основная причина такого увлеченія имѣетъ характеръ болѣе глубокой и коренится въ душевномъ складѣ русскаго читателя. Есть нѣчто тѣсно сближающее насъ съ нашими сѣверными собратьями. И русскимъ, и скандинавамъ въ одинаковой степени свойственны тѣ черты, которыя дѣлаютъ нашу литературу популярной въ Скандинавіи и скандинавскую — въ Россіи. Эти

черты: широкий размах мысли и чувства, неутолимая жажда героизма, идеалистическая мечтательность, глубокая грусть и горькій юморъ. Мы выросли подъ однимъ и тѣмъ же туманнымъ небомъ; съ самаго дѣтства намъ пѣла пѣсни одна и та же сѣверная метель⁴. И, однако, мы до крайности мало знакомы съ исторіей литературы нашихъ сѣверныхъ сосѣдей, кромѣ историческаго очерка Диллена, помѣщеннаго въ специальномъ изданіи (*Всеоб. исторія литерат.*, изд. подъ ред. А. Кирпичникова), на русскомъ языкѣ по этому предмету ничего еще не появлялось. Переводъ книги Горна своевременно и съ успѣхомъ заполняетъ этотъ пробѣлъ. Это весьма добросовѣстный и основательный трудъ, обнаруживающій въ авторѣ обширную эрудицію. Кромѣ цѣннаго матеріала, предлагаемаго въ изложеніи, книга изобилуетъ массой библиографическихъ указаній по литературѣ предмета, что дѣлаетъ ее полезнымъ пособіемъ для желающихъ изучить предметъ специально. Исходя изъ взгляда, что скандинавскія народности въ духовномъ отношеніи представляютъ изъ себя однородное національное цѣлое, авторъ старается разсматривать литературу ихъ въ тѣсной взаимной связи и дѣлитъ свой трудъ на три части: древне-скандинавско-исландская литература, куда входитъ и ново-исландская литература, стоящая въ непосредственной связи съ древней; датско-норвежская литература, начиная отъ среднихъ вѣковъ и до нынѣшняго столѣтія, положившаго начало обособленію этихъ литературъ, развитіе которыхъ въ XIX вѣкѣ разсматривается въ отдѣльности; наконецъ, шведская литература, обособленіе которой также начинается въ средніе вѣка. Каждая часть раздѣлена на эпохи, отмѣченныя наиболѣе характерными признаками въ ходѣ литературы.

Къ замѣтнымъ недостаткамъ книги нужно отнести сжатость и сухость изложенія. Хотя авторъ въ предисловіи заявляетъ, что онъ старался возбудить общій интересъ, нарисовать картину литературныхъ событій, въ ихъ тѣсной и непрерывной связи съ культурно-историческими отношеніями, но это ему не совсѣмъ удастся. При сравнительно небольшомъ объемѣ труда (310 стр.), въ немъ собрано столько фактическихъ свѣдѣній, справочнаго матеріала, что часто обще-историческій интересъ ускользаетъ отъ читателя. Авторъ съ излишнею добросовѣстностью перечисляетъ часто незначительныхъ писателей, аккуратно сообщаетъ даты ихъ рожденія и смерти и названія ихъ сочиненій, такъ что рѣдкая страница не испещрена десятками именъ, названій и цифръ; ошлошь и рядомъ встрѣчаются имена писателей, которымъ отводится не болѣе пяти строкъ. Благодаря этому, характеристики болѣе крупныхъ литературныхъ дѣятелей вышли довольно сжатыми, а литература XIX вѣка представлена въ очень краткомъ видѣ.

Полюбо другихъ изложена древне-скандинавская литература. Несмотря на указанные недостатки, трудъ Горна, какъ основательная и научная работа, представить несомнѣнный интересъ для многихъ и въ особенности будетъ полезенъ для тѣхъ, кто желаетъ подробно познакомиться съ скандинавскою литературой. Недостаточный обзоръ новѣйшей литературы очень удачно пополненъ содержательнымъ этюдомъ Швейцера, гдѣ дается подробное знакомство съ такими писателями, какъ Ибсенъ, Бьернсонъ, Драхманъ, Шандорфъ и др. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель именъ. Языкъ перевода вполне удовлетворителенъ.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая бібліотечка Ф. Павленкова: Иванъ IV Грозный, Е. А. Соловьева. — Богданъ

Хмельницкій, Яковенко. — М. С. Щепкинъ, А. А. Ярцева. То, что мы говорили въ прошлый разъ о приемахъ г. Соловьева, вполне примѣнимо и къ его новому очерку. Авторъ пишетъ умѣло и интересно, даетъ тонкій и остроумный психологическій анализъ, но въ своемъ стремленіи дать болѣе опредѣленное и яркое освѣщеніе личности доходитъ до односторонности. Въ характеристикѣ Ивана IV г. Соловьевъ примѣнилъ исключительно психологическій, лучше сказать—психіатрический, методъ и, нужно отдать ему справедливость, примѣнилъ его очень удачно. „Наслѣдственное предрасположеніе и мерзость воспитанія“ способствовали развитію у Грознаго особой формы душевнаго расстройства (*moral insanity*), наиболѣе существенными симптомами которой были жестокость и эротическое иступленіе; болѣзненно развитое воображеніе, слабостіе, трусость и подозрительность были признаками той же болѣзни. Таковъ взглядъ автора на личность Ивана IV, и эта точка зрѣнія проведена послѣдовательно и остроумно отъ начала до конца. Характеристика получается сильная и рѣзкая, но нѣсколько односторонняя. Задавшись цѣлью изобразить грознаго царя, какъ явленіе патологическое, авторъ занялся, главнымъ образомъ, психологическимъ анализомъ личности, мало касаясь государственной дѣятельности Ивана IV или касаясь ея постольку, поскольку это подтверждало его точку зрѣнія. Отказывая Грозному во всякой оригинальности, г. Соловьевъ лучшей стороны его государственной дѣятельности приписываетъ влиянію окружающихъ его лицъ и потому считаетъ ее не имѣющей существеннаго значенія для выясненія личности. Какъ бы тамъ ни было, но такіе крупные факты, какъ судебникъ Ивана IV, его земскія реформы, земскій и стоглавый соборы, должны были найти мѣсто въ этомъ очеркѣ и сообщили бы ему болѣе историческаго интереса. Не обходится также и безъ противорѣчій. Коротко характеризуя государственную дѣятельность Грознаго, авторъ признаетъ, что его внѣшней политикѣ нельзя отказывать въ широтѣ и блескѣ замысловъ, а въ другомъ мѣстѣ (стр. 29) говорить, что Ливонскую войну царь затѣялъ просто по духу противорѣчія. Тѣмъ не менѣе, очеркъ г. Соловьева читается съ живымъ интересомъ. Въ заключеніе авторъ даетъ слѣдующую краткую, но сильную оцѣнку царствованія Грознаго: „Что бы ни говорили намъ о блескѣ его правленія, мы никогда не должны забывать о главномъ результатѣ его, этотъ результатъ—развращеніе народа... Ужасы монгольскаго ига, выработавшіе въ русскомъ характерѣ такую приниженность, забитость, привычку отражать пассивно всѣ бѣды, были доведены Грознымъ до крайности... Какъ государь, Грозный совершилъ величайшее преступленіе, уничтожая въ народѣ все выдающееся, героическое, славное“.

Г. Яковенко далъ обстоятельную біографію Богдана Хмельницкаго. Очеркъ не отличается живостью изложенія, но содержателенъ. Авторъ предварительно знакомитъ съ главными моментами исторіи Малороссіи, происхожденіемъ козачества, положеніемъ населенія и т. п. Такимъ образомъ, Богданъ Хмельницкій является въ очеркѣ какъ главное лицо исторической драмы, его жизнь и дѣятельность разсматриваются въ тѣсной связи съ ходомъ развитія этой драмы. Характеристика знаменитаго гетмана безпристрастна и разностороння; указывая на значеніе и крупныя заслуги Хмельницкаго, авторъ не скрываетъ нигдѣ и его слабыхъ сторонъ.

Интересно и живо написана г. Ярцевымъ біографія Щепкина. Кроме подробнаго изложенія жизни и дѣятельности великаго артиста, ав-

торъ попутно знакомить съ условіями театральнаго дѣла въ описываемую эпоху, рисуетъ общественное положеніе актеровъ того времени, какъ свободныхъ, такъ и крѣпостныхъ. Очень удачна и характеристика Щепкина, ярко обрисовывающая глубоко-симпатичный образъ этого „артиста-человѣка“. Въ концѣ очерка приложены краткія біографіи и характеристики артистовъ: Мочалова, Каратыгина, Мартынова и Садовскаго.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Доброволецъ Петербургъ“. С. Н. Южакова.

Доброволецъ „Петербургъ“. Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. С. Н. Южакова. Изд. ред. журн. „Русское Богатство“. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Книга эта составлена изъ ряда статей, помѣщенныхъ ранѣе въ повременныхъ изданіяхъ и теперь собранныхъ, дополненныхъ и объединенныхъ. Г. Южакову пришлось провести полтора года во Владивостоцѣ, и это пребываніе, равно какъ путевыя впечатлѣнія во время поѣздки, доставили ему богатый и разнообразный матеріалъ для настоящихъ очерковъ. Книга состоитъ изъ двухъ частей: первая содержитъ въ себѣ очерки природы и жизни нашей далекой Уссурійской колоніи и носитъ названіе *Въ страну хун-хузоговъ и туманоговъ*, въ другой (*На теплыхъ водахъ*) собраны наблюденія и впечатлѣнія автора во время плаванія по океану и короткихъ остановокъ въ разныхъ мѣстахъ. Для насъ, конечно, особенный интересъ представляетъ первая часть, рисующая бытъ окраины, гдѣ создается теперь новая жизнь. Г. Южаковъ — не художникъ, но наблюдательный и живой умъ автора, его чуткое отношеніе къ вопросамъ общественной жизни сообщаютъ его очеркамъ большой интересъ. Тяжелы и грустны впечатлѣнія автора отъ пребыванія во Владивостоцѣ; съ горькою ироніей относится онъ къ громкимъ фразамъ объ этой будто бы „восточной Америкѣ“, заслуживающей скорѣе всего названія „бѣлой Хун-Хузи“ (хун-хузы — китайскіе разбойники, отъ которыхъ страдаютъ наши инородцы въ этомъ краѣ).

Постройка желѣзно-дорожной линіи, поднявшая пульсъ мѣстной жизни, въ особенности даетъ поводъ ярко обнаруживаться типическимъ общественнымъ чертамъ. „Мысль, что государство производитъ расходы не для того только, чтобы набить карманы бѣлокожимъ хун-хузамъ Владивостока (такъ называетъ авторъ владивостокскихъ „гражданъ“), повидимому, совершенно непонятна этимъ невиннымъ головамъ. Они совершенно искренно возмущаются расчетливымъ хозяйствомъ главнаго строителя дороги“. Этимъ, главнымъ образомъ, объясняется и то недоброежелательство, съ которымъ отнеслось мѣстное общество къ сооруженію желѣзной дороги, обманувшему ихъ аппетиты.

Безъ сомнѣнія, лучшая будущность ожидаетъ этотъ край; заселеніе страны, проложеніе путей сообщенія, энергическая борьба съ природой, развитіе культуры создадутъ новый складъ и физиономію жизни, но это дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, а теперь „эта полусумма Хунхузи и восточной Америки для живого и впечатлительнаго человѣка просто ужасна. Злосчастная природа, манзовское благоуханіе и хунхусская нравственность, отсутствіе народа и общества, райское незнакомство съ фиговыми листьями и царящій надъ всѣмъ духъ хищничества и наживы, безъ понятія о правѣ и Богѣ, способны иной разъ

вселить отчаяніе“. Любопытныя свѣдѣнія также даетъ авторъ о попыткѣ примѣненія труда ссыльно-каторжныхъ при постройкѣ линіи желѣзной дороги,—попыткѣ, давшей вначалѣ блестящіе результаты и окончившейся неудачей, благодаря „бюрократической рутинѣ и канцелярской немощи“, неспособнымъ отвѣчать на живыя явленія. Быть нашихъ поселенцевъ автору пришлось наблюдать, повидимому, мало, но и то, что даетъ онъ въ своихъ очеркахъ по этому предмету, не лишено интереса. Можно только пожалѣть, что г. Южаковъ отвелъ въ своей книгѣ меньшую часть владивостокскимъ наблюденіямъ, которыхъ въ полтора года у автора, вѣроятно, накопилось много, судя по тому обилію и разнообразію матеріала, какой мы находимъ во 2-й части, гдѣ автору приходится схватывать наблюденія мимоходомъ, на-лету. Въ этой части, какъ мы сказали, изложены наблюденія автора во время плаванія и короткихъ стоянокъ. Наблюденія эти въ занимательной формѣ знакомятъ читателя съ нѣкоторыми чертами японской жизни, съ природой и культурой Цейлона и т. п. Умѣнне подмѣтить характеристическія черты чужеземной природы и культуры, широкое пониманіе явленій общественной жизни, проникнутое чувствомъ гуманности,—таковы основныя черты этихъ очерковъ, не претендующихъ, по заявленію автора, исчерпать затронутые сюжеты.

ИСКУССТВО.

„Музыкальная хрестоматія“. Карасева. — „Іоганнъ Себастьянъ Бахъ и его значеніе въ музыкѣ“. С. Л. Халюткина.

Музыкальная хрестоматія, 2 части, составилъ г. Карасевъ. Двѣ части *Музыкальной хрестоматіи*, составленной г. Карасевымъ, представляютъ изъ себя послѣдовательное изложеніе при обученіи хорошему пѣнію въ школахъ. Первая часть знакомитъ начинающихъ пѣть съ музыкальною грамотою вообще и съ первыми приемами пѣнія въ частности. Такой приемъ обученія пѣнію не новъ, и если будетъ вестись опытнымъ учителемъ, то результаты получатся благіе. Въ необходимомъ добавленіи къ 1-й части „сказано“, что при повтореніи упражненія отдѣльными учениками должно пѣть ихъ не подрядъ, а съ остановками, причемъ въ промежуткахъ вводитъ голосомъ или посредствомъ инструмента звуки другихъ тональностей. Пѣть съ остановками, съ учениками, это пожалуй еще такъ, но смущать ихъ слухъ другими тональностями совершенно излишнее занятіе. На 32 стр., въ пѣснѣ „По полю, полю чистому“, муз. Воротникова, есть опечатка, а можетъ быть и ошибка составителя. Въ седьмомъ тактѣ пѣсни, послѣ хода трехъ секстъ въ терцію, долженъ быть переходъ въ тонъ соль-мажоръ, съ *фа-дизомъ* въ верхнемъ голосѣ. Вторая часть составляетъ, такъ сказать, репертуаръ выучившихся по первой части.

Выборъ составь, видимо, разсчитанъ на эффектъ разнообразія и знакомство составителя съ хоровой литературою. Тутъ есть произведенія гениевъ: Бетховена, Глинки, Шумана, Даргомыжскаго и др., и на ряду съ этимъ диллетантскія произведенія: Зильхера, Брянскаго, Главача и переложенія Богуслава. Нѣтъ нужды въ такомъ разнообразіи. Напротивъ, оно показываетъ дурной вкусъ составителя. Если хрестоматія предназначается для школъ, то выборъ долженъ быть строгъ и основанъ на классическихъ образцахъ, въ русской же школѣ преимущественно на образцовыхъ произведеніяхъ русскихъ композиторовъ. При

этомъ пресловутое переложеніе должно быть замѣнено простой транспозиціей въ другую тональность для удобства голосовъ. Точно также нѣтъ нужды особенно заботиться объ аккомпаниментѣ. Въ школахъ ученики должны пѣть только à capella. Если же вторая часть составлена и для любителей пѣнія, то тогда можно будетъ и еще прибавить какія-нибудь сочиненія.

Вообще говоря, *Музыкальная хрестоматія* г. Карасева если и не представляетъ чего-нибудь выдающагося, то, все-таки, имѣетъ право существовать на ряду съ другими же подобными сочиненіями. Тѣмъ болѣе и пѣна не дорогаая, всего 1 руб. за двѣ части, а выписывающіе отъ составителя и за пересылку ничего не платятъ. Во второй части есть также печатки, но скромныя. На 17 стр., въ хорѣ изъ *Руслана и Людмилы*, въ 10-мъ тактѣ должна быть нота *ми* на 4-ю восьмую.

Иоганнъ Себастьянъ Бахъ и его значеніе въ музыкѣ. Составилъ С. Л. Халютинъ. Значеніе Баха въ музыкѣ среди музыкантовъ давно установлено. Въ публикѣ баховскія сочиненія никогда не будутъ популярными, такъ какъ они требуютъ серьезной музыкальной подготовки. Появившаяся новая біографія Баха ничего новаго не говоритъ и въ публикѣ сочувствія къ контрапунктическимъ сочиненіямъ не возбудитъ. Если книга попадетъ въ руки любителей музыки, то тѣ прочтутъ ее съ интересомъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Etudes sur la question ouvrière en Suisse“, par Raoul Jay. — „Грамотность среди дѣтей швейцарскаго возраста въ Московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ, Московской губерніи“. И. П. Боломпова. — „Начальное образованіе въ Полтавской губ.“. Ю. В. Яценвичъ. — „Кустари-кожевники Полтавской губ.“. Д-ра В. В. Святловскаго. — „Отхожіе промыслы“. Д. Н. Жбанкова.

Etudes sur la question ouvrière en Suisse, par Raoul Jay. Paris, 1893. Такъ называемое „рабочее законодательство“ составляетъ въ настоящее время на Западѣ предметъ очень оживленныхъ дебатовъ въ литературѣ и болѣе или менѣе серьезной заботы со стороны правительственной власти. Рабочее законодательство, обнимающее въ своемъ, такъ сказать, идеальномъ цѣломъ и общее законодательное ограниченіе рабочаго дня для всѣхъ трудящихся, и совершенное запрещеніе извѣстнаго рода труда для женщинъ и дѣтей, и страхование жертвъ промышленнаго производства на случай увѣчій и старости, и тщательную регламентацію нѣкоторыхъ видовъ промышленности въ видахъ гигиены, и еще многія другія мѣры для огражденія рабочихъ отъ эксплуатаціи предпринимателей, — рабочее законодательство и въ цѣломъ, и въ отдѣльныхъ своихъ вѣтвяхъ встрѣчаетъ въ литературѣ и въ жизни, съ одной стороны, ожесточенныхъ противниковъ, съ другой — самыхъ ярыхъ защитниковъ. Такъ какъ этотъ вопросъ отнюдь не можетъ быть названъ „академическимъ“, а, наоборотъ, отличается такимъ жизненнымъ, практическимъ, жгучимъ характеромъ, что то или иное его разрѣшеніе самымъ непосредственнымъ образомъ затрагиваетъ экономическое и юридическое положеніе работающихъ классовъ, — понятно, что въ это разрѣшеніе должно быть внесено особенно много осмотрительности, и что практическія реформы въ данной сферѣ должны опираться на возможно болѣе широкій фундаментъ систематическихъ наблюденій и всестороннихъ изслѣдованій. Поэтому все, что, минуя предвзятые взгляды и установленные шаблоны, даетъ намъ строго провѣ-

ренный и безпристрастный матеріалъ для сужденія о вліяніи, о результатахъ тѣхъ или иныхъ рабочихъ законовъ въ какой бы то ни было странѣ,—все это должно быть встрѣчено критикой не иначе, какъ съ полнымъ вниманіемъ и оспариваемо только фактическими же данными. Вотъ именно такимъ, съ одной стороны, свободнымъ отъ всякой предвзятости, съ другой — строго фактическимъ характеромъ и отличается только что появившаяся работа проф. Жея о швейцарскомъ рабочемъ законодательствѣ. Основанная на донесеніяхъ фабричныхъ инспекторовъ и другихъ официальныхъ источникахъ, она даетъ обширный статистическій матеріалъ, пригодный для разныхъ обобщеній и краснорѣчивый въ своемъ безпристрастіи. Не имѣя возможности въ краткой библиографической замѣткѣ не только исчерпать, но даже затронуть фактическую, документальную сторону вниги, мы воспользуемся здѣсь только нѣкоторыми любопытными выводами, къ которымъ привело автора его изслѣдованіе, и будемъ надѣяться, что это скорѣе всего побудитъ читателя обратиться за доказательствами и разъясненіями къ самому первоисточнику, вполне выкупающему богатствомъ своихъ данныхъ значительную сухость изложенія.

Основнымъ положеніемъ нынѣ дѣйствующаго рабочаго законодательства въ Швейцаріи является законъ 23 марта 1877 г., регулирующий продолжительность трудового дня для взрослыхъ фабричныхъ рабочихъ. Законъ этотъ, устанавлиющій 11-ти часовой максимумъ, былъ встрѣченъ при своемъ изданіи довольно несочувственно и прессою, и фабрикантами, и даже самими рабочими: онъ былъ вотированъ только самымъ ничтожнымъ большинствомъ 181,200 голосовъ противъ 170,857, причемъ въ такихъ промышленныхъ кантонахъ, какъ Цюрихъ и Сенъ-Галль, большинство было даже отрицательное. Проведенный съ трудомъ, послѣ продолжительной, энергической агитаціи, законъ 1877 года, такой, какимъ онъ былъ изданъ сначала, отличался многими несовершенствами. За нихъ-то, за эти несовершенства, и ухватились всѣ недовольные закономъ, чтобы всячески расширить и обойти установленный имъ 11-ти часовой максимумъ. Этого достигали фабриканты двоякимъ образомъ: или путемъ испрашиванія у мѣстной власти разрѣшенія на *дополнительные* часы, допущенные закономъ на случай „крайней необходимости“, или путемъ такого черезъ-чуръ широкаго толкованія понятія „фабрики“, которое позволяло многимъ промышленнымъ предпріятіямъ совершенно ускользать отъ дѣйствія закона. Всѣ средства были пущены въ ходъ фабрикантами, чтобы какъ-нибудь удлинить рабочий день сверхъ установленныхъ 11 часовъ; многимъ, напимѣръ, удавалось сначала удерживать рабочихъ на лишнѣхъ полчаса для *чистки машинъ*, — занятіе, согласно толкованію хозяевъ, „непроизводительное“, которое поэтому и не должно быть принимаемо въ расчетъ. Потребовался спеціальныиъ разъяснительный законъ, чтобы прекратить это злоупотребленіе. Въ дѣлѣ раскрытія подобныхъ обходовъ закона необыкновенную энергію проявили фабричные инспектора, въ самый короткій срокъ снискавшіе себѣ чрезвычайную популярность среди швейцарскаго рабочаго населенія. Несмотря на свою малочисленность, фабричные инспектора въ Швейцаріи вынесли на своихъ плечахъ все дѣло рабочаго законодательства: благодаря ихъ тщательнымъ отчетамъ возможны были дальнѣйшія многочисленныя исправленія закона 1877 года, который за истекшія теперъ уже 16 лѣтъ успѣлъ завоевать себѣ всеобщія симпатіи.

Послѣднее объясняется, разумѣется, тѣми безспорно вполне благо-

творными результатами, которые имѣло въ Швейцаріи законодательное регулированіе продолжительности рабочаго дня. „Противники закона утверждали, что сокращеніе рабочаго дня не будетъ имѣть благотворнаго дѣйствія на нравственность рабочихъ, что оно доставитъ ему возможность быть лѣнивѣе и ходить чаще въ трактиръ. Теперь всѣми признано, — говоритъ фабричный инспекторъ 3-го округа. — что эти опасенія лишены всякаго основанія. Отцы семейства и молодые люди находятъ время заниматься на полѣ или дома другими работами, причемъ у нихъ упражняются другіе мускулы, вмѣсто тѣхъ, которые утомились на фабрикѣ. Перемена дѣлаетъ человѣка болѣе бодрымъ и вліяетъ благотворно на рабочаго и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи“. А вотъ какъ на этотъ счетъ говорятъ теперь сами фабриканты: „Боялись, — замѣчаетъ одинъ изъ нихъ, — что болѣшій досугъ у рабочимъ увеличитъ пьянство и развратъ. Однако, гораздо больше разврата я замѣчалъ прежде, когда работали и день, и ночь“ (стр. 92—94). Но какъ отразился законъ 1877 года на заработной платѣ? Въ первое время въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности замѣчено было нѣкоторое паденіе цѣны на рабочія руки, но затѣмъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ изданія закона, заработная плата начала быстро возрастать и скоро далеко обогнала всѣ прежнія нормы. Лучшимъ доказательствомъ того, что рабочіе не проиграли, а выиграли, можетъ служить ихъ теперешнее полное сочувствіе къ закону, ихъ желаніе видѣть начатую реформу продолженной и дополненной другими подобными же законами. „Въ 1880 г., — говоритъ Р. Жей (стр. 122), — значительное число промышленниковъ добивалось уничтоженія законодательной регламентаціи. Въ настоящее время ни одна партія не могла бы серьезно взять на себя подобную инициативу, напротивъ, теперь со всѣхъ сторонъ очень настойчиво требуютъ сокращенія рабочаго дня до 10-ти часовъ и распространенія этого правила на всѣ промышленныя предпріятія. Въ этомъ я вижу знаменательный результатъ 14-ти лѣтняго опыта“.

Во многихъ отдѣльныхъ промышленностяхъ 10-ти часовой рабочей день принятъ по инициативѣ самихъ хозяевъ. Въ Цюрихскомъ кантонѣ только 20%, всѣхъ промышленныхъ предпріятій, обрабатывающихъ дерево, и только 7%, металлическихъ фабрикъ и заводовъ сохранили до сей поры 11-ти часовой день; громадное большинство фабрикантовъ нашло выгоднымъ его сократить, многіе — до 10, нѣкоторые — до 9 часовъ. А въ самомъ городѣ Цюрихѣ, сдѣлавшемся въ послѣднее время особенно промышленнымъ и многолюднымъ, 10-ти часовой рабочей день предписанъ постановленіемъ муниципалитета (Gemeindeordnung). Этого мало: то же самое постановленіе опредѣляетъ и minimum заработной платы рабочаго: 4 франка для обыкновенныхъ ремесленниковъ (maeloeuvrte), 4 фр. 50 с. — для болѣе искусныхъ.

Подобнаго же характера результаты достигнуты были закономъ 1875 г. объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи. Неудовольствіе, съ которымъ былъ встрѣченъ законъ сначала, уступило вскорѣ мѣсто такому же всеобщему сочувствію, какое завоевало себѣ постепенно законодательное ограниченіе рабочаго дня, а въ настоящее время на очереди стоитъ уже вопросъ о дополненіи его закономъ объ обязательномъ страхованіи. Послѣдняя мѣра встрѣтила на своемъ пути особенное препятствіе въ конституціи, не допускавшей, чтобы такого рода законъ исходилъ отъ федеральнаго совѣта. Въ настоящее время препятствіе это устранено измѣненіемъ нѣкоторыхъ относящихся сюда параграфовъ конституціи, и надо думать, что законопроектъ объ обя-

зательномъ страхованіи рабочихъ сдѣлается въ самомъ ближайшемъ будущемъ закономъ.

Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста въ Московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ, Московской губерніи. По порученію московской губернской земской управы составлено И. П. Боголѣповымъ, статистикомъ московскаго губернскаго земства. М., 1894 г. Ц. 75 коп. Московское губернское земство принадлежитъ къ числу тѣхъ земствъ, которыя съ честью выполняютъ лежащую на нихъ святую обязанность заботиться о неуклонномъ развитіи начальнаго образованія среди сельскаго населенія столичной губерніи. Въ дѣло это здѣсь введена извѣстная стройность, что видно хотя бы изъ того, что уже съ 1881 года во всѣхъ уѣздахъ губерніи стала примѣняться вполнѣ однообразная система, дѣйствующая и понынѣ. Въ 1882 году произведено первое изслѣдованіе положенія народнаго образованія въ губерніи чрезъ статистическое отдѣленіе и затѣмъ заведена текущая школьная статистика, точно отмѣчавшая всѣ свѣдѣнія, касающіяся школьнаго дѣла и дававшая возможность земскимъ собраніямъ относиться вполнѣ совнательнo къ потребностямъ населенія въ образованіи. Точныя данныя текущей статистики указываютъ, что за послѣднія 10 лѣтъ (съ 1882—83 по 1891—92 г.) число организованныхъ школъ въ губерніи увеличилось на 220, а количество учащихся въ нихъ возросло на 15½ тысячъ, причемъ особенно возросло число церковно-приходскихъ школъ (на 151 школу) и земскихъ (на 82 школы). Желая, однако, выяснитъ вопросъ о томъ, какой политики держаться въ будущей своей дѣятельности по народному образованію, губернское земское собраніе 9 декабря 1892 г. единогласно „поручило управѣ чрезъ статистическое отдѣленіе произвести *на мѣстѣ* изслѣдованіе для точнаго опредѣленія числа дѣтей школьнаго возраста, лишенныхъ по той или другой причинѣ возможности получать образованіе въ сельскихъ школахъ“. Результатомъ этого постановленія и является лежащій теперь передъ нами новый трудъ московской земской статистики, прекрасно выполненный И. П. Боголѣповымъ.

Въ настоящее время едва ли нужно тратить время на доказательство благотворнаго значенія земской статистики. Непосредственное, личное ознакомленіе изслѣдователя съ изучаемымъ явленіемъ дѣйствительной жизни *на мѣстѣ* можетъ ли идти въ сравненіе съ официальнымъ документомъ, составленнымъ хотя бы самымъ добросовѣстнымъ чиновникомъ, по предписанію начальства? Явленія жизни слишкомъ разнообразны и неуловимы, чтобы ихъ можно было напередъ предусмотрѣть въ печатныхъ программахъ, рассылаемыхъ по волостямъ черезъ полицію, и потому послѣдній способъ изученія жизни всегда будетъ страдать существенными недостатками. Благожелательные, несомнѣнно, но мало знакомые съ дѣйствительною жизнью нашего народа, теоретики давно уже ломаютъ головы, напримѣръ, надъ разрѣшеніемъ вопроса объ обязательномъ обученіи. Что оно желательно, никто не будетъ спорить; но что оно, въ то же время, неприложимо при современныхъ условіяхъ русской дѣйствительности, это можетъ сказать намъ лишь добросовѣстный изслѣдователь народной жизни *на мѣстѣ*. Такъ, оказывается, что для того, чтобы „снарядить“ въ школу мальчика, крестьянская семья должна понести, по самому точному расчету, расходъ въ 10 руб. 65 коп., а дѣвочку—въ 10 руб. 90 к., не считая того, что дѣвочка школьнаго возраста уже зарабатываетъ своимъ трудомъ въ семьѣ около 4—5 р. въ годъ, т.-е. себѣ на хлѣбъ.

Посѣщая школу, она, конечно, лишается этого заработка. Введеніе закона объ обязательномъ обученіи, — говоритъ г. Боголѣповъ, — въ состояніи будетъ принести больше зла, чѣмъ пользы для народа: каждому легко себѣ представить, что въ самомъ дѣлѣ должно произойти отъ изданія такого закона въ тѣхъ очень бѣдныхъ семьяхъ, которыя безусловно нуждаются въ трудѣ малолѣтнихъ помощниковъ и помощницъ, которыя не могутъ посылать дѣтей въ школу по неизмѣнной для нихъ обуви, одежды и т. д. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ считаютъ даже „прямо не подѣ силу“ обучать одновременно двухъ дѣтей. Такова бѣдность сельскаго населенія Московской губерніи и такова непримѣнимость къ нему закона объ обязательномъ обученіи. Беремъ на выдержку другой примѣръ. Чтобы ослабить вредное вліяніе отдаленности школъ на правильность посѣщенія ихъ дѣтьми, обыкновенно, настоятельно рекомендуется устройство при школахъ „ночлежныхъ пріютовъ“. Однако, изслѣдованія показываютъ, что „по условію хозяйственныхъ бюджетовъ“ пріюты „стѣсняють очень многихъ родителей“, которые, поэтому, относятся къ нимъ отрицательно („это видимости одна: развѣ въ немъ могутъ всѣ жить? Такъ, кому придется“). Дѣтямъ приходится отпускать получше харчи: „заглазно ребята тратятъ много хлѣба зря, а въ обрѣзъ дать имъ не угадаешь“. Все это даетъ поводъ автору высказать заключеніе, что „ночлежные пріюты могутъ оправдывать свое назначеніе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ существовать при школахъ высшаго ранга, не предназначающихся для обученія всѣхъ дѣтей каждой мѣстности. Въ противномъ случаѣ ими обыкновенно маскируется настоятельность нужды въ новыхъ школахъ“. Уже изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть, насколько существенное значеніе имѣють справки съ дѣйствительною жизнью и какія важныя измѣненія могутъ они вносить въ неопровержимыя, повидимому, теоретическія положенія. Тѣ же примѣры могутъ служить и характеристикой всей работы, прозведенной со всестороннею тщательностью и въ конечномъ результатѣ сводящейся къ выясненію необходимости новой добавочной сѣти училищъ въ двухъ изслѣдованныхъ детально уѣздахъ губерніи, служащихъ какъ бы прототипами для всѣхъ остальныхъ уѣздовъ. Нельзя не пожелать практическаго осуществленія заключеній г. Боголѣпова и нельзя не рекомендовать подобныхъ же изслѣдованій и для всѣхъ другихъ уѣздовъ какъ Московской, такъ и другихъ губерній нашего отечества. Въ виду повсемѣстнаго оживленія интереса къ вопросамъ народнаго образованія, настоящее изданіе московскаго земства является какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ заключаетъ въ себѣ массу крайне интересныхъ данныхъ, позволяющихъ сдѣлать рядъ выводовъ, имѣющихъ не только мѣстное, но и общее практическое значеніе.

Начальное народное образованіе въ Полтавской губ. Составила Ю. В. Яцевичъ. Изданіе полтавской губернской земской управы. Полтава, 1894 г. Насколько велика необходимость для руководителей земскихъ сферъ въ ознакомленіи съ истиннымъ положеніемъ дѣла народнаго образованія въ губерніи, видно изъ того, что полтавское земство, почему-то не признающее до сего времени плодотворность земскихъ статистическихъ изслѣдованій вопроса экспедиціоннымъ путемъ, въ концѣ-концовъ, оказалось вынужденнымъ прибѣгнуть въ этомъ важномъ дѣлѣ къ изданію труда частнаго лица, „задумавшаго пополнить этотъ существенный пробѣлъ въ мѣстной земской литературѣ“, именно работы г-жи Яцевичъ. Добросовѣстная и преданная своему дѣлу изслѣдовательница дѣйствительно сослужила немалую службу мѣстному

земству, тѣмъ болѣе, что для осуществленія его должна была одолѣть огромную массу сырого матеріала, разбросаннаго по „отчетамъ“ пятнадцати уѣздныхъ земскихъ управъ, по „сводамъ журналовъ земскихъ собраний“, причемъ всѣ эти „отчеты“ и „своды“ блистали отсутствіемъ общей однообразной формы, часто страдали неполнотой и лаконическою краткостью свѣдѣній. Въ виду этого трудолюбивой изслѣдовательницѣ пришлось прибѣгать для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ къ официальнымъ отчетамъ по кievскому учебному округу и даже къ адресъ-календарямъ. При такихъ условіяхъ г-жа Яцевичъ могла только собрать цифровой матеріалъ, относящійся къ 1887 году, такъ какъ въ 1891—92 году, когда составлялся ея очеркъ, болѣе позднихъ свѣдѣній по всѣмъ уѣздамъ Полтавской губерніи она получить не могла, а непосредственныя ея обращенія къ уѣзднымъ управамъ о высылкѣ на время ихъ изданій оставались болѣею частью безъ отвѣта. Все это вмѣстѣ взятое, конечно, должно было отразиться не совсѣмъ благопріятно на точности данныхъ по тому или другому вопросу настоящаго изданія, особенно проигрывающаго въ отношеніи внушительности производимаго имъ впечатлѣнія при сопоставленіи съ указаннымъ нами выше изданіемъ московскаго земства. Но, какъ видно, укора за это заслуживаетъ отнюдь не г-жа Яцевичъ.

Интересующійся дѣломъ народнаго образованія читатель найдетъ, однако же, въ книгѣ г-жи Яцевичъ массу фактическихъ и цифровыхъ свѣдѣній, относящихся къ разнообразнымъ сторонамъ этого вопроса, насколько онъ выяснился вышеуказанными источниками, причемъ авторъ отмѣтилъ, для сравненія, и рядъ фактовъ, характеризующихъ отношеніе мѣстныхъ земствъ къ высшему, среднему и профессиональному образованію. Полнота картины значительно выигрываетъ, благодаря помѣщенному въ концѣ книги весьма интересному историческому очерку, рисуящему положеніе народнаго образованія въ Полтавской губерніи въ дореформенную эпоху, какимъ застало его земство, а также и послѣдовательный рядъ мѣръ, какія были предприняты мѣстными земствами со времени ихъ учрежденія по 1887 годъ. Изъ этого очерка мы узнаемъ, между прочимъ, что до введенія земства забота о низшемъ народномъ образованіи предоставлена была, главнымъ образомъ, частнымъ лицамъ и особенно *духовенству*, что учительскій персоналъ въ громадномъ большинствѣ состоялъ изъ духовенства; наставниками были священники, помощниками—причетники. Въ виду того, что наши современные жерадѣтели о народномъ благѣ усиленно (и не безъ успѣха) пропагандируютъ передачу дѣла народнаго образованія именно въ руки духовенства путемъ повсемѣстнаго устройства церковно-приходскихъ школъ, т.-е., иными словами, стремятся привести все это дѣло въ дореформенное положеніе, мы думаемъ, не безъинтересно будетъ привести здѣсь нѣсколько документальныхъ свѣдѣній, характеризующихъ результаты дѣятельности церковно-приходскихъ школъ шестидесятихъ годовъ, когда ихъ было особенно много (въ Россіи въ 1865 г. изъ 35,555 школъ, принадлежащихъ различнымъ вѣдомствамъ, громадное большинство, т.-е. 21,420, составляли церковно-приходскія школы). Въ изданной въ 1865 году официальной брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Начальная народная училища и участіе въ нихъ православнаго русскаго духовенства. Извлеченіе изъ свѣдѣній, доставленныхъ въ высочайше утвержденное присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства*, изъ которой и заимствованы приведенныя здѣсь цифры о числѣ церковно-приходскихъ школъ, имѣются отвѣты мѣстныхъ епархіальныхъ начальствъ, послѣдовавшіе на

запросы о ходѣ дѣла со стороны „присутствія“. Мы узнаемъ, — говоритъ г-жа Яцевичъ, — что обученіе въ этихъ школахъ, находящихся исключительно на попеченіи духовенства, велось плохо, — не только неумѣло, но и крайне небрежно. Священники, занятые требоисправленіемъ и хозяйствомъ, слишкомъ мало времени удѣляли школѣ. „На занятія въ приходскихъ школахъ употребляли незначительную долю труда и только урывками“, — говорится въ отзывѣ орловскаго епархіальнаго комитета. „Духовенство, по мнѣнію харьковскаго преосвященнаго, занятое обязанностями службы и исправленіемъ требъ въ приходѣ, часто не имѣетъ возможности удѣлять достаточно времени для занятій съ учениками, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходъ состоитъ изъ нѣсколькихъ населенныхъ мѣстностей, и особенно во время поста“. Собраніе рижскихъ благочинныхъ „указываетъ на малоспособность причетниковъ, на которыхъ преимущественно падаетъ обязанность обученія. Они по большей части лица, исключенныя изъ училищъ или за болѣзнь, или за лѣность, или за малоспособность, или за дурное поведение, а потому одни не могутъ учить по слабости здоровья, другіе по лѣности, третьи по неспособности, а послѣднимъ и опасно довѣрять дѣло образованія“. Курскій преосвященный отзывается такъ: „Въ большей части тѣхъ училищъ, гдѣ руководствуютъ причетники и учительницы, ходъ обученія ограничивается только внѣшнею дѣятельностью: учащіе понуждаютъ учениковъ къ прилежанію и постоянному занятію дѣломъ, а учащіеся пишутъ безъ увѣренности, хорошо ли, и почему не хорошо, и громко читаютъ, заглушая другъ друга и не понимая себя“. „Такіе причетники и учительницы... постороннихъ совѣтовъ не принимаютъ или слѣдовать имъ не умѣютъ, даже не любятъ, когда посѣтители, любопытные и просвѣщенные, проникаютъ въ ихъ училища съ намѣреніемъ узнать, что и какъ въ нихъ преподается“. „Составъ преподаваемыхъ предметовъ не простирается далѣе часослова и псалтиря, съ присовокупленіемъ письма“. Источникъ, изъ котораго приведены эти отзывы, по справедливому мнѣнію г-жи Яцевичъ, „такимъ образомъ, не можетъ быть заподозрѣнъ въ тенденціозномъ нерасположеніи къ этимъ школамъ и въ изображеніи ихъ болѣе темными красками, чѣмъ онѣ заслуживали“.

Можно только спросить современныхъ фарисеевъ, гдѣ же гарантія того, что все описанное столь краснорѣчиво въ отзывахъ духовнаго начальства шестидесятихъ годовъ не повторится и въ рекомендуемыхъ ими теперешнихъ церковно-приходскихъ училищахъ?... Касаясь болѣе поздней эпохи, наступившей черезъ двадцать лѣтъ послѣ приведенныхъ епархіальныхъ отзывовъ, г-жа Яцевичъ замѣчаетъ: „Приходится иногда встрѣчаться съ мнѣніемъ, что населеніе болѣе сочувствуетъ школѣ церковно-приходской, чѣмъ земской. Факты же говорятъ совсѣмъ противное: если въ селѣ рядомъ существуютъ школа церковно-приходская и земская, то всегда отдается предпочтеніе второй; туда именно преимущественно стремятся отдавать дѣтей“ (стр. 114).

Кустари-кожевники Полтавской губерніи. Составилъ по порученію полтавской губернской земской управы д-ръ В. В. Святловскій. Названная книжка, составленная по даннымъ экономическаго изслѣдованія полтавскаго земскаго статистическаго бюро и по свѣдѣніямъ санитарнаго характера, полученнымъ отъ мѣстныхъ врачей, явилась какъ бы отвѣтомъ на запросъ министра госуд. имуществъ о томъ, „не будутъ ли нарушены интересы большинства населенія отъ поддержанія сравнительно небольшой группы кустарей-кожевниковъ, вредя-

щихъ антисанитарнымъ состояніемъ ихъ заведеній здоровью сосѣднихъ жителей и скота и могутъ ли существовать кожевенныя кустарныя заведенія, если къ владѣльцамъ ихъ будутъ предъявлены требованія о приведеніи ихъ заведеній въ состояніе, вполне удовлетворяющее санитарнымъ требованіямъ?" Книжка даетъ общее понятіе о значеніи кожевеннаго промысла для населенія, объ его экономической обстановкѣ и большихъ мѣстахъ; особенно подробно останавливается она на техникѣ производства съ экономической и санитарной стороны. Общій выводъ автора такой, что кожевенный промыселъ не представляется безусловно вреднымъ для лицъ, участвующихъ въ немъ, и для окрестныхъ жителей, что примѣненіе мѣръ репрессивнаго характера, насколько таковыя необходимы, должно начинаться съ крупныхъ заводовъ, какъ образующихъ болѣе крупныя центры вредоносныхъ вліяній. Въ заключеніе предлагается программа мѣропріятій, направленныхъ къ развитію мѣстнаго кожевеннаго промысла и ослабленію его вреднаго санитарнаго вліянія.

Отхожіе промыслы въ Смоленской губерніи. Д. Н. Жбанкова. Названная брошюра, отгискъ изъ *Смоленскаго Вѣстника*, заключаетъ сводъ данныхъ относительно отхода крестьянъ Смоленской губерніи, полученныхъ губернской земскою управою отъ волостныхъ правленій. Данные эти касаются: а) количества выданныхъ паспортовъ въ 1875, 1885 и 1892 гг., съ распредѣленіемъ свѣдѣній за послѣдній годъ по полу лицъ, берущихъ паспорта, и по времени (мѣсяцу) выдачи послѣднихъ; б) мѣста отхода населенія и занятія промышленниковъ. Послѣдняго рода свѣдѣнія даются безъ точнаго цифроваго учета, почему они могутъ служить лишь для общей характеристики отхода изъ каждой волости. Свѣдѣнія о количествѣ паспортовъ, выдаваемыхъ волостными же правленіями, могутъ быть совершенно точны; характеръ промысловыхъ занятій населенія волости, безъ сомнѣнія, извѣстенъ волостному правленію, почему и соответствующія свѣдѣнія должны быть признаны достаточно вѣрными. Вѣроятно, не столь достовѣрны данныя относительно мѣстностей, куда направляются промышленники, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ дальняго ухода на черную или земледѣльческую работу; но и здѣсь общее направленіе ухода, вѣроятно, указывается правильно. Данные сведены по уѣздамъ и въ заключеніе дается краткій обзоръ свѣдѣній для всей губерніи.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Новые сохи, плуги и бороны“. Н. Катаева. — „Молочное хозяйство“. Д-ра фонъ-Кленге. — „Тонкорунное овцеводство, его настоящее положеніе въ Россіи, причины упадка и мѣры къ его поддержанію“. — „Физиологія растений для садовниковъ“. Р. Зорауера. — „Опытъ культуры сельско-хозяйственныхъ растений на поляхъ орошенія г. Одессы“. — „Лѣсоводственные орудія и инструменты“. М. Турскаго.

Новые сохи, плуги и бороны. Составилъ Н. Катаевъ, агрономъ 1-го разряда. Изд. Тихомирова. М., 1894 г. Цѣна 20 коп. Особый интересъ популярной брошюры г. Катаева придаетъ описаніе малоизвѣстныхъ орудій восточной Россіи: сохи-курашимки, пермскаго сабана, кукарской косули и чегандинскаго сабана. Поясненіемъ къ довольно обстоятельному описанію служатъ особо приложенная таблица рисунковъ. Объ отдѣльныхъ плугахъ сказано довольно мало, несмотря на быстрое распространеніе настоящихъ плуговъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ центральной Россіи. Сообщены полезныя указанія относительно

домашняго устройства валькуровскихъ боронъ. Въ заключеніе помѣщены нѣсколько страницъ о травосѣяніи. Кромѣ отдѣльной таблицы, и текстъ содержитъ около 20 недурныхъ рисунковъ.

Благопріятное впечатлѣніе, оставляемое въ читателѣ новою брошюрой г. Катаева, нѣсколько ослабляется вычурнымъ языкомъ вступленія. Это, впрочемъ, дѣло легко поправимое, и, вѣроятно, авторъ при слѣдующемъ изданіи брошюры самъ предпочтетъ обратиться къ болѣе простой рѣчи, которая болѣе приличествуетъ дѣльному руководству.

Молочное хозяйство. Д-ра фонъ-Кленце. Перев. подъ ред. П. Н. Кулешова. 2-е исправленное и дополн. изданіе Девріена. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. Въ свое время (въ 1887 г.) мы говорили на столбцахъ *Русской Мысли* о первомъ изданіи небезполезнаго руководства Кленце, излагающаго общія правила по уходу за молочнымъ скотомъ, по обработкѣ молока, по приготовленію масла и сыра. Второе изданіе является значительно дополненнымъ (19 печатныхъ листовъ, вмѣсто 14), соответственно чему увеличено и число рисунковъ (148 вмѣсто 115); двѣ главы (объ измѣненіи молока при стояніи на воздухъ и объ отдѣленіи сливокъ центродирами) написаны для русскаго изданія Н. В. Петровымъ, ассистентомъ бывшей Петровской академіи. Книга Кленце не можетъ замѣнить собою недавно переведеннаго разносторонняго руководства Кирхнера, но и у Кленце техническая сторона молочнаго хозяйства описана довольно обстоятельно.

Тонкорунное овцеводство, его настоящее положеніе въ Россіи, причины упадка и шѣры къ его поддержанію. Подъ редакціею П. Н. Кулешова и Н. А. Грушка. М., 1894 г. Цѣна 1 руб. Эта книжка издана московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства, гдѣ недавно дебатировался вопросъ о пошлинѣ на шерсть и въ общемъ собраніи, и въ особой комиссіи. П. Н. Кулешовъ составилъ нѣсколько записокъ, рекомендующихъ повышеніе пошлинъ, и сводъ отвѣтовъ, присланныхъ фабрикантами и овцеводами въ московское общество; нѣкоторые отвѣты помѣщены въ подлинномъ видѣ. Защитники повышенія пошлины руководились, повидимому, разнообразными мотивами: почтенный президентъ московскаго общества выразилъ (стр. 153) симпатію домотканнымъ крестьянскимъ издѣліямъ; воплѣвъ раздѣляя такую симпатію, мы полагаемъ, что въ распоряженіи государства имѣется много средствъ къ поддержанію крестьянскаго натурального хозяйства, помимо установленія запретительныхъ пошлинъ на иностранные товары. Желанія повысить пошлину на шерсть потерпѣли, какъ извѣстно, фiasco при заключеніи послѣдняго германскаго трактата; но, конечно, наши протекціонисты и въ шерстяной области еще не скоро успокоятся, и для исторіи вопроса новое изданіе московскаго общества сохранить свое значеніе. Нельзя не посочувствовать мысли о возстановленіи комитета овцеводства въ Москвѣ; само собою разумѣется, въ теперешнее некрѣпостное время для этого комитета на первомъ планѣ должны стоять интересы грубошерстнаго овцеводства.

Физиологія растений для садовниковъ Р. Зорауера. Перев. подъ ред. А. Ф. Рудзкаго. Изд. Девріена. Спб., 1893 г. Цѣна 2 руб. Въ настоящее время нельзя пожаловаться на скудость оригинальной и переводной русской литературы по садоводству; напротивъ, сравнительно съ литературою по полеводству садоводственная наша литература можетъ считаться богатой (вспомнимъ книги Гоше, Шредера, Раевского, Клаусена и другихъ); но при всемъ томъ и у насъ ощущался недостатокъ въ сочиненіяхъ, знакомящихъ съ научными основаніями

садовой культуры. Книга Зорауера отличается строго научнымъ изложениемъ и, въ то же время, не ограничивается общими вопросами физиологии растений, а рассматриваетъ жизнь корня, стебля, листа, цвѣтка и плода въ тѣсной связи съ практическими мѣропріятіями садовника. Между прочимъ, отмѣтимъ небольшую 10 главу, посвященную теоріи поливки; здѣсь даны важныя предостереженія противъ избыточной поливки, которою нерѣдко грѣшатъ любители-садовники. Изъ 32 рисунковъ почти всѣ относятся къ гистологіи садовыхъ растений. Помимо своего значенія для образованныхъ садоводовъ-практиковъ книга Зорауера найдетъ себѣ примѣненіе и въ школахъ, гдѣ каждому преподавателю естествовѣдѣнія приходится пользоваться примѣрами, взятыми изъ садовой культуры, для уясненія основъ растительной жизни.

Опыты культуры сельско-хозяйственныхъ растений на поляхъ орошенія г. Одессы. Одесса, 1893 г. Это отчетъ о работахъ, исполненныхъ агрономическою лабораторіей Новороссійскаго университета. Въ Одессѣ существуетъ канализаціонная система удаленія городскихъ нечистотъ; сточными водами орошается песчаная мѣстность на такъ называемой Пересыпи. Въ 1891 г. подъ руководствомъ проф. Баракова тамъ былъ сдѣланъ удачный опытъ воздѣлыванія табака, клещевины, рапса, конопли, льна, джута, кукурузы и могоара. Въ 1892 г. опыты были повторены, и результатомъ является настоящій отчетъ, составленный П. Ф. Бараковымъ и А. А. Бычихинымъ. Отчетъ долженъ обратитъ на себя вниманіе представителей самоуправленія въ нашихъ большихъ городахъ, гдѣ вообще такъ мало еще дѣлается для удачнаго разрѣшенія весьма важныхъ вопросовъ о сельско-хозяйственной утилизаціи городскихъ нечистотъ. Обезвреживаніе клоачныхъ водъ нуждается въ тщательномъ изученіи мѣстныхъ условій, а такое изученіе не мыслимо безъ пособія лицъ, обладающихъ агрономическою подготовкой. Отчетъ оканчивается программой для изслѣдованія клоачнаго орошенія и большимъ планомъ одесской Пересыпи.

Лѣсоводственные орудія и инструменты. Составилъ М. Турскій. М., 1893 г. Цѣна 60 коп. Съ закрытіемъ Петровской академіи должна была пріостановиться на время непосредственная педагогическая дѣятельность профессора М. К. Турскаго, который, однако, не предался бездѣйствію и съ неослабѣвющею энергіей занялся составленіемъ полезныхъ руководствъ и учебныхъ пособій. Къ числу такихъ пособій должна быть отнесена и настоящая брошюра, въ которой описывается инвентарь, примѣняемый при лѣсоразведеніи и при первоначальномъ уходѣ за культурами. Брошюра эта явится цѣннымъ справочнымъ пособіемъ для лицъ, занимающихся разведеніемъ лѣса въ Россіи. Описание орудій сопровождается многочисленными рисунками.

МЕДИЦИНА.

„Врачебная тайна“. Д-ра Ю. Г. Малисъ.— „О вліяніи нѣкоторыхъ ядовъ на сознаніе человѣка“. Д-ра С. И. Данилло.

Врачебная тайна. Этюдъ по врачебной деонтологіи д-ра Ю. Г. Малисъ. Спб., 1893 г. Цѣна 30 коп. Вопросъ о врачебной тайнѣ, совсѣмъ не новъ, но онъ также далеко отъ своего разрѣшенія, какъ и въ давнія времена своего возникновенія. Врачебная тайна, подобно всякой другой профессиональной тайнѣ, по опредѣленію автора, заключаетъ въ себѣ „все то, что въ интересахъ извѣстнаго

лица не должно быть разглашаемо и (что) стало достояніемъ другого лица, благодаря профессіи послѣдняго". Опредѣленіе это страдаетъ большими неточностями: во-первыхъ, что такое нужно понимать подъ „интересами извѣстнаго лица“, почему, во-вторыхъ, лицо той или другой профессіи должно обязательно знать эти интересы, и почему, наконецъ, интересамъ этого „извѣстнаго лица“ должны быть принесены въ жертву интересы другихъ лицъ? Предположимъ, что у меня въ семьѣ дифтеритъ, мои интересы сосредоточены при этомъ случаѣ, главнымъ образомъ, на стремленіи сберечь отъ дезинфекціи и сжиганія бѣлье, мебель, одежду и проч., до общественныхъ интересовъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла; спрашивается теперь: неужели лечащій у меня врачъ долженъ потворствовать моимъ интересамъ и хранить „врачебную тайну“? Во всякомъ случаѣ, нѣтъ. Можно бы привести еще множество другихъ примѣровъ, гдѣ интересы „извѣстнаго лица“ сталкиваются и противорѣчатъ интересамъ не общественнымъ, но частнымъ, гдѣ культу „врачебной тайны“ должны быть принесены въ жертву интересы лицъ ни въ чемъ неповинныхъ, интересы потомства и т. п. Изъ уложеній о наказаніяхъ прусскаго, баварскаго, германскаго и французскаго законодательства наиболѣе разработанъ вопросъ о „врачебной тайнѣ“ во французскомъ; въ послѣднемъ до 1885 г. условіемъ вмѣненія нарушенія „тайны“ считалась доказанность злого умысла, послѣ же этого года „наказуемость является съ момента наступленія факта, съ момента разглашенія, безъ всякаго отношенія къ мотивамъ проступка“. Въ русскомъ законодательствѣ статьи, соотвѣтствующей понятію о профессиональной тайнѣ и ея нарушеніямъ, совсѣмъ не имѣется. Ст. 137 *Устава о наказаніяхъ*, налагаемыхъ мировыми судьями, наиболѣе подходит къ статьямъ иностранныхъ кодексовъ; о профессиональной тайнѣ она, однако, не говоритъ ни буквально, ни по смыслу; эта статья „замѣнила собой ст. 2097 уложенія 1857 года“, въ которой болѣе обстоятельно указывалось на профессію и связанныя съ нею тайны; обѣ статьи требуютъ наличности злого умысла; мало того, по отношенію къ врачамъ ст. 704 уголовного судопроизводства даже исключаетъ ихъ изъ категоріи лицъ, освобождаемыхъ отъ дачи свидѣтельскихъ показаній. Такимъ образомъ, врачъ единственно связанъ такъ называемымъ факультетскимъ клятвеннымъ обѣщаніемъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, вопросъ о „врачебной тайнѣ“ много разъ затрагивался и въ печати, и на съѣздахъ врачей и требуетъ, конечно, настоятельно дальнѣйшихъ обсужденій и самой детальной разработки. Въ концѣ своей брошюры авторъ ставитъ, между прочимъ, слѣдующія положенія: „сохраненіе профессиональной тайны обязательно для врача“, „регламентация сохраненія врачебной тайны у насъ въ Россіи крайне желательна въ интересахъ и общества, и врачей, и регламентация эта можетъ быть сдѣлана въ смыслѣ „германскаго или австрійскаго законодательства“; по поводу послѣдняго положенія, однако, слѣдуетъ замѣтить, что понятіе „тайна“, нарушеніе которой инкриминируется, должно быть точно сформулировано.

О вліяніи нѣкоторыхъ ядовъ (спиртъ, опій, гашишъ) на сознаніе у человѣка. Д-ра С. И. Данилло. Публичная лекція. Изд. Риккера. Спб., 1894 г. Цѣна 50 коп. Установивъ въ началѣ лекціи опредѣленіе понятія „ядъ“, надо замѣтить, очень неудовлетворительно и шатко, лекторъ переходитъ затѣмъ къ объясненію, почему „человѣкъ нуждается въ различныхъ возбуждающихъ и одуряющихъ веществахъ“; объясненіе оказывается также весьма поверхностнымъ и

неудовлетворительнымъ: „человѣку, очевидно, нужно по временамъ при-бѣгать къ нимъ“, почему „очевидно“, почему „нужно“ и почему „по временамъ“, а не постоянно, оставляется авторомъ безъ отвѣта. Также, кромѣ повторенія давно всѣмъ извѣстныхъ описаній отравленія опиумомъ, гашишемъ, спиртомъ, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго и дальнѣйшее изложеніе, гдѣ, впрочемъ, лекторъ обязательно передаетъ, какъ онъ совмѣстно съ Ришэ „исслѣдовалъ на себѣ вліяніе“ гашиша, и воспроизводитъ „по запискамъ“ свое „самонаблюденіе“. Сравнивая дѣйствіе названныхъ веществъ на сознаніе, лекторъ не видитъ въ нихъ никакой разницы: все дѣло въ количествѣ, а не въ качествѣ. Лекція лишена какого-либо плана; такъ, въ двухъ различныхъ мѣстахъ идетъ рѣчь о сознаніи и личности: стр. 9 и слѣд. и стр. 25 и слѣд., и оба раза, мимоходомъ, отрывисто, многое перепутывая: „воспріятія... подлежатъ колебаніямъ“ въ зависимости „какъ отъ способности вниманія, такъ и способности воспроизведенія“; въ нормальномъ состояніи „человѣкъ безусловно долженъ ощущать, воспринимать и затѣмъ выражать свои ощущенія соотвѣтственными, наприм., двигательными актами, какъ во времени, такъ и въ пространствѣ“; „время, повидимому, проходить съ необыкновенною быстротой, минуты кажутся часами, аршины верстами“. Возражать по поводу этихъ цитатъ неумѣстно. Ошибокъ въ этимологіи и синтаксисѣ не мало. Спрашивается: зачѣмъ эта лекція читалась и зачѣмъ, наконецъ, издавалась?

У Ч Е Б Н И К И.

„Тарасъ Бульба Н. В. Гоголя“. С. Бураковскаго. — „Первоучка“. К. Славина. — „Русскія прописи для учащихся въ городскихъ, начальныхъ и сельскихъ училищахъ“. М. Днярова. — „Ариметика“. П. Никулицева. — „Сборникъ физическихъ задачъ“. Э. Жакс. — „Ариметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ“. А. Ф. Комарова. — „Ключъ къ рѣшенію ариметическихъ задачъ на всѣ правила“. Н. В. Шаповича.

„Тарасъ Бульба“ Н. В. Гоголя. Разборъ повѣсти для учащихся съ приложеніемъ статьи: „Характеристика и значеніе поэзіи Гоголя“. Составилъ С. Бураковскій. Новгородъ, 1894 г. Цѣна 25 коп. Разборъ *Тараса Бульбы*, составленный г. Бураковскимъ для учащихся, удался ему нисколько не менѣе, чѣмъ всѣ другіе разборы произведеній Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова и Гоголя, которые онъ выполнилъ въ разное время, а приложенная къ этому разбору статья *Характеристика и значеніе поэзіи Гоголя* даетъ живое и довольно вѣрное представленіе о нашемъ первоклассномъ писателѣ. Г. Бураковскій подробно разсматриваетъ значеніе повѣсти и ея отношеніе къ другимъ историческимъ повѣстямъ русскимъ, останавливается на всѣхъ главныхъ моментахъ содержанія ея, разбираетъ художественность отдѣльныхъ описаній картинъ природы и жизни и обстоятельно характеризуетъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Далѣе, очень умѣстенъ взглядъ составителя на Гоголя, какъ на родоначальника естественнаго и реального направленія русской литературы, впервые правдиво и подробно изображавшаго русскую жизнь со всѣми ея мелочами, и онъ говоритъ совершенно вѣрно, что если „Тургеневъ и Достоевскій, какъ замѣчательные по оригинальности таланта писатели, внесли много новаго въ область нашей литературы“, то, „тѣмъ не менѣе, по реализму воспроизведеній русской жизни и по глубокому психологическому анализу

ея явленій они были послѣдователями Гоголя“ (стр. 30). Намъ особенно пріятно указать на статью г. Бураковскаго въ противовѣсъ г. Воскресенскому, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ для учащихся уже совсѣмъ плохую книжку о Гоголѣ.

При всѣмъ томъ, есть нѣкоторая странность въ разбираемой брошюрѣ г. Бураковскаго: не совсѣмъ ясно, въ какомъ именно смыслѣ онъ относитъ *Тараса Бульбу* къ романтическому періоду творчества Гоголя (стр. 3 и 18), когда самъ же указываетъ, что Гоголемъ обрисовываются въ названной повѣсти воинскіе подвиги козаковъ, ихъ общественная и частная жизнь, наконецъ, ихъ слава и могущество (стр. 16), а далѣе находить, что *Тарасъ Бульба* справедливо называется историческимъ произведеніемъ, такъ какъ въ немъ воссозданы въ цѣломъ рядъ живыхъ картинъ многія явленія изъ бытовой и политической исторіи Малороссіи XVI вѣка (стр. 12 и 13). Сколько извѣстно, всѣ перечисленные свойства отнюдь не входятъ въ понятіе романтизма и скорѣе характеризуютъ тотъ же реализмъ, такъ что для читателя остается загадкой, чтó именно кажется г. Бураковскому въ *Тарасъ Бульба* романтическимъ.

Первоучка. Азбука для семьи и школы. К. Славнина. Изданіе составителя. Екатеринбургъ, 1893 г. Ц. 20 коп. Азбука *Первоучка* раздѣлена на 5 отдѣловъ: 1) изученіе буквъ, 2) чтеніе словъ, 3) чтеніе предложеній, 4) статьи для чтенія и 5) образцы для письма. Пріемы, которыхъ придерживается составитель, конечно, не представляютъ изъ себя чего-нибудь особенно новаго, и совокупность ихъ подходить вполне подъ общее понятіе „звукового метода“, но средства г. Славнина пользоваться этимъ методомъ кажутся намъ значительно упрощенными. Такъ, г. Славнинъ совсѣмъ не настаиваетъ на продолжительности времени, необходимаго для изученія буквъ, а, напротивъ, полагаетъ, что на знакомство со всѣмъ алфавитомъ нужно не болѣе недѣли (стр. 4). Потомъ, въ отдѣлѣ „изученіе буквъ“, онъ не заставляетъ учащагося для запоминанія одной и той же буквы читать безконечное количество словъ, а ограничивается лишь самымъ незначительнымъ запасомъ ихъ въ связи съ соотвѣтствующими рисунками. Полагая, что при начальномъ чтеніи все вниманіе и психическія силы дѣтей поглощаются механическою стороною дѣла, т.-е. простымъ припоминаніемъ буквъ и сліяніемъ звуковъ“ (стр. 5), составитель не желаетъ обременять ихъ способности вполне сознательнымъ и осмысленнымъ чтеніемъ, а потому вслѣдъ за отдѣломъ „изученіе буквъ“ помѣщаетъ довольно продолжительный отдѣлъ „чтеніе словъ“. Если принять во вниманіе, что слова эти подобраны въ чрезвычайно „послѣдовательномъ порядкѣ“, по степени наращенія звуковъ (буквъ) и усложненія звуколагательныхъ трудностей“ (стр. 5), достоинство означеннаго приѣма дѣлается еще очевиднѣе. Далѣе, въ 3-мъ отдѣлѣ г. Славнинъ также не слѣдуетъ существующимъ шаблоннымъ приѣмамъ и при помощи вопросовъ предлагаетъ ученикамъ самостоятельно составлять предложенія. Наконецъ, въ выборѣ статей для чтенія составитель и норируетъ статьи распространенныя, хотя бы даже и доступныя дѣтскому пониманію, въ виду того, что вниманіе дѣтей все еще полагается механизмомъ чтенія, и „логическая связь предложеній и часте цѣлаго прерывается, запутывается и забывается, а отъ этого ускользаетъ изъ вниманія общее содержаніе читаемой статьи“ (стр. 6). Руководясь собственною долгодѣтнею практикой, г. Славнинъ предпочитаетъ остановиться на наиболѣе краткихъ и по содержанію вполне

доступныхъ для дѣтскаго пониманія статьяxъ; мы же, вполне раздѣляя мнѣнiе его о цѣлесообразности такого приѣма, прибавимъ, что 4-й отдѣлъ его азбуки, заключающій въ себѣ именно статьи, болѣе чѣмъ просто удался составителю: онъ превосходитъ.

Русскія прописи для учащихся въ городскихъ, начальныхъ и сельскихъ училищахъ. М. Днѣпровъ. Могилевъ на Днѣпрѣ, 1893 г. Ц. 15 коп. Вопреки мнѣнiю г. Днѣпровъ, изложенному на оборотной сторонѣ обложки, гдѣ находимъ что-то вродѣ предисловія, тотъ, кто будетъ пользоваться его прописями, едва ли найдетъ всѣ образцы шрифтовъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторый матеріалъ означенныя прописи, все-таки, въ себѣ заключаютъ, и въ этомъ отношеніи, какъ и желаетъ того составитель, онѣ являются пригоднымъ пособіемъ для учениковъ элементарной школы при обученіи ихъ письму. Если прибавить, что цѣнить г. Днѣпровъ свою книжку всего въ 15 коп., то удовлетворится и вторая его цѣль, такъ какъ прописи нельзя не назвать доступными со стороны ихъ стоимости. Нечего возразить и противъ приѣма, при которомъ каждая буква „предварительно ея пониманія“, какъ выражается составитель, разлагается на составныя части. При всемъ этомъ намъ представляется страннымъ, почему изъ графической сѣти въ разсматриваемыхъ прописяхъ исключены надстрочныя и подстрочныя линіи. Правда, составитель говоритъ, что „отсутствіе этихъ линій, какъ доказано опытомъ, не имѣетъ никакого вреднаго вліянія на элементарное обученіе письму“, но этотъ доводъ едва ли убѣдителенъ: не можетъ подлежать сомнѣнiю, что въ данномъ случаѣ важно не то, вредны ли, или безвредны названныя линіи, а полезны ли онѣ, или безполезны. Мало того, тотъ же г. Днѣпровъ, указывая, что отсутствіе надстрочныхъ и подстрочныхъ линій въ графической сѣти не приноситъ вреда, оговаривается: „если обученіе ведется подъ постояннымъ надзоромъ учителя“; но, вѣдь, „русскія прописи“ предназначаются, между прочимъ, и для самостоятельныхъ упражненій.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: г. Днѣпровъ не можетъ не желать широкаго распространенія своихъ прописей, что очень ясно слѣдуетъ изъ его же собственныхъ словъ на оборотной сторонѣ обложки; почему же, въ такомъ случаѣ, на той же обложкѣ указаны всего только 3 пункта, гдѣ можно получить прописи? Кромѣ издателя (Могилевъ губ., М. Нафтуловичъ) и книжно-музыкальныхъ магазиновъ П. Сыркиной, въ Могилевъ губ. и Гомель (Могилевской губ.), существуетъ очень много мѣстъ, гдѣ могли бы продаваться прописи г. Днѣпровъ, и составителю, повидимому, естественно было бы направить свою книжку въ эти мѣста.

Арифметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Никульцевъ, инспектирующій учитель александровскаго смоленскаго реальнаго училища. Изданіе третье. Москва, 1893 г. Изданіе книжнаго магазина Думнова. Цѣна 70 коп. Учебникъ г. Никульцева обладаетъ многими серьезными достоинствами, своевременно отмѣченными печатью при выходѣ въ свѣтъ первыхъ двухъ изданій (1885 и 1887 годъ). Мы не будемъ поэтому повторять здѣсь того, что уже было сказано объ этой книгѣ въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ нашего журнала (1885 г. апрѣль, іюнь). Весьма благоприятные отзывы даны были также *Педагогическимъ Сборникомъ* (1887 г., августъ) и журналами *Министерства Народнаго Просвѣщенія* (августъ 1885 г.) и *Элементарной Математики*. Второе изданіе одобрено ученымъ комитетомъ мин. нар. просвѣщенія, какъ руководство для сред-

какъ учебныхъ заведеній, и ученымъ комитетомъ при св. синодѣ, какъ пособие для духовныхъ училищъ.

Вообще ариметика г. Никульцева представляетъ собою весьма почетный трудъ, который уже успѣлъ занять видное мѣсто въ русской педагогической литературѣ.

Сборникъ физическихъ задачъ. Э. Жакъ. Переводъ съ французскаго Н. И. Мамонтова. Москва, 1893 г. Цѣна 2 р. Задачникъ Жакъ представляетъ собою весьма полезное пособие при изученіи физики. Въ немъ есть также задачи по основнымъ вопросамъ механики и космографіи. Но особое вниманіе обращено на гидростатику и ученіе о теплотѣ. Особенность этого сборника заключается въ томъ, что къ немъ рѣшенію задачъ по какому-нибудь отдѣлу предшествуетъ указанію законовъ и формулъ, къ нему относящихся. Такимъ образомъ, это не только задачникъ, но, въ то же время, и краткій конспектъ для повторенія. Мѣстами авторъ подвергаетъ научной критикѣ извѣстныя установившіяся и общепринятыя въ курсахъ физики, но по существу невѣрные выводы и положенія. Такъ, напримѣръ, на стр. 56 читаемъ: „въ учебникахъ физики говорится, что полное давленіе, производимое на поверхность тѣла человѣка средняго роста, составляетъ до 17,500 киллограмъ, этотъ выводъ совершенно невѣренъ“. Далѣе идетъ пространное опроверженіе этого укоренившагося заблужденія. Самые задачи по своему содержанію очень интересны и разнообразны. Переводъ сдѣланъ хорошо и книга издана очень чисто.

Задачникъ Жакъ можно поэтому смѣло рекомендовать вниманію учащихся и учащихся.

Ариметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ. Составилъ А. Ф. Комаровъ, инспекторъ народныхъ училищъ Воронежской губ. Изданіе второе. Воронежъ, 1893 г. Цѣна 30 коп. Составитель обратилъ особое вниманіе, чтобы приспособить свой задачникъ къ потребностямъ начальныхъ училищъ. Задачи расположены въ такомъ порядкѣ, что трудность ихъ постепенно возрастаетъ, причемъ такъ называемыя типическія задачи образуютъ собою однородныя группы. Такая систематизація облегчаетъ усвоеніе. Въ задачникѣ отведено много мѣста устному счисленію. Самые задачи наложены толково и по своему содержанію подобраны примѣнительно къ сельскому быту.

Ключъ къ рѣшенію ариметическихъ задачъ на всѣ „правила“. Составилъ Николай Васильевичъ Шпаковичъ. Кіевъ, 1893 г. Наши ариметическіе задачники изобилуютъ, къ сожалѣнію, столь мудренными задачами, что падъ ими даже и репетиторы подолгу ломаютъ голову, а дѣтямъ онѣ уже совершенно не подъ силу. Такія задачи часто задаются на домъ и бесплодно отнимаютъ у учениковъ массу времени, котораго и безъ того не хватаетъ нашимъ гимназистамъ для приготоувленія уроковъ. Въ большинствѣ случаевъ, задачи эти или остаются перѣшенными (списываются у другихъ), или рѣшаются репетиторами, составляющими въ настоящее время, какъ извѣстна необходимость принадлежность общеобразовательной средней школы.

Только составленный ключъ къ рѣшенію такого рода задачъ, къ тому, небыи желателенъ, въ особенности для учениковъ городскихъ и сельскихъ школъ. Но составить его не легко. Ключъ г. Шпакочка одна ли можетъ вполнѣ удовлетворить этой потребности. Упомянутое имъ пріемы нѣсколько искусственны, а его объясненія недостаточныо празумительны. Замѣная однѣ цифры другими для бол-

шей якобы наглядности и ясности, онъ, намъ кажется, безъ нужды только затемняетъ дѣло. Въ глазахъ рябятъ цифры, вопросительные и восклицательные знаки, а вмѣсто одной задачи зачѣмъ-то являются двѣ. Тѣмъ не менѣе, книжка г. Шпаковича можетъ быть не бесполезной въ огромномъ ассортиментѣ нашихъ зачастую совсѣмъ неудачныхъ задачникѣвъ. Въ ней есть, по крайней мѣрѣ, хоть схемы для рѣшенія особенно головоломныхъ задачъ.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Книжки по прикладнымъ знаніямъ.

Надо сѣять сортированнымъ зерномъ. М. Девеля. — Вятская Газета, сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная. Ц. 1 р. въ годъ. — Худая болѣзнь (сифилисъ). Народное чтеніе А. Ивановаго. Изд. рязанск. земства. — Домашній переплетчикъ на инструментахъ своего издѣлія. Сост. священникъ Ч. Анурьевъ. Вологда, 1894 г. Ц. 10 к. — Столяръ самоучка. Его же. Ц. 15 к. — Какъ дѣлаютъ простую мебель. Опытъ ознакомленія дѣтей начальныхъ школъ со столярнымъ ремесломъ. Его же. Вологда, 1893 г. Ц. 45 коп. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, распространенію сельско-хозяйственныхъ знаній придають все больше и больше значенія; иной разъ приходится встрѣчать и такихъ господъ, которые видятъ въ распространеніи этихъ знаній чуть ли не единственно возможное спасеніе Россіи. Мы думаемъ, что если Россію и спасетъ распространеніе знаній, то знаній общихъ, а не спеціальныхъ, — знаній, расширяющихъ горизонтъ и облегчающихъ пониманіе *всего* окружающаго, въ томъ числѣ и отношеній общественныхъ. Давнымъ-давно сказано и доказано, что спеціальное образованіе немислимо безъ общаго. Къ сожалѣнію, у насъ вопросъ сплошь и рядомъ ставится совсѣмъ не такъ: общее образованіе стараются не пополнить, а *замѣнить* спеціальнымъ, приготовить не столько людей, сколько сверчковъ, знающихъ свои шестки. Безспорно, распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній вещь очень хорошая и полезная, но, вѣдь, это *часть* дѣлага. А что же съ другими частями? Вѣдь, за однимъ кирпичомъ и отъ вѣтра не спрячешься; чтобы построить домъ, ихъ нужно много... Прочитывая одну за другой книжки по сельскому хозяйству, которыхъ, встаетъ сказать, появляется за послѣдніе годы больше чѣмъ всякихъ другихъ научно-популярныхъ книжекъ для народа, мы всегда вспоминаемъ письма нѣкоторыхъ крестьянъ, излагавшихъ свои взгляды на распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній вообще, а на книжки по сельскому хозяйству въ особенности. Изъ этихъ писемъ, изъ наблюденій учителей, священниковъ и другихъ лицъ, стоящихъ у народа и приславшихъ намъ свои рукописныя замѣтки, можно видѣть, что у крестьянина-грамотѣя есть своя точка зрѣнія на этотъ счетъ. Мужикъ отлично понимаетъ, что дѣлое, а что часть, и сколько ни учи его сѣять траву да покупать фосфориты, ничего изъ этого не выйдетъ, потому что корень вещей не здѣсь. Пишетъ намъ одинъ учитель изъ среднерусскихъ губерній: „Къ книгамъ по сельскому хозяйству народъ нашъ относится *недоверчиво*, находитъ ихъ *ненужными*. „Землицы у насъ мало, да Господь не даетъ урожая, а то я бы и безъ книжки...“ — приходится слышать у насъ такія рѣчи не рѣдко. Изъ другихъ губерній, гдѣ тоже насчетъ землицы и урожая въ радо-

ваться не приходится, пишутъ: „Далъ я ему (крестьянину) книгу Горбунова: *Какъ пахать*. Прочелъ всю и понялъ, а затѣмъ нашелъ книжку ненужной, потому „какъ пахать мы и сами знаемъ, было бы что пахать“. На этихъ сообщеніяхъ не мѣшаетъ нѣсколько остановиться для характеристики отношеній „читателя изъ народа“ къ сельско-хозяйственной книжкѣ. О *недовѣрїи* къ ней народа пишутъ изъ разныхъ мѣстъ, а тѣ, кто сообщаетъ факты противоположныя, показывающіе довѣріе его къ книгѣ, его стремленіе поучиться у нея, сообщаютъ ихъ какъ нѣчто особенно радостное и необычайное. Чего же тутъ радоваться? Это значитъ лишь подтверждать лишній разъ, что книжка вообще не дѣлаетъ того, что должна дѣлать. Что касается недовѣрія народа къ естественно-научной книжкѣ, то откуда и взятыя довѣрію къ ней? Ни для какихъ знаній у насъ такъ мало не сдѣлано (въ смыслѣ распространенія), какъ для знаній естественно-историческихъ. Не посчастливилось имъ въ школахъ, не посчастливилось и въ народной литературѣ, гдѣ сонниковъ и оракуловъ и всякихъ иныхъ книгъ, трактующихъ *contra, supra et extra patagam*, какъ выразился когда-то Ома Аквинатъ, выходитъ въ десять разъ больше, чѣмъ книгъ естественно-историческихъ и сельско-хозяйственныхъ. Указываютъ еще, что народъ считаетъ сельско-хозяйственныя книжки *ненужными*, и это весьма понятно и до извѣстной степени справедливо: книжка обыкновенно сообщаетъ новшества, а эти новшества и всякіе опыты вообще дороги, а пословица о журавлѣ въ небѣ еще дѣдами и прадѣдами проверена. Кроме того, бываютъ положенія, изъ которыхъ никакія новшества, предлагаемыя въ сельско-хозяйственной книжкѣ, не извлекутъ. И это свое положеніе мужикъ понимаетъ отлично, гораздо лучше, чѣмъ тѣ, кто упрекаетъ его въ непониманіи собственныхъ выгодъ, консерватизмъ и проч. Мужичкѣй консерватизмъ въ сельскомъ хозяйствѣ—консерватизмъ *бѣдности*; только общее образование и развитіе, съ которыми тѣсно связано пониманіе общественныхъ и всякихъ иныхъ отношеній, могутъ отъ этого консерватизма излечить.

Изъ предъидущаго въ достаточной степени видно, почему и хорошия сельско-хозяйственныя книжки имѣютъ весьма небольшое значеніе. Онѣ находятъ весьма небольшой сбытъ, даже тѣ, которыя и заслуживали бы большаго вниманія. Врядъ ли мы ошибемся, считая, что если нѣкоторыя сельско-хозяйственныя книжки и распространяются довольно быстро, то, главнымъ образомъ, потому, что въ нихъ распространеніи принимаетъ дѣятельное участіе провинціальная интеллигенція,—земцы, учителя и проч. Что касается того, насколько быстро обогащается наша народная сельско-хозяйственная литература, то въ этомъ отношеніи факты довольно утѣшительны: нашлись и люди, практически и теоретически знающіе дѣло, которые взялись за составленіе книгъ для народа, нашлись и издатели этихъ книгъ. Ни одна область научно-популярной литературы не обогащается въ такой степени, какъ область сельско-хозяйственная. Въ прошломъ году, напримеръ, вышло болѣе двухъ десятковъ названій новыхъ книгъ. Въ изданіи ихъ принимали дѣятельное участіе московскій книжный магазинъ „Начальная школа“, петербургскій издатель Девріенъ, рязанскій издатель Журковъ, Императорское вольно-экономическое общество. Нѣсколько очень хорошихъ книжекъ издано земствами и провинціальными сельско-хозяйственными обществами. Одна изъ лучшихъ—брошюра вѣнгерскаго тверскаго дѣятеля М. В. Девеля. Эта брошюра, очень краткая, но и очень толковая, носитъ оригинальное названіе: *Нудо стять*

сортированнымъ зерномъ. Отъ худого сѣмени не бываетъ хорошаго мѣла. Что посеешь, то и пожнешь. Авторъ не многословно, но обстоятельно объясняетъ самую сущность дѣла, только сущность, не вдаваясь въ подробности и не украшая своего изложенія разными шутками и прибаутками, которыя почему-то многіе авторы народныхъ книгъ считаютъ для „меньшого брата“ особенно вразумительными. Г. Девель говоритъ самымъ простымъ и безыскусственнымъ языкомъ, объясняетъ, почему крупное зерно лучше, почему оно выгоднѣе, какъ надо сортировать зерно, какія для того имѣются машины, какъ съ ними надо обращаться, гдѣ онѣ продаются и на какихъ условіяхъ, какая выгода покупать сортировку *всѣмъ міромъ*, въ складчину, какая выгода, если и купить ее для себя, то работать съ нею на всѣхъ, и т. д. Словомъ, идя шагъ за шагомъ, авторъ перебираетъ множество вопросовъ, и теоретическихъ, и практическихъ; видно, что онъ умѣетъ, какъ и о чемъ говорить съ мужикомъ. Книжка г. Девеля имѣетъ не мѣстное только значеніе, хотя и указываетъ на тверской сельско-хозяйственный складъ, гдѣ рекомендованныя брошюры продаются *).

Особенно интересную новинку представляетъ предпріятіе вятскаго губернскаго земства, которое съ марта этого года приступило къ изданію первой земской сельско-хозяйственной газеты, и по цѣнѣ, и по языку доступной самому широкому кругу читателей. Первый № *Вятской Газеты, сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной*, вышелъ 31 марта 1894 г., второй 15 апрѣля. Газета выходить два раза въ мѣсяцъ; подписная цѣна на годъ съ пересылкою и доставкой 1 р. Судя по вышедшимъ №№, можно думать, что газета будетъ вестись толково и живо, насколько только это возможно по ея узенькой программѣ, и дѣйствительно сослужитъ добрую службу мѣстному населенію, которое газета и имѣетъ почти исключительно въ виду. Въ *Вятской Газетѣ* все мѣстное, вятское: и сотрудники, и интересы; даже статьи такія подобраны, что, главнымъ образомъ, содержаніе ихъ полезно для вятскихъ крестьянъ. Первая статья въ первомъ № трактуетъ о помощи вятскаго земства сельскому хозяйству, вторая статья — объ учебныхъ мастерскихъ вятскаго земства, затѣмъ слѣдуетъ статья о посѣвныхъ сѣменахъ (общаго содержанія); далѣе г. А. Фоминыхъ рассказываетъ, какъ онъ съ нѣсколькими товарищами устроилъ весьма интересный артельный пчельникъ; далѣе идутъ описанія посѣвовъ вики и сибирскаго и шатиловскаго овса на вятской фермѣ и четырехпольнаго сѣвооборота у крестьянъ починка Городиловскаго. Полторы страницы отведено библиографіи полезныхъ книгъ (2 книги). Немного мѣста удѣлено сельско-хозяйственнымъ новостямъ отчасти изъ мѣстной жизни, а отчасти заимствованныхъ изъ разныхъ газетъ, впрочемъ, только сельско-хозяйственныхъ, если не считать *Сельскаго Вѣстника* **). Изъ предъидущаго видно, что *Вятская Газета* старается съ самаго же начала стать сколь возможно ближе къ мѣстной сельско-хозяйственной жизни и служить органомъ земскихъ начинаній въ области сельскаго хозяйства. Въ первой же статьѣ авторъ старается разъяснить читателямъ, какія задачи ставить земство и чего можетъ ожидать отъ этого послѣдняго крестьянское на-

* Съ 1894 г. сельско-хозяйственные склады будутъ устроены во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Тверской губерніи, при уѣздныхъ земскихъ управахъ.

** Во второмъ № напечатаны статьи: 1) о травосѣяніи; 2) о берестяной мастерской вятскаго земства; 3) о кормленіи скота картофелемъ; 4) текущія свѣдѣнія.

редане. Несомнѣнно, и такой печатный органъ способенъ оказать громадную услугу земству въ дѣлѣ проведенія въ жизнь его намѣренія и это особенно важно, поможетъ сближенію мѣстныхъ дѣятелей, которые и входятъ въ составъ редакціи газеты, — земствъ, агрономовъ и проч. съ населеніемъ. Особеннаго вниманія и сочувствія заслуживаютъ отдѣлы вопросовъ и отвѣтовъ, — нѣчто вродѣ почтового ящика, въ которомъ являются какъ вопросы, съ которыми обращаются въ редакцію читатели, такъ и отвѣты на нихъ свѣдущихъ людей редакціи. Напримѣръ, читатель обращается съ вопросомъ, какъ истребить червяка на капустѣ (для этого редакція, кстати сказать, не совсѣмъ удачно рекомендуетъ прижиганіе, между прочимъ, яръ-мѣдянку, — средство, очень опасное не только для червяковъ, но и для всѣхъ, кто не прочь познакомиться съ смородиной); другой проситъ указать полезныя книги по агрономическому и т. д. Этотъ отдѣлъ несомнѣнно можетъ имѣть весьма большое значеніе, если только получить должную постановку и разное содержаніе статей, вошедшихъ въ первые два №№, равно какъ и другая ихъ, производятъ весьма хорошее впечатлѣніе: видно, что люди стараются сдѣлать все въ предѣлахъ своей узенькой программы. Языкъ статьи простой, удобопонятный. Нѣтъ сомнѣнія, *Вятская Газета* будетъ очень полезна и вятскому населенію, и населенію смежныхъ губерній, въ условія для сельскаго хозяйства болѣе или менѣе схожія съ вятскими. Но польза отъ прекраснаго начинанія вятскаго губернскаго земства была бы еще значительнѣе, если бы редакція стала решать свою задачу нѣсколько шире. Дѣло въ томъ, что въ вышедшихъ двухъ №№, если это только не случайно, мы не нашли ни одной статьи существенно-историческаго содержанія, если не считать одной короткой заметку о погодѣ. Между тѣмъ, такія статьи были бы весьма полезны болѣе умѣстны въ сельско-хозяйственной газетѣ и они бы болѣе соответствовали ея программѣ. Начальныя свѣдѣнія по агрономіи, ботаникѣ, зоологіи для cadaго сельскаго хозяйства имѣютъ огромное значеніе, тѣмъ болѣе, что очень много свѣдѣній о родѣ свѣдѣній не откуда и получить. Желательно было бы, чтобы въ отдѣлѣ библиографіи былъ поставленъ правильнѣе и шире, чтобы въ этомъ отдѣлѣ бы не только лучшія книги по сельскому хозяйству и агрономіи, но и откуда и какъ ихъ выписывать или добывать (изъ чужихъ странъ, изъ читаленъ и библіотекъ). Въ первыхъ двухъ номерахъ мы обратили на свое вниманіе то, что крайне мало мѣста отведено сельскому и промышленному, по которому распространеніе общихъ свѣдѣній было бы весьма желательно. Экономическія отношенія гораздо болѣе важны, чѣмъ сельско-хозяйственныя, а потому желательнѣе было бы, чтобы на эту половину своей задачи редакція обратила по-

вниманіе. Въ области народной литературы *Вятская Газета* имѣетъ большое значение и мы отъ души привѣтствуемъ ее.

Въ области народной литературы, кстати уже укажемъ еще на книгу, изданную вятскимъ губернскимъ земствомъ и составленную вятскими и казанскими: *Худия болѣзнь (сифилис)*. Книжка эта представляетъ на конкурсѣ и удостоена (быть можетъ, несправедливо) преміи въ 1,000 рублей. Безспорно, ее нуженъ и въ вятскомъ земствѣ весьма полезный, хотя и не совсѣмъ толковый трудъ, такъ какъ авторъ прибѣгаетъ къ шаблонной манерѣ изложенія, такъ какъ книжка написана въ формѣ поучительно-нази-

дательной бесѣды земскаго врача съ крестьянами, бесѣды много-словной, растянutoй, уснащенной великимъ множествомъ ненужныхъ подробностей о деревенской жизни, хорошо извѣстной всѣмъ читателямъ этой книжки. Принимаясь бесѣдовать съ народомъ, авторъ непременно считаетъ нужнымъ надѣть сермягу и коверкать языкъ, словно безъ того нельзя обойтись. Авторъ, какъ и слѣдуетъ, очень подробно останавливается на способахъ распространения заразы, описываетъ различныя фазы болѣзни, затѣмъ показываетъ возможность вылечиться; впрочемъ, этой послѣдней стороны дѣла онъ касается такъ кратко, что о томъ можно и пожалѣть.

Въ заключеніе укажемъ три очень хорошихъ книжки священника Ч. Анурьева, весьма дѣльно составленныя, съ знаніемъ дѣла и знаніемъ читателя. Особенно цѣнна и оригинальна книжка *Домашній переплетчикъ*, которая учитъ переплетать книги на инструментахъ собственнаго издѣлія. Въ книжкѣ *Столяръ-самоучка* авторъ учитъ „грамотныхъ поселянъ, какъ имъ самимъ дѣлать про себя всякія принадлежности простой, но приличной крестьянской обстановки“. Наконецъ, послѣдняя книжка предназначена для учащихся въ начальныхъ школахъ и знакомитъ ихъ со столярнымъ ремесломъ. Всѣ три книжки, несомнѣнно, весьма полезны и принадлежать къ лучшимъ народнымъ книжкамъ по отдѣлу прикладныхъ знаній, и мы рекомендуемъ ихъ нашимъ читателямъ.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, апрѣль. — „Русское Богатство“, мартъ. — „Землеустройство“, кн. I. „Книгоустройство“, кн. I—IV.

Вѣстникъ Европы, апрѣль. За послѣдніе годы въ практикѣ нашихъ земствъ усиливается слѣдующее явленіе: губернское земство все чаще и чаще, по различнымъ вопросамъ и въ различной формѣ, приходитъ на помощь уѣзднымъ земствамъ, содѣйствуетъ имъ въ болѣе успѣшномъ достиженіи поставленныхъ ими задачъ, старается внести извѣстныя улучшенія въ направленіе, въ ходъ дѣла. Такъ, нѣкоторыя губернскія земства приходятъ на помощь уѣзднымъ въ устройствѣ школьныхъ зданій, при учрежденіи библиотекъ, въ цѣляхъ лучшаго обезпеченія учителей и т. п. Такое участіе губернскаго земства въ обще-земскомъ хозяйствѣ, такое стремленіе его объединить и направить всю земскую дѣятельность губерніи представляется вполне правильнымъ, цѣлесообразнымъ и очень желательнымъ. Но если подобное направленіе дѣятельности земствъ оказывается воплѣ цѣлесообразнымъ и ведетъ къ извѣстному улучшенію въ различныхъ отрасляхъ земскаго хозяйства, то понятно, что противники земства всячески встаютъ противъ этого направленія. За послѣднее время извѣстная часть печати старалась даже доказывать, что подобное вмѣшательство губернскаго земства въ дѣла, порученныя уѣзднымъ, будто бы представляется противорѣчіемъ закону, статьямъ земскаго „положенія“, нарушаетъ права и самостоятельность уѣздныхъ земствъ и проч. „Внутреннее обозрѣніе“ послѣдней книжки *Вѣстника Европы* очень обстоятельно и вполне справедливо возстаетъ противъ такого взгляда.

Издавна, чуть не съ самаго введенія земскихъ учреждений, — говорить *Вѣстникъ Европы*, — установилась та практика, противъ которой геперь вооружаются *Московскія Ведомости*, и никогда, насколько намъ извѣстно, не возбуждала никакихъ недоумѣній, никакихъ протестовъ

со стороны администраціи. Трудно допустить, чтобы здѣсь было одно сплошное заблужденіе, обнаруженное, по истеченіи тридцати лѣтъ, прозорливостью и бдительностью реакціонной газеты. Гораздо проще предположить, что никакого заблужденія не было и нѣтъ, и что мнимое его раскрытіе сводится къ злобному буквоѣдству. И дѣйствительно, что такое дѣла, касающіяся всей губерніи? Очевидно, всѣ тѣ, значеніе которыхъ не чисто-мѣстное, всѣ тѣ, въ которыхъ заинтересована губернія вообще, хотя бы значительная часть ея населенія непосредственно и не испытывала на себѣ ихъ вліянія. Если принять масштабъ *Московскихъ Вѣдомостей*, то придется признать, что основаніе начальной школы—не дѣло уѣзднаго земства, такъ какъ оно касается не уѣзда вообще, а только одной небольшой мѣстности. На такой формальной точкѣ зрѣнія составители земскихъ „положеній“, прежняго и новаго, безъ сомнѣнія, не стояли. Народное образованіе, народное здоровье, народное благосостояніе, общественное призраченіе,—все это не можетъ быть приурочено исключительно и всецѣло къ тѣмъ территоріальнымъ единицамъ, которыя прямо затрогиваются тою или другою отдѣльною мѣрой. Каждая вновь основываемая школа, больница, богадѣльня, опытное поле представляютъ большую или меньшую цѣнность не только для волости, въ районѣ которой они открыты, не только для уѣзда, но и для губерніи. Приходя на помощь уѣздамъ, отставшимъ въ развитіи школьнаго или больничнаго дѣла, губернское земство дѣйствуетъ на пользу цѣлой губерніи, для которой въ высшей степени важенъ общій уровень, достигнутый въ той или другой отрасли земскаго хозяйства. Далѣе авторъ „Внутренняго обозрѣнія“ останавливается еще на утвержденіи, будто указанное участіе губернскаго земства въ тѣхъ отрасляхъ, которыя вѣдаются вообще уѣздами, нарушаетъ автономію послѣднихъ. Представимъ себѣ,—говоритъ онъ,—такое разсужденіе: волость (или сельское общество) есть автономная административно-хозяйственная единица, она имѣетъ право открыть у себя начальную школу,—ergo, уѣздное земство, открывающее сельскую школу на свой счетъ, нарушаетъ автономію волости (или общества). Даже *Московскія Вѣдомости* едва ли отказались бы признать это разсужденіе нелѣпымъ, а, между тѣмъ, онъ примѣняютъ его, *mutatis mutandis*, къ взаимнымъ отношеніямъ губерніи и уѣзда. Не вправѣ ли мы предположить, что побудительная причина ихъ полемики—вовсе не забота о неприкосновенности закона, о сохраненіи уѣздной „автономности“, а просто желаніе набросать какъ можно больше палокъ подъ земскія колеса? Въ заключеніе, журналъ отмѣчаетъ еще одну любопытную черту въ статьѣ московской газеты. Губернское земское собраніе, въ его настоящемъ видѣ, можетъ быть названо (за исключеніемъ немногихъ отдаленныхъ губерній) учрежденіемъ дворянскимъ. Къ нему принадлежать обязательно всѣ предводители дворянства; въ губернскіе гласные избираются почти одни дворяне, какъ потому, что на сторонѣ дворянства большинство въ уѣздныхъ собраніяхъ, такъ и потому, что лица другихъ сословій сравнительно рѣдко соглашаются на издержки и потерю времени, сопряженныя съ продолжительнымъ пребываніемъ въ губернскомъ городѣ. И вотъ дворянское учрежденіе оказывается подозрительнымъ въ глазахъ ультра-дворянской газеты, усматривающей въ немъ „наилучшую почву для вздорныхъ увлеченій, легкомысленныхъ предпріятій и тенденціознаго направленія“. Объяснить эту несообразность можно только тѣмъ, много разъ констатированнымъ фактомъ, что въ земскихъ собраніяхъ, отчасти подъ вліяні-

емъ самаго ихъ призванія, отчасти подъ вліяніемъ традицій, образовавшихся за первую четверть вѣка существованія земства, вѣетъ другой духъ, чѣмъ въ собраніяхъ дворянскихъ. Одни и тѣ же лица дѣйствуютъ различно, смотря по тому, являются ли они представителями сословія, или уполномоченными всего населенія, и этого достаточно, чтобы возбудить противъ земскихъ собраній недоверіе и недоброжелательство реакціонной прессы. На ея языкѣ „вадорное увлеченіе“—синонимъ уклоненія отъ рутинны; „легкомысленное предпріятіе“—все равно, что предпріятіе на общую пользу; „тенденціозное направленіе“—все равно, что отсутствіе сословныхъ тенденцій.

Изъ другихъ публицистическихъ статей журнала обращаютъ на себя вниманіе статья г. Бирюковича: *По поводу питейной монополіи* и статья Вл. С. Соловьева: *Споръ о справедливости*.

Говоря о предстоящемъ опытѣ казенной продажи вина въ четырехъ юго-восточныхъ губерніяхъ, авторъ статьи указываетъ, что, по заключенію государственнаго совѣта, выгоды этой монополіи неоспорны и что только на основаніи результатовъ такого опыта можно будетъ рѣшить, распространить казенную продажу вина на всю страну или нѣтъ. Но удастся или не удастся опытъ монополюльной продажи вина въ юго-восточныхъ губерніяхъ, будутъ ли казенная продажа выгодна для фиска, введеніе ея, какъ извѣстно, предлагается не въ интересахъ только послѣдняго, а и въ интересахъ народной нравственности. Авторъ статьи не считаетъ возможнымъ возможное достиженіе этихъ цѣлей. „Приведа слова изъ рѣчи г. министра финансовъ, что при установленіи казенной монополіи сдѣлается вполнѣ очевидной невѣрность ходячаго мнѣнія, будто бы всеміе кабатчика обусловливается необходимостью для государства жить на средства, извлекаемые отъ ненормальной продажи вина, и что бюджетъ русскаго государства основанъ на пьянствѣ“,—г. Бирюковичъ замѣчаетъ, что указанная очевидность сдѣлается такою же для всѣхъ только лишь послѣ того, какъ благополучіе бюджета дѣйствительно перестанетъ покоиться на доходѣ отъ потребления населеніемъ вина. Пока же само финансовое вѣдомство признаетъ, въ своемъ проектѣ монополіи, увеличеніе при посредствѣ ея питейнаго дохода „необходимымъ“. Очевидно, что лишь съ устраненіемъ подобной грустной „необходимости“ у правительства окажутся развязанными руки для болѣе активной борьбы съ народнымъ недугомъ пьянства. У насъ принято,—продолжаетъ авторъ,—ссылаться на знаменитую „готенбургскую систему“, какъ на доказательство возможности борьбы съ пьянствомъ чисто-внѣшними приемами, путемъ удачной организаціи самой продажи вина. Говорятъ, населеніе Швеціи и Норвегіи во время ея дѣйствія превратилось изъ самаго пьянаго въ самый трезвый народъ въ мірѣ. Но при этомъ какъ-то совѣмъ забываютъ, что въ обоихъ государствахъ за этотъ же періодъ сдѣлали огромные успѣхи народное образованіе и ростъ народнаго благосостоянія. Тамъ уже думаютъ не о народныхъ школахъ,—о которыхъ у насъ и до сихъ поръ больше думаютъ, пишутъ и говорятъ,—а о народныхъ университетахъ. У насъ же, къ сожалѣнію, всякая благожелательная попытка замѣнить для народа кабакъ болѣе разумнымъ развлеченіемъ, вродѣ устройства публичныхъ чтеній, доступныхъ бібліотекъ и т. д., встрѣчаетъ нерѣдко еще до сихъ поръ подозрѣніе и цѣлую массу формальныхъ препонъ, часто непреодолимыхъ.

Высоко-талантливый публицистъ Вл. С. Соловьевъ начинаетъ свою

статью слѣдующимъ остроумнымъ сравненіемъ: „Въ хорошихъ монастыряхъ никто изъ монаховъ не гнушается самыми неприятными и нечистыми службами: всякая служба (въ богослуженіи) называется „послушаніемъ“ и исполняется съ одинаковымъ усердіемъ. Конечно, наша современная литература похожа на хорошій монастырь развѣ только обиліемъ черной работы, но тѣмъ болѣе причинъ и здѣсь не быть особенно брезгливымъ. Я за послѣднее время взялъ на свою долю добровольное „послушаніе“: выметать тотъ печатный соръ и мусоръ, которымъ наши лжеправославные лжепатріоты стараются завалить въ общественномъ сознаніи великій и насущный вопросъ религіозной свободы“.

Въ настоящей своей статьѣ г. Соловьевъ выметаетъ соръ и мусоръ, которыми изобилуютъ измышленія г. Тихомирова, подвизающагося на страницахъ *Русскаго Обзорнія*. Послѣдній, заявивъ, что „терпимость“ есть не только правило самого православія но и качество русскаго народа, много говоритъ о томъ, какое это превосходное качество терпимость, и совершенно какъ бы забываетъ доказать первое свое положеніе. Между тѣмъ,— какъ справедливо замѣчаетъ г. Соловьевъ,— вопросъ о вѣротерпимости имѣетъ совершенно опредѣленный смыслъ, котораго, однако, ни однимъ словомъ не коснулся г. Тихомировъ. Спрашивается: слѣдуетъ ли людей сажать въ тюрьму или ссылатъ за извѣстныя проявленія ихъ религіозныхъ убѣжденій (напримѣръ, ино-вѣрныхъ духовныхъ—за совершеніе требъ надъ лицами, не числящимися въ ихъ исповѣданіи, но желающими принадлежать къ нему); слѣдуетъ ли запрещать и истреблять книги за содержащіяся въ нихъ мысли, несогласныя съ официално принятыми мнѣніями и т. д.? Дѣло идетъ о признаніи за чужими религіозными убѣжденіями всѣхъ тѣхъ правъ на свободное проявленіе, какія мы признаемъ и требуемъ для своей собственной вѣры. Этотъ принципъ равноправности религіозныхъ убѣжденій, сдѣлавшійся закономъ во всѣхъ образованныхъ странахъ, еще не вошелъ, какъ извѣстно, ни въ наше законодательство, ни въ правила нашей администраціи. По русскому законодательству (какъ было еще недавно объявлено въ сенатскомъ рѣшеніи отъ 12 марта 1891 г.), лица, отступившія отъ православія и присоединившіяся къ другому исповѣданію, не принадлежатъ къ сему послѣднему, а считаются православными. Положительные законы безусловно запрещаютъ всѣмъ числящимся въ господствующей греко-россійской церкви отступать отъ нея и принимать иную вѣру; такое отступленіе признается дѣяніемъ не только воспрещеннымъ, но и преступнымъ, которое никогда не можетъ сдѣлаться состояніемъ законнымъ, не покрывается никакою давностью, ни въ какомъ поколѣніи.

Русское Богатство, мартъ. Въ интересной статьѣ *Народно-хозяйственныя наброски*, проф. Карышевъ, пользуясь новѣйшими данными, подводитъ итоги тѣмъ громаднымъ суммамъ, до какихъ достигъ ипотечный банковый долгъ нашего частнаго землевладѣнія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, какъ мало воспользовался этотъ видъ землевладѣнія для улучшенія сельскаго хозяйства.

По существующимъ статистическимъ даннымъ, ипотечный долгъ частныхъ землевладѣльцевъ превышаетъ миллиардъ рублей, причемъ заложенными въ банкахъ оказывается болѣе $\frac{2}{3}$ площади принадлежащей имъ земли, а долгъ составляетъ болѣе половины оцѣнки заложенной земли. И насколько еще должны бы усилиться эти величины, еслибъ имѣлись данныя о всѣхъ другихъ видахъ кредита, обременя-

ющихъ частное землевладѣніе? Такова статика вопроса. Динамика же его выражается въ томъ, что указанная задолженность во времени имѣть постоянную и неуклонную тенденцію возрастать. Вотъ весьма характерныя данныя:

1865 г.	95	млн. руб.	= 100
1870 "	130	" "	= 140
1875 "	390	" "	= 411
1880 "	520	" "	= 547
1885 "	650	" "	= 684
1890 "	980	" "	= 1,035
1892 "	1,100	" "	= 1,158

Цифры эти ясно свидѣтельствуютъ, что нужды частнаго землевладѣнія въ кредитъ удовлетворяются весьма обильно, причемъ, не лишнее замѣтить, что и ранѣе онѣ удовлетворялись щедрою рукой. Еще при Елизаветѣ были учреждены *дворянскіе* банки въ Москвѣ и Петербургѣ, выдававшіе ссуды подъ залогъ крѣпостныхъ. Деньги этихъ банковъ были разобраны помѣщиками быстро, но возвращались весьма неисправно. Заемщики совсѣмъ почти не платили даже причитающихся процентовъ. Однако, продажъ имѣній недоимщиковъ не практиковалось. Изъ новѣйшихъ кредитныхъ операций одними выкупными платежами наши частныя владѣльцы получили такую сумму, которая приблизительно равняется для всей площади принадлежащихъ имъ земель оборотному капиталу, нужному для веденія высоко-интензивной плодосмѣнной системы хозяйства.

Имѣются ли, однако, какія-либо указанія на то, что суммы эти оказали какое-нибудь дѣйствительное вліяніе на подъемъ частно-владѣльческой агрикультуры? Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, — отвѣчаетъ авторъ статьи, — что такихъ указаній нѣтъ и быть не можетъ. Область трехполья сохранила свое трехполье, а область переложная — свои перелогі. Всѣ имѣющіяся до сихъ поръ массовыя описанія частно-владѣльческихъ хозяйствъ свидѣтельствуютъ о господствѣ въ нихъ рутины, о примѣненіи тѣхъ же способовъ и приемовъ обработки земли, которые утверждались въ разныхъ частяхъ восточно-европейской равнины еще въ тѣ времена, когда она только начинала подвергаться культурѣ. На встрѣчу этимъ приемамъ идетъ хищническая система сдачи земель въ наемъ, — та система, которая могла возникнуть только на почвѣ примитивной агрикультуры сдатчиковъ и крайней нужды въ землѣ съемщиковъ. Единичные случаи образцовыхъ хозяйствъ встрѣчаются, конечно, повсюду. Но это — тѣ немногія ласточки, которыя весны еще не дѣлаютъ. Да такія имѣнія, обыкновенно, и задолжены менѣе другихъ. Нашу особенность составляетъ именно та характерная черта, что обременены бываютъ банковыми долгами болѣе всего именно тѣ земли, на которыхъ ведется болѣе хищническая культура. У насъ ипотечный кредитъ — не средство подъема хозяйства, а способъ удовлетворенія заемщиками своихъ прихотей. Имѣніе закладывается чаще всего не для того, чтобъ имѣть деньги на производительное потребление, обѣщающее возвратъ капитала съ прибылью, а для того, чтобъ имѣть средства на простое, непроизводительное потребление.

Въ то время, какъ кредитъ частному землевладѣнію раздавался и раздается въ такомъ изобиліи, что, спрашивается, было сдѣлано въ области кредита для крестьянскихъ общинъ?

Въ дореформенное время, — отвѣчаетъ на этотъ вопросъ проф. Ка-

рышевъ,—то-есть когда частно-владѣльческій кредитъ существовалъ у насъ уже болѣе вѣка, для земледѣльской массы въ этомъ направленіи не было сдѣлано *ничего*. Меліоративный кредитъ у насъ отсутствовалъ и отсутствуетъ до сихъ поръ, а ссудо-сберегательныя товарищества играли и играютъ жалкую роль. И только съ основаніемъ *крестьянскаго поземельнаго банка* (1883) сдѣлана была первая попытка государственной помощи крестьянству въ дѣлѣ долгосрочнаго кредита. Хотя кредитъ этого банка и не могъ быть названъ дешевымъ ($7\frac{1}{2}$ — $8\frac{1}{2}$ %, противъ $5\frac{3}{4}$ — $5\frac{5}{8}$ %, въ дворянскомъ), хотя требованія „доплатъ“ ставить кліентовъ банка не рѣдко въ серьезныя затрудненія, тѣмъ не менѣе, съ основаніемъ этого учрежденія общинная масса могла получить хотя нѣкоторую возможность ипотечнаго кредита. Какими же цифрами выражается результатъ девятилѣтней дѣятельности банка? Совершенно ничтожными: къ 1 января 1893 года имѣется у крестьянъ купленной при его помощи земли всего 1.700,775 дес., для чего выдано въ ссуду 53,7 милл. рублей. Какъ далеки эти скромныя 50 милл., выданные на *производительное* потребление, отъ того фейерверка миллиардовъ, съ которымъ намъ приходилось имѣть дѣло до сихъ поръ! Насколько ничтожна эта площадь (1,7 милл. дес.) для крестьянства Россіи, можно легко понять изъ того, что она составляетъ лишь 1,3% всего пространства принадлежащихъ крестьянамъ земель.

Читатель согласится, что приведенныя данныя весьма характерны. На помощь $\frac{1}{2}$ милл. лицъ частныхъ владѣльцевъ съ 91 милл. дес. истрачены были миллиарды, а на помощь очень многихъ десятковъ милліоновъ крестьянъ съ 131 милл. дес. — 50 милл. рублей. При этомъ среди кліентовъ крестьянскаго банка имѣется менѣе всего тѣхъ, кто болѣе всѣхъ нуждается въ землѣ, и наоборотъ — дѣятельность банка характеризуется усиліями развивать и поддерживать деревенскую буржуазію, предоставляя массу населенія ея собственнымъ силамъ.

Землеводѣніе. Периодическое изданіе географическаго отдѣленія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Книжка I. Москва, 1894 г. Цѣна I книжки 2 р. 50 к. Мы охотно смѣемся надъ Простаковой, которая считаетъ излишнимъ обучать Митрофанушку географіи и, въ то же время, говоря по-совѣсти, должны сознаться, что сами плохо знаемъ географію. Правда, въ свое время каждый изъ насъ болѣе или менѣе усердно засорялъ свою голову долбнею какого-нибудь географическаго учебника, но въ результатъ такой долбни чаще всего не остается ничего другаго, кромѣ жалкихъ и безсвязныхъ обрывковъ. Къ стыду нашему, мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія не только о внѣросійскихъ странахъ, но даже и о своемъ собственномъ отечествѣ. Такое убожество нашихъ географическихъ познаній зависитъ не столько отъ отсутствія любознательности, сколько отъ крайней скудости русской географической литературы. Если начать съ картографіи, то нельзя не сознаться, что она является у насъ весьма жалкой. Мы не имѣемъ, напримѣръ, ни одного *научно обработаннаго* всемірнаго атласа на русскомъ языкѣ вродѣ атласовъ Stieler'a, Berghaus'a или новаго французскаго атласа, изданнаго Pouchette. Подробные атласы Россіи также оставляютъ еще желать весьма многого, и даже учебныя атласы, сравнительно, скудны, хотя за послѣднее время и замѣчается нѣкоторое улучшеніе въ этомъ отношеніи. Частное картографическое дѣло развито у насъ чрезвычайно слабо и поставлено крайне плохо. Географическія пособія наши болѣе чѣмъ скромны, сравнительно съ заграничными, равно какъ и

учебники, по разнообразію, изяществу и приспособленности къ разнымъ возрастамъ, значительно уступаютъ иностраннымъ. Мы до сихъ поръ еще не имѣемъ вполне обстоятельнаго и оригинальнаго общаго географическаго описанія нашего отечества и должны довольствоваться соотвѣтственными томами переводнаго сочиненія Э. Реклю, въ настоящее время значительно устарѣвашаго. У насъ нѣтъ достаточно подробныхъ справочныхъ книгъ по географіи, такъ какъ *Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи*, изданный Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ, при всѣхъ его достоинствахъ, все-таки, весьма неполонъ и теперь настолько устарѣлъ, что требуетъ полной переработки. Наконецъ, если не считать нѣсколькихъ специальныхъ русскихъ географическихъ изданій, мы не имѣемъ даже ни одного географическаго журнала, который позволялъ бы слѣдить за успѣхами землѣвѣдѣнія, и только съ 1890 года, по мысли, возбужденной проф. Анучинымъ на VIII съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ, Императорское русское географическое общество стало издавать *Ежегодникъ*, имѣющій цѣлью знакомить интересующихся отечествовѣдѣніемъ съ современнымъ положеніемъ и успѣхами изслѣдованія Россіи въ тѣхъ многоразличныхъ отношеніяхъ, изъ совокупности которыхъ складается ея географическое описаніе.

Въ настоящее время недавно организовавшееся въ Москвѣ при Императорскомъ обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи географическое отдѣленіе рѣшилось основать новый географическій журналъ и приступило къ изданію *Землѣвѣдѣнія*, имѣющаго выходить въ количествѣ четырехъ книжекъ въ годъ, размѣромъ въ 10—15 и болѣе листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и политипажей въ текстѣ. Цѣна годовому изданію шесть рублей съ пересылкой. Трудно сказать, какой характеръ приобрѣтетъ это изданіе впослѣдствіи, такъ какъ первая книжка *Землѣвѣдѣнія* мало опредѣляетъ его. Прежде всего, конечно, весьма важно знать, для чего и для кого предназначено это новое изданіе. „Одною изъ цѣлей дѣятельности, — говорится по этому поводу *отъ редакціи*, — открытаго при обществѣ любителей естествознанія географическаго отдѣленія было поставлено основаніе географическаго журнала. Отдѣленіе постановило именно: издавать болѣе крупныя труды, представленныя его сочленами, въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ *Трудовъ* in 4°, включая ихъ въ общую серію *Извѣстій*, издаваемыхъ обществомъ, и основать для менѣ крупныхъ статей и рефератовъ, доложенныхъ въ засѣданіяхъ отдѣленія, новый органъ in 8°, съ помѣщеніемъ въ немъ, по мѣрѣ возможности, географическихъ обзоровъ и библиографій, а равно протоколовъ засѣданій отдѣленія“. Очевидно, что, при такой постановкѣ дѣла, *Землѣвѣдѣніе* должно служить если и не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно интересамъ географическаго отдѣленія. Съ другой стороны, столь же очевидно, что дѣятельность отдѣленія должна быть весьма напряженной, чтобы дать необходимый матеріалъ для предположенныхъ изданій, на что, однако, едва ли можно разсчитывать, судя по дѣятельности нашихъ ученыхъ обществъ и даже самого географическаго отдѣленія, какъ это видно изъ протоколовъ засѣданій его, приложенныхъ къ первой книжкѣ *Землѣвѣдѣнія*. Но, допуская даже, что дѣятельность его разросется и недостатка въ матеріалѣ для его изданій не будетъ, то, все-таки, мы получимъ новое специальное періодическое изданіе, а не общепригодный журналъ, слѣдящій за успѣхами землѣвѣдѣнія и дающій своевременный отчетъ о нихъ. Другими словами, географичес-

оное отдѣленіе Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи не дастъ намъ именно того, чего недостаетъ въ нашей географической литературѣ.

Опасеніе это тѣмъ болѣе умѣстно, что первая книжка *Землеводія*, несмотря на свой значительный объемъ и довольно изящную вѣѣшность, мало поцолняетъ указанный недостатокъ. Правда, въ ней помѣщено нѣсколько весьма интересныхъ статей, каковы, наприм., *Очерки природы и населенія крайняго сѣверо-востока Сибири* И. Р. Шкеловскаго, *Заростающія и періодически исчезающія озера Обонезскаго края* Г. И. Куликовскаго, *Въ верховьяхъ Томи* Д. М. Головачева, *Горные группы и ледники центрального Кавказа* В. Г. Михайловскаго и др., но за то она почти ничего не даетъ для характеристики современныхъ успѣховъ землеводія и даже отечествоводія. Подборъ статей въ ней совершенно случаенъ и невольно заставляетъ думать, что редакція изданія далеко еще не уяснила себѣ тѣхъ задачъ и средствъ, которыя могутъ обезпечить его успѣхъ. Такія статьи, какъ, напримѣръ, *Конгрессы и выставки бывшіе въ Италіи и Испаніи осенью 1892 г., по случаю 400-лѣтняго юбилея открытія Америки*, гр. П. С. Уваровой, или *Отчетъ о бывшей лѣтомъ 1892 г. въ Москвѣ первой русской географической выставки* и др., едва ли заинтересуютъ большой кругъ читателей и во всякомъ случаѣ мало просвѣтлятъ ихъ въ познаніи современной географіи. Въ общемъ, первая книжка *Землеводія* производитъ впечатлѣніе не журнала съ опредѣленною программой, а какого-то географическаго сборника статей, случайно попавшихъ въ портфель редакціи.

Нельзя не пожелать, чтобы такая неопредѣленность была лишь временной и чтобы лица, руководящія изданіемъ *Землеводія*, повнимательнѣе отнеслись какъ къ его задачамъ, такъ и къ интересамъ публики, которая ждетъ отъ нихъ не случайнаго подбора болѣе или менѣе занимательныхъ статей географическаго содержанія, а систематическаго и серьезнаго удовлетворенія разностороннихъ запросовъ въ той области человѣческихъ знаній, какую принято называть географіей.

Книговѣдніе. Ежемѣсячный библиографическій журналъ, издаваемый московскимъ библиографическимъ кружкомъ. Москва, 1894 г. Книги 1, 2, 3 и 4. Подписная цѣна на годъ 6 р. съ перес. Около 3½ лѣтъ назадъ въ Москвѣ образовался, на основаніи утвержденного устава, „Библиографическій кружокъ“, составившій ближайшею своею задачей „составленіе и изданіе полнаго систематическаго каталога всѣхъ безъ исключенія русскихъ книгъ гражданской печати, т.-е. вышедшихъ въ свѣтъ съ 1708 года, а затѣмъ составленіе каталоговъ рукописей, періодическихъ изданій, церковныхъ книгъ и т. д.“ Въ настоящее время, кромѣ 11-ти почетныхъ членовъ, кружокъ имѣетъ 63 дѣйствительныхъ члена и 17 членовъ корреспондентовъ въ разныхъ городахъ и бібліотеку—около 7,000 томовъ. Въ 1892 г. „кружокъ“ издалъ *Очеркъ дѣятельности за время съ 4 октября 1890 г. по 1 января 1891 г.* Затѣмъ въ 1893 году имъ же изданъ *Списокъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, на 1893 годъ*. Съ января настоящаго года „Библиографическій кружокъ“ предпринялъ изданіе своего журнала. Общая цѣль послѣдняго въ редакціонномъ предисловіи къ первой книжкѣ объясняется желаніемъ, путемъ „обмѣна мыслями съ массою читающаго люда“, привлечь какъ наличныхъ провинціальныхъ дѣятелей, такъ и новыхъ къ совмѣстной библиографической работѣ, а также „вниманіе русской публики вообще сдѣлать болѣе интензивнымъ къ

судьбамъ русской библиографіи, чѣмъ это было доселѣ". Въ частности же журналъ обѣщаетъ заняться „обсужденіемъ всевозможныхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, касающихся библиографіи“; посвятить вниманіе исторіи и практикѣ библиотечнаго дѣла въ Россіи, описанію важнѣйшихъ книгохранилищъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ, текущимъ запросамъ и справочному матеріалу для библиотекъ и пользующихся ими; сверхъ того, въ программу новаго журнала включено также книжно-торгово-издательское и типографское дѣло.

Таковы въ общихъ чертахъ задачи, намѣченныя для себя редакціей. Въ первыхъ четырехъ книжкахъ, конечно, трудно было бы ожидать встрѣтить опредѣленное указаніе того, насколько журналу удастся достигнуть его цѣлей. Пока видно стремленіе къ изысканной вышности изданія и недостатокъ опыта въ чисто-технической сторонѣ журнальнаго издательства. Что касается содержанія вышедшихъ книжекъ, то нельзя не отмѣтить, что во многихъ отношеніяхъ оно заслуживаетъ общаго интереса и симпатіи. Такъ, на первомъ планѣ каждой книжки, совершенно разумно для библиографическаго журнала, помѣщается списокъ вновь вышедшихъ книгъ. Къ сожалѣнію, какъ это ни странно на первый взглядъ, оказывается, что у насъ въ Россіи „еще не скоро можно будетъ достигнуть идеальной полноты и свѣжести въ ежемѣсячныхъ свѣдѣніяхъ о вновь вышедшихъ книгахъ“. Поэтому, всѣ свѣдѣнія по этой части могутъ быть точными только приблизительно. Въ дѣлѣ классификаціи книгъ редакція *Книговеднія* выступаетъ съ особымъ, выработаннымъ ею планомъ, отличающимся отъ общепринятаго, хотя, правду сказать, въ этомъ отношеніи до сего времени едва ли можно было найти какое-либо единство. Сколько извѣстно, новый журналъ дѣлаетъ въ настоящемъ случаѣ первую попытку предложить строго обдуманную классификацію книгъ. Къ постояннымъ отдѣламъ изданія относится также весьма важный и близкій для всякаго образованнаго человѣка, интересующагося судьбами отечественной литературы и печати, именно: правительственныя распоряженія по дѣламъ печати, куда входятъ свѣдѣнія: о распоряженіяхъ министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ печати, о перемѣнахъ, происшедшихъ въ повременныхъ изданіяхъ, о вновь разрѣшенныхъ повременныхъ изданіяхъ и „опредѣленія“ ученаго комитета и особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Списки книгъ, одобренныхъ, рекомендованныхъ и допущенныхъ для приобрѣтенія въ разнаго рода школьныя библиотеки, имѣютъ для многихъ прямое практическое значеніе, тѣмъ болѣе, что они обыкновенно публикуются лишь въ мало доступныхъ циркулярахъ по учебнымъ округамъ. Со второй книжки въ журналѣ печатается подробное содержаніе цѣлаго ряда выдающихся ежемѣсячныхъ журналовъ за предъидущій мѣсяцъ, а также и сводъ рецензій, помѣщенныхъ за тотъ же мѣсяцъ какъ въ ежемѣсячныхъ журналахъ, такъ и въ важнѣйшихъ газетахъ. Оба эти списка, а въ особенности послѣдній, несомнѣнно, могутъ приносить несомнѣнную пользу для читателей.

Внѣ постоянныхъ отдѣловъ журнала имѣется рядъ статей по разнымъ вопросамъ, касающимся библиографіи и библиотекостроенія. Здѣсь необходимо упомянуть о статьѣ доктора исторіи Казанскаго университета Н. П. Лихачева: *Казанскій Вѣстникъ (исторія изданія и указатель содержанія)*. Статья эта, еще не оконченная, имѣетъ большой интересъ для исторіи нашей провинціальной умственной жизни. Съ 3-й книжки печатаются *Матеріалы для русской библиографіи, собранныя*

Н. Н. Бантышевъ-Каменскій, являющіеся первою систематическою библиографіей за XVIII в. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой мало извѣстной до сего времени работѣ, сообщаются въ той же 3-ей кн. Сергѣемъ Бѣдокуровымъ. Укажемъ также на появляющіеся впервые *Матеріалы для библиографическаго указателя по истіологіи, рыбоводству и рыболовству*, составленные секретаремъ кружка Я. Г. Квасковымъ (кн. 3). Заслуживаютъ еще вниманія: *Историческій очеркъ библиотеки московской духовной академіи* профессора И. Корсунскаго (кн. 1); *Библиотека Московскаго университета* М. Дубровскаго (кн. 3); *Русскіе писатели и писательницы, умершіе въ 1888 году*, Д. Д. Языкова, и т. д.

Общаго интереса заслуживаютъ также: *Алфавитный списокъ произведеній печати, которыя не допускаются къ обращенію въ публичныхъ библиотекъ* (кн. 1), и *Алфавитный каталогъ книгамъ на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи по 1 июня 1876 г.* (кн. 4). Послѣдній каталогъ сдѣлался въ послѣднее время почти библиографическою рѣдкостью и потому напечатаніе его нельзя не считать своевременнымъ, хотя изъ 423 номеровъ сочиненій, запрещенныхъ къ обращенію и перепечатанію въ 1876 г., въ настоящее время взглядъ правительства на нѣкоторыя изъ нихъ уже измѣнился. Укажемъ, наприм., на изданныя въ послѣднее время: *Кто виноватъ*, ром. А. И. Герцена, *Физиологія души* А. А. Герцена, *Окраины Россіи* Ю. Ф. Самарина, *Записки Е. Р. Дашковой*, также многія сочиненія Пушкина, Гоголя, Грибоѣдова, Кольцова, Лермонтова, Рылѣева и т. д.

Изъ всего сказаннаго видно, что журналъ *Книжовѣдніе*, по своему содержанію, можетъ имѣть не малый практическій интересъ для довольно многочисленнаго круга читателей, не говоря о тѣхъ изъ нихъ, которые по роду своихъ занятій поставлены болѣе или менѣе въ непосредственное соприкосновеніе съ книжнымъ дѣломъ. Въ подобныхъ справочныхъ изданіяхъ у насъ уже начинаетъ сказываться несомнѣнная нужда. Въ виду новости этого дѣла, мы не рѣшаемся, на первыхъ же шагахъ дѣятельности молодого журнала, особенно подчеркивать тѣ недостатки въ технической части, о которыхъ упоминали выше. Въ 3-й книжкѣ, напримѣръ, въ сводѣ рецензій, помѣщенныхъ въ февральскихъ номерахъ журналовъ и газетъ, пропущены рецензіи изъ февральской книжки *Русскаго Богатства*; въ отдѣлѣ „содержаніе выдающихся журналовъ“ не помѣщается содержаніе распространеннаго ежемѣсячнаго журнала *Книжки Недѣли* и игнорируются почти цѣликомъ всѣ дѣтскіе журналы. Каждая наиболѣе крупная статья, помѣщаемая въ нѣсколькихъ книгахъ *Книжовѣднія*, имѣетъ свою собственную послѣдовательную нумерацію, что производитъ практическое неудобство при отысканіи статьи по оглавленію. Подобныя статьи, предполагаемая, очевидно, для отдѣльнаго изданія, слѣдовало бы печатать въ приложеніяхъ, а основной текстъ затѣмъ нумеровать особо. Желательно также видѣть болѣе серьезно поставленнымъ отдѣлъ библиографическихъ замѣтокъ. Указанные недосмотры не важны и легко устранимы и мы не сомнѣваемся, что въ будущихъ книгахъ редакціи счумѣтъ ихъ избѣгать.

Многія части своей программы журналъ могъ бы съ большею пользою для читателей оживлять переводными статьями, касающимися характеристики библиотечнаго, книго-издательскаго и торговаго дѣла, а также и техники печатнаго дѣла за границей, гдѣ намъ есть чему поучиться во всѣхъ этихъ отношеніяхъ.

Во всякомъ случаѣ, желаемъ новому журналу полнаго успѣха.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 апрѣля по 1 мая 1894 г.

- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XIX. Изд. К. К. Бавза. Москва, 1894 г.
- Диккесъ, Чарльзъ.** Полное собраніе сочиненій. Въ 10 томахъ. Т. VII. Николай Никльби. Пер. М. Д. Николовой. Святочные рассказы. Пер. М. А. Шиммаревой. Изд. Ф. Павленкова. Ц. каждого тома 1 р. 50 к. Спб., 1894 г.
- Литвинова, Г. Ѳ. С. В.** Ковалевская. Ея жизнь и научная дѣятельность. Съ портретомъ Ковалевской. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 коп.
- Андерсенъ.** Собраніе сочиненій. Въ 4 томахъ. Перев. съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Т. I, вып. IV. Спб., 1894 г.
- Козловскій, Ѳ.** Учебникъ логики. Ч. I. Аналитическій выводъ главныхъ принциповъ логики на основаніи разбора образцовъ. Ц. 1 р. Ч. II. Сокращенное синтетическое изложеніе главныхъ принциповъ логики. Кіевъ, 1894 г.
- Протоколъ засѣданій сельско-хозяйственнаго отдѣленія Императорскаго казанскаго экономическаго общества.** Казань, 1894 г.
- Тизенгаузенъ, А. А.,** баронъ. Военно-статистическое обозрѣніе Британской монархіи. Спб., 1894 г.
- Брэмъ, А.** Жизнь животныхъ. Пер. со 2 нѣмецкаго изданія подъ редакціей д-ра зоологіи С. М. Переславцевой. Полут. I, вып. 10. Собаки. Одесса, 1894 г. Ц. 25 коп.
- Боткинъ, Я. А.** Причины и предупрежденіе помѣшательства. Изд. А. А. Карцева. Москва, 1894 г. Ц. 30 коп.
- Слезкинскій, А.** Бунтъ военныхъ поселеній въ хореру 1831 г. Новгородъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Земскій сборникъ Черниговской губерніи** 1893 г. ноябрь—декабрь. Изд. черниговской губерн. земской управы. Черниговъ, 1894 г.
- Безъръ, В. А.** Комментарій новыхъ провинціальныхъ учрежденій 12 іюля 1889 года. Часть I. Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и ихъ административный порядокъ дѣлопроизводства. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 75 коп.
- Киммельъ, Н.** Сочиненія о Россіи на иностранныхъ языкахъ. Антикварный каталогъ (Bibliotheca russica). Рига, 1894 г.
- Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи.** Т. XII. Роменскій уѣздъ. Изд. полтавской губернской земской управы. Полтава, 189 г.
- Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи.** Т. XV. Пирятинскій уѣздъ. Изд. полтавской губернской земской управы. Полтава, 1893 г.
- Докладная записка тобольской городской управы городской думѣ о продолженіи уральской желѣзной дороги до Тобольска.** Тобольскъ, 1894 г.
- Пергаментъ, О.** Исторія барометра и его примѣненій. 1643—1893 (по поводу 250-лѣтія его существованія). Одесса, 1894 г.
- Водовозова, Г.** Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Турки. Спб., 1894 г. Ц. 40 коп.
- Отчетъ харьковской общественной бібліотеки за седьмой годъ и протоколъ общаго собранія членовъ ея 12 декабря 1893 года.** Харьковъ, 1893 г.
- Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.** Отчетъ за 1892—1893 г. Спб., 1894 г.
- Глаголевъ, П.,** д-ръ. Лечение сифилиса сакскими минеральными грязями въ Крыму. Симферополь, 1892 г.

- Энгельсъ, Фридрихъ.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. Спб., 1894 г. Ц. 1 руб.
- Розенфельдъ, Л. В.** Эпидемія холеры въ 1892 году. Житомиръ, 1894 г. Ц. 80 коп.
- Анненская, А. Н.** Жоржъ-Зандъ. Ея жизнь и литературная дѣятельность, съ портретомъ Ж.-Зандъ. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Базуновъ, С. А. I. С. Бахъ.** Его жизнь и музыкальная дѣятельность. Съ портретомъ Баха и музыкальнымъ приложениемъ, состоящимъ изъ выбора его произведеній для фортепiano. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Георгиевскій, П. И.** Призывніе бѣдныхъ и благотворительность. Спб., 1894 г. Ц. 50 коп.
- Михеевъ, В. М.** Художникъ. Очерки и рассказы. Изд. Э. А. Куманина. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб.
- Селиванова, Е. Н.** Среди дѣтей. Рассказы изъ дѣтской жизни. Для дѣтей отъ 10 лѣтъ. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб.
- Шекспиръ, Вильямъ.** Отелло, мѣръ венеціанскій. Трагедія въ пяти актахъ. Переводъ и приуживеніе къ условіямъ современной сцены Алексѣя Месковскаго. Съ приложениемъ антикритики. Спб., 1894 г. Ц. 20 коп.
- Фудель, I., свяд.** Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ. Москва, 1894 г.
- Фудель, I., свяд.** Основы церковно-приходской жизни. Москва, 1894 г. Ц. 30 коп.
- Хинъ, Р. М.** Силуэты. Москва, 1894 г. Ц. 2 руб.
- Кальнингъ, И.** Комментарій къ четвертому изданію россійской фармакокеи. Съ предисловіемъ проф. ессора В. А. Тихомирова. Томъ второй, выпускъ двѣнадцатый. Москва, 1893 г.
- Ибсенъ, Генрихъ.** Привидѣнія. Драма въ трехъ актахъ. Перев. съ норвежскаго К. Вальмонта. Москва, 1894 г. Ц. 50 коп.
- Рыбкинъ, Н.** Прямолинейная тригонометрія. Вып. I. Изд. магазина „Сотрудникъ школъ“ А. К. Залявской. Москва, 1891 г. Ц. 60 коп.
- Зелинскій, В.** Критическій комментарий къ сочиненіямъ Э. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Ч. I. Изд. второе. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб.
- Владимировъ, П. В.** Слово о полку Игоревѣ. Вып. 1. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Гаврышъ, Ал. Закохана.** Поэма. Кіевъ, 1893 г. Ц. 5 коп.
- XXIX** очередное нижегородское уѣздное земское собраніе 6—11 октября 1893 г. и экстренныя собранія. Нижний-Новгородъ, 1894 г.
- Славнинъ, К.** Сборникъ арифметическихъ задачъ. Выпускъ I. Задачи на числа первой сотни. Ц. 15 к., съ пересылкой 20 к. Вып. II. Задачи на числа любой величины. Ц. 25 к., съ пересылкой 30 к. Пособіе для сельскихъ и другихъ начальныхъ школъ. Екатеринбургъ, 1894 г.
- Тезяковъ, Н. И.** Организация санитарнаго надзора надъ пришлыми сельско-хозяйственными рабочими въ Херсонской губерніи. Изд. Херсонской губернской земской управы. Херсонъ, 1894 г.
- Постоянная всемірная выставка въ г. Кіевѣ. Спб., 1894 г.
- Бажина, С. Н.** Эпидемія. Вып. 2-е изд. И. Э. Жиркова. Съ 8 рисунками. Москва, 1894 г. Ц. 3 коп.
- Каталогъ книжнаго склада М. М. Ледерле и К^о. Спб., 1894 г.
- Отчетъ совѣта общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи за 1893 годъ. Нижний-Новгородъ, 1894 г.
- Новый отечественный курортъ. По р. Днѣстру. — Историческое „Побережье“ Подолія. — М-ко Каменка. Одесса, 1894 г. Ц. 10 коп.
- Отчетъ о состояніи вологодской бесплатной библиотеки за время отъ ея основанія по 11 октября 1893 г. Вологда, 1894 г.
- Грейденбергъ, В. С.** Союзъ и словидѣнія. Симферополь, 1894 г.
- Материалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Вып. XXI. Спб., 1894 г.
- Кобель, Фонтъ, Францъ.** Таблицы для опредѣленія минераловъ помощью простыхъ испытаній сухимъ и мокрымъ путемъ. Пер. А. Лешъ. Русское изд. второе, К. Л. Риккера. Спб., 1894 г.
- Бракенгеймеръ, П.** Αλεξίου Κομνηνού ποίημα παρασιτικώνъ въ сравненіи съ русскими „Домостроемъ“. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Noorweg, J. L., д-ръ.** Медицинская электротехника и ея физическія основы. Пер. д-ръ мед. А. Самойловъ. Съ 77 рисунками въ текстѣ. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 20 коп.
- Волкова, Г.** Воляричъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и его время. Историческій очеркъ (1625—1682 г.). Изд. книжнаго склада А. М. Муриновой. Москва, 1894 г. Ц. 12 коп., на лучшей бумагѣ 20 коп.
- Смирновъ, А. П.** Метель. Рассказъ. Съ 6 рисунками. Изд. П. Э. Жаркова. Москва, 1894 г. Ц. 3 коп.
- Флеровъ, А. П.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка. Курсы сред-

- нихъ учебныхъ заведеній. Одесса, 1894 г. Ц. 50 коп.
- Флеровъ, А. П.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Одесса, 1894 г. Ц. 60 коп.
- Пантюховъ, Ив.** Курсъ начальной географіи. Родинодѣліе. Чернаговская губернія и Кролевецкій уѣздъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 коп.
- Гальперинъ-Каминскій, И. Д.** Общая польза авторскаго права. Съ приложеніемъ письма къ русской печати Эмilia Золя. Изд. книжнаго магазина А. Ф. Цивзерлянга. Сиб., 1894 г. Ц. 60 коп.
- Шапиро, В., д-ръ.** Учебникъ фармакологіи. Четвертое изданіе. Сиб., 1894 г. Ц. 2 руб.
- Какъ взростить ядороваго ребенка. Совѣты и практическія указанія молодымъ матерямъ. Изд. книжнаго магазина Д. Дмитріева и П. С. Фар—скаго. Москва, 1894 г. Ц. 25 к., съ пересылкой 30 коп.
- Опытъ культуры сельско-хозяйственныхъ растений на поляхъ орошенія г. Одессы. Одесса, 1893 г.
- Серебренниковъ, А. М.** Очеркъ нѣкоторыхъ сторонъ изъ жизни г. Иркутска въ первые три года по введеніи городского положенія 21 апрѣля 1785 г. Вып. I. Иркутскъ, 1894 г. Ц. 90 коп.
- Субботинъ, А. П.** Волга и волгари. Путевые очерки. Т. I. Верхняя Волга. Изд. редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“. Сиб., 1894 г. Ц. 1 руб.
- Вертенсонъ, I. В.** О врачебной тайнѣ съ точки зрѣнія требованія правосудія, администраціи и врачебной этики. Изд. К. Л. Риккера. Сиб., 1894 г.
- Соколовъ, В.** Пессимизмъ настоящаго, какъ элементъ обновленія въ будущемъ. Ярославль, 1894 г. Ц. 50 к.
- Отчетъ симбирской бесплатной народной библиотеки-читальни въ память И. А. Гончарова. Симбирскъ, 1894 г.
- Отчетъ за состояннето и дѣятельность на сухининскаго читальни „Трѣвенность“. За 1893 година. Севлиево, 1894.
- Николаевъ, Н.** Стихотворенія. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.
- Гескетъ, С.** Военныя дѣйствія въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 г. Подъ редакціей ген.-лейтенанта Пузыревскаго. Атласъ чертежей къ книгѣ „Военныя дѣйствія“. Съ 52 планами. Варшава, 1894 г.
- Временникъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ. Ч. I. Сиб., 1894 г.
- Bevel, Jacques.** Six semaines en Russie. Paris, 1893 г.
- Андерсенъ, Гансъ Христіанъ.** Мать. Сказка. На двадцати двухъ языкахъ. Съ портретомъ автора. Изд. П. Ганзель. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 к.
- Шеллеръ, А. К. (А. Михайловъ).** Полное собраніе сочиненій. Т. III. Сиб., 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

Стр.

- Беллетристика:** „Доброе дѣло“. Изд. „Посредника“.—„Силуэты“. Р. М. Хитъ.—„Художники“. В. М. Мухомова.—„Стихотворенія“ А. М. Федорова. 235
- Критика и публицистика:** „Критическій разбор романа *Отцы и дѣти* И. С. Тургенева“. В. Земинскаго.—„Критическіе разборы романа *Братья Карамазовы* Ф. М. Достоевскаго“. Его же.—„Основы церковно-приходской жизни“. Святи. Г. Фуделя.—„Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ“. Его же. 241
- Исторія литературы и біографіи:** „Исторія скандинавской литературы съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней“. Ф. В. Горна.—„Жизнь замѣчательныхъ людей“. Изд. Ф. Павленкова 243
- Путешествія:** „Доброволецъ *Петербургъ*“. О. Н. Южакова 246
- Искусство:** „Музыкальная хрестоматія“. Карасева.—„Иоганнъ Себастьянъ Бахъ и его значеніе въ музыкѣ“. С. Я. Камотина 247
- Политическая экономія и статистика:** „Etudes sur la question ouvrière en Suisse“, par Raoul Jay.—„Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста въ Московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ, Московской губ.“. И. П. Боголюбова.—„Начальное образованіе въ Полтавской губ.“. Ю. В. Яценвичъ.—„Кустари-кожевники Полтавской губ.“. Д-ра В. В. Святловскаго.—„Отхожіе промыслы“. Д. Н. Жбанкова 248
- Сельское хозяйство:** „Новые сохи, плуги и бороны“. Н. Катаева.—„Молочное хозяйство“. Д-ра Фокъ-Кытца.—„Тонкорунное овцеводство, его настоящее положеніе въ Россіи, причины упадка и мѣры къ его поддержанію“.—„Физиологія растений для садовниковъ“. Р. Зорауера.—„Опытъ культуры сельскохозяйственныхъ растений на поляхъ орошенія г. Одессы“.—„Лѣсоводственные орудія и инструменты“. М. Турскаго. 255
- Медицина:** „Врачебная тайна“. Д-ра Ю. Г. Мамисъ.—„О вліяніи нѣкоторыхъ ядовъ на сознаніе у человѣка“. Д-ра С. И. Данилло 257
- Учебники:** „Тарасъ Бульба“ Н. В. Гоголя“. С. Бураковскаго.—„Первоучка“. К. Сламина.—„Русскія прописи для учащихся въ городскихъ, начальныхъ и сельскихъ училищахъ“. М. Дитрова.—„Арифметика“. П. Никумцева.—„Сборникъ физическихъ задачъ“. Э. Жакъ.—„Арифметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ“. А. Ф. Комарова.—„Ключъ къ рѣшенію арифметическихъ задачъ на всѣ правила“. Н. В. Шаховскаго 259
- Книжки для народнаго чтенія:** Книжки по прикладнымъ знаніямъ 263

II. Периодическія изданія.

- „Вѣстникъ Европы“, апрѣль.—„Русское Богатство“, мартъ.—„Землеводѣніе“, кн. I.—„Книговѣдніе“, кн. I—IV. 267

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 апрѣля по 1 мая 1894 г.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевский переулокъ, 21) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

ВЪ ГЛАВНОМЪ СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ
„ПОСРЕДНИКА“

(Москва, у Страстного монастыря, магазинъ Конусова).

Поступили въ продажу слѣдующія книги: № 175. Плодовый садъ, разведеніе ж угодъ за нимъ. Съ 55 рисунками. Ц. 12 к. № 176. Праведный старецъ. Повѣсть. Ц. 6 к. № 152. Земля. Повѣсть И. Н. Потапенко. Ц. 12 к. № 156. Шпитонокъ. Разсказъ крест. С. Т. Семенова. Ц. 1½ к. № 169. I. Мветъ (По Гюи-де-Мопас-сану). II. Сидѣлка. (По Франсуа Коппе). Два разсказа. Ц. 1½ к.

А также новыя изданія книжекъ: № 25. Первый винокуръ. Л. Н. Толстого. Ц. 1½ к. № 106. Первое сраженіе. И. Щеглова. Ц. 3 к. № 107. Малыгъ ребя-тамъ, кн. II. Ц. 1½ к. № 74. Грѣхъ и безуміе пьянства. Ц. 1½ к. № 155. За-бытый рудникъ. В. Немировича-Данченко. Ц. 3 к.

Рукописи и письма по поводу изданій просятъ адресовать въ редакцію «Посредника»: Москва, Зубово, Долгій пер., д. Нюнина.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НАРОДНЫЯ ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ

Ж У Р Н А Л А

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

«Что такое подати и для чего ихъ со-бираютъ». 3-е изданіе. Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ: «Янко музыкантъ». Цѣна 1 коп.

Кромѣ того, продаются слѣдующія изданія редакціи журнала
— «РУССКАЯ МЫСЛЬ»:

«Разсказъ про смутное время на Руси». Цѣна 1½ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И.: «Счастье Ивана Не-помнящаго». Цѣна 5 коп.

Нороленко, В. Г.: «Убивецъ». Цѣна 1½ коп.

Складъ изданій въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мысль»
(Москва, Леонтьевскій, 21).

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 31 '86

SEP 24 2002
